

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

МНОГОРУКИЙ БОГ ДАЛАЙНА

СВЕТ В ОКОШКЕ

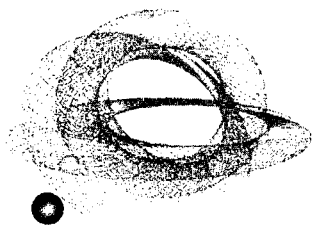

СВЯТОСЛАВ
ЛОГИНОВ

МНОГОРУКИЙ
БОГ ДАЛАЙМА

СВЕТ В ОКОШКЕ

**ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ**

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

МНОГОРУКИЙ
БОГ ДАЛАЙНА

СВЕТ В ОКОШКЕ

Эксмо, Москва
2004

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

- Л 69 **Логинов С. В.**
Многорукий бог Далайна. Свет в окошке: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 640 с. — (Шедевры отечественной фантастики).

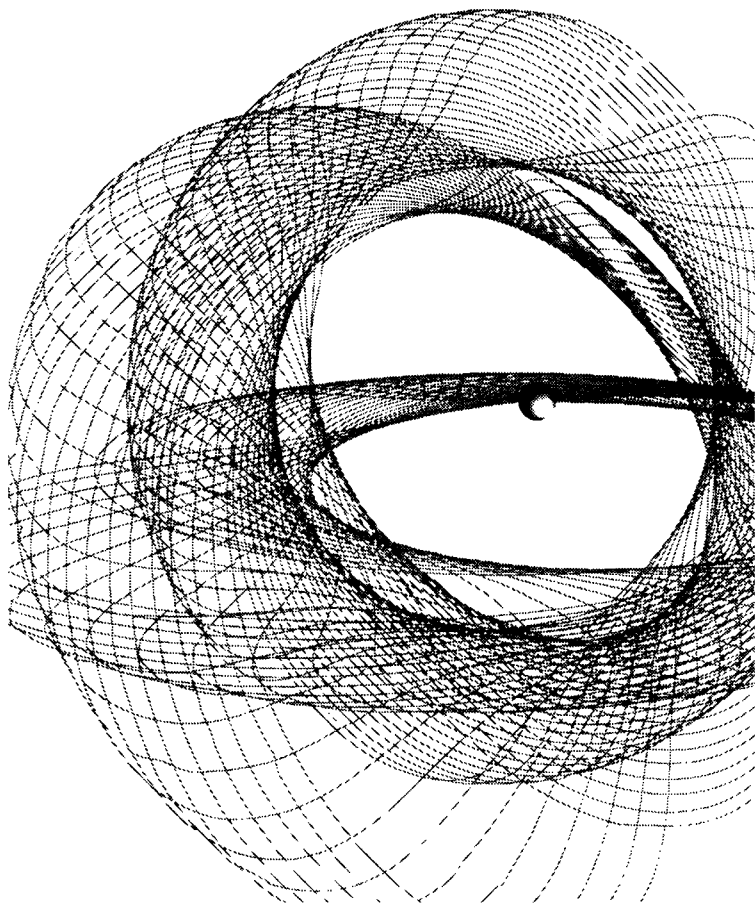
ISBN 5-699-06117-7

В эту книгу вошли два романа замечательного мастера отечественной фантастики Святослава Логинова. Они крайне не похожи друг на друга, но их объединяют редкое качество текста и оригинальность сюжетных ходов. «Многорукий бог Далайна» принес своему автору три престижные литературные награды — «Интерпресскон», «Фанкон» и «Беляевскую премию», а «Свет в окошке» стал лауреатом премий «Российская фантастика», «Странник» и «Роскон».

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

СВЕТ В ОКОШКЕ

РОМАН

*Не печалься, друг сердечный:
Цепь забвенья — бесконечна,
Ты не первое звено.
Ты ведь тоже забываешь,
Забываешь, забываешь —
Будто якорь опускаешь
На таинственное дно.*

Вадим Шефнер

ПРОЛОГ

Шаг и ещё шаг... так шагаешь, как на прогулке, и палочка нужна больше для порядка, словно стек для лондонского денди. И ещё шаг... а бок почти не болит, так, понаивает слегка.

Хороший и тёплый вечер начала сентября. Самое любимое время года. Народ на улице гуляет, и я гуляю, а вовсе никуда не ухожу. Я же пешком иду, шаг за шагом, никуда не торопясь. В самом деле, куда мне торопиться? Туда опоздавших не бывает.

А идти-то далеко — часа три хорошего хода. Жаль, что ход у меня теперь нехороший, боюсь, что и вовсе не дойду. Ну, тогда таксомотор остановлю или частника, их сейчас много калымит... Что за слово исламское — «калым»? Неужто все эти шоферюги собираются жениться на восточных красавицах и копят на выводное? Половина давно женаты, а всё равно калымят. Зато с такси проблем больше нет, только подними руку — любая легковушка остановится: тебе куда, отец? Куда, куда... на Кудыкину гору. А не знаешь дороги — вези прямо в морг.

Шаг и ещё шаг... и ещё длинный мучительный шаг. Боль ввинтилась в правый бок, прошла по рёбрам, отдала в руку. И сразу понадобилась палка, а то ослабевшие ноги не удержали бы его, и осел бы Илья Ильич прямо посреди тротуара. «Осёл осел... нечего было дураку выпендриваться... вздумал удаль показывать. Перед кем? Ну, ничего, главное до скамейки добраться, а там отсижусь».

Шаг и ещё шаг... Вот и скамейка. А боль, как назло, утихомирилась и вновь безмятежно понаивает в правом боку.

Сел.

Немного отдышаться, и можно дальше ковылять. Только сначала — отдышаться...

Навстречу пешеход — тоже ходок хоть куда. Ноги враскорячку и при каждом шаге норовят подогнуться. Не понять — он свою коляску катит или она его тянет за собой. Но друг без друга они двигаться явно не смогли бы. Гордая мама вышагивает позади, любитесь самостоятельным сыном. «Сколько же тебе времечка, коллега, — годик уже стукнул или ещё покуда нет? Но ходим мы с тобой на равных, только у тебя всё впереди, а у меня уже за плечами».

Малыш замер, приоткрыв рот с единственным проклюнувшимся зубом, уставился на лицо Ильи Ильича. Вот уж есть чему удивляться — сидит дедушка, весь серый, в морщинах... руки трясутся. На такого и взглянуть страшно. Кошей Бессмертный, вот он кто... А вернее — смертный Кошей.

Через силу и сквозь всколыхнувшуюся боль Илья Ильич выдавил улыбку. И мальчишка немедленно засиял в ответ своим зубом, заулыбался, как умеют улыбаться только младенцы, лишь недавно начавшие осваивать это непростое искусство. От усердия его даже качнуло, и коляска немедля поехала вперёд, увлекая косолапого водителя. Переступая широко и развалисто, он всё же обернулся и на прощание одарил Илью Ильича новой восторженной улыбкой. Мама простествовала следом, не покосив и взглядом в сторону сидящего старика.

«Сейчас отдышусь и пойду дальше.

Какое пойду — пошаркаю. Вон на асфальте буквы — каждая вдвое против моего шага — аэрозольным баллончиком нарисованы. Весь город перемазали, сволочи. Раньше бы за такое мигом в кутузку загребели, художники, раздрабадан их так... Что там написано-то?

«Анюта, любимая, спасибо!»

Господи, да ведь я напротив роддома сию, это какой-то счастливый папаша расстарался аршинными буквами! Тогда, конечно, такое по-человечески понимать нужно. Вон ещё один куролесит под окнами, ишь, как выкаблучивает... и в руке — сотовый телефон. Это он что, серенаду никак по телефону поёт? И верно, поёт. А жена небось у окошка стоит, тоже с телефоном, слушает и вниз смотрит, как суженый на радостях джигу выплясывает. Или что они сейчас пляшут — ламбаду, что ли?

А вообще — странный народ. Им теперь карманный телефон весь мир заменяет. Я, помню, когда Илюшка родился, на третий этаж по водосточной трубе полез. Милиция снимала. А тоже в отделение не забрали, люди и тогда с понятием были.

Вот оно как вышло с Илюшкой-то. Я Илья Ильич, и он Илья Ильич. И все в роду, как говорил отец, тоже Ильи Ильичи... были. Не вернулся самый младший Илья из далёкой африканской страны Анголы. Чуть не тридцать лет уже, а вспоминается каждый день. «Родина не забудет вашего сына» — так, что ли, говорил военкоматский майор в тот недобрый день. И верно, не забыла. Пенсию платят не только свою, но и за потерю кормильца. А потерю единственного сына чем возместить? Сказали — несчастный случай, с кем не бывает, мог и у самого дома под машину угодить». О том, что в Анголе идёт война, в ту пору люди если и знали, то лишь из вражеских голосов, и потому беда приходила в дома особенно неожиданно.

Встал со скамейки, качнулся к краю тротуара, поднял руку. Машина, как и предвидел, немедля остановилась. Это мордоворота ещё не всякий посадит, некоторые боятся, а старика почему не подкинуть?

— Куда, отец?

— В Лахту.

Присвистнул, оглядел костюм, сшитый четверть века назад.

— Далековато... За сороковник довезу.

Надо же, по-божески... Туда не меньше полтины должно быть.

Поехали.

«Жигулёнок» вывернул на Приморский проспект, слева за лентой Большой Невки желтели клёны Елагина острова. Мысль о том, что зелёными он их больше не увидит, казалась совершенно нереальной.

— Тут куда?

— Налево. Вон, у подъезда останови.

Подкатил с лихостью к самым ступенькам. Наклонил голову, вывеску читает: «Хоспис» — ага, понял! Вишь как в лице переменился.

Илья Ильич достал сотенную бумажку — Родина не забывает тех, чьих сыновей она угробила, — протянул водиле.

— А других нет? У меня сдачи не наберётся...

— Бери так. Выпьешь за... здоровье.

Газанул, словно боится, что отнимут заработанное.

Теперь — подняться по ступенькам.

Сёстры в хосписе либо деловитые старушки, либо молодые девчонки, бледные до прозрачности, словно это они помирать собрались. Половина — иностранки, своих умирающих им, видать, не хватает, сюда приехали заботиться. Заботиться о живых нужно, а помереть можно и без комфорта. Захлопотали вокруг — как же, беглец вернулся! — в палату отвели, уложили, укольчик сделали, в самую пору, а то под рёбрами снова начало грызть. Длинноносая девица уселась рядом, заговорила о божественном. Гневно рыкнул в ответ, помянул мракобесие... — отвязалась, они тут все деликатные. А книжонку в изголовье оставила. Почему-то у этих иностранцев даже Евангелие худосочное, тонюсенькое и в бумажной обложке. Не чета православному. И перевод у них скверный, знакомых слов не узнать.

Отбросил книжонку, закрыл глаза. Укол подействовал, начало клонить в сон.

Глаза открылись сами, словно толкнул кто изнутри. Рядом суетился врач, две сестры в белых, куколом торчащих козырьках. Слух резануло слово «адреналин».

«Не надо адреналина! У меня сердце как мотор, за всю жизнь ни одного перебоя».

Хотел отказаться от инъекции и не смог, губы не шевельнулись. «Неужели конец? Вроде бы с утра получше было, а сейчас так и боли нет. И не страшно ни чуточки, всё как не со мной».

Сестра подаёт доктору шприц. Накрахмаленный куколь на голове похож на ресторанный салфетку. Надо же, о какой ерунде в такую минуту думается... Нужно итоги подводить, жизнь вспоминать, жену, сына, себя самого...

Первое воспоминание — ему два года с небольшим, он в гостях у тёти Саши. Тётя Саша — вовсе не его тётка, а бабушка. Никто ещё не знает, что через месяц древняя старуха не проснётся поутру. О тёте Саше ему рассказали потом, а сам он помнит кружевную салфетку на комодике и семь желтоватых слоников на ней. Слоники нагружены счастьем, они несут удачу своему хозяину. Магически звучащие слова: «Настоящая слоновая кость»... А следом вспоминается широчайшая улыбка сегодняшнего мальчугана. Искра первого зуба на ро-

зовой десне... Господи, ведь между этими воспоминаниями — вся жизнь. Другой не будет, и уже ничего не переделаешь.

В голове шум, словно две большие раковины прижали к ушам. Голоса доносятся сквозь плеск кажущегося моря. Головы не повернуть, даже глазом и то не покосить. Где-то на периферии зрения колышется серая занавеска, гасит белый день, и вскоре лишь светлое пятно остаётся перед глазами, обращаясь в бесконечную трубу, в дальнем конце которой видно сияние. И он падает в эту трубу, навстречу свету. «Ну, этот оптический обман мне знаком, даже сейчас поповские бредни не привлекают...» Тела нет, один слух ещё не отказал. В соседней палате включено радио, Русланова поёт: «Ленты-бантики, ленты-бантики!..» — надо же такое придумать — путешествие на тот свет под руслановские взвизги.

«Ленты в узлы вяжутся!..»

ГЛАВА 1

«Настоящая слоновая кость» — эти слова были первым, что осознал Илья Ильич, открывши глаза. Никто не произносил странной фразы, она прозвучала как отголосок недавних событий.

Кругом было пустое место. Что-то вроде равнины без единого ориентира на ней. Но даже субстанцию под собой определить не удавалось. Была там какая-то опора, но и только. И ещё оставалось отчётливое воспоминание о меркнушем сознании, словно в сон проваливаешься, и вид потолка в больничной палате, который замирающему взгляду начинает казаться светом в конце воображаемого туннеля.

Короче, Илья Ильич совершенно точно помнил и понимал, что он умер.

Значит, тот свет... Вот уж чего не ждал, да и не больно хотел. Для бреда — слишком осязаемо, для реальности — слишком пусто. Значит, таки действительно тот свет.

Мысль новая и неприятная, так что её пришлось повторить дважды.

Ладно, философию пока оставим, пойдём смотреть, как тут мертвецы живут.

Илья Ильич завозился, с трудом поднялся и тут же провалился чуть не по колено. То, что теперь было под ногами, не желало удерживать тяжёлое и слишком материальное тело.

Выбрался из ямы, укрепился на ногах, оглядел себя со вниманием, благо что серый свет позволял это сделать. Был Илья Ильич гол и бос, кроме собственного тела, единственным предметом, претендовавшим на реальность, оказался кожаный мешочек со шнурком, висящий на шее и заметно тяжёлый на ощупь.

«Ксивник», — вспомнил Илья Ильич словечко из молодёжного жаргона. Или педерасточка? Должно быть, там доку-

менты... свидетельство о смерти, или что там должно быть у новопреставленного?

В ксивнике оказались деньги, или, во всяком случае, что-то крайне на них похожее. В одном отделении — весомые монетки, размером напоминающие двадчатки советского чека-на, во втором — какая-то мелочовка вроде постденоминационных российских копеек. Никаких надписей на монетах не было, лишь абстрактный рисунок, слегка напоминающий древние пиктограммы. Илья Ильич пожал плечами и затянул шнурок. Считать монеты он не стал, в первые минуты загробной жизни найдутся более увлекательные дела, даже если кругом нет ничего, кроме этих самых монет. К тому же неясно, что означает такая копейка — много это или мало и на что её можно употребить. Но если это и впрямь деньги, то о загробной жизни можно заранее сделать далекоидущие и не слишком лестные выводы.

Сам Илья Ильич практически не изменился: прежнее исхудавшее тело, длинный, не вполне заживший шрам на животе — след запоздалой и бесполезной операции. Вот только ноющая боль в боку исчезла. Не затаилась, готовая наброситься с новой силой, а пропала напрочь. Оно и неудивительно, странно было бы после смерти страдать от опухоли, что свела тебя в могилу.

«Интересно, — подумал Илья Ильич, — сколько прошло времени в реальности? Меня уже похоронили? Когда люди оказываются здесь: на девятый день или на сороковой? И если это действительно потусторонний мир, то где все остальные? Куда, в конце концов, мне идти? — Рука встряхнула кошель. — Взносы вступительные — кому платить?»

Ответа не было. Илья Ильич, вздохнув, выдрал ногу из непрочной субстанции и сделал первый шаг. Ступню немедленно засосало по самую шиколотку, словно в раскисшей просёлочной глине.

«Не потонуть бы...» — опрометчиво подумал Илья Ильич, сроду на серьёзных болотах не бывавший и слабо представляющий себе эту процедуру. Он вообразил, как медленно погружается в безвидное небытие, расстилающееся кругом, и его произвольно передёрнуло.

Что за чушь! Может, он ещё не вполне умер и это просто очередной предсмертный синдром, безумно реалистичный и жестокий? Неужто такое видится каждому умирающему? Лю-

ди топнут в бесцветном и бессветном киселе, ещё надеясь каждый на своё: один на колдующих у постели терапевтов, другой на доброго боженьку, который выволочет его из этого чистилища. Во всяком случае, на ад окружающее не слишком походит... на тот ад, которым пугают суеверные старушки.

Сделал шаг и второй... совсем как за час до смерти, только не болит ничегошеньки. Значит, и у мертвеца есть свои преимущества.

То, что было внизу, не липло к ногам и худо-бедно держало на плаву. Хотя идти толком не удавалось.

— Овсянка, сэр! — прокомментировал Илья Ильич.

В следующее мгновение абсурд творящегося безобразия наконец коснулся его разума. Ведь он умер! Умер на самом деле и даже помнит свою смерть! Происходящее слишком подробно, чтобы быть бредом. На бред можно списать овсянку под ногами, пустоту и беззвучие. Но кошель, полный незнакомых монет, не вписывался в гипотезу о последних видениях умирающего мозга. Он был слишком самодостаточен, раздут и тяжёл. Шёлковый шнурок, на котором висел мешочек, ощутимо резал шею.

Но если это пусть потусторонняя, но реальность, то где люди, что попали сюда прежде него? Илья Ильич задохнулся, ушибленный безумной мыслью... Ведь здесь должны быть погибший в Анголе Илюшка и Люда, так и не оправившаяся после проклятой похоронки. Целый год она ждала, надеясь, что случилась какая-то нелепость, что в гробу, который им не позволили открыть, кто-то другой, а сын вернётся. Исхудала, мучилась бессонницей и нервными расстройствами. Мужа по имени называть не могла и вздрагивала, если слышала это имя от других. А потом, выбрав время, когда Илья Ильич был послан в командировку, приняла двухнедельную норму гексобарбитала и больше не проснулась.

За тридцать лет он привык жить один и даже перед смертью не вспомнил толком об умершей полжизни назад жене. А теперь что, он, получается, может встретить жену и сына? Он — глубокий старик, а они неужто остались молодыми? Или, быть может, изменились до неузнаваемости... Что здесь происходит с людьми? Что вообще может стать с человеком после смерти? Легко тому, кто собственную мысль заменяет библейскими сказками, он верит, что быть ему в раю (почему-то никто из религиозных граждан в ад не собирается и ми-

лосердие господне распространяет на любые свои грехи). Конечно, попавши сюда, они будут вопиять, но удивятся лишь жестокости своего бога. Хотя кто сказал, что они попадут сюда? Илья Ильич поёжился, ощутив мурашки по всему обнажённому телу. Ведь тут никого нет... а что, если каждый получает по вере своей? Одни тешатся с гуриями, другие голосят осанну, а он, не верящий ни во что, ворочается среди чистой абстракции, не зная ни времени, ни места, ни своей судьбы.

Вот только при чём тут кошелёк? В деньги он верил ещё меньше, чем в бога. Зарабатывал, конечно, но не поклонялся. Странно всё это.

Илья Ильич выпрямился, даже постарался на цыпочки привстать, сколько позволила каша, стелющаяся понизу. Нет, ничего не видно, горизонт съеден бледноватой дымкой. Если тут есть люди, то они где-то далеко.

— Э-ге-ге!.. — закричал Илья Ильич, сложив ладони ру-пором. — Есть тут кто?!

Звук надёжно утонул в окружающей недвижности.

— Главное — без паники! — заговорил Илья Ильич вслух. — Собственно говоря, чего мне пугаться? Я и так умер, и хуже, чем есть, уже не станет. Это живым бывает страшно, а мёртвому всё должно быть пофигу.

Разумные слова не успокаивали. Раздетый человек на голой земле под обнажённым небом. И даже не на земле, да и небо ли там, над головой?.. Хотелось спрятаться, зарыться... Илья Ильич понимал, что скоро возжаждет Страшного суда и грядущих мук, лишь бы избавиться от неопределённости. К горлу подкатывала безнадёжная истерика. Сколько времени он провёл тут? Вряд ли больше получаса, просто чувство времени погасло, уничтоженное окрестной безликостью. Там, где ничего не происходит, — времени нет. Можно идти, можно сидеть или лежать, всё равно с места не сдвинешься, вечно оставаясь в центре белёсой равнины. Вот сколько он тащится куда глаза глядят? Да нисколько не тащится, всего-то десяток шагов сделал — вряд ли больше. А ориентировку потерять успел. Тут трёх сосен нету и заплутать куда как просто. Может быть, на этих десяти шагах он три полных круга очертил. Была бы хоть какая точка отсчёта... А лучше — две точки, по ним направление задать можно.

— Дайте мне кочку опоры, и я переверну мир, — пробормотал Илья Ильич.

Снял с шеи тугую мошну, вылушил на свет копеечку, осторожно, стараясь не утопить в киселе, положил на серое. Он был готов, что монетка провалится сквозь опору или немедленно затеряется, скрывшись из глаз, но ничего такого не случилось. Хотя, если отойти чуть в сторону, серебристая искорка, конечно, станет не видна. И всё же это лучше, чем ничего.

Вот так, главное — заняться делом, и истерики как не бывало.

— Эх, — произнёс Илья Ильич вслух, — этак я все деньги растеряю, а кто знает, для чего они тут служат?.. И вообще, ориентирчик не из лучших. Была бы вешка...

Казалось бы, ничего не изменилось кругом, не шелохнулось, не мигнуло, но вместо серебринки перед изумлённым Ильёй Ильичом образовалась торчащая из серой субстанции деревянная рейка.

— А монетка-то у нас непростая, — констатировал Илья Ильич, осторожно вытягивая вешку.

Рейка была как рейка, занозистая палка метра полтора длиной, явно из лесопильных отходов. С одного края уцелел кусочек коры, так что без труда можно было определить, что спилена сосна совсем недавно.

Илья Ильич осторожно втянул ноздрями смолистый запах и сказал:

— Живём!

Странно звучит это слово в устах человека умершего, но другого не найти, когда среди бескачественного, кисельного небытия дистиллированный воздух прорезает терпкий сосновый аромат.

Теперь Илья Ильич смотрел на раздутый кошель без прежнего сарказма. Деньги, которые умеют такое, вызывают уважение даже у самого законченного бессребреника. И дело не в том, что у него теперь есть вешка. Главное, что в мире, лишённом качеств, объявились запах смолы и шероховатость неструганой древесины.

— А ещё можно? — спросил Илья Ильич, выкладывая вторую копейку.

Вешка появилась немедленно, похожая на первую, но без коры и с заметной выбоинкой там, где вывалился кусок сучка. Без сомнения, это были самые натуральные вешки, совер-

шенно такие, какими Илья Ильич размечал будущую трассу, когда в молодости работал топографом на строительстве шоссе.

Вторую вешку Илья Ильич оставил торчать там, где она возникла, чтобы в окружающем безобразии оставался у него хотя бы один ориентир. Отсчитал десяток шагов, оглянулся. Вешка была видна хорошо, но уже можно заключить, что вскоре она затеряется в мареве. Одно свойство мира было найдено, но оно явно не обещало никаких перспектив. Ну, утыкает он рейками окружающее безобразие, уютнее от этого станет или люди появятся? Человек — животное общественное, и Илье Ильичу было бы сейчас легче среди кипящей серы, но в хорошей компании.

Может быть, это всё-таки бред? Илья Ильич ткнул кулаком в правое подреберье, заранее ожидая вспышки боли. Ничего... то есть совсем ничего, печень как у двадцатилетнего. Если это ад, то какой-то странный. В аду мучения уменьшаться не должны.

Илья Ильич отсчитал ещё четыре десятка шагов, воткнул второй колышек и присел рядом.

— Кто теперь скажет, что у меня ни кола, ни двора? Кол есть, и двор кругом необозримый...

Шутка не веселила. Первый шок уже прошёл, проходило и оживление, вызванное исследованием окружающей... не действительности даже, а скорее — кажимости. Наступала реакция. Чувства были утомлены отсутствием красок, звуков, тактильных ощущений. Если бы не рейки, торчащие одна под боком, а вторая вдали, впору было бы взбеситься от окружающей пустоты.

— Вот что, — сказал себе Илья Ильич, — я ложусь спать, а там посмотрим, чем всё кончится. В бреду, насколько мне известно, спать ни у кого не получается. Иначе это будет не бред, а сон.

Спать и впрямь не получалось. Не отпускало нехорошее чувство, что, покуда он будет валяться сонным, серая пелена засосёт его и он уже не сможет выбраться даже в это жалкое существование. Не исключено, впрочем, что и впрямь почивающий вечным сном сном преходящим забыться не может.

Промаявшись минут десять, а быть может, и полвечности, ибо время тут не двигалось, Илья Ильич завозился на тепловатом ничто и запел нарочито фальшиво:

— Почивай в сладком сне, рай приснится тебе!..

А может, он и впрямь в раю? Чем-то окружающая вата напоминает облака, какими он представлял их в детстве... Ещё немножко, и он отыщет какой-нибудь престол и Саваофа, восседающего на нём в окружении ангелов. Хотя, будь так, его бы давно приволокли на Страшный суд и свергли в преисподнюю. И уж ни в коем случае не снабжали бы деньгами на дорогу.

Теперь Илья Ильич, насколько позволяло скудное освещение, рассматривал самого себя. Он не любил своего тела, за последние тридцать лет оно стало неприятным: дряблым, нездорового мыльного цвета. Оно слишком часто отказывалось ему служить, а последние пару лет мучило непрестанными болями. И теперь ничего не изменилось, только нытьё в правом подреберье исчезло и тугой чужеродный ком куда-то рассосался. И то деньги, как говаривали лет сорок назад.

И вновь мысли, движущиеся по кругу, обратились к деньгам, на которые здесь было можно покупать сосновые рейки. Илья Ильич достал третью копеечку, спросил, словно у живого существа:

— А одежонку, какую ни на есть, ты сделать можешь?

Положил монетку под ноги, подождал с минуту, вздохнул:

— Не получилось... буду покамест изображать нудиста.

Отыскал взглядом дальнюю вешку, покачал головой — потеряется палочка, как пить дать, — но вытаскивать её не стал, решив оставить метку неподалёку от места своей высадки. Похлопал ладонями по бокам, словно намеревался карманы найти на голом теле, выдернул вторую рейку и пошёл, стараясь никуда не сворачивать, хотя и знал, что в этой пустоте неизбежно начнёт давать кругляя.

На этот раз он считал шаги, загибая палец левой руки на каждый десятый шаг. Когда левая рука оказывалась зажата в кулак, а затем вновь растопырена в пятерню, — загибался палец правой руки.

Оставленная вешка быстро скрылась из глаз, вокруг тянулась пустая равнина. Лимбо! Больше всего это напоминало первый круг дантовского ада.

— Значит, так и буду блуждать, — сказал Илья Ильич, поудобнее перехватывая палку.

Он уже привычно разговаривал сам с собой, тем более что за последние годы ему частенько приходилось сидеть одному

и беседовать сам-друг. Родных нет, во всяком случае — близких родных. Как там говорят на похоронах? Родные и близкие... Конечно, у Ильи Ильича оставались какие-то двоюродные и внучатые племянники, с которыми он в жизни не встречался. Сейчас их небось подняли по тревоге, и они озабочены похоронами. Поди ведь в крематорий стащат... Илья Ильич, достигнув определённого возраста, начал спокойно относиться к предположению, что когда-то придётся помирать, но мысль о крематории была ему неприятна. Хотя и кладбище тоже... — «добыча гробовых гостей», — стихи Бодлера казались сейчас особенно неуместными.

...Интересно, что будет с его библиотекой? Поделят, наверное, или распродадут. Кому сейчас нужны старые книги? Денег он наследникам не скопил, едва на поминки хватит, мебель и прочее барахло можно не глядя на помойку стаскивать. Только и есть что библиотека. И ещё квартира, конечно, хорошая, трёхкомнатная, в сталинском доме. А он последние бесплодные годы в ней один жил... Нет, была, конечно, Любаша, но она так и не переехала к нему, только иногда приходила ночевать, да в отпуск они старались ездить вместе. Самостоятельная женщина...

Любаша умерла уже десять лет как, и он нечасто вспоминал её. Чем можно вспоминать женщину, совместная жизнь с которой так и не сложилась? Как вместе спали? В восемьдесят лет такое вспоминать уже неинтересно. Вот и получается, что прожил жизнь один. Были бы внуки, была бы цель в жизни, а Илюшка вот оплошал в проклятой Африке.

Илья Ильич остановился, прищурившись, вгляделся в смутную даль. Что-то там было. Словно белое летнее облачко среди хмарых ноябрьских туч, оно не имело определённой формы, но выделялось чистым цветом, какого не встретишь поздней осенью.

Выдёргивая ноги из мягкой пустоты, Илья Ильич заспешил вперёд. Сразу стало тяжело идти, все восемьдесят прожитых лет вселились в дрожащие колени и грудь, которой не хватало воздуха.

«Куда бегу? — подумал Илья Ильич. — Если я помер, так впереди всё равно вечность, успею куда угодно. А если жив, то и побережь себя надо...»

Белое приближалось. Уже можно было различить человеческие фигуры, странно неподвижные, а рядом не строения

даже, а скорее декорации. Да, больше всего это напоминало именно старые декорации. Колонны, дорические или ионические — кто их разберёт? — торчали ввысь, ничего не подпирая, белые неживые деревья напоминали фикусы из цветочного магазина, и человеческие фигуры казались алебастровыми статуями. Впрочем, нет, не человеческие... Это были ангелы! За спиной у каждого топорщились декоративные лебедячьи крылья. Всё это до идиотизма напоминало придуманный им полчаса назад бред.

Под ногами наконец-то появилось твёрдое, что-то вроде брусчатки, Илья Ильич от неожиданности споткнулся и едва не упал. Выручила рейка, намертво зажатая в кулаке.

Сомнений не оставалось — перед ним был рай! Вернее, искусно выполненный макет рая размером, вероятно, чуть более полгектара. Тутовник вперемешку с яблонями, коленкоровые цветы на клумбах, дурацкие колонны и ангельские чучела с пальмовыми ветвями, арфами и обоюдоострыми тевтонскими мечами, зажатые в кулаке. В самом центре этого садика Илья Ильич, как и ожидалось, сыскал облако с резным креслом на верхушке и восседающего на этом кресле господина. Так же, как и всё окружающее, господь был бел и ненатурален.

Оскальзываясь и помогая себе рейкой, Илья Ильич вскарабкался на облако, приблизился к макету вседержителя, ухватил за ухо. На святотатство никто не отреагировал. Вернее, отреагировало ухо, оно отломилось, вниз посыпался сероватый порошок.

— Тьфу ты, пропасть! — огорчился Илья Ильич. — Не успел оглядеться, а уже ломать начал, вандал... Я думал, он хотя бы из папье-маше, а тут вообще какая-то труха. Вот как теперь чинить?

Наклонился, набрал в ладонь порошка, поплевал, стараясь замесить что-то вроде теста, которым можно было бы приклеить богу ухо. Ухо не приклеивалось. Господь смотрел на происходящее с улыбкой всепрощения под грозно нахмуренными бровями. Совершенно дурацкое сочетание, очевидно, того, кто строил обветшалую декорацию, ничуть не интересовала достоверность.

Илья Ильич положил испорченное ухо на колени богу и осторожно спустился в сад. По дороге он заметил, что его

палка в нескольких местах пробила облачную поверхность и оттуда клочьями ваты выпирает знакомое серое ничто.

— Ха! — громко сказал Илья Ильич. — Чует моё сердце, что здесь не обошлось без презренного металла!

Достал копеечку, издали бросил на колени богу и приказал:

— Ну-ка, живо поправить, что я тут наломал!

Латки на облаке оказались совершенно незаметны, а вот возникшее ухо получилось слишком новеньким, оно кукольно-розовым пятном выделялось на меловой поверхности статуи, невольно привлекая взгляд. Илья Ильич поморщился, но больше ничего не стал исправлять. Он осторожно обходил райский садик, разглядывал коленопреклонённых ангелов, восторженно протянувших руки к престолу, ангелов, неслышно поющих или трубящих в горы, отнятые у гипсовых пионеров, воинственных архангелов, охраняющих с мечами в руках периметр махонького рая... «Райка», — припомнилось слово, и Илья Ильич подивился его уместности.

По самому краю эдемчика всхолмливался валик белой пыли, очевидно, когда-то здесь поднималась стена, ограждавшая благолепие от непрощенных гостей вроде недостойного Ильи Ильича. Но теперь стена рухнула, и выцветшая райская краса быстро разрушалась. Оглянувшись назад, Илья Ильич обнаружил, что его босые ноги в нескольких местах проломили полированный плитняк дорожки, выдавив наружу пыль и клубящееся ничто.

Заглаживать следы Илья Ильич не стал. И так понятно, что тут всё в забросе и разваливается само по себе. Выбрал место, где камень казался попрочнее, сел в роденовской позе, обхватив голову руками. Потом засмеялся. Горло, отвыкшее за последние годы от смеха, издавало хриплые, нечеловеческие звуки, внутри всё замерло в ожидании приступа скручивающей боли, но остановиться Илья Ильич не мог. Он хохотал всё громче и отчаянней, хохотал над собственной бездарной смертью, над собой, голым и тощим, сидящим среди развалин кукольного райка с мешком денег на шее. Всего этого было слишком много для мозга, измученного многонедельной пыткой, и в то же время слишком мало, поскольку вокруг не было ничего настоящего, кроме сосновой жёрдочки в руках. Но даже сойти с ума Илья Ильич не надеялся. Если

уж ты умер в здравом уме и твёрдой памяти, то безумие будет для тебя непозволительной роскошью.

Хохотал со всхлипом, до слёз, до икоты и судорог в натруженном животе. Потом замолк и замер. Если бы умел, то заплакал бы. Другие старики, бывает, частенько плачут, а он живёт всухую. Даже над заваренным цинковым гробом, в котором привезли Илюшку, не сумел пролить ни слезинки. А говорят, кто плачет, тому легче живётся. А уж умирается и того легче.

Илья Ильич потряс головой, зажмурился, не желая видеть окружающего абсурда, застонал сквозь сжатые зубы. Не спасала давняя привычка к иронии, да и на истерику сил больше не было. Прямо хоть ложись да помирай.

— Иду! Иду!.. — раздался неподалёку призывный клич.

Илья Ильич вскинул голову и увидал, что к нему, вздымая клубы серой дряни, бежит человек.

Он бежал, словно по хорошей дороге, ничуть не проваливаясь, и весь его вид был донельзя старомоден и кинематографичен. Такие наряды Илья Ильич видывал лишь в годы самого сопливого детства, да и то исключительно у престарелых щёголей, достающих по весне из гардероба пронафталиненные наряды нэповской эпохи. И, конечно, на киноэкране тоже приходилось видывать такое. У встречного была соломенная шляпа канотьё! Белая пикейная рубашка с выворачивающимися манжетами и сменным воротничком на запонках! У него были штаны со штрипками и полосатая жилетка с кармашком для часов! Серебряная цепочка аксельбантом сбегала к кармашку, и можно было не сомневаться, что часы там тоже серебряные с откидной крышкой, украшенной гравированной надписью. И на ногах, которые так легко ступали по серому, красовались лаковые штиблеты.

— Опоздал! — причитал бегущий. — Как есть опоздал! Что ж он наделал, дуралей!.. Иду, сударь! — Последнее он прокричал в голос, хотя уже был в десяти шагах от Ильи Ильича.

Илья Ильич поднялся навстречу. Ему было неловко, и оттого он особенно остро чувствовал свою наготу. Судя по всему, явился хозяин раешника, в котором Илья Ильич так по-хамски нашкодил. И ведь не скроешь ничего, вон они, следы, заметные, оплывшие, словно отпечатанные на тающем снегу. Как теперь прикажешь оправдываться? Эх, до смерти дожил, а ума не нажил!

— А может, и успел!.. — пробормотал прибывший, оставившаяся и окидывая взглядом обнажённую фигуру Ильи Ильича. Затем он перевёл дыхание и без перерыва выпалил: — Ду ю спик инглиш? Джун хуа шо бу шо? Шпрехен зи дойч?

— Я, — ответил Илья Ильич, — абер зер шлехт.

— Абер шебихь, — поправил франт и добавил, обращаясь к самому себе: — Кажется, договоримся...

— Я вообще-то русский, — сказал Илья Ильич.

— Ба, земля! — искренне обрадовался франт. — Тогда совсем просто. А то ведь никогда не знаешь, кого сюда занесёт. Каждый на своём языке бормочет, жуть, иной раз ни слова не понять...

— Я тут напортил вам... — виновато произнёс Илья Ильич, указывая на следы разрушения.

— А!.. Фигня всё это... — отмахнулся щёголь.

Он подошёл к стражу, всё ещё охраняющему осыпавшиеся ворота, и пинком обратил его в прах.

— Во, не держится, через полгода и следа не останется. Тут одна отработка осталась.

— А что это такое?

— Отработка-то? А пыль видишь? Это и есть отработка. А как совсем рассыплется, то обратно в ничиль перейдёт.

Илья Ильич молча кивнул, отметив про себя слово «ни-хиль». Очевидно, так называли сероватое ничто, расстилавшееся кругом. Ничего не скажешь, удачное слово, не иначе, придумал его человек, не чуждый философии и латинскому языку.

— Я не про пыль. Кому этот макет понадобился?

— Ай! — Незнакомец огорчённо отмахнулся. — Лучше не вспоминать — одно расстройство. Я потом всё объясню. — Он безо всякого перехода протянул руку и представился: — Афанасий. Можно Афонею звать. Сыщик я.

— Илья, — назвался Илья Ильич. Хотел по отчеству, как привык за последние годы, но вовремя сообразил, что словоохотливый Афанасий, поди, старше его окажется, так что получится сплошной конфуз.

— Так-то, Илья, — задумчиво проговорил Афонея, — ты хоть понимаешь, что с тобой приключилось?

— Да уж как-нибудь. Я в полном сознании помирал, до последней секунды всё помню.

— Мне, значит, легче, не придётся вокруг да около хо-

дять. Человек ты, вижу, толковый, рыдать и башкой биться не собираешься. Хотя прямо тебе скажу, всё здесь не так, как башка в церкви учил. Это надо сразу уяснить, а то получится вот такое безобразие... — Афанасий шагнул и ловким ударом развалил ещё одного ангела.

— А я ничего такого и не ждал, — осторожно произнёс Илья Ильич, на всякий случай умалчивая о своём упорном безбожии. — Потому и удивился, когда встретил раёк.

— Раёк что надо, — протянул Афанасий, скучающим пинком обваливая садовую беседку. — Я ведь испугался, что ты его создал. А это какое-то старьё, они тут попадают время от времени. Сотворит его какой-нибудь олух царя небесного, все деньги расшвыряет, а потом мается.

— Я тут тоже кое-что создал, — сказал Илья Ильич, показывая палку.

— Это ничего... пустяки. Небось одну лямишку потратил?

— Монетку, что ли?

— Ну да, лямишку. Которая маленькая. Она как будто из ляминия сделана, вот и зовётся лямишкой.

— Тогда как раз лямишка и ушла. А костюм попросил — ничего не вышло.

— Костюм это дороже... Да ты не бойсь, я всему научу, раз уж я тебя сыскал. Только это... я ведь тут брожу, разыскиваю вас, потеряшек, время трачу, силы... ну, ты понимаешь?

— Сколько? — спросил догадливый Илья Ильич.

— Твёрдых расценок нет, — честно сказал Афанасий. — Кто сколько даёт... Иной в нихиле так намучается, что готов всё, что есть, высыпать. Но вообще-то десять мнемонов будет нормально. Сам посуди, сдери я с тебя сейчас лишку, так ты же потом со мной и здороваться не будешь.

Илья Ильич развязал кошель, отсчитал десять монет покрупнее, протянул сыщику.

— Так?

— Правильно! Я же говорил, что ты толковый мужик! — Афанасий вытянул из-за пристяжного воротника кисет и высыпал туда получку. Кисет был точно такой же, как у Ильи Ильича, только заметно полегче.

— А всё-таки как бы приодеться? — напомнил Илья Ильич, которого начинало тяготить, что он стоит голый, словно новобранец на медкомиссии.

— Это мы сейчас, живой рукой! Дай-ка мнемончик, покажу, как это делается...

Илья Ильич покачал головой, но мнемончик достал беспрекословно. Афанасий зажал монету в кулаке и спросил:

— Какой тебе костюм-то?

— А какой был за день до смерти, — сказал Илья Ильич, мимоходом подивившись, как легко слова о собственной кончине слетели с губ. — Хороший костюм был, почти новый.

— Значит, тот самый... так мы можем. Вот новое что выдумать, это к портному надо.

В следующее мгновение Илья Ильич почувствовал на теле одежду. На нём и впрямь был его старый, «почти новый» костюм. Даже затёртое пятно на лацкане, которое не сумела уничтожить химчистка, оставалось на месте.

Афанасий разжал кулак. На ладони вместо одной крупной монеты лежало несколько лямиешек.

— Сдача! — возгласил Афанасий, протягивая ладонь. Очевидно, мимо его внимания не прошло выражение лица Ильи Ильича, когда у него потребовали монету.

— Оставьте себе, — сказал Илья Ильич. — Мне их и класть-то некуда.

— Для денег место всегда найдётся, — возразил Афоня, но лямиешки мигом прибрал.

Илья Ильич огладил полы пиджака, сунул руку во внутренний карман, где обычно лежал паспорт. Конечно, никакого паспорта там не оказалось, да и вообще ничего не было. Карманы были пустыми, как после химчистки, которая вопреки рекламе не сумела вывести пятна. Но теперь Илья Ильич знал, что, если понадобится, он и паспорт себе сможет сотворить. Вот только понадобится ли ему паспорт?

— А я монетку под ноги клал... — сказал Илья Ильич и, обкатывая новое слово, добавил: — На нихиль.

— Это необязательно. Главное, достать деньги и захотеть. Если денег не хватает, то ничего и не получится. Только так сразу деньгами швыряться не надо, пока цены не узнаешь и всё такое прочее. Ну да я подскажу попервости. А теперь пошли отсюда, я же тебя ещё должен к людям вывести...

— И что... — решился спросить Илья Ильич, — те люди, которые раньше умерли, друзья, родные, они все здесь?

— Не так сразу, — поморщился Афоня. — Тут подготовка

нужна, ты уж мне поверь. Ты, главное, за меня держись, а я всё справлю в лучшем виде.

Афанасий порывлся в мошну, добыл какую-то мелочишку, ухватил Илью Ильича за запястье и по-гагарински звонко произнёс:

— Поехали! За счёт заведения!..

* * *

Маячок гудел с тупой неумолимостью телефонного сигнала. Он включился вчера и с тех пор не умолкал ни на мгновение. Бип-бип-бип... — телефон занят, но в трубке продолжает гудеть. Даже ночью сквозь сон слышалась череда коротких гудков. Людмила нехотя открыла глаза, невидящим взглядом уставилась в низкий бревенчатый потолок.

«Ну что ему надо? Что он плачет? Знаю уже, знаю... не глухая, ещё вчера услышала и всё поняла...»

Можно было бы выключить маячок, придавить, как надоевший будильник, но рука не поворачивалась сделать это. И не потому, что жалко пары лямишек, а просто не поворачивалась, и всё.

И чем думала, дура, когда ставила маяк? Ведь дорого же, мнемонами платила... А теперь не знаешь, как и избавиться. Во сколько это обойдётся? Ха! Одна лямишка... ломать не строить. Выключить его и не вспоминать больше никогда. А он пусть ищет... Или он эту свою Любашу искать начнёт? Приехал муж из командировки, а у жены... вы думаете — любовник? Как бы не так! Жена сама у любовника, а дома никого нет! Ну что он плачет?.. Слышу, знаю — скончался любимый муж, прибыл... всего-то тридцать лет ждать себя заставил... Зато кормилец... чуть не каждую неделю вспоминал. И опять же не как другие, не с новой пассией сравнивал, какова в постели, а больше по хозяйству. Сядет чай пить с покупным джемом вместо домашнего пирога, да и подумает, что при покойнице сытней жралось.

Зомбак заворочался во сне, по-младенчески зачмокал губами. Через несколько минут он проснётся, увидит её рядом и, как всегда, ужасно удивится. Потом улыбнётся, обнажив все свои почерневшие от времени и дурной пищи зубы, и потянется к ней.

Тоже — работа. Другие завидуют. И она была довольна, пока вчера не запылал проклятый маяк.

Зомбак вновь заворочался, неосознанным, полусонным движением облапил её за грудь. Впрочем, даже когда он проснётся окончательно, все его движения останутся чуть-чуть заторможенными. Просто глаза будут открыты и звуки начнёт издавать. Человек как-никак... тирольский...

Маячок гудел в ровном неумолимом ритме, напоминающем толчки, словно зомбак уже приступил к утреннему совокуплению. Лямышка из висящего на шее кошелька сама скользнула в руку. Маяк, пискнув, умолк.

ГЛАВА 2

Илья Ильич открыл глаза. Как обычно бывает на новом месте, потребовалась секунда, чтобы понять, где ты и как сюда попал. Вспомнилось легко, просто, безо всякого надрыва. Собственная смерть (вот уж с чем, кажется, трудно примириться!), равнина, залитая нихилем, топтание на месте, нелепый мешок, полный мнемонов и лямышек, рейки, раёк, рассыпающийся отработанной пылью, шеголеватый сыщик Афоня, который сыскал его на равнинах Лимбо, успокоил, одел и привёл сюда. Место, куда они попали, больше всего напоминало придорожную гостиницу, старомодный мотель, таверну, трактир — вот только ни дороги, ни тракта, ни вообще хоть какого-нибудь пути тут не было. Почти сразу за забором начиналось безвременье, заполненное тусклой хлябью нихилия. Но по эту сторону зеленел скудный садик, стояли вытасенные на улицу столики и пахло шашлыком.

Хозяин заведения встретил их как старых знакомых. Афанасию запросто кивнул, а к Илье Ильичу подошёл персонально, поклонился, отрекомендовавшись как уйгур и не добавив никакого имени. Хотя, возможно, он и в самом деле был уйгуром. Об уйгурах Илья Ильич знал только, что они в родстве с китайцами и считаются лучшими в Азии кулинерами. Трактирщик и впрямь был невысок, желтолиц и косоглаз, хотя ни сашими, ни ласточкиных гнёзд в меню не оказалось. Шашлык, впрочем, был хорош, равно как и овощи с острым соевым соусом.

Стоило всё дёшево, причём шашлык оказался дешевле,

чем манты, а те, в свою очередь, стоили меньше, чем салат из зелёной маргеланской редьки, заправленный чем-то невообразимо острым и пахучим. Во всяком случае, за ужин на двоих и за комнаты себе и Афанасию Илья Ильич расплачивался лямишками, не тронув основного капитала. Хотя кто знает, много или мало пять лямишек за порцию фунчозы? И десять лямишек за отдельную комнату и свежую постель? Единственное, что покуда сумел узнать Илья Ильич, что в одном мнемоне ровно триста шестьдесят лямишек, а мнемон у него в кошельке было много, уж никак не меньше сотни.

Как Афанасий доставил его сюда, Илья Ильич сказать не мог: они просто очутились возле распахнутых ворот, а на встречу уже выходил приветливо улыбающийся уйгур. Сложивши руки у груди, церемонно поклонился Илье Ильичу, а сыщику сказал со значением:

— С прибылью вас, Афанасий Нилыч!

— Да есть немного, — скромно отозвался Афоня. Он подвёл Илью Ильича к столику, усадил и, наклонившись, быстро зашептал: — Это он намекает, чтобы я ему долги вернул... Видит, что новичка привёл, значит — при деньгах. А я ему много должен. И кто только придумал этот обычай — долги отдавать?... погоди тут моментик, я с хозяином рассчитаюсь и живой ногой обратно...

Уйгур с Афонею скрылись в доме, но меньше через минуту явились вновь. Видимо, расчёты здесь проводились быстро и безо всяких расписок.

— Вот, теперь можно весёлым пирком и за свадебку! — возгласил Афанасий, усаживаясь за стол. — Хозяин, давай сюда всего, на что у меня денег хватит. Достатки мои ты знаешь, а в долги я сегодня залезать не намерен. Дай хоть день побыть бедным, но гордым!

Уйгур поспешил на кухню, тут же появился оттуда с подносом, уставленным кушаньями, выдававшими его национальность. Был здесь сотейник с рыбным хе, огромный ляган, на котором горой возвышался горячий плов, блюдо с катыком, густым, как рыночная сметана, жгучая чимча, которую Илье Ильичу впервые довелось попробовать в Ташкенте, нарезанная аккуратными скибками дыня, шербет и прозрачные кристаллы навата в расписной фаянсовой чашке.

— Жрчка здесь дешёвая, — пояснил Афанасий, разрывая напополам лепёшку лаваша. — Но не вздумай ничего заказыв-

вать. Всегда бери только то, что есть в меню. Заказные блюда вдештеро дороже...

Из-за дома появился ещё один человек, бледный и длинноволосый, с беспокойным тёмным взглядом, выдающим фанатиков и душевнобольных людей. Афанасий сказал ему что-то по-английски, незнакомец коротко ответил, присел на краешек стула и принял кусок лепёшки.

— Ты угошайся! — щедро предложил Афанасий Илье Ильичу. — Хе у уйгура знаешь какое? Он карпа не признаёт, а только три рыбы: чир, хариус и таймень. Попробуй, сразу почувствуешь.

За полвека вкус того блюда, каким угошали Илью Ильича узбеки, подзабылся, но хе показалось удивительно вкусным, тем более что Илья Ильич, измученный непрерывными боями, не ел почитай уже неделю, и сейчас каждый кусок доставлял ему настоящее блаженство. Афоня пировал всю, видно было, что ему тоже пришлось немало попоститься в последнее время. Приглашённый господин сидел на стуле, выпрямившись и крепко сжимая поданный кусок, к которому, кажется, не собирался притрагиваться.

— Это знаешь кто? — спросил Афанасий, утирая салфеткой жирные губы. — Это знаменитый проповедник. Сам он из Северо-Американских Штатов. Паствы у него там было — не пересчитать. Небось прихожане думают, что он среди праведников пирует, а он тут, с нами сидит. Он и сам верил, что в раю будет жить, да и теперь от своего не отступается. Дурака жизнь ничему не учит. Он сюда богатеem попал, аж жуть берёт, ежели представить. А как очутился среди них и деньги увидел, то решил, что это ему такое испытание от бога положено. Деньги расшвырял и думал, что немедля в раю очутится. Ну и очутился... сам понимаешь где.

— Так мы его произведение видали? — спросил Илья Ильич.

— Не. Его раёк в другом месте, да и поновее будет. Туда и сейчас постороннему соваться не стоит, получишь от архангела мечом по кумполу — мало не покажется. Квакерский рай суровый, туда чужих не пускают.

Квакер сидел, не улыбаясь глядя на обедающих. По сухому лицу было невозможно определить, понимает ли он, что разговор идёт о его особе.

— Ему и сейчас, — продолжал Афоня, — денег порой от-

валивается, хотя всё меньше и меньше. Но он их не бережёт, не-е!.. расшвыривает безо всякой пользы. Ни себе, ни людям. Сыщики его, бывает, прикармливают из жалости, так ведь изредка. У нас вроде как примета образовалась: повезло, нашёл новичка — дай квакеру кусок. Уйгур на задворках ночевать позволяет, но в комнаты не пускает, там за деньги. Чем ещё жив сердешный — не знаю.

— Да бог с ним, — оборвал Илья Ильич, не привыкший жалеть сектантов. — Ты лучше расскажи, как тут нормальные люди живут?

— Значица, так. — Афанасий наклонился через стол. — Ты, главное, запомни: презренный металл тут важнее всего. Ты небось уже понял, с деньгами у нас всё можно, а без денег, как в песне поётся, жизнь плохая, не годится никуда. Что сколько стоит — поначалу меня спрашивай, а там разберёшься. Но главное — в долг никому ни лямишки. В рост будут предлагать, под любые проценты — не давай! Тут так: выпустил из рук — пиши пропало.

— А чего ж уйгур тебя ссужает? — поинтересовался Илья Ильич.

— Это я один такой блаженный... — отмахнулся Афоня. — Честный я, а уйгур меня знает как облупленного. К тому же сейчас долг зажму, так потом кто меня выручит, когда на мели окажусь? Опять же, куда бы я тебя привёл, если долги отдавать не желаю? Дело наше сыщицкое — сегодня при мне-монах, завтра и лямишке рад.

— Понятно. Но ты всё-таки скажи, те люди, которых я при жизни знал, а они прежде меня умерли, они тоже здесь? Как увидеться-то с ними?

— погоди, это вопрос не сегодняшней... Ты сначала должен научиться всему, что тут потребно. Да хоть бы как с людьми разговаривать? Ты учти, здесь живых нет, обычаи иные, а обиды старые. Родных ты, поди, и не узнаешь, особенно кто молодым представился.

— Я Марка Твена читал, — хмуро сказал Илья Ильич.

— Ишь ты, — Афанасий прицокнул языком, — второй уже человек этого Марка поминает. И что, он жив покуда?

— Сто лет как помер.

— Тогда не иначе он в Цитадели. Как-нибудь соберусь, почитаю твоего Марка.

— И всё-таки... — напомнил Илья Ильич.

— А что всё-таки? Вот был у тебя при жизни заклятый враг. Так в том мире ты его запросто мог со света сжить. Хоть самому подкараулить, хоть... ну, в общем, были способы. А тут никуда никого не сживёшь, все и без того на том свете. Да и вообще, никакой подлянки не сделать, разве тот совсем тупой окажется. Только и можно, что не встречаться. Вот земляки наши, особенно кто после войны сюда попал, все Гитлера ненавидят. А Гитлер он тут, при больших деньгах, между прочим, рукой не достанешь. И ничего ему не сделать, по второму разу на тот свет не отправишь. Только и можно, что забыть его поскорей.

— Вот оно как...

— А ты думал! Война меж мертвецами — последнее дело, а из-за живых дел, так и вовсе глупо. Люди они разные, и правды здесь скрывать не принято, всё равно, кто захочет, тот всё узнает. Но и презирать людей за то, как они жили, тоже не принято. Вот я, скажем, сыщик. Так я и на том свете сыщиким ремеслом кормился. В ОГПУ работал, на хорошем счету был. Вот только расстреляли меня в тридцать шестом. Как Ежов Ягоду скинул, так меня и расстреляли. И за что, спрашивается? Служил верой-правдой и впредь служить был готов... Добро бы ещё узнали, что я и до семнадцатого в сыском работал, так нет ведь, просто так в расход пустили, от излишнего рвения.

Илья Ильич молчал, пристально разглядывая собеседника, у которого оказалась такая богатая биография.

— И вот, скажем, повстречаю я тут своего следователя — и что? А ничо, привет, скажу, Антошка! Как ты, своим ходом сюда, с тёплой постельки или тоже добрые люди помогли? А больше ничего не скажу, потому как теперь мы с ним на равных, оба окочурились.

— Да-а... — наконец вымолвил Илья Ильич. — Занятно.

— А ты ничего мужик, — вдруг произнёс Афанасий. — Это же я тебя проверял, как ты мои уроки понял. Вот дал бы ты мне сейчас в хрюкальце или в глаза плюнул, так сразу бы почувствовал, что не надо было этого делать. А я бы заработал на тебе побольше, чем честным трудом. У нас судей нет, расчёты сами собой ведутся. За мордобой полагается три десятка мнемонов штрафа, половина — битому, половина — в казну. Хрястнул по зубам, сразу твоя мошна полегчала, а моя наполни-

лась. А зубы новые вырастут, народ здесь здоровый, болеть незачем.

— Так ты придумал про службу в органах или правду сказал?

Афанасий раздвинул волосы, так что стали видны пролысинка и корявый шрам чуть повыше виска.

— Видишь? Это от пули след, после контрольного выстрела. Специально оставил, скептикам показывать вроде тебя. Конечно, я не в расстрельной команде служил, а был филёром, или, по-нынешнему, топтунком, хотя служба есть служба и случается на ней всякое. Так-то. Я врать не люблю. Правда всегда ядрёней, у неё привкус такой, что не спутаешь. Ты готовься, тебе всякой правды узнать предстоит, так моя ещё шуточкой покажется. Да ты не дёргайся, я ничего личного в виду не имею. Я вообще о людях говорю. Ну вот, скис... а ведь поначалу молодцом держался. Ладно, хватит о плохом, давай лучше выпьем.

Афанасий, словно фокусник, выдёргивающий из шляпы кролика, вытащил откуда-то трёхлитровую бутылку мутновато-зелёного стекла. Бутылка была заткнута корковой пробкой и залита сургучом. Афанасий привычным движением крутанул бутылку, глядя на просвет, как вихрятся по кругу мелкие пузырьки.

— Монополька, — сказал он ласково. — Такой у вас, считай, уже сто лет не делают.

— Куда столько?... — тихо ужаснулся Илья Ильич.

— Пить, куда ж ещё, чудака-человек? А что много, так сам посуди: мерзавчик три лямишки стоит, и четверть — тоже три лямишки. Это же дешёвка! Вот я и беру, чтобы с запасом. Которые молодые, те так не умеют, для них поллитру создать — предел мечтаний. А мне — запросто.

— Спивается народ при таких ценах?

— Не, кто мог спиться, тот ещё при жизни спился. А нам зачем? Хочешь, я её под куст вылью? А если не хочешь, то давай по маленькой, для пищеварения и взаимопонимания...

Квакер осуждающе смотрел голодными глазами.

К вечеру само собой случилось, что за совместный ужин и комнаты заплатил Илья Ильич.

— Ты гля, земля... — заплетающимся языком твердил Афанасий, — у нас тут всё как у людей, вечер бывает, а завтра утречко настанет, во как! А в нихиле ничего этого нет, не надейся... Там всегда не то вечер, не то затмение. Плохо в нихи-

ле было, да? А я тебя оттуда вытащил. Работа у меня такая, сыскать человека, на путь наставить, уму-разуму научить. Отловили бы тебя бригадники — как липку ободрали бы. У них налоги знаешь какие? Ты же богатый, а в здешней жизни ни хренища не смыслишь. Коммунальные сборы — не плати. Усёк? Нет у них никакого коммунального хозяйства, всякая срань сама по себе в никуда уходит. У них под городом тоже никуда, просто фундаменты попрочнее. Ненавижу бригадников, сами ничего не умеют, а у меня хлеб отбивают... И город ненавижу! Па-думаешь, город! У нас тут ничуть не хуже. Кусты растут, бесплатно, между прочим, а в городе захочешь в парк войти — денежку гони! Жмоты! А хочешь, мы соловья заведём? Я знаю одного, он может продать, настоящего. Будет у нас песни петь. Дорогой, чертяка, полста мнемонов... но если хочешь — покупай! А что, в самом деле?.. Вон квакер и то не все деньги расшвырял. Распятие сделал и уйгуру за так подарил, у него теперь на стенке висит. А?.. Ну так что, покупаешь соловья?..

Илья Ильич еле отвязался от непрошеного приятеля.

И вот теперь, проснувшись, Илья Ильич лежал в чистой постели и пытался осознать, что же всё-таки происходит вокруг. Первым делом он обнаружил кошелек на шее, хотя с вечера снял его и сунул под подушку. Хотя вроде Афанасий говорил, что мощну здесь ни потерять, ни украсть невозможно, только потратить деньги или добровольно отдать. И ещё какие-то налоги есть: одни собираются сами собой, другие надо платить.

Впрочем, этот вопрос волновал Илью Ильича всего менее, куда хватало и глобальных вопросов, ответов на которые Илья Ильич так и не услышал.

За стеной Афанасий разговаривал с хозяином. Говорили громко, не скрываясь, но понять ничего не удавалось, язык был явно не европейский. Уйгурский, может быть, или китайский... Сыщик вчера жаловался, что китайцев среди новопреставившихся слишком много, приходится язык учить. Впрочем, с тридцать шестого года можно и выучить.

Илья Ильич ослабил тесьму, высыпал на ладонь немалую кучку мнемонов, пригляделся к ним, благо что утренний свет позволял. Монеты как монеты, новые, ни одной потёртой. Кто же их чеканит и где? Опять же, как они чудеса делают? Вот что узнать бы... хотя этого Афанасий, видимо, не скажет.

Скорее всего, он и сам не знает, принимает потусторонний мир как данность и живёт себе. Быть может, оно и есть самое правильное.

Голоса за стеной звучали сердито, там явно выясняли отношения. А ведь не иначе о нём спорят, всё-таки новое лицо. Судя по всему, не так много в таверне постояльцев, хотя, казалось бы, каждый день тысячи людей помирают. Если и впрямь люди сюда попадают богатыми, то встреча и устройство новичков должны быть поставлены на широкую ногу. Афанасий, впрочем, упоминал каких-то бригадников. Должно быть, это и есть профессионалы, а сам сыщик и уйгур заодно — кустари-одиночки. Значить это может что угодно. Возможно, он попал в лапы мошенников, которые зарятся на его мошну. Хотя не исключено, что он избежал жерновов государственной машины, которая мигом выпотрошила бы его начисто. Вот и гадай... всегда хочется верить в лучшее, но когда новые знакомые разговаривают так, чтобы ты их не понял, это невольно внушает опасения.

Илья Ильич гневно сжал кулаки. От каких мелочей зависит судьба! Если бы он понимал, что там говорят...

На мгновение кулаку стало жарко, а монеты, зажатые в пясть, словно усохли. Илья Ильич разжал кулак и увидел, что денег стало значительно меньше, по крайней мере десятков мнемонев исчез мгновенно. А ведь это сумма, на которую, по прикидкам Ильи Ильича, можно чуть не полгода прожить! И одновременно Илья Ильич сообразил, что понимает спорящие за перегородкой голоса. Афанасий и уйгур продолжали ругаться по-китайски, и Илье Ильичу это было известно, но язык стал словно родной, и если бы Илья Ильич захотел, он мог бы вмешаться в спор и говорил бы на том же языке, как будто всю жизнь так разговаривал.

Ай да денежки, ай да лямишки! Вот только как бы не разориться таким макаром...

— Ну чего ты ко мне привязался!.. — захлёбывался неподальёу голос Афанасия. — Ну выпил я вчера, так ничего ж такого не наговорил. Он и не поймёт ни хрена, ведь первый день всего тут.

— Порядок есть порядок, а договор — договор, — скучно отвечал уйгур. — Кто тебя просил про город рассказывать? Вот уйдёт он сейчас, и что?

— А хоть бы и ушёл, поблуждает денёк в нихиле, потом

крепче прежнего за меня держаться будет. А уж я его теперь в любую минуту сыскать могу, ориентировочка у меня на него есть.

— За этот день его бригадники подберут. Зачем он нам тогда? Его ж не выпустят, пока до нитки не разденут.

— Не пугай, не подберут. Мелкая рыбка в большом неводе не стрянет. Да и не разденут совсем-то, кой-что и тебе достанется.

— Всё равно, зачем про город рассказывал? Зачем сам его одевал? Кормил дешёво зачем?

— А затем, что он мне земляк! Это ты прежнюю жизнь забыл, а я куда нет. Сыщики все такие, как бы я свежего человека чуял, если бы память потерял? Так что хватит с тебя и малой денежки, а большую ты с квакера греби. Я его тебе с потрохами сдал, вот и пользуйся.

— У квакера никаких денег нет, того и гляди развоплотится.

— Ты ври, — протянул Афоня, — да не завирайся! Чтоб мне так деньги сыпали, как они квакеру идут. А что не держатся они, так ведь все к тебе попадают. Думаешь, я не знаю, как ты с ним наловчился? Отлично, хорошо знаю! Нам такие фокусы с детства знакомы! Всё, договорились, квакер твой, что хочешь, то с ним и делай, а профессора я себе беру. Подумаешь, что-то не так ему спьяну болтнул, всё равно он ни хрена не понял, и я около него ещё десять лет ошиваться буду, хоть по лямышке, а всё прибыль. Ничего я там не испортил.

— Ты нарушил договор. — Кажется, уйгура заклинило на эту фразу. — Я всё делал, как договаривались, я в ваши разговоры не вмешивался, подавал, что ты заказывал, отозвал тебя, будто бы долги отдавать, всё, как договаривались. А ты поступил против своего слова и нанёс мне убыток.

— Убыток?! Сколько твоя комната стоит?.. А ты сколько слупил? И с меня, между прочим, тоже!

— За тебя платил клиент...

Илья Ильич встал, неслышно вышел из комнаты. Не хотелось дальше слушать разговор, в котором заранее делили твои деньги, называя тебя клиентом и налепляя дурную кличку. Главное, он выяснил: попав сюда, он действительно избежал жерновов государственной машины, но очутился в лапах мошенников. И уйти отсюда, похоже, не удастся, разве что в никуда, где его в скором времени подберут бригадники

и уже не выпустят, пока не разденут до нитки. Хороша перспективка, однако...

Есть ещё какой-то город, о котором по пьяни проболтался Афонька. Хотя и в городе вряд ли мостовые вареньем намазаны. Куда ни кинь — всё клин. Знал бы, что тут так встречаются, честное слово, помирать бы не стал.

Внизу, возле кухни, запертой на висячий замок, стоял проповедник и мыл в большом тазу посуду. Ту самую, с которой Илья Ильич вчера ел хе из тайменя и иные экзотические кушанья.

— Гуд морнинг, — сказал Илья Ильич, подходя.

Квакер коротко глянул и отвернулся, ничего не ответив.

— Сэр, — произнёс Илья Ильич, странно уверенный, что говорит по-английски, — должен предупредить, что вас здесь обманывают. Деньги, которые у вас были, — это не вполне то, что вы думаете. Судя по всему, это и вовсе не деньги, а владелец гостиницы вымогает их у вас из корыстных соображений.

— Мне это известно, — не отрываясь от своего занятия, ответил квакер. — Мне известно более того: дьявол не дремлет, и козни его простираются на весь вешный мир! Могушество князя тьмы велико, и многие прельстились его деньгами. Но эти же деньги доказывают, что сей мир также есть мир вешный, и люди, опрометчиво полагающие, будто сбросили с себя ветхого Адама, обмануты. Сюда принесли они свои грехи: алчбу и блуд, ложь и всякую скверну! Но близится час ярости господней! Покайтесь, покуда есть время, отриньте бесовский соблазн...

Илья Ильич развернулся и молча вышел. Он уже давно не спорил с проповедниками, особенно с нетерпимыми, поминующими ярость господню. «Учить глупца...» Что бы ни скрывалось за подслушанной фразой о развоплощении, квакер к этому стремится, веря, что настоящая жизнь ему только предстоит.

Во дворе было пусто и тихо. Похоже, что во всём постоялом дворе было сейчас всего четыре живые, а вернее, скончавшиеся души. Илья Ильич подошёл к калитке, открыл, выглянул наружу. Долина Лимбо простиралась перед ним. Нихиль, нихиль... ни бугорка, ни движеньица, никакого следа миллионов людей. Где здесь искать город? Вероятно, это можно сделать с помощью денег, вот только знать бы как. Зажать монеты в кулаке, пожелать... — и вновь потерять кучу

мнемонов. Кажется, сегодня утром он крепко приблизил таинственное и неприятное развоплощение. Пожалуй, пока с экспериментами стоит погодить, тем более, как явствует из подслушанного разговора, Афанасий и вправду проникся к нему добрыми чувствами и собирается не грабить его немедленно, а лишь слегка попользоваться чужим кошельком. Что ж, свой завтрак Афоня заслужил, а если расскажет что дельное, то и обед заслужит.

Илья Ильич прикрыл калитку и вернулся к дому. Оттуда, морщась и потирая лоб, выполз Афанасий.

— Ох, — сказал он, глядя измученным, но честным взором. — Ну и надрался я вчера! Ничего не помню, головка — бо-бо, денежки — тю-тю! Я хоть не хамил, вёл себя прилично?

— Вполне, — успокоил Илья Ильич.

— Это — куда ни шло. Но я больше не пью. Завязал и бутылку уйгуру отдал, пусть в уху понемногу доливают. Уйгур сегодня уху собрался творить, с налимьими печёнками.

— Вот что, — твёрдо сказал Илья Ильич. — Уха — это хорошо, но ты мне прежде объясни, прямо и без виланий, что здесь, собственно, происходит? Как люди живут, чем на жизнь зарабатывают. Мнемоны эти самые — откуда и зачем? Рассказывай всё, сразу и без подготовки.

— Как живут? — страдальчески переспросил Афанасий. — Сам видишь, как живут. Башка трещит с похмелья. Думаешь, покойнику и похмеляться не надо? А зарабатывать тебе рано, всё равно ты ничего не умеешь.

— Научусь.

— Кто бы возражал... Хочешь — пошли.

Они отправились в комнату Афанасия, точно такую же, как и та, в которой ночевал Илья Ильич, отгороженную лишь тонкой, для всякого звука проницаемой перегородкой.

— Садись, — Афанасий кивнул на кресло. — Лет-то тебе сколько?

— Восемьдесят четыре, — чётко выговорил Илья Ильич, ожидая, что сейчас Афоня, который, судя по дате его смерти, давно сотню разменял, заговорит о старости и заслуженном отдыхе. Однако Афоня лишь пробормотал: «Так-так...» — потёр измученную перепоем голову и приступил к делу:

— Для начала надо тебя подправить. Пожито у тебя хорошо, и в этом виде ты ни для какого дела не годишься. А что, ты и вправду профессором был?

— Не был я никаким профессором. Я инженером-строителем был. Дороги строил по всей стране.

— А мне с чего-то показалось, что ты профессор. Книги читаешь... Да... Дороги здесь строить, сам понимаешь, ни к чему. Тут и дома строить не больно нужно, а ежели кто вздумает новый особняк ставить или, скажем, жилой дом, то не к строителям обращается, а к архитекторам. И уж они к нему в очередь стоят. Иной сам готов приплатить, лишь бы ему позволили любимым делом заняться.

— Всё равно без строителей никак. Архитектор — само собой, инженер — само собой.

— Ты ещё каменщика припомни и печника, — саркастически заметил Афанасий. — Ты вон дубинку свою создал без дровосека и без лесопилки. Так и архитектор дом может сделать безо всяких каменщиков и кровельщиков; были бы деньги да голова на плечах.

— Как же тогда обычные люди на жизнь зарабатывают? Те, что не архитекторы?

— В том-то и дело, что никак. То есть исхитряются, конечно, но в основном — никак. Вот у тебя для начала деньжищ много, и всё за красивые глаза. С год, наверное, так будет, а потом — изволь пристроиться, раз ты не профессор... Впрочем, в этом я не помощник. Сыщиком ты, всяко дело, быть не сумеешь, тут талант нужен особый. Хотя без таланта у нас вообще пропадёшь: конкуренция огромная, а мест, сам понимаешь, маловато. Уйгур, думаешь, не талант? У него в начале века ресторан был китайский в Томске. На всю Сибирь гремел! А тут — харчевню едва содержать может. Три постояльца, так он и им рад. А как готовит, стервец! Чуешь запах? Отсюда шибает, и слюнки даже у меня текут, хотя после вчерашнего всякий аппетит отсутствует.

— Не чую, — сказал Илья Ильич. — У меня вообще с обонянием худо.

— Всегда было худо или только сейчас?

— Только последние двадцать лет, — усмехнулся Илья Ильич.

— Это поправимо. За деньги, конечно. Ты уже понял, что здесь всё за деньги, а так ничего не бывает?

— Я это семьдесят лет назад понял.

— Тем лучше. Но только учти, дела сейчас пойдут дорогие... Тебе много капитала прибыло за вчерашний день?

— Представления не имею. А он что, прибывать должен?

— Слушай, — поинтересовался Афанасий, — а ты случаем не святой? Ты хоть пересчитал вчера, сколько у тебя монет в кошельке? Хотя бы мнемонов? На лямишки покуда можешь не размениваться.

— Нет, — признался Илья Ильич. — Мне как-то в голову не пришло.

— А я так каждый день пересчитываю — вдруг там шальная лямишка объявится? Впрочем, дело твоё. Ты, главное, меня слушай. Так вот, монетины у тебя в кошельке не простые, с ними всякие чудеса делать можно, а не только палки пилить и раешники устраивать. Можно, например, омолодиться. Душа прежняя останется, а тело как у двадцатилетнего. Я-то омолаживаться не стал, мне сорок один был, когда меня шлёпнули, вот я таким и остался, возраст хороший. А тебе молодеть нужно, хоть это и дороговато. Можно и вовсе тело поменять, будешь как Иван Поддубный. Некоторые даже в баб превращаются, а иные бабы — в мужиков, извращенцы какие-то...

— Трансвестизм, — вставил умное слово Илья Ильич, — генетическая болезнь.

— Но ты-то у нас здоровый. Давай вот так: старцем восьмидесятилетним тебе ходить не с руки, но и в молокососа обращаться не советую.

— Марка Твена читал, — напомнил Илья Ильич. — «Путешествие капитана Стромфилда в рай». Там об этом всё чётко сказано.

— Тем лучше. Советую тебе на сорока годах остановиться. И чужое тело выбирать не вздумай, это для твоих генетических транзистов и всяких уродов. Был бы ты горбатый или слепой — тогда иное дело. Тут горбатых исправляют быстро. Но такие вещи только в специальных салонах делают, и стоит оно многие сотни. А я тебя всего за одну сотенку омоложу.

— А денег у меня хватит? Я не считал, но...

— Посчитай. — Афанасий пожал плечами и демонстративно отвернулся, давая понять, что чужими деньгами не интересуется.

Илья Ильич высыпал на ладонь часть мнемонов и принялся пересчитывать. Отобрав сотню штук, он обнаружил, что кошелёк, как ни странно, по-прежнему полон. Монеты

лежали плотно — только-только чтобы можно было вынимать их безо всяких хлопот.

— Ну как? — спросил Афанасий, не оборачиваясь.

— Он что, бездонный?

— Ага, бездонный. Всыпать туда можно — сколько хочешь, всё влезет. Но вынуть — сколько есть и ни лямишкой больше. Так что ты поглядывай, сколько там остаётся. А то некоторые гусарить начинают, думают, им всё по карману... Сотню-то набрал?

— Набрал вроде...

— Значит, за сотню мнемонов согласен омолодиться, — произнёс Афанасий, повернувшись лицом. — Чтобы быть тебе в прежнем теле, но в возрасте сорока лет.

— Что-то ты стихами заговорил. — Илья Ильич усмехнулся. — «Чтобы жить мне в окияне-море, чтоб служила мне рыбка золотая и была б у меня на посылках».

— Мы так не договаривались! — резво возразил сыщик. — Я таких вещей не умею, да и денег не хватит. На эту сумму разве что прудок выкопать можно, да и то лягушки за отдельную плату пойдут.

— Так это что, вроде договора? — спросил Илья Ильич.

— А ты думал! Дело денежное, тут точность нужна. Это тебе не костюмчик, который пол-мнемона стоит. Сумма-то немаленькая, у меня столько нет.

— Понял. Виноват, исправлюсь.

— Тогда повторяю. Согласен ли, чтобы я омолодил тебя за сто мнемонов, чтобы быть тебе в прежнем теле, но в возрасте сорока лет и безо всяких хворей?

— Согласен.

— Давай деньги.

Илья Ильич пододвинул кучку монет, Афанасий споро пересчитал их, пересыпал на ладонь, прикрыл сверху ладонью правой руки и зажмурился, сосредоточиваясь.

— В прежнем твоём теле, сорокалетним и здоровеньким, — повторил он как заклинание, а затем жестом фокусника развёл руки.

Ладони были пусты, монеты исчезли.

— И что дальше? — спросил Илья Ильич.

— А ты к зеркалу подойди.

Зеркала в комнате не было.

клиент мог взять на содержание обедневшего благодетеля. Значит, деньги, полученные от Ильи Ильича, у Афанасия целы и невредимы. Вот и пусть платит. Сам же учил: просто так никому ни лямишки не ссужать.

Вечером, когда невидимое солнце окрасило поднебесный туман, очень похожий на нихиль, только не расстилающийся под ногами, а нависающий сверху, Илья Ильич, устав от бесплодных обещаний и уклончивых ответов, объявил, что завтра с самого утра он хотел бы попасть в город и если Афанасий не может его туда доставить, то он отправится сам, пешим ходом.

— Рано тебе, рано! — страдальчески вскричал Афанасий. — Там же не люди — волки! Съедят тебя и костей не выплюнут. Знаешь, сколько стоит номер в городской гостинице? Мнемон в день! В тридцать шесть раз дороже, чем тут! А жратва? Хоть и не слишком дорого, но всё равно здесь дешевле. Ты хоть сумеешь шикарный ресторан от забегаловки отличить? На первый-то взгляд они все одинаковы. А поборы городские? Что ни шаг, а хоть лямишку да слупят. Гляди, разоришься, будешь квакать с голоду, как наш квакер. Это сейчас уйгур тебе кланяется, деньгу потому что чует, а нищего он тебя и на порог не пустит. И никто не пустит, так в нихиле и сгинешь. Пойми ты, здесь экономнее!

— Так можно все деньги проэкономить, а жизни не видеть, — отрезал Илья Ильич. — Раз уж так пришлось, то мне сына искать надо, жену, друзей. Решайся, отведёшь меня в город или мне самому тащиться? Сюда ты меня за счёт заведения привёл, а за доставку в город — даю мнемон.

— Что мне твой мнемон, мне тебя жалко!

— То есть не хочешь идти? Мне одному отправляться?

— Ишь какой борзый — пешком в город собрался! Ты в одиночку туда вовек не доберёшься. Туда и с провожатым-то не вдруг попадёшь. Мы же в нихиле: и таверна, и город, и всё остальное. Нихиль текучий, никто не знает, куда нас за эти дни унесло. Называется — дрейф. А город ещё и эманурует, понял, профессор? Ясен пень, что я туда не хочу! Ломаться полдня, а ради чего?

— Так мне одному идти? — упрямо повторил Илья Ильич.

— Заладила сорока Якова! — Афанасий ажно плюнул от огорчения. — Ладно, сведу я тебя в город за два мнемона. Только не завтра. Завтра на разведку сбегая, присмотрю, куда

твой город любимый уплыл, а послезавтра с утречка отправимся. Один день ты ещё прождать можешь?

— Один — могу, — сдался Илья Ильич.

А вечером, запершись в своём номере, Илья Ильич, словно в дурном детективе, подслушивал тайную беседу сыщика Афанасия и уйгурского повара, имени которого он так и не узнал.

— Ты говорил, он пробудет здесь не меньше недели, — занудно твердил уйгур.

— Ну говорил... А что делать, если он как взбесился? Уйду, говорит, пешком! Один день я тебе выторговал, даже два. Завтра пойду будто бы на разведку и пропаду на пару дней. А ты, значит, беспокойся, но не слишком, чтобы он мне на помощь не побежал.

— С чего бы ему бежать на помощь?

— Это тебе нечего, косомордый, а он ещё свежак, законов не знает. Да и свой он, земляк он мне, понимаешь?

— Он твой родственник?

— У меня родни и при жизни не бывало. А он земляк, он из Питера, понимаешь?

— Не понимаю. По-твоему, получается, что те, кто из Томска, у меня задаром кормиться должны только потому, что они мне земляки?

— Да у тебя вообще никто кормиться не должен! Ты и при жизни-то живым не бывал...

Переборы пошли по второму кругу, раздосадованный Илья Ильич натянул на голову одеяло, чтобы не слышать.

Наутро выяснилось, что Афанасий убыл на поиски обещанного города. Уйгур сообщил это проснувшемуся Илье Ильичу, пообещал, что к вечеру сыщик должен возвратиться, и постно осведомился, что желает постоялец отведать на завтрак. Илья Ильич гусарствовать не стал и попросил ничего особенного не готовить. Впрочем, даже обыденный завтрак — пельмени с медвежатиной, квашеная черемша и медовый сбитень из сияющего медалями баташовского самовара опрокидывал самые невероятные представления о скромности. Одно преимущество потустороннего мира было налицо: любитель пожрать, несомненно, счёл бы это место раем.

День прошёл вкусно и бессодержательно. Уйгур возился на кухне, сооружая калью со стерляжьими молоками, квакер мыл полы, поквакивая про себя не то молитвы, не то прокля-

тия. Во всяком случае, смысл слов, которые сумел разобрать Илья Ильич, был молитвенный, а интонации — проклинаящие.

К середине дня объявился в гостинице новый человек. Высокий, горбоносый, с обманчиво медленными движениями, всё в нём выдавало опытного бойца и неутомимого ходока. Можно было не спрашивать — и без того ясно, что явился ещё один из вольных сыщиков. Одет в светло-серый комбинезон, позволяющий затеряться в нихиле, так что тебя с десяти шагов не вдруг разглядишь. По всему видать, не слишком это безопасная работа отбивать добычу у бригадников. Хотя Афоня говорил, что кулачная расправа в загробном бытии дело небывалое. Впрочем, мир на кулаке клином не сходится, было бы желание, а как ущучить ближнего, люди придумают.

Горбоносый пообедал, перекинулся парой слов с уйгуром и исчез. На Илью Ильича он даже не покосил взглядом, очевидно, среди сыщиков бытовали свои представления о приличии. Илья Ильич тоже не подошёл, интерес к новым людям у него значительно угас, теперь Илья Ильич старался осмыслить произошедшее. Чуть не весь день просидел в комнатухе, зажавши голову руками, и медленно перебирал в памяти всю свою жизнь. «Здесь ничего нельзя скрыть», — звучали в памяти Афонькины слова. Теперь Илья Ильич догадывался, как можно узнать о человеке всю подноготную. Зажмёшь в кулаке сколько-то там деньжонок, пожелаешь — и знай на здоровье, что знать тебе вовсе бы и не следовало. Оттого потусторонний мир честен и к людским слабостям снисходительно-беспощаден. Всё на виду, чего уж там стыдиться мёртвому человеку живых дел? Значит, иная мораль, иные люди, лишь внешне похожие на тех, кого знал когда-то. Чужие люди... Это Илюшка-то чужой человек? Да он и сейчас помнит, как таскал сына на руках! Илюшка уж большой парень был, в школу скоро, а любил, чтобы его на ручки взяли, иной раз нарочно притворялся усталым до изнеможения, лишь бы на отцовских руках проехаться. А папаше тоже в радость... Потом, конечно, разошлись, вырос сынуля, свои дела появились, интересы. Отец — строитель, дороги делал, а сын как бы наоборот, взрывник, в армии сапёром был, те дороги минировал. Есть в диалектике такой закон — отрицание отрицания... «Неужто теперь сын вовсе чужим заделался? Не верю».

Старательно, словно мошенник от саентологии, Илья Ильич принялся прозванивать всю свою жизнь, начиная с первых воспоминаний, припоминать каждого человека, с которым судьба свела, а теперь может свести вновь в этом странном месте. Ведь, по сути дела, от той, прежней жизни у него остался лишь груз воспоминаний. Сюда он явился голым, и от новорожденного младенца его отличали память, изношенное тело, от которого можно так легко избавиться, да пригоршня монет с многозначительным названием «мнемон».

Родители. Отца он не помнит, отец не вернулся с войны, ещё с той, которая называется Гражданской. Погиб отец прежде Илюшкиного рождения, а мама почему-то никогда не рассказывала, каким он был. Видать, не за тех, кого надо, отправился воевать папаня. Даже непонятно, как выжила традиция, чтобы все мужчины в роду носили одно и то же имя. Бабушки и дедушки и вовсе его не застали, бурное начало века крепко проредило семью, одна лишь тётя Саша со своими счастливыми слониками выжила в Гражданскую и скончалась в далёком двадцать втором году, когда, казалось бы, жизнь начала поворачиваться к свету.

Мама. Она всю жизнь куда-то торопилась, вечно была занята. Запомнились частые, скучные её болезни и необходимость идти после седьмого класса в ФЗУ, чтобы поскорей подняться на ноги и жить без оглядки на мать. Собственно, детства у него не получилось, жизнь началась, когда он стал зарабатывать на заводе, а вечерами учиться в строительном.

А теперь, значит, он должен встретиться с матерью, ставшей чужой ещё при жизни, и с отцом, который не видал его даже в колыбели. А ещё есть какие-то деды, прадеды, прапрадеды и прапрабабки... бесконечный ряд предков, сваленных сюда, как в отстойник. И что же, они все ждут его, желают видеть, желают говорить? Спросить хотят, как он жил, не опозорил ли фамилию? А те, чьей фамилии ему не досталось, но чья кровь была в его жилах, они ведь тоже здесь и тоже чего-то хотят.

Почему тогда он сидит в этом дурацком заведении под присмотром уйгура и пронырливого Афони, а не стоит перед семейным советом, держа ответ за бесцельно прожитые годы?

И, главное, где Илюшка и Люда, где его семья, которую он уже никогда не надеялся обрести? Пусть там будет что

угодно, но он должен увидиться с женой и сыном, разрешить сомнения и больные вопросы...

Илья Ильич высыпал на ладонь кучку серебристых мнемон, недоверчиво покачал головой. Из ума не шёл Афонин совет, повторенный не раз и не два: «Деньги держи крепче, их лишь поначалу много. И, главное, не вздумай ничего над людьми без их согласия творить. Ничего толкового из этого не получится, а по миру прежде срока пойти можешь».

Конечно, Афоня привирает, и крепко, но в данном случае, похоже, не соврал. Какие они ни будь волшебные, мнемона, но над живыми людьми у них власти быть не должно. Даже если эти живые люди давно умерли.

Илья Ильич брякнул монеты на стол и принялся пересчитывать. Насчитал тысячу мнемон, на второй сбился со счёту, пересыпал денежки обратно в бездонный кошелёк и спрятал до лучших времён.

Голос уйгура за дверью звал к ужину.

За едой прислуживающий хозяин словно случайно помянул, что не стоит волноваться за Афанасия; в крайнем случае, если их унесло очень далеко, сыщик вернётся на следующий день. Илья Ильич, обсасывая перепелиную косточку, небрежно ответил, что и не волнуется. Афоня — мужик бывалый и непременно вернётся в срок.

Неловко было врать, хотя и вранья особого тут не было, просто Илья Ильич не показывал, что в курсе планов, выстроенных обитателями дрейфующей гостиницы. Последние пятнадцать лет состарившемуся Илье Ильичу как-то не было нужды притворяться, и он отвык от этого нехитрого занятия.

Вечер прошёл тихо, без ставших едва ли не привычными подслушанных разговоров; Афанасий добросовестно отсутствовал, и уйгуру было не на кого ворчать.

Когда окончательно стемнело, Илья Ильич поднялся, бесшумно оделся и вышел из гостиницы. Палисадничек, ограниченный высокими кустами жимолости, заливала ночная тьма. Сквозь кусты смутно сквозили серые отсветы нихиля. Илья Ильич подошёл к калитке, недоверчиво бросил взгляд в пустоту. Здесь было не так темно, как возле гостиницы, но казалось ещё беспросветнее. Очень не хотелось делать шаг в потустороннее ничто. Казалось, шагнёшь — и немедля затеряешься в нихиле, не отыщешь дороги даже к этому островку ненадёжной стабильности.

«А вдруг на калитке установлена сигнализация? — мигнула тревожная мысль. — Сейчас трону её — и начнётся трезвон! Уйгур прибежит, стыдобы будет — не обобратся...»

Илья Ильич криво усмехнулся и отворил калитку, на которой не оказалось даже щеколды. И не скрипнуло ничего и не звякнуло. Зачем? Всякий знает, силой тут никого не удержишь, а в nihиль неопытному человеку бежать — последнее дело. Помучаешься, потелепaeшься в кисельке, так потом ещё и доплатишь расторопному Афоне, когда он прибежит будто бы случайно, а на деле при помощи какой-то ориентировки, которой хвалился перед уйгуром.

Так Илья Ильич и отправился в самостоятельное путешествие: в руках рейка, которую сделал сам и бросать которую не хотелось; на помолодевшем теле — стариковский костюмчик, за который сполна заплачено Афоне.

Нихиль — субстанция не из лучших, на дорожное покрытие не годится — ноги вязнут, однако сорок лет — это не семьдесят, громада спящей гостиницы очень быстро растворилась в обманчиво прозрачном воздухе, Илья Ильич остался один на один с nihилем. Шагал, делая вид, будто помогает себе рейкой, прикидывал, как скоро совершит полный круг и вернётся ли к забору из крашеного штакетника или просто будет кружить на месте в обидной близости от жилья.

Потом впереди замаячил свет. Жёлтый прямоугольник, тёплый и зовущий. В ночь, когда не видно ни зги и небесная хмарь готова обернуться дождём пополам с мокрым снегом, вдруг появляется перед безнадёжным путником свет в окошке, и теперь есть куда спешить, в освинцованные ноги вселяется лёгкость, глаз уже не оторвать от цели, ставшей желаннее всего на свете, и веришь, что за окошком тебя ждут.

Оскальзываясь и проваливаясь чуть не по колено, Илья Ильич побежал к золотому прямоугольнику. Ни на единый миг он не побоялся, что это светится окно в комнате уйгура. Совсем близко мерцает призывный маяк, уже видно тёмное пятно стены, вырастающей прямо из nihилия, не отгороженной от потусторонней ночи ни забором, ни чахлыми кустиками. На тёмном обозначился ещё один прямоугольник света — дверь, и там объявилась согнутая тшедушная фигурка:

— Илюшенька, ты, что ли? Пришёл... Ну, заходи.

С некоторым удивлением разглядывал Илья Ильич незнакомую старушку, худенькую и такую эфемерную, что казалось, будто сейчас она рассыплется, обратившись в щепоть отработки. Память на лица у Ильи Ильича была отличная, однако он был вполне уверен, что никогда прежде не встречал этой женщины, которая называла его по имени, словно доброго знакомого.

— Спасибо, Илюшенька, что не забыл старуху, — напевала бабулька, прикрываясь от небытия непрочной фанерной дверью.

Илья Ильич прошёл на середину комнатёнки, огляделся. Давно уж, много лет не видал он таких комнат, словно выкраденных из коммунальной квартиры полувековой давности откуда-нибудь с Большой Пушкарской, Введенской или иной представительной улицы Петроградской стороны. В таких среди грома первых пятилеток доживали свой век интеллигентные старушки с дореволюционным прошлым, те, к кому в очередях полууважительно, полупрезрительно обращались устаревшим словом «дамочка».

Комната, прежде бывшая кабинетом главы семьи или собственным уголком дочери-курсистки, а теперь оставшаяся единственным пристанищем, последним кусочком былой жизни среди нового коммунального хамства, отчаянно тщи-лась сохранить вид старорежимного благополучия. Книги, толстые тома с вензелями владельца, — обязательный Шекспир, Шиллер и Пушкин в марксовском издании, какие-то безделушки, пощаждённые чередой погромов и реквизиций, предмет насмешек и тайной зависти горластых подселенок... И всё это в последней степени ветхости, кажется, коснись неловко пальцем — и в образовавшуюся дыру посыплется серый порошок отработки.

— Вот видишь, как существую? — щебетала бабулька. — Хорошо хоть вообще жива, я уж полста лет как в трущобы скинута, а вот живу, твоими молитвами, Илюшенька, исключительно твоими молитвами...

— Простите, — неуверенно проговорил Илья Ильич, — дело в том...

— Не припоминаешь, да? — Старушка понимающе улыбнулась. — Теперь, Илюшенька, это уже и не важно. А я вот

тебя хорошо помню. Кудрявчик ты был, словно ангелок, а бабловник — до ужаса! Не ребёнок, а малолетний Сергей Есенин. Всё на полку норовил забраться, на эту вот самую...

Взгляд Ильи Ильича и впрямь приковала полочка — единственный предмет, который среди общей обветшалости выглядел прочно и, казалось, излучал основательную антикварную добротность. На полке ровным строем вышагивала шеренга резных слоников — отголосок забытой моды на всё китайское. Впереди, задрав трубящий хобот, шествовал самый большой слон, нагруженный самыми объёмистыми тюками, за ним двигался слон поменьше, следом ещё меньше... и так до самого крошечного слоника ростом едва в полсантиметра. Но и этот седьмой слон так же громко трубил, как и большие братья, и так же нёс хозяйке полные тюки лучшего китайского счастья.

— Тётя Саша?.. — выговорил Илья Ильич имя, которое знал всю жизнь, но никогда прежде не произносил, поскольку в упор не помнил старуху, жившую лишь в семейных преданиях. Да и сейчас не вспомнил бы про неё, если бы не навязчивая картинка: слоники, нагруженные счастьем. Она приходила ему в голову всякий раз, когда речь заходила о раннем детстве, ведь это было первое осознанное воспоминание — резные безделушки, поразившие младенческое воображение, и имя, навеки привязанное к игрушечному каравану.

— Вот видишь, Илюшенька, вспомнил, — закивала старушка.

Она ещё что-то говорила, Илья Ильич не слышал. Удушьющей волной накрыло осознание, что происходящее — правда и, значит, он увидит всех, кого никогда не надеялся встретить. Какая глупость, стоило ждать бесконечную прорву лет... Люда поступила гораздо умнее, когда проглотила свои таблетки и ушла навстречу сыну.

— Они все здесь? — выдавил Илья Ильич сквозь перехваченное горло. — Сын у меня, тоже Ильёй зовут...

— Здесь, — призналась тётя Саша. — Которые живы, те здесь.

Она подняла прозрачные, вымытые временем глаза и спросила:

— Странно слышать такое? А ведь в загробном царстве, Илюшенька, люди тоже умирают. Я бы уже давно порошком

от клопов рассыпалась, пиретрумом, если бы не твои заботы. А сынок твой здесь. Повидаетесь.

— Тётя Саша! — взмолился Илья Ильич. — Ради всего святого, как мне его увидеть? Я с вами потом поговорю, и всё остальное потом, а сейчас мне бы Илюшку повидать. Знаю я, что он изменился, за столько-то лет, что не таким стал, как помнится... И что все люди здесь меняются — тоже знаю. Не надо меня ни к чему готовить, я сам разберусь, только скажите, как к сыну попасть?

— Не будет тебе никакого «потом», — вздохнула тётя Саша. — Я ведь последний день доживаю. Вот ты умирал в этом... как его?.. в доме призрения и знал, что умираешь. Так и я знаю, что мне небо коптит осталось часа два, не больше. Во мне и сути-то человеческой уже почти не сыскать.

Илья Ильич вздрогнул и замолчал. Да и что можно сказать в такой ситуации: «Простите, я не знал»? Вот тебе и «тот свет»! Вот тебе и бессмертие души!

— Брось, Илюшенька, не расстраивайся, — ласково, словно прежнего младенца, успокоила тётя Саша. — Я своё отжила ещё в прежней жизни, а это всего лишь довесок. О нём жалеть нечего... Побудь со мной эти два часа, а там и пойдёшь к своему ненаглядному.

Илья Ильич покорно кивнул, отодвинул гнутоногий венский стул и уселся.

Стул беззвучно развалился, Илья Ильич, взметнув тучу серой пыли, упал на пол.

— Осторожнее! — страдальчески вскричала тётя Саша. — Тут ничего нельзя трогать, видишь, одна отработка кругом, чуть коснёшься — всё в пыль рассыпается. Я уж который месяц сплю ровно собачонка на полу у двери.

— Я сейчас поправлю! — Илья Ильич, даже не отряхнувши костюм, полез за висящим на шее кошельком, высыпал горсть монет. Он уже понял, что комната представляет собой такую же развалину, как встреченный в нихиле раёк, а с помощью пригоршни мнемонов можно вдохнуть в неё призрак жизни.

— Не надо, — остановила его старуха. — На мой век хватит, давай уж поговорим стоя. Перипатетики, прогуливаясь, беседовали, а мы с тобой постоим. И тратиться ради меня не вздумай.

— Да что вы всё о деньгах? — не выдержал Илья Ильич. — У меня их труба нетолчёная.

— Вот и побереги, — голос тёти Саши был по-учительски серьёзен, — потому что это не деньги. Давай, пока время есть, я тебе всё по порядку расскажу. Только не перебивай, а то так и будем бродить вокруг да около.

— Хорошо, — согласился Илья Ильич, с удивлением заметив, что в его голосе звучат те же категоричные, видимо семейные, нотки. — Только сначала...

Призрачный стол налился сосновой твёрдостью, уцелевшим стульям вернулась ореховая фактура, даже скатерть, уже наполовину сползшая пыльной отработкой, вновь засияла крахмальной белизной. Чашки в посудной горке зазвенели чистым фарфоровым звоном, серебряный чайничек над призраком спиртовки засиял. Руке было жарко, и Илья Ильич старался не думать, сколько мнемон и лямишек, которые, оказывается, вовсе не деньги, улетает сейчас. Илья Ильич боялся, что, когда он узнает правду, он уже не сможет вот так, безоглядно тратить эти мнемона, а вернуть комнате былой вид казалось совершенно необходимым. Даже сейчас холодок предчувствия продрал по спине и стыдно обрадовала услужливо припомненная Афонина фраза: «Чинить в сто раз дешевле, чем новое создавать».

Тётя Саша молчала, видимо, и она разобрала в голосе упямое семейное «надо». Лишь когда Илья Ильич, словно проверяя на прочность, пристукнул ладонью по столешнице, старушка тихо посетовала:

— Ну куда ж ты? Мнемона три истратил, не меньше...

Всего три мнемона? Илья Ильич перевёл дух.

— Сделай уж тогда и чайку. Я-то тебя угостить не смогу, изнищала вконец.

Илья Ильич разжал кулак, денег в котором и впрямь вроде не убавилось, и протянул старухе мнемон.

— Куда столько? — замахала руками та. — Для этого дела пары грошиков хватит.

Тётя Саша взяла с ладони две лямишки, зажала их в сухоньком кулачке, и тут же чайник закурился ароматным паром, а в сухарнице возникла горка яблочной пастилы.

— Ты уж не серчай, я вместо сахара пастилку припомнила, люблю я её грешным делом. А сахар моим зубам не поддаётся. Зубы у меня по сей день свои, но тоже из отработки.

Илья Ильич кивнул и стал разливать чай.

Тётя Саша уселась напротив, взяла чашку. Всякое движение получалось у неё с простотой грации, как в более поздние годы умели лишь немногие особо одарённые актрисы. А если пытаться подражать подобным манерам, то ничего не получится у неумной дуры, кроме жеманно оттопыренного мизинца.

— Так вот, Илюшенька, — промолвила тётя Саша, беззвучно отхлебнув горячего чая, — знаешь, как на поминках говорят о дорогом покойнике: «Он будет вечно жить в наших сердцах». Этакая самоуспокоительная фигура речи... А на деле получается самая что ни на есть истина. Мы все здесь существуем до той поры, пока живые нас помнят. Тебе потом всяких глупостей наговорят, вымыслов и домыслов, да и просто бредней — неумных людей всюду хватает, но доподлинно известно только одно: покуда нас вспоминают — мы есть. И монетки, что у тебя в кошельке звенят, — это не деньги вовсе, а людские воспоминания. Помянул тебя кто добрым словом, а хоть бы и злым, и сразу в твоём активе денежкой больше. Одно воспоминание — один мнемон. А если этот человек при твоей жизни тебя не знал, а только потом о тебе услышал, то и монетка тебе достаётся маленькая — грошик.

— Лямишка? — переспросил Илья Ильич.

— Ой, их как только не называют! Раньше грошиками и поминальничками называли, сейчас чаще копеечками и эти-ми... лямишками. Я жаргона не люблю, а молодые его легко принимают. А большая монета, настоящее воспоминание, она всегда называется «мнемон». Это от греческого мнемоникон...

Илья Ильич кивнул, показывая, что хотя классической гимназии на его долю не досталось, но настолько он языки знает, и тётя Саша, не вдаваясь в лишние объяснения, продолжила рассказ:

— Так вот, кроме ништяка и человеческой памяти, здесь нет ничего. Хотя ништяк — это и есть самое настоящее «ничто». Конечно, люди и тут верят во всякое и думают, что, кроме прожитой, им ещё какая-то жизнь полагается, но уж прости старуху, я в эту ерунду и при жизни не больно верила, я же бесстужевка, в народ ходила по молодости лет. Потом перед смертью, в Гражданскую, насмотрелась я на русский народ... Даже в церковь начала хаживать, чтобы хоть этим до-

садить торжествующему хаму. Но в бога верить всё равно не стала, в ком однажды разум проснулся, того эти глупости уже не прельстят.

Вот, оказывается, из каких времён идёт его вольномыслие!

— Тётя Саша! — воззвал Илья Ильич. — Я ведь тоже неверующий. Ни в молодости не верил, ни тем более перед смертью.

— Вот и хорошо, — улыбнулась старуха, — а то говорят, сейчас снова стало модно молитвы гундосить. Так ты знай, если кто о божественном с тобой заговорит, то это или дурак, или мошенник. Вернее, что второе: говорит о душе, а прицеливается к деньгам. Память о тебе украсть хочет, чтобы самому послаще жить. Ведь у нас с помощью мнемоников можно... не всё, конечно, но очень-очень многое.

— Это я уже знаю, — сказал Илья Ильич. — Зажимаешь деньги в кулаке, желаешь, и пожалуйста, получи — хоть пастилы к чаю, хоть вечную молодость...

— Вечной молодости как раз и не получишь. Получить можно только то, что у тебя при жизни было, что ты помнишь или можешь помнить. Вот пастилы я за одну лямишку полфунта придумала, а вздумала бы захотеть какой-нибудь оллаподриды, о которой кроме названия и знать ничего не знаю, то ничего путного у меня бы не получилось, только деньги бы извела. Конечно, здесь тоже можно кое-чему научиться, но всё равно получаться будет хуже и дороже, чем то, что знал при жизни.

— А! — воскликнул Илья Ильич. — Афоня, тот сыщик, что меня нашёл, говорил, что ему четверть смирновской водки в три лямишки обходится, а молодые так не умеют. Теперь понимаю почему.

— Значит, он её при жизни пил, — покривив губы, произнесла тётя Саша. — Что ж, тоже мастерство, сейчас таких уже немного осталось. По питухам память непрочная.

— И куда деваются те, кто забыт всеми и навсегда?

— А ты на меня взгляни, Илюшенька. Могила моя на Смоленском кладбище давно с землёй сровнялась, из живых людей, кто меня знал, ты был последним, и даже документов обо мне никаких не сохранилось после стольких-то войн. А время идёт, и каждый день просто за то, что дышишь, у тебя убывает по одной копейке. И как последняя монетка уйдёт, то и

сам рассыпаешься серой пылью. Ничиль — это же небытие, беспмятство это... Некоторые, конечно, и здесь приспособились, зарабатывают, кормятся при тех, кто позже пришёл, вроде как Афоня твой. Но таких мало, и не потому, что желающих нет, а просто не всякому удаётся. Ведь даже у новоприбывших денег не так много, как кажется. Живые, они о живом думают, им дорогих покойников вспоминать некогда. Оно, конечно, обидно, но правильно. Живые и должны думать о живом.

— Понял... — протянул Илья Ильич. Теперь, когда несложная тайна серебристых монеток была произнесена вслух, ему казалось, что он с самого начала подозревал нечто похожее на истину. — А как же те, кого люди действительно помнят сотнями лет, какой-нибудь Александр Македонский?

— Не встречалась... — усмехнулась тётя Саша. — Те великие, кого помнят, отдельно от простых людей живут. Надоели мы им за тысячу лет хуже горькой редьки, и у них выстроено специальное место, которое называется Цитаделью. Что там внутри, я не знаю, и знать мне это отчего-то неинтересно. Охрана там на стенах стоит, и в ворота никого не пускают. Обидно, что те, перед кем в жизни преклонялась, после смерти от людей заперлись, ну да бог с ними, давай лучше о простых людях поговорим...

— Как близких найти, — напомнил Илья Ильич.

— Так вот, — словно не слыша, продолжила тётя Саша, — простые люди живут в Городе. Это и в самом деле город, дома там, улицы, парки есть, развлечения самые разные, на любой вкус. Всё людьми сделано, за всё мнемонами заплачено, и за всё нужно платить. Только по улице гулять можно бесплатно.

— А мне Афанасий говорил, чтобы я в городе никаким коммунальным службам не платил, что всё это обман.

— Обман и есть, — согласилась тётя Саша. — Свет и воду, захочешь, сам создашь, за свои кровные, безо всякого водопровода и электростанций, а канализация там и вовсе ни к чему. От неживых людей и отход один — ничиль. Город, по сути дела, и не нужен, просто люди жмутся один к другому. Хотя некоторые, пока память о них не простыла, создадут себе домик, устроятся в нём поуютнее и дрейфуют в нихиле сами по себе.

— Вот так? — спросил Илья Ильич, поведя ладонью округ себя.

— Не совсем. Таких, как я, город сам отторгает, и мы тут в нихиле потихоньку растворяемся.

— Но, может быть, как-нибудь можно помочь?

— Нет, Илюшенька, как тут поможешь, если я уже давно всеми забыта. Пока ты жив был, вспоминал иногда, не меня даже, а слоников этих, тем я и перебивалась. А теперь уже нечем, да и незачем. Будет с меня — собачонкой на коврик лежать... Я ведь могла ещё с год протянуть, а то и больше, но я твои последние два мнемона разом потратила, чтобы тебя встретить. Кстати, и своих ты отыщешь почти таким же способом... компасок называется. Его можно на себя ставить или на другого, но только на знакомого человека, с кем при жизни встречался. На себя — один мнемон, на другого — парочка. Просто зажимаешь деньги в кулак и хочешь этого человека найти. Или чтобы он тебя нашёл. Только ведь он может и не захотеть встречи с тобой. Ты вот хотел найти хоть кого-нибудь и, куда тебе не мешали, шёл напрямик к моему окошку. А если бы не искал меня или другого знакомого человека, то и знать бы не знал, что я тебе компас поставила.

— А я думал, что вслепую в нихиле топчусь. Там ведь кругами пойти — самое простое дело.

— Ко мне ты шёл, Илюшенька. Тут многие пытаются родных да знакомых встретить, но не у всех получается, хоть два компаска разом ставь — на себя и на того, кого ищешь. Пока компас к цели доведёт, бандиты тебя десять раз перехватить успеют.

— Какие бандиты? — изумился Илья Ильич. — Мне говорили, что отнять чужие деньги, то есть мнемоны, невозможно, только если сам отдашь.

— Вот сам и отдашь. Ты подумай хорошенько, человек испуганный, голый посреди этого нихиля, а тут появляются люди, эти самые вымогатели, так ты им за то, что они тебя пристроят, за всё стократ платить будешь. У них маяков этих наставлена целая сеть, я сама удивляюсь, что ты меня отыскал прежде, чем они тебя поймали. Так что ты теперь свои мнемоны сохранишь.

— Я слышал, будто есть какие-то бригадники...

— Они самые и есть.

— А я думал, они государственные служащие. Я уже знаю, что они обдирают как липку, но полагал, что в пользу государства.

— Какое же государство в царстве мёртвых? Маркса читать нужно... — Старорежимная старуха, премного пострадавшая от доморощенных марксистов, улыбнулась неожиданно задорной улыбкой, лучащейся в углах рта и глаз. — Государство — аппарат принуждения, а к чему ты меня принудишь, если я уже померла? У нас тут анархия в чистом виде, мечта князя Кропоткина. А бригадники, как и все прочие, на свой карман работают.

Илья Ильич отхлебнул жасминного чая, усваивая новую информацию.

— Сыщик мне говорил, что тут штрафы в пользу государства, половина, мол, в казну идёт.

— Куда она идёт — того никто не знает. Может быть, просто в пользу вселенского беспорядка. В городе даже храм есть «мировой энтропии». Но город существует просто потому, что люди даже после смерти жмутся друг к другу. В городе и зарабатывать легче — на таких, как ты, новичках, и на знаменитостях, Цитадель-то рядом стоит. Там охрана кормится, обслуга... ну и прочим перепадает, когда охранники в город развлекаться идут. От Цитадели держись подальше, ничего доброго там не получишь.

— Там же вроде великие люди должны жить, — удивился Илья Ильич, — не только всякие диктаторы, но и учёные, гуманисты... Что же они от людей заперлись и охрану поставили?

— Ой, — вздохнула старуха, — а ты поживи тут триста лет, посмотрю тогда, что от твоего гуманизма останется... Впрочем, с этим сам разберёшься, давай-ка научу, как тебе своих искать...

Сильный удар прервал последние слова. Ветхая дверь не слетела с петель, а просто рассыпалась пыльным облачком. В комнату ворвались шестеро человек. Вид их был дик и страшен, лица украшали татуировки и глубокие шрамы, чёрные одежды напоминали скорее маскарадные костюмы: нечто не то средневековое, не то взятое напрокат из мистического триллера. Конкретной атрибутики не было, так что при желании можно было принять явившуюся публику за монахов, дьяволов, инквизиторов или служителей преисподней любой религии, где подобная вера культивируется.

— Вот он! — хрипло взревел устрашающего вида негр, единственный, чьи ритуальные шрамы, возможно, появились

при жизни, а не были результатом пластической операции за полмнемона. — Попался, грешник!

— Ребята, вы опоздали. — Илья Ильич безжалостно улыбнулся. — Кыш отсюда!

— ...думал скрыться... — по инерции проголосил чернокожий, затем взгляд его остановился на тётё Саше. — Ну, ведьма, — прохрипел неудачливый бес, — ты мне за это запла-тишь!

— И как вы это себе представляете, любезнейший? — язвительно поинтересовалась тётя Саша.

— Да я тебя, стерву, с потрохами сожру! — Вошедший в раж громила саданул ногой по столу, видимо рассчитывая, что и он рассыплется пылью, однако свежечиненная мебель с лёгкостью устояла. Бригадник взвыл, ухватившись за ушибленную ногу.

— Ты ещё меня ударь, — язвительно посоветовала тётя Саша.

— Вот что. — Илья Ильич шагнул вперёд. — Извинись перед женщиной, почини дверь и выматывайся вон.

— Шо?! — Негритос явно говорил на каком-то своём наречии, но Илье Ильичу, ставшему день назад великим полиглотом, казалось, что перед ним обычный дворовый дебошир, который и говорит, как положено мелкому братку и дебоширу. — Да я тебя, козла...

Илья Ильич медленно и нехорошо улыбнулся, выволок из-за пазухи толстый, почти не траченный кошель, резким движением распустил завязку. В глазах застывших бригадников он видел испуг, смешанный с недоумением, и это доказывало, что он действует верно. Раз в этом мире нет ничего, кроме монет-памяток, то и счёты промеж себя люди сводят этой же универсальной валютой. Серебристые мнемонаы звенящей струйкой потекли в ладонь. Сколько их там могло поместиться? Десятка два, но для людей, давно умерших и прочно забытых, это было целое состояние. Илья Ильич зажал монеты в кулаке, словно свинчатку, и занёс руку для удара.

— Так кто здесь козёл?

Противник, недавно такой грозный, посерел от ужаса и метнулся к дверному проёму. В этот момент в дверях возник ещё один человек, и беглец врезался в него со всего маху. Оба упали, негр вскочил первым и исчез среди нихilia быстрее, чем это мог заметить взгляд.

— Что здесь, собственно, происходит? — громко спросил вошедший, поднимаясь и отряхивая костюм. В голосе его перекатывались нотки неудовольствия, что вполне можно было объяснить пинком, полученным при входе. У Ильи Ильича не было и тени сомнения, что вошедший имеет отношение к той же мошеннической банде, что и сбежавший негр, однако формального повода для расправы с вальяжным господином не было, да и самый его вид не предполагал кулачной над ним расправы. В конце концов, вид человека, который в подобной ситуации прежде всего заботится о чистоте костюма, способен остановить даже занесённый для удара кулак.

— Ваши люди? — спросил Илья Ильич, указывая на пятерых жавшихся по углам бригадников.

— Первый раз вижу, — словно на очной ставке, отозвался приличный. — Я, собственно говоря, представитель федеральных властей, а вы, насколько я понимаю, совсем недавно появились в... как бы это сказать... короче, появились здесь и ещё не прошли регистрации.

— Свидетельство о смерти, что ли, получать? — язвительно спросил Илья Ильич. — Так его там выдают, родственникам, а мне как бы и ни к чему.

— Ошибаетесь, глубоко ошибаетесь... — проникновенно пропел самозванный чиновник.

Илья Ильич краем глаза заметил, что недавние погромщики, пытавшиеся разыграть, казалось бы, беспроеигрышную карту Страшного суда, один за другим по стеночке прокрались к вышибленной двери и немедленно расплылись в полутьме. Мешать им Илья Ильич не стал, не сюда же они рвутся, а отсюда... Илья Ильич продолжал разглядывать главаря, который уже привычно вешал, то нравоучительно, то с лёгкой укоризной, то переходя на стиль рекламного слогана:

— Люди живут везде и всегда, даже, как видим, неживые люди тоже живут, а жить в обществе и быть свободным от общества — нельзя. Это не я придумал, а один мудрый человек...

Случилось так, что в молодые годы Илья Ильич жил исключительно среди честных людей. В коммунальной квартире, где проходило его детство, можно было оставить на кухонном столе кошелёк и быть уверенным, что не пропадёт ни единой копейки. Мошенниками считались цыганки и безнадзорные мальчишки, шаставшие по рынку. И тех, и других можно было легко определить по внешнему виду, суетливым

движениям и воровато бегающим глазам. Мошенник на доверии был редкой птицей, какую впору в «Красную книгу» заносить. И когда с приходом нового времени появились благообразные распространители фальшивых лотерей, respectable деятели финансовых пирамид, милые девушки, работающие на подхвате у уличных кидал, и прочий преступный люд, искренне считающий себя хорошими людьми, многие, и Илья Ильич в том числе, не могли этого понять. Везение — или чутьё — не дало Илье Ильичу вляпаться в мошеннические соблазны, он обходил стороной игроков в шарик и три листика, не брал билетов бесплатных лотерей и не вкладывал денег, которых у него и не было, в проекты, обещавшие слишком большие доходы. Но одно мучило его и не давало покоя. Мошенники почему-то были слишком похожи на людей. Это невозможно представить: стоит человек, смотрит на тебя честными глазами, а сам...

— Скажите, — перебил Илья Ильич монолог федерального чиновника, — вот вы мошенник, и, насколько я понимаю, мошенник-профессионал. А когда вы решили стать мошенником? Когда вы поняли, что обманывать хорошо и ни капли не стыдно?

— По-вашему, я похож на мошенника? — оскорбился чиновник.

— Ничуть, — заверил Илья Ильич. — Вы удивительно похожи на честного человека. Поэтому я и спрашиваю: вы нашли себя в этом ремесле? Получаете ли вы моральное удовлетворение, когда вам удаётся облапошить встречного? И ещё... вы потомственный мерзавец, или вас воспитывали как человека и ваша мама, которая, вероятно, тоже находится здесь, была бы огорчена, если бы узнала о вашем промысле?

— Знаете, — оскорбился благообразный, — в таком тоне я разговаривать отказываюсь!

— А вас сюда никто и не звал, — напомнил Илья Ильич.

— У меня дело! Я официальное лицо. Или вы предпочитаете, чтобы вас вызвали повесткой и заставили платить штраф за отсутствие регистрации?

— Идите отсюда, — ласково предложил Илья Ильич, — а повестку можете прислать по почте. Кстати, коммунальных сборов я тоже платить не собираюсь. Лямышка в день, насколько мне известно, взимается автоматически, а всё остальное — ваши придумки. Так что вы с вашей командой опозда-

ли. Можете быть свободны. Жаль, что здесь нет тюрем и милиции, а то засадить бы вас лет эдак на пятьсот. А ещё лучше — повесить. В прежние годы умерших, случалось, выкапывали из могилы и вешали. Лично я повесил бы вас с большим удовольствием.

— Мнемон в день, и я согласен сидеть в тюрьме, покуда у вас не кончатся деньги, — деловито предложило официальное лицо.

— Оботрёшься, — вспомнив молодые годы, ответил Илья Ильич. — Катись колбасой вместе со своей гопой, а то ведь я не пожалею денег и узнаю, что тебе полагается за то, что ты сюда вломился.

— За отработку-то?... Ничего не полагается.

— Вот теперь ты и заговорил как урка, — с удовлетворением констатировал Илья Ильич. — Сколько себя не лакируй, а гнилое нутро покажется.

— Послушайте, — возмутился самозванный чиновник, — в конце концов, я вам не тыкал!

— А я тебе сейчас так тыкну, что насквозь проткну, — пообещал Илья Ильич, продолжая сжимать в кулаке отсыпанные деньги.

— Илюшенька! — воззвала из угла тётя Саша. — Успокойся. А вы, — повернулась она к бригаднику, — уходите, пожалуйста.

— Минуты здесь не останусь! — продолжая разыгрывать оскорблённую невинность, бросило псевдоофициальное лицо и кануло в дверном проёме, бросив на прощание: — Ну, каков хам!

— Забавные люди эти мертвяки, — заметил Илья Ильич, возвращаясь к прерванному чаепитию. — Вор на воре сидит и воров погоняет. Одно непонятно, где же честные-то люди?

— Есть честные люди, есть... Только они в нихиль без дела не ходят, нечего тут честному человеку делать. Нормальные люди в городе живут, кто побогаче — в центре, кто похуже — на окраинах, в трущобах. Окраины так и называются — Отработка. Там — такие, как я, убогие, развоплощения ждут.

— Честные люди, значит, в городе, а новичков этим шкалам на растерзание?

— А ты что предлагаешь?

— Организовать настоящие бригады для поиска новичков

и не грабить их подчистую, а действительно помогать устроиться в новой жизни. Встречать, вот как ты меня встретила...

— У нынешних бригадников с этого всё и начиналось, Илюшенька, но ведь дорого это, новичков встречать, а работникам тоже жить надо, только опыт приобретёшь, научишься новому ремеслу, как тебя дома забывать начинают, развоплощение замаячит... Значит, нужно зарабатывать. Вот и появляются один побор за другим, все придуманные, а на самом деле, чтобы при свежих покойниках руки погреть, собственное существование продлить подольше. Есть и такие, что без сети маяков работают, на свой страх и риск. Но это таланты, потому они новичков как липку и не обдирают. Например, твой Афоня, ведь хороший человек... а что деньги у тебя выцганивал, так ведь понемножку, только чтобы себе на прожитьё хватило. А тут — организация, им деньжищ всегда нужно больше, чем есть.

— Хорошо, с этим я разберусь попозже...

— Ладно, — улыбнулась тётя Саша, — слушай, как тебе своих искать...

* * *

Из странной, стоящей посреди нихили комнатёнки Илья Ильич ушёл через несколько часов. Перед уходом поправил что мог, вот только книги не сумел сделать вновь читаемыми. Библиотека у тётя Саши была своеобразная и, кроме обязательной классики, насчитывала множество каких-то странных сочинений, о которых Илья Ильич и не слыхивал, а потому и восстановить не сумел. А так — потратил сколько-то мнемон, и комната стала жилой. Заодно оттренировал нехитрое умение — узнавать, за что именно получена та или иная монетка. Зажимал серебристый мнемон между ладонями и узнавал кое-что о той жизни, что продолжалась дома после его ухода, но каким-то боком касалась его. Скажем, шофёр, подвозивший его в Лахту, разменивая накалымленную сотню, подумал мельком: как там поживает щедрый старикан... небось подлатали доктора и теперь дедуля жалеет о раскиданных деньгах. Нет, парень, не жалеет. Сотенная банкнота оборотилась здесь серебристым мнемон, а это куда как больше, чем просто деньги. Это немного жизни для того, кто уже умер.

Тётя Саша не вмешивалась в хозяйничанье правнучатого племянника, понимала, что только раззадорит гостя. Лишь на прощание сказала:

— Зря ты это, Илюшенька. Мне ведь не нужно. Знаешь, старики, бывает, уже сами не хотят жить. Устают от жизни. Для них даже царствие небесное хуже ада покажется. Вот и со мной та же история... устала. Я ещё в той жизни устала. Потом, как тут очутилась да молодость вернула, так вроде интерес в жизни появился, а сейчас — опять разочарование. И дело даже не в старческой немощи, а просто... ну, это сам поймёшь, как поживёшь тут подольше. Есть в этой жизни фальшивинка, не все её замечают, а мне она очень заметна. А впрочем, не слушай старческого брюзжания, ступай, а я пойду чай допивать, там ещё осталось на целую чашку.

— Я обязательно зайду через пару дней, — обещал Илья Ильич, и тётя Саша кивала, улыбаясь. Потом повернулась к полочке, сняла самого маленького слоника:

— На вот, возьми на память. Они тут одни только и оставались настоящими, когда ты пришёл. Только из-за них я и жива по эту пору. Их мне когда-то на счастье подарили, и видишь, как вышло, действительно они большую удачу принесли. Я тут всякое про здешнюю жизнь говорила, но ты не всё на веру бери, на самом деле мне тут вторая жизнь выпала и счастья в ней тоже было с достатком. Пусть и тебе будет не хуже.

Илья Ильич ушёл недалеко. Остановила простая и страшная мысль. Ведь он позаботился обо всём: о вещах, об уюте, но забыл про саму тётю Сашу. А у старухи, по её собственным словам, не оставалось ни единой лямишки...

Илья Ильич развернулся и поспешил обратно.

Комната, вынутая из старого петроградского дома и затеянная среди ниш, встретила его светом, теплом и пустотой. Среди уютных стен никого не было, лишь тончайшая серебристая пыль покрывала новую, только что отреставрированную мебель. Недопитая чашка чая ещё курилась ароматным паром, а под серебряным чайничком мирно мерцал огонёк спиртовки.

Вот так, был человек, а теперь его нету. Не осталось даже в памяти и, значит, нет нигде, лишь немые вещи некоторое время существуют сами по себе. Сыщик Афоня в своих странствиях набредёт на пустую комнату, снимет шляпу,

задумчиво потрёт темя: с чего бы это, не раёк в нихиле дрейфует, а жилая комнатёнка. Видать, какой-то домосед скончался и, ослеплённый ужасом, создал не штампованный рай, а собственную норку, в которой так славно пряталось от превратностей судьбы. Но и в норке своей покойничек был сыскан жаждущими бригадниками, извлечён на свет, обобран до нитки (ведь оставалось что-то, комнатка — это не рай на полгектара, она всякому по карману!) и отпущен в новую жизнь. «Опоздал!» — вздохнёт Афоня и, если комната ещё не повешает к тому времени, переночует на постели с пирамидой разнокалиберных подушек, попьёт чаю из фарфоровой чашки, а может быть, и заберёт себе что-нибудь на память. Только что пользы от мёртвой памяти давно скончавшегося человека? Творить может только память живых, об этом живым никогда не стоит забывать.

Илья Ильич понуро постоял, привыкая к мысли, что уже ничего не исправишь, потом осторожно взял оставшихся шесть слоников, положил во внутренний карман пиджака, потёр темя, словно копируя будущий Афонин жест, и осторожно прикрыл за собой так недавно созданную, но уже никому не нужную дверь.

Ориентируясь по неумело поставленному компасу, двинулся сквозь нихильную хлябь, надеясь, что Город, как было обещано тётей Сашей, появится не позже чем через полчаса. Компасов было создано два, но один, тот, что ориентирован на Люду, угрюмо молчал, словно бывшая жена уже давно рассыпалась тончайшей отработкой.

ГЛАВА 4

Ресторан «Дембель» считался не слишком дорогим, но приличным заведением, одним из многих в русском секторе Города. Обычно здесь собирались парни, погибшие в бессмысленных войнах последних десятилетий, а вокруг настоящих воинов, как всегда бывает, тусовался всякий сброд, не военный, но ушибленный армией и даже после смерти не умеющий стать просто человеком. Настоящих было видно и по уверенной повадке, и по нескаредному поведению. Погибнув молодыми, они оставили в живом мире родителей, братьев, приятелей и невест. Так или иначе, но их вспоминали чуть не всякий день, поэтому в средствах завсегдатаи «Дембе-

ля» тоже особо не стеснялись, просаживая порой по мнемону в день.

Столики в «Дембеле», как и во всяком ресторане, были двух сортов: обычными и невидимыми, за которыми сидели те, кто не желал привлекать к себе лишнего внимания. Невидимый столик и все кушанья за ним стояли вдвое дороже обычных, поэтому приватные беседы случались в рестораничке нечасто.

Музыканты в «Дембеле» играли круглосуточно, сменяя друг друга. Платили им сущие гроши: кормёжку и по две лямишки в день, однако от желающих отбою не было, одни получали таким образом возможность хоть как-то быть услышанными, а другие, обитающие в Городе уже много десятков лет, считали и две лямишки вполне приличным заработком. Убогие кварталы Отработки были сверх всякого представления заселены музыкантами, когда-то, быть может, и известными, но ныне прочно забытыми. Обычным ресторанным лабухам в заведения Города хода не было, даже для пикианья под лангет можно было найти по-настоящему талантливого исполнителя.

Двое мужчин сидели за обычным столиком в глубине зала, подальше от сцены, где ненавязчиво играл инструментальный ансамбль. Обоим было лет под тридцать, и только обладатель большого количества мнемоноров мог бы узнать, собственный это возраст собеседников, омоложены они или, что тоже случалось в «Дембеле», погибнув в неполных двадцать, посчитали нужным накинуть для виду лишний десяток лет.

— Какое же это оружие?.. — внушал чернявый светлоголовому собеседнику. — Трапедия — обычный гимнастический снаряд. Имеем полное право.

— Цирк, — не то осуждающе, не то подсказывая, произнёс светлый.

— Вот именно. Организуем бродячий цирк: клоунов, акробатов, иллюзионистов пару — мозги пудрить...

— Ты ещё ручного медведя не забудь... Не дороговато обойдется такой цирк?

— В Отработке найдём добровольцев задёшево.

— Не пойдут эфемеры на Цитадель. А если и пойдут, то их там в три минуты в распыл пустят, пылесосом собирать придётся. Это ещё до нас пробовали: задавить охранников

числом, устроив под стенами Ходынку. Отбились на раз. Теперь эфемеры учёные.

— Да они ничем не рискуют и знать ничего не будут! Цирк и цирк. Наберём труппу, может быть, даже пару представлений дадим на бульваре, пусть со стен поглядят, попривыкнут к нам. А потом как бы случайно станем поближе к стенам...

— Кто прыгать будет? — задал светловолосый главный вопрос.

— Я. Я ещё живым трапецией увлекался, у меня получится.

— Понятно... Значит, ты... А не боишься, что тебя влёт снимут, что утку? Траектория твоего полёта вся как на ладони — из любой пукалки снимут. Я бы снял.

— Они ж не будут ожидать...

— Они всегда ожидают, каждое мгновение. К тому же там старики, уж в чём-чём, а в птичьей охоте они понимают, ду-маю, всякому из них приходилось уток сшибать. Ещё из луков.

— Это ты злишься, что не тебе прыгать?

— Ещё чего... Идея твоя, ты и прыгай. Я даже пособить могу, так, по дружбе. Но денег в твой цирк вкладывать не буду. Несерьёзно это. Да и нет у меня денег.

— Это у тебя-то нет? Ты же сам говорил, что тебя каждый день вспоминают...

Светловолосый пожевал губами и ничего не ответил.

— Давай, Илюха, соглашайся! — принялся уговаривать первый. — А то всё болтаем, треплемся, планы строим, хуже штабных, а сами ничего не делаем. А время, между прочим, уходит...

— Я, между прочим, в Афганском прорыве участвовал. И о том, как нас тогда сделали, не по рассказам знаю.

— Молодые вы были, — не то согласился, не то возразил его собеседник, — неопытные. Правил ещё не знали, пытались воевать прошлыми мерками.

— Знали. Там ведь не только наши были, из Афгана и Анголы, но и янки, которых во Вьетнаме кокнули, и сами вьетконговцы, и даже со Второй мировой кое-кто, их тогда ещё неплохо помнили. Так что знали мы всё как есть, но принять этого не могли и полезли нахрапом. У тех копыя и луки, у нас — акаэмы, значит, не могут они против нас выстоять. А они и не стали сопротивляться. Они просто шарахнули в ответ всем своим капиталом — и были правы. Вот то же самое случится и

с твоей трапезией. Пока ты на ней просто так раскачиваешься — это трапезия. А как вздумаешь сальто в сторону Цитадели сделать — так уж не обессуди, кума, попотчуют от души.

— Не успеют. Я считал, у них запаздывание, если противник безоружный, полторы секунды, значит, у меня в запасе две десятых секунды. Ты не хуже меня знаешь, что за это время можно сделать...

Светловолосый Илюха не слушал. Он медленно поднимался со стула, оборотившись в сторону дверей. Там, шурясь на яркий свет эстрады, стоял человек, очень похожий на самого Илюху. Те же светлые волосы, такой же вздёрнутый нос, тот же взгляд недоверчивых глаз. Даже возраст у двух мужчин был примерно одинаковым, так что всякий без колебаний назвал бы их братьями. Однако Илюха, сделав шаг навстречу вошедшему, произнёс слово, которое могло быть обращено к ровеснику только в загробном мире:

— Папа...

— Я, Илюшка, — сказал Илья Ильич.

Бесконечно долгие секунды они стояли друг напротив друга и молчали. Всё было ясно и без слов, хотя ничего не было ясно. «Мы увидимся ТАМ», — говорят о любимом покойнике. А ведь радость встречи можно испытать только в настоящем мире, ТАМ мы все будем, и встреча за гробом означает лишь, что любимого человека тоже нет в живых.

Илья Ильич странно всхлипнул и прижался лбом ко лбу взрослого сына.

— А ты совсем не изменился, — сказал Илья-младший.

— Это я тут подновился, — ответил Илья Ильич, чтобы что-нибудь сказать. — Видел бы ты меня в хосписе, краше в гроб кладут...

Черноволосый собеседник Илюшки, оценив загробный юмор шутки, коротко хохотнул.

— Мама здесь? — спросил Илья Ильич.

Сын чуть заметно поморщился, но ответил:

— Куда ж она денется?

— Видитесь с ней?

— Нет, — коротко ответил сын, а потом, видя, что от него ждут настоящего ответа, добавил: — Она хорошо устроилась, в Цитадели служит, а оттуда в город не часто выходят. Не поощряется это, да и сами не хотят.

Что-то в этих словах показалось Илье Ильичу сомнитель-

ным, но уточнять он не стал, не желая портить радость свидания с сыном.

— Ты здесь как? — излишне быстро спросил Илюшка.

— Да вот, — усмехнулся Илья Ильич, — проездом.

— Я ж говорю, ничуть не изменился. — Илюшка повернулся к черноволосому акробату и торопливо произнёс: — Серёга, видишь, отец это мой. Я с тобой потом договорю...

Серёга понимающе кивнул и, захватив своё пиво, пересел за один из дальних столиков. Настроение у него было под цвет волос... не соврал, значит, друг Илья и действительно сидит без денег. Прежде от батяни подкармливался, отцы часто вспоминают погибших сыновей, мучаясь, что сами живы, а мальчишки угадали под вражескую пулю. А теперь... кто будет вспоминать погибшего тридцать лет назад солдата? Слишком много с тех пор пришло в Россию двухсотых грузов. А «Книга памяти» что мёртвому припарка... — лямишка в пять лет. Потом Серёге пришли в голову ещё какие-то соображения, он встрепенулся, заинтересованно поглядел на толкующих мужчин, но подходить не стал, тоже ведь понять можно, пусть люди поговорят... третий для них сейчас лишний.

* * *

Комната сына оказалась той самой, Илюшкиной комнатой, что вплоть до ухода Людмилы продолжала ждать в родительском доме. Это потом Илья Ильич порушил весь некрополь, а была бы возможность — даже квартиру сменил бы. Говорил, что мёртвые в душе живут, а не среди сберегаемого барахла. И ведь как прав оказался, аж жуть берёт. Даже полуразрушенный бобинник с записями Высоцкого стоял на полке. И Илья Ильич вдруг подумал: есть ли там последние записи певца?.. Ведь Высоцкий умер позже его сына, так что от Ильи-младшего не досталось ему ни единой лямишки. Станные вещи приходят в голову в самые неподходящие минуты жизни.

Царил в комнате застарелый холостяцкий беспорядок с неубранной посудой и запахом дешёвых сигарет. Илья Ильич в жизни не курил, даже на фронте, и сыновью слабость не одобрял решительно. Очевидно, и Илюшка помнил это, потому что немедленно смёл со стола весь мусор вместе с затесавшейся посудой и какими-то вещичками. Окна открывать

он не стал, но в комнате с ходу повеяло прохладой и липким тополиным запахом.

— Оставь, — сказал Илья Ильич больше для порядка, ибо порядок ценил и соблюдал не только дома, но и во всех своих бесчисленных разъездах. — Расскажи лучше, как ты тут. Не вообще как здесь дела обстоят, а про себя. Как живёшь, чем занимаешься...

— Сам видишь. — Сын широким жестом обвёл комнату. — В нашем положении делом заниматься трудно, тут все вроде как пенсионеры, отдыхают, покуда пенсия капает. — Илюшка уселся за стол, словно в яму упал, видно было, что не один час он провёл, сидя вот так, обхватив голову руками и размышляя о грядущем, которого лишился тридцать лет назад. — Ничем я здесь не занимаюсь. С ребятами встречаемся, разговариваем, вспоминаем... чаще — из той жизни, ну... и в этой кой-что было. Развлекается, кто как умеет... театров тут много, в кино можно сходить... как кто из режиссёров знаменитых сюда является, так сразу их фильмы крутить начинают, не те, что на экране шли, а как их режиссёр в мечтах представлял. Называется — «правильное кино». Новинки тоже крутят... это по воспоминаниям зрителей, только я туда не хожу, парашное это дело, любой фильм мелодрамой отдаёт. И радио, новости живой жизни, тоже не слушаю, кой ляд мне его слушать, если всё равно ничего изменить не можешь.

— Радио, значит, есть, — задумчиво протянул Илья Ильич.

— Есть, только денег стоит, хотя и небольших.

— А кто этим всем занимается? Это же работа, та самая, о которой ты мечтал.

— Бригадники.

— Как? — Илья Ильич искренне удивился, но тут же понял, что удивляться как раз и не следовало. Не дураки же эти люди, чтобы только деньги грести у свежепредставившихся. Информация — те же деньги. Наверняка у них там и журналисты работают высококлассные, и психологи, и чёрт знает кто ещё. Так что зря он записал в мошенники всех бригадников скопом. На самом деле это маленький кусочек порядка среди мечты князя Кропоткина.

— Не женился? — наконец прозвучал вопрос, который изводил Илью-старшего болью в пульпитном зубе. И ответ был под стать вопросу, сын дёрнул плечом, словно муху сгонял, и произнёс невнятно:

— Да как тебе сказать...

— Так и скажи.

— В мэрии с кем угодно брак регистрируют, хоть заочно. За один мнемон. Говорят, есть идиоты, которые идут и оформляют брак с Клеопатрой или, скажем, Софи Лорен. А сами живут с обычными бабами, которые... ну, ты уже знаешь, что тут внешность можно изменить?

— Знаю, знаю... — Илья Ильич усмехнулся. — О дураках — не будем. Ты же помнишь, мне на бумажки всегда было плевать. Просто, ежели что, так познакомь с невесткой.

— Нету у меня жены, — жёстко сказал Илюшка. — А всё, что было... несерьёзно это.

— Понятно...

— Да нет, пока ещё непонятно. — Сын кривовато улыбнулся, не зная, как говорить на такую тему. — Тут без поллитры не разберёшься... Ты, конечно, меня на тридцать лет старше, но здесь ещё новичок, а я как раз тридцать лет отбыл.

— В отцы годишься, — подсказал Илья Ильич, встретив в ответ понимающую улыбку, очень похожую на его собственную.

Сунув руку за пазуху, Илья Ильич, не глядя, добыл немного денег и, внутренне замерев (непривычно ещё было!) соорудил на столе завтрак. Можно было бы и не завтракать, от голода на том свете никто не умирает, но живая привычка к чревоугодию брала своё. К тому же и впрямь легче говорить за накрытым столом. Только вместо помянутой Илюшкой поллитровки как-то нечаянно обнаружились фронтные стограмм, «понтонные», как называли их сапёры.

— Ишь ты! — проговорил Илюшка. — Вареники! С творогом небось, как мама делала... Не забыл, значит?

— Я-то не забыл... — Илья Ильич запнулся на мгновение. — Так что всё-таки с матерью? Я компас поставил, а он молчит, как нет его.

— Говорю же, в Цитадели она, — тень снова набежала на Илюшкино лицо. — Работу сыскала.

— А мне говорили, что в Цитадель никакими силами не пробиться. Кем она там устроилась-то?

— Кем, кем?.. Вот тем и устроилась!

— Ты что о матери говоришь? — возвысил голос Илья Ильич.

— А я ничего и не сказал. — Сын был мрачен. — Ты сам догадался.

— Не может этого быть. — Слова легли так убеждённо, что точка в конце прямо-таки резала глаз. — Не согласится она на такое никогда.

— Давай я тебе лучше всё прямо расскажу. — Илюшка поднял измученный взгляд, потом быстро налил водки в пузатую стопочку, единым глотком опростал её и только тогда заговорил, уже не морщась, словно горькие слова были лучшей закуской, враз отбившей и водочную и душевную горечь. — Она ведь сюда попала как есть нищая, всё до последней лямиишки бригадникам отдала, только чтобы они меня отыскиали. Они и отыскиали где-то после сорокового дня, когда мнемоны уже не потоком идут, а по одному капают. Тут-то она и поняла, что натворила: и сама растратилась, и меня на голодный паёк посадила. Мы ведь в начале восьмидесятых пытались Цитадель штурмом взять, ещё услышишь — Афганский прорыв. Ничего не вышло, только зря деньги раскидали. А меня она больше всех вспоминала, это уж так водится... Я — нищий, она — нищая, хоть сразу берись за руки и отправляйся в Отработку. Ты ведь о ней нечасто думал: в работу с головой ушёл, да и утешился быстро. А ей обидно. Вот она и отправилась в Цитадель, когда на очередного зомбака конкурс объявили...

— Пстой, — сказал Илья Ильич, — я что-то не понял. Мне говорили, что в Цитадели великие люди живут, о ком память по-настоящему крепкая. А ты о зомбаках каких-то говоришь, штурмах...

— Там всякие живут, — отмахнулся сын. — Ещё узнаешь. Поначалу это интересно, так народ и к призракам бежит, с каким-нибудь дьяконом Фёдором потолковать, и вокруг Цитадели прогуливается. Призраки-то на отшибе обитают, рядом с Отработкой, а зомбаков охранники к рукам прибрали, там хоть и небольшие, а всё денежки.

— Объясни толком! — взмолился Илья Ильич.

— Помнишь, ты меня маленького в Эрмитаж водил? А там — мумия, жрец какой-то... Пта... Пту... — не помню. Ведь этот жрец жил когда-то, жрал и пил, мечтал о чём-то, рабами повелевал. Наконец помер, тело его бальзамировщики замариновали, а он тут очутился. Снова жил в своё удовольствие, тоже небось повелевать пытался. Покуда его в родном Египте

помнили, так, может, кем и повелевал. А потом его напрочь забыли, так что он через сколько-то времени отработкой рассыпался. А ещё через тысячу лет его гробницу нашли, имя прочли на стене, мумию выкопали. Мимо этой мумии теперь каждый день тысячи человек проходят, и от каждого ему лямишка. Мнемонов ему не видать, но зато мелочи этой — до хренища. Ты знаешь, у египтян поговорка была, её тут всякий слышал: «Мёртвого имя назвать — всё равно что вернуть его к жизни». Вот он и возродился из отработки на манер Феникса. Только что там могло возродиться? Памяти нет, души не осталось. Одно тело и вернулось к жизни. Таких тут и кличут кадаврами, или, в просторечии, зомбаками.

Илья Ильич кивнул, показывая, что слушает, а Илюшка продолжал, словно радуясь, что может говорить о чём-то отвлечённом, а не о материи и собственных неважных делах:

— Зомбак и не помнит ничего, и делать ничего не умеет. А деньги есть. Тут и объявляется конкурс на то, кому он деньги отдавать станет, силой-то их у него не взять, только в обмен на что-то. Кормить его, скажем, или в постель с ним ложиться, а то просто — сидеть рядом и говорить что-то. Они же лопочут непрерывно... некоторые.

— Так мать там вроде сиделки?

— Вроде лежалки, — зло ответил сын, и на этот раз Илья Ильич не одёрнул его. Теперь становилось понятно, почему так упорно не отвечает поставленный на Люду компас.

Молчали долго. Илья Ильич переваривал услышанное, которое никак не желало укладываться в голове. Собственно говоря, ещё когда Афанасий внушал ему, что здесь людей иными мерками судить следует, Илья Ильич подумал, что за столько-то лет Людмила могла завести новую семью и вообще измениться до неузнаваемости. Но то, что сказал сын, не лезло ни в какие ворота.

— Зачем она так? — выдавил он наконец.

— Обо мне позаботиться решила! — Илюшка хлопнул ещё одну стопку и нервно закурил. — Ты же её знаешь, она всю жизнь только тем и занималась, что алтарь выискивала, на котором себя в жертву принести удобнее. Семье, принципам, долгу какому-то... Мучилась она, что я из-за её самоубийства на бобах оказался. Вот и решила зарабатывать любой ценой. А тут этот конкурс дурацкий, ей возьми да и потрафь.

— То есть она из-за тебя туда отправилась?

— Из-за кого же ещё?

— А ты?

— А что я? Я её денег не беру. И не возьму, даже когда в Отработку скачусь. Я даже не знаю, сколько она там выколачивает... за свой труд.

Опять долго молчали, рюмки три или четыре. «Понтонная» чекушка давно кончилась, Илюшка, по-прежнему молча, вытащил из ниоткуда бутылку «Столичной», привычным движением сорвал станиолевую крышечку, плеснул в пузатые стаканчики. Илья Ильич пил словно воду. Потом выговорил:

— В конце концов, какое у меня право осуждать? Хотя, конечно... — И, не закончив фразы, потянулся к быстро налитой стопке.

Илюшка кивнул, подтверждая, что понял отца, и тоже нарушил тишину:

— Ты уже поселился где?

— Нет покуда, — произнёс Илья Ильич, и последнее, казалось бы, лишнее слово завершило предыдущий разговор, показав, что к тягостной теме возврата не будет и никто не собирается представлять трагедий. Как получилось, так и получилось, но надо жить, а то, что у запоздавшего с кончиной главы семейства не оказалось ни дома, ни семьи, то это беда временная и поправимая. Покуда — нет, а там — как получится. И слова про осуждение были сказаны больше для сына, ему-то она мать и останется матерью даже на том свете. А пуще всего — недосказанное «хотя», в котором слились вся горечь и недоумение. Добро бы сыскала покойница новую любовь или просто сошлась с кем-то от тоски и женского одиночества... было бы по-человечески понятно и сына не касалось бы никоим боком. А так... неудивительно, что молчит поставленный компас и кривит губы ригорист Илюшка.

И всё-таки хорошо, когда тебя понимают и весь этот клубок вины, горечи и обиды не приходится распутывать от начала и до конца, да ещё на глазах у сына. Перевёл умница Илюха разговор на обустройство будущей жизни, а прошлого как бы и не было вовсе. Даже рубить узел не придётся, сам истлеет и забудется. Тот, кто живёт одними воспоминаниями, понимает это лучше прочих.

— Хочешь, оставайся пока у меня, — подхватил Илюшка, — а там уже без торопливости решишь, как устраиваться.

— Чего тебя стеснять... Мне бы комнатёнку какую-нибудь, не слишком от тебя далеко, но чтобы и не мешать особо.

Только теперь Илья Ильич сообразил, что напрочь не представляет, как тут решаются жилищные проблемы. Комнаты люди обставляют сами, это и по Илюшкиной норе видно, и по тёти-Сашиной коммунальной комнатёнке. А вот где эти комнаты берутся... Опять бригадники распределяют? Не загробная жизнь, а сущий «Марш коммунистических бригад». Коммунальные сборы не платить — это понятно, а как насчёт всего остального? Дома ведь кто-то строит — привычные городские многоэтажки, какими весь центр Питера устроен: тут и многоквартирные девятнадцатого века постройки, явно после капремонта — из нынешнего фешенебельного центра, тут и монументальный сталинский ампи́р, и изыски последних лет. Разве что безликих крупноблочных строений, в каких и по сей день при жизни ютится большинство народа, почти не видать. Вроде бы весь Город — один спальный район, но дома стащены из центра. И памятников нет... Великим, которые поблизости в Цитадели прячутся, не очень хочется чугунные идо́лы ставить, а себе, любимому, — долго ли простоит? Вот и получается: по внешности — центр города, а по сути — спальный район. Забегаловки, ресторанички, казино, театрики и дома, дома, дома... А что в этих домах внутри, как жилплощадь используется, кому принадлежит? Неужто и после кончины людей продолжает портить квартирный вопрос?

— Комнатёнку получить — не проблема... — задумчиво протянул сын. — Их тут сколько угодно, хотя лучше получить обычный объём и обставить комнату самому. И дешевле, и жизнь будет привычной. Но давай этим чуть погодя займёмся...

— Давай! — покладисто согласился Илья Ильич.

— Сегодня ты у меня ночуешь. Я вон на диванчике лягу, а тебе койку уступлю.

В эту ночь койка и диванчик остались без дела. Илья Ильич с Илюшкой сидели, вспоминая прежнюю жизнь. Такой бы разговор да в реальности, то-то радости было бы скончавшимся родственникам, друзьям и просто случайным, но почему-то запомнившимся людям. Мнемоны текли бы рекой, изрядно украсилось бы загробное царство, и, глядишь, благодарные покойники воздвигли бы на площади монумент человеку, который вспоминает... Конечно, были бы там не

Илья Ильич с сыном, а отлитая в бронзе старушка, которая целыми днями не то дремлет в протёртом кресле, не то просто сидит, уставив маразматический взгляд в экран выключенного телевизора. Не спешите включать глупый ящик, рассеивать слабое внимание... бабушка, сама того не зная, занята важным делом: возвращает к жизни тех, кто уже ушёл. А бесконечный сериал отвлечёт ум, в склеротическом мозгу начнут бродить никогда не существовавшие персонажи, а реальные люди пойдут в обработку, превратятся в ничиль.

Порой во время бесконечной беседы ни о чём к слову приходилось, что опытный сын поминал что-то о нынешнем бытии, в котором отец покуда не смыслил ни уха ни рыла. Вроде бы ни о чём специально не рассказывал, но чуткий Илья Ильич успел отметить, как часто поминается в этих оговорках Цитадель и ненавистные охранники. Этого уже было достаточно, чтобы понять: есть у Илюшки цель — и цель жизни, и просто цель, в которую палят, — и называется она Цитаделью.

Поначалу Илья Ильич решил было, что нотки ненависти сквозят в Илюшкином голосе оттого, что в Цитадель ушла мать, но потом понял, что сыновья ненависть не к самой Цитадели, а к охранникам, стоящим на стенах.

— Показал бы ты мне эту Цитадель, — попросил Илья Ильич. — Или туда нельзя?.. Опасно?

— Почему опасно? Там бульвар вдоль стены, люди гуляют. Хочешь, с утречка ходим. Только ничего там интересного нет.

— Это тебе неинтересно, а я ещё не видал. Кстати, а почему тут утро есть, день, ночь... В нихиле вроде ничто не меняется, там всегда сумрак.

— Это само собой происходит. Где людей много собирается или просто находится что-то, людьми созданное. Почему так — никто не знает. Одни считают, что это вещи эмануруют. Они же на самом деле не снашиваются, а просто портятся от времени. И вот, когда из них вложенная память уходит, она-то и создаёт эффект идущего времени. Другие говорят, что воздух и свет образуются за счёт тех лямишек, что с каждого взимаются автоматически, просто потому, что дышишь. И человек, прежде чем обработкой рассыпаться, задыхается, поскольку дышать ему больше нечем.

Илья Ильич припомнил исчезновение тёти Саши и передёрнул плечами.

— И что же, если спать побольше, то денег меньше уходит?

— Всё одно лямишка в день.

— Понял... А с прежними приятелями, теми, кто уже тут, ты видаешься?

— Да как тебе сказать... Специально — нет. А так порой сталкиваюсь на улице. Я себе свойство купил, в те поры, когда мнемонаы швырял без счёта: ежели вижу человека, сразу знаю, встречался с ним или нет. Припоминать не нужно. А то ведь со мной вечно такое происходило: вижу знакомого человека, знаю, что мы знакомы, а где, когда, как его зовут — убей, не помню. Дурацкое положение. Теперь со мной такого не бывает. Если хотя бы пару раз с человеком словечком перекинулся, то могу вспомнить, где это было и о чём разговор шёл.

— А я знание языков себе заказал, — признался Илья Ильич. — Причём нечаянно. Захотел узнать, о чём люди говорят, а деньги в кулаке держал. Теперь все языки понимаю, что новые, что древние.

Илюшка присвистнул.

— Абсолютный полиглот — это крутенько. Сколько же денег ушло?

— Представления не имею. Я и сейчас не знаю, сколько этих монет у меня. Неловко считать.

— Посчитай, — сказал Илюшка, и отец сразу припомнил Афанасия, дававшего тот же совет.

Илюшка тем временем сунул руку за пазуху, повозился немного и сказал:

— Двадцать мнемонаов. Вообще-то не так много, а для Отработки — целое состояние.

— Что, двадцать мнемонаов?

— Твоё знание языков стоило.

— А!.. А я решил, что ты успел проверить, сколько у меня деньжищ в мошне спрятано.

— Этого никто не определит. Тайна личности, ядрён батон... Всё остальное пусть за большие деньги, но можно узнать, а этого — нет.

Посмеялись не очень весело и вскоре, как водится в не трезвых компаниях, перешли к анекдотам, тем более что за-

гробных анекдотов Илье Ильичу услышать было негде. Когда за окном мертвенная ночная серость сменилась дневным светом, отец с сыном вышли на улицу и направились к Цитадели. Шли пешком, благо что недалеко и можно добраться бесплатно.

— Вот идут по улице два Ильи Ильича, — вспомнил отец старую, полсотни лет не звучавшую шутку. — А двое — как будет?

— Илей Ильичей, — убеждённо, как в детстве, сказал Илюшка.

Бульвар и впрямь был бульваром, крепко утоптанной дорожкой, проложенной по оплывшему крепостному валу — бойверку и обсаженной с двух сторон деревьями, о чём Илья Ильич не без удовольствия поведал сыну.

— Первые бульвары в Париже появились, когда французы стали сносить городские укрепления. Всё равно город давно разросся за пределы крепостных стен, так что пользы от них никакой не было. Стены снесли, а земляные бойверки срывать — себе дороже. Их обсадили с двух сторон деревьями, а может, эти деревья уже и сами выросли, не знаю, по верхушке вала дорогу проложили, и получилось место для гуляния. Сверху вид красивый и зелень опять же... Аристократы в каретах туда на променады отправлялись, а кто победнее, те вроде как мы, пешком. Потом в подражание Парижу в других городах специально начали бульвары прокладывать, кое-где даже насыпь нарочно делали. А в России простой люд говорил не «бульвар», а «гульвар», потому что там гуляют...

— Вот она, Цитадель, — сказал сын.

Ничего особо грозного или мрачного не показалось в открывшейся взгляду обители. Стена не то из шершавого песчаника, не то просто из засохшего самана, не особо высокая, метра четыре, не больше. За стеной густо кудрявится зелень и выглядит пара не то смотровых башенок, не то минаретов или звонниц. Ото всей этой патриархальности веяло музейным спокойствием, а уж никак не военной силой. И даже фигуры часовых серьёзности картине не добавляли. Через каждые полсотни метров, не скрываясь, напоказ, стояли неподвижные фигуры. Юбки, а вернее — опоясания с густой бахромой. Грубые льняные рубахи — и никакого намёка на доспехи, хотя бы кожаные или из нашитых блях. Лишь на головах у некоторых красовались круглые шлемы-мисюрки. В руках ко-

роткие копы с широким лезвием, из-за плеча виднеется конец круто изогнутого лука. Тёмные лица непроницаемы и наполовину скрыты завитыми и выкрашенными хной бородами, так что стоящие кажутся манекенами, а не живыми людьми. Впрочем, живого в них и впрямь осталось очень немного; Илья Ильич вдруг осознал, что воочию видит людей, скончавшихся три тысячи лет назад и сумевших продлить своё эфемерное существование на эти самые тысячи лет. Непобедимые воины, телохранители древних владык, забытые людьми и историей, они давно должны были рассыпаться пылью, но живут, поскольку всё новым и новым владыкам необходимы телохранители и непобедимые воины. И каждое поколение умерших солдат безуспешно пытается сокрушить эту первую когорту, которая держится вовсе не силой своего оружия, а мощью тех, кто живёт за стеной. Пытается сокрушить, для того чтобы... а в самом деле, зачем? Этой ночью Илья Ильич не раз и не два слышал от сына о провалившихся попытках взять Цитадель штурмом, о несостоявшихся попытках взять Цитадель штурмом, о задуманных попытках взять Цитадель... Зачем и что это изменит в сложившемся положении вещей?

— Смотри!.. — перейдя вдруг на свистящий шёпот, проговорил Илюшка. — Вон видишь?

Ничего особого Илья Ильич не видал.

— Да вон, через два человека, видишь, часовой стоит? Это же из новых, с ружьём!

Воин, на которого указывал Илюха, никак не годился в современники людям, прогуливающимся по бульвару, хотя и меднобородые ассирийцы, составлявшие большинство на стенах, не могли бы назвать его своим. Был он одет в камзол, поверх которого красовалась блестящая кираса, а вооружён допотопным кремнёвым мушкетом и шпагой, которая празднично висела на перевязи.

— Значит, это правда! — возбуждённо повторял Илюшка. — Мне рассказывали, будто бы лет триста назад Цитадель была взята, а я не верил. Там на стенах всё больше ассирийцы, несколько римлян да ещё китайцев порядочно, говорят, тоже из тех времён. А этот совсем свежий... Значит, брали Цитадель и в новое время, просто большая группа прорваться не сумела, быть может, вот этот стрелок один всего и прорвался. Но ведь прорвался же! Значит, и мы можем.

— Ничего не понял, — перебил Илья Ильич. — Что значит взять Цитадель, если стоит она цела и невредима, и зачем это нужно? Вообще смешно, пока я в гостинице у вольных охотников проживал, так мой друг Афоня о Городе говорил сплошными непонятками. А в Городе так же точно о Цитадели судачат. Интересно, о чём в Цитадели разговоры идут? Давай-ка, пока мы тут гуляем, Расскажи всё по порядку. И прежде всего, зачем вы собираетесь Цитадель разрушать?

— Никто её разрушать не собирается... — проворчал сын. — Просто у тех, кто на стенах живёт, работа есть. Не знаю уж, сколько они получают, но когда в город прогуляться выходят, то ни в чём себе не отказывают. Правда, редко такое случается, а вот этого, новенького, и вообще триста лет никто не видал, одни слухи ходили. А взять Цитадель — значит прорваться внутрь и занять место на стене. При этом автоматически становишься её защитником. Только ведь для того, чтобы там встать, надо хотя бы одного вот из этих вниз спихнуть. А мы по сравнению с ними шмакодавки, у них опыт тысячелетний и деньги не чета нашим.

— По-моему, вы от безделья беситесь. — Илья Ильич пристально глянул на сына. — Ничему, кроме войны, не обучились, вот и тут продолжаете воевать. Знаешь, что мне это напоминает? Есть такая игра: «Король на горе»... Вспомнил?

— Я её никогда не забывал. А куда, скажи, мне себя приложить? Ты и сам скоро с этим столкнёшься. Тебе пока всё в новинку, а как побудешь тут лет хотя бы пять, пооботрёшься — и что? Человеку без дела никак нельзя, а какое ты себе применение сыщешь?

Илья Ильич топнул каблуком.

— Ты под ноги-то погляди. Вроде бы это не ничиль. В Городе — асфальт, кое-где, я видал, — плитка. Тут, на бульваре, — грунтовка, между прочим, хорошо сделано. Вот и я буду, как встарь, дороги ремонтировать, а понадобится, то и новые строить.

Илюшка усмехнулся.

— Ты знаешь, сколько за последнюю сотню лет дорожных строителей было? Места все заняты давным-давно. Если бы ты крутым изобретателем был, новый тип покрытия придумал, тогда — иное дело. А ведь ты просто строил, добросовестно, не спорю, но обычных строителей тут в десять раз больше, чем дорог. И какого-нибудь заслуженного старика ты

с занятого места не сгонишь, такое можно сотворить только с охранником Цитадели.

Илья Ильич критически оглядел редкую цепочку стражников. Молчаливые фигуры придавали пейзажу нарочитую театральность, но теперь за этими декорациями виделось иное — настоящее и жестокое.

— Вот мы с тобой болтаем, а они слушают. — Последние слова Илья Ильич сказал как бы самому себе. — Наверняка у них все чувства искусственно обострены, так что они всякий шепоток слышат и цвет глаз у дальнего прохожего могут рассмотреть. Вот послушают они наши крамольные разговоры, да как шарахнут...

Илюшка ошеломлённо уставился на отца, потом медленно произнёс:

— Не шарахнут. У нас свобода слова. Можешь под самой стенкой стать и вопить что заблагорассудится. Только если очень громко или там матерно, то оштрафуют. Причём чем больше постороннего народу рядом случится, тем значительней штраф. Деньги эти идут на то, чтобы люди, которым ты можешь помешать, не слыхали орёжа, мата и не видели непотребств. Я однажды свидетелем был: стоит мужик перед воротами Цитадели, орёт, надрывается, а я не слышу ни словечка. А если бы он штаны спустил и начал стражникам задницу демонстрировать, то я бы и не увидел этого. Вот как я с этим мужичком заговорил, то враз разобрал, какими словами он цитадельников величает. Это тоже верно, раз я к нему обратился, значит, сам хочу знать, что он кричит.

— И что же он кричал?

— Да просто матерился на знаменитостей. Вы, мол, при жизни на моей шее сидели и после смерти слезать не хотите. Дурак, короче. Так что тут у нас не только бандитизма нет, но и хулиганство редко встретишь. Ущучивает народ друг друга с помощью подколов и тонких интриг, иногда так больно ущучивает, что лучше бы уж по морде дали... — Продолжая говорить, Илюшка взял отца под руку и повёл прочь от крепостной стены.

— погоди, — воспротивился отец. — Мы же ещё ничего толком не осмотрели. Ворота тут какие-нибудь есть, или всюду так и будет сплошная стена?

— Есть ворота, куда они денутся. — Илюшка был недово-

лен, но послушно повернул обратно. Видно было, что какая-то мысль не даёт ему покоя.

— Хотя если ты занят, то пошли отсюда, — предложил Илья Ильич, только теперь заметивший неожиданную нервозность сына.

— Да нет, мне не к спеху. — Илюшка уже успокоился и глядел, как прежде, весело. — Просто мысль одна в голову пришла, вот я и забежал, чтобы её обдумать. Не умею я думать неторопливо, обязательно надо бежать, словно опоздаешь принять решение.

— У меня — то же самое, — согласился Илья Ильич. — На объекте, бывает, пока план работ составишь — раза три весь выстроенный участок обежишь. При этом ещё и все недоделки заметишь... прорабы боялись меня — жуть! Думали, я специально бегаю, проверять.

Они дошли до приземистых воротных башен. На башнях с каждой стороны стояло по два часовых, а сами ворота были гостеприимно распахнуты.

— Входить, конечно, остро не рекомендуется, — высказал догадку старший экскурсant.

— Можно... — Илюха пожал плечами. — Даже не очень дорого. Там тебя встретит специальный человек, спросит, что ты хочешь им предложить, а затем объявит, что в твоих услугах они не нуждаются. Есть и экскурсии, но это чудовищно дорого стоит, по карману только богатым новичкам, к тому же большинство обитателей Цитадели в этот день из дому носа не кажут. Кому приятно чувствовать себя экспонатом?

— Уговорил, — засмеялся Илья Ильич, — на экскурсию не пойдём.

Подойдя поближе, гуляющие заглянули в проём. Там густо зеленел ухоженный парк, аллея, обсаженная кустами жасмина, скоро сворачивала, так что взгляд далеко не проник. Ни единой фигуры Илье Ильичу заметить не удалось, видимо, не здесь было любимое место прогулок покойных знаменитостей. Вспомнив о нервозности сына, Илья Ильич пожал плечами, произнёс пренебрежительно: «Да, пожалуй, это не слишком любопытно...» — и повернул вспять.

Город располагался секторами, которые, словно дольки апельсина к центру, сходились к Цитадели. От распахнутых ворот легко можно было пройти хоть в пакистанский, хоть в

Цитадель как стояла, так и будет стоять, потому что не вы её охраняете, а она вас кормит. Это же диалектика.

— Изменится, — упрямо сказал сын. — Те, которые за стенами живут, — это же элита. Это мы тут лямишку в день платим за право дышать, а те, кто в Цитадели, отдают куда больше, за спокойствие платят, за право личной жизни. А собранными деньгами, пусть не всеми, но значительной частью, распоряжается охрана. На эти деньги можно не только Цитадель украсить, но и Город. Помощь эфемерам организовать, да и просто обустроить всё как следует. Ты знаешь, в азиатских кварталах до сих пор полно трущоб, люди среди такого убожества ютятся, представить страшно. Хотя... эти люди просто не знают, что можно иначе жить. Моя комната какому-нибудь бошу тоже трущобой покажется. Но ведь есть и настоящие бедняки, которые и не живут, и не рассыпаются.

— Понятно, понятно... — покивал Илья Ильич. — Эфемерам помогать — это хорошо. А через сотню лет их наберётся несколько миллиардов — что вы тогда с ними делать будете? Каждому лямишку в день за то, что дышишь, да какую-нибудь мелочишку, чтобы покушать. Спать им в нихиле тоже не годится — значит, ещё тратиться пусть на плохонькое, но жильё. Миллионы мнемонов на поддержание трущоб... поверь, ты очень быстро примешься списывать лишние рты. Начнёшь выбирать, кто жизни достоин, а кто — не очень. И будут вас бояться и ненавидеть. Нет, лучше уж вот так, ничего не мочь, совесть целой останется.

— Ты, между прочим, при жизни пенсию получал чуть не четверть века, — хмуро напомнил сын.

— Получал. Но не потому, что я её заработал, а потому, что смертный. То есть я её, само собой, заработал, но не вечную. А жили бы старики вроде свифтовских струльбругов, то им бы пенсии не платили, будь спокоен.

— Экой ты... трезвомыслящий, — сказал Илья-младший.

— На том стоим. Я строитель, дорожник и привык думать о последствиях своей работы. А то поплывёт покрытие в первую же распутицу.

Илюшка хотел что-то возразить, даже по лицу было видно, что возражать собрался, но тут их прервали:

— Илье Ильичу горячий привет!

Подошедшая девушка была незнакома Илье Ильичу: либо изменила внешность до неузнаваемости, или непристойно

омолодилась. Во всяком случае, на вид ей было лет пятнадцать, а это не слишком характерный возраст для города мёртвых. Лишь затем Илья Ильич понял, что незнакомка кличет по имени-отчеству не его, а Илюшку, который ведь тоже Илья Ильич.

— Антуанетте Арнольдшне горячий привет! — отозвался Илюшка явно кодовой фразой.

Боже, эта фря ещё и зовётся Антуанеттой Арнольдснвой! Хороши у Илюшки знакомые девушки, недаром он морщился, когда его спросили о личной жизни.

Очевидно, Илья Ильич не сумел скрыть чувств, потому что юная Арнольдсна резко обернулась, пристально посмотрела на Илью Ильича и сказала совершенно обычным голосом:

— А вас я не знаю, первый раз вижу. Вы Илье друг, да?

Илья Ильич пожал плечами, как бы говоря, что нет ничего удивительного, что кто-то с ним незнаком, а вот кем он приходится Илье, это никого не касается. Раз за одним столиком сидят, то знакомы, а третий в мужском разговоре будет лишний, даже если внешность у лишнего тянет на три сотни мнемонсв.

Антуанетта вздохнула очень натурально, произнесла: «Тогда не буду мешать» — и не просто отошла, а вовсе вышла из кабачка, звякнув на прощание дверным колокольчиком.

Надо же, деликатная девица оказалась. Илья Ильич почувствовал что-то похожее на укор совести.

— А может быть, ты и прав, — подал голос Илюшка. — Ничего больше не умеем, вот и ходим войной на неприступную крепость. А другие живут как люди, стариков своих подерживают, в Отработку скатиться не дают. Один мой сосед, он физиком при жизни был, всё опыты ставит, пытается природу нихилья определить. Но тот не даётся. У нихилья собственных свойств нет, так он любые воображаемые свойства принимает. Горячий нихиль, зелёный, жидкий... Представляешь зелёный цвет сам по себе, без носителя? Вот и я не представляю. А сосед чего-то мудрит с этими качествами — и счастлив. Потом ему, конечно, надоест, да и мнемонсв кончатся. Успокоится мужик, пообнищает, скатится в Отработку, а там и в нихиль свой любимый превратится. Меня та же судьба ждёт, только я не опытами балуюсь, а военными проектами маюсь. Но, пока жив, буду проекты строить.

— Ну, так уж и прожекты... Сам же сказал, брали её триста лет назад. Расскажи-ка ты мне, что известно про оборону этой твоей Цитадели и как вы её взять пытались. У меня боевой опыт какой-никакой тоже имеется, к тому же я не просто пехтура, а сапёр. Может быть, подрываться можно под стену или ещё как-нибудь подкузьмить. Рассказывай, не стесняйся, а я заодно послушаю, какие у вас разведданные собраны.

* * *

Домой возвращались уже под вечер. Илью Ильича, не спавшего предыдущую ночь, качало от усталости, да и Илюшка позёвывал. За день они успели побывать в нескольких секторах Города и заглянуть в Отработку, где жители уже не делились по нациям, а просто дотягивали отпущенные дни кто как умел. Кварталы Отработки охватывали Город широким кольцом, подобно тому как пятна свалок окружают мегаполис, только здесь на помойке оказались не испорченные вещи, а позабытые люди. Сквозь истоптанную мостовую проглядывал нихиль, дома казались ветхими, да и не дома это были, а какие-то блоки, фрагменты, выдавленные на окраину, подобно тому как живой организм гноем изгоняет вонзившуюся занозу.

Люди, которые проживали здесь последние лямишки, давно оставили всякие попытки устроиться и заработать на жизнь. Именно на жизнь, в самом прямом смысле этого жестокого слова. Не сыщешь лямишки — нечем станет дышать, терпеливо ждущий нихиль, которым наполнена река забвения, задушит, растворит, уничтожит. Никем ты был, в ничто и обратишься.

Старики, очень много стариков... Когда-то они, должно быть, омолаживались, ходили по улицам, радуясь второй нечаянной жизни, сидели в кафе, любили друг друга, ссорились и ненавидели, старались уязвить противника ловкой интригой или колкой шуткой, искали работы, не заработка даже, а возможности применить то, чему научились в предыдущей жизни. Сейчас каждый из них точно знал, сколько лямишек остаётся в тощем кошельке, и, несмотря ни на что, каждый продолжал надеяться.

Илья Ильич, сроду не подававший нищим, проходя сквозь этот квартал, роздал с полсотни лямишек. Никто не протяги-

вал руки за подаванием, просто холодом обдавало от взглядов. Так смотрят бездомные кошки и скорбящие богоматери со старых икон.

— Понял теперь, почему я успокоиться не хочу? — спросил Илюшка, когда развалины Отработки остались позади и они вошли в русский сектор.

— Понял, не дурак, дурак бы не понял... — механически отшутился Илья Ильич, думая о своём.

И не желая разговора на тягостную тему, спросил:

— А что за девчонка к тебе подлетела?

— Так, случайная знакомая... здешняя. В «Дембель» она порой заходит, вокруг парней вертится, а приткнуться не может. Я её и запомнил только потому, ну... я тебе говорил, что запоминаю всех, с кем хоть раз поговорить довелось. А так, считай, мы и незнакомы.

— А чего ж приткнуться не может? Внешность у неё хороша, даже если всё это макияж, то нестандартный, на заказ сделан. На такую парни липнуть должны.

— Так она же не проститутка, а из тех дур, кто хочет семью и любовь до гроба. А семьи в том мире остались, тут прочную семью редко встретишь, такую, чтобы в прежнюю жизнь корни не уходили. Опять же возраст. Молодая девушка из себя инженеру корчить не станет, значит, этой не меньше пятидесяти лет. Я имею в виду тех, прижизненных лет. Да небось ещё и старой девой была... Нет, я от таких стремглав бегу.

— Ясно... — протянул Илья Ильич и добавил невпопад: — А Цитадель мы с тобой возьмём. Кажется, понял я, в чём тут секрет.

ГЛАВА 5

К удивлению Ильи Ильича, сын остался безразличен к обещанию взять Цитадель силами двоих человек. Они пришли домой, попили чаю и улеглись спать, так и не обсудив свежеизобретённый план. Илье Ильичу пришлось на следующий день напоминать сыну о своих словах.

— Все новички думают, что им удастся Цитадель нахрапом взять, — снисходительно объяснил Илюшка. — Я тоже так полагал. И тоже первым делом начал придумывать, как бы под стены тихой сапой подкопаться. Только ничего не получится, там и без нас рыли. Нихиль разгрести — милое

дело, хоть на километр рой, туннель выходит ровный, гладкий и никуда не ведущий. Ну, скажем так, фундамент Цитадели глубже уходит, а уж его тебе даже поцарапать не удастся.

— А если взорвать?

— Мощностъ взрывчатки зависит от того, сколько ты в неё денег вложил. У защитников денег больше. Так что, взрывай — не взрывай, а стена будет стоять как стояла. Фейерверк получится знатный, это верно, а больше — ничего.

— Понятно. Я ждал чего-нибудь подобного. В конце концов, всё, что тут есть материального, существует лишь благодаря мнемонам, значит, и отталкиваться следует от мнемонов в чистом виде, а не от их материального воплощения.

— Красиво излагаешь, — улыбнулся сын. — Мы эту нехитрую премудрость на своих шкурах постигали во время Афганского прорыва. Потому и выискиваются способы не силой прорваться, а обманом. Серёга, вон, собирается с трапеции прыгать. Знает, что ничего не получится, а мудрует, расчёты какие-то приводит, запаздывание высчитывает... Поможет ему это запаздывание... Против лома нет приёма.

— Есть.

— Другой лом, что ли? Где ты такую прорву денег возьмёшь?

— Зачем лом? Достаточно спицы... если знать, куда ткнуть.

— А ты уже, конечно, знаешь. Давай, рассказывай, что ты сумел за один день вызнать...

Когда Илья Ильич коротко в трёх словах изложил свой план, Илюшка долго молчал, затем сказал:

— Всё равно ничего не получится. Нутром чую, что-то здесь не так.

Илья Ильич пожал плечами и не ответил.

Помолчали. Потом, под незначащие разговоры, позавтракали. Никогда в реальной жизни Илье Ильичу не удавалось нормально пожарить яичницу с ветчиной, и сейчас, когда ничего он не жарил, а лишь придумывал, глазунья получилась разом горелая и недожаренная. Съели какая вышла, но кофе, убийственно крепкий и сладкий, делал уже Илюшка.

— Дорожных мастеров им не надо, повара из меня не получится, — подвёл итог молчанию Илья Ильич. — Пойду в управдомы.

Илюшка протянул руку, вытащил из ниоткуда газетный лист, бегло просмотрел, затем предложил:

— Ну что, хочешь посмотреть, как люди деньги зарабаты-

вают? Сегодня полуфинал чемпионата по греческому боксу. Билеты мне по карману, так что пошли, я тебя приглашаю.

— Бокс вроде английское изобретение, — произнёс Илья Ильич. — Ну, ещё о французском боксе я слышал и кик-боксинге — не знаю, что это такое. А про греческий не слышал.

— А теперь не только услышишь, но и поглядишь. — Илюшка поднялся, показывая, что следует поспешить. — Занятная штука.

Илья Ильич покорно встал и пошёл. Собственно говоря, он готов был идти куда угодно, лишь бы рядом с сыном. Не хочет Илюшка говорить о делах — не надо, время терпит.

Спортивный зал находился в центре города, там, где в диком смещении сливались все сектора. Жилых домов в этом районе не замечалось, зато сплошняком жались всевозможные стадионы, концертные залы, строгие музейные здания и блистающие огнями кабаре, короче, всё то, что не требует особого знания языков. Одни только театры предпочитали располагаться в национальных секторах, хотя чуть ли не каждый второй житель города мёртвых был полиглотом.

— Слушай, — озадаченно спросил Илья Ильич, замерев перед ампирным зданием с лепной надписью «Европейское искусство», — а что, собственно говоря, тут выставлено? Подлинники все в том мире остались.

— Авторские копии, — пояснил Илюшка. — А есть и новые произведения, которые уже здесь созданы. Художники-то, те, кто не забыт, все у нас. Кое-кто бросил работать, а другие — пишут. Для души или на заказ, кто как захочет. Можно заказать собственный портрет работы Ван Дейка — всего полтораста мнемонов, я узнавал.

— Под Ван Дейка или сам Ван Дейк будет писать? — уточнил Илья Ильич.

— Сам. Тут с этим строго, подделки определяются на раз.

— Потом надо будет сходить, посмотреть... Дорого это?

— Нет, какие-то гроши. Художники тут все знаменитые, им наши лямишки не нужны, так что берётся только на подержание музея, чтобы экспонаты не рассыпались, ну и зрителям кое-что перепадает.

— А ты говорил, работы нет. Чтобы зрителем в музее быть, многого не нужно.

— Ага. Только мест таких — раз-два и обчёлся. И каждое занято уже сто лет как. Экскурсию можно заказать за две ля-

мишки, доктор искусствоведения будет по залам водить, лично тебе всё рассказывать. Ему ведь тоже хочется свои знания к делу приложить, да и лямишки нелишними будут, если этот профессор помер лет полтора-два назад. Сочинения его век не переиздаются, да и не читает их почти никто, вот он и мыкается здесь, ни живой ни мёртвый, перебивается с хлеба на квас.

— Лямишки — нелишки... — задумчиво пробормотал Илья Ильич. — Любопытно получается, гуманитар здесь художественно, но имеет больше шансов прокормиться, нежели технарь.

— Ясно дело, — согласился сын. — Тела-то у нас умерли, а души куда нет. А гуманитар, он к душе ближе. Только давай всё-таки пойдём. Хочется соревнования тебе показать. Очень поучительное зрелище.

— Что я, бокса не видел? — пожал плечами Илья Ильич, но послушно двинулся за Илюшкой.

При входе в здание и в обширном вестибюле коловращалась небольшая, но суетливая толпа. При виде вошедших к ним кинулись разом несколько человек, но Илюшка небрежным движением мизинца остановил их всех.

— Тотализатор, — пояснил он небрежно. — И без того сплошная ограбловка, а уж с жучками связываться — вообще гиблое дело. Что-то не слышал я, чтобы на этих тотализаторах кто-нибудь разбогател, кроме владельцев. Пошли...

Под завистливыми взглядами собравшихся Илюшка выудил из кошелька блестящий мнемон. На мгновение зажал меж ладонями, сказал:

— Твой.

— Поберёг бы, — посоветовал Илья Ильич. — Теперь у тебя таких монет изрядно поубавится.

— Будет тебе, — грубовато сказал сын. — Сам же не любишь мемориалы. Пошли.

— Билеты где покупать?

— При входе в зал. Билетёров там нет, мы же входим в частные владения и, значит, либо заплатим сколько положено, либо просто не войдём.

Илюшка продемонстрировал пустым дверям зажатый кулак, и они вошли в зал, где было довольно много народу, хотя и не такая прорва, как ожидалось Илье Ильичу. Во всяком случае, места у самого ринга нашлись.

Уселись, огляделись. Ринг покуда был пуст, по трансляции тараторил диктор, перечислявший победы и звания некоего Апеллеса, о котором Илья Ильич в прежней жизни и не слыхивал.

— Сколько билеты стоят? — поинтересовался Илья Ильич.

Теперь, когда уже заплачено, можно было и поинтересоваться. И Илюшка, поскольку уже заплачено, так же спокойно ответил:

— Пустяки, по тридцать лямишек с носа. Так что у меня ещё сдачи полный кулак остался. Греческий бокс не слишком популярен, а вот на рыцарские турниры, особенно когда из Цитадели бойцы приходят... Баярд, рыцарь без страха и упрёка, против Генриха Второго — десять мнемонов билет стоил. И ничего, раскупили.

— Был там? — коротко спросил Илья Ильич.

— Делать мне больше нечего. Туда заживревшие бездельники рвались, что при жизни пороха не нюхали. Вот они любят себе нервы шекотать, тем паче что копья у рыцарей не турнирные, а боевые. Убить тут никого невозможно, а покалечить — запросто. У проигравшего, бывает, вся призовая сумма на лечение уходит.

— А как же мне говорили, что здесь и ударить никого нельзя...

— Сейчас увидишь. — Илья кивнул в сторону ринга, где уже появился рефери в белом хитоне, а следом и бойцы. Были они полностью обнажены, мускулистые тела, смазанные маслом, лоснились. Кошели, точно такие же, как и у Ильи Ильича, висели на бычьих шеях, словно оба спортсмена только что явились в потустороннее царство. Впрочем, мир ещё не видал таких пышущих здоровьем покойников. Они были бы схожи как братья-близнецы, если бы не чёрная кожа того, что стоял в правом углу.

— Смотри, — Илюха показал на негра, — этот Свамбо, его при жизни и не знал никто, ну, только в родном племени да враги, которых он громил. А тут — приспособился и уже не первый век кулачными боями деньгу заколачивает. Пять против одного, что он Апеллесу наkostenяет, несмотря на все его титулы.

— Какие титулы, ежели ему наkostenяют?

— Олимпийский чемпион, — с удовольствием сообщил Илья-младший. — Настоящий, ещё из тех игр, что в Древней

Греции проходили, в Олимпии. Имя его небось в каких-нибудь документах сохранилось, только кто те документы читает? Раз в год пара лямишек перепадёт — и всё. Такие здесь призраками становятся. И жить не живут, и помереть не могут, поскольку память о них не вполне истлела. А этот вон как лоснится. Хотя, как подумаю, что он уже две с половиной тысячи лет только тем и занимается, что кулаками машет да по морде получает... тут ещё подумать надо, стоит ли так жить.

Бойцы сняли денежные кисеты, и каждый повесил его на стойке в своём углу.

«Украсть нельзя, — вспомнил Илья Ильич, — всё-таки хоть это здесь правильно поставлено. Хотя если вспомнить, что в реальной жизни кое-кто умудрялся своровать память о другом человеке, то, думается, такой тип и здесь сумеет чужое умыкнуть».

Повернувшись друг к другу, Свамбо и Апеллес проревели не то приветствие, не то вызов на битву.

— Вот теперь, — сказал Илюшка, — они могут бить друг друга по морде сколько угодно безо всяких штрафных санкций. Так сказать, по обоюдному согласию. Колхоз — дело добровольное.

Хотя вызов и прозвучал, бой всё не начинался. На помосте появились двое секундантов, которые принялись бинтовать бойцам руки. Глазам Ильи Ильича давно вернулась былая зоркость, но всё же он затряс головой, не веря тому, что увидел: руки бинтовались жёсткими ремнями, на которых, кажется, были наклеплены даже какие-то бляхи.

— Они что, без перчаток будут боксировать... вот в этом?

— А ты как думал? В Древней Греции кулачные бойцы перчаток не знали. Чтобы руки не попортить, ремнями кулаки бинтовали, а для пушного удара — свинцовые вкладки ставили.

— Это же кастет получается! — ужаснулся Илья Ильич. — Они же поубивают друг друга!

— Убить любого из здешних жителей довольно затруднительно, — философски заметил Илюшка. — А морды отполируют так, что загляденье.

«Оэ!» — зычно крикнул рефери, и бой начался. К удивлению Ильи Ильича, это не была варварская рубка. С полминуты бойцы выжидательно кружили по площадке, далеко выставив левый кулак и занеся для удара правую руку. Первые

удары пришлось кулак в кулак, глухо клацнул сминаемый свинец. По всему было видно, что пара прекрасно изучила друг друга и может не тратить сил и времени на разведку, но кулачный *bon ton* требовал выполнения этикета, и этикет выполнялся.

Затем первые удары пробили глухую оборону. Лица окрасились кровью, Апеллес явно лишился пары зубов, алая струйка сбегала из угла рта, могучие надбровья Свамбо вспухли ещё больше, правую бровь рассекла глубокая ссадина.

— Это же технический нокаут! Куда рефери смотрит? — Зрелище явно не нравилось Илье Ильичу.

— Тут нет технических нокаутов. Пока стоит на ногах — должен драться.

Свамбо глухо ревел, Апеллес сражался молча. Ещё дважды он исхитрялся приложить освинцованным кулаком в рассечённую бровь, но негр и не думал падать. Чудовищный удар, пропущенный греком, свалил его наземь, но Апеллес упруго вскочил и в четвёртый раз достал многострадальную бровь противника. Зал немедленно после появления первой крови завёлся и теперь бесновался, распаляясь с каждой секундой. В мире, где невозможно умереть иначе как естественной смертью, где даже пощёчину обидчику нельзя дать без немедленной сатисфакции, из людей выползали такие инстинкты, что не снились римлянам времён упадка.

— Врежь ему, врежь! — орал сосед Ильи Ильича, размахивая кулаками и брызжа слюной. — Жми!

Было совершенно непонятно, за кого он болеет, казалось, ему довольно вида свежей крови, а кто кого нокаутирует в конце концов — совершенно неважно, разве что деньги на тотализаторе поставлены.

— Бе-ей!..

Свамбо перешёл в наступление и безостановочно проводил серию ударов, не столько эффективных, сколько эффективных. Теперь и у древнегреческого атлета физиономия вспухла багровым волдырём, а кровь из расквашенного носа бесследно стекала по намазанной маслом груди. И всё же Апеллес упорно продолжал метить по рассечённой брови негра, стараясь лишить противника зрения.

Илья Ильич отвернулся. Его мутило. И это называется спорт? А на помосте — олимпийский чемпион? Хотя ещё со-

временники Апеллеса сатиры сочиняли по поводу изрубцованных морд кулачных бойцов.

Апеллес улучил момент и с левой руки рассёк вторую бровь Свамбо. Впервые в рычании чернокожего послышалось что-то напоминающее боль. Даже далёкий от бокса Илья Ильич понимал, что теперь греку достаточно выждать время, пока противник ослабнет, а затем попросту добить его. Впрочем, дожидаться, покуда Свамбо ослабнет, можно было неограниченно долго. Руки Свамбо продолжали работать с неутомимостью паровозных шатунов, и хотя лишь один удар из десятка достигал цели, но это были удары сокрушительные, способные оглушить носорога, а не то что человека. И наконец, несмотря на всю свою ловкость, Апеллес тоже пропустил хук, заставивший его покачнуться на враз ослабевших ногах.

— Руби!.. — вопил сосед Ильи Ильича.

Положение немедленно переменилось. Теперь Свамбо добивал грека, а тот уходил от града ударов, каждый из которых оставлял вспухающий рубец. И наконец Апеллес окончательно сломался. После очередного хука он согнулся, закрыв кулаками лицо и уже не стремясь уйти от ударов. Свамбо, глухо рыча, с размеренностью машины лупил кастетом в голову, намереваясь добить почему-то ещё не упавшего олимпийца.

— Работай! — ликовал сосед.

Апеллес пошёл кругом на подкашивающихся ногах. По всему было видно, что сейчас он рухнет без малейшего толчка, но Свамбо обрушил ещё один мощный удар в темя согнувшегося атлета. В этот удар он вложил всю свою страшную силу, это был коронный, завершающий аккорд, после которого возможны только аплодисменты восхищённых зрителей. И, конечно же, ради такого удара Свамбо раскрылся, тем более что противник был уже считай что мёртв. И в это мгновение кулак грека снизу ударил в незащищённое горло. Илье Ильичу почудилось, что даже сквозь единоклассный вопль толпы он слышит хруст, с которым бронированный кулак дробит хрупкую гортань.

Сосед захлебнулся собственным визгом.

Секунду Свамбо ещё стоял, и за это время Апеллес пружинисто распрявился и не дал сопернику упасть самому, чудовищным ударом в челюсть швырнув негра на пол. Затем,

пошатываясь, отошел в дальний угол и принялся равнодушно ждать, когда его объявят победителем.

— Вот тебе и один к пяти! — озадаченно пробормотал Илья. — Кто-то сегодня наверняка переедет в Отработку.

— Подстроен результат, что ли? — хмуро спросил отец.

— Нет. Ты же видишь, как он его свалил. Этот удар не за-
прещён, но просто не принято так бить. Весь сбор от этого
матча лечение вряд ли оправдает. Видать, действительно у
них дело на принцип пошло.

— Поганые у них принципы, — сказал Илья Ильич. —
Зачем ты меня сюда привёл?

— А для того, чтобы ты посмотрел, как здешние старожилы удар держать умеют. А ведь эти по сравнению с ассирийцами, что на стенах стоят, — щенки. А тебе вздумалось такого со стены сшибить. Хочешь, пройдем в раздевалку? Там куча спарринг-партнёров мается. С любым можно договориться, что ты ему за полста лямишек в морду дашь. И не просто кулаком, а со свинчаткой. Если с ног собьёшь, он тебе деньги в двойном размере вернёт. Вот только никто ещё на этом деле не обогатился. Тут и исходные данные, и тренировка, и искусственно завышенный болевой порог. Понял теперь, против кого выступать приходится?

— Понять-то понял. Но я вот думаю, а ежели под ремни, когда руку бинтовать начну, пяток мнемонов положить и эти-
ким кастетом твоего спарринг-партнёра перепаять... как думаешь, на ногах он устоит? Ежели вломить ему на всю сумму...

— Ты с ума сошёл! — сказал Илюшка.

— Я всего лишь исхожу из специфики местности. Если здесь нет ничего, кроме мнемонов, то и бить следует мнемонами.

— Икнуть не успеешь, как в Отработку улетишь.

— Или окажешься на стене.

— Да нет, если даже и собьёшь стражника, на тебя в ту же секунду вся их мощь обрушится. Понимаешь, в ту же секунду. Запаздывание у них две десятых, это уже много раз проверялось. Тут даже с ракетным ускорителем до гребня долететь не успеешь.

— А если бить будет один, а прыгать — другой?

— Даже если другой успеет вспрыгнуть, его скинут прежде, чем он успеет помочь своему товарищу. Уж с ним-то никто не станет церемониться, и запаздывания тут не будет.

Илья Ильич, не поднимаясь с места, глянул в сторону ринга, откуда служители выносили тело Свамбо. Никаких признаков жизни заметить в нём не удавалось, так что пришлось верить на слово, что негра вылечат и через год Апеллес снова встретится в чемпионате с неубиваемым соперником. Диктор по местной трансляции торжественной скороговоркой вещал, что греческий атлет обещал, став чемпионом, часть призовой суммы перечислить на лечение чернокожего варвара. «Иначе на будущий год мне не с кем будет боксировать!» — с восторгом повторил он слова Апеллеса.

«Рекламный трюк, — неприязненно подумал Илья Ильич. — Чемпионом ему ещё стать нужно, во второй полуфинальной паре тоже небось не кисейные барышни встречаются».

Потом он сказал главное:

— А другой, когда он на стене окажется, не должен своему товарищу помогать. Он должен стать в ряды защитников Цитадели и товарища вниз спихнуть. Вот и весь секрет.

Илюшка долго молчал, потом заметил:

— Ты этого утром не сказал.

— Ну не всё же сразу.

— Я так не хочу. Погано это. Это всё равно что стрелять по территории, где свои могут быть. Или то же самое, что раненого оставить унитовцам. Понимаешь, запредел это.

— Другого способа я не вижу, — сказал Илья Ильич. — Ты же не собираешься систему ломать, ты в неё вписаться хочешь. Значит, принимай её законы. Вот как на этом матче: бей и не думай, что кулак свинцом одет.

— Н-да... — протянул Илюшка, — ты, папаня, даёшь! Я хотел тебе правду жизни показать, а получилось, что ты мне показал.

— На том стоим.

* * *

Наконец пришло время пересчитать наличность. Мнемоннов оказалось почти десять тысяч. Если бы не чудесная способность кошель скрадывать вес и не раздуваться от больших сумм, то его и с места сдвинуть было бы трудно. Илья Ильич припомнил даже, как в юности подрабатывал грузчиком в одном из ленинградских универмагов, и в бригаде самой тяжкой работой считалось грузить деньги. Мелочь на сдачу при-

возилась из банка в опечатанных бельтинговых мешочках, медь по сто рублей в мешке, серебро — по пятьсот. И весил такой мешочек ровно десять килограмм. Бухгалтерия в универмаге находилась в мансарде на третьем этаже, и грузчики проклинали всё на свете, таская на третий этаж крошечные, но веские мешочки, которые непонятно за какое место брать и как нести. А тут — красота, высыпал в волшебный кисет — и никаких забот. Хоть миллион мнемонеров всыпай. В общем-то, это и правильно, а то покойные знаменитости и шагу бы не сделали под тяжестью своих богатств.

Илья Ильич знаменитостью не был, его мнемона связаны были в основном с похоронами и оформлением наследства внучатыми племянниками. Дело такое, тут хочешь — не хочешь, а по сто раз на дню вспомнишь богатого дядюшку. Илья Ильич не обманывался, понимая, что через пару недель поток мнемонеров превратится в скудный ручеёк, а там и вовсе иссякнет. Кому вспоминать одинокого старика?

Но куда сбережённое от лап бригадников богатство лежало перед ним, выстроившись ровными рядами, столбики по десять штук выстраивались в полки, и всё вместе обещало долгую, исполненную радостей и развлечений жизнь. А можно потратить их разом, создав в нихиле раёк или попытавшись взять штурмом Цитадель.

Лямишки лежали отдельно, внушительной кучей. Были тут безликие монетки, полученные на сдачу, были и настоящие поминальнички, от безразличных чиновников, оформлявших документы, от сотрудников Северного кладбища, от землекопов и случайных прохожих, чей взгляд зацепился за траурную машину, от совершенно незнакомых людей, пришедших навестить лежащих в хосписе родственников и услышавших о его кончине во время обязательной беседы с немощной бабушкой: «Вот был у нас один, Ильёй звали, шепутной старичок, даже бежать пытался, а всё одно назад привезли. Вчерась помер от рака в печени...» От самой бабульки придётся покойнику полновесный мнемон, а от вежливой слушательницы — ни к чему не обязывающая лямишка. Бабулька и сама скоро здесь объявится, а её издёрганная заботами дочь забыла о рассказанной новости в ту же минуту. И больше уже не упадёт от этих людей ни мнемонеров, ни лямишек. Вообще ничего.

Явился Илья, оглядел разложенные сокровища, при-
свистнул:

— Круто! Неужто и у меня столько было поначалу?

— Больше было, — уверенно сказал Илья Ильич.

— Тебе повезло, тебя бригадники не чистили. А у меня, считай, все сливки в их лапах остались.

Илья Ильич промолчал, а сын снял свой кошель и высыпал на стол его содержимое. Было там куда как поменьше денег, нежели у самого Ильи Ильича. Десятка три мнемон и горстка мелочи.

— Оставь, — сказал Илья Ильич, — это дела не изменит.

Илья промолчал, но решительно придвинул свои деньги к общей куче, и отец не стал спорить. Он лишь отобрал один мнемон и протянул его сыну:

— На память-то возьми.

Илюшка кивнул, зажал мнемон ладонями, потом улыбнулся:

— А это и не от тебя вовсе. Есть ещё один человечек, вспоминает иногда... Она меня и не дождалась, через полгода, как я в Африку загребел, замуж выскочила. А потом, как узнала про похоронку, нет чтобы радоваться — мол, объясняться не нужно, — ревела целую неделю. Сейчас у неё внуков шесть штук, скоро правнуки появятся, а порой вспоминает, как мы в Приморском парке целовались. Лягушка там есть каменная...

— Знаю.

— Станный всё-таки народ — женщины, — сказал Илюшка, и Илью Ильича в миллионный раз обдало горечью, что сын ушёл, не успев оставить детей, а значит, и прочной памяти.

Сына он уламывал целую неделю, тот считал, что такой способ попасть в Цитадель для него не годится. В ход шли такие доводы, что в ином сне не привидятся. Насилу уболтал. Илюшка твёрдо обещал, если дело выгорит, пересылать отцу часть будущего жалованья, чтобы тот не оказался вовсе нищим и не ухнул прежде времени в Отработку.

— В Отработку мне рано, — усмехался Илья-старший. — Вот устрою тебя и так жизнь колечком закручу — только держись. Друзей старых нужно повидать, подружек фронтовых...

— Ты с ними, никак, лет шестьдесят не видался, — под-
держал беседу сын. — Узнаешь ли?

— Ничего, заново познакомлюсь. Мужчина я теперь видный...

За полмнемона (ломать не строить!) Илья Ильич вернул себе прежнюю внешность, обратившись в восьмидесятилетнего старика. Только здоровье оставил сорокалетнее. Илюшка аж побледнел, когда увидел отца в настоящем виде.

В течение двух последних дней Илья-младший совершал послеобеденный променад под стенами Цитадели, вызывающе одетый в камуфляжную форму и с «АКМом» на ремне. Меднобородая охрана никак не отреагировала на подобную выходку, хотя с автоматами прекрасно была знакома ещё со времён неудачного Афганского прорыва. Зато остро отреагировал приятель Серёга, который, не набравши денег на цирк, установил в опасной близости от стен несколько гимнастических снарядов и предлагал всякому желающему за одну ляминку покрутить солнце или позаниматься на кольцах. Желающих было маловато, так что бизнес этот обещал обернуться сплошным убытком. Зато сам Сергей в порядке рекламы не слезал с перекладины, надеясь таким образом усыпить бдительность стражи. Увидав Илью в военной форме, он примчался объясняться, но внятного ответа не добился.

— Ничего у тебя не получится, — отрезал Илюшка, — а я хотя бы делом занимаюсь. Хочу проверить кое-что.

— Отцовы деньги решил на ветер пустить? — мстительно спросил Сергей.

— Покуда своими обхожусь. Автомат — это же дешёвка, не то что твой спортзал. И арендной платы за личное оружие не берет.

— Ну смотри, испортишь мне проект, я тебя на дуэль вызову.

Тем не менее по городу поползли слухи, что ветераны прошлых войн не успокоились и готовят новое нападение на Цитадель. Народу на центральном бульваре изрядно поубавилось, хотя многие, напротив, стали туда заходить, желая посмотреть настоящую битву, а не зрелище, при котором участники вешают кошель на гвоздь и произносят ритуальную фразу о взаимном желании бить и быть битым.

Кстати, дуэль, которой угрожал обиженный Сергей, проводилась точно так же, как и любые соревнования. Без денег, но с оружием в руках. Сытые западные покойники такими вещами почти не баловались, а вот поколение россиян, которое

было щедро прополото войнами конца тысячелетия и бандитскими разборками, вспомнило старинный кодекс чести. Прорва мнemoнов бездарно улетала на ветер, потраченная на лечение огнестрельных и колотых ран, полученных во время поединков чести. Илюшка, погибший ещё в советское время, о подобных вещах отзывался с усмешкой, хотя трудно сказать, как бы он поступил, если бы дело всерьёз дошло до пистолетов.

План был разработан до мелочей и, казалось, предусматривал всё, однако, когда Илья Ильич с тросточкой и Илюшка с автоматом с разных сторон вышли на центральный бульвар, случилось непредвиденное. Собственно говоря, что именно произошло, Илья Ильич ни осознать, ни тем более запомнить не сумел. Обратил внимание, что среди гуляющих, одетых большей частью по-среднеевропейски, появилась фигура в белом балахоне и со шнуром на голове, затем в глазах полыхнуло, и Илья Ильич обнаружил себя лежащим в нихиле. Болели голова и грудь, пришлось потратить немного денег, чтобы суметь подняться и добраться до дому.

Илюшка ожидал его, сидя за столом. Под глазами у него красовались чёрные круги, по которым нетрудно узнать контуженного. Был Илюшка зол и не скрывал этого.

— Сильно тебя стукнуло? — спросил он отца.

— Сильно... — Илья Ильич потёр ноющую грудь и осторожно уселся в кресло. — Рассказывай, что там произошло, а то я ничего не помню.

— Ты не поверишь. — Илюшка нервно рассмеялся. — На террориста напоролись! Шахид недоделанный, свинья арабская! Кого он там терроризировать хотел, уж и не знаю. Завопил «Аллах акбар!» и подорвал себя посреди бульвара. Это ж сколько он деньжищ в этот заряд вложил? Теперь явно в Отработку загремит.

— А говорят, что тут никому физического вреда не причинить, иначе как по договорённости...

— Ты деньги-то пересчитай... там у тебя наверняка лямешек прибавилось. И на лечение хватит, и возмещение морального ущерба. Ты смотри, вот я — подрывник, мне тротиловую шашку или заряд аммонала придумать легче лёгкого, вроде как тебе разметочную вешку. Обойдётся такая штука в лямешку или две. И ежели в нихиле её рвануть, долбанёт, будь здоров. А если я вздумаю в Городе такими вещами бало-

ваться, то вместо взрыва будет один пшик. Тут уже надо в этот заряд серьёзные деньги вкладывать, которые пойдут на то, чтобы всё, тобой сломанное, исправить можно было, людей раненых вылечить и штраф заплатить. Чем больше на это дело денег выделить, тем громче бабах получится. А этот тип, вероятно, новенький и, так же как ты, бригадников миновал, потому как осёл полный, жизни здешней не знает, а бомба рванула мощная, на несколько тысяч мнemoнов.

— Против кого он выступал-то? Он Цитадель подрывал или просто хотел народ на валу покрошить?

— Это ты у него спроси. Он, поди, и сам не знает. Ему лишь бы убить. Отморозок, одно слово...

Выяснилось, что в результате теракта у заговорщиков прибавилось больше сотни мнemoнов. И это уже после того, как было поправлено порушенное здоровье.

— Понял теперь, почему у нас террористов не ловят и в каталажку не сажают? — смеялся Илюшка. — Поди полгорода нам сейчас завидует. И народу на валу прибавится — не продохнуть.

Так и случилось. Гуляющие валили к Цитадели толпами, разглядывали посечённые осколками деревья, обсуждали размеры компенсации, полученной счастливыми, пострадавшими при взрыве. Цифры назывались нереальные, завышенные в сотни и тысячи раз. Сергей, пользуясь ажиотажем, придвинул переносной спортзал в опасную близость к стенам, хотя желающих поболтать на кольцах сильно не прибавилось, зеваки не тот народ, который станет платить деньги за сомнительное удовольствие заниматься спортом, но Сергей всё выжидал и план свой в жизнь не проводил. В самый разгар ажиотажного гуляния оба Ильи отправились к Цитадели вторично. Особых надежд на этот поход не возлагали, так что даже придумали особый знак, подав который можно было отменить дело в самую последнюю секунду.

Знака подавать не пришлось. Появление десантника с автоматом, о котором точно знали, что он «был там», вызвало всеобщее волнение. Илюшку немедленно окружили и принялись расспрашивать. Бросаться на стену в такой ситуации было бы совершенно невозможно. Илья Ильич понял это и, не дожидаясь условного знака, отошёл в сторонку. Его, впрочем, тоже не оставили в покое. Какой-то господинчик, невы-

сокий и курносый, подошёл и безо всяких политесов вступил в разговор:

— Нет, вы посмотрите, что делается! Получается, что средства массовой информации создают террористам самую настоящую рекламу! Ну кто хоть когда-нибудь слышал об этом ваххабите? А стоило ему подорвать себя, как о нём заговорил весь мир, и сюда он является миллионером! Допустим, что тут он не разобрался и потерял несправедливо добытое, но ведь он и не должен был получать таких сумм!

Говорил словоохотливый господин на чистейшем русском языке, нимало не беспокоясь, понимают ли его. Впрочем, самый вид Ильи Ильича, его потрёпанный «почти новый» костюмчик точно изобличали российского гражданина советской ещё закалки.

— Я вас понимаю, — сказал Илья Ильич.

— Ах, оставьте! Что вы можете понимать? Ведь это же тенденция, понимаете?... Тенденция! Одни трудятся, другие получают деньги. Так было там, то же самое творится и здесь! Вот я актёр, всю жизнь посвятил искусству. Не спрашивайте, как меня зовут, не спрашивайте!.. Мне это уже не нужно. Они добились своего, затёрли талант, пусть теперь радуются. Тридцать лет на театре — и ни одной главной роли! Это кошмар, пусть он останется на их совести. Но ведь этого мало! Единственная за годы служения роль в кино... и что? Моей фамилии нет в титрах! Я не склочник, нет, но тут я пошёл к режиссёру. И знаете, что он мне ответил? Что я, мол, всю массовку должен в титры вносить? Но я-то был не в массовке, нет! Я играл царя! Хорошо, пусть моя роль занимает меньше минуты экранного времени, но каждый зритель — а их были миллионы! — в эту минуту подумал: «Вот он какой, государь император Павел Первый!»

Экс-актёр приосанился, принял гордую позу, а Илья Ильич подумал, что гримёры должны были очень постараться, чтобы придать этой жалкой личности сходство с царём, который при всех своих недостатках, моральных и физических, всё же умел держаться по-царски.

— Но ведь это ещё не всё! Подумайте о другом: картина была в прокате больше полугода, шла первым экраном, и от каждого зрителя покойному государю досталась монета. Ля-мишка, не спорю, но ведь их были миллионы! В обычной жизни простой человек не думает о Павле Первом, а мой та-

лант напомнил о нём! А какова благодарность?.. Встретить, поговорить, отблагодарить, в конце концов! Я не требую, чтобы император поделился полученными деньгами, хотя и это было бы нелишне, но, по крайней мере, спасибо сказать можно?

— Цари не привыкли говорить спасибо, — назидательно произнёс Илья Ильич. Артист, обиженный жизнью и не нашедший успокоения даже в смерти, не вызывал у него ни малейшего сочувствия.

— Это плохо! Ведь он существует только благодаря таким, как я!

— Вот вы ему это и скажите, — посоветовал Илья Ильич.

— Как я туда пройду, как? Я всю жизнь был честным человеком, я трудился, а не воровал, у меня нет миллионов. Как я туда пройду, скажите на милость?

— Трудный вопрос, — признал Илья Ильич. — Хотя вот я, например, не трудился ни единого дня, всю жизнь воровал, но, как видите, тоже здесь. И чем, скажите, мы с вами отличаемся?

Илья Ильич сделал неуклюжую попытку взять актёра под руку, как бы готовясь к долгой доверительной беседе, но тот отшатнулся, судорожно схватился за грудь, где висел неумыкаемый кошель, и поспешно отошёл.

Илья Ильич довольно усмехнулся, удивляясь самому себе. Эту шутку, позволявшую избавиться от докучливого собеседника, он не проделывал уже лет пятьдесят и даже не думал, что ещё способен на такое. Как ни верти, а новая жизнь пробуждает в душе молодые чувства. В этом вопросе гений подвёл Марка Твена.

Илюшка наконец избавился от окруживших его слушателей, и Илья Ильич, постукивая палкой, отправился следом за сыном. По дороге он думал, что если не сгинет при попытке штурма, а потом случай и благосклонная судьба позволят заново омолодиться, то надо будет отыскать Любашу, узнать, как там она...

Шум под стенами Цитадели утих лишь через две недели. К этому времени все уже знали, что именно произошло, знали имя неудачливого террориста, в долгих пересудах обмусолили историю о том, как он пытался повеситься, узнав, что всего лишь обогатил тех, кого намеревался ужаснуть. Сначала безумец твердил о карающей руке, которая и за гробом на-

стигнет неверных, затем заскучал, хотел было покончить с собой, но по неопытности лишь намучился вдоволь и истратил те крохи, что успели накопиться ему уже после загробного теракта. Последнее испытание подорвало фанатичную уверенность, что ему ведома воля Аллаха, и загробный убийца стал обычным тихим психом, каких немало дотлевают в кварталах Отработки.

Во время этих событий то Илюшка, то Илья Ильич ходили на бульвар, приглядывались, прислушивались и ждали удобного времени. И наконец сочли: пора.

ГЛАВА 6

Шамашкар, носитель железного меча, стоял в дозоре. Стоять в дозоре было его право и обязанность, должность и предназначение, предписанное великим Аном, матерью Арурой и Ашшуром — отцом богов и владыкой определяющей судьбы. С того самого времени, как ему перестали брить голову и локон юности затерялся среди отросших волос, Шамашкар служил ассирийскому царю. Двенадцать лет в войсках! Сначала прашником, а затем, после того как отличился под Дамаском, получил предмет всеобщей зависти — железный меч — и уже не выходил первым под удары, а шёл следом за колесницами, закрепляя победу.

В прежние времена такого не было: чтобы воин не занимался ничем другим, кроме войны. Шамашкар хорошо помнил прежние времена. Отец работал на поле, выращивал кусты, дающие шерсть, мать и вторая отцова жена пряли тонкую хлопчатую нить, что так ценится среди знатных. Тем семья и перебивалась. Порой по селениям пробегали царские гонцы, объявляя, что снова Ур или Вавилон восстали на сынов Ашшура. Тогда отец, поминая недобрым словом всех богов, собирался, брал прашу и круглый, обитый буйволовою кожей щит и уходил на войну. С одной из таких войн он не вернулся, семья напрасно ждала хозяина с добычей. Победа всегда улыбается Ассирии, жаль, не все воины возвращаются из победоносного похода.

На следующий раз не вернулся и Шамашкар. Но не потому, что достала его злая вражеская стрела, проткнуло копье или растоптал взбесившийся конь. Беда не коснулась его,

даже хабиры, убивающие из-за угла, не смогли причинить вреда. Шамашкар остался живой и собрал под Арпадом немалую добычу. Но и домой вернуться не удалось. Новый царь — Тиглатпассар, или, как его попросту звали в войсках, — Тигли, зачислил удачливого прашника в царский полк, воины которого не могли быть землепашцами и не смели пасти овец. Их уделом стала только война, и даже во сне Шамашкар знал, что оружие его лежит рядом.

Поначалу Шамашкар был недоволен. Хотелось домой к привычным делам, обидно было, что слитки свинца, и шерстяные ткани, и большое бронзовое зеркало, что добыл во время грабежа, он уже отправил родным, а в результате не слышал ни восхищённых возгласов, ни громких похвал. Однако против воли царя человек не может ничего возразить. К тому же в скором времени бывший прашник привык к новому положению. Конечно, война — трудная и опасная работа, но и там нашлось немало приятных моментов. Весело следить, как таран пробивает ворота кажущегося неприступным микдола, сладко ласкают слух стоны пленников, насаженных рёбрами на острые колья. А уж каких чудес довелось повидать на своём веку! Забиба, царица арабов, платила дань цветными овцами. Шерсть этих животных была изумительным образом окрашена в синий и пурпурный цвет, народ отовсюду сбегался поглазеть на редкостную диковину, и Шамашкар, который был среди стражи, охранявшей удивительное стадо, находил немало поводов для гордости. Хотя, если сказать по правде, овцы были как овцы, они глупо трясли хвостами, бестолково блеяли и всё время норовили шарахнуться куда-то в сторону. И воняло от их пурпурных боков на редкость гадостно.

Впрочем, лучше уж отгонять домой овец, чем пленников. А пленников было нужно много. Целые народы забирал под свою руку любимец Бэла Тигли. В первую очередь угонял ремесленников, людей, искусных во всяком мастерстве и художестве. Как бы ни был жарок бой, Шамашкар знал, что покорённый город нельзя грабить, прежде чем не пройдут по его улицам люди, которым рабе-кали поручил отбирать мастеров. И лишь когда выедут из разбитых ворот повозки, можно добирать всё, что осталось, жечь дома, рубить пальмы, заваливать камнями источники, чтобы благодатная земля превратилась в пустыню и никогда отсюда не звучало угрозы Ашшуру. Они переселили на новые места народы дамуну, яа-

лила, накаябая и будая, причислив их к жителям Ассирии, установив для них справедливость и возложив все повинности, которые должны нести исконные ассирийцы.

Шамашкар шагал по дорогам Ура и Арпада, и враги растеклись при виде его меча, словно вода перед носом лодки. От страха дрожали их жилы и сперма иссохла, как у евнуха. Великое царство раскинулось от солёных вод Бит-Якина до страны Бакни на востоке. Вечерами у бивачных костров солдаты обсуждали небывалые новшества, придуманные и введенные царём. Сам Тигли пришёл к власти на солдатских мечах, подняв мятеж в провинции Кальху, и теперь немало сил положил, чтобы никто из наместников не забрал достаточно власти, чтобы провести в жизнь подобные мечты. В стране больше не было рабани — наместников, управлявших большими провинциями, каждая провинция была разделена на пять или шесть областей, для управления которыми уже не требовались наместники, а лишь назначаемый чиновник — массену. Высокий титул рабани сохранился лишь за наследным принцем Салманасаром. К тому же массену назначались исключительно из числа дворцовых евнухов. У кого нет детей, тот не сможет основать династии и, значит, не опасен. Никогда ещё гарем не был в такой силе, в его тёмных комнатах решались судьбы царств. Вернее, сановники думали, что они что-то решают, на самом деле судьбы царств решал железный меч Шамашкара. Люди моря: финикийцы, иудеи, не знающие бога, крикливые арабы — все пали перед железным ассирийским мечом, и стон шёл по земле.

А потом случилась великая несправедливость, о которой Шамашкар очень не любил вспоминать.

Царский полк двигался по землям Вавилона, внушая непокорным, как следует себя вести, когда приходит хозяин. Всё было как предписано богами, враг не устоял, смелость его ушла, и он облачился во вретище. Однако нашлись безумцы, заградившие дорогу войску. Боевые колесницы вавилонян врезались в ряды ассирийцев. На каждой колеснице стояли шитоносец и лучник, обвязанный вожжами. Топот копыт, ржание, крики и густое гудение стрел...

Точно такие же колесницы были в войске непобедимого Тигли, и Шамашкар частенько слышал споры воинов: чья работа трудней и ответственней. Один должен огромным, в человеческий рост шитом, сплетённым из тростника и обитым

кожей, прикрывать от ударов себя и своего товарища. Причём делать это надо так, чтобы не закрывать обзора, не мешать управлять колесницей и пускать стрелы. Второй бьёт во врага из тяжёлого лука, одновременно управляя упряжкой коней. Конечно, кони хорошо выезжены и слушаются голоса, а на всякий случай вожжи обвязаны вокруг поясницы стрелка, так что он может, не прекращая стрельбы, движением тела направлять коней. Кто решит, чей труд достойней? И вечной обидой для стрелков и щитоносцев оказывалось то, что самая большая выдача вина и самое крупное вознаграждение полагалось не им, а мукил аппати — воинам, строящим дороги, без которых боевая колесница окажется совершенно беспомощной (Илья Ильич, который в эту минуту кинул из-под бровей оценивающий взгляд на задумавшегося стражника, согласился бы с мудрым решением царя Тигли).

И вот там, в мелкой стычке, для которой не нашлось места на глиняных таблицах, вражеское оружие достало Шамашкара. Срезень — тяжёлая стрела, у которой вместо заострённого наконечника красуется вогнутое лезвие, формой напоминающее полумесяц. В полёте такая стрела гудит наподобие шмеля, и звук этот, для земледельца знаменующий мирное начало лета, воину напоминает о смерти. Срезень с лёгкостью перерубает руку или ногу, но серповидное лезвие специально изогнуто по форме шеи. Именно в шею и ударила проклятая стрела Шамашкара. Сбоку ударила, так что не помогла даже завитая и умащенная маслом накладная борода.

Не было боли, только мир крутанулся, словно в те давние мгновения, когда отец подбрасывал маленького Шамаша и ловил его, смеясь над детским визгом. Вот так же швырнуло ударом срубленную голову Шамашкара. А потом он обнаружил себя среди бесплотной пустыни, безоружным и раздетым, и долго ощупывал шею, стараясь убедиться, что голова крепко держится там, где ей положено.

В нихиле его встретили темнокожие египтяне и попытались обратить в рабство. Угрожая копьями, они хотели заставить высыпать деньги из кошель, оказавшегося на перерубленной шее, но Шамашкар воспротивился и неожиданно сумел голыми руками разбросать вооружённых противников и уйти в «пустыню облаков» — так он называл про себя нихиль. Вскоре он встретил своих и узнал о смысле посмертных денег (великолепная вещь, что пожелаешь, то и сбудется! Не

иначе отец богов Ашшур поделился с людьми крохой своего всемогущества).

Очень быстро он привык к новой жизни и, вернув себе железный меч, пошёл биться с египтянами, жителями Вавилона и Дамаска, с другими народами, порой вовсе неизвестными, которые оказались на удивление сильны. Враги не желали умирать от ударов, не иначе, их боги тоже дали своим детям частицу всемогущества, отменив приговор МамИту. Всякая победа немедленно оборачивалась поражением, походы требовали денег, которые почти никогда не возвращались после боёв, а новые деньги прибывали всё реже, родственники — да уязвит их печень тарантул! — вместо того чтобы день и ночь вспоминать об умерших, занимались ничтожными живыми делами, посадив воинов Ашшура на голодный паёк.

Так продолжалось до той поры, пока в заоблачном мире не появился окончивший земные дела мудрый царь Тигли.

С той давней поры, как отец богов Ашшур сотворил небо и землю из тела убитой им Тиамат, минуло множество царей, и многоучёная владычица Белет-цери устала записывать их имена. Цари являлись в облачный мир в блеске и славе, они пытались создавать царства, они требовали дани от покорённых народов и налогов от собственных подданных. Кое-кто по старой памяти даже платил, приближая своё исчезновение, а вместе с тем и гибель царства. Сами цари погибали редко, обращаясь в духов, бродящих среди развалин.

Тигли, во всём любивший новшества, не пошёл по этому пути. Конечно, он, как и его предшественники, собрал верных, но не двинулся в поход, а прежде всего выпросил каждого об удивительных особенностях загробного мира. Потом он заставил сражаться воинов перед своим лицом, обещая победителю награду и благоволение, но прежде награды проверял, насколько изменилось содержание их кошельей. Он восстановил царский полк, и впервые под сумрачным небом прозвучали слова: «Жалованье — шестьдесят монет в день». После этого Шамашкар, в кошелье которого было почти пусто, готов был на всё ради доброго царя Тигли. Но приказ, который им объявили перед началом первого похода Тиглатпассара в загробном царстве, поверг старого солдата в недоумение. Ему запретили нападать! Войско, состоящее из одних только меченосцев, вышло в путь, имея строжайший приказ: никого не убивать.

И без того не имея прикрытия, они должны были стать лёгкой добычей вражеских лучников и прашников, но ведь им ещё было приказано не обнажать мечей, прикрываясь только щитами. А меч, уж коли он вытащен, применять только для обороны, не смея ударить врага. Кто нарушит приказ, тот останется без жалования и вина весь месяц. Разумеется, с такими приказами победы не дождёшься. Эламцы, на которых они напали, обратили ассирийское войско в бегство. Впервые обладатели железных мечей бежали с поля боя!

Зато, когда рассеянное войско собралось, обнаружилось, что у каждого, на кого обрушился оставшийся безответным вражеский удар, заметно добавилось денег в кожаном кошельке. Девять десятых прибыли забрал царь, но и того, что осталось, хватило на хорошую гулянку, где, как повелось, пили за славную победу, одержанную ассирийским войском. Хотя многие так и не избавились от удивления при виде такой победы.

На добытые деньги Тиглатпассар выстроил крепость-микдол: систему башен, связанных длинной земляной стеной. Землю для строительства пришлось творить из податливого тумана. Солдаты ворчали, но в глубине души были довольны, что ходят по твёрдому, не проваливаясь на каждом шагу, словно в дельте Евфрата. Вот где мутил аппати, занимавшийся строительством, доказали, что не зря едят хлеб.

Остатки этого вала и сейчас видны рядом с новой крепостной стеной. Там всякий день гуляют жители раскинувшегося возле Цитадели поселения. Именно от них, а не от кочевников, которых теперь с собаками не найдёшь, охраняет Шамашкар глинобитную стену крепости.

Внутри микдолола были поселены простые люди, свои и чужие, без разбору. Им царь обещал защиту и покровительство в обмен на очень небольшой ежемесячный налог. Люди, уставшие от того, что созданное ими немедленно разрушается, соглашались, тем более что денег у них было больше, чем у любого воина, ведь раб, пастух или землепашец редко когда могли нанести удар грабителю и, значит, после каждого грабежа оказывались с барышом. Дивно устроено царство мёртвых, правильно рассказывали старики, что там всё наоборот!

Когда по нимихлю разнеслась весть о богатом городе, немедленно нашлись желающие его завоевать. Они приходили великими и малыми отрядами, но все ушли ни с чем. Понача-

лу было трудно обороняться, не ударяя мечом, а лишь отбивая удары, не нанося раны, а получая их. И всё же именно такой бой приносил победу. После двух или трёх удачных ударов враг уже ничего не мог сделать и впустую размахивал оружием, неспособным достать защитников стены. Раненые воины отходили за спины товарищей лечить раны и подсчитывать барыши, убитые возвращались на следующий день с кошельками, полными денег, а враги уползали, не получив ни единой царапины, но лишившись всего состояния.

Когда-то, разделив страну на шестьдесят областей и вручив управление евреям-массену (арабы называли этих людей эмирами), Тиглатпассар все заботы о процветании крошечного удела переложил на их ожиревшие плечи, сам ограничившись получением налогов и рекрутов в царское войско. Точно так же и здесь мудрый правитель открывал ворота царской крепости перед всяким, кто хочет жить мирно и согласен платить за это. При этом житель Цитадели мог кланяться любым богам, говорить на любом языке, вовсе не признавать ассирийского владычества и даже не знать о существовании владыки определяющей судьбы. Почестями и рёвом труб Тиглатпассар пресытился ещё в прежней жизни.

Когда желающих поселиться в Цитадели стало слишком много, плата была повышена, а затем поднималась ещё несколько раз, так что простой обыватель уже не мог там жить. Зато рядом со стенами появилось целое поселение, обитатели которого называли себя «живущими в мире». Как и полагается, главная опасность исходила именно оттуда; по ночам бандиты, вооружённые длинными ножами, ползли на стены, мечтая проникнуть в богатые дома жителей Цитадели. Глупцы, подобные ишаку, не знали, что стражники давно умеют видеть в темноте и разучились спать на посту. Шамашкар лишь посмеивался, глядя на старания воров. Пару раз он даже позволял себя порезать, а потом пил на вырученные деньги жёлтое финиковое вино.

Шамашкар мало задумывался о жизни, он просто брал от неё, что считал нужным: вино, женщин и войну. Война в мире серых облаков оказалась иной, чем в первой жизни, но ведь это ничего не значит. Побеждает не тот, кто первым ударил, а тот, кто победил. А он, любимец царя Тигли, непобедим, ибо могуч и вооружён отличным железным мечом. Ни медь, ни бронза не могут противостоять железу, и ничья сила

не может противостоять мощи сынов Ашшура. Давно уже не появляются под крепкими стенами войска Мидии и Элама, и вечный противник Вавилон не присылает своих сынов. Все они умерли, и память о них стёрлась. Другие народы живут в городе, раскинувшемся у стен, и враги нападают уже не для того, чтобы разрушить Цитадель и ограбить жителей, но желая занять место истинных хозяев, чтобы самим охранять покой живущих.

Дважды это им удавалось, и тогда среди воинов, искони защищавших Цитадель, появлялись чужаки. Первый раз Цитадель была взята чуть ли не случайно. Римляне, грубый варварский народ, в ту пору возвысились ненадолго и, считая себя хозяевами мира, вздумали захватить власть в Цитадели. О том, что готовится нападение, было известно заранее, только слепой мог бы не заметить его, и воины уже предвкушали, как станут тратить деньги побеждённых. Нескольким воинам атакующей когорты опрометчиво позволили подняться на стену, чтобы они могли как следует потратиться в бою. Но когда на стене завязалась свалка, плебеи, собравшиеся поглазеть на кровавое зрелище, повытаскивали ножи и с криком кинулись добывать себе места наверху. Часть римлян, наученные горьким опытом недавних гладиаторских бунтов, спешно поворотила мечи против черни, так что бить их было уже нельзя. По счастью, догадливых оказалось не так много, а остальных воины Ашшура просто пошвыряли вниз, под ноги разъярённой черни. Там случился взаимный мордобой с бесцельной тратой денег. И всё же несколько кичливых римлян остались служить в гарнизоне и со временем даже перестали восприниматься чужаками.

Прошло чуть меньше двух сотен лет, и приятелей Шамашкара проредило ещё раз. Вернее, не проредило, поскольку в ту войну никто не погиб, а разбавило чужаками. Самое удивительное, что это произошло чуть ли не с ведома царственного Тигли. Мудрый владыка знал, что небрежением потомков и решением судеб его земное царство разрушилось и память о нём сгинула, что жив он только благодаря своим здешним заслугам. Потому особое внимание Тиглатпассара Третьего привлекали те жители Цитадели, память о которых не убывала спустя полсотни лет со дня их кончины, а возрастала, словно покойник поднесь пребывал среди живых. К таким людям великий царь приходил как равный, чтобы учить-

ся мудрости. Так он оказался в доме прославленного полководца Чжугэ Ляна, чьё имя в Поднебесной империи известно всякому и не забудется вовеки. Там среди неспешного разговора о делах земных и потусторонних прозвучали слова: «Нет такой крепости, которую было бы нельзя взять». И когда ассириец напомнил о своём неприступном микдоле, Чжугэ Лян ответил, поглаживая редкую седую бороду: «Эту крепость, как и любую другую, можно взять штурмом. Вопрос в том, нужно ли её брать».

Что-то в этой беседе осталось недосказанным, так что Тиглатпассар, вернувшись в свои покои, приказал усилить стражу на стенах и быть особо бдительными. Предчувствие не обмануло, через несколько дней под стенами появилась толпа вооружённых китайцев. Они громко кричали и размахивали оружием, так что даже самый сонный охранник успел бы проснуться и приготовиться к бою. И только потом желтокожие двинулись на приступ.

Заранее предвкушая прибыльное развлечение, ассирийцы раздвинулись, допустив на стену первый ряд атакующих. Дело было знакомое — несколько ударов, и китайцев, лишившихся своих монет, можно будет скинуть на головы тех, кто теснится внизу. Однако именно этих нескольких ударов и не последовало. Поднявшиеся на гребень обернулись ко второму ряду атакующих и принялись не зло, но торопливо спихивать их вниз. Тогда ещё никто не знал, что весь второй ряд составляют воины, не имеющие денег. Их кошельки были обвязаны ритуальными шёлковыми шнурками в знак того, что владелец не желает тратить ни единого поминальничка. Разумеется, и вреда они не могли причинить ни малейшего и немедленно обратились в бегство. Зато те китайцы, что отогнали своих товарищей от стен, теперь считались защитниками крепости, нападать на них стало равносильно самоубийству. Несколько рыжебородых, не сразу сообразивших это, были откинuty далеко в никуда, где могли на досуге размышлять о превратностях переменчивой судьбы. А вышколенные китайцы и не собирались набрасываться на опростоволосившихся ассирийцев. Два войска стояли, словно изготовившиеся к драке коты, и не знали, что делать.

Второй раз Тиглатпассар появился в покоях китайского полководца, но на этот раз не для философской беседы, а для переговоров.

— Я понял, в чём была моя ошибка. Больше никто из чужих даже края пальца не положит на гребень стены. Их будут гнать раньше. А тех, кто уже поднялся на стену, я готов принять на службу наравне со своими воинами.

— В обороне наверняка найдутся и другие слабые места. Но я рад, царь, что ты принял верное решение. Только принять на службу следует всех, кто участвовал в штурме, — поправил Чжугэ Лян, протянув лист жёлтой рисовой бумаги, покрытый каллиграфически выведенными иероглифами — именами тех, кто сейчас стоял на стене, и тех, кто своим поражением помог им устоять.

— Мне не нужно так много солдат, — возразил царь.

— Не следует оставлять внизу тех, кто знает твою тайну. К тому же я думаю, что вскоре тебе понадобится много солдат. Твоя крепость невелика, а людей, прославленных среди потомков, становится всё больше. Мне кажется, пришла пора строить новую Цитадель, больших размеров, иначе её построит без тебя и в мире появится два владыки.

— Хорошо, я возьму всех. Но тогда я верну в войско и тех ассирийцев, что были скинуты со стены.

Чжугэ Лян молча поклонился, соглашаясь со словами царя.

— Что ты хочешь для себя?

— Ничего. Ты царь, а я всего лишь полководец, верно служивший своему государю и не завидующий никому. Мне не нужны ни власть, ни почести, пока меня помнят в Поднебесной, у меня будет всё, что требуется человеку моих привычек. А если я буду забыт, то стоит ли длить бесцельные годы?

Они разговаривали долго и неторопливо, и всё это время два войска стояли друг напротив друга, готовые сорваться в бессмысленную резню, и только железная выучка позволила им устоять.

Шамашкар был среди тех, кто отстоял весь срок в первом ряду. Он был готов к любому повороту событий, но искренне обрадовался, услышав команду опустить оружие. Старый солдат нутром чувствует, когда предстоит весёлая стычка, а когда следует молиться всем игиги, чтобы командир приказал отступить. То, что после несостоявшейся битвы загробный мир изменился, осталось для него незамеченным. Шамашкар, как и прежде, отстаивал свой срок на стене, бесконечно отрабатывал на плацу приёмы боя, а в свободное время спал или раз-

влекался с девицами. Служба была необременительна, жизнь проста и понятна. Так может неприметно пролететь не две, а двести тысяч лет.

Из Города внизу доставляли небывалые чудеса и диковины, предметы роскоши и наслаждения. Шамашкар оставался холоден при виде изысков нового времени, все они напоминали ему крашенных баранов царицы Забибы. Особенно новинки последних лет: яркий, неживой свет, громкая, непривычная музыка, гремящее оружие, самобеглые колесницы, воняющие нефтяным дымом, — всё это во множестве появилось внизу. Удивляло только великое скопление народа, населившего Город. Никогда людей не было так много, и никогда они не были так ничтожны.

Сегодня, как и всегда, всё спокойно. Ничтожные ходят внизу, он возвышается над ними, глядя с высоты своего величия. И всё же они знают, что за торжественной неподвижностью скрывается сила, способная сокрушить любого из них и всех сразу. Слизняки ползают у подножия стены, порой они собираются в кучи и лезут на приступ. Тогда он обнажает меч. Не бьёт, он давно отвык ударять мечом, но обнажает его, показывая свою власть. Смешно, на что они надеются? Всякому, имеющему глаза, ясно, что не могут пукалки и пыхалки новых людишек сравниться с прекрасным мечом из настоящего железа. Хотя и за нынешними нужен глаз да глаз. Побеждает тот, кто всегда готов к битве. Вот внизу ходит раб с гремячей трубкой. Раб, конечно, у мужчины должна быть борода, а если ты воин и не можешь носить настоящего мужского украшения, то бороду следует подвязывать, дабы внушать страх робким и обманывать в сражении сильного. А этот, внизу, выбрит, и волосы подрезаны коротко. Значит, раб. И всё же умышляет что-то, иначе не приходил бы со своим жалким оружием. Неподалёку фигляр, канатоходец, вертится на поперечной палке, словно цыплёнок на вертеле. Этот тоже умышляет, иначе не ставил бы своего вертела каждый день на пол-локтя ближе к стенам. Прочие — гуляют, вот только старик в тёмных одеждах смотрит пристально, с прищуром, как глядят враги, готовые кинуться на верную смерть, лишь бы не склонить шею под рабское ярмо. Но что может старик? Пусть глядит и бессильно исходит желчью.

И в этот миг старикашка, стоящий внизу, что-то бросил. Такое случалось часто, хотя и не каждый день. Зависть и ка-

жушаяся безнаказанность порождали подобные выходки. Шамашкар твёрдо помнил приказ: до тех пор пока выходка не угрожает крепости, не предпринимать ничего. Они могут орать, плевать... могут мочиться на стену — провидение само накажет их за это. Они могут кидать камни и помёт в стену, это разрешается. А вот если что-то полетело в стражника, это уже наказуемо. Но необязательно. Выгоднее просто отбить летящую гадость, не трогая дурня, а потом в твоём кошеле прибавится денег. Шамашкар вскинул ладонь, чтобы отразить летящий камень, и лишь потом понял, что бросил в него сумасшедший старик.

Кошель! Точно такой же, что и у самого Шамашкара, какой боги дали всякому, пришедшему к подножию крепости. Испугаться Шамашкар не успел. Он успел подготовиться к бою и вызвать подмогу, успел выдернуть меч и встретить удар не грудью, а щитом. А вот на испуг времени уже не хватило: мир качнулся и погас, не дав осознать, какая ужасная несправедливость произошла с ним вот уже второй раз за его долгую жизнь.

* * *

Деньги исполняют волю владельца. Они не умеют быть экономными и расточительными, не подсказывают, что такое хорошо и что такое плохо. Захочет владелец, и всё до последней лямиишки пойдёт на создание посреди нихилия игрушечного эдемчика. Захочет — просадит на тараканьих бегах или проиграет в рулетку. Есть такие, азартные, которых не останавливает даже мысль, что проигрывают они не просто деньги, а собственную жизнь в самом прямом смысле слова. Что делать, если без этого мелкого азарта для них жизни всё равно нет.

И когда Илья Ильич не торопясь полез за пазуху, движением, никого не удивляющим, вытащил кисет, а затем резким злым броском метнул его в торчащего на стене стражника, ничто в мироздании не возмутилось таким непригожим поступком. Это только моралисты полагают, что память сохраняется лишь для добрых дел и по самой природе своей призвана созидать. Это не так, разрушать она может ничуть не хуже, и хрестоматийный пример Герострата тому порукой. Пара лямиешек ушла на то, чтобы полёт небывалого снаряда был точным и стремительным, поскольку сам Илья Ильич,

никогда не отличавшийся в метании гранаты, не мог бы кинуть кошель как следует. Всё остальное богатство бессмысленно растратилось в пустой стихии разрушения. Потом, много дней и лет спустя Илья Ильич думал порой, что если бы не эти человечески понятные, но неразумные порывы, если бы не дурацкие религиозные представления, заставляющие тысячи людей расшвыривать самих себя, создавая безжизненные райки и эдемчики, если бы не великое множество иных необдуманных поступков, то как бы могло процвести загробное царство! Однако люди хотят разного, и единственная ценность — человеческая память — во многом тратится на то, чтобы уничтожить самое себя.

Не было ни взрыва, ни грохота, ни прочих пиротехнических эффектов. Просто стражник, встретивший щитом летящую бомбу, нелепо взмахнул руками и исчез, словно никого и никогда тут не было.

— Давай! — заорал Илья Ильич, хотя уже видел, что Илюшка и без того бежит к стене, готовясь вспрыгнуть на гребень. Тренированному десантнику подобный прыжок не в диковинку, если, конечно, стену не охраняет тысячетная стража.

Сам Илья Ильич тоже бежал, изо всех сил понукая старческие ноги. Он понимал, что на стену ему не вскарабкаться, но до последнего изображал нападение на Цитадель, чтобы ответный удар пришёлся на него, а не на Илюшку.

Илья уже взлетел на невысокую глинобитную стену и стоял там напружинившийся, готовый к бою.

— Бей! — крикнул Илья Ильич.

С неожиданной ясностью он понял, что Илюшка не сможет ударить его и, значит, через секунду будет сброшен с вершушки, так и не сумев закрепить за собой место среди защитников Цитадели.

— Меня подожди! — Сергей, красиво державший на гимнастических кольцах крест, уже всё понял. Он успел соскочить и помчаться вперёд, чтобы встать рядом с товарищем. Не заметив, он сшиб Илью Ильича и уже в прыжке увидел бешеные Илюхины глаза и занесённый для удара приклад.

Илья Ильич, упавший на четвереньки, увидел, как Серёга, не успев зацепиться за край стены, изогнулся и исчез точно так же, как секунду назад рыжебородый охранник. А затем по всему периметру крепостной стены возникли фигуры охранников, и Илью Ильича ударило едва ли не сильнее, чем во время взрыва самодельной арабской бомбы.

Когда за месяц третий раз кряду приходишь в себя посреди хлябей Лимбо, к этому можно привыкнуть и уже не задаваться вопросом, куда тебя занесло. Хотя на этот раз пробуждение было на редкость мучительным. Болело всё, так что казалось, будто боль не вмещается в слишком маленьком теле и разливается окрест, заставляя болеть разреженный воздух. Даже нихилу под ногами было больно, и эта боль отчётливо ощущалась. Как всегда при слишком сильной боли (такое не забудешь, когда ждёшь укола, а смерть, затаившаяся в печени, грызёт неторопливо и расчётливо), остаётся место для неестественно спокойных мыслей на отвлечённую тему. Казалось, надо бы думать, успел ли Илюшка зафиксироваться на стене или вакантное место занял так некстати прыгнувший Серёга, а Илье Ильичу вспомнилось, как Илюшка рассказывал о своём соседе-физике. Тот сейчас был бы доволен, ощутив боль, существующую отдельно от тела. Ничего не скажешь, забавная вещь нихиль, и прав был мудрый Аристотель в своих представлениях о бескачественной первоматерии, в которой потенциально скрыто любое качество.

Трудно завозившись, Ильа Ильич негнушимися пальцами распустил шнурок кошель и вывернул его над подставленной ладонью.

Пусто. Ни единой лямишки. Вообще ничего. Странно, что он ещё жив, не задохнулся среди бескачественного нихиля, который бесплатно позволяет только боль. Хотя на сегодняшней день за воздух у него заплачено, да и завтра он тоже ещё не умрёт. Со дня смерти прошло слишком мало времени, множество живых людей помнят его, и, значит, даже при самом плохом раскладе он не исчезнет, а обратится в призрак, подобно тем квазиисторическим личностям, что обитают где-то на задворках Цитадели. У Города — Отработка, а у Цитадели — квартал Призраков. Жаль, что они с Илюшкой не удосужились сходить туда, сейчас, по крайней мере, знал бы, чего ожидать. Говорят, у них собственная память выпадает, бормочут бедняги то немногое, что сохранилось о них среди памятливых живых людей. Этакие склеротики загробного царства. Не хотелось бы попасть туда, лучше уж сразу...

Денег не осталось ни лямишки, но одежда цела, зубы, которых в реальном восьмидесятилетии почти не оставалось,

сейчас при себе, да и возможности полиглота, видимо, сохранились. Цитадель была аккуратно, стараясь наказать как следует, но не повредить того, за что плачено живыми деньгами. Ничего не скажешь — профессиональная работа: получил по полной программе и не единой лямишки штрафа. Всё при себе, вот только компас, поставленный на Илюшку, молчит, словно и не было никогда ни компаса, ни Илюшки. Неужто всё-таки сын сейчас в Цитадели?

Невнятное рычание заставило Илью Ильича обернуться. К нему, размешивая ногами бесплотный ничиль, мчался рыжебородый стражник. Лицо его было страшно, на губах выступила пена.

— Шакал! — хрипел он. — Падаль! Я растопчу тебя в кашу, порву голыми руками!

Пугаться Илье Ильичу было уже нечего, поэтому он обезоруживающе улыбнулся и хотел что-то сказать. Потом он сам не мог вспомнить, что именно, потому что тяжёлый кулак рыжебородого с размаху впечатался в подбородок. Свамбо или Апеллес и не заметили бы такого тычка, но Илья Ильич немедля кувырнулся в ничиль. Недавно вставленные зубы лязгнули, рот наполнился кровью. Боль, только начавшая утихать, полыхнула с новой силой.

Стражник наклонился, сгрёб Илью Ильича за грудки, рывком поставил на ноги и, прежде чем тот успел вскинуть руки, чтобы защитить лицо, вмазал каменным кулаком в глаз. Илья Ильич не упал только потому, что противник продолжал держать его за лацканы. Следующий удар пришёлся в солнечное сплетение и тут же двумя сцепленными руками по шее. Илья Ильич, которого больше не удерживала лапа разъярённого воина, мешком рухнул в ничиль. Он уже не пытался защищаться, сознание мутилось, тело не слушалось, и оставалось покорно дожидаться, когда бушующая тварь соизволит добить его.

Словно в замедленном кино видел Илья Ильич, как убийца заносит ногу для удара. Последствия представлялись мрачно и отчётливо: сломанные рёбра, отбитая печень... В долгой жизни Ильи Ильича бывало всякое, но подобное только в кино видеть доводилось, да и то в старых лентах такого не показывали. И словно в кино у спятившего режиссёра, который вдруг спутал боевик с фантастическим триллером, фигура рыжебородого заколебалась в сером воздухе, теряя очертания,

взметнулось облачко серебристой пыли, а потом на Илью Ильича упала пустая, пахнувшая чужим потом одежда. Закон, о существовании которого забыли и Илья Ильич, и его противник, свершился с механической неотвратимостью. С каждым ударом в кошеле рыжебородого убывало денег, и, едва он отвёл душу на всю сумму, ничиль забрал его себе. Уж этому человеку, о котором в памяти людей не осталось ничего, не грозила судьба призрака. Нихиль и есть ничиль. Ничем он был, в ничто и обратился.

Илья Ильич сплюнул кровь, проверяя, целы ли зубы, хотя и странно заботиться о таких вещах, когда самому осталось существовать в плотском облике от силы один день. Зубы шатались, но, кажется, были целы.

С безразличным интересом Илья Ильич шелохнул опустевшие вещи рыжебородого. Кафтан из грубого льна, а медные бляхи, отсутствие которых так удивило Илью Ильича, оказывается, вшиты с исподу. Внутри кафтана, рукава в рукава, вложено что-то вроде рубашки. Надо же, хлопчатобумажная... Любопытно, был ли у ассирийцев хлопок или это дань новому времени? Хотя кафтан тоже подбит ватой, так что, видимо, своё, по моде тех лет. Вместо штанов — опоясание, длинная лента материи с бахромой по краю. Илюшка рассказывал, что во время штурма крепостей воины, оказавшиеся на гребне, скидывали опоясания и с их помощью втаскивали на стену ждущих товарищей. А дальше, видимо, воевали с голой задницей, потому что обернуть эту штуку вокруг чресел — задача не из простых. Вся одежда грязная, засалена до крайней степени. Хорошо хоть вшей здесь не бывает, а если и бывают, то за особую плату. Сапоги с подмёткой, вывернутой на носок, чтобы не так сильно снашивались на каменистых дорогах. Таким сапогом припать — мало не покажется. Изношены чуть не до дыр. И этому человеку завидует всё царство мёртвых?! Хотя, скорей всего, он просто не знал, что можно жить комфортней. Он получал от жизни всё, что пожелает, и не виноват, что скудная фантазия не умела пожелать чистой одежды... Меч, дурно выкованный из дурного железа. Странно, вроде бы — древний мир, у них там бронзовый век должен быть. Во всяком случае, в школе так учили. В Египте метеоритное железо было дороже серебра. Опять дань новым веяниям или обычное незнание истории, отличающее чуть не всякого русского человека?

Илья Ильич поднял грубо сделанный медный браслет, сунул в карман — на память. Странно, на память о человеке, который только что бесследно рассыпался именно потому, что памяти о нём у людей не осталось. Браслет был тяжёл и ещё хранил тепло чужой руки.

Потом внимание привлёк кожаный мешочек — кисет для денег, в точности такой же, как у самого Ильи Ильича. Выходит, за тысячи лет внешний вид кошелька ничуть не изменился. Быть может, в таких вот ксивниках наши неандертальские пращуры хранили своё немудрящее достояние — скребок, проколку, пару кремешков для высекания огня. И с тех самых пор, едва у людей появилось представление о самих себе и памяти об умерших, умершие стали воскресать среди них иля с кожными мешочками на шее. Интересно, какого вида были в ту пору поминальнички — мнемоны и лямишки каменного века? Особо причудливые каури, не иначе, говорят, эти ракушки по всей ойкумене в качестве денег ходили, и на заполярном Урале археологи находят в могильниках тропическую ракушку.

В мешочек Илья Ильич заглянуть не успел, от первого же прикосновения истлевшая кожа расползлась, и чужой кошелёк рассыпался, канув в ничиль. Что ж, это правильно, такая вещь владельца переживать не должна.

Потеряв интерес к трофейному барахлу, Илья Ильич хотел было встать и тихонечко, пешим по конному, как полагается вконец обнищавшему жителю Отработки, направиться к дому. Как ни верти, но Илюшкина комнатка теперь его, а за комнату заплачено сполна, так что она переживёт своего владельца. Однако приступ дурноты опрокинул его обратно в ничиль. Чёрт бы подрал проклятого ассирийца! Последний удар двумя руками по затылку явно вызвал сотрясение мозга, так что идти куда бы то ни было оказалось совершенно невозможно. Придётся куковать тут, без капли воды, так что даже рот, полный крови и желчи, не прополоскать. Илья Ильич скорчился в позе младенца в утробе и приготовился к долгому и мучительному ожиданию.

— Иду, сударь, иду! — послышался голос.

Илья Ильич разлепил один глаз, тот, по которому не приложился кулак стражника, и увидел сыщика Афоню. В свою очередь тот, увидав бедственное положение Ильи Ильича, всплеснул руками и воскликнул:

— А я гадаю, чего у меня компас так странно сработал!

Глянул в избитое, вновь постаревшее лицо, сокрушённо покачал головой.

— Говорил я, земля, рано тебе в Город. Ну что, на кого ты там попёр как не надо?

— На Цитадель, — признался Илья Ильич.

— Ой-я! — Сыщик страдальчески схватился за щёку, словно у него заныли зубы. — Хуже ничего придумать не мог! И деньги небось все профукал.

— До последней лямишки. Только что проверял.

— И что теперь?

Илья Ильич не ответил, ему вновь стало дурно. Тягучая желчная рвота обжигала горло.

— Ну чего с тобой делать, земля? — посочувствовал Афанасий. — Давай, пошли. Буду тебе по две лямишки на день выдавать. Одну на воздух, а другую, чтобы уйгур во дворе спать разрешил и водички дал. — Афанасий поморщился страдальчески и добавил: — Ты не думай, я тебя не за красивые глаза ссужаю, а потому что ты ещё свежак, тебе ещё деньги приходить будут. Как появятся — отдашь, я таких, как ты, знаю, ты отдашь. Вставай, тут недалеко, своими ногами дойдём.

Илья Ильич попытался встать и не смог. Голова болела нестерпимо, ноги подкашивались.

— Ить, как тебя корёжит, — заметил Афанасий. — В другой раз прежде думать будешь, а не лезть нахрапом, куда не просили. Что мне теперь, на закорках тебя переть? У меня денег тоже не полный амбар, после тебя удачу как отрезало, ни одного человечка не отыскал.

Наставительный голос мучил больную голову несказанно, Илья Ильич не выдержал и застонал сквозь сжатые зубы.

— Ладно, где моя не пропадала, — сжалился резонёрствующий сыщик, — доведу тебя.

Афоня наклонился поднять тряпки, которые, видимо, принимал за вещи Ильи Ильича. Из кучи тряпья вывалилась завитая, выкрашенная хной накладная борода.

— Ишь ты, поди ж ты, что ж ты говоришь ты! — восхитился Афоня. — Это ты стражником наряжался, что ли? Думал, не признают, да? Не, тебя ещё учить и учить. Меня слушать надо было, если жизни не понимаешь! Ты ещё свой маскарад придумать не успел, а они там на стене уже всё знали и посмеивались. Усёк теперь, голова еловая?

— Это не моё, — выдавил Илья Ильич. — Это настоящий стражник был. Я его со стены скинул, а он меня избил. Лупил, пока сам не рассыпался.

Афоня замер с раскрытым ртом, затем гулко сглотнул и переспросил:

— Настоящий стражник? Из Цитадели?

Илья Ильич кивнул, с трудом сдержав вскрик от полыхнувшей в затылке боли.

— И это он тебя тут изволтузил?

— Он.

— Ты не врёшь? — свистящим шёпотом спросил Афоня. — Так у тебя же денег должен быть полный кисет! За такую кулачную расправу! Если бы у него денег не было, он тебя и пальцем коснуться бы не сумел, махал бы кулаками, что мельница, — и всё впустую.

Только теперь эта очевидная для загробного мира истина вошла в большую голову Ильи Ильича. Непослушными пальцами он распустил завязку, и на подставленную ладонь потекла струйка лямишек.

— Ого! — возопил Афоня. — Да ты богач! Ты глянь, сколько их у тебя!

— Только что ни единой не было, — смущённо пробормотал уличённый Илья Ильич.

— Так небось до драки смотрел?

— Какая там драка... Бил он меня и сдачи не просил.

— Так, — переходя на деловой тон, сказал Афанасий. — Давай-ка я тебя подлечу...

— Сам... — не согласился смурной Илья Ильич.

— Опять наделаешь как не надо, — поморщился Афанасий, но настаивать не стал, лишь посоветовал: — Голову поправь, а синяки да шишки — сами пройдут, нечего на это деньги швырять. Экономить приучайся. Экономия, она, брат, должна быть экономной.

— Экономика, — машинально поправил Илья Ильич.

— Тебе виднее, ты у нас профессор. А экономить всё равно приучайся, тех денег, что прежде, у тебя уже не будет. Небось дома и сороковины прошли, так что особо вспоминать тебя больше не станут.

Голову отпустило разом, словно и не болела она никогда, лишь рвотный вкус во рту никуда не делся, напоминая о не-

давних страданиях. Илья Ильич осторожно поднялся, не доверяя обрётённому здоровью.

— Рёбра-то целы? — заботливо спросил Афанасий.

— Вроде целы.

— Ну тогда пошли.

Таверна уйгура ничуть не изменилась, что показалось даже странным, ведь с самим Ильёй Ильичом за эти же дни случилось столько всего, что на несколько лет могло хватить. Уйгур встретил их поклонами, взгляд его на мгновение задержался на вспухшей физиономии гостя, но и теперь восточный человек дипломатично промолчал, никак не высказав своего удивления. Зато Афоня дал волю чувствам.

— Ты гляди, — закричал он, дёргая уйгура за рукав, — видишь, кто пришёл? А ты говорил — не вернётся! Нет, старая дружба не ржавеет!

Илья Ильич усмехнулся потаённо и ничего не сказал.

Вновь, словно в первый день, выставленный на улицу столик был накрыт крахмальной скатертью, объявились кушанья, о доброй половине которых Илья Ильич и не слышал. И когда Афоня извлёк из воздуха четверть «Смирновской», в том не было уже ничего удивительного, а только дань традиции.

— Со здоровьичком! — произнёс тост благодуществующий Афанасий.

За это Илья Ильич выпил с готовностью.

Закусили лосиной губой, тушённой в сметане. Квакер, видимо окончательно перешедший на должность полового, принёс с кухни блины с припёком и мёд. Афоня, щуря сытые глазки, наклонился к Илье Ильичу и шёпотом спросил:

— Слушай, как тебя всё-таки угораздило стражника прикончить? Они же бессмертные.

— Сам помер, — коротко ответил Илья Ильич. — Бил меня, пока деньги не кончились, а там и рассыпался.

— Так ты его действительно со стены сбил или просто в Городе встретил и до того довёл, что он на тебя с кулаками кинулся?

— Со стены.

— Чудеса на постном масле! Сам бы не видел, не поверил бы ни в жизнь. А как ты его?..

— Старался... — Илья Ильич пожал плечами.

Афоня понял, что подробностей не дожждётся, и вновь перешёл на менторский тон:

— А всё равно, как ни верти, получается, что ты в прогаре. Денег нет, омоложаться заново нужно будет, а что стражника ты порешил, так на его месте уже кто-то другой стоит.

— Не кто-то, а мой сын.

— А!.. Тогда понятно. Значит, как ты этого дурачка сделал — тоже не скажешь. А вот у меня детей нету, даже случайных. Я проверял, тут это нетрудно узнать, осталась в живом мире твоя кровь или ты весь сюда убыл.

— Я тоже весь, — сказал Илья Ильич. — Сын у меня молодым погиб, не успел пожить.

Афоня кивнул и наполнил стаканчики. Выпили ещё по одной. Говорить было не о чем, и Илья Ильич, удивляясь самому себе, запел на мотив старой песни «Полюшко-поле» текст, слышанный от студентов-стройотрядовцев на прокладке трассы:

Глокая куздра штека будланула бокра,
И теперь она куздрючит тукастенякого бокрёнка!

Очень хорошо слова эти ложились на ситуацию, объясняли всё и всё оправдывали. Зачем зря трепать языком, когда можно спеть, и всё станет понятно? В прежней жизни он бы ни за что не позволил себе такого, но сейчас... какие могут быть комплексы? Единственное неотъемлемое право усопшего — быть собой. Поётся, значит, пой, и пусть кто-нибудь попытается осудить тебя за несоответствие месту, времени или ситуации.

Афанасий некоторое время слушал молча, потом, ничего не спрашивая, начал подпевать, и вскоре они пели на два голоса:

Ой ты, куздра, зачем ты будланула бокра?
Ведь у бокра был бокрёнок,
очень тукастенякий бокрёнок!

ГЛАВА 7

Компас замолк. Много лет краду она ежедневно слушала его тонкие гудки, возвещавшие, что с сыном всё в порядке, насколько может быть порядок с человеком, давно ушедшим из жизни. И вдруг — тишина. Полная. Могильная тишина.

Сначала она подумала на самое простое: сын поставил блок, не хочет, чтобы она знала хоть что-то о его житье. И объяснение этому было подходящее: долгожитель, муж встретился с Илюшкой и восстановил его против матери. То есть особо восстанавливать там было нечего, ригорист Илья не простил матери её работы, но муженёк напомнил, чем ещё можно досадить бывшей супруге. Потом в голову пришло простое соображение, что муж ничего о её нынешней жизни не знает, во всяком случае, не знал до недавнего времени, что полжизни назад он похоронил её всерьёз и навсегда, не надеясь на встречу, и потому никакой злости и обиды накопить за эти годы не мог. Это у неё злость на саму себя и обида за несложившуюся жизнь переродились в недоброжелательство к мужу, оставшемуся жить, поступившему умнее, чем она.

Тогда пришёл страх. Если Илюшка не поставил блока, не заслонился от матери стеной молчания, то куда он делся? Вдруг он в один день растратил все свои деньги и вновь погиб, прежде чем мать успела помочь ему? А ведь такое запросто может случиться, мальчик привык жить, ни в чём себе не отказывая, а теперь, когда отец тоже здесь и не вспоминает его каждый день, Илюшка мог и не рассчитать, разом пустив деньги на ветер.

Людмила успокаивала себя, что даже в этом случае сын не исчезнет бесследно, а обратится в призрак, ведь документы в военных архивах хранятся, «Книга памяти» издана, но от подобных успокоений становилось ещё хуже.

А в сожителе, как назло, словно что-то человеческое проснулось. Он сидел на топчане, время от времени вопросительно поглядывал на Людмилу, но, не дождавшись слов, начинал тянуть заунывную, выматывающую душу песню. Песни, которые пел зомбак, были без слов: одна весёлая и одна унылая. Сегодня весёлой не было слышно, зомбак с небольшими завываниями тянул одну и ту же ноту, от которой у вселенной начинали болеть зубы. Прежде Людмила не злилась на эти песнопения, лишь удивлялась порой: неужто из подобных завываний родились знаменитые тирольские йодли? Места вроде те самые, зомбак в живом мире, где сыскалось его вмёрзшее в лёд тело, носит гордое звание тирольского человека. И учёные спорят, был ли он предком современных людей или же приходится им двоюродным пращуром. А чего спорить? Ясно же, что не был он ничьим предком, помер бездет-

ным, замёрз на альпийском перевале. Те, у кого дети есть, так своей жизнью не кидаются.

В конце концов Людмила не выдержала, споро собралась и вышла, заперев дверь снаружи на щеколду, чтобы зомбак в приступе неожиданной активности не умотал куда-нибудь в никуда. Хотя, скорей всего, он так и будет сидеть на топчане и подвывать отвратительным фальцетом. Вот только глядеть с неммым вопросом ему будет не на кого.

Где живёт Илюшка, она знала отлично, хотя уже лет пятнадцать не появлялась в его квартире. Сын не гнал, но и не привечал родную мать, так что немногие встречи происходили где-нибудь на нейтральной территории.

Квартира оказалась не заперта. Собственно говоря, потратив определённую сумму денег, можно открыть любой замок, но именно поэтому соваться без спроса в чужие дома было не принято. Себе дороже обойдётся. Но сейчас дверь не прикрывалась ни единой лямикой, так что Людмила смогла беспрепятственно зайти и оглядеться. Сразу стало ясно, что покойный муж побывал здесь совсем недавно: нигде не видно ни единого окурка, и даже в воздухе не чувствуется табачного запаха, Илья-старший терпеть не мог курева.

И что теперь? Пойти опрашивать соседей? Так ведь наверняка никто ничего не слышал, не знает, не видал... Сидеть и ждать, рискуя, что зомбак упрётся куда не следует, а она лёгкой пташкой вылетит с работы, которая теперь необходима как никогда. Илью ещё будут поминать, а она — кому нужна?

Ничего не высижив, Людмила прошла на лестничную площадку и позвонила в соседнюю дверь.

Вообще дома в Городе представляли странное явление. Снаружи это были самые обычные дома, какие высятся в фешенебельном центре любого крупного города. Но внутри обнаруживалось невероятное смешение стилей, ибо свою квартиру всякий планировал, исходя из собственных вкусов и предпочтений, а в дом квартира вписывалась лишь оттого, что людям свойственно жаться друг к другу, и если очень немногие способны купить собственный особняк на окраине или в центре, то и жилище, дрейфующее среди никуда, способно удовлетворить лишь крайне нелюдимого мизантропа. Но уж зато разнообразие квартир превышало всякое воображение. Конечно, большинство людей воссоздавали то жилище, к которому привыкли в прежней жизни, разве что слегка

улучшали свой быт. Так было дешевле и привычнее. Но кое-кто устраивал истинную фантасмагорию, благо что тонкие с виду стены обеспечивали абсолютную изоляцию от соседей.

Едва палец коснулся кнопки звонка, как дверь распахнулась (лямишка долой, а не суйся без дела в чужой дом!), в глаза полыхнул слепящий синий свет, и мрачный голос про-
рокотал:

— Добро пожаловать в истинный рай!

Тьфу ты, пропасть! Сновидец... надо же так неудачно напороться. Последние десятилетия их становилось всё больше и больше. И прежде человек, недовольный своим положением, мог залечь в постель, заказавши за небольшую плату приятный сон. Однако случалось, что из подсознания выползали такие монстры, что приятное сновидение оказывалось страшнее любого кошмара. К тому же рано или поздно приходилось просыпаться. Но теперь можно купить компьютер со специальными программами, которые сновидение корректировали, и миллионы человек ушли из одного ненастоящего мира в другой, ещё более искусственный. «Тень тени», — вспоминали Платона люди грамотные. Сновидцы не посещали зрелищных мероприятий, поскольку в своём придуманном мире могли испытывать любые приключения, они не ходили в кафе и рестораны и вообще ни единой лямишки не тратили на «настоящую» еду, ведь мёртвый умереть от голода не может, а пиршества виртуального мира вполне утоляли привычный голод. Владельцы традиционных развлекательных учреждений скрежетали зубами и толковали о падении нравов и грядущей гибели культуры. Зато всякий, кто мог претендовать на звание программиста, с лёгкостью находил себе занятие. Математики и физики прежних поколений изо всех сил пытались переквалифицироваться, и многим это удавалось, так что к тому времени, когда создатели компьютерных программ начнут умирать от старости, все приличные места в компьютерном бизнесе будут уже заняты. Поневоле задумаешься — стоит ли жить долго?

Людмила уже собиралась отступить и захлопнуть гостеприимно распахнутую дверь, как вдруг почувствовала, что финансовые её потери одной лямишкой не ограничиваются. Проклятие! Если хозяин светящейся берлоги вздумал брать большие деньги за вход в свой дом, он обязан заранее предупредить об этом посетителей!

Людмила, как и всякий старожил, проведший в Городе достаточно много времени, прекрасно знала, что может и чего не может делать один человек в отношении другого. Лямышку за звонок он вполне может слупить, но не десять же мнемонов! А ведь именно на столько polegчал сейчас Людмилин кошелёк.

Людмила задумалась. Можно, конечно, развернуться и уйти, вознегодовав на несправедливость, но не сказав никому ни слова. Тогда деньги вернутся, почти все. Десяток лямишек пропадёт, это стандартные вычеты при любом автоматическом перечислении денег, но всё-таки десять лямишек, а не десять мнемонов. Но с другой стороны... — Людмила вдруг усмехнулась коротко и жёстко, — с другой стороны, перед ней открылась редкая возможность крепко насолить дуралею, вздумавшему без спросу лазать в чужой кошелёк. Хозяин, не предупредивший о платном входе, оказывается в полной зависимости от уплатившего гостя. Они сейчас словно два боксёра, только один произнёс традиционную формулу честного поединка, а второй зажимает в кулаке те десять мнемонов, что были отняты у него бесчестным образом. Что ж, любезный, сейчас ты получишь удовольствий на всю сумму!

Усмехнувшись ещё раз, Людмила вошла в голубое пламя.

Перед ней вспыхнула надпись: «Выберите оружие».

Игровичок! Людмила умерла в ту пору, когда об этой заразе и слухом не слыхали, а теперь модное веяние проникло и в загробный мир. Презрительно оттопырив губу, Людмила бегло проглядела предложенный арсенал. Всё понятно, ей предлагается взять на себя роль хищного монстра и на все десять мнемонов натворить безобразий в придуманной сказочной стране, после чего её начнут долго и старательно убивать. Разумеется, тоже понарошку. «Не дождёшься, милый. Деньги ты у меня спёр настоящие и по башке получишь на самом деле».

Подойдя к стенду с пометкой «Создать самому», Людмила в полминуты истратила практически весь свой резерв. Прежде ей не приходилось сталкиваться с подобными развлечениями, но она с полувзгляда определила нехитрую логику создателей игрушки. Чем более могучее оружие выбирал игрок, тем меньше ему предоставлялось возможности пустить его в ход. А с оружием ценой в полмнемона с тебя сойдёт семь

потов, прежде чем причинишь недругу ущерб на оставшиеся девять с половиной монет.

Прежде чем войти в следующую дверь, Людмила критически оглядела свой наряд. Она уже давно не носила модных вещей и, даже отправившись на поиски сына, не сменила рабочую одежду. Меховая кацавейка и юбка из грубой некрашеной шерсти — думается, там, куда она попадёт, подобный наряд никого не удивит. Бедная пейзажанка — именно то, что надо.

За второй голубой пеленой сиял яркий солнечный день. Под ногами травка, ровная, травинка к травинке, направо — лес, скомбинированный из набора повторяющихся деревьев. Пара неопределимых птах вперебивку пускают мелодичные трели. Покуда всё это создано компьютером, который жужжит где-то неподалёку от постели владельца квартиры. А вот как начнётся нечто нестандартное, значит, он сам вмешался в цифровую идиллию. Тут уже нужно держать ухо востро.

Налево — поле и красивая деревенька за ним. Видимо, с уничтожения всей этой красоты ей и предлагают начать. И сколько же стоит пожечь деревню и разогнать жителей?.. Две лямиишки... Выбери она какой-нибудь огнепал за пять мнемон, она могла бы разнести полстраны. Но и так несколько лямиишек у неё в запасе ещё есть. Прощай, деревенька!

Огнепала у Людмилы не было, поэтому она воспользовалась зажигалкой, с помощью которой ежеутренне растапливала очаг в доме зомбака. Сначала подожгла скирды, расставленные на лугу, а потом, когда пейзажане в одинаковых куртках, штанах и деревянных башмаках сбежались тушить сено, перешла к деревне, благополучно подпалив её с трёх концов. Уж теперь-то владелец игрушечной страны узнает о её приходе и примчится на зов.

Безропотные пейзажане суежились среди огня, что-то вытаскивая, что-то пытаясь тушить, но пожар, оплаченный двумя лямиишками, разрастался. Людмиле даже стало жалко несчастных игрушечных человечков, чем-то напоминавших муравьёв, суежищихся в разворошенном муравейнике. Тем не менее она, не оглядываясь, отошла по дороге километра на полтора и присела возле развилки на большой плоский камень, вероятно и положенный здесь для этой цели. Долго ждать не пришлось, раздался цокот копыт, и из-за поворота появился всадник. Никаких особых доспехов на нём не было,

просто белая рубаха с отложным воротником и непрменные кожаные штаны. Шпага в потёртых ножнах была единственным его оружием. О внешности хозяина можно было сказать ещё меньше: волнистые волосы, серые глаза, волевой, гладко выбритый подбородок.

— Красавец, — определила недруга Людмила, — Жан Маре недоделанный.

Сразу было видно, что владелец страны проводит время в пирах и битвах, всякую ночь спит с новой свежеспасённой красавицей и думать не желает о том, чтобы сменить свой индивидуальный рай на нормальное посмертие. Судя по неистребимой инфантильности, это мужик лет этак пятидесяти пяти, инженеришка или чиновник, не наигравшийся в детстве в казаки-разбойники и хотя бы теперь навёрстывающий упущенное. Вот национальность его определить трудно... не азиат, во всяком случае, а каким-нибудь афроамериканцем он может оказаться запросто.

— Милорд! — возвала со своего камушка Людмила. — На вас наша последняя надежда! Чудовище разорило нашу деревню, дома сожжены, люди убиты...

Всадник приостановил коня.

— Чудовище? — переспросил он, озарив лицо белозубой улыбкой.

— Да, чёрный дракон, ужасный и неуязвимый. — Людмила отвечала фразами со стенда выбора оружия, нимало не сомневаясь, что именно так и должны говорить жители компьютерного сна.

Перевоплощение в чёрного дракона, «ужасного и неуязвимого», было самой дорогой услугой, предлагаемой персонажу. Конечно, витязю придётся изрядно попотеть, прежде чем он угробит чудовище, но зато и дракон сможет причинить вреда стране лишь на несколько лямишек. Это был самый приятный вариант для жаждущего развлечений сновидца.

— Хорошо... — протянул герой. Судя по всему, он спешно пытался составить афоризм, который прославит его имя до скончания программы.

— Милорд! — Людмила протянула изготовленную пять минут назад фляжку. — Вот единственное, что у меня осталось! Это вино из подвалов родительского замка. Оно подкрепит вас перед битвой!

Очевидно, дуралей привык получать от случайных встреч-

ных всевозможные подарки и приспособления, необходимые для грядущих подвигов, потому что он, ни секунды не колеблясь, принял флягу, небрежным движением вышиб пробку и сделал большой глоток. Лицо его исказилось, герой судорожно принялся плевать прямо на холку белоснежного коня.

— Ведьма! — прохрипел он. — Отравила!

— А ты чего хотел? — спросила мстительная ведьма. — Чтобы я тебя развлекала за свои же деньги?

— Тварь! — Всадник потянул из ножен шпагу. — Убью!

— Тихо! — Людмила вздёрнула руку с зажатым кошелём. — Я тут в подлинном виде, игровой ресурс у меня полностью вышел, а никаких обязательств честной борьбы я не давала. Ударись — до самой отработки не рассчитаешься.

Всадник с проклятием бросил шпагу. Его начало рвать.

— Сволочь ты, — простонал он в промежутке между приступами. — Я тебя пригласил к себе, дал тебе всё, а ты...

— Не пригласил, а заташил, не спросив согласия. Так что теперь — не жалуйся. Кстати, мне некогда, а игровой ресурс, повторяю, у меня кончился. Дальше удерживать меня можешь только за свой счёт. А я тебе разрешения не даю.

— Убирайся! — страдальчески выкрикнул неудачливый драконоборец.

Сон покорно растаял, Людмила очутилась в тесной комнатёнке, в которой обитал любитель сказочных снов. В запасе у неё оставалось ещё пятнадцать лямишек, на которые она могла наделать безответных гадостей, поэтому торопиться Людмила не стала, а принялась оглядывать комнату, прикидывая, чем ещё можно досадить владельцу квартиры. Сам хозяин лежал на неразобранной постели, глаза его были открыты и немигающе уставились на придвинутый к лицу крошечный экранчик. Вероятно, именно так и достигалось слияние сна и компьютерной игры. Людмила громко рассмеялась, обнаружив, что и здесь сновидец создал себе внешность киногогероя. Как говорится, если человек дурак, то это надолго. В животе у лежащего громко бурчало. Это пока ещё самовнушение, вирулентная культура дизентерийной палочки, созданная Людмилой, начнёт по-настоящему действовать лишь через пару часов. Всё-таки удачно, что при жизни она была микробиологом, так что создание оружия, которое било и здесь, и во сне, обошлось ей не так дорого. Теперь спящий дурак бросит свои подвиги и станет носиться от одного придуманного

знахаря к другому и обосрёт весь свой мир, прежде чем догадается, что это всего лишь сон, а лечиться надо наяву. К этому времени и тут всё будет залито жидким поносом. Жаль, что спящий не ест и не пьёт, а то бы вовек не отмылся. Зато внешность у него сильно испортится, исхудает, бедняга, как щепка, от призрака не отличить будет. И жаловаться некому, выпил дизентерийную культуру он сам, так что всё в рамках законности.

Людмила развернула экран, плюнула на него, а потом придвинула обратно к лицу спящего. Вот так, теперь её ресурс и впрямь полностью исчерпан, и нужно побыстрее выметаться из гостеприимной квартиры.

Теперь, когда месть осуществилась на полную катушку, ей было жаль потерянных мнемонев. Опять же, хорошо, что попался ей индивидуалист, не имеющий за пределами своего сна никаких контактов. А то ведь многие соединяют свои компьютеры в единую сеть и ведут там жизнь, почти не отличающуюся от настоящего загробного бытия. Вот только нихиля там нет, а жизнь, говорят, куда красивей и насыщенней, чем здесь. И даже город там имеется, слегка напоминающий настоящий. Но вместо нихиля и кварталов Отработки — леса и степи до самого горизонта. Ненастоящая компьютерная природа, но всё же это лучше, чем мёртвые просторы Лимбо. И жить в том городе дешевле, чем в настоящем, если, конечно, не лазать по особо дорогим сайтам. Компьютерные маньяки называют свой город Дополнительным Городом, или, коротко, Доп-Тауном. Людмила не так давно читала, что Доп-Таун придуман вовсе не здесь, а в живом мире, причём не компьютерщиком, а каким-то литератором. Выдумщик этот по сей день жив и не знает, с каким восторгом ждут его умершие фанаты. Впрочем, профита с такого восторга немного, лишь держатели платных сайтов заранее объявили, что, когда создатель Доп-Тауна скончается, ему будет позволено безвозмездно бродить по всем закоулкам виртуального города.

А окажись сновидец одновременно и сетевиком, что тогда? Впрочем, тогда он не смог бы поставить свою ловушку, в Доп-Тауне нравы суровые, любителя подобных штучек мигом раскрутили бы на всю его наличность.

Людмила осторожно притворила дверь, подумала, не написать ли объявление, что, мол, за этой дверью ловушка, но

не стала: и без того сегодня потрачено денег больше, чем можно себе позволить.

Сын так и не появился, квартира была пуста, и даже, как почудилось матери, словно нежилым духом повеяло в ней. Куда теперь идти, у кого спрашивать? Пропал человек, а окружающим и дела нет... И лишь через минуту Людмила догадалась, кто может наверняка знать о судьбе сына. Илья! Вряд ли он заслонился от бывшей жены, ему даже в охотку будет с ней повидаться. Жаль, что поставленный тридцать лет назад компас она уничтожила так некстати.

Постоянная проверка наличности и прозванивание приобретённых способностей с течением времени становятся чуть ли не ритуалом; вспомнив о компасе, Людмила немедленно ощутила, что никуда он не делся, цел и невредим, но просто приглушён той недавней лямышкой. Как удачно! Всё-таки тот, кто придумал ставить компас на другого человека, понимал толк в своём деле, знал, что сегодня ты и слышать не хочешь об этом человеке, а завтра он тебе нужен, так что минуты без него не прожить. И стереть и вновь восстановить раз поставленный компас можно за какую-то лямышку.

Компас загудел сразу, громко и настойчиво, словно и не выключался никогда. Илья был где-то совсем рядом, через мгновение Людмила поняла, что он идёт сюда. Подавив мгновенное желание выскочить навстречу, Людмила опустилась в кресло и не встала, даже когда хлопнула входная дверь.

В комнату вошёл старик, и это неприятно резануло Людмилу. Конечно, тридцать лет со счетов не спишешь и со счётов не сбросишь, но тут, где за не слишком большую цену можно не стариться, было тяжело видеть морщинистое лицо и пергаментные руки когда-то близкого человека. Плюс ещё страшные чёрные круги под глазами, какие, говорят, бывают при сердечной недостаточности, но больше всего напоминают следы побоев.

— Ну, здравствуй, Илюша, — произнесла Людмила.

Илья не удивился, не вознегодовал и не обрадовался. Словно и не увиделись они впервые после тридцати лет разлуки и двух смертей. Прежде всего он сел на край дивана — кресло в комнате было всего одно — и лишь затем проговорил:

— Здравствуй, Люда. Что скажешь?

Людмила встретила его взгляд. Все восемьдесят прожитых

лет смотрели на неё... из них последние тридцать лет в разлуке. Всё-таки правильно мечтают влюблённые — умереть в один день. А если не довелось, то уже ничем не склеишь того, что расколото временем.

Мгновение Людмила молчала, осознавая, что не будет ни семейных сцен, ни шагов к примирению. Она боялась и того, и другого, но сейчас ей показалась обидной понимающая мудрость, светившаяся в глазах старика. И потребовалось ещё мгновение, чтобы проглотить эту обиду и заговорить о главном:

— Где Илюшка? Он куда-то пропал, я его не слышу.

Илья Ильич развёл руками и сказал примиряюще:

— Я его тоже не слышу. Скорее всего, он в Цитадели.

— Как?..

— Да вот, — Илья Ильич снова развёл руки, — мы вчера на Цитадель штурмом ходили, и вроде бы Илюшка сумел на стену подняться. Во всяком случае, с тех пор я его и не слышу. Возможно, это обязательное у них условие, чтобы не следили за ними...

— Нет там никакого условия, — сказала Людмила не то мужу, не то самой себе.

Она прямо из воздуха выдернула газету — Илья Ильич так и не удосужился узнать, как это делается и сколько стоит местная пресса, — и зашуршала страницами.

— Вон оно, на первой странице, — сказал Илья Ильич, сразу углядевший жирный заголовок: «Попытка штурма».

— Тут сказано «неудачная попытка». — Казалось, Людмила не говорит, а стонет. — Во что ты его втянул?

— Если бы была неудачная, — напомнил Илья Ильич, — то компас бы работал. Он даже на призраков работает. А совсем погибнуть Илюшка не может, ты же сама знаешь.

— Что я знаю?! — Людмила наконец перешла на крик. — Пока тебя не было, всё было нормально, а как ты появился — нате вам!

Илья Ильич хотел съязвить, что, мол, не по своей воле он тут, но сказал только:

— Извини.

— Что извини, что?.. Где теперь его искать?

— В Цитадели. Компас не работает, но должны быть и другие способы... — Илья Ильич коротко глянул на Людмилу, и та поняла несказанное: «Ведь у тебя же есть там знакомства...»

Опять намёк показался ей оскорбительней прямого обвинения, потому что намёк пришлось молча глотать.

— Хорошо, — сказала она, — я поспрошаю кой-кого.

— Как узнаешь — мне скажи, а то я тоже волнуясь.

— Хорошо, я позвоню.

— У меня телефона нет, — чуть виновато сказал он.

— Тут можно без телефона, если компас поставлен. — Людмила было неприятно признаваться, что компас на мужа у неё поставлен давным-давно и молчал все эти пустые годы, поэтому она выпрямилась в кресле и спросила язвительно: — Чего ж ты не спрашиваешь, как я тут жила самостоятельно?

— Мне Илюшка рассказывал.

— И что он тебе рассказывал, позволь поинтересоваться?

— Что же я, не понимаю?.. — Илья Ильич говорил, уставившись себе в колени, не глядя на Людмилу, так что глухой старческий голос казался совсем чужим. — Я ведь тоже эти годы монахом не жил, что ж я теперь буду пенять, что ты другую семью нашла?

— Нет у меня семьи, — отчётливо произнесла Людмила. — Работа у меня такая — шлюхой!

— Перестань, — тихо произнёс Илья Ильич.

— А чего скрывать? Шлюха, она шлюха и есть. — Людмила с особым удовольствием повторяла оскорбительное слово, которого не дождалась от мужа. — Добро бы ещё с нормальным человеком жила, тут ещё можно было бы про любовь со- врать, а то ведь зомбак — он вроде животного, с ним только за деньги и можно. А это знаешь как называется? Тебе шлюхи мало, на «б» слова ждёшь?

— Я вчера человека убил. — Илья Ильич вскинул прозрачные глаза, в упор глянув на Людмилу. — Совсем убил, так что он на моих глазах в пыль рассыпался. А между прочим, он мне ничего не сделал, я его вообще первый раз увидел. Я знал, что охранник, если его со стены скинуть, долго не живёт, но всё-таки убил. И тоже ради Илюшки, чтобы он мог на свободное место встать. Что же я теперь тебя осуждать буду?

Людмила встретила его взгляд и лишь теперь поняла, что круги под глазами не от старческих немощей, а таки от побоев. Слегка подлечено, но, если приглядеться, видно, что и губы расквашены, и скула рассечена. Ногами его били, что ли? Видать, изрядно досталось под стенами Цитадели.

— Да-а... — медленно выдохнула Людмила. — С какой

стороны ни глянь, всюду ты хороший, а я в дерьме. Я без сына жить не смогла, грех на душу взяла — и что? А ты — разумник, тридцать лет его кормил. Тут всякий скажет: ты отец, а я дрянь себялюбивая. И теперь я как последняя сука в грязи валяюсь, чтобы сыну помочь, хоть немножко исправить, что сама же натворила, а ты пришёл и снова устроил всё так, что лучше не бывает. Одна я осталась как цветок в проруби. И при жизни ты меня перешагнул, и после смерти...

— Не надо, — попросил Илья Ильич.

— Отчего же не надо? — Видимо, Людмила вздумала до конца пройти крестный путь и, начав с самобичевания, уже не могла остановиться: — Я-то про тебя всё знаю. Не часто вспоминал, но всё-таки бывало. А я монетку в ладонях зажму и узнаю, при каких обстоятельствах этакое чудо случилось. А ты про меня ничего не знал, думал, я давно сгнила и лопух вырос. А я — вот она. Сначала не знала, куда себя приткнуть, Илюшке я, мёртвая, не больно нужна, у него тут свои приятели, дела какие-то... Я, дура, всё пристаю: сыночек, малыш... А ему, если посчитать те года вместе со здешними, уже под шестьдесят, просто смотрится парнем, стареть не хочет. Так и я, видишь, не постарела... один ты правде в глаза глядишь.

— Я тоже омолаживался. А это... в общем, нужно это было, чтобы Цитадель взять.

— Они и на Цитадель ходили, давно уж. Я тогда чуть со страху второй раз концы не отдала. Выхаживала потом Илюшку. Единственный раз, когда он у меня деньги брал. А у меня самой денег шиш да маленько, ты меня уже почти не вспоминал, а другим я и вовсе была без надобности. Вот потому, когда объявили конкурс этот поганый, я минуты не колебалась. Шла и знала, что место получу. А что в постель с этой чуркой ложиться, так ты как раз в ту пору свою Любашу завёл, так что мне сам бог велел.

— Не надо...

— Почему же не надо? Ты муж, имеешь право знать. А мне ведь и рассказать больше некому. Живу я с ним, мужчина видный, только зубы гнилые, изо рта у него воняет. Опять же, содержит меня за свой счёт, так что, если тебе слово «шлюха» нежный слух режет, можешь звать меня содержанкой. А что, содержанка и есть, вот только содержание скудное, словно родной жене. В этом мужики все схожи, и этот тупее полена, а денежки держит крепко, зомбак чёртов!

— При твоей жизни и слова этого в русском языке не было.
— При жизни — не было, а сейчас — есть. Мертвецкое это слово, тут без него не обойтись.

— Перестань. — Илья Ильич наконец сумел придать голосу достаточно твёрдости. — Что я, тебя не знаю?.. Зачем ты юродствуешь?

— А что мне осталось делать? Раньше хоть надежда была, что не зря всё, а теперь — куда я?

— Бросай эту свою работу, Илюшка теперь пристроен, а нам с тобой много ли надо? Будем просто жить, как будто и не умирали...

— Нет уж. Не знаю, как ты, а я давно умерла. И реанимировать меня не надо. Не нужно мне твоего благородства и всепрощения не нужно. Знаешь, как немцы говорят: «Где себе постелила, там и спи». Так что пойду я. Прощай, мужёнок. Не половинка ты, а ломоть отрезанный...

— Куда ты пойдёшь?

— А вот это тебя вовсе не касается. Полжизни ты без меня жил и ни разу не задался вопросом, куда я пошла... Живи ещё сто лет, или сколько у тебя получится. И я тоже буду жить, как получится. Домой я пойду. Есть у человека такое понятие — дом. Это не крыша над головой, а место, где ты у себя. Вот туда и пойду.

С прошлой жизни знакомая дверь захлопнулась, щёлкнув замком, Людмила торопливо сбежала вниз, словно боялась, что Илья догонит её, но Илья не стал её догонять, замок не щёлкнул вторично, наверху было тихо.

Городской транспорт в Городе существует больше для порядка и в угоду ностальгии. Кому торопиться некуда — ходят пешком, благо что ноги не болят. Остальные — тоже ходят пешком, но за деньги, пользуясь тем, что в нихиле нет ни пространства, ни расстояний и откуда куда угодно можно пройти за десять минут, если, конечно, не станет поперёк пути забор, созданный чужими мнемонами. Забор называется изысканно-красиво: Цитадель. Туда и направилась Людмила.

Дурни полагают, что Цитадель — это бесконечная вереница дворцов, где в неге и праздности великие покойники вкушают заработанное блаженство. А там куда больше обычных домов, ибо каждый старается продлить ту жизнь, к которой привык и где чувствовал себя если не счастливо, то хотя бы комфортно. Конечно, есть и дворцы: череда однообразных

Людовиков, различаемых лишь стилями мебели, проживает среди потрёпанной пышности, содержа остатки двора, министров и прочую шуштуру, которые без сюзерена давно стали бы полуразвоплотившимися призраками. Да и сами короли существуют большей частью благодаря неунывающему гению Александра Дюма. Вот папаша Дюма тот и впрямь живёт во дворце, ибо любил и любит роскошь и хотя бы после смерти может позволить себе исполнение чуть ли не любой прихоти.

Но порой встречаются в Цитадели такие норы, что оторопь берёт: как могут люди жить в подобном хлеву? И больше всего таких нор в стороне от основных поселений, там, где обитают зомбаки.

Полуземлянка-полуизба из небрежно отёсанных брёвен, низкая и закопчённая внутри: именно в такой согласился жить альпийский предок и за право слезить глаза возле открытого очага щедро отсыпал строителям мелких поминальничков, которые рекой потекли ему, когда восторженные газеты всех стран завопили о сенсационной находке в глубине ледника. Сейчас, когда шума в прессе уже нет, лямишки капали неторопливо, лишь от посетителей музея, где были выставлены вещи найденного покойника. Но и этих копеечек хватало на поддержание дома, на еду, за которую приходилось платить втридорога, ибо сам альпийский предок ни приготовить ничего не мог, ни поесть толком. Хватало и на женщину. На неё...

Людмила солгала, сказав, что зомбак крепко держится за свои копейки. Другим и впрямь не давалось ничего, но перед ней альпиец с кретиническим радушием развязывал кошель, позволяя брать сколько угодно. Видимо, так было при жизни, с давно сгинувшей супругой, которую напоминала Людмила, так стало и теперь, когда злой случай воскресил бледную пародию на человека.

Шестьдесят лямишек Людмила ежедневно отдавала охранникам, прочее оставалось ей. Не так это было и много, в иные дни десяток монеток, не больше, так что не хватало даже на содержание кормильца. Зато в сезон, когда наезжали в Швейцарию туристы, порой набегало и по мнемону.

На себя Людмила почти ничего не тратила, иной раз неделями крошки не брала в рот, благо что голодная смерть тут никому не грозит, только от ванны не могла отказаться, бежала туда дважды в день, словно отмыться от чего-то старалась.

Смешно, конечно, что рядом с первобытным жилищем при-
ткнулась облицованная кафелем ванная комната, но Людми-
лу подобная эклектика не возмущала. Имеет она право хоть
на что-то? И без того всю жизнь положила на других. И всё зря...

Те деньги, что оставались, небольшие, но всё-таки день-
ги, она никуда не тратила, сохраняя на чёрный день. Для сы-
на, которому теперь ничего не нужно, ему свои копейки ка-
пают. Кап, кап, копейка за копейкой... И здесь она оказалась
ненужной... никому.

Илья-то не попенял, деликатным прикинулся. Но и доброго
человеческого слова от него не дожидаться. Ничего, выветрит-
ся из него жилой дух, начнут забывать, развоплощение зама-
ячит — придёт, будет лямишку вымаливать, подумала она и
тут же поняла: не придёт. Гибнуть будет, а о ней не вспомнит
и помощи станет искать где угодно, но не у неё.

Зомбак привычно ходил из угла в угол, широко размахи-
вая рукой, гордо оглядывал самого себя. Был он в кожаных,
подбитых мохом штанах и таких же сапогах. Видать, и в древ-
ние времена пушнина не всякому была по карману и беднота
утеплялась мохом. Не помогла моховая подкладка альпийцу,
замёрз в горах... Шубейка, которая не уберегла от ледяной
могилы, валялась поперёк постели, а иной одежды у альпий-
ца не водилось, так что целыми днями он расхаживал, демон-
стрируя мускулистый и совершенно неволосатый торс. Стран-
но, вроде бы дикарь, должен быть в шерсти, а он человек как
человек, только ноги кривые от детского рахита и зубов, счи-
тай, почти нет. По здешним местам подобные недостатки лег-
коисправимы, но ему ничего такого не нужно, и без того сам
себе он нравится необычайно. Особенно татуировка на пра-
вом боку: скачущая лошадь. У лошади этой шесть ног, но две
лишние непременно прикрыты рукой. И если идти размахи-
вая руками, то кажется, что лошадь и впрямь скачет. Этакий
кинематограф каменного века. Время от времени нечто по-
добное входит в моду среди живых, тогда люди вспоминают про
альпийскую мумию, и Людмиле перепадает чуть больше
денег.

При виде Людмилы зомбак заулыбался невразумительно,
заукал, энергичнее замахал рукой, демонстрируя вечно и
бесцельно скачущую кобылу, с которой Людмила порой срав-
нивала саму себя.

— Что, Федя, проголодался? — спросила она. — Сейчас покормлю.

Она и сама не могла бы сказать, почему называет сожителя Федей. Какая-то давняя ассоциация, не то слышанное что-то, не то читанное. Дикий человек, обитающий во льдах, должен носить такое имя.

Зомбак налопался просяной каши с варёным салом, и его разморило. Вместо того чтобы возобновить беготню, он при- тулился к Людмилиному боку и затих.

— Так-то, Феденька, — тихо произнесла Людмила. — Один ты меня не бросил. Да и то потому, что дурак.

* * *

Двое охранников с непроницаемыми лицами привели Илью в низкий зал с прямыми давящими потолками. Здесь царил полумрак, на стенах дымились курильницы с ладаном, пахло, как в церкви. Всё это очень напоминало исторический фильм, и не будь Илья старожилом, давно привыкшим к странностям потустороннего мира, он мог бы перепугаться или, напротив, воспринять происходящее не всерьёз. Но куда всё шло как следует, а во что одеты окружающие и что пованивает со стен — его не касается.

Честно говоря, он ожидал, что к его появлению на стене отнесутся более эмоционально, всё-таки лет триста сюда никто не мог пробиться, а триста лет — срок приличный даже для бессмертных воинов. К тому же способ, каким он проник сюда, вряд ли мог оставить безразличными защитников Цитадели. Илья ждал угроз, готов был и к репрессиям. Вместо этого подошедший воин коснулся его плеча и коротко бросил:

— Идём, Тигли хочет видеть тебя.

«Тигли-Мигли, — подумал Илья. — Неужели тот самый Тиглатпассар Третий, который, по преданию, основал Цитадель? Эх, надо было, прежде чем на штурм идти, историю подучить покрепче. Хотя бы знал, с кем разговоры разговаривать буду».

И вот теперь он стоял перед древним царём, которого солдаты меж собой по-простецки звали Тигли.

Всё было словно в учебнике истории для пятого класса: завитая крашеная борода, не своя, а явно искусственная, пря-

мые складки одежды, чадное пламя масляных светильников, хотя уж здесь-то можно было бы провести электричество... Впрочем, здесь как раз и нельзя — тронный зал, не хухры-мухры, тут всё должно быть торжественно и по старинке. Не верилось, что вот эта дремучая древность правит бурлящим городом, расположенным за стенами. Хотя кто там правит? Вот захочет он сейчас развернуться и уйти — и никто не посмеет остановить его. Только вновь сюда попасть уже не получится ни при каком раскладе. Поэтому надо стоять и ждать, что ему скажут.

Честно говоря, Илья не очень представлял, что ему скажут. Ведь он враг, напавший на Цитадель и сумевший войти в неё с боем. С такими обычно разговоры бывают недобрыми.

— Служил? — коротко, почти не разжимая губ, спросил царь.

— Да. — Илья не знал, как следует титуловать царя, и не собирался этого делать. То есть военная дисциплина есть военная дисциплина и обращение должно быть уставным: к одному — товарищ генерал, к другому — ваше величество. Но о таких вещах следует предупреждать заранее.

— Погиб в бою? — Очевидно, титулы за почти три тысячи лет приелись царю. Куда больше его интересовали ответы.

— Да.

— И снова пошёл в бой... это хорошо. Мне трусы не нужны.

Илья промолчал, понимая, что здесь ответа не требуется.

— Ты знаешь, кого ты убил, взойдя на стену?

— Нет.

— Этот воин служил мне, ещё когда я ходил на Аскалон и царь Митини сошёл с ума от страха, услышав мою поступь. Это был хороший воин, и у меня нет причин любить тебя.

Илья молчал, понимая, что любые оправдания усугубят неловкость положения.

— Служба будет трудна, — продолжил царь.

— Я солдат.

— Жалованье — шестьдесят монет в день и еда из общего котла.

Илья молчал.

— Это вовсе не так много, как болтают в городе. Ты, наверное, рассчитывал, что тебя осыплют золотом за всё, что ты сделал нам?

— Я рассчитываю, что мне за службу будут платить так же, как всем остальным.

— Всем остальным платят шестьдесят монет в день. Если тебе не понравится солдатская еда — можешь есть своё. Тебя никто не ждал, и никто не горит желанием делить с тобой пищу.

Это Илья сам понимал и потому оставил царские слова без ответа. На мгновение перед внутренним взором мелькнули картинки, какова может быть дедовщина в воинском подразделении, где старослужащие тянут лямку уже третью тысячу лет, но тут же Илья отбросил эту мысль как ни с чем не сравнимую. Каким ни будь новичком, а сделать тебе ничего не смогут, разве что условием приёма на службу поставят согласие, чтобы над тобой мог свободно издеваться всякий желающий. Вот только воевать такой салажонок с трёхсотлетним стажем не будет. И военачальник это, конечно, понимает. Солдат есть солдат, и ему дозволено многое, в частности называть промеж себя владыку определяющей судьбы попросту Тигли и исповедовать принцип талиона, платя ударом за удар. Солдат, который не уважает сам себя, не сможет как следует воевать.

— У тебя есть внизу родные или друзья?

— Есть. — Илья не счёл нужным лгать, тем более что ложь так легко проверяется.

— Ты их больше не увидишь.

Илья вновь промолчал. Вступать в пререкания не имеет никакого смысла.

— Непременное условие для всех новичков, поступающих на нашу службу: пока не пройдёт установленный срок, не подавать о себе никаких вестей живущим внизу. Срок установлен — шесть раз по шестьдесят лет. За это время ничтожные рассыплутся в прах, а достойные уже не будут нуждаться в твоих монетах. Таким образом я забочусь о своих солдатах. Воин должен думать о службе, а не о голодной родине. Если ты не согласен с этим решением, можешь уходить прямо сейчас.

Разумеется, Илья был не согласен с таким решением, но возражать было бы верхом глупости, и он промолчал уже в который раз. Тигли усмехнулся, показывая, что видит новобранца насквозь, и странно выглядела живая усмешка над подвязанным футляром накладной бороды.

— При казармах достаточно челяди, женщин и мужчин,

пиати и бел-пиати, все они получают меньше, чем будешь получать ты, и с радостью станут служить тебе. Не пытайся их подкупать, все, у кого в душе обитала неблагодарность, уже не живут, и прах этих людей давно остыл. Я не стал вешать их на колья, я просто отпустил их, лишив своего покровительства, как отпускают тех, с кого палач содрал кожу. Они плакали, стоя под стенами, а когда пришёл срок, они умерли без моей опеки, как умирает человек, лишённый кожи. Я давно никого не казню и не наказываю болью. За малые прегрешения накладывается пеня, за большие — виновный изгоняется. Напшану расскажет тебе, что является большим прегрешением, а что малым.

Илья не понял, кто именно будет вводить его в курс дела: Напшану — должность или имя собственное, но уточнять не стал, решив, что разберётся по ходу дела. Он лишь спросил, с каким оружием ему придётся иметь дело, и услышал в ответ правильную мысль, что воин должен быть с оружием, но не должен пускать его в ход, поэтому, что именно он будет держать в руках, никого не касается. Главное, чтобы внизу видели, что стража вооружена.

На этом аудиенция закончилась и началась служба.

Черноволосый Напшану, по виду типичный армянин, хотя, кто знает, быть может, ассирийцы как раз и звали этим словом предков армян, показал Илье его комнату (Илья ожидал общей казармы и был приятно разочарован при виде убогой, но всё-таки отдельной каморки). Затем Напшану объяснил, что служить Илье будет в дворцовой охране, стоять на воротах и не должен пускать во дворец никого, кроме сутреси и рабани. Кто эти счастливики, Илья не знал, но поверил, что очень быстро научится определять их. К стене Цитадели он не смеет приближаться на сто локтей, разговаривать можно только со слугами и сослуживцами; за разговоры с обитателями Цитадели полагается штраф, а за появление на стене — изгнание. Жалованье выплачивается первого, одиннадцатого и двадцать второго числа каждого месяца, как было заведено ещё при жизни Тиглатпассара. Воинские занятия начнутся завтра, а сейчас он может отдыхать.

Оставшись один, Илья перевёл дыхание и достал письмо, которое дал ему отец перед тем, как они отправились к Цитадели.

«Илюха, — писал отец, — ты помнишь, что мушкетёра,

при виде которого ты так удивился, никто не видел на стене больше трёхсот лет? Почему-то мне кажется, что это у них там такая учебка. Пока солдат не станет той самой крутью немеченой, о какой ты рассказывал, и примерной службой не докажет своей верности, на боевое дежурство его не допустят. И ещё мне кажется, что тебе не позволят послать мне весточку. Скромный жизненный опыт подсказывает, что именно так и получится. Твоё новое начальство поначалу будет не слишком жаловать тебя, а других способов досадить тебе у него нет. Так что не дёргайся зря, я не буду беспокоиться, что с тобой. Убить или швырнуть в тюрьму тебя невозможно, так что отсутствие вестей будет означать, что всё в порядке. А я постараюсь протянуть триста лет только для того, чтобы ещё раз увидеться с тобой. Так что не вешай носа, как-нибудь до понедельника доживём. Папа».

Илюшка горестно покачал головой. Как всегда, отец оказался прав и всё предвидел заранее. Вот только об одном не подумал: а стоило ли рваться сюда? Ту сумму, что они потратили, он заработает здесь за двести лет. Новая жизнь вряд ли обещает быть очень интересной, а отцу теперь придётся сидеть на голодном пайке, но и в этом случае проживёт ли он эти три столетия? И даже — три с половиной, ведь срок карантина назначен: шесть раз по шестьдесят лет, чёрт бы побрал этих шумеров с их шестидесятиричной системой счисления!

Вот и получается, что он рвался сюда просто потому, что не пускают. Что-то вроде альпинизма: лез, лез и если сумел победить самого себя, то залез. А что дальше? Покричал «Ура!» — и спускайся в долину. А вот он даже в долину спуститься не может, потому что это значило бы, что всё было зря. Как напроорочил друг Серёга: «Решил отцовские денежки на ветер пустить?» Как-то там Серёга? Фингал под глазом небось на пол-лица...

Дверь отворилась без стука, на пороге возник мушкетёр, тот самый, появление которого на стене так поразило Илью. Был он невысок ростом и гладко выбрит. Длинное, породистое, как у артиста Филиппова, лицо выражало живейший интерес.

— О, так это ты нокаутировал старину Шамашкара? — спросил он по-английски и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Изрядная была скотина, между нами говоря. Всё

время норовил выдуть чужое пиво, и кости у него были фальшивые.

Илья кивнул, соглашаясь.

— Меня зовут Том Бэрд, — представился гость. Повернувшись спиной, он постучал себя по кирасе. — Развяжи-ка ремни у этой железяки, а то устал, сил нет.

Илья встал и принялся управляться с ремнями.

— А я почему-то решил, что ты француз, — сказал он. — Вроде бы мушкетёры были французами.

— Вот ещё, — фыркнул Том Бэрд. — За лягушатника приняли... Дурной народишко, мы их и прежде били, и впредь будем бить.

Освободившись от доспеха, Том уселся и вытянул ноги в проход. Набил крохотную трубочку с длинным прямым чубуком. Илья щёлкнул зажигалкой.

— О, забавная штука! — Англичанин протянул руку, повертел колёсико, изучая несложный механизм. Лошадиная физиономия озарилась улыбкой. — Меняем, — сказал он и, не дожидаясь согласия, придвинул Илье истёртые за столетие кремь и кресало, а зажигалку пихнул куда-то под камзол, где, видимо, скрывался карман.

Илья повертел допотопное приспособление и сказал:

— Вери велл. Только зажигалка недели через полторы выдохнется и уже не будет работать.

Том пожал плечами.

— Обмен есть обмен, — сказал он. — Кто-то всегда проигрывает.

Потом он кивнул на поставленный в угол автомат.

— Это твоё ружьё?

— Да, но меняться не буду.

— У солдата, — произнёс Том, наставительно подняв палец, — есть бог, командир и ружьё. Оружием меняться нельзя.

Том оглядел пустую каморку и спросил:

— У тебя пиво есть? Портер или эль... поляки пиво пьют?

— Поляки пьют пиво. И я тоже пью, но пива у меня нет. — Илья похлопал рукой по пустому кисету.

— Понимаю... я тоже попал сюда нищим. А жалованье выдают трижды в месяц по два фунта, да и то неполных. И вообще служба паскудная. Общества нет, развлечений никаких, только со шлюхами валяться. В город тебя ещё долго не пустят, а с господами из Цитадели разговаривать запрещено.

— Любая служба не сахар, — уклончиво ответил Илья. — А сам-то ты как сюда попал?

— А так и попал... Стражника из ружья застрелил и встал на его место.

— Ты что-то путаешь. Не берёт огнестрельное оружие тех, кто на стене. Что я, не знаю? Лет пятнадцать назад мы уже ходили на Цитадель штурмом.

— О!.. — уважительно протянул англичанин. — Я это помню. Меня тогда первый раз на стену пустили. Весело было.

— Это кому как.

— В драке всегда так, одному тумаки, а другому весело. А я стражника не просто застрелил, а всыпал в аркебузу пригоршню мнемонов и выпалил как картечью. Это теперь, едва начинаешь целиться, тебя в оборот возьмут, а прежде было иначе — стреляй, если денег не жалко. Стражники даже подначивали, если кто с луком или пищалью вздумает у стены появиться. Если у стрелка в кошельке пусто, так он и не попадёт, а если мошна тугая, то деньги ваши будут наши. Рана заживёт, а прибыль от такого получается немалая. А я придумал не пулей стрелять, а прямо деньгами. Был там один среди стражи, очень он мне не нравился, вот его я и пристрелил, он только ногами дрыгнуть успел.

— А на стене как закрепился?

— Так же, как и ты. Помощничка себе сыскал, виконта одного. Он же не знал, кто я такой, думал, я тоже из джентльменов, раз в камзоле и при оружии хожу. А я из железнобокой гвардии Оливера Кромвеля! Кавалеры называли нас круглоголовыми, и виконт не признал во мне иомена! — Бэрд хохотнул. — Его убили в битве при Нейзби, застрелили из аркебузы... может быть, я и застрелил, а он, как услышал, что я при Нейзби сражался, такими ко мне чувствами проникся, хоть плачь, хоть смейся. Даже не спросил, за короля я был или индепендантов. Вот я его и уговорил, что буду стрелять в стражника, а потом, ежели повезёт попасть, то и виконт ко мне на стену заскочит. Мы ж тогда не знали, что выстрел от количества денег зависит, думали, стража заговорённая. Ну а у меня, кроме аркебузы, ещё и пистолет был, тоже монетой заряженный. Виконт, как меня на стене увидел, ко мне полез, а я ему из пистолета — промеж честных глаз. Ничего, вылезлся. Чжао, тут такой китаёза есть, говорил, что видал его у стены. Ох, как он ругался, меня на дуэль вызывал! Меня тогда

в дозор не ставили, так я Чжао попросил, чтобы он сказал дураку, что я не кавалер, а из железнобоких. Тот, бедняга, как узнал, что я из простых, скукислся и прочь уплёлся. Где он теперь — не знаю, благородные редко до конца помирают, должно быть, он и сейчас среди призраков бродит.

Рассказ кромвелевского солдата произвёл на Илью двойственное впечатление, но Илья за благо почёл не давать сослуживцу моральных оценок. Сам тоже не ангел... Поэтому, выслушав исповедь до конца, Илья перевёл разговор на более спокойные рельсы.

— Всё-таки ты как сюда попал? Не на стену, а вообще. При Нейзби ты вроде уцелел...

— Меня через полгода в стычке с диггерами убили. Из лука... представляешь? В наше время из лука стрелять... Но попали хорошо, два дня подыхал. Под конец одного хотел, чтобы скорее.

— А меня сразу. Я и понять ничего не успел. Но всё равно, дурацкая смерть.

— Да уж, на войне умной смерти не бывает... Но виконту дважды дурацкая досталась. Он-то себя полагал в безопасности, думал, что если у меня ничего не получится, то он тут ни при чём, просто на променады вышел, а ежели я поднимусь на стену, то и он за мной. Службы он не хотел, он, дурак, представлял, что командовать будет, по меньшей мере в начальники гарнизона метил. И чистку заранее задумывал: добрых христиан в Цитадели оставить, а Магомета и всех остальных — в нихиль выгнать. Болван, одно слово, богаче Магомета здесь никого нет, ему весь Восток в молитвах деньги шлёт. Захочет, так он нас всех в нихиль выгонит, а не мы его.

— Христос разве не богаче? — для порядка полюбопытствовал Илья.

— Христос — бог, — убеждённо сказал Бэрд и перекрестился. — Он у себя в раю, тут его никто не видал. А вот Понтия Пилата я видел и даже заговорил, хотя запрещено разговаривать с жителями Цитадели, если они сами тебя не подозвали. Штраф начислили сто фунтов — заработок почти за два года! — а Пилат мне ничего не ответил. Не помню, говорит, никакого Христа. Бродяг всяких много повесил, а сына божьего не припомню... Да ну, он от старости, наверное, в детство впал. Тут много таких, дома их зачем-то помнят, а сами они хуже малых детей. Праздность многих развращает.

Вот среди солдат ни один умом не тронулся, а всё потому, что служба.

— Слушай, — сказал озарённый неожиданной мыслью Илья, — а мне этот ваш Тиграт... в общем, Тигр Полосатый, сказал, что триста лет нельзя живущим внизу вестей передавать...

— Так это разве весть? Гадость врагу сказать — дело святое. К тому же я не сам, китайца попросил.

— Так, может, и ты крикнешь там одному... Парень, что на турнике возле стены вертится, ну... тот, которому я промеж глаз врезал. Крикни ему: «Илья, мол, просил передать, что дураком ты, Серёга, был, дураком и после смерти остался!»

— Вери велл. — Лицо англичанина озарилось улыбкой. Он явно представлял, как будет беситься незнакомый ему Серёга, получив такую весточку. — Он был твоим врагом?

— Он был дураком, а дураков надо учить.

— Вери велл. Я передам.

Бэрд извлёк из-за пазухи трёпаную колоду карт и гордо объявил:

— Во, видал вещь? Однополчане наши, блудники вавилонские, такого и не знают, они только в кости умеют, да ещё в зернь. А христианину в такие игры грешно играть.

— А в карты что, не грешно? — искренне удивился Илья, который как человек неверующий игрывал во всякие игры, кроме разве что зерни, о каковой имел довольно смутное представление.

— Карты — самая христианская игра, — убеждённо сказал Бэрд. — Тут четыре масти, они символизируют добродетели христианского воина. Это пики — храбрость в бою. Это бубны, или шиты, — упорство в обороне. Это крести — они означают веру в Иисуса Христа. А черви — это любовь к даме сердца. В прежние годы у рыцаря обязательно дама сердца была, а мы люди простые, нам и маркитантки довольно.

— Ясно, — протянул Илья, тасуя засаленные карты. — Это король, это дама, это валет...

— Кавалергард, — поправил железнобокий революционер.

— А туз что означает?

— Туз — это воля небес. Видишь, карта чистая? Над королём только господь бог.

— Тогда, конечно, игра безгрешная, — признал Илья. — А во что ты играешь?

— Игра называется «Сражение». Делим колоду пополам. Открывай верхнюю карту... видишь, твоя карта больше моей. Значит, забираешь себе обе и кладёшь под низ. А теперь у меня больше, значит, я твою карту беру в плен. Можно играть на деньги, можно на шелбаны.

— Так это же «Пьяница»! — разочарованно воскликнул Илья, никак не думавший, что глупейшая из карточных игр имеет столь почтенную историю.

— Это «Сражение»! — оскорбился англичанин.

— Хорошо, пусть «Сражение». Но всё равно, лучше уж тогда в очко играть. Тоже на шелбаны... тремя картами по носу.

— Это как? — заинтересованно спросил Том. Между делом он успел соорудить две кружки пива, одну из которых щедрым жестом придвинул Илье. Прославленный английский эль оказался мутной бурдой отвратительного вкуса. Впрочем, в семнадцатом веке он, видимо, таким и был.

Илья на последние лямиишки сотворил новую колоду и принялся объяснять мудрые правила игры в очко. Железно-бокий оказался игроком страстным и неумелым, так что в самые короткие сроки Илья выиграл больше двух сотен шелбанов и через полчаса уже трепал карты о вспухший английский нос, приговаривая при каждом шелчке:

— Не умеешь играть, так и не берись!

Служба начиналась плодотворно, содержательно, и конца ей не предвиделось ни ныне, ни присно, ни во веки веков.

* * *

Оставшись один, Илья Ильич долго сидел, глядя себе в колени. Осмысливал холодное понятие: «один». За последние годы он привык к этому состоянию. После смерти Любаши так и жил бобылём, благо что до крайнего предела худо-бедно мог себя обслуживать и, даже согласившись на хоспис, сбежал оттуда за день до кончины. И лишь после того, как Русланова пророчески провизжала ему: «Ленты в узлы вяжутся!» — завязалось бытие таким узелком, что никакому Гордию не измыслить и никакому Александру не разрубить. Два месяца посмертная жизнь неслась галопом и вдруг разом остановилась. Сиди, как в недавнем прошлом, отдыхай, радуйся, что бок не болит.

Спрашивается, что теперь делать? Бежать за Людой, уго-

варивать, возвращать, каяться неведомо в чём? А потом? На-
лаживать эфемерный быт, который будет держаться исклю-
чительно за счёт непрочной памяти о нём. Людмила, покон-
чившая с собой тридцать лет назад, забыта основательно.
Кому нужно вспоминать давнюю трагедию? Покуда, быть
может, раз в год кто-то из бывших знакомых и пошлёт ей мне-
мон, а лет через десять все знакомые тоже очутятся здесь, так
что её уделом станет Отработка. И она это понимает. Обиже-
на, оскорблена, но ушла сама и по доброй воле не вернётся.

Больше всего в прошлой жизни Люда ценила прочность,
основательность, надёжность. Профессия мужа, связанная с
непрерывными разъездами, была ей что нож острый. И при
жизни, и в посмертии ей прежде всего нужен верный зарабо-
ток. Не для себя, для сына... но теперь Илюшка далеко и в ко-
пейках её не нуждается. Вот и вся простая трагедия.

Последние годы Илья Ильич умудрялся едва ли не сутка-
ми сидеть, размышляя ни о чём, но сейчас уже через полчаса
тело потребовало движения, а мысли потихоньку перешли к
насушным делам. И всё же, словно оправдываясь перед са-
мим собой за несуществующую вину, Илья Ильич упорно
сидел, не ложась на диван и не вставая, пока не умудрился ус-
нуть и не проснулся за полночь с затёкшими ногами и шеей.

Нужно было чем-то заняться, и Илья Ильич решил пере-
считать лямишки, заработанные собственными боками и
битой физиономией. Высыпал на стол многотысячную кучу
монеток и замер, увидав, что поверх всего лежит новенький
блестящий мнемон. Неужто древний шумер, или кем там был
неудачливый стражник, мог тысячелетиями сохранять нераз-
мененную монету? И неужели в древней Мидии и Ассирии
мнемоны были точно такими же, что и сегодня?

Илья Ильич осторожно зажал монету между ладонями и
облегчённо вздохнул. Мнемон был его собственный, пришед-
ший совсем недавно. Лика, жена двоюродного племянника,
которую он и видел-то раза два на больших семейных сборах,
но которая теперь поселилась в его квартире, пытается со
стула дотянуться до высоко приколоченной кухонной полки,
подумала невзначай, как же восьмидесятилетний хозяин ла-
зал на такую верхотуру. «А так вот и лазал, пока ноги держа-
ли, с табуретки... А потом перестал лазать. Не помню, что у
меня там было напихано...»

Лямишки Илья Ильич пересчитывать не стал, решив, что

посмотрит, много ли ему будет прибывать мнемонов, и последующую жизнь станет планировать, исходя из полученной цифры. Сгрёб лямиишки в кошель и замер, услышав, как в прихожей тренькнул звонок. Поспешно вскочил, побежал открывать, ожидая всего: хорошего и дурного.

На площадке, насупленный и злой, стоял гимнаст Сергей. Вид у него был неважнецкий, видать, он только что выбрался из нихла. Не иначе пешком шёл, двое суток.

— Илья где? — хрипло спросил он, не узнавая Илью Ильича.

— Нет его. И впредь не будет.

— Это же его квартира, — недоумевающе произнёс Серёга. — Вы кто такой?

— Отец.

Сергей потряс головой, недоумевая, как умудрился так чудовищно состариться мужчина, с которым его знакомили в кафе, но, решив, что обманывать смысла нет, произнёс с чувством:

— Сука ваш сынок, ясно? Так ему и передайте, когда увидите. И пусть не прячется, я его всё равно найду!

— Его искать не надо, — миролюбиво произнёс Илья Ильич. — Он теперь в Цитадели, служит. Угодно — лезьте на стену и говорите ему всё, что думаете.

— Да вы хоть знаете, что эта падла сделала?! — закричал Серёга. — Против своих пошёл!.. За такие дела брюхо вспарывать надо, а не разговоры разговаривать!

Ещё во время беседы с умницей Афанасием Илья Ильич решил, что никому и ни при каких условиях не станет выдавать несложной тайны взятия Цитадели, и потому на выкрик Серёги отвечал спокойно, хотя и покривив слегка душой:

— А вас, милостивый государь, никто не просил туда лезть. Возможно, вы позапамятовали, так я напомню, что, кинувшись на стену, вы сбили с ног одного пожилого человека. Меня сбили. В результате я остался здесь да ещё в таком непрезентабельном виде. И вы надеялись, что мой сын встретит вас с распростёртыми объятиями?

Было неловко врать простодушному Серёге, притворяться, будто тоже надеялся попасть в Цитадель, но другого пути Илья Ильич не видел. Если тайна Цитадели станет общей, стража на стенах начнёт меняться с удивительной быстротой, а значит, в скором времени кто-то скинет вниз и Илюшку. И са-

мое главное, что в общем положении вещей это ничего не изменит. Так что пусть на стенах стоят рыжебородые, а среди них один аркебузир и один десантник с «акаэмом» — дразнящее доказательство, будто Цитадель можно взять штурмом.

— Так он что, прорвался?! — отчаянным шёпотом прокричал Серёга.

— Ну, — по-скабарски ответил Илья Ильич, приготовившись к долгому и выматывающему допросу.

— Так, значит, можно снова... — немедленно загорелся Серёга. — Давайте вместе! Я вас выведу первым...

— Не получится. Эта дырка в обороне уже законопачена, я проверял. Старик у теперь тоже не дадут подойти вплотную.

Полсотни лет Илье Ильичу не приходилось врать, и он сам восхищался той лёгкостью, с какой вспомнилось забытое искусство пудрить мозги. Ясно ведь, что и прежде ни старик у, ни девушке, ни мальцу не позволили бы напасть врасплох, но теперь этого уже не проверишь. Пусть гимнаст Серёга думает что угодно, лишь бы на стену не лез.

— Чёрт... — огорчился Серёга. — Ну, лопухнулся я, но ведь и он мог бы предупредить. Вдвоём бы вас легче на стену подняли...

«Не успели бы, — прикинул про себя Илья Ильич. — А если бы и успели, то немедля были бы скинуты вниз. Чтобы закрепиться на стене, нужно принять участие в её обороне, а не в нападении. Такая вот маленькая хитрость: обязательное условие победы — бить своего. Потому и стоит твердыня несокрушимо, что может быть взята только с помощью подлости. Но тебе, мой горячий друг, этого знать вовсе не обязательно. Да и всем остальным — тоже; незачем умножать в мире подлость».

— Что теперь переживать, — смиренно сказал он.

— Ничего, — упрямо сказал Серёга, — зато теперь у нас есть там свой человек. Заступит на пост, перемигнёмся, и пусть рыжебородые молятся своему рыжебородому богу.

— Ежели увидите его на стене — мне свистните, — попросил Илья Ильич.

— Не маленький, понимаю как-нибудь, — разумно сказал Серёга.

«Ничего ты не понимаешь, — продолжил молчаливую полемику Илья Ильич. — Первая же попытка предательства вышвырнет «нашего человека» из рядов защитников. Да и не увидишь ты его на стене, уж не знаю, учебка у них там или

просто карантин, но думаю, что Илюха лет триста на караул заступать не будет. А через триста лет если и останутся у него знакомые в нижнем городе, то такие, что обладают прочным положением и на стену переть не станут. Уж до такой простой вещи можно додуматься».

— А заранее договориться? Вы способ связи предусмотрели?

— Цитадель, — нахмурившись напомнил Илья Ильич. — Всё заблокировано. Придётся ждать, когда он на пост заступит. А там у нас разработана система условных знаков.

«Пилите, Шура, пилите...»

Разговор окончился за полночь, Серёга убежал окрылённый, забыв и о впустую растроченных мнемонах, и о том, как получил прикладом в лоб от того самого Ильи, на которого теперь возлагал все свои надежды. А Илья Ильич долго мылся холодной водой, не думая об утекающих в никуда лямках. Про себя он твёрдо положил остаток жизни провести по-старчески, ни во что не вмешиваясь и не занимаясь ничем, кроме собственного хрупкого здоровья. А наутро, обнаружив в активе ещё десяток мнемон (Лика с мужем обсуждали перепланировку квартиры, и Илья Ильич несколько раз пришёлся к слову), омолодился, истратив прорву ассирийских лямшек, и отправился в город искать хоть кого-нибудь знакомого.

Вообще-то, по совести, нужно было бы повидаться с матерью и хотя бы после смерти поглядеть на отца... Оба они должны дожидаться его, ведь он вспоминал их, хотя и не так часто, как полагалось бы любящему сыну, но именно это и мучило Илью Ильича всего более. Не мог он представить, что скажет этим людям, одного из которых в жизни не видал, а о второй, если и вспоминал, то безо всякой любви и сыновней почтительности. И вот теперь предстояло поглядеть им в глаза, и это новое испытание и без того помятой совести мучило Илью Ильича хуже парадонтозного зуба.

Именно поэтому и нужно идти, куда совесть не замолчала успокоенно. А то ведь бывают люди, в самодовольный разум которых и тени сомнения не закрадывается — а правильно ли я живу? Совесть у таких то ли скончалась во младенчестве, то ли не родилась вовсе, пав жертвой аборта. В загробном мире такие люди тоже чувствуют себя комфортней других, но Илье Ильичу очень не хотелось походить на этих кадавров. Пока совесть болит, мы живы, а замолкла навеки —

то и человек умер, хотя ходит среди людей, даже не в посмертии, а в настоящем мире, смотрит, разговаривает и внешне вполне благополучен.

Поставить маяк обошлось бы в полновесный мнемон, а этого обнищавший Илья Ильич позволить себе не мог. По счастью, в Городе существовала адресная служба, где за три лампочки можно было узнать место проживания любого ещё не истаявшего гражданина.

Адрес у отца с матерью оказался разный, что уже не удивило Илью Ильича. Так или иначе, мама пережила отца почти на девятнадцать лет, а проведя столько времени в разлуке, почти невозможно заново начать совместную жизнь.

Илья Ильич опасался, что мать окажется в Отработке, но адрес указывал вполне благопристойный квартал. А вот отец... Илья Ильич так и не понял, что за странный адресок выдала ему справочная служба. Во всяком случае, никаких улицы и дома там не было, а лишь исполненный цифири и латинских букв индекс.

Адрес — это не маяк, он не показывает, где находится адресат в данную минуту, да и действует всего одни сутки, но, зная адрес, дорогу спрашивать не надо, иди и придешь прямиком куда надо.

Мать жила в обветшавшем, сталинского ампира доме. Илья Ильич поднялся на третий этаж, повертел медную ручку механического звонка. В квартире долго стояла тишина, потом раздались шаркающие шаги и давно позабытый голос спросил встревоженно:

— Кто там?

Не повернулся язык произнести слово «мама», Илья Ильич судорожно глотнул и выдавил сквозь перехваченное горло:

— Мне Елену Ивановну...

— Я никому не открываю, — донеслось из-за двери.

— Это я, — произнёс Илья Ильич.

Живо вдруг вспомнилось, как в далёкие предвоенные годы он прибежал из ФЗУ и тоже не мог попасть домой, потому что мать не открывала, покуда не убеждалась, что сын пришёл один и за спиной у него не стоит грабитель, желающий прирезать её ради скудного вдовьего барахла. Бывало, что выведенный из себя Илья принимался трезвонить, призывая на выручку соседей по коммуналке, за что ему потом

порядком влетало. А тут, где жилищный вопрос разрешён и у всякого имеется отдельная квартира, надеяться не на что. Вот возьмёт и не откроет...

— Какой ещё — я? — ворчливо спросили из квартиры.

Спрашивается, чего ей бояться? Или за семьдесят лет, что она ютится здесь, мать окончательно рехнулась и уже не понимает, на каком она свете?

— Я это, — возвысил голос Илья Ильич. — Илья!

— Ты врй да не завирайся, — упорствовал голос за закрытой дверью. — Илья ещё в Гражданскую помер.

Так и есть, маманя искренне полагала себя живой.

— Сын я ваш! — выкрикнул Илья Ильич, отметив, что обратился к матери на «вы», как только с чужими людьми говорят.

— Какой ещё сын? Нет у меня никакого сына! Убирайся давай, пока милицию не вызвала.

— До свидания, мама, — сказал Илья Ильич обшарпанному дерматину и сбежал вниз по лестнице. Если за закрытой дверью и бормотали ещё что-то, он этого не слышал.

Второй адрес привёл его в места, о которых он много слышал, но так и не удосужился побывать. Больше всего оно напоминало помойку, а вернее, свалку какого-то промышленного предприятия. Только предприятие это было столь ядовитым, что даже неистребимый бурьян не мог прижиться на белесых отвалах. Всё вокруг, словно дустом, было засыпано тончайшим порошком отработки. От Лимбо эти места разительно отличались отсутствием ровности, на каждом шагу из белой почвы торчали какие-то обломки, выпирали руины старой кладки, металлические конструкции, груды слипшихся книг и чуть ли не присыпанные пылью человеческие кости. Всё было хрупким и эфемерным, лишь в стороне неизбежно прочно поднимались глинобитные стены Цитадели. Здесь их не украшали изразцы и скульптуры крылатых быков, невысокие стены красовались во всём своём глиняном убожестве, мёртвые и мертвящие, лишь фигуры стражников, маячившие через каждые шестьдесят локтей, оживляли ландшафт.

При виде молчаливых фигур с мечами и копьями Илья Ильич невольно поёжился. Легко говорить, что, пока он не напал, никто его не тронет, а не избавиться от ощущения, что сейчас его узнают и сторицей отплатят за погибшего сослуживца. И почему-то особенно страшно было заметить среди стражи знакомую фигуру сына. Вроде бы всё сделал, чтобы Илюшка

попал на службу, а теперь самому неловко. Хотя кому тут смотреть, узнавать, обсуждать... не то место.

Район назывался «Призраки», и обитали здесь тени тех, кто по несчастному стечению обстоятельств не мог ни жить, ни сгнить окончательно. Вот, скажем, жил в полузабытом семнадцатом веке воровской казак Игнат Заворуй, и всей памяти о нём осталось челобитная княжеского приказчика с жалобой, как стянул негодный Игнат с клетки жареного гуся. Лежит та челобитная в уездном архиве и не даёт истереться памяти об Игнате Заворуде. То архивариус, перекладывая бумаги, заглянет в папку, то дотошный историк, глотая пыль, извлечёт на свет полуистлевший документ и тиснет статейку в малотиражном журнале, что, мол, триста лет назад нравы столь повредились, что и жареного гуся с клетки слямзить могли запросто. Коллеги прочтут, покачают головами, и от каждого капнет воровскому казаку малая лямишка. Жить с тех доходов нельзя, но и окончательно исчезнуть они не дают. Вот и шатается вблизи стен неприкаянный призрак, почти ничего о прежней жизни не помнящий. И только гуся никак не может забыть... скусный гусь был, право слово, жирнющий! А то вдруг какой ни на есть литератор, беллетрист-дивнописец, наковыривая фактуру для романа, споткнётся о сочное имя и выведет Игната Заворуя малым мазком всеохватного исторического полотна. И тогда закапают лямишки бодрим ручейком, облечётся Заворуй плотью, заговорит в голос, приоденется и, покуда у романа читатели есть, гуся жареного всякий день будет на стол ставить.

Многие полагают, что оживший призрак ничем от зомбака не отличается, но это неверно. Конечно, склеротик он преужасный, а в остальном — человек как человек. И не важно, что он забыл чуть не всю прежнюю жизнь, себя он помнит и ощущает живущим, а это главное.

Но и среди призраков таких аристократов, которые имеют надежду на воскрешение, меньшинство. Основную массу составляют призраки, которые в скором времени исчезнут навсегда.

Поняв, куда он попал, Илья Ильич ничуть не удивился. И в самом деле, где ютиться незнакомому отцу, как не среди призраков? Илья Ильич вспоминал о покойном родителе нечасто, а если учесть, что в настоящей жизни они не виделись, то от единственного сына Илье-самому-старшему доставался

не мнемон, а лямышечка. Прочим же, по прошествии восьмидесяти с лишним лет, помнить об этом человеке и вовсе было без надобности. Разве что, знакомясь с Ильёй Ильичом, кто-нибудь подумает мельком, что и папаша у старика был Илья... Значит, получит покойник лямышкой больше — а толку с той лямышки? Так что, по всему виду, уже полста лет, как живёт отец среди призраков и со дня на день растворится вовсе. Жив покуда только тем, что в последние земные дни Илья Ильич много думал о смысле жизни и как-то само собой мысли обращались к прошлому.

Одна беда, как среди этого развала искать человека, по сути незнакомого? Блюдец вертеть, вызываю, мол, тень отца Гамлета?.. Явится папаша, сообщит, зачем жил, за кого воевал, порадует, что не на то сынок растратил все свои восемьдесят четыре года.

Илья Ильич усмехнулся и, не испытывая никакого священного трепета, отправился через развалины города призраков. Приведёт однодневный компас куда нужно — замечательно. Не приведёт — тоже беда невелика. Всё равно, ни помочь здесь живущим он не может, ни огорчить их своим появлением. Разница невелика, все мы умерли, только кое-кого не успели позабыть окончательно.

Кругом было спокойно, то ли призраки народ не любопытный, то ли Илья Ильич показался им неинтересен. А потом из ниоткуда сконденсировалась бледная фигура в длинном полой шинели, спокойно, без ожидания и надежды глянула в лицо пришедшему. Был явившийся удивительно похож на Илюшку, только лицо тоньше и злее, а возможно, такие черты неосознанно придал ему сам Илья Ильич.

Всё-таки одно хорошо в царстве призраков: лишившись плоти и не имея за душой ничего материального, видение не смущает свидетелей кажущейся наготой, а является таким, как помнится или может помниться в покинутом мире. Пехотная шинель начала прошлого века, без знаков различия: ни красных нашивок, ни белогвардейских погон, ни вообще ничего.

— Здравствуй, отец, — сказал Илья Ильич. — Я сын твой, Илья.

— Иль я, иль не я, — знакомо пошутил призрак, и Илья Ильич подумал, что и этот семейный каламбур пришёл из глубины веков от рассыпавшихся пылью предков. Маленький

Илюшка тоже любил распевать его на варварский мотивчик, и если бы не пресёкся род, то так и пошла бы шутка от дедов к внукам. Потому и призрак не забыл её и произнёс как пароль, по которому можно признать своего.

— Я не знаю, зачем я пришёл, — признался Илья Ильич. — Жил я, о тебе особо не думая, а сейчас вдруг потянуло.

— Я тоже хотел на тебя посмотреть. — Призрак слабо улыбнулся. — Там не успел, а здесь не торопился... Сына ты как назвал?

— Ильёй.

— Это хорошо.

Илья Ильич не стал говорить, что его Илья погиб бездетным и фамилии их на Руси больше не будет. Скорей всего, призрак знал это когда-то, но благословенный склероз избавил его от ненужной боли. «Амнезия — амнистия души», — писал последний из великих поэтов.

— Расскажи о себе, — попросил Илья Ильич.

— Жил, — произнёс призрак и надолго замолк. Потом добавил: — По Малинину и Буренину...

Ещё одна шутка, не забытая в череде годов: старый как мир учебник арифметики, в котором можно найти решение любой задачи. Илья Ильич понял, что не услышит ничего, о чём бы не знал прежде. И не в том беда, что отец не хочет говорить с ним, но помнит он только то, что может помнить призрак. Никогда тень отца Гамлета не откроет ни единой роковой тайны.

Они долго стояли, глядя друг на друга, Илья Ильич мучительно прикидывал, можно ли дать призраку денег, не оскорбится ли тот и сумеет ли взять милостыню, но прежде чем он пришёл к какому-то выводу, тень в солдатской шинели шагнула в сторону и немедленно растаяла в сумраке, который разливал окрест близкий nihil.

* * *

Ещё три лямишки, и новый адрес привёл Илью Ильича обратно в район, где доживала его мать. И квартира у Любаши тоже была на третьем этаже, только в другом доме, поновее и, всяко дело, поудобнее строения времён четвёртой пятилетки. На звонок незнамого гостя из-за двери послышался весёлый Любашин голос:

— А нас нет дома. Мы ушли и вернёмся часиков в пять. Если очень нужно — входите и можете обождать нас. Дверь не заперта.

Вот так. Наконец-то нормальная человеческая жизнь, только ему нет места и здесь. И неважно, встретила ли Любаша со своим прежним мужем или нашла новую судьбу, безличное «мы» сказано так, что поневоле почувствуешь себя третьим лишним.

Не коснувшись незапертой двери, Илья Ильич спустился во двор. По дороге глянул на часы: начало шестого — надо поторопиться, не хватало ещё мордой к лицу столкнуться с Любашей, да ещё у самого её дома.

И всё же не успел. Едва вышел на улицу, как увидел Любашу. Илья Ильич никогда не считал свою сожительницу особо красивой, а тут, увидав её помолодевшей, совершенно неприлично замер от восхищения. Внешности Любаша не меняла, она просто была счастливой, а это состояние украшает человека лучше любого косметического салона. Любаша шла под руку с невысоким и несколько сублильным мужчиной, который, прямо скажем, не смотрелся рядом с пышной Любашиной фигурой. Илья Ильич вспомнил, что Любашин муж страдал пороком сердца, отчего и умер, не дотянув до сорока. Значит, он и есть... Ждал её здесь больше двадцати лет, получал мнемоны и узнавал о жизни своей суженой. Любаша часто вспоминала покойного мужа, иногда в такие минуты, когда не принято говорить ни о каком другом мужчине, кроме того, что рядом. А она на такие глупости внимания не обращала, вставляя мужнино имя к месту и не к месту. Значит, и муж знает всё о её грешной вдовой жизни. Однако понял и зла не накопил. И вот теперь идут рядом, рука об руку, несхожая, чуть карикатурная пара, при взгляде на которую у встречных теплеет на сердце. У всех, кроме Ильи Ильича.

Хотя, если вдуматься, никогда Любаша ему в страстных чувствах не признавалась и к телячьим нежностям относилась в высшей степени неодобрительно. Видно, угадывала что-то вешим сердцем и сберегала нежность для того, по ком сердце сохнет.

Закаменев лицом, Илья Ильич шагал навстречу идущей паре. Теперь вся надежда, что его не узнают. Пустые слова никому не нужны, проще всего пройти мимо, не узнавая.

Любаша узнала его с полувзгляда. Счастливая красота

разом слетела с её лица, взгляд затравленно заметался, Любаша даже попыталась свернуть в сторону, но ровно шагающий муж, сам того не замечая, заставил её идти прямо. Уж он-то Ильи Ильича узнать не мог и, почувствовав смятение женщины, лишь крепче прижал её локоть, как бы говоря: «Всё в порядке, ведь я рядом». И своенравная Любаша покорно пошла навстречу Илье Ильичу. Саму её ничуть не смутила бы неловкая встреча, излишней стеснительностью Любаша не страдала, но сейчас она испугалась за ничего не подозревающего мужа.

Они разминулись, не покосив взглядом, и, лишь пройдя десяток шагов, Илья Ильич оглянулся вслед уходящим. В это самое мгновение оглянулась и Любаша. Они встретились глазами, позволив себе наконец узнать друг друга. Может быть, это показалось Илье Ильичу, но в Любашином взгляде светилась благодарность.

Илья Ильич улыбнулся и послал Любаше воздушный поцелуй.

* * *

Теперь, кажется, совсем всё. Сыновний долг отдан, с былыми привязанностями развязался на удивление быстро, старых приятелей искать — охоты нет, от недавнего богатства не осталось и следа, и, значит, можно начинать жизнь сначала. И прежде всего — следует пообедать, потому что после вчерашнего пиршества в уйгурской гостинице у Ильи Ильича росинки маковой во рту не было. Оно, конечно, несмертельно, но если хочешь жить, а не предаваться скорби по несложившейся жизни, — изволь завтракать, обедать, а порой и ужинать.

Илья Ильич пошёл в «Дембель». Серёга сегодня вряд ли появится, других знакомых там нет, значит, можно посидеть за кружкой пива и тарелкой чего-нибудь мясного с большим количеством соуса. И если кто-то захочет обвинить его в бесчувственности, то пусть сам и постится.

Нашлось пиво и баранина по-африкански — тушённая с черносливом и бананами. Вышколенная официантка принесла заказ, а потом вдруг наклонилась и доверительно шепнула:

— Простите, ведь вы тот человек, который здесь с Ильёй был? С афганцем?..

Илья Ильич, ничего не ответив, поднял вопросительный взгляд.

— Понимаете, в газетах написано о неудачной попытке прорыва, а люди говорят, что один человек прорвался.

— Если б я знал... — честно ответил Илья Ильич. — Может быть, и прорвался. Компас молчит.

— Вы его сын?

— Я его отец.

— Ясно. Я же вижу, что вы похожи. Знаете, я очень рада за Илью, за вашего сына... И за себя тоже. — Официантка ослепительно улыбнулась и поспешила объяснить: — Наш ресторан теперь в моду войдёт, уже сейчас посетителей видите сколько? Нам прибавка к зарплате обещана. И всё благодаря вашему сыну. Вот этот столик, где он обычно сидел, будет теперь стоять полмнемона... вы не беспокойтесь, вас это не касается. Вам мы всегда будем рады, и всё по старым ценам, ведь вы его отец...

«Вот оно, дыхание славы», — подумал Илья Ильич. А вслух сказал:

— Я вам очень благодарен.

По каким-то неведомым каналам слух о нём распространился по небольшому залу, Илья Ильич чувствовал на себе любопытные взгляды, и африканская баранина стояла ему поперёк горла. Довольно неприятно, когда тебя рассматривают, словно редкую диковинку, такого австралийского какаду, которого посадили в клетку, но не велели тыкать пальцами, чтобы птичка чувствовала себя естественно. Поэтому Илья Ильич даже обрадовался, когда в кафе впорхнула (опять птичьи ассоциации...) какая-то девица и, увидав Илью Ильича, прямоком подлетела к нему и уселась напротив. Сегодня это ещё можно было сделать, не заплатив полмнемона.

— Здравствуйте, — прошептала она. — А я вас помню. Вы были тут с Ильёй Ильичом.

Теперь и Илья-старший припомнил, кто с ним разговаривает. Непристойно омолодившаяся дама... Илюшка предполагал, что это старая дева пятидесяти лет, которая таким образом лелеет прижизненные комплексы. Чёрт, как же её зовут? Что внешность на триста мнемона — запомнилось, а имя — нет. Что-то ужасно вычурное и неестественное...

— Абсолютной памяти я себе не заказывал, — признался Илья Ильич, демонстративно подцепляя вилкой кусок мя-

са, — так что, простите великодушно, имени вашего я не запомнил.

— Анютой меня звать, — сказала неожиданная собеседница.

Илья Ильич чуть приметно нахмурился. Сын называл эту девушку (или всё-таки деву?) как-то иначе... Антуанетта — точно!.. Ему тогда ещё вспомнилась строчка из позабытого стиха: «Гильотины весёлый нож ищет шею Антуанетты», и он подумал, а получает ли автор, если, конечно, он уже здесь, лямишку за подобное цитирование, если, конечно, цитирует живой человек. Ведь любитель стихов не помнит ни имени стихотворца, ни даже где он прочёл запавшую в душу строку.

— Меня зовут Илья Ильич. — Совсем не представиться казалось неприличным.

— Опять вы смеётесь. — Антуанетта надула губки. — Илью Ильича я отлично знаю, он вместе с вами был.

— У нас в роду всех так зовут, и старших, и младших.

— Ой, так вы братья! — обрадовалась Антуанетта. — А я уж подумала...

«Неужели она такая дура?» — Разговор начал забавлять Илью Ильича. Казалось невероятным, что кто-то умудрился прожить целую жизнь и помереть, сохранив столь сокрушительную наивность. Интересно, что она ответит, если прямо в глаза прочитать ей мораль о недопустимости такой внешности и подобного поведения. Если бы это была проститутка, всё стало бы ясно: ночная бабочка ищет клиентов, охочих до малолеток. Но Илья говорил, что девчонка вполне приличная...

— Простите, запямятовал, как вас по батюшке? — Затруднительно было бы читать мораль, называя собеседницу Анютой или даже Антуанеттой.

— Никак. — Ясные глаза под ресницами, не требующими туши, уставились на Илью Ильича. — Это ваш брат так шутил. Я его по имени-отчеству называла, и он тоже, придумал, будто бы я Антуанетта Арнольдовна. А у меня отчества нет, мама сама не знает, от кого она меня родила.

«Вот те на — дитя городских трущоб». Этого Илья Ильич не ожидал.

— Сколько же вам лет, Анюта?

— Семнадцать.

— Не понял. Вы там прожили всего семнадцать лет или появились здесь семнадцать лет назад?

— Здесь, конечно. А там я нисколько не жила. Нам не велили вспоминать, что было до смерти, но всё равно все вспоминают. Я тоже потратила немножко денег и вспомнила. Меня мама родила дома, засунула в полиэтиленовый пакет, такой, знаете, с ручками, и выбросила на помойку. И когда меня нашли, я уже была неживая.

— Простите, — шёпотом произнёс Илья Ильич.

Мгновение он молчал, осмысливая услышанное. Недавнее желание читать мораль казалось теперь таким ханжеским, что хоть в никуда проваливаясь от стыда. Невыносимо было сидеть под любопытствующими взглядами зевак, словно каждый из них видит его насквозь со всем его самодовольством и менторским тоном, который он, к счастью, успел проглотить вместе с недожёванным куском баранины. И ещё это дурацкое мясо с этими идиотскими бананами; так и видится картинка: жуирующий фарисей поучает бедную девушку. А ведь эта девушка за полчаса настоящей жизни, что выпали ей на долю, испытала такое, о чём ему за восемьдесят четыре года лишь слышать доводилось. Попалась бы ему эта мамаша, в никуда бы закопал, чтобы и памяти не осталось.

— Пойдёмте отсюда, Анюта, — предложил Илья Ильич. — Покажете мне местные достопримечательности, а то я новичок, кроме Цитадели, ещё ничего не видал.

— А как же ваш брат? Он искать вас не станет?

— Простите, Анюта, но Илья мне не брат, а сын. На самом деле я старик, а это, ну вы знаете, можно омолодиться... Я понимаю, получается вроде обмана, но ходить стариком, страдать от немощи, когда так легко можно поправить здоровье... А Илья сюда не придёт.

Анюта легко вскочила из-за стола.

— Ну и пошли тогда. Я вам покажу самое красивое место в Городе.

Они пошли по улице. Илья Ильич обратил внимание, что Анюта идёт просто, не срезая углов, как ходят люди, которым некуда торопиться или у которых очень мало денег. «Срезать углы» — одно из местных словечек, которые успел подцепить Илья Ильич. Это значит ходить, скрадывая расстояние, так, что через пару минут можно очутиться в любом районе города. Правда, такие прогулки стоят денег, хоть и небольших.

— Я всегда удивлялась, — шепетала Анюта, — что на том свете, сколько бы о человеке ни думали, он всё равно составит и попадёт в Отработку.

— Там нет Отработки. Там человек просто старится, — сказал Илья Ильич, отметив про себя, что «тем светом» Анюта называет настоящую жизнь.

— Но ведь там тоже есть деньги. И что же, совсем-совсем нельзя снова стать молодым? Даже если очень много заплатить?

— Совсем, — сказал Илья Ильич. — Это было бы чудо.

— «Чудо, чудо! — все кричали. — Мы и слыхом не слыхали, чтобы лзя похорошеть», — продекламировала Анюта и добавила: — Значит, у нас тут жить лучше.

— Жить вообще лучше, — согласился Илья Ильич.

Они прошли мимо городского парка, куда можно было войти за шесть лямишек, свернули в сторону тихого голландского квартала. Здесь тоже было довольно много зелени, маленькие народы умеют и любят вспоминать дорогих покойников, так что голландцы и на том свете живут лучше многих. Невысокие дома расступились, открыв мощённую плиткой площадь. Пара скамеек, несколько бесплатных муниципальных кустиков и памятник посередине. На невысоком постаменте в мраморном кресле сидит худенькая старушка. Забытое вязание расплалось на коленях, клубок скатился к ногам и ждёт шаловливого котёнка. Застывшее морщинистое лицо, в широко раскрытых глазах плавает масло безмыслия.

«Memento vita»¹, — гласит врезанная в камень надпись.

— Хорошо тому, у кого там бабушка осталась, — тихо произнесла Анюта.

Илья Ильич медленно покачал головой.

— Бабушки должны вспоминать подруг и своих бабушек...

Он хотел добавить, что каждый человек должен сполна прожить обе отпущенные ему жизни, но вовремя прикусил язык, сообразив, что снова впадает в менторский тон, исполненный неосознанной жестокости, и спросил иное:

— А как же ты тут жила — одна?

— Да как и все. Меня бригадники в нихиле нашли и отда-

¹ Помни о жизни (лат.).

ли в приют. Вы думаете, таких, как я, мало? Тут почти в каждом секторе приюты имеются. В русском секторе большой приют. Там я и жила.

— Дорого это?

— Что дорого? — не поняла Анюта.

— Денег с воспитанников много берут? — уточнил Илья Ильич.

— Нисколько... — Анюта была искренне удивлена. — Они же маленькие, как с них деньги брать? У каждого воспитанника был свой кошель, но его специальным шнурком обвязывали и пломбу ставили, чтобы никто туда залезть не мог. Пломба от чужих, а от самих детей — шнурок, он какой-то особенный был, не распутать. А то ведь малыши не понимают, они такого могут натворить, если им позволить деньгами распоряжаться. У некоторых денег было много, их часто вспоминают. Но всё равно, пока он не вырастет, никто не знает, что у него в кошельке. Одевают всех одинаково, и кормят одинаково, и учат. Мальчишки, которые постарше, хвастали, что умеют шнурок распутывать и деньги доставать. Хвастались, у кого сколько мнемон. Даже считалка была: «У тебя один мнемон, у меня один миллион, у кого мнемон нету, в Отработку выйдет вон».

— Н-да... — протянул Илья Ильич, отмечая про себя мрачный смысл считалки и двусмысленность, которая проскользнула в речи Анюты, когда она произнесла слово «натворить». Ведь, скорей всего, она так и понимает это слово: что дети, дорвавшись до мнемон, начнут творить нечто ненужное, а быть может, и вредное. Вот уж действительно бытие определяет сознание.

Они уже никуда не шли, а сидели на бесплатной скамеечке под невидящим взглядом мраморных глаз. Анюта рассказывала, а Илья Ильич слушал, лишь изредка вставляя что-то от себя.

— Там один мальчик был, маленький, ему ещё года не исполнилось, он и ходить толком не умел, так утром нянечка приходит, а его нету — рассыпался. Представляете? Оказывается, его мама ни разу про него даже не вспомнила. Она его придушила и в печке сожгла и с тех пор больше ни разу про него не вспоминала, а другие люди о нём и не знали. Этот мальчик как свой единственный мнемон прожил, так и рассыпался. А другие вырастают — такими богачами становятся!

Иногда в гости заходят, подарки дарят. Тогда нянечки и воспитатели премию получают.

— А вообще им кто платит? Воспитателям, учителям, за еду и одежду для детей?

— Бригадники. У них специальный детский фонд есть, из него и оплачивают все расходы.

Илья Ильич потёр нос, скрывая смущение. Живо вспомнилось, как костерил он бригадников за рвачество, как считал всех без исключения мошенниками. А ведь на этих людях тут всё держится. И эта скамейка, даже если поставлена неведомым доброхотом, в порядке поддерживается всё теми же бригадниками.

— А воспитатели многие работали бесплатно, — сообщила Анята. — Некоторые могли бы в Цитадели жить, а они с нами возятся. У нас попечителем писатель Ушинский, а в соседнем — другой писатель, Януш Корчак простым воспитателем работает, хотя он ещё знаменитее, чем наш. Мать Тереза к нам приходила, подарки дарила всем..

— Надо же!.. — удивился Илья Ильич, который по неграмотности своей в подобных вопросах путал мать Терезу с Дэви Марией Христос и считал авантюристкой, прогремевшей по России в пору её самого печального развала.

— Многих ребят новые родители забирают, — продолжала Анята, — но это трудно — разрешение получить на усыновление. Потом настоящие родители помрут, они ведь обижаться будут. Кроме того, нужно год ждать, а то некоторые сначала захотят усыновить кого-то, а потом расхотят. Это же дорого... то есть это совсем бесплатно, но нужно предъявить десять тысяч мнемонев, чтобы тебе позволили ребёночка взять. Я вот думаю, если бы у вас там так же люди поступали, небось никто бы детей на помойку не выбрасывал.

— Это точно, — согласился Илья Ильич. — Только тогда бы и детей не рождалось, и мы бы все лет через сто вымерли.

— Меня два раза хотели удочерить, но у одних денег не хватило, а другие через год просто не пришли. Развелись, наверное, или расхотели со мной возиться. А вот я бы взяла малыша из приюта, только у меня мужа нет и десяти тысяч мнемонев тоже. Но я иногда ухожу из Города и гуляю по нихилию. Вдруг, думаю, какая-нибудь мама своего ребёночка выкинет, а я его найду. Я бы его в приют не отдала, пусть думают, что я сама его родила, как в том мире.

— А поверят?

— Не-а... — вздохнула Анюта. — Не поверят. Но пока они узнают, пока за ним придут, у меня всё-таки ребёночек будет. А долго его растить я всё равно не смогу, денег не хватит. Нет, вы не думайте, меня часто вспоминают. Мама, как напьётся, так и начинает ныть: «Ах, доченька, ах, лапусенька!» Всем кругом рассказывает, что у неё дочка была, но умерла младенчиком. Люди же не знают, как я умерла, они её жалеют. От каждого мне лямишка, а от мамы — мнемон. А мама каждую неделю напивается, где только деньги берёт? Я же знаю, на том свете деньги сами не приходят, их зарабатывать нужно.

— На водку почему-то всегда деньги находятся, — вздохнул Илья Ильич. Ему было невероятно стыдно слушать эту исповедь, словно он, проживший на Земле восемьдесят четыре года, виноват перед девочкой, убитой через полчаса после рождения. Достать бы тварь, которую Анюта называет мамой, не понимая, что в это слово вкладывается иной, великий смысл.

— А ещё дворник меня вспоминает, — продолжала Анюта, — тот, что меня нашёл. Каждый раз, как подходит к мусорным бакам, так и вспоминает. Страшно ему, что снова что-нибудь такое попадётся. Но он меня живой не видел, от него лямишка приходит. И когда пьяный — тоже вспоминает, иногда и другим рассказывает. Я тогда себе праздничный обед устраиваю или на танцы хожу. А что, это обязательно напиваться, чтобы других вспоминать? Я как-то попробовала — противно... и голова потом болела, лямишку пришлось тратить на лечение.

— Необязательно, — сказал Илья Ильич, — просто некоторые иначе не умеют. Душа у них заостенела. От водки она сперва немного отмякает, а потом ещё хуже — вроде как на следующий день голова болит.

— Понятно... — протянула Анюта. — То есть на самом деле ничего не понятно. Вот вы там много прожили, расскажите, как это в том мире жить? Я вроде бы всё знаю, и в школе училась, и рассказывали нам, и фильмы видела, а всё равно чего-то не понимаю.

«Тебе бы, по совести говоря, и сейчас ещё нужно в школе учиться, а не по ресторанам ходить», — чуть было не произнёс Илья Ильич, но вовремя прикусил язык. Что изучать в школе детям загробного царства? Науки естественные для

них вроде сказок — не вводить же в программу нихилеведение или отработкологию? Языки понадобятся — их можно за минуту все выучить, сколько на свете есть, было и будет впредь. Вот и остаётся литература, спорт, хорошие манеры и немножко истории. А для этого десять лет за партой сидеть не нужно. И как только человеческий детёныш ухитрится распутать хитроумный узел на опечатанной мошне, он отправляется в самостоятельную жизнь, в которой не будет работы, любовь окажется бездетной, да и сама жизнь станет зависеть от поступающих из другого мира мнемонеров. Человеку, сполна прожившему ту жизнь, эта кажется сладким десертом, а если иной жизни и не знаешь? «Ах, какое огорчение вместо хлеба есть печенье!» Как рассказать человеку, ничего, кроме печенья, не пробовавшему, о вкусе ржаного хлеба?

И в согласии с этой пищевой ассоциацией Илья Ильич произнёс:

— Анюта, ведь вы, наверное, голодная, я вас сорвал на прогулку, не дав пообедать. Давайте пойдём куда-нибудь, вы перекусите, а я вам попытаюсь рассказать, как жилось на том свете.

Они покинули площадь, перешли узкий канал со стоячей водой (и такое есть в Городе!) и в датском секторе отыскивали крошечную едальню, которые здесь назывались «кро» и славились домашней кухней. По какому-то неведомому признаку Анюта определила, что эта забегаловка дешёвая и, значит, тут можно просто поесть. Им подали жирную балтийскую сельдь, запеченную с сыром «данбо», свекольный салат и картофельное пюре, взбитое до состояния июльского облака. На десерт был рис алемань, какого в Германии не попробуешь. Издавна известно, что лучшие франзолы пекут не во Франции, а в Петербурге, а сладкий германский рис по-настоящему умеют готовить лишь в Дании. Немцы его вечно недосаливают, и популярный десерт начинает неприятно напоминать кутью.

Илья Ильич ещё не успел привыкнуть ко вкусному разнообразию мировой кухни, а Анюта лопала датскую экзотику с аппетитом проголодавшегося, но ничуть не удивлённого человека. После обеда Илья Ильич жестом остановил Анюту, потянувшуюся было за деньгами, и заплатил за обоих. Ему всё ещё было неловко, словно он в чём-то виноват. И, выпол-

няя своё обещание, он старательно рассказывал о первой жизни, которая для Анюты была «тем светом».

— Понимаете, здесь живётся легче, приятнее, в чём-то даже интереснее, но тот мир бесконечно разнообразней, хотя многие этого просто не замечают. Попробуйте здесь выйти за городскую черту — всюду нигиль и редкие островки чудиков, которые пустились там дрейфовать. Люди жмутся друг к другу, так достигается хоть какое-то разнообразие. Я сначала не мог понять, почему всякие секты и замкнутые общества почти не создают собственных поселений, которые бы не признавали Города, а то и враждовали с ним.

— Как это — враждовать? — искренне не поняла Анюта. — Вот, не нравится тебе кто-то, так можно сделать так, что ни он тебя видеть не будет, ни ты его. Говорят, в Городе таких много, некоторые вообще невидимками живут. А ещё есть сновидцы, они тоже ни с кем не встречаются.

— А как быть с теми, кто хочет других заставить жить по-своему?

— Такие тоже бывают, — согласилась Анюта, — только они долго не живут. Вы, может быть, слышали, недавно один такой подорвал себя перед Цитаделью.

— Слышал, — улыбнулся Илья Ильич. — Он очень громко подорвался, трудно было не услышать. То же обычно получается и со всеми остальными. Деньги расфукают — и нет их. А у нас там ничего подобного: поедом друг друга едят. И никакого наказания за вмешательство в чужую жизнь не полагается. Очень многие из самых скверных людей, попав сюда, живут в Цитадели, и ни совесть, ни людская молва им не указ, потому что память о себе оставили хоть и скверную, но громкую. Не важно, убиваются по тебе или проклинают, мнемоны получают одинаковые.

— Это несправедливо, — согласилась Анюта.

— Только если бы было иначе, то насилие прорвалось бы и сюда. А так никто никому ничего плохого сделать не может.

— Может... — Анюта продолжала неспешно подцеплять ложечкой взбитые сливки, шапка которых кучилась поверх риса, но что-то в её безмятежном голосе заставило поверить, что и здесь при желании можно сделать плохое, очень даже можно.

Тогда Илья Ильич, которому больше ничего не оставалось, начал рассказывать не о людях, а о природе и своей ра-

боте, которая порой природу губит, но без которой тоже никак. Рассказывал о зарослях иван-чая вдоль просеки, по которой будет проходить трасса, о землянике, рдеющей на вырубках, о майских соловьях, чьё пение душисто, словно цветы черёмухи. О таёжных завалах, где стволы упавших столет назад лиственниц кажутся нарочно сделанными насыпями, поросшими зелёной шубой мха. О том, как неистребимо любопытный барсук выходит взглянуть исподтишка на работающих людей, как осы свирепо защищают свой бумажный дом, как медведь по ночам обнюхивает оставленную на объекте технику, а с первыми проблесками утра бесшумно растворяется в тумане, оставив на размешанной гусеницами земле отпечатки лап, удивительно похожих на ногу небывалого великана, страдающего плоскостопием.

— Главное, что этот мир создан людьми для людей, здесь продумана и оплачена каждая мелочинка, а тот — существует сам по себе и для себя. Именно поэтому он столь необъятно велик.

— И поэтому там нужны дороги? — тихо спросила Аня.

— Поэтому — тоже.

По домам расходились далеко за полночь. Впрочем, в Городе полночь понятие весьма относительное. Работали кафе и рестораны, гуляли люди. Где-то далеко в африканском секторе стучали тамтамы, и Илья Ильич с удивлением обнаружил, что понимает, о чём они говорят. Рассказывали, что некий рашен прорвался в Цитадель, но никто не знает, как ему это удалось. Аня, свободно изъяснявшаяся на нескольких языках, видимо, не была всеобъемлющей полиглоткой и оставалась в безмятежности. Заволновалась она, только когда Илья Ильич вздумал проводить её до дому. На возражение, что молодой девушке не годится ходить одной по ночному городу, она удивилась так искренне, что Илья Ильич даже опешил и лишь потом сообразил, что там, где не может быть никакой опасности, меняются и понятия о приличиях, и человеку, не знавшему настоящей жизни, не понять его тревоги.

Договорились, что завтра Аня зайдёт за ним и сводит в китайский сектор, где есть очень красивая пагода.

— И ещё там есть маленькая цитаделька, в которой живёт Мао Цзэдун. Он не захотел жить в Цитадели, и ему построили отдельную резиденцию. Тоже красивая, только туда никого

не пускают. Охраны там море, но никто их не штурмует, потому что охранники там ничего не получают.

Илья Ильич кивнул, подумав мимоходом, что моря Анюта никогда не видела и не увидит, так что слово это для неё имеет только переносный смысл, примерно как для него пампасы, где только и осталась настоящая воля.

— Ненадолго это, — произнёс он вслух. — По политикам память непрочная. Нет, конечно, в учебниках он ещё долго останется, и в Цитадели за ним место будет зарезервировано, но чтобы отдельную цитадель в одиночку содержать... К тому же фанатики, которые его обожают, скоро повымрут, а новых взять негде. Что он тогда делать станет?

— Это все знают, — согласилась Анюта. — Вон, в немецком секторе Гитлер тоже бункер выстроил. Хотел даже отдельный нацистский сектор делать и на остальных войной ходить. Говорят, тогда многим деньжата перепали, когда гитлеровцы пытались силой свои порядки наводить. Но они быстро растратились и на нет сошли. А сам Гитлер как миленький в Цитадель уполз и носа оттуда не кажет. Ведь он в живом мире такого натворил, нам рассказывали...

— Не очень-то он миленький, — вздохнул Илья Ильич, попавший на фронт в январе сорок второго и дотащивший свои понтоны до самого Одера.

Этой краткой политинформацией и закончился романтический вечер, вернее, романтическая часть вечера, потому что, когда Илья Ильич за полночь явился домой, он увидел на лестнице обиженную физиономию Серёги. Оказывается, Сергей решил провести небольшую рекогносцировку, навестив брошенное спортивное оборудование. И там один из охранников прокричал ему обидные слова.

Илья Ильич внимательно выслушал сбивчивую Серёгину ругань, затем спросил:

— Вы что, вправду ничего не поняли? Это же Илья весточку передать умудрился: мол, всё в порядке, устроился, принят за своего. Или вы думаете, что охранники согласились бы хоть что-то, кроме ругани, передать? Это же ясно как дважды два и сбоку бантик!

— Об этом я не подумал, — растерянно произнёс Сергей. Он потёр лоб и добавил: — Вот только почему у вас всякие планы, а все шишки — мне?

«Наверное, потому, что и впрямь ты умом недалёк», —

подумал Илья Ильич, но вслух этого говорить не стал. Долго заливал что-то Сергею, успокаивал, но избавиться сумел, лишь сказав, что устал как собака, на ногах не стоит и хочет спать.

— А вы знаете, — сказал Сергей на прощание, — сегодня ко мне на трапедию народ валом валил. Я тут прикинул, получается, что я сегодня в ноль вышел, первый раз за все эти дни.

— Вот видите, — покивал Илья Ильич. — К сожалению, это интерес временный, да вы и сами это понимаете...

На следующее утро Анюта позвонила в его дверь, когда сам Илья Ильич, отвыкший от ночных бдений, ещё не продрал глаза. Однако ни полюбоваться красивой пагодой, ни поглазеть на приют великого кормчего им не удалось. От русского сектора до китайского конец неблизкий, а Анюта по-прежнему углов не срезала, и Илья Ильич, которому впервые не прибыло ни лямишки, тоже не торопился тратиться, предпочитая пешую прогулку. В результате они сбились, заплутав в бразильском секторе, где всюю шли приготовления к карнавалу. По стенам домов развешивались гирлянды, на площади устанавливались колёса для будущих фейерверков, где-то уже гремела музыка, и люди, пока ещё не наряженные, танцевали румбу.

— Интересно, — заметил Илья Ильич, — ведь это очень дорогое удовольствие — карнавал... кто его организует и за какие шиши? Насколько я понимаю, сюда может прийти любой человек из любого сектора, причём совершенно бесплатно.

— Может, — подтвердила Анюта. — Только человек, пришедший сюда веселиться, и деньги тратить будет здесь. Есть, пить, сувенир какой-нибудь купит, который самому не изготовить. И местные жители во время карнавала меньше дома сидят, больше тратятся. Торговцам это выгодно, вот они и организуют праздники.

— А чего ж тогда карнавал раз в год? Делали бы каждый месяц.

— Каждый месяц нельзя, люди устанут и не будут на карнавал ходить. Это же основы маркетинга, неужели вы этого в школе не проходили?

— Анюта, вы представить себе не можете, чего я только в школе не проходил. И что я проходил — тоже. Больше всего нам внушали, что торговать — плохо, а воевать — хорошо.

— Зачем воевать? Нам рассказывали про войны, но я, наверное, глупая, у меня это в голове не укладывается.

— По здравом размышлении такое и не должно укладываться в голове. А воевать нас учили до полной победы мировой революции. Впрочем, этого лучше тоже не понимать. Давайте лучше обедать. Всё равно мы заблудились и в Пекин сегодня не попадём. Вот вроде бы неплохая забегаловка...

— Что вы! — Анюта замахала руками. — Это очень дорогой ресторан! Тут всё гораздо дороже, чем в соседних!

— Что-то я не понимаю, — признался Илья Ильич. — Что такое они могут предложить, что дёрут такие деньги? Кухня всюду выше любых похвал. Блюда готовятся, а не придумываются, хотя я этих тонкостей не понимаю. Обслуживание везде в высшей степени вежливое. Музыка живая, хотя я опять же ничего в этом не понимаю. Какого ещё рожна надо?

— Во-первых, посуда разная...

— И там и там — серебро, чешский хрусталь, саксонский фарфор или что-нибудь в этом роде. Бумажных тарелочек я тут ни у кого не видал.

— В простых ресторанах посуду моют, а в дорогих весь хрусталь и фарфор после первого же использования бьют, а следующему посетителю делают новые тарелки. У них специальные ювелиры работают, хрустальщики и художники по фарфору.

— Чушь какая! — воскликнул Илья Ильич, вспоминая свой похудевший кошелёк. — С жиру народ бесится. Правильно их бригадники потрошат.

— А ещё в дорогих заведениях безопасность на высоком уровне и приватность обеспечена.

— Какая безопасность? Что тут вообще можно сделать человеку?

— В дешёвом кафе подойдёт кто-нибудь и сядет за ваш столик. А вам, может быть, не хочется, чтобы он рядом сидел. А он ещё возьмёт и примется из вашей тарелки есть. Некоторые этим промышляют, особенно цыгане. А вы ему ничего и сделать не сможете, потому что никакого стыда у него нет, а бить его нельзя.

— Наверняка можно что-то придумать!

— Давно придумано. Можно за пару лямишек превратить свою еду во что-нибудь жутко тошнотворное. За это тоже ничего не будет, ведь это твоя еда и ты её хулигану не предлагал,

он сам хапнул. Но и хулиганы это знают, поэтому они только один кусок хватают, а потом сидят и смеются. А некоторые нарочно ещё возьмут, а потом стошнят тебе прямо на костюм. И опять они правы, ведь это ты сделал еду такой. Тут как ни верти, а безнаказанный хулиган всегда перед нормальным человеком будет иметь преимущество. Поэтому в маленьких закусочных вроде вчерашней редко бывает больше одного столика.

— А как же в «Дембеле» обходятся?

— Никак. Просто ставят блок на нежелательных посетителей. Для всех вход свободный, а им нужно заплатить такую сумму, что закачаешься. Так что каждый хулиган в каждом ресторанчике может учинить дебош только один раз в жизни.

Илья Ильич покивал, соглашаясь, и они пошли дальше. Совсем неподалёку они сыскали дешёвое заведение, но ни поест, ни отдохнуть в прохладе не сумели. У самых дверей путь им преградила молодая, нелепо покрашенная девица. Была она столь вызывающе ярка, что можно было к гадалке не ходить, что внешность свою корректировала она сама без помощи специалистов и даже без доброго совета человека, обладающего хотя бы задатками хорошего вкуса. Волосы под платиновую блондинку, ярко-чёрные глаза чуть не в поллица, пухлые губки, вывернутые таким бантиком, что и у кукол не встретишь. На чудо-диву никто не обращал внимания, принимая её за деталь грядущего карнавала. Во время праздника некоторые богачи специально изменяют внешность, отращивая себе рога, хвосты, всевозможные горбы, когти и прочие немыслимые уродства. Полностью переродиться в чудовищную химеру могут лишь сновидцы в своём призрачном существовании, но вырастить пару рожек способен любой, заплативший по сто мнемон с рога, — есть такие специалисты в особо дорогих салонах красоты.

Разодета бабёнка была под стать своей внешности — в пух и прах, что для карнавала также вполне естественно. Хотя карнавал ещё не начался, дива была пьяна в дымину, как умеют напиваться лишь русские бомжихи. Атропиновые глазщи то начинали яростно сверкать, то норовили расплзтись в разные стороны, личико, так недавно отреставрированное, покрывали красные пятна, которые через несколько месяцев беспутной жизни образуют на нежной коже склеротический рисунок. Платье было измято и не перепачкано только пото-

му, что на мостовых города мусор долго не держался, проваливаясь в нихиль.

И, как и следовало ожидать, заговорила супердива по-русски:

— Вот они где! — Голос красавица позабыла обновить, и он явно прибыл из прошлой жизни: сиплый, прокуренный и пропитый голос истаскавшейся алкоголички. — А я вас ишу. Что, не узнали, да? Не узнали...

Илья Ильич ни мгновения не сомневался, что узнавать ему некого. Ни в той, ни в этой жизни не бывало у него подобных знакомых. Даже если допустить, что голос тоже изменён специально к карнавалу, то развязную хамоватость, исполненную природного свинства, подделать было бы просто невозможно. Искусство имиджмейкеров в этом вопросе бесильно. И лишь потом он понял, что хотя обращается встречающая шлюха к нему, но вся игра, ею затеянная, направлена на Анюту. Девушка стояла растерянная, лицо её было белым, словно его простирали с разрекламированным порошком. Конечно, ведь у неё есть способность, если понадобится, мгновенно вспомнить любого, хотя бы раз встреченного человека. И никакой маскарад не позволит остаться неузнанным. А возможно, здесь и нет никакого маскарада, скорей всего, они встретили одну из подруг Анюты по детскому дому. Какие бы великие педагоги ни пестовали умерших детей, неудачи в работе всегда возможны, и теперь Анюта с ужасом глядит на бывшую подружку, с которой лучше всего было бы вовсе не встречаться.

— Простите... — начал было Илья Ильич значительным голосом, но говорить ему не дали.

Девушка впервые сфокусировала на нём осмысленный взгляд и произнесла:

— А бойфренд у тебя ничего, только староват малость. Ну, да это не беда, омолодится, были бы денежки. А ты меня так и не узнала... нехорошо, дочура, это же я, твоя мамочка.

Илью Ильича как обухом по затылку тыкнули. Так, значит, это Анютина мать?! Та самая стерва, которую он желал бы в нихиль зарыть... «Ну, держись, тварюга! Думаешь, ничего тебе не сделаю, налёт интеллигентности помешает? Ошибаешься... на трассе и не таких бичей случалось к общему знаменателю приводить».

— Так, — произнёс он резко, — значит, это вы и есть! Вы

разыскиваете по обвинению в убийстве вашей дочери. Вы имеете право хранить молчание, однако предупреждаю, что всё вами сказанное может быть использовано против вас!

Всё-таки любое знание рано или поздно бывает востребовано. Сколько одиноких вечеров было убито перед голубым телепузырём за унылым просмотром бесчисленных дюдилов, и вот теперь дурацкая фраза, приехавшая из американского криминального быта, пригодилась. Любопытно, как отреагирует на неё пьянчужка.

— Чево?! — протянула бомжиха. — Ты, парень, мне лапшу на уши не вешай, я законы знаю, у меня за всё заплачено! Кого это я убила? Вот моя дочка, живёхонька!.. Ничего ты мне не сделаешь, запомнил? Сам ты убийца, понял? Я тебя ещё за растление малолетних привлеку! Пойдём, доченька, угостишь мамочку со свиданьем... А на этого дурака наплюй, я тебе такого парня найду — закачаешься!

Анюта пятилась, испуганно глядя расширенными глазами, но по всему было видно, что сейчас она сдастся и пойдёт за своей мамашей, словно морская свинка на полдник к удаву. А обвинительная речь, так блестяще начатая Ильёй Ильичом, не произвела вообще никакого впечатления. Несомненно, бригадники, сквозь цепкие руки которых прошла покойница, обобрали её начисто, но дело своё они знали, так что бомжиха отлично усвоила правила нового бытия и была морально готова к любому повороту событий.

Впрочем, права есть и у Анюты, ничего мамаша насильно сделать не сумеет, всё её преимущество в отсутствии души и беспредельной хамоватости, а это — не слишком большая сила.

Илья Ильич наклонился к Анюте, ухватив её за плечо, и шепнул:

— Блок ставь!

— Не могу! — простонала девушка.

— Тогда я сам!

— Вы чего там сговариваетесь? — возопила бомжиха. — Удрать хотите? Не выйдет!.. Я законы знаю, ты мне ещё алименты платить будешь, я тебе мать родная, не кто-нибудь, ты меня вообще содержать обязана!

В этому времени Илья Ильич управился с блоком. Как его ставить, он не знал и взял за образец блок, стоявший в дверях дорогого ресторана. Денег Илья Ильич потратил не слишком

много, так что и цена входа оказалась не так высока: теперь за право поговорить с дочерью бомжика должна была заплатить тридцать мнемонеров. И она их заплатила, скорее всего не поняв, что слышит предупреждение, а просто решив, что Илья Ильич вздумал чем-то угрожать ей.

— Чтoб я ещё платила с родной дочерью говорить? — возопила она и ухватила Анюту за плечо. — Идём отсюда, а с этим чмом я попозже разберусь!

В следующую секунду она беспокойно завертела башкой, почувствовав потерю денег. Илья Ильич успел отметить мельком, что бригадники хотя и грабят подчистую, но основным навыкам жизни в царстве мёртвых обучают. Он, например, так и не умеет на раз определять сумму потраченных мнемонеров, а пьяная стерва делает это с лёгкостью.

— Воруёга!.. — завизжала мамаша, сверкая глазищами. — Креста на тебе нет! Да я тебе яйца вырву и вкрутую сварю!

Синие наманикюренные ногти полоснули воздух у самых глаз Ильи Ильича, но достать не сумели, видимо, в кошельке стержочки уже не доставало денег для решительных действий. Ругаться она ещё могла, а вот вцепиться в харю — нет.

Илья Ильич взял Анюту под руку.

— Пойдём отсюда, — едва ли не повторил он фразу своей противницы, — видеть её не хочу.

Дюжина лямишек исчезла из кошелька, и бомжика беспомощно завертела головой, пытаясь сообразить, куда подевалась дочь со своим вредным ухажёром.

— Но ведь она сказала, — беспомощно пробормотала Аня, — надо её угостить... она же моя мама...

— Аня, я вам потом всё объясню. Это не мать, вспомните, что она с вами сделала. Да подумайте, в конце концов, хочется вам сидеть вместе с ней, пить водку и слушать её пьяный бред?

— Н-нет...

— Вот и идём отсюда. А она пусть пьёт с кем-нибудь другим.

К этому времени бомжика сообразила, что произошло, вытащила кошель, высыпала наличность на ладонь, но обнаружила лишь несколько лямишек — явно недостаточно, чтобы взламывать чужую оборону.

— Ограбили!.. — запричитала она. — Караул!

Прохожие со скучающим любопытством посматривали в её сторону, подходить с соболезнованиями никто не торопился.

— Да что же это творится? — Две мутные слезинки повисли на сантиметровых ресницах. — Родная дочь, дочура мамочку ограбила! Я к ним с поцелуями, а они ко мне с х... — На этом ригористически настроенное мироздание, не позволяющее оскорблять чужой слух непригожими словами, обрезало монолог на полужвуке.

Илья Ильич едва ли не силком вёл Анюту сквозь предкарнавальную сутолку. Вид у девушки был потерянный, иногда она что-то беззвучно шептала, и на ресницах, точно так же как у матери, поблёскивали слёзы. Только ресницы были свои и слёзы — настоящие, а не выдавленные алкоголем. Рассказывают, будто некий естествоиспытатель полжизни потратил, чтобы установить биохимическую разницу между искренними слезами и тем, что выделяется под действием лука и иных слезогонных веществ. В фальшивых слезах больше белка, так что в крайнем случае они оказываются мутными. Стоило тратить годы, чтобы установить факт, интуитивно известный всякому?..

Как всегда, размышление на отвлечённую тему помогло Илье Ильичу взять себя в руки, и он начал успокаивать Анюту. Должно быть, именно его бессмысленных слов и не хватало девушке, чтобы окончательно потерять самообладание и разреветься.

Скамеек в бразильском секторе не водилось, в случае нужды люди безо всяких комплексов усаживались на тротуар, но Илья Ильич зачем-то тащил рыдающую спутницу по оживлённой улице, не зная, что с ней делать, и радуясь, что не принято в Городе подходить к незнакомым и тем более интересоваться, что случилось... ведь тогда нужно будет и помочь в случае нужды. А возможно, попросту Город скрыл от взглядов толпы рыдающую девчонку, чтобы не мешать ей плакать, а им веселиться.

— Ведь у меня же никого больше нет... — наконец сумела выговорить она связную фразу.

Что можно было возразить на этот выкрик? Илья Ильич сказал единственное, что ему оставалось:

— А я? Я же никуда не делся.

— У вас семья, сын... Друзей миллион, вы в прежней жизни вон сколько прожили... что я вам...

И тогда Илья Ильич рассказал, что Илюшки больше нет... то есть он есть и даже никогда не умрёт, но и увидеться с ним нельзя. Рассказал, как ходил к матери, а обнаружил чужую, выжившую из ума старуху (а ведь мать у него была настоящая — не чета стерве, что называла себя Анютиной мамочкой). Рассказал, что семья за тридцать лет разлуки сгнила напроць, а настоящими друзьями он так и не обзавёлся. Приятели имеются, большинство уже давно здесь, а настоящих друзей так и не нашёл. Дружба любит постоянство, а он всю жизнь провёл перекасти-полем, даже последние годы, когда из колонны перешёл в управление и высиживал пенсию в чиновничьем кресле. В ту пору у начальства не стоял вопрос, кому ехать через полстраны с ревизией или на приёмку объекта, посылали Илью Ильича, зная, что он лёгок на подъём, а дело знает как свои пять пальцев, так что вокруг единственного пальца его никто не обведёт. Вот только должность такая не способствует обрастанию друзьями. Так что вокруг пальца Илью Ильича обвела судьба, оставив его одиноким как перст. Простая, самоочевидная ситуация, которую легко можно объяснить на пальцах.

Конечно, не всё и не так рассказал Илья Ильич, но главного добился, Анюта перестала плакать, а слушала, завороченно кивая головой.

— Знаете, у кого-то из русских поэтов, у Бунина, кажется, есть стихотворение об одиночестве, так оно кончается строчкой: «Хорошо бы собаку купить». Но у меня даже собаки не было, куда я её дену со своими разъездами? А когда немощь нагрянула, то тем более — сам ног не таскаю, какая тут собака... да и была бы — сюда её не привезёшь, хоть сто прививок делай и двести справок бери.

Анюта кивнула в очередной раз и тихо сказала:

— У воспитанников в детдоме была своя сказка или вроде сказки, такая история. Её нельзя чужим рассказывать, поэтому никто и не знает. Будто бы где-то среди нихилия есть поляна. Ты не думай, нам мультики показывали, так что я знаю, что такое поляна. Там трава растёт, солнышко светит и летают бабочки. И нигде нет ни одного человека. Людям туда нельзя, потому что это вроде Цитадели, только не для людей, а для животных. Ведь есть же знаменитые животные, которых помнят уже тысячу лет. Главный среди них — Буцефал, конь Александра Македонского. А помогает ему Инцитат, который

был римским сенатором. И когда у какой-нибудь девочки или мальчика умирает любимая зверушка, она попадает туда. У них там мнemoнов нету, у них сразу получается для котёнка миска молока и диван с подушками, для шенка — косточка, а для лошадей — трава и речка. Вот так прямо посреди поляны стоит диван, а на нём лежат кошки.

— Красиво... — сказал Илья Ильич.

— А ты не смейся! — почему-то обиделась Анюта. — У нас хоть и приют, а всё было: и собака, и кошки. Настоящие, только котят не рождалось. Собаку Бурбас звали. Говорят, ей уже больше ста лет. Хозяин у неё давно рассыпался, а перед смертью пришёл и подарил её приюту, сказал, что не может больше её содержать.

— Что ж не продал? — спросил Илья Ильич.

Анюта удивлённо уставилась на него.

— Друзей не продают, — сказала она убеждённо.

Они уже снова шли по русскому сектору, углубляясь всё дальше от центра, от ярких огней, музыки, от ресторанов и казино, от панорамных кинотеатров, муниципальных скверов, музеев и памятников. Вокруг скучнел спальный район, где обитают жители, берегущие каждую лямишку. Дома и здесь оставались элитными с виду, но почему-то казались не такими нарядными, как в центре. Благородная бедность сквозила в каждом окне. Наконец возле одного, ничем не примечательного дома Анюта остановилась.

— Вот здесь я и живу, — произнесла она сдавленным голосом.

Илья Ильич, державший Анюту под руку, отпустил её и погладил по рукаву, словно успокаивая маленького ребёнка.

— Идите сейчас, отдохайте, — произнёс он, почему-то переходя на «вы», — а завтра всё-таки попытаемся куда-нибудь сходить. Главное, не надо бояться, эта женщина сюда не придёт, блок я поставил надолго. Да она небось уже и забыла всё как есть, валяется где-нибудь пьяная... Но если хотите, я посижу с вами, покараулю немножко.

— Спасибо, — чуть слышно проговорила Анюта. — Сидеть со мной не нужно.

Она повернулась и побежала к парадному.

— Жду завтра! — крикнул Илья Ильич.

Массивная деревянная дверь гулко хлопнула.

Илья Ильич постоял несколько секунд, глядя на окна и

стараясь представить, за каким из них живёт Анюта. Потом пожал плечами и пошёл к центру, к бывшему Илюшкиному, а теперь своему дому. Прошёл шагов двадцать, оглянулся, снова пожал плечами. Странно было на душе. Девчоночка, годная ему во внуки, если не в правнучки, пробудила чувства совершенно не отеческие, и только что стоило немалых усилий развернуться и уйти, не напросившись в гости. Тем более что там, в квартире, номера которой он не спросил, нет строгих родителей и вообще никого.

— Бес в ребро... — пробормотал Илья Ильич, признаваясь самому себе в абсолютно недопустимых чувствах. Потом он вздохнул, успокаиваясь и представляя, как завтра Анюта ни свет ни заря поднимет его и они отправятся в китайский сектор, но, конечно, опять не доберутся. Илья Ильич знал, что на этот раз он не проспит, а поднимется задолго до звонка и будет ждать его с мальчишеским замиранием сердца. И впрямь бес в ребро; в потустороннем мире бесам раздолье.

Анюта не позвонила и не пришла.

Обманутые ожидания оказались вдвойне неприятны, поскольку Илья Ильич, и впрямь вскочивший среди ночи, от нечего делать принялся пересчитывать наличность и обнаружил прибавку в двадцать девять мнемон. Это не были живые воспоминания, мнемона оказались немymi, сообщив лишь, что получены они в качестве платы за поставленный блок. Получается, что деньги, которые заплатила пьянчужка, пошли не Анюте, как полагалось бы по совести, а ему. Когда Илья Ильич сообразил это, его огло стыдом, и он ждал Анюту, думая в первую очередь о том, как будет извиняться и возвращать несправедные деньги.

А Анюта не пришла. Обиделась или просто не сочла нужным прийти. Давно известно, хочешь испортить отношения с человеком — задолжай ему побольше денег или дай крупную сумму займа. Отношения будут испорчены прочно и навсегда.

Илья Ильич просидел день взаперти, питаясь чаем и плохо придуманной яичницей, а на следующий день отправился сам разыскивать Анюту. Некоторое время он бродил по безликим спальным кварталам, пока не убедился, что даже дом точно определить не сможет. И только затем сообразил, что адрес можно узнать любого человека, а не только близкого родственника.

Адреса у Анюты не оказалось, перед глазами возник уже

знакомый индекс, указывающий на квартал призраков. Стараясь унять холодную дрожь в груди, Илья Ильич поспешил за слабым сигналом временного маячка. Да не может этого быть, так просто не бывает. Какой же Анюта призрак? Тёплые ладони, растерянная улыбка, наивные рассказы, особо страшные в своей наивности... Скорей всего, она просто отправилась зачем-то в этот квартал, кого-то навестить или одиноко посидеть среди развалин, а адрес указал не квартиру, где её сейчас нет, а место, где она находится в данную минуту. Ну, конечно, так оно и есть, ведь адрес этот — тот же маяк, просто временный, на один день...

В квартале призраков ничто не изменилось, да и не могло измениться. Те же археологические обломки, сохраняющие подобие памяти о позабытых людях, те же засыпанные пылью свитки и папки документов, та же тишина и неподвижность. И так же, как три дня назад, не потревожив рыхлой пыли, из ниоткуда появилась человеческая фигура.

— Анюта, — прошептал Илья Ильич, — что же это с тобой?

Она улыбнулась виновато, словно извиняться собралась, и ничего не ответила.

«Мать умерла, — наконец сформулировал Илья Ильич истину, в которой не хотел признаваться самому себе, — а больше Анюту вспоминать некому. Дворник со своими лямишками не прокормит...»

— Он уже давно на пенсии, — ответила Анюта на непрозвучавшую мысль.

— Что ж ты не сказала, что у тебя совсем денег нет?

— У меня оставалось немножко, но я их отдала. Она сказала, что я обязана её кормить, и я отдала...

Илья Ильич застонал, схватившись за голову.

— Что ж ты мне не сказала? У меня твоих денег тридцать мнемонев. Я просто тогда ещё не знал об этом...

Анюта молчала, и видно было, что судьба мнемонев её мало волнует.

— Почему ты не сказала?

— Я сказала, что я тут живу, но оказалось, что я вам не нужна вовсе. Зачем мне эти мнемоневы?

— Ты мне нужна, — холодея, выговорил Илья Ильич. — С чего ты взяла, что не нужна?

— Если девушка позволяет проводить себя до самого дома, значит, она к себе приглашает. Это все знают. А ты не

пошёл. У других девчонок всё просто получалось, а у меня вот... я даже не целовалась ни разу.

— Анюта, — выдохнул Илья Ильич, — смотри, вот твои деньги, много... Ты же всё помнишь, возьми, ещё можно всё вернуть! Не уходи, ты мне нужна! Ну что я тут буду без тебя делать?!

Она не ответила словами, лишь отрицательно качнула головой, и в этом движении утонули все беспомощные доводы.

Илья Ильич наклонился и поцеловал бесплотные губы.

* * *

Долина Лимбо в любую сторону уходит в бесконечность, демонстрируя, что для человеческой памяти пределов нет. Думайте, живые, вспоминайте, фантазируйте — сюда вместится всё. Но пока что миллиарды живущих сумели создать лишь один Город, окружённый океаном нихилия. И одни лишь умершие фантасты утверждают, что где-то вдали, на космических расстояниях, располагаются города, в которых обретают посмертие непрителевшие инопланетяне. Не верьте профессиональным брехунам, никого там нет, только блёклая ровность нихилия. И можно идти в любую сторону, пока всякое отчаяние не растворится в бескачественной субстанции. Нихиль лечит всё, но никогда не торопится.

Который уже раз топтал Илья Ильич окаянный кисель, шагая неведомо куда. Позади остались развалины квартала призраков, теперь можно идти, не думая ни о чём, разве что об Афоне, который уловит сигнал проснувшегося маяка, прибежит, прочтает назидание, а потом начнёт лечить смирновской монополькой под уйгурские хичины. Ох, как много и вкусно приходится питаться в мире невещественном! Набитый желудок тоже хорошо заглушает боль опустошённой души.

А чем ещё заняться покойнику? Лучшее спасение — работа, но её нет, а мысль о развлечениях не вызывает ничего, кроме тошноты. Мудрое спокойствие музеев сейчас не для него, режущее безумие спортивных и гладиаторских арен — тем более. Суматоха маскарадов, надуманные проблемы театральных постановок, абстракции публичных диспутов (и такие есть!) — всё кажется ненужным и звучит фальшивым диссонансом.

Такое и в прошлой жизни бывало, хотя там никогда не

винил себя в чужой смерти, разве что однажды, когда сдуру не выгнал с работы вечно пьяного чикировщика и того в конце концов придавило упавшим стволом. Официально он тогда отделался лёгким испугом — выговором и депремированием, тем более что алкоголиком должен был заниматься мастер. Но на сердце было скверно, и, чтобы излечиться, Илья Ильич часами бродил по болоту, продираясь сквозь ракитник и заросли чистотела.

В Лимбо не росло непролазных кустов и трав, осыпаящих брюки дождём цепляющих семян, тут можно шагать в любую сторону, и благодетельная усталость обещает явиться не скоро. Остаётся простор для медленных, тяжёлых мыслей, что так удачно изгонялись гнусом и паутиной, которая, если вовремя не сбить её взмахом руки, налипнет на глаза, губы, нос... в результате приходится тереть грязную физиономию немытыми ладонями, а потом мыться тёмной водой медленного лесного ручья, постепенно возвращаясь к жизни. В Лимбо есть только нихиль, душа здесь остаётся наедине с собой и в одной себе должна искать силы для обновления.

Какая глупость, он всего лишь вовремя не подумал о ближнем — и вот человека нет! Причём это уже второй раз. И если с тётей Сашей он был новичком, дурнем, ничего не понимающим в загробной жизни, то сейчас обязан был сообщить, что раз мамаша-убийца явилась сюда, то, значит, Анюта стоит на грани развоплощения. Мог, обязан был предложить помощь, даже не зная о проклятых тридцати мнемонах. Так ведь нет, сглотнул похотливые слюнки и ушёл, расхваливая себя за целомудрие и не думая, что лишил девчонку не только жизни, но и любви, пусть не настоящей, а кучей, загробной... хотя бывает ли ненастоящей первая любовь?

Теперь мучайся, старикашка, терпи молчаливый взгляд совести. Хорошо тем, кто в убогости своей верует в господа. Они точно знают, что такое хорошо и что такое плохо, всё это решено за них и записано в дряхлых книгах. Плохо называется грехом, хорошо — праведностью. Праведники будут замаринованы в райской скуке, грешники зажарены в аду. К тому же для грешников существует надежда, что любой грех может быть прощён безудержным милосердием божьим. Спросить бы Анютину мамашу, простится ли ей убийство младенца, наверняка сказала бы, что грех отмолен. Крестик-то у неё посреди декольте болтается, а вот душа давно где-то потеряна, и

милосердие господне, заменившее совесть, тому очень способствовало. А тут — сам большой, сам маленький, не на кого переложить груз, стой лицом к лицу со своим грехом.

В прежней жизни Илье Ильичу не раз приходилось слышать ханжески-удивлённое: «О каком грехе вы говорите? Вы же неверующий, значит, никакого греха для вас нет: воруйте, убивайте, распутничайте... Главное для вас — в милицию не попасть».

Обычное дело, всякий меряет других по себе. Привыкнув к мысли, что на небесах сидит грозный надсмотрщик, добропорядочный христианин перекладывает на бога ответственность за собственные поступки и искренне полагает, что если бы не божий запрет, он непременно стал бы насильником и убийцей. Что же, ему виднее, быть может, он и станет. Насильничать, убивать, грабить — характерно для рабов, которым вдруг перестала грозить плётка. Рабы божьи в этом смысле не являются исключением. А человеку неверующему приходится быть человеком самому, без помощи божественных кар. Единственный его помощник — совесть, без которой вполне может обойтись благопристойный христианин.

И ещё от греха удерживает грех.

В грехах мы все — как цветы в росе,
Святых между нами нет.
А если ты свят — ты мне не брат,
Не друг мне и не сосед.

Я был в беде — как рыба в воде,
Я понял закон простой:
Там грешник приходит на помощь, где
Отвёртывается святой¹.

Грех — это поступок, за который нас мучает совесть.

«Помилуйте! — возопит христианин. — А если у человека совести нет? Вон, Анютина мать выбросила новорождённого младенца на мороз, и ничто в душе не дрогнуло, она что — безгрешна?»

Да, безгрешна. Спросите её саму, и она подтвердит, что если грех и был, то давно прощён. Для её поступка в русском языке есть другое слово: «преступление», — жаль, что закон не сумел дотянуться до убийцы. А если бы младенца, по несчастью, заела свинья, то не было бы и преступления, ибо для

¹ Стихотворение Вадима Шефнера «Грешники».

свиней законов не написано и преступать им нечего. Это было бы злодеяние. Свинью, совершившую такое, зарежут без суда и закопают подальше от глаз людских. Но никто не назовёт свинью ни грешницей, ни преступницей.

Так они и стоят рядом — три понятия справедливости: грех, преступление, злодеяние. За грех человек карает себя сам, за преступление наказывает закон, за злодеяние — обычай. А для бога места нет, бог и справедливость — понятия несовместные, так что зря религия пытается подгрести понятие греха под себя.

Человек, раз в жизни испытавший благодетельные муки совести, уже не станет бездумно творить что ни попадя, прошлый грех стоит на страже, сохраняя чистоту души. А святой подобен невинному голубку, которому неведомы жалость и доброта. Биология давно знает это; запирайте в одной клетке двух волков — они подерутся, но побеждённый останется жив. А возьмите голубка и горлицу, тех, что, по наивному уверению песенки, никогда не ссорятся. Святая невинность не знает греха, и дело кончится убийством слабейшего, причём убийством медленным и жестоким, ибо крошечным клювиком несподручно убивать. И никто не вспомнит о жалости, жалость и сострадание доступны лишь тому, кто знает вкус крови.

Благословен будь спасительный грех!

Но порой жизнь складывается так, что прошлые грехи не могут предусмотреть всего и предупредить от совершения новых. Такое называется недомыслием, и, когда с человеком случается подобная беда, ему остаётся шагать по бесплодной равнине, не находя в нихиле никакого утешения. Остаётся думать ни о чём, в сотый раз пережёвывая пресную мысль. Остаётся самому себе проповеди читать, да такие, хоть на публичный диспут с ними выходи... мало ли что ещё можно... нихиль терпит и растворит всё.

Долина Лимбо в любую сторону уходит в бесконечность.

* * *

Что-то в беспредельной ровности привлекло внимание. Чуть заметное тёмное пятно на сером фоне. Сидящий человек, позой своей пародирующий не то роденовского мыслителя, не то Мефистофеля работы Антокольского. Илья Иль-

ич послушно отправился туда. В первое мгновение ему представилось, что там мучается новичок, ещё не осознавший окончательно, что за жуть с ним произошла, и оттого особенно перепуганный. В такую минуту появление рядом обычного человека, того же Афони — материального и прозаичного до мозга костей, может сберечь новичку немало нервных клеток, которые, впрочем, в здешних палестинах вполне благополучно восстанавливаются.

Интересно, как здесь обходятся с душевнобольными? Должно быть, вылечивают с лёгкостью, и люди живут, вспоминая прежнее бытие с недоумением и обидой. Единственная болезнь, которая считается неизлечимой в мире, созданном людской памятью, — склероз. Да и то соматические его проявления исправляются на раз. И всё-таки лишние мучения потому и называются лишними, что их быть не должно.

Илья Ильич побежал, увязая ногами в непрочном грунте. Очень хотелось закричать: «Иду, сударь, иду!» — но дурная стеснительность удержала язык, а потом Илья Ильич разглядел, что сидящий облачён в какую-то накидку и вообще не выглядит человеком, только что окончившим земной путь. Скорей всего, это такой же бедолага, ушедший в никуда подалше от людских глаз.

Хотя никуда идеально скрадывает шаги, а Илья Ильич так и не выкрикнул ничего, однако незнакомец немедленно поднял голову и в упор взглянул на Илью Ильича. И с этой секунды язык уже не поворачивался называть его незнакомцем, ибо облик встречного был известен Илье Ильичу с самого школьного детства. Тёмные блестящие глаза, тёмные волосы, противу всех циркуляров не тупеем завитые, а стриженные под горшок, нос с лёгкой горбинкой, уныло нависающий над чёрными, без малейшей проседи усами... Новый памятник на Малой Садовой удивительно точно угадывал внешность этого человека... хотя, возможно, жители Цитадели с годами начинают походить на свои изображения, копируя бесчисленные портреты и монументы.

— Здравствуйте, Николай Васильевич. — Сиплый звук с трудом протиснулся сквозь перехваченное горло.

Сидящий продолжал смотреть молча, на лице не отражалось никаких чувств, даже вполне понятного ожидания. И Илья Ильич подумал вдруг, что не случайно он встретил именно этого человека, ибо не было на Руси писателя с более вос-

палённой совестью, нежели Николай Васильевич Гоголь. Но судьба, послав ему эту встречу, не станет более помогать, так что, если желаешь услышать вещее слово, изволь задать непраздный вопрос. И вот этого-то вопроса, в поисках ответа на который мы открываем книги гениев, Ильи Ильич и не мог сформулировать.

— Мне... — выдал он наконец, — нужна ваша помощь.

— *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*¹, — проговорил Гоголь, кажется, самому себе.

Фраза показалась столь неожиданной, что Илья Ильич, несмотря на купленное владение языками, не сразу понял, что было сказано. И лишь потом сообразил, что встреча не зря произошла именно в нихиле. Человек, понявший суть жизни, сюда не сбежит, Лимбо — долина отчаяния, а полтора века — срок вполне достаточный, чтобы вполне отчаяться. Так что не помощи нужно ждать, а спешить на помощь.

— Николай Васильевич! — с чувством произнёс он, мимоходом отметив неизбывную странность такого простецкого обращения к великому. — О чём вы? Смотрите, жизнь не кончена, надежда всегда светит человеку.

Смотреть среди нихилия было особенно некуда, а фраза Декарта «Пока живу — надеюсь» пришла в голову позже, вместе с мыслью, что вряд ли Гоголь сильно уважает картезианство. Хотя трудно сказать, какие взгляды могут образоваться у человека, умершего полтора столетия назад и все эти годы прошедшего в Цитадели среди самых выдающихся людей.

— Кончена.

И опять слово упало безадресно, сказанное не то самому себе, не то бесчувственному пространству, но никак не Илье Ильичу.

— Неправда. — Илья Ильич решил бороться до последнего. — Пускай здесь нет солнца, земли и неба, но есть люди, оставшиеся живыми, несмотря на свою смерть. Вы нужны этим людям, и, значит, вы сами живы.

— Тут нет людей. — Взгляд чёрных глаз, словно привезённых из Италии, где Гоголь провёл худшие свои годы, наконец осмысленно остановился на лице Ильи Ильича. —

¹ Оставь надежду, всяк сюда входящий — цитата из «Божественной комедии» Данте (лат.).

Кругом одни трупы нарумяненные, а я первый среди вас. Душно...

Почти цитата, произнесённая автором, живо напомнила Илье Ильичу разговор с отцом, который помнил только то, что сохранилось в памяти живых. Неужто такая же судьба ждёт любого из живущих в Цитадели? Тогда всё, что он сделал для Илюшки, было зря.

— Не верю, — возразил Илья Ильич таким же не подлежащим обсуждению, императивным тоном. — Ваши книги, повести и комедии, вами написанные, продолжают жить там, среди живых. Вас помнят, читают, любят. О какой смерти вам можно говорить?

— Смерть души. Книги, написанные по глупости, которые я устал проклинать, не дают сгнить ветхому Адаму, отчего нет освобождения душе. Простой земледелец стократ счастливее величайшего среди избранных: он прожил в нищете отпущенные ему дни, умер и забыт. За свои малые грехи он отмаялся в здешнем чистилище и воссоединился с господом, а те, кто прогремел в мире суетной славой, вынуждены прозябать здесь вечно. Грех гордыни — страшнейший среди прочих, за него я и наказан.

— Оставьте. — Илья Ильич уже вполне усвоил манеру говорить, выставляя точку после всякой фразы. — Есть грехи страшнейшие. Недавно я видел одну женщину. Она убила своё дитя, но её преступление осталось неизвестным. — «Что за чушь, каким языком я выражаюсь?» — мелькнула неуместная мысль, но остановиться или сменить лексику Илья Ильич уже не мог. — За своё преступление она не понесла никакого наказания ни при жизни, ни сейчас. Скоро она пропъёт последние монеты — и что? — воссоединится с господом? И вообще, о каком чистилище вы говорите? Вы же православным были при жизни.

— Я и сейчас православный. А чистилище — это фигура речи, не более. Не суетному разуму определять строение мира. Никакого доверия разуму оказывать нельзя, особенно в отношении путей и препятствий к спасению. Что мы можем знать о той женщине? Быть может, она страдала от содеянного так, что сполна искупила свой грех. Недаром же она пьёт горькую чашу.

Илья Ильич усмехнулся, вспомнив отреставрированную,

но уже опухающую морду Анютиной матери. Вот уж точно — страдальца, такую ещё поискать!

Куда-то исчез пиетет перед писателем, которого ставил выше иных и прочих. Гений сгинул, остался всего лишь христианин, не отличимый от квакера, что мыл посуду в заведении уйгура. Вера всех стрижёт под одну гребёнку и умеет нивелировать самый могучий ум и самую великую душу.

— А ведь в Цитадели вместе с вами обитают многие святые мужи, отцы церкви, в том числе и православной... Как это согласуется с утверждением о наказании за грехи?

— Свят не поп, святая благодать, — раздражённо ответил собеседник. — Много званных, мало избранных. Значит, лживая молва зря объявила этих людей безгрешными. Тот, кто устроил сущее, разбирает самые шекотливые струны души, и раз эти люди здесь, значит, тому есть причина.

— Удивительной должна быть причина, собравшая в одном месте всех, кем человечество по праву гордится.

— И тех, кого оно стыдится, тоже, — эхом откликнулся Гоголь. — От нас ждут смирения, но тщеславие людское не знает границ, и сюда люди принесли все свои пороки. Игриша, балетные скакания, разврат и гордыню. И никто не хочет задуматься, отчего на стенах стоят воины Нимврода и Навуходоносора.

— Тиглатпассара Третьего, — поправил Илья Ильич, который перед штурмом специально этот вопрос проштудировал.

Однако Гоголь не заметил поправки или не счёл нужным заметить её.

— Прежде эти люди были ловцы зверей, теперь они ловцы душ. Но ловят они не для царя небесного, а для своего господина. Нас стерегут наши собственные пороки, а мы живём, словно внешняя смерть не касалась нас траурным крылом. Подумать только, Пушкин до сих пор пишет стихи! Пушкин, который умел видеть правду, как никто! Зачем и для кого?

— Для людей.

— Здесь нет людей, — заученно повторил Гоголь. — Все умерли. Все!

Разговор слепого с глухим, состоящий из утверждений, всякое из которых вопреки смыслу и правилам грамматики заканчивается безапелляционной точкой.

И тогда Илья Ильич задал вопрос, которого не должен был задавать:

— Скажите, а вам не кажется, что на самом деле вы умерли не в пятьдесят втором году, а в ту минуту, когда швырнули в огонь вашу книгу?

Сидящий вскочил, замахал руками, крылатка чёрным непотырём забила над плечом:

— Прочь! Прочь! Дьявол!

Почему-то Илье Ильичу почудилось, что сейчас его швырнёт, словно от стен Цитадели, но всё же перед ним был не древний ассириец, а писатель, проникавший некогда в самые глубины человеческой души. И как бы ни калечила его жестокая болезнь, ударить ближнего он не может. Особенно ударить при помощи ненавистных денег.

Гоголь побежал, тоже без помощи лямишек и мнемонов, увязая ногами в рыхлом, побежал, как спасается человек от страшного и отвратного зрелища. Илья Ильич молча смотрел вслед. На сердце было страшно и отвратно. Ещё какая-то часть души скончалась в эту минуту.

ГЛАВА 8

За день прибыло десятков мнемонов и едва ли не полсотни лямишек. А вроде бы никаких юбилеев в живом мире не предвиделось, как и кампаний под лозунгом «Вспомнить былое». В прошлый раз подобная прибыль случилась, когда Юле задали в школе вычертить генеалогическое древо семьи. Юля была дочерью Лики и родилась уже после смерти Ильи Ильича. Собственно говоря, Лика с мужем завели второго ребёнка сразу, как только въехали в освободившуюся квартиру. Хоть и цинично говорить такие вещи, а куда деваться от правды? Многие семьи живут ожиданием, когда же наконец попримрут старики и можно станет вздохнуть чуть свободнее. Хорошо хоть, Лика не забыла упомянуть его среди старших родственников, а потом старательная пятиклассница ещё выспрашивала маму, и вместе они даже сыскали в пухлой папке с документами свидетельство о смерти и орденские книжки, так что даты жизни оказались не перепутаны, а когда на уроке спрашивали о предках, воевавших в Отечественной войне, Юля выглядела не хуже других. А самому Илье Ильичу и мне-

монов досталось, а уж лямишек насыпало от всего пятого «Г» класса. Получается, что в новых школьных программах тоже порой проскальзывают положительные моменты.

На этот раз причина для прибыли оказалась совсем иной. В управлении списывали бумаги, те, что не подлежат хранению в архивах. А подписей Ильи Ильича на исторических документах не стояло. Не перекрывал он Енисей и Ангару, не долбил стокилометровые тоннели, не разворачивал вспять великие реки. Просто строил дороги, по которым ездят, не интересуясь, кто клал асфальт. И акты приёмки вкупе с дефектными ведомостями хранят до первого капитального ремонта. А потом списывают в макулатуру.

Сегодня списывали в макулатуру Илью Ильича. Прорву скоросшивателей с подшитыми бумагами, давно уже ненужными, до которых прежде не доходили руки, потащили во двор, где и спалили, невзирая на недовольство пожарной охраны. Но прежде документы наскоро просмотрели. Начальство отдало такое распоряжение порядка ради, а юный топограф, по благу попавший в управление и в жизни не бывавший в поле, занялся этим делом на предмет любопытных редкостей и анекдотов. Люди знающие подтвердят, что именно в старом делопроизводстве скрыты самые блестящие нелепицы и удивительные жизненные случаи. На этот раз улов любознательного чиновника был невелик, бумаги, составленные Ильёй Ильичом, акты, докладные и дефектные ведомости не содержали материала для бессмертной рубрики «Нарочно не придумаешь». Зато подпись под документами развеселила молодого человека чрезвычайно.

— Гляньте, какая фамилия! — воскликнул он, демонстрируя сослуживцам украшенный печатями лист. — Каровин! Представляет, через «а» написано!

Первая лямишка скользнула в кошелёк Илье Ильичу.

Гоша Дозис, давно уже не Гоша, а Георгий Моисеевич, ведущий специалист, дослуживающий последние предпенсионные денёчки, подошёл, наклонился над столом, листанул бумаги, кивнул, соглашаясь:

— Был у нас такой. Между прочим, заслуженный строитель.

Это была неправда, не дали Илье Ильичу почётного знака, на пенсию он уходил в бурное андроповское правление,

когда о наградах и мысли в голову прийти не могло. Но мнемон, доставшийся от Гоши, оттого не стал менее весом.

— Белорус, наверное, — оторвавшись от компьютера, подала голос одна из сотрудниц. — У них там так и пишут: «Карова».

— Бульбеник, — процедил молодой. — Я их знаю, им только бы в город да на тёплое местечко.

«Чем кумушек считать трудиться», — подумал Дозис, и мысль его ясно донеслась к Илье Ильичу, когда он зажал полученный мнемон в ладонях.

А вслух постаревший Гоша произнёс:

— Этот Каровин, боевой старичок, живчик, можно сказать, тридцать лет дороги строил, а к нам уже напоследок явился. Он на дорожном строительстве зубы съел, к нему все наши спецы консультироваться ходили. И, между прочим, он всю войну отпахал. На майские приходил, так медали на груди не помешались. И не юбилейная чешуя, а боевые награды. Полный кавалер «Славы», между прочим.

Это тоже было преувеличение, «Славу» Илье Ильичу дали всего однажды, за форсирование Вислы, но слушать такое было приятно.

— Понятно, — возгласил юный хлыщ, чьим именем Илье Ильич даже интересоваться не стал. — Да, были люди в ваше время. Тогда и солнце ярче светило.

— А то нет, что ли? — оскорбился Георгий Моисеевич, и разговор уплыл в сторону.

Однако в течение дня обиженный невниманием Гоша ещё кое-что припомнил о бывшем коллеге и даже побеседовал о нём с одним из старых работников, который тоже не позабыл и фамилию Каровин, и самого Илью Ильича. Хотя и был приятель из другого отдела, но и ему случалось спрашивать совета у человека, который всю строительную мудрость руками превзошёл.

А хлыщ, оставивший по себе самое неприятное впечатление, выдрал из дела лист с подписью и потом несколько раз развлекал удивительной фамилией знакомых девиц, так что шлейф лямиишек тянулся целую неделю.

Казалось бы, нужно радоваться, за один день прибыло деньжиш на год аккуратной жизни, но веселья не было. Илье Ильич понимал, что такого рода всплески будут всё реже и реже. Всего-то дюжина лет прошла со дня его ухода, а он уже

вполне забыт. Родственники, те, что постарше, вспоминают его раз в год, сослуживцы и бывшие соседи — и того реже. Приятели, сверстники — все уже здесь и сами мыкаются, экономно расходуя нещедрое подаяние потомков.

Бурно отметив своё появление в загробном царстве, Илья Ильич быстро остепенился и жил, ничем особо не выделяясь из общей среды. Обитал в комнате, которую по старой памяти звал Илюшкиной, по ристалищам и дорогим развлекаловкам не ходил, стараясь экономить деньги, которых оставалось не так много. Отыскал кое-кого из старых знакомцев, но оказалось, что бывлые приятельства рассыпаются ещё надёжнее родственных связей. Всухую русский человек вспоминать прошлое не умеет, а загробная денежка — не чета пенсионным грошам, со временем тутошняя пенсия не растёт, а усыхает. Хорошо тому, у кого правнуков и праправнуков десятками считать можно, он хоть и на голодном пайке сидит, а семейная память прокормит. А одиноким да тем, кто от глупости или по иной причине ограничился одним балованным дитятей, — им совсем конец приходит. Но и те и другие домой знакомых приглашать не торопятся, а если и согласятся встретиться, то где-нибудь на нейтральной территории, так, чтобы каждый платил за себя сам.

Увы, теперь скромная сумма в полмнемона казалась огромной, и Илья Ильич начал привыкать, что обедать каждый день вовсе не обязательно, а можно недельку и попоститься, тратясь лишь на воздух да на поддержание в порядке немудрящего быта. Лямишку за комнату (тут главное — следить, чтобы не накопилось слишком много барахла, иначе будет дороже), ещё лямишку за воду и совсем чуть-чуть на библиотеку. Библиотеки в Городе имелись в каждом секторе и поражали взгляд непредставимым богатством фондов и дешевизной обслуживания. Видимо, это была одна из услуг, которые дотировались вездесущими бригадниками. За одну лямишку можно было целый день сидеть в читальном зале, а за две — взять любую книгу домой на три дня.

Сначала Илья Ильич увлекался посмертным творчеством любимых писателей, а затем нечувствительно вернулся к тем книгам, которые читал при жизни. Несколько книг даже купил, хотя книги стоили недёшево, но жить, не имея возможности снять с полки любимый томик, оказалось выше сил. Рассказы Чехова, «Повесть о Ходже Насреддине» Леонида

Соловьёва и томик избранных стихотворений русских поэтов. Поэтическую антологию Илья Ильич составил сам и на следующий день получил от благожелательного библиотекаря готовую книгу. В ту пору Илью Ильича весьма занимал вопрос: тётя Саша свою библиотеку тоже заказывала у специалистов или она настолько любила и помнила эти книги, что сумела создать их сама? Илья Ильич тоже был страстным книжником, а вот памяти на прочитанное у него не было.

Книги Гоголя, некогда самые любимые, Илья Ильич перечитывать не смог.

Мучимый праздностью, Илья Ильич попытался посещать бесплатные мероприятия, но это в большинстве оказались собрания всяческих сект и тому подобных обществ, так что он зарёкся развлекаться на дармовщинку. Тёмные люди, одним своим присутствием выпивающие жизнь из окружающих, есть и среди мёртвых, от таких следует держаться подальше. Зато на собрании одного из клубов Илья Ильич обустроил личную жизнь. Хотя, если быть точным, роль Ильи Ильича в этом деле оказалась совершенно страдательной. Зашёл сам не зная зачем, соблазнившись на вывеску «Клуб» и надпись на дверях «Вход свободный», и попался на зуб энергичной американке. Почему-то думал, что в клубе собираются какие-нибудь коллекционеры: филуменисты или филателисты, нумизматы, маловразумительные бонисты или собиратели значков, а значит, выставка будет под объяснения восторженного дилетанта. Потом уж сообразил, что коллекционирование в потустороннем мире занятие вполне бесперспективное — подлинников, как ни старайся, ни одного не найдёшь, а наилучшими копиями любой может разжиться за самые смешные деньги. Так что с клубами филуменистов в Городе туго, да и нумизматы нечасто встречаются. А уж клуба в самом центре, где до любого сектора рукой подать, им вовек не построить.

Гостеприимное заведение оказалось клубом знакомств. Хитроумное устройство в дверях отсеивало шлюх и альфонсов, пропуская лишь тех, чьи помыслы чисты. А поскольку Илья Ильич представления не имел, куда заходит, а значит, помыслы имел невинные, то его, разумеется, пропустили. Только бэдж на груди появился с именем, прижизненной фотографией и жирно выписанным числом «восемьдесят четыре», обозначающим истинный возраст потенциального жени-

ха. Кто захочет обмануться, тот обманется, а тут всё должно быть честно, и вошедший в бесплатное заведение заранее на эти условия соглашается.

Прежде чем Илья Ильич сумел сообразить, куда его занесло, на него уже положили глаз.

Строгого вида дама, моложавая и спортивно-подтянутая, подошла и, нимало не смущаясь, принялась считать с бédжа данные. У самой дамы имелась точно такая же карточка, и на ней также красовалось крупно выписанное число «восемьдесят четыре». Ровесница, значит. Хотя кто его знает, сколько лет или десятилетий американка провела в здешних краях? То, что перед ним американка, не вызывало у Ильи Ильича ни малейших сомнений. Удивительным образом американские бабушки, даже самые старенькие, напоминают не бабушек, а тёток. Не видно в них всепонимающей доброты, зато через край хлещет громогласная энергия и безапелляционность, именно для тёток и характерная. Всё это можно было воочию наблюдать и на омоложенном оригинале, и на фотографии, изображающей всё ту же энергичную особу, но в её реальном виде. То, что внешности американка не поменяла, пришлось Илье Ильичу по душе.

— Здравствуйте, мисс, — галантно произнёс Илья Ильич, поклонившись и быстренько прочитав имя, выведенное на визитке.

Даму звали Лилиан Браун — имя, вполне подходящее как для американки, так и для кого угодно.

— Вы квакер? — Голосом экзаменатора спросила Лилиан.

— Боже упаси, — ответил Илья Ильич, с душевной судорогой вспомнив проповедника, могущего посуду в заведении уйгура. — С чего вы так решили?

— Ваше имя... Илия...

— Не Илия, а Илья. Это русское имя, я русский.

— О!.. — протянула та полувосхищённо-полуутвердительно. — Вы тот самый русский медведь! Это очень хорошо, теперь вы неопасны, вы не сможете построить здесь свою империю зла.

— О чём вы? — искренне удивился Илья Ильич.

Далее он в течение пяти минут выслушивал поток благоглупостей, содержащий все ложные стереотипы, которые лет двадцать тому назад бытовали среди очень средних американцев. Илья Ильич узнал о своей стране и народе столько неле-

пых мнений, что не счёл нужным даже возражать. Сказал лишь:

— Мисс, клянусь, я никогда не занимался строительством империй. Я действительно строитель, но всю жизнь строил исключительно шоссе́йные дороги.

— *Imperia est viae*¹, — произнесла Лилиан на плохой латыни и почему-то вдруг рассмеялась, чем немедленно расположила Илью Ильича в свою пользу. Смеяться она умела по-человечески, хотя зубы (разумеется, свои) всё равно казались украденными с рекламного проспекта модного зубопротезного кабинета. Но тут уже ничего не поделаешь, американская улыбка давно и, видимо, навсегда для всякого неамериканца стала эталоном искренности.

А вообще, если не касаться в разговорах никаких тем сложней проблем домашнего быта, Лилиан Браун оказалась замечательной женщиной. С ней было легко и просто, и как-то само собой получилось, что через день Илья Ильич был приглашён домой к новой знакомой. А поскольку он уже знал, что означает такое приглашение, то всё получилось без каких бы то ни было переживаний и душевного надрыва. Даже с Любашей подобной простоты не было, там всё же какие-то чувства замечались. «Просто встретились два одиночества», — как любила напевать бывшая подруга. Лилиан не допускала в отношения даже таких чувств. И уж тем более речи не шло о любви. Это был секс в химически чистом виде, слегка сдобренный приятельскими отношениями.

Зато секс Лилианы Браун оказался виртуозным, чего никак нельзя было предполагать, глядя на её замороженную внешность. Сначала эта особенность сильно привлекала Илью Ильича, но с течением времени акробатические этюды в постели малость поднадоели и напоминали уже не любовные игры, а производственную гимнастику, до которой Илья Ильич никогда не был охотником. Впрочем, главную свою задачу: вымывать из головы вредные размышления о смысле жизни — подобного рода семейная жизнь выполняла успешно. Как говорится, регулярный жидкий стул есть свидетельство твёрдости духа. То же можно сказать и о многих иных регулярных вещах.

¹ Империя — это дороги (*лат.*).

Контактов с Людмилой не было ни малейших, об Илюшке — ни слуху ни духу. При жизни коптел один, и после смерти — то же самое. Раз в году, после родительской субботы, когда появлялась пригоршня шальных лямишек, Илья Ильич отправлялся к уйгуру и проводил вечер в обществе Афони, который каждый раз встречал его радостными криками. Из воздуха добывалась четверть «Смирновской», уйгур приносил сибирские деликатесы, за которые каждый платил из своего кармана. Вечер заканчивался громким пением «Глокой куздры», в которой с течением времени появилось больше десятка куплетов:

Ежели куздра вдруг будлать не станет бокра,
Будет бокр небудланутый,
Что уж вовсе неприлично...

С Лилианой они тоже иногда выходили в свет, куда-нибудь в итальянский или испанский сектор Города, где не было знакомых ни у него, ни у неё. Почему Лилиана так заботилась, чтобы никто случайно не прознал об их связи, Илья Ильич понять не мог. Уж, кажется, не дети, если суммировать годы настоящей жизни с годами нынешнего посмертия, то каждому будет под сто. В таком возрасте можно не стесняться досужих пересудов, однако авторитет княгини Марьи Алексевны был для американки непререкаем.

Во время этих культпоходов каждый платил сам за себя. Сначала подобное равноправие раздражало Илью Ильича, который был твёрдо уверен, что за даму обязан платить мужчина, но в этом вопросе он встретил столь же твёрдое убеждение, что дружба дружбой, а табачок врозь. Можно гулять вместе и старательно заниматься сексом для взаимного удовольствия и пользы здоровью, но кошелек у каждого свой, и сколько там лежит мнемон — никого не касается. С течением времени Илья Ильич начал разделять эту точку зрения, поскольку мнемоны стали для него большой редкостью и платить за даму он уже не мог бы при всём желании.

По американским меркам дом у Лилианы был более чем скромнен: две не слишком большие комнаты, в одной из которых располагалась столовая (она же гостиная), во второй — спальня, где и проходила большая часть свиданий. Спартанская простота убранства говорила о том, что Лилиана тоже не слишком богата. Так или иначе на поддержание в порядке

всякой вещи приходится выделять деньги. Это в реальной жизни с безделушки достаточно временами стирать пыль и она будет храниться вечно. Тут не потратишь полагающейся лямиишки — сама вещица пылью развеется. В кварталах Отработки тому масса примеров.

Какие-то безделушки были и у Лилианы. Человек, живущий благодаря чужой памяти, не может не ценить собственные воспоминания и просто обязан хранить сувениры и сувенирчики. Исчезновение дорогих сердцу вещичек предшествует гибели самого человека. Потому и стоят на комодах и в сервантах декоративные чашки, самодельные подсвечники, лежат в шкатулах брошки и колечки, которые никогда не надеваются в качестве украшения, но берегутся пуще зеницы ока. Какие именно воспоминания связаны у Лилианы с румяной пастушкой саксонского фарфора и что за фотографии скрываются в семейном альбоме, Илья Ильич не знал, а сама Лилиана рассказывать не посчитала нужным. Разговаривали они на какие-то странные темы, Лилиана рассказывала о своём парикмахере, о пасторе методистской церкви, о какой-то Элизе, чья глупость не знает границ. О себе — ни полслова. «Мой дом — моя крепость» — поговорка английская, но и американцы частенько ей следуют. Илья Ильич даже не узнал, была ли замужем его подруга, есть ли у неё дети и вообще кто присылает мнемоны почившим в бозе гражданам Соединённых Штатов.

Соответственно, и сам Илья Ильич не особо распространялся о бывшей жизни. Кое-что, конечно, рассказывал, даже имена называл, так что Лилиана обогатилась ещё одним заблуждением, полагая, что Людмила и Любаша — разные формы одного имени. Илья Ильич чуть было не ляпнул, что и Лилиану следовало бы добавить в этот список — до кучи, но вовремя прикусил язык.

Чтение, прогулки и еженедельные (а то и дважды в неделю) секс-рандеву — вот и всё, чем наполнял Илья Ильич по-смертное существование, в которое он прежде не верил, которого не просил, но привык к нему чрезвычайно быстро. Прогулки были непременно пешими, то бишь безо всякого срезания углов. Всё равно торопиться некуда. Зато в одиночестве или под руку с Лилианой Илья Ильич побывал на всех карнавалах, маскарадах и праздничных шествиях, что бывали организованы для развлечения скучающих горожан. Ещё

одним достоинством Лилианы было то, что, оказавшись под маской и не рискуя быть узнанной, она немедленно сбрасывала всю свою чопорность и выплясывала такое, что каблуки дымились.

В каждом секторе раза два в год случались праздники, бывавшие жизнь из привычной колеи. Районы, прежде тихие, наполнялись гуляющим людом, гремела музыка, полыхали фейерверки, и каждая пядь свободного пространства покрывалась лотками, откуда расхваливали свой товар всевозможные офени. В обычные дни мелкие торговцы, а заодно и мошенники всех сортов, предлагающие прохожим спустить неведомо на что всю свою наличность, на улицах не показывались. И дело здесь не в запретах, просто арендная плата, от которой невозможно уклониться, оказывалась так высока, что торговать с рук было просто невыгодно. А в праздник все поборы такого рода отменялись, и мелкий частник торопился урвать свою лямешку. Не раз и не два, проходя по праздничным улицам, Илья Ильич вспоминал гимнаста Серёгу. Это ж сколько деньжищ он спустил, выставя в будний день свой спортивный зал возле самых стен Цитадели?

Опять же, нищенство и назойливая реклама... В дни больших праздников они считались как бы частью антуража и отличались особой специфичностью для каждого городского сектора. А в будний день человек, которого достала бесцеремонная реклама, запросто мог слупить с рекламщика пару лямешек. И поскольку реклама и попрошайки надоели всем ещё в той жизни, то промысел этот оказался жутко убыточным и процветал лишь в дни торжеств.

Особенно много туристов из других секторов привлекала русская Масленица. В эти дни на улицах и площадях русского сектора появлялся снег, оплаченный гильдией торговцев, снег ложился и на загородном спидвее, проложенном специально для любителей быстрой езды. Но в эти дни по шоссе мчались не автомобили, а аэросани и гремящие бубенцами тройки. Устроители жгли чучело зимы, возводили нетающие ледяные скульптуры и торговали блинами, окупая все свои небольшие расходы.

И если глянуть внимательно, то каждый день хотя бы в одном из секторов великого города мёртвых шумел особый, только этому сектору свойственный праздник.

Так прошло лет... двенадцать, кажется, или тринадцать?

Илья Ильич начал сбиваться со счёта. В Городе снег выпадает по расписанию, и весна, которую ждёшь как начало новой жизни, приходит только после того, как её оплатили добрые дяди. Новый год здесь, конечно, празднуют, шумно и со вкусом, но он быстро забывается, так что сбиться со счёту немудрено. По-настоящему о времени напоминает лишь похудание кошелька.

Неожиданные деньги, полученные от бывших сослуживцев, позволили решить одну из неприятных проблем — старость. В своё время Илья Ильич омолодился до сорокалетнего возраста, и теперь он выглядел как пятидесятилетний. Лилиана уже дважды напоминала ему, что пора бы омолодиться. Для старожилов это дело привычное, да и не слишком дорогое. Поддерживать вещь в порядке куда дешевле, чем мастерить заново, — эта немудрящая истина справедлива и для такой вещи, как собственное тело. За пяток мнемонов Илья Ильич вернул себе сорокалетний возраст, а заодно и сексуальные способности, которые так ценила требовательная подруга. В охладевших было отношениях разгорелся новый огонь. «...и частенько составляли они животное о двух спинах и весело тёрлись друг о друга своими телесами», — всё-таки мудрый французский монах знал всё о человеческой природе.

Однако даже вечный огонь не может гореть вечно. Для него требуется пища более серьёзная, нежели добродетельный разврат Лилианы Браун. Находиться рядом становилось просто неинтересно, и к тому времени, когда пришла пора омолаживаться в третий раз, отношения сошли на нет. Илья Ильич подумал и, махнув рукой, не стал омолаживаться — сэкономил горстку денег.

Удивительным образом во время последней встречи между ними проскользнуло что-то напоминающее человеческие чувства. Оба знали, что это последняя встреча, Лилиана была не так воспитана, чтобы оставить какую-то недоговорённость, и потому прямо сказала, что новых свиданий не будет.

— Психоаналитики утверждают, что полового партнёра следует менять раз в семь лет, а мы вместе уже в три раза дольше. Так что не огорчайся, Илья. Ты мужчина заметный, хоть и русский, так что легко найдёшь себе подходящую пару.

— Была без радости любовь, разлука будет без печали, — процитировал Илья Ильич.

— Иногда ты выражаешься удивительно поэтично, — заметила Лилиан, неспешно одеваясь, — тебе следовало бы стать поэтом.

«Тогда и мнемонов, глядишь, было бы больше», — кисло подумал Илья Ильич, стихи нежно любивший, но сам не умеющий сложить и пары строчек.

А Лилиана вдруг, неожиданно и некстати произнесла:

— Дочка у меня скончалась. На той неделе.

— Сколько прожила? — участливо поинтересовался Илья Ильич.

— Семьдесят девять... Хорошая была девочка...

Илья Ильич кивнул. Семьдесят девять — даже для Америки неплохой возраст, хотя умирать, если к жизни ещё остался интерес, обидно в любом самом преклонном возрасте. К тому же слышалась во фразе какая-то недоговорённость. «Хорошая девочка, но...» Может быть, осталась старой девой и род пресёкся, некому стало разглядывать выцветшие фотографии, интересоваться: «А это кто? Прабабушка? А как её звали?» А быть может, просто не слишком часто хорошая девочка вспоминала свою маму, усадивши родительницу на голодный паёк. Чужая душа — потёмки, особенно если это американская душа, которую русскому въедливому взгляду порой не разглядеть и за двадцать лет совместного секса.

Казалось бы, и впрямь разлука должна быть без печали, однако последняя встреча оставила по себе каплю горечи. Разлука ты, разлука, чужая сторона, американский сектор Города, тихий, по большей части двухэтажный. Когда нечего стало рекламировать и нечем кичиться, оказалось, что американцы любят тишину и спокойствие маленьких городков, а развлекаться предпочитают в соседних секторах.

Больше Илья Ильич в этом секторе не бывал. На карте Города появилось ещё одно чёрное пятно — место знакомое, но куда не хочется заходить.

Как обычно, развеяться Илья Ильич отправился к уйгуру. Неунывающий и не задумывающийся о смысле жизни сыщик, сам того не подозревая, служил для Ильи Ильича прекрасным психотерапевтом. У него не было никаких проблем, кроме разрешимых, а подобное отношение к жизни тонизирующе действует на прочих людей. К тому же у Афони была работа, доступная, казалось бы, любому, однако требующая особого сыщицкого таланта. Некоторые завидуют чужому та-

ланту, а Илья Ильич, напротив, радовался, когда Афанасию шёл фарт.

На этот раз Афоне подфартило невиданно, хотя единственное, что можно было понять, это то, что в дрейфующем ресторанчике идут переговоры. За одним из столиков сидели Афанасий и двое господ в глухих чёрных костюмах. Они о чём-то разговаривали вполголоса, Илья Ильич, разглядев предостерегающий жест сыщика, не стал подходить и остановился рядом с хозяином заведения. Сам уйгур стоял за стойкой бара, демонстративно не глядя в сторону разговаривающих, но всем видом показывая, что во время бесед в его заведении не мешало бы что-нибудь заказать. Впрочем, двое в чёрном были непробиваемы и намёков не понимали. Они с каменными лицами слушали Афонину скороговорку, изредка вставляя краткие фразы. Наконец, сговорившись, оба кивнули и полезли за кошельками. О каких суммах идёт речь, узнать было невозможно, мнемона не требуют счёта, деньги пересыпались прямо из кошелька в кошель. Сколько захочет хозяин, столько и высыпется из назначенной суммы, если, конечно, она имеется в кошельке. А чтобы лишку заплатить — такого не бывает. Опять же, получатель тоже в эту минуту не спит и пересыпанную сумму знает с точностью до последней лямишки. В любом случае, раз платят из кошелька в кошель, значит, деньги большие, в горсти не удержишь.

Пересыпав деньги, чёрные встали и, не обращая внимания на приглашения встрепенувшегося уйгура, канули в никуда, мгновенно скрывшись из глаз. Афоня, насколько можно было судить, ничего им не передавал.

Оставшись без собеседников, сыщик соблаговолил обратиться внимание на Илью Ильича.

— Вот кстати! — вскричал он. — Сейчас по пельмешкам вдарим и сделку спрыснем, а то от этих не дождёшься...

— Насчёт пельмешек я — пас, — сказал Илья Ильич. — Времени нет, — добавил он, сделав пальцами характерный жест, у всех европейских народов означающий деньги.

— Time is money! — радостно подхватил Афоня. — Не бойсь, этого тайму у меня сегодня много! Пошли, я угощаю. Знаешь что, ну их, пельмешки! Глухаря жареного закажем под рябиновую настойку. Я сегодня на год красивой жизни заработал!

Уйгур уже волок к столикупряно розовеющую водку, пу-

затые стопки, берестянку с солью, ножи, блюдо с крепко замороженным чиром, всё то, что поможет приятно скоротать время, покуда неожиданно заказанный глухарь исходит соком в жару духовки. Квакер, окончательно обнищавший, был выгнан недавно, и теперь уйгуру приходилось отдуваться одному. Впрочем, заказ есть заказ — заказные блюда вдсяте-ро дороже и, значит, вдсятеро выгоднее повару.

— И шампанского! — крикнул Афоня, располагаясь за столом и заранее расстёгивая жилетку.

— Что у тебя стряслось? — спросил Илья Ильич, принюхиваясь к рябиновке. Водка ощутимо сладила, значит, была настояна по всем правилам, на вымороженной ягоде.

— Человечка нужного отыскал, — похвастался Афоня. — Вот у меня его сейчас и выкупали.

— Политик какой-нибудь?

— Не-е, за политиком или там артистом знаменитым бригадники бы пришли. А это — выше бери! — это клан.

— Как это?

— Есть такие кланы у некоторых народов, — охотно пустился объяснять сыщик. — Живут большими семьями, родством считаются. Посторонним от них всегда отлуп, а для своих — в лепёшку расшибутся. Короче, вроде наших староверов. У них в предание память глубоко уходит, родню умершую поминают часто, потому эти кланы и здесь — самая сила. Некоторые в Городе особые кварталы держат, и туда так просто не зайдёшь, только за деньги. Другие и вовсе отдельно от мира живут. У них там строго что при жизни, что по смерти. Своих покойничков они встретить пытаются сами, заранее маяки ставят, частой сеткой на поиск выходят, когда кому из их братии помирать пора. А всё-таки и у них промашки бывают. Тогда они своего выкупают у того, кто его отыщет. С ними даже бригадники не связываются — возьмут денежки и отдадут покойника свежаком.

— А где сам объект торга? — спросил Илья Ильич. Водка, выпитая на голодный желудок, действие оказала немедленное, строганина и пучок черемши закусочной оказались непрочной, так что Илья Ильич слегка поплыл.

— Скрыт! — многозначительно произнёс Афанасий. — А то бы эти двое сказали: «Пошли, Джонни, домой» — и чем бы я его удержал? Запомни, земля держится обманом. Фокус-покус такой: вокруг своей оси вертится, а не падает. Ведь

ясно же, что обман, но культурный... ловкость рук, и никакого мошенничества. Как только я понял, кого сыскал, так его припрятал как следует и только потом этих оповестил. Бригадники, конечно, слупили бы за парня побольше, но мне и так хватит. Тут, главное, меру знать, а то откусишь больше, чем проглотить можешь, да и подавишься.

— Так за что они тогда тебе деньги платили? Искали бы себе, глядишь — и нашли бы.

— Платили за информацию. Запомни, в нашем деле главное лицо — филер. Он сведения добывает, а в мире ничего дороже нет. Они мне денежку, я им — компасок. А дальше пусть сами своего Джонни вызволяют. А отказались бы платить — я бы его бригадникам продал. Это простого человечка можно при себе недельку подержать и слегка подоить; со знаменитостями, с членами кланов и мафией такие штучки не проходят. Их сразу или своим продаёшь, или бригадникам.

Илья Ильич слушал, кивая головой. Ему и прежде приходилось слышать рассказы о людях, живущих закрытыми общинами вне Города, но лишь сейчас он увидел их воочию. Люди как люди, ничего особенного. Хотя рассказывали о них всякие ужасы. Но ведь должны же и в царстве мёртвых существовать страшилки и легенды. Например, многие всерьёз верят, будто бы святой Антоний, один из богатейших людей загробного царства, до сих пор живёт отшельником, спит среди нихилия и за полторы тысячи лет не потратил на собственные нужды ни единого поминальничка. Разумеется, не считая тех, что автоматом уходят за воздух. Тут уж ничего не поделаешь, обойтись без воздуха не способен самый аскетичный анахорет.

А вот поди ж ты, и впрямь, оказывается, существуют эти замкнутые общества. Вот только ужасы о них зря рассказывают. Дело такое, единственный человек, которого они захотят удерживать против его воли, способен разорить самое богатое и замкнутое общество. Со стороны, возможно, выглядит такая община скверно, но все обитатели, от главы и патриарха до самого ничтожного члена общины, находятся там добровольно. Как сказала когда-то тётя Саша, на том свете царит идеальная анархия, воплощённая мечта князя Кропоткина. Никто никого и ни к чему не может принудить силой.

В эту минуту Илья Ильич жестоко завидовал всевозможным сектантам, масонам и членам сицилийской мафии. Даже

на том свете они держатся вместе. Именно в этой общности, в причастности к роду скрыто великолепное презрение к смерти, которое так удивляет современного человека при чтении Илиады и романов о благородных индейцах.

Афанасий хлопнул вторую стопку, зажевал балычком и крикнул уйгуру:

— Чен, как там мой глухарь?

— Жарится, — последовал ответ.

— Чёрт с тобой, — Афанасий рубанул воздух ладонью, — пока он там попевает, тащи свои пельмешки. Гулять будем!

Калитка со скрипом отворилась (вместо колокольчика у неё, что ли, петли несмазанные?), во дворе объявились две странные фигуры. Невысокая девушка, японка или кореянка, в светлом платье до пят и с корзинкой из рисовой соломки в руках, вела завёрнутую в простыню старушку. Вид у старушки был донельзя испуганный, она судорожно сжимала простыню у горла, видимо опасаясь, что та упадёт и явит посторонним взглядам иссохшие старушкины мощи. Сразу было ясно, что азиаточка — вольный сыщик, которому повезло встретить в нихиле новопредставившуюся душу.

Уйгур спешно метнулся наперерез, заранее сгибаясь в поклоне.

— С прибылью вас, уважаемая, — произнёс он почему-то по-португальски.

Впрочем, через секунду Илья Ильич и сам догадался, что кодовая фраза сказана в расчёте на новенькую. Хотя и непонятно, когда и как уйгур успел разузнать, что старушка разговаривает именно на этом языке?

— Чен, нам нужна помощь, — пропела азиаточка. — Прежде всего — комната, где можно спрятаться и переодеться...

— Много постояльцев, комнаты остались только дорогие, — бессовестно врал Чен.

— Я заплачу, — простонала старушка, видимо более всего страдавшая от своего непристойного вида. — У меня есть деньги...

Илья Ильич вспомнил, что Афоня приодел его прямо в нихиле, и глянул на сыщика с запоздалой благодарностью. Хотя особой стеснительностью Илья Каровин не отличался и в случае нужды шеголял бы и голышом. Мёртвому стесняться нечего. А вот бабулька, похоже, попалась целомудренная, и сейчас двое азиатов безошибочно разыгрывали эту карту. Проще всего разувать раздетого, это всякий подтвердит.

Можно было бы вмешаться, но Илья Ильич вовремя вспомнил, что старушке и так повезло — она миновала бригадников. А кореянке тоже есть-пить надо, да и уйгур на что-то должен содержать свою таверну. А ведь это штука недешёвая, недаром бывший ресторатор обходится без прислуги, делая всё сам.

Почему-то стеснительная старушка совершенно не обращала внимания на двух глазающих мужиков, и лишь некоторое время спустя Илья Ильич сообразил, что столик, за которым они сидят, неожиданно стал приватным и посторонние просто не видят сидящих рядом клиентов. За чей счёт было создано это удобство, Илья Ильич гадать не стал. Во всяком случае, не за его.

— Как тебе девка? — спросил Афоня, кивнув на свою коллегу и нимало не опасаясь, что его могут услышать. — При жизни уличной проституткой была в Сингапуре, клиентов отлавливала с пол-оборота. А здесь сыщицким ремеслом занимается. Тоже ас — первый класс. На мужчин у неё нюх потрясающий, но и баб, как видишь, отлавливает.

Уйгур увёл новых постояльцев наверх, но уже через минуту вернулся с блюдом горячих китайских пельменей. И когда только успевают? Вроде бы никуда особо не торопится, кланяется по полчаса, а вот поди ж ты... Пельмени, положим, он прямо готовыми придумал, потому они и дешёвые, а вот с остальным — как управляется?

— Люблю повеселиться, особенно — пожрать! — возгласил Афоня, наваливая себе пельменей, обильно политых свежерастопленным маслом и сбрызнутых соевым соусом. — Налетай, — предложил он и Илье Ильичу, — подешевело!

А ведь в те времена, когда Афанасий служил топтунком в ОГПУ, ни одной из этих неосознанно цитируемых фраз в языке ещё не бытовало. Здесь обучился всезнающий слесарь. Видимо, умение схватывать на лету новые словечки тоже было частью сыщицкого таланта. Илья Ильич вздохнул и, оставив мысль napроситься Афоне в напарники, принялся за пельмени.

* * *

Рассказывают, что чуть не всякий житель Города, оказавшись на мели, пытается заработать себе на воздух (прежде сказали бы: «на хлеб») сыщицким ремеслом. Но никто из слу-

чайных людей в этом деле не преуспел. Потому и бригадники снисходительно относятся к конкурентам, впрочем называя их браконьерами. Проситься к Афоне Илья Ильич не стал, самостоятельно тоже никаких шагов не предпринимал. Одно время, правда, гулять приистрастился не по городским улицам, а в нихиле. Примерно так же, как ходила Анюта, мечтая найти ребёночка или забрести ненароком на сказочную звериную полянку. Вероятность встретить новичка во время такой прогулки сродни надежде отыскать на берегу пригородной речушки килограммовый самородок золота.

«Работы в Городе полно!» — слова эти порой можно было слышать в разговорах, а вот найти работу оказывалось делом невозможным, да и платили за работу сущие гроши, поскольку в затылок каждому счастливцу дышала очередь конкурентов. Актёры и официанты, дизайнеры и бригадники, отвечающие за благоустройство города, — рабочих мест и впрямь было много, но ведь тот, кто работает, тот и не старится и, значит, на пенсию не уходит и места не освобождает. А из живого мира непрерывающимся потоком идёт пополнение: люди, желающие не только развлекаться на посмертном празднике, но и работать. И надо быть виртуозом своего дела, чтобы затмить предшественников и занять их место.

Илья Ильич сдался. Теперь он вёл ту жизнь, к которой привык за двадцать с гаком лет пенсионерства. Вставал, прибирался дома, шёл на улицу, где, сидя на скамеечке, неторопливо беседовал с такими же, как он, обывателями. Обсуждал городские события, но сам в них не участвовал, даже на гулянья не ходил. Скоро состарившееся, но ничем не хворающее тело почти не досаждало ему, просто усталость приходила слишком быстро.

Дома оставался самый минимум вещей, всё ненужное Илья Ильич вынес вон. Сташил во двор лишнюю посуду, отдал библиотеке заведённые было книги. Завернув в простыню, унёс подальше от дома подаренную картину. Картину подарил сосед — художник и непризнанный гений, в реальной жизни спившийся и здесь продолжающий прежнее существование. Ни в том, ни в этом мире его картин никто не покупал, и гений раздаривал их всякому, кто соглашался принять дар. Шедевр, доставшийся Илье Ильичу, назывался «Невеста в разрезе. Вид слева». Картина изображала девушку в подвенечном платье, стоящую перед алтарём, и впечатляла натура-

листическим изображением внутренностей, особенно рассечённого сердца, срисованного с телячьего, какое можно купить во всяком ларьке. Рассечённое сердце (недаром же — вид слева!) должно было символизировать безнадёжность одинокого чувства, но у Ильи Ильича оно стойко ассоциировалось с «Мясной лавкой» Снайдерса. Однако выбрасывать картину было неловко, и Илья Ильич делал это тайком.

Из ненужного на память о минувшем оставались только автоматный патрон, оброненный Илюшкой, когда он готовился к штурму Цитадели, и семь махоньких резных слоников, шествующих вдоль полочки орехового дерева. Тех самых слоников, что составляли суть первого его воспоминания и до последнего сопротивлялись всеистирающему времени в квартире позабытой тёти Саши. Пока слоники трубят — в жизни есть надежда и можно рассчитывать на лучшее. Настоящая слоновая кость — очень прочный материал.

Теперь Илья Ильич жил в основном за счёт родительских суббот. В начале июня беспамятный народ спохватывался, что об умерших тоже надо заботиться, и валом валил на кладбища. Приметный камень, на котором золотом была врезана анекдотичная фамилия: Каровин, — для многих служил ориентиром во время поисков родной могилки, а самому Каровину от каждого, кому он указал путь, доставалась серебристая лямишка. Горсть этих лямишек следовало растянуть на год. Как выглядит мнемон, Илья Ильич давно забыл.

В то утро он проснулся необычно рано. Полежал в постели, мысленно выпил кофе с молоком и съел бутерброд с ломтиком тамбовского окорока. На самом деле пить кофе или есть бутерброды ему не приходилось уже очень давно, поэтому Илья Ильич и приобрёл привычку представлять в воображении, что именно он съел бы на завтрак. Но даже фантазируя, Лукулловых пиров Илья Ильич не закатывал, стараясь по одежке протягивать ножки и ограничиваться бутербродиком с сыром или ветчиной.

Потом встал, застелил постель, шагнул было к окну, но остановился, проведя пальцем по полированной поверхности стола. Стол был густо припорошён пылью.

Что за невезение! Видно, на неделе приташил не подумавши с улицы какую-то привлёкшую внимание ерундовину, а потом забыл про неё, и теперь, рассыпавшись, она загадила

весь дом. Пылесоса нет, так что с пылью придётся бороться вручную.

Поворчав, Илья Ильич взялся за уборку. Протёр стол, подоконник, сервант, где хранилась немногая сохранившаяся посуда. Сделал ещё шаг и замер с поднятой ладонью, которой за неимением тряпки стирал пыль с мебели.

Ореховая полочка, висящая рядом с сервантом, была пуста. Вместо пожелтевших слоников, доставшихся ему от тёти Саши, остались только кучки меловой пыли. Комната, оказавшаяся слишком дорогой для его кошелька, начала умирать, и первым тление коснулось самых старых предметов, которые казались вечными, как сама жизнь.

Стараясь не обращать внимания на тягостное чувство, сдавившее грудь, Илья Ильич собрался и вышел из дома. Если бы он успел машинально перешагнуть порог, он бы наверняка споткнулся и упал, поскольку вместо привычной лестничной площадки прямо за дверью начиналась узкая улочка, словно ящиками, обставленная бетонными блоками выломанных из домов квартир. Много лет Илья Ильич не бывал здесь, но сразу узнал это место, в котором ничего не меняется, лишь рассыпается пылью, когда приходит срок. Теперь пришёл срок Ильи Ильича; словно мешающую занозу, Город выдал из себя обнищавшего, пережившего себя самого человека.

Вокруг расстились унылые кварталы Отработки.

ЭПИЛОГ

Книги не было. Вчера он, прежде чем улечься в постель, положил её на столик, намереваясь с утра дочитать оставшиеся полсотни страниц, а утром обнаружил горстку бесцветной отработки. Это было вдвойне неприятно, потому что книга была чужая, Илья Ильич взял её почитать у Лидии Михайловны, старенькой библиотечкарши, у которой разжигались книгами все обитатели Отработки, не успевшие потерять вкус если не к жизни, то хотя бы к хорошему чтению. Теперь история Дженни Герхардт останется недочитанной, ведь вторая такая книга в Отработку вряд ли попадёт. И неясно, как теперь оправдываться перед Лидией Михайловной, любившей книги страстно до самозабвения.

Старушка была человеком странным и для Отработки нетипичным. У неё была не комнатёнка, не жилой объём, траты в котором сведены до минимума, а двухкомнатная квартирка, где всё было прочным, словно в прежнем мире. Особенно это касалось книг. Двухкомнатная квартира была нужна Лидии Михайловне, потому что иначе книги было бы некуда ставить. Комнаты в Отработке всегда были припудрены пылью, то один, то другой предмет, поддерживать в порядке который уже не хватало денег, рассыпался, наполняя воздух пылью веков. У Лидии Михайловны в доме не было ни пылинки. Рассказывали, что по утрам она пьёт кофе со сливками и даже угощает ранних гостей. Илья Ильич не проверял этих слухов. Сам он ничего не ел уже года три, но нахлебничать у доброй женщины не мог. Зато частенько заходил под вечер, поговорить о прошлом и взять на пару дней одну из книг необъятной библиотеки. Книги от аккуратного прочтения не портятся, они лишь требуют одну лямишку в год, чтобы оставаться читаемыми и не рассыпаться ненароком. И вот теперь роман Теодора Драйзера не получил своей лямишки, и случилось это в то время, когда томик лежал на столе у Ильи Ильича. Знал бы, что так будет, свои бы деньги потратил, лишь бы избежать тягостного объяснения с владелицей.

Делать нечего, Илья Ильич с кряхтением поднялся (удивительно быстро проходит молодость, что своя, что вторая, дарованная памятью близких людей!), натянул неизменный костюмчик и отправился объясняться с хозяйкой книги.

Обитатели Отработки вставали со светом и ложились, когда на улице стемнеет. Электричества не жгла даже Лидия Михайловна, видать, и её вспоминали не слишком часто.

В Отработке всякий жил на первом этаже. Лестницы да и стены поветшавших домов не выдержали бы собственного веса, а вот просторов в нихиле, обнимающем островок человеческой памяти, хватало с избытком. Мостовых тут тоже не полагалось, но белая пыль под ногами лежала так густо, что можно было вообразить, что идёшь по сельской дороге.

Почему-то Илье Ильичу вспомнилось, как возвращался он в хоспис умирать. Тогда каждый шаг давался через боль не желавшего исчезать тела. Восемьдесят четыре года, что провёл он на земле, казались в ту пору непристойно коротким сроком. А теперь к ним добавились ещё девяносто пять, проведённых в царстве мёртвых, но всё равно исчезать не хочет-

ся. Говорят, последними словами какой-то долгожительницы, протянувшей без малого полтора века, были: «Я не хочу умирать, я ещё так мало пожила!» Конечно, когда измучен хворями и немощами полуразрушенного тела, поневоле возжаждешь вечного покоя, а если нигде ничего не болит... как сказал Станислав Ежи Лец: «Значит, ты уже умер». Но и мёртвому умирать неохота, тем более что ничего не болит, просто ветхое тело всё хуже и хуже слушается. И всё-таки даже в этом положении есть множество маленьких радостей. Проснуться с утра и лишнюю минуту поваляться в постели, слушая тишину, — это уже радость. Выслушать сетования соседа, покивать и посочувствовать. Почему-то в Отработке прозябает впятеро больше женщин, чем мужчин, то ли женщины более экономны, то ли бабушек чаще вспоминают... Рассказать о чём-нибудь своём, заранее зная, что тебе посочувствуют, но помочь не смогут. Раз в год, если не совсем обнищал, когда в июне беспамятный народ потянется на погосты отдавать долги ушедшим родителям, устраивать скудные чаепития для себя и пары приятелей. Всё-таки хорошо, что у него такая запоминающаяся фамилия и могила у самой дорожки. Жаль только, что участок этот теперь совсем заброшен и бронзовая позолота с плиты облезла, так что надпись больше не бросается в глаза. Но даже теперь на Троицу три-четыре десятка лямишек он получит. Одно беда, год протянуть на эту сумму никак не удастся.

Илья Ильич дошагал к знакомому перекрёстку и остановился в недоумении. Квартиры Лидии Михайловны не было, лишь огромная, по колено, куча отработки оплывала в окружающем безветрии. И нигде ни малейшего следа женщины, умудрявшейся даже тут жить по-человечески и до последнего дня помогавшей жить по-человечески всем окружающим. Можно было не спрашивать, что случилось, — такое пусть не слишком часто, но происходило именно в этом районе, где забвение было нормой. Человек устроен странным образом, в самый убогий район Города редко попадала бомжеватая дрянь, все пропойцы и никчемушники истлевали гораздо раньше, не оставляя следа ни в том, ни в другом мире. А тут доживали вторую жизнь неприметные, но хорошие в массе своей люди, оставившие по себе не слишком прочную, но добрую память. Родные и друзья любили и часто вспоминали их, но обидным образом не передали память об ушедших

своим правнукам. То ли человек изначально так устроен, то ли жестокий двадцатый век лишил людей памяти, но из детей двадцать первого века почти никто не может назвать имя собственного прадеда и уж тем более вспомнить девичью фамилию прабабки. Одни вовсе живут Иванами, родства не помнящими, другие по душевной лени избрали себе девизом «Deus conservat omnia»¹ и тоже успокоили сговорчивую совесть, позабыв или не зная, что по-настоящему хранить может лишь людская память. Вот и ютятся в Отработке, рассыпаясь в пыль, прекрасные люди, виновные лишь в том, что оказались между Калликратом и Геростратом. Стать одним не хватило гения, не стать вторым достало совести.

Некоторые, впрочем, и в Отработке не бывали, живут себе на полную катушку, не заглядывая в кошель и не размышляя о том, что ждёт их, когда мошна опустеет. Другие трясутся над каждым грошом и спят на полу, ровно собачонка. Илья Ильич поддерживал в доме минимальный порядок: сидел на стуле, спал на кровати. На такую жизнь требовалась в год пара мнемонов. Но вот уже несколько лет, как эту сумму он недобирал. В кошеле оставалось тридцать две лямиишки, а в живом мире холодеет февраль, так что до июня не дотянуть при всём желании. Впрочем, камень на Северном кладбище останется, так что быть ему призраком до тех пор, пока заботливые городские власти не сочтут нужным снести беспризорные могилы, превратив зелёный участок в зону отдыха счастливых горожан. Какие сейчас дома власти, чем народ живёт, Илья Ильич давно не интересовался. Иной раз соседи сообщали слухи о живых делах, и этого было довольно. Живут люди, а потом попадут сюда и будут жить здесь, принеся в загробный мир свои порядки. Иногда Илья Ильич подумывал, а не является ли безразличие, обычно несвойственное ему, следствием начавшегося превращения в призрак, и принимался расспрашивать знакомых о новостях, но сама мысль, что дома вот-вот грянет двадцать второй век, была неприятна. Илья Ильич не любил фантастики, предпочитая строить дороги. Если бы он продолжал жить в Петербурге, в своей квартире на проспекте Энгельса, то двадцать второй век подошёл бы незаметно и буднично, как это случилось с двухтысячным

¹ Господь хранит всех (*лат.*).

годом, не было бы в нём ничего сюрреального, и приход его не вызывал бы недовольства. А потом Илья Ильич предполагал, что впадает в мизантропию и недоволен живым миром оттого, что там у него не осталось ни единой родной души. Ведь другие жители Отработки интересуются, пусть не политикой и чудесами техники, а праправнуками и праправнучками, ведут счёт потомкам, которых не видели и которые не желают их помнить, тревожатся их бедами и радуются удачам. Как ни верти, древнейший культ предков был всё-таки самым человеческим. Люди знали, кто они и откуда.

Такие мысли, медлительные и бесконечные, словно абзац на полторы страницы, осаждали Илью Ильича в часы одиночества и составляли отныне суть его жизни. И ещё, конечно, разговоры и чтение книг, которые он брал у Лидии Михайловны. «Брал» — глагол в прошедшем времени; больше книг не будет.

Возле холма, который даже могильным языком не поворачивался назвать, стояла ещё одна местная богачка, Елена Ивановна. Была она когда-то учительницей младших классов и до сих пор, семьдесят лет спустя, получала порой мнемона от бывших учеников, которых оставалось уже совсем немного и которые очень редко вспоминали свою первую учительницу. Ещё одна беда современного человека: сентиментально отхлюпав носом на выпускном вечере, всякий начинает считать себя взрослым, не думая, что вся его взрослость заключается в том, что он забыл себя самого и собственное детство. Памяти нашей едва хватает на пять минут, и в результате по десять раз на дню человек, полагаящий себя мудрым, наступает на одни и те же грабли. А ведь для настоящей мудрости нужно так немного — остаться в глубине сердца прежним ребёнком. Этому тоже учит память.

Елена Ивановна плакала, хотя в Отработке люди плачут редко — нечем.

— Ведь я вчера у неё в гостях была... — горестно твердила она. — Лидочка меня кофе угошала, сказала, что у неё день рождения. А я, бессовестная, пила. У меня деньжищ — труба нетолчёная, а она, оказывается, последние минуточки на ветер пустила!

— Не надо так говорить, — строго произнёс Илья Ильич. — Так оно, может быть, и лучше. Жила человеком и чело-

веком умерла. Я сам иногда думаю: стоит ли последний мнемон на год растягивать?

— А ведь она, наверное, знала...

— Знала, — подтвердил Илья Ильич. — Я у неё вчера книгу брал, Драйзера, так она сказала, чтобы я постарался прочесть её за один день. Никогда она никого с книгами не торопила, а тут... Значит, знала, что не успею.

Они ещё долго стояли, обсуждая случившееся. Подходили другие жители Отработки, горестно качали головами. Здесь было не принято жалеть окончивших свой век, но Лидия Михайловна казалась вечной, и её скромная библиотека была гордостью района. Какой-нибудь эфемер, свалившийся в Отработку, чтобы через месяц исчезнуть, успевал если не прочесть, то полистать книгу, и знал, что тут тоже всё как у людей. Так что жалели не библиотекаряшу, жалели себя самих.

— Вы-то как? — спросила Елена Ивановна, когда они отошли от медленно оплывающей погребальной кучи.

— Со мной всё в порядке, — привычно ответил Илья Ильич. — Там все будем, но пока — держусь.

— Если что, я могу помочь, — предложила Елена Ивановна. — Меня недавно Лёшенька Иванов вспоминал. Слабенький был ученик и хулиганистый, а вот, поди ж ты, не забыл. Я его тоже хорошо помню. Бывало, спрашиваю: «Куда ж ты с такими знаниями?» — а он отвечает: «Только в тюрьму!» Это в восемь-то лет. Он тоже часто это вспоминал, особенно когда его судили за хулиганство. Два года дали. Я иногда думаю, ведь учила — душу вкладывала, а дети выросли разные. Большинство — нормальные люди, а некоторые и в тюрьму попадали, и спивались, и наркоманом кое-кто стал. И что я не так делала — понять не могу. Они ведь маленькие — все хорошие, даже самые запущенные...

— Вы всё делали как надо, — успокоил Илья Ильич. — Видите, сколько лет прошло, а вспоминают вас. А я вот недавно лямишку получил обидную. Какой-то автолюбитель на старинной «Тойоте» в выбоину колесом попал и помянул недобрым словом, кто, мол, эту дорогу строил. А я её и строил, в семьдесят седьмом, начальником колонны был. Новые-то машины этих колдобин не замечают, так дорогу никто и не ремонтирует. Лямишку я получил, а обиды на целый мнемон. Ведь дорога сто двадцать лет простояла, и ни разу полной замены покрытия не делали. Подмажут гудроном — и всё, даль-

ше катать! А подложка-то расплывается! Амортизационных подушек там нет, какие подушки в семьдесят седьмом году? Давно пора эту шоссейку менять, а она служит. Вот только люди меня недобрый словом поминают, как будто это я виноват, что из могилы не вылез и покрытие не сменил.

— В России две беды, — согласилась Елена Ивановна, — но дураки — хуже.

— Когда эту дорогу строили, смешной случай приключился, — начал рассказывать Илья Ильич. — Дело на Вологодчине было, на границе с Костромской областью, места глухие, деревеньки маленькие. И тут какой-то местный мужик говорит, что он в соседней деревне на асфальтовом заводе работает. Я обалдел. Спрашивается, из чего они там асфальт варят? Битум нужен, нефтяной пёк — это всё отходы крупного производства, в деревне таких вещей не найдёшь. Мы для себя гудрон за четыреста километров возили, а тут асфальтовый завод под боком. Я, конечно, всё бросил, помчался выяснять. И знаете, что там оказалось? Ни за что не догадаетесь — углежогные печи!

— Простите, что?..

— Печи для сухой перегонки дерева, — пояснил Илья Ильич. — Это же старинный промысел — углежог.

— А, так это я знаю! У Некрасова: «Гнали безданно из пеньев смолу...»

— Вот-вот. У них там четыре сорокакубовые печи стояло, лесхоз сосну государству сдавал, а берёзовый подлесок шёл или на дрова, или на перегонку. Активированный уголь делали. Его в медицине применяют и для водоочистки. А кроме того, используют в противогазах. А раз противогазы, значит, завод военный и нужно его засекретить, хотя на нём народу всего ничего работает, человек десять. Вот и придумали, что это не угольный заводик, а асфальтовый. При перегонке берёзы, кроме угля, дёготь образуется. Прежде прямо дёгтем и торговали, тележные оси смазывать, сапоги, а в наше время кому он нужен?

— Мыло дегтярное было, — возразила учительница, — против педикулёза. И ещё — дегтярная мазь, от чесотки. В пионерских лагерях мы часто ею пользовались, а то дети встречаются такие запущенные...

— Это слёзы, сколько его нужно — на мыло да на мазь? А у них сотни килограммов. Вот и придумали из дёгтя гудрон де-

лать. Его едва хватало подмазывать окрестные дороги, но название громкое — асфальтовый завод!

— Не всё ли равно, как его называть? Главное, что дороги чинили. И ваша дорога потому, может быть, и сохранилась, что её тем дёгтем мазали. Так что не смешная ваша история, а поучительная.

Илья Ильич не возражал. Своего он добился, старенькая учительница (которая, впрочем, была на тридцать лет его моложе) увлеклась новой мыслью и забыла о своём щедром предложении. И без того вокруг Елены Ивановны вертится слишком много попрошаек, на всех на них Алёшиного мнEMONA не хватит.

Поговорив ещё о чём-то, Илья Ильич вернулся домой, стряхнул со стола пыль, оставшуюся от «Дженни Герхардт», и достал кошель, чтобы в очередной раз убедиться, что денег в нём не прибыло. Он сам не мог сказать, зачем пересчитывает свои монеточки. Иной раз думалось, что если бы можно было прекратить разом нищенское существование, то закатил бы праздник на все тридцать две лямишки, а там хоть трава не расти. Однако разом покончить не удастся, беда в том, что есть ещё одна ступень, на которую он не хочет спускаться ни в коем случае. Квартал призраков... Превратиться в бесплотное существо, в памяти которого, словно запись в анкете, сохранилась единственная строчка: «Каровин Илья Ильич (1918—2002). Похоронен на Северном кладбище». Базальтовый камень с полустёртой надписью не даст ему исчезнуть окончательно, как то случилось с Лидией Михайловной. Здесь, в нишей Отработке, он всё-таки живёт, ибо память остаётся с ним. *Memento ergo sum*¹. Небытие не страшит, страшит призрачное беспмятство. Знал бы, что так случится, завещал бы стащить себя в крематорий. Конечно, тогда рассыпался бы на несколько лет раньше, но зато не пришлось бы трястись скупым рыцарем над каждой копейкой, ожидая долгой агонии выжившего из ума склеротика.

И живые тоже хороши — не умеют помнить, снесли бы к чёртовой матери ненужный погост и соорудили бы на этом месте танцплощадку. Доходней оно и прелестней...

Щепоть лямишек высыпалась на протёртый стол, а сле-

¹ Помню, следовательно существую (*лат.*).

дом весомо брякнул новенький сияющий мнемон, самый вид которого Илья Ильич успел позабыть.

«Как это? От кого?..» — дрожащими пальцами Илья Ильич зажал сверкающую драгоценность. Монета долго не поддавалась артритным пальцам, так что Илью Ильича успела ошеломить мысль, что случившееся — просто нелепая галлюцинация. Хотя бывают ли логичные галлюцинации?

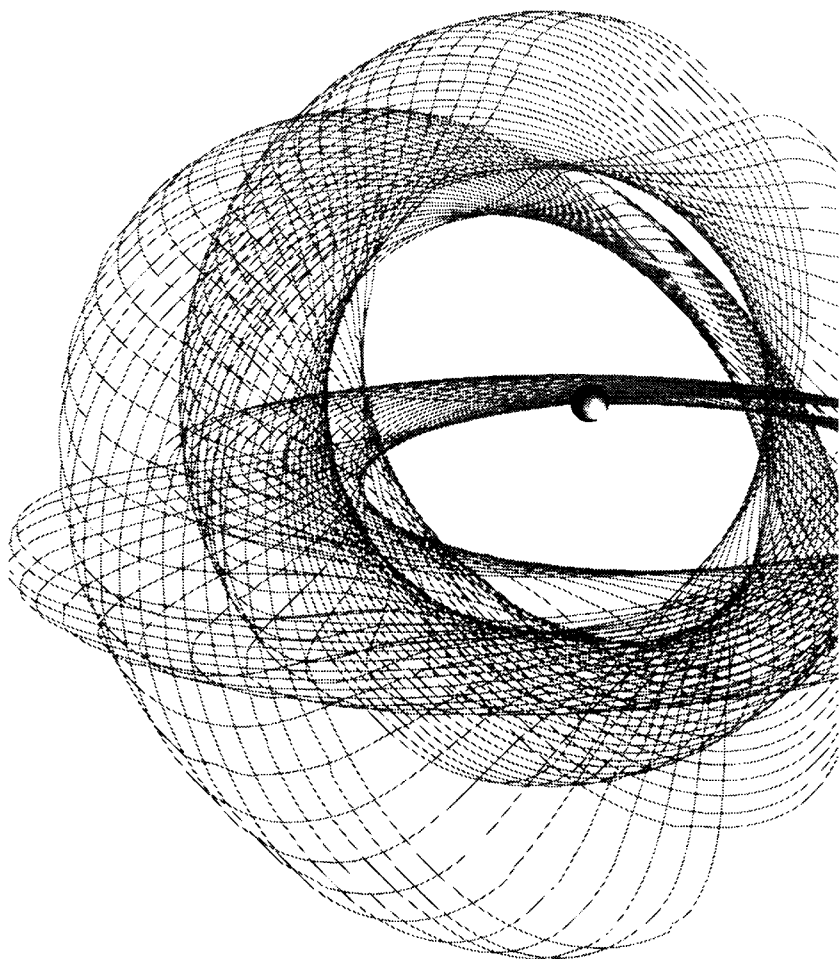
Наконец мнемон был зажат между ладонями. Долгое время ничего не происходило, очевидно, тот, вспомнивший, никому не сказал о мелькнувшем воспоминании и вообще никак не отреагировал на него. Илья Ильич терпеливо ждал. Сейчас должно проявиться само воспоминание...

...солнце, много солнца и жёлтые листья под ногами. И я иду по листьям... сам! Смотрите все, как я сам иду! Я иду, и смешной серый дедушка на скамейке послушно смотрит и улыбается.

Боже, ведь это тот годовалый малыш, что повстречался ему за пять минут до того, как он тормознул машину и отправился в Лахтинский хоспис. Последняя искренняя улыбка, виденная в той жизни. А ещё говорят, что годовалый ребёнок не способен надолго запомнить происходящее! Славный малыш... Хотя какой он малыш, ему уже давно за девятьсто... как-то он там? В долгой жизни бывает всякое, но очень хочется, чтобы хорошего досталось больше. «Будь счастлив, малыш, и, пожалуйста, не забывай меня».

МНОГОРУКИЙ БОГ ДАЛАЙНА

РОМАН

Прежде начала времён в мире не было ничего, лишь посреди пространства стоял алдан-тэсэг, а на нём сидел старик Тэнгэр, который уже тогда был стар. Тэнгэр сидел на алдан-тэсэге и думал о вечном. И чем больше он думал, тем яснее ему становилось, что вечность длится долго и конца ей не видно. Тогда Тэнгэр сказал:

— Это правильно, что у вечности нет конца, а я — бессмертен, потому что для мыслей о вечном нужна вечность. В этом есть смысл, и мир всегда будет таким.

И тут он услышал голос:

— Ты ошибаешься, мудрый Тэнгэр!

Тэнгэр глянул вниз и увидел, как из тёмной дыры в подножии алдан-тэсэга выползло существо скверного вида.

— Я Ёроол-Гуй — обитатель бездны, — сказало существо. — Я родился из твоих отбросов и за это ненавижу тебя. Теперь я буду сидеть на твоём месте и думать о вечном, а ты пойдёшь вниз.

Тэнгэр, разгневанный такими словами, встал и схватил существо, чтобы запихать его обратно в дыру, из которой оно выползло, но Ёроол-Гуй обхватил Тэнгэра бесчисленными дюжинами цепких рук и начал биться с ним за право сидеть на тэсэге. Тэнгэр был сильнее, но Ёроол-Гуй прильнул к нему дюжиной дюжин жадных ртов и пил его кровь, поэтому Тэнгэр не мог сокрушить врага, а тэсэг стоял пустой, и в мире не было порядка. Битва продолжалась долго, и, когда у вечности кончились древние века, Тэнгэр сказал:

— Ты видишь, что никто из нас не может победить, ибо мы оба бессмертны. Скажи, что хочешь ты теперь? Обещаю исполнить это ради тишины и моего спокойствия.

— Я хочу иметь место, где я мог бы жить, — ответил Ёроол-Гуй.

— Хорошо, я построю для тебя четырёхугольный далайн — обширный и не имеющий дна, я наполню его водой, чтобы ты мог плавать, населю всякими тварями, мерзкими и отвратительными на вид, а ты будешь владычествовать над ними.

— Ещё я хочу, чтобы там тоже был тэсэг, потому что и я люблю думать о вечном, — сказал Ёроол-Гуй.

— Пусть будет так, — согласился Тэнгэр. — Я поставлю в далайне квадратный остров — оройхон. Он будет опираться на восемь столбов, и на верхушке каждого из них встанет суурь-тэсэг, что значит: место, откуда далеко видно.

— Но пусть и на оройхоне водятся твари, годные мне в пищу: я буду их убивать, потому что ненавижу всех, умеющих ходить.

— Ты хочешь многого, — сказал Тэнгэр, — хотя я согласен и на это. Но тогда я построю не один, а пять оройхонов, чтобы ты не мог убить всех разом, потому что ты умеешь лишь ползать, и те, кто успеет убежать от тебя на соседний оройхон, будут в безопасности. Надеюсь, теперь ты доволен?

— Нет, — сказал Ёроол-Гуй. — Мне надо, чтобы среди этих тварей была одна похожая на тебя, как схожи капли воды, чтобы у неё были две руки и две ноги, чтобы она умела разговаривать и думать о вечном. Я буду убивать эту тварь в память о нашей битве и смеяться над тобой.

Нахмурился Тэнгэр.

— Ты зря просишь это, — сказал он, — но раз я обещал, то я создам для тебя человека. Только знай, что раз в поколение — а люди по твоей просьбе будут смертны — среди них станет рождаться илбэч — строитель оройхона. Он начнёт делать новые острова для себя и своих детей, островов будет становиться всё больше, вскоре появятся и такие, до которых ты не сможешь дотянуться, поскольку их со всех сторон закроют соседние острова, а твой путь — лишь один оройхон. И я не знаю, кто над кем будет смеяться в конце концов.

— Я проклинаю твоего илбэча! — вскричал Ёроол-Гуй. — Он нигде не найдёт покоя и не встретит счастья. У него не будет друзей, и даже родня станет издеваться над ним. А если он хоть кому-нибудь скажет о своём даре, то проживёт не больше дня. Я буду охотиться за ним неустомимо, он не уйдёт от моей мести, даже если выстроит оройхон на краю мира. Граница

встретит его жаром и пламенем, и он не сможет ни жить там, ни убежать из далайна. Так я сказал!

— Ты сказал всё? — спросил Тэнгэр.

— Нет, но моё последнее слово я скажу потом.

Промолвив так, Ёроол-Гуй уполз в тёмную дыру, а Тэнгэр пошёл строить далайн. Алдан-тэсэг остался пустым, и никто не думал о вечном.

Долго продолжалась работа, лишь на исходе срединных веков вернулся Тэнгэр, ударил по основанию алдан-тэсэга и, когда Ёроол-Гуй выполз, сказал ему:

— Я всё сделал по твоему слову.

Они вместе отправились к далайну, и Ёроол-Гуй, увидав, что всё исполнено, усмехнулся и произнёс:

— Я отправлю воду далайна своим ядом, так что это уже будет не вода, и когда-нибудь яд разъест стены далайна и растечётся по всему пространству, и нигде не останется места для глупого Тэнгэра.

— Что ж, — сказал Тэнгэр. — Это было твоё последнее слово, и пусть будет по-твоему. Но берегись, если прежде в далайне не останется места для тебя!

И поскольку это действительно были последние слова, то Ёроол-Гуй молча канул в глубине далайна, а Тэнгэр вернулся на алдан-тэсэг думать о вечности, у которой кончились срединные века и начались новые.

ГЛАВА 1

Большущая тукка, не прячась, сидела на самом видном месте — на верхушке суурь-тэсэга. Не заметить её, казалось, просто невозможно. То есть, конечно, тукку всегда можно не заметить, её шкура сливается со скользким белесым нойтом, покрывающим в оройхоне каждый камень и каждую пядь. Тукка и сама похожа на камень, так что немудрено пройти мимо, едва не наступив на неё. Рассказывают, что хромой Хулгал однажды, не разобрав, сел на тукку и что именно с тех пор он хромает. Этому Шооран не верил — какая же тукка позволит сесть на себя? Хотя при опасности тукка предпочитает затаиться. Но на этот раз она пошевелилась, и Шооран заметил её. Такое случилось с ним впервые, обычно он лишь наблюдал, как большие мальчишки гоняют тукку, вздумавшую среди дня высунуться наружу. Чаше всего тукке удавалось улизнуть, но чем бы ни завершилось дело, венчала его всеобщая драка — мальчишки делили пойманную добычу или выясняли, кто виноват в неудаче. В любом случае Шооран был слишком мал — и чтобы охотиться, и чтобы драться. Он лишь следил за другими, восхищаясь ими и ненавидя, в предвкушении той минуты, когда сам вмешается в эту жизнь и, разумеется, для начала будет побит.

Но сейчас рядом никого не было, а тукка была. Шооран проворно снял старый истрёпанный жанч и, пригнувшись, начал подкрадываться к тукке. Он кинул жанч с пяти шагов и попал. Одежда накрыла тукку с головой, так что зверёк уже ничего не видел и не мог нырнуть в тёмные пещеры у подножия суурь-тэсэга. Эти дыры были так велики, что в них мог пройти взрослый мужчина, но в мокром оройхоне на такое в одиночку не решился бы ни один безумец. Дыры вели в шавар — подземные пещеры, до половины залитые едким ной-

том, кишащие хищной и ядовитой мерзостью. Если бы тукка ушла в шавар, достать её оттуда стало бы невозможно. Но ослепшая тукка помчалась вперёд, волоча по слизи полы жанча. Шооран побежал следом. Он забыл об опасности, о том, что мама запрещала отходить далеко от границы, а видел лишь тукку, которую надо догнать. Дважды он падал, вымазав в нойте ладони и чуть было не потеряв из виду беглянку. Потом он догнал тукку и попытался схватить её, но тукка ударила иглами, пробившими жанч разом в двадцати местах, и сумела вырваться. Но всё же это была удача, потому что проколотый жанч не мог слететь с головы зверя, и победа Шоорана становилась лишь вопросом времени. Об испорченной одежде и саднящих ладонях Шооран не думал — шкура большой тукки стоит дороже старого жанча, к тому же мама, конечно, сможет прокалить жанч на огненном аваре, а потом как-нибудь починить его.

Шооран схватил обломок камня и кинул. Делать так не полагалось — камень мог испортить иглы, но Шооран устал и обозлился. Он и так с утра забрёл чересчур далеко — много дальше, чем позволялось ему, а теперь ещё бежал вслед за туккой, которая, казалось, и не думала устать и каждый раз, когда Шооран настигал её, выпускала всё новые иглы, безжалостно калеча кожу жанча, шипела и металась из стороны в сторону. Камень, впрочем, в тукку не попал, а, ударившись об один из мелких тэсэгов, поднимавшихся повсюду, разлетелся на хрупкие осколки. Тукка на мгновение остановилась, вертя замотанной головой и, видимо, ничего уже не соображая от страха, и тут Шооран схватил её. Он наступил на край жанча, рукой, пачкаясь в нойте, ухватил другой край и поднял жанч с запутавшейся в нём туккой на воздух. Тукка завертелась и зашипела отчаянно, но это не помогло ей. Шооран свёл полы вместе, крепко стянул их рукавами, и тукка оказалась упакованной в узел. Она могла шипеть и бить иглами, но освободиться не умела. Правда, нести её придётся на вытянутой руке, чтобы не напороться на иглы.

Шооран гордо распрямился, подняв вверх узел, и вздрогнул, лишь теперь увидев, куда забежал, увлечённый погоней. Впереди не было ни одного тэсэга, оройхон там кончался, а дальше, насколько хватало глаз, расстилалась бледная гладь далайна. Далайн казался живым, он дышал, по липкой тягучей влаге медленно пробегала дрожь. Временами на поверх-

ности вздувался бугор, он бесцельно двигался, пока не опадал или не ударялся о край оройхона. Тогда на камне оставалась шевелящаяся груда поделённых на сегменты тел, извивающихся шупалец, каких-то спутанных волос. Влага растекалась по сторонам, загустевала, превращаясь в нойт.

Секунду Шооран обалдело смотрел на эту картину, о которой так много слышал, потом повернулся и бегом бросился назад. Он, никогда прежде не выдававший далайна, отлично знал, что его глубины могут выпустить смерть. Житель далайна, страшный Ёроол-Гуй, выбрасывался на берег и цепкими руками ташил к себе всех, до кого успевал дотянуться. А рук Ёроол-Гуй имел много и мог дотянуться до любого места в оройхоне. В такую минуту люди бежали к границе и, вжавшись между палящими аварами, переживали беду. Последний раз такое случилось два года назад, когда Шооран был совсем маленьким. Он запомнил лишь темноту и отчаянный шёпот матери: «Не смотри! Не смотри!...» А что он мог видеть, если мама с головой укутала его в свой жанч и так крепко держала, что при одном воспоминании о том дне у него начинают болеть кости? И всё же именно тогда он понял, почему мама требует, чтобы он не отходил далеко от границы. Ведь только на узкой полоске между всесжигающими аварами и кромкой оройхона удавалось быть в безопасности. Жаль, что прокормиться на этой полосе не смогла бы и тукка, поэтому всем, даже детям, каждый день приходилось отправляться на загаженный нойтом оройхон, и Шооран, несмотря на предупреждения матери, постепенно уходил всё дальше от безопасной границы, пока наконец не достиг далайна.

Большие мальчишки хвастались, что ходят сюда чуть не ежедневно, но Шооран знал, что это неправда, и потому бежал, не пытаясь скрыть страх. Но через пару минут начало болеть под ложечкой, Шооран задохнулся и перешёл на шаг. Далайн был уже не виден, страх отпустил, и вновь стала радовать тукка, затянутая в узел и даже не пытающаяся выбраться на волю. Такая огромная тукка! За её шкуру можно получить всё, что угодно. Из шкуры тукки шьют башмаки, которые носят знатные цэрэги, живущие на сухих оройхонах, и даже сам царственный ван. Там, в сухих краях, есть много чудесных вещей, но тукки там нет... тем более такой большой. Из неё одной получится целый башмак. А если шить башмаки поменьше, то можно выкроить и два. Шооран представил

свои ноги не в бесформенных буйях, а в башмаках из кожи тукки с иглами в носке и на пятке, чтобы удобнее было драться, и проникся гордостью за свой подвиг. А мясо тукки, говорят, очень вкусное... он никогда не пробовал его.

Шооран миновал уже два суурь-тэсэга и знал, что скоро окажется в знакомых местах. В отличие от простых, мелких тэсэгов, разбросанных повсюду, словно бородавки, восемь суурь-тэсэгов располагалось квадратами, они были высоки, и по ним удавалось легко найти дорогу. Шооран снова припустил бегом, но вдруг остановился. Навстречу ему из-за кривобочного тэсэга вышел Бутач.

Бутач был самым большим и отчаянным из мальчишек, он часто отнимал еду даже у взрослых женщин. Просто так он никого не трогал, но пройти мимо маленького мальчика да ещё с тугим узлом в руках не мог.

— Что промыслил? — ласково спросил Бутач.

— Ничего, — Шооран попятился.

— Ну, коли ничего, так давай сюда, — заключил Бутач. — Ведь если это «ничего», то тебе его не жалко. Так ведь?

— Не дам, — внутренне похолодев, сказал Шооран.

После таких слов немедленно должна была последовать взбучка, Шооран внутренне был готов к ней и даже согласен, что так и должно быть, но... только не сейчас. То есть пусть будет какая угодно взбучка, но тукку он не отдаст. Он поймал тукку сам... это его тукка...

— Это мама сказала отнести Боройгалу, — принялся врать он, отчаянно надеясь, что упоминание самого сильного из мужчин остановит грабителя. Однако на Бутача слова действовали слабо. Он протянул руку, намереваясь вырвать узел из ослабевших пальцев, но Шооран дёрнулся назад и резко, без размаха хлестнул Бутача узлом по лицу. Очнувшаяся тукка разом выпустила все свои иглы, щека Бутача мгновенно вспухла и окрасилась кровью. Узел развязался, тукка выпала. Ещё в воздухе она извернулась, чтобы приземлиться на ноги, и, ни секунды не мешкая, кинулась наутёк. Шооран метнул вслед жанч, но промахнулся. Может быть, он попал бы и на этот раз, если бы не Бутач. В первый миг тот замер, захлебнувшись криком — ядовитые иглы обожгли нестерпимой болью, — но потом, увидев тукку, пересилил себя и, сбив с ног Шоорана, ринулся вдогонку.

Шооран поднялся, поднял окончательно изгаженный

жанч. Тряслись руки, дрожали губы. Жизнь, только что казавшаяся замечательной, погибла безвозвратно. Тукка сбежала, и неважно, поймает её Бутач или нет: он теперь раздет, и руки болят, и неясно, что сказать маме, а Бутач, когда вернётся, попросту убьёт его. Такого не прощают никому и никогда — рубцы от игл останутся на лице Бутача на всю жизнь, так что Шоорану теперь лучше сразу и самому прыгать в далайн.

— Жирх вонючий! — выкрикнул Шооран самое страшное оскорбление, какое только знал.

Скорее всего, Бутач не услышал его, да и что мог добавить крик к тому, что он уже сделал? Ничто не могло ни исправить беды, ни сделать ему ещё хуже. Шооран медленно поплёлся к дому. Здесь уже было много людей: женщины тонкими палочками разгребали жидкую грязь, выискивая съедобную чавгу, малыши играли в кашу-малашу, а те, кто постарше, — в запретную, но вечную игру «Мышка, мышка, засоси!». Шооран не видел никого. Больше всего ему хотелось, чтобы весь оройхон провалился сейчас в глубины, и пусть, раз мир так несправедлив, не останется вообще ничего, лишь тягучая влага и безмолвные твари далайна, скверные на вид.

Шооран всхлипнул, дождавшись наконец слёз, и словно тяжёлое эхо донеслось в ответ на его судорожный всхлип. Сосущий, чмокающий звук прокатился над приземистыми тэсэгами, заглянул в беспросветные недра шавара, вернувшись оттуда усиленным, и завершился бесконечно сильным мокрым шлепком, гулко отдавшимся в раскалённом аду пригранных аваров.

Долгий миг в воздухе висела оторопелая тишина, затем все разом закричали, началась паника. Испугались даже те, кто по малолетству не мог помнить этого звука: страх был безусловен, его воспитала память предков, погибавших под шумный хлюпающий вздох. Люди похватили кто что мог: грудных детей, оставленных на верхушке тэсэга, где посуше, мешки с чавгой и сырым харвахом, палки из хохиура и настоящего дерева, ещё какой-то скарб — бросать нельзя ничего! — и кинулись к огненной границе на узкую полосу, свободную и от огня, и от влаги. Дети бежали вместе со взрослыми — кто-то сбивал их с ног и, не оглянувшись, бежал дальше, кто-то задерживал шаг и подхватывал на руки. Бежали трёхлетки, размешивавшие «кашу-малашу», сдуло игроков в «мышку»: лишь один — чемпион, кого неведомая «мышка» засосала

можно представить, что узенький поребрик, разделяющий оройхоны, неодолим для могучего гиганта. Ведь сами люди каждый день, не замечая, переступали эту преграду. Только Хулгал и остановленный им Шооран остались на краю, в нескольких шагах от смертельной зоны.

— Не тронет, кишка тонка нас здесь достать, — злорадно проговорил Хулгал.

Неовко переваливаясь, старик подошёл ближе и плюнул на ползущее совсем рядом щупальце: бесконечно длинное и тонкое, как нитка.

— Вот ведь пакость какая, там ему только попадись, а здесь ничего не может. Я его хорошо знаю — везёт мне на встречи. Раньше тоже бегал от него, отворачивался, а теперь — не боюсь. Но-но, место знай, тварь! — крикнул он и ударил палкой по кончику даже не щупальца, а словно бы уса или волоса, который слепо шарил по краю поребрика, безуспешно пытаясь перелезть через него.

Ус мгновенно обвился вокруг палки, натянулся струной и с лёгкостью вырвал её из старческой руки.

— Вот скотина! — огорчённо сказал Хулгал. — Палку слопал. Как же я теперь ходить буду?

Шооран не слушал болтовни старика, вызванной тем же нервным потрясением, что заставляло других лезть в огонь или лежать ничком, закрыв руками голову. Самого Шоорана тоже трясло, и он следовал за Хулгалом, словно сомнамбула, и если бы Хулгал перешёл сейчас роковую черту, то и Шооран, даже не поняв, что делает, тоже отправился бы на гибель.

Чудовище, взгромоздившееся на оройхон, на восемь суурь-тэсэгов разом, молчало, смолкли и крики погибавших; кроме громады Ёроол-Гуя, на опустошённом оройхоне не осталось ничего живого. Лишь полчища рук Ёроол-Гуя продолжали жить своей жизнью: бесцельно крошили камень, с жирными шлепками окунались в грязь, резко разворачивались, будто стремились отбросить что-то. Потом студенистое тело раздалось в стороны, словно по нему провели глубокий разрез небывало огромной бритвой, и изнутри выдавился глаз — круглый и немигающий, большой, словно чан для харваха. Глаз жутко вращался, взблескивая чёрной глубиной расплывшегося зрачка, и вдруг остановился, вперившись почти осмысленным взглядом в лицо Шоорану. Взгляд тянул к себе, требовательно звал, и Шооран, шумно выдохнув воздух, шаг-

нул навстречу, но костлявые пальцы Хулгала сомкнулись на плече, а дребезжащий голос разрушил наваждение:

— Ишь ты, голову дурит. Ты, малец, лучше не смотри, такое не каждому взрослому вынести можно, того и гляди сам к этому бурдюку на обед отправишься. Пойдём отсюда, он, похоже, надолго на наших тэсэгах расселся.

И, словно опровергая слова старика, заструились, укорачиваясь, щупальца, захлопнулись десятки ротовых отверстий с тёрками мелких зубов, скрылся глаз, и вся скользкая туша, вздрагивая и сокращаясь, поползла прочь. Ёроол-Гуй уходил.

Едва он скрылся из виду, как пограничная полоса ожила: раздались голоса, стоны, плач — ошпаренные люди полезли из-под защиты аваров. Они бегали, искали друг друга, звали погибших.

Шооран молча опустил на камень. Он смотрел туда, где только что копошились конечности хищной бестии, и медленные слёзы, не принося облегчения, текли по его щекам. Хулгал что-то говорил, потом поковылял прочь, должно быть, искать новую палку — Шооран ничего не слышал и не замечал. И лишь когда из сгущающейся вечерней темноты появилась мама, по всему оройхону ищущая пропавшего сына, схватила его на руки, принялась целовать, повторяя: «Живой! Живой!..» — лишь тогда Шооран с трудом выговорил:

— Мама, он всех съел: и того мальчика, и Бутача, и мою тукку. У меня всё было, а он пришёл и съел. Всё — даже палку Хулгала...

— Нет, нет! — смеясь и плача, отвечала мама. — Он нас с тобой не съел, мы убежали...

— Всех съел, — не слыша, повторял Шооран.

* * *

На следующий день те, кто остался жив, задумались, как существовать дальше. Округа была опустошена подчистую, пройдёт ещё не одна неделя, прежде чем в грязи зашевелиятся жирхи с тошнотворной, но всё же съедобной плотью, созреет под чешуйчатой скорлупой водянистая чавга, а шавар заселят всевозможные существа и среди них вожаденная тукка. Сейчас на оройхоне были истреблены даже заросли хохиура — вполне бесполезной травы, из которой только и можно сделать, что палочку для разгребания грязи. Короче — не оста-

лось ничего, кормиться предстояло на соседних оройхонах, что, несомненно, не могло понравиться жителям этих мест.

Соседи жили с двух сторон, но стороны были явно неравноценны. На востоке простиралась обширная страна, состоящая из множества оройхонов, выстроенных Ваном — илбэчем, жившим много лет назад и оставившим следы своих трудов во всех землях. Правители восточных земель называли себя ванами и возводили свой род к знаменитому илбэчу, хотя всякий знал, что древнее проклятие обрекало строителя оройхона на одиночество. Но противоречить царственному мнению никто не смел, тем более что удачливый Ван умер неразгаданным, и теперь на его счёт можно было строить какие угодно домыслы. Ближайший восточный оройхон выходил на далайн лишь одним углом, и хотя жизнь на нём, казалось, была такой же, что и на пострадавшем острове, но считался он особым, ибо прикрывал сухие земли царствующего вана. Соваться туда — значит столкнуться с хорошо вооружёнными и безжалостными цэрэгами, охраняющими от вторжения чужаков перенаселённые земли. Ясно, что на восток пути не было, в добрые времена цэрэги могли торговать, но никакой помощи не оказывали ни прежде, ни тем более сейчас.

На запад от того места, которое посетил Ёроол-Гуй, находился край вовсе безнадёжный. Пограничный оройхон там касался далайна, так что воздух, и без того нечистый, наполняли тягостные испарения от кипящего и сгорающего на аварах нойта. Там не было полностью безопасного места, такого, как здесь, и единственный мокрый остров, расположенный на западе, давал убежище самому жалкому отребью, которому не нашлось никакого иного клочка земли. Даже на ночь западные не могли уйти на сухое, смерть и болезни косили их беспощадней всего, западные изгои презирались всеми и всему миру платили ненавистью. Ждать помощи оттуда было так же наивно, как и с востока. Но больше идти было некуда — на юге пылала граница, на севере колыхал влагу далайн.

День поисков на разграбленном оройхоне не принёс добычи никому, и к вечеру уцелевшие люди собрались на совет. Говорили только мужчины, ведь именно им предстояло искать выход. Выход оставался единственный — идти на запад, но делать это можно было по-разному. Ещё день назад, возникни такая нужда, мужчины собрались бы в отряд, и западным изгоям пришлось бы немедленно сдаваться на милость

сильнейшего. Но теперь, когда больше половины обитателей оройхона погибли, такой путь становился опасным. Изгой могли не только дать отпор, но и попросту перебить ослабевших соседей, чтобы захватить их земли. Опустошённый оройхон пока не представлял ценности, а вот приграничная полоса — сухая и безопасная — привлекала многих.

Дело решил Боройгал — жилистый, неимоверной силы мужчина, холодно-жестокий и равнодушный ко всему на свете, кроме собственного удобства. Всё своё время Боройгал проводил на приграничной полосе, на мокрое старался не выходить, жил поборами, а также тем, что добывали две его жены, целый день копавшие чавгу в самых кормных, но зато и самых опасных местах. Вчера одна из них погибла, но это слабо огорчило Боройгала. К детям он был равнодушен, а жён всегда можно найти новых. В жизни Боройгал ценил лишь обильную жратву, возможность ничего не делать да еще крепко заквашенную хмельную брагу, что готовят из перезревшей чавги.

— Воевать не станем, — сообщил Боройгал. — Людей осталось мало, так что завтра отправим к западным послов. Мы будем кормиться на их оройхоне, а потом примем у себя их людей. Но только крепкие семьи — те, где есть мужчины. Таких там немного, но они сила и заставят заткнуться остальную шуштуру. Зато мы обойдёмся без войны.

— Так ведь и они станут кормить только крепкие семьи!.. — выкрикнул женский голос.

— Правильно, — согласился Боройгал. — Так и должно быть.

— А как же мы?

Боройгал повернулся на голос, колючий взгляд царапнул Шоорана, прижавшегося к матери, которая задала этот вопрос.

— Тебе надо было думать раньше, — язвительно сказал Боройгал, обнажив в улыбке чёрные пеньки сгнивших зубов. — Я тебя предупреждал.

Мама взяла Шоорана за руку, молча развернулась и пошла прочь. Шооран ничего не понял из короткого разговора между матерью и предводителем уцелевших, но почувствовал угрозу в словах Боройгала и теперь был рад, что они с мамой уходят гордые и непобеждённые. Лишь когда они отошли так, чтобы их стало не видно, Шооран дёрнул маму за рукав и спросил:

— А что, он тебя предупреждал? Он знал, когда Ёроол-Гуй придёт?

— Нет, он ничего не знал, — ответила мама. — Он просто мстит.

— За что? — удивился Шооран.

Он знал, как мстят мальчишки, избивая и вываливая в нойте противника, и знал, за что они могут мстить. Но какова месть взрослых, Шооран представить не мог и потому, не дождавшись ответа, снова дёрнул маму за рукав и переспросил:

— Как это мстит? За что?

— Когда-то он хотел, чтобы я пришла к нему третьей женой, — сказала мама, — а я отказалась. Вот он и зол на меня.

— Правильно отказалась! — поддержал Шооран. — Этот Боройгал здоровущий, а бездельник. Я и то лучше промышляю. Согласилась бы, так тебе же его и кормить пришлось бы.

— Не в этом дело, — сказала мама. — Он свою долю и так отбирал. Просто я не хотела с ним жить. Ты отца не помнишь, а ведь этот Боройгал по сравнению с ним словно мелкий жирх. Потому он и звал меня в жёны, что отцу завидовал... даже после смерти. А я отказала.

— Мама, а правда, что мой отец был илбэч и что наш оройхон построен им? — спросил Шооран, на секунду вдруг поверивший в утешительную сказку всех одиноких мальчишек.

— Нет, что ты... — Мама опустила на землю, притянула к себе Шоорана, словно младенца укутала его своим жанчем, и Шооран не возмутился, покорно приник к матери, затих, слушая. — Я жила с отцом очень долго, а илбэч не может сидеть на одном месте, он должен бродить по всем краям, выбирая место для нового оройхона. Когда проходит слух, что родился илбэч, люди, прежде недоверчивые, соглашаются пропускать через свои острова бродяг. Это тяжёлое, дурное время. Никто не хочет работать, все снимаются с мест в поисках новых земель или ждут, что их болотина станет вдруг сухим оройхоном, а они сами из грязекопателей превратятся в знатных цэрэгов. Бродяги воруют и грабят, опустошают оройхоны не хуже Многорукого. В конце концов жители начинают бить их, забыв, что среди бандитов бродит и их спаситель. Постепенно слухи затихают, и люди остаются такими же нищими, как были. А когда и вправду начинают возникать новые острова, то получается ещё хуже. Кому-то везёт, а ос-

тальные пропадают, потому что Многорукий в такие годы приходит чуть не каждую неделю. Он ищет илбэча, но гибнут только простые люди. Я хорошо помню, как это происходило больше дюжины лет назад и не хочу второй раз пережить подобное, хотя именно тогда был построен наш оройхон. К тому времени многие из людей думали, что истории, которые рассказывают об илбэче Ване, — сплошная выдумка. Со времён Вана прошло больше двойной дюжины лет. Ты представить себе не можешь, как это много — дюжина дюжин. С тех пор в мире не рождалось илбэчей, или они не желали строить оройхоны. Хулгал даже рассказывает, что сам Ван на двойную дюжину лет отдал дар илбэча Многорукому. Не знаю, кто прав, но только люди отвыкли от чудес. И вдруг оройхоны стали появляться один за другим. Они возникали каждый месяц, иногда по нескольку штук. Тогда и начались беды, о которых я говорила. Все бросились искать лучшей доли, все мечтали о несбыточном, многие погибли, и никто не стал счастливее. Это продолжалось почти два года, и когда люди поняли, что илбэч исчез — скорее всего, Многорукий дотянулся до него, — то оказалось, что в стране не стало ни единым сухим оройхоном больше, илбэч натиркал свои острова как попало, все они непригодны для жизни, лишь изгой обитают там, и банды ночных пархов прячутся от войск вана. С тех пор последнего илбэча называют безумным, да, наверное, он и был не в себе. Дар илбэча слишком тяжёл для нормального человека, так что не стоит верить всему, что рассказывают о Ване. Впрочем, наш оройхон безумный илбэч поставил так, что у нас появилась сухая полоса вдоль аваров. Поэтому здесь не принято ругать безумного илбэча. Но и вспоминать о нём лишний раз — не стоит. Пусть старик Тэнгэр думает о героях, мы с тобой их ждать не будем. Я бы никогда не согласилась стать женой илбэча. Через два поколения его дела покажутся прекрасными, но не допусти мудрый Тэнгэр жить с ним рядом. Человек не должен мешаться в дела бессмертных и лишний раз будить Многорукого. Твой отец был обычным человеком, но самым лучшим из всех, кто ходил по оройхону. Если бы он захотел, он поселился бы в сухих краях и стал цэрэггом, но он говорил, что там правды ещё меньше, чем здесь. Поэтому он жил с нами. Он был добр и не только кормил семью, но и помогал слабым и одиноким. Пока он не умер, мы жили богаче вана. У отца были доспехи из панциря огром-

ного гвааранза. В них он в одиночку спускался в шавар и приносил оттуда таких зверей, что посмотреть на них сбегался весь оройхон...

— Когда я вырасту, я тоже буду таким, — перебил Шооран. — Я уже поймал одну тукку, но она убежала.

— Ну, конечно, — согласилась мама. — Ты обязательно вырастешь и добудешь ещё не одну тукку, ведь ты очень похож на отца. Я была у него второй женой, люди говорят, что это плохо, — первая жена чувствует себя забытой и обижается. Но у отца хватало любви на всех. Мы жили дружно, даже после того как отец погиб. В шаваре не было зверя, способного победить его, но крошечный зогг сумел проползти под панцирь и ужалить в грудь. Три дня отец мучился, потом почернел и умер. И я теперь даже не могу назвать его по имени. Но с его первой женой мы продолжали жить дружно. Обычно жёны кличут друг друга сёстрами, но мы и в самом деле жили как сёстры. Любви твоего отца хватало нам даже после его смерти. Наверно, мы и сейчас жили бы вместе, но два года назад её взял Многорукий. У неё остался сын, он уже совсем взрослый и живёт сам, ты должен его знать, его зовут Бутач.

— Что?.. — спросил Шооран. — Бутач — мой брат?

— Ну, конечно, — сказала мама. — Ты разве не знал?

— Нет... — прошептал Шооран и, помолчав, добавил совсем тихо: — Лучше бы я отдал ему мою тукку. Тогда мы оба сумели бы убежать. Я же говорил, что Бутач остался на оройхоне.

— Тихо! — сказала мама. — Если он погиб, то называть его по имени нельзя. Имена всех умерших принадлежат Многорукому.

— Мама! — укоризненно сказал Шооран. — В это верят только женщины, а я — мужчина. Даже Многорукого я не боюсь называть по имени. Его зовут Ёроол-Гуй. Вот видишь — ничего не случилось.

— Всё равно — не надо, — сказала мама. — Не зови беду. Вот, поешь чавги и давай спать. Завтра мы уходим отсюда.

Они поужинали остатками старых запасов, легли на жаркую от близких аваров землю, прижавшись друг к другу и укрывшись одним жанчем. И, уже засыпая, Шооран повторил:

— Всё-таки лучше бы я отдал мою тукку...

Наутро, едва туман, плывущий по небу, окрасился в жёлтый цвет, мама подняла Шоорана, и они отправились на восток. Там, разумеется, знали о беде, постигшей соседей, и давно приготовились гнать прочь ищущих пристанища людей. Несколько дюжин воинов в роговых панцирях, в высоких, утыканых иглами башмаках, в шлемах с прозрачными забралами, сделанными из выскобленной чешуи, ходили вдоль поребрика или сидели, положив на колени короткие копья. Поскольку положение было чрезвычайное, то командовал отрядом одонт — наместник вана. Это был грузный и уже немолодой мужчина, чрезвычайно страдающий от необходимости таскать на себе доспехи из кости и грубой кожи водяных гадов. Одонт сидел, сняв шлем и обмахиваясь пропитанной благовониями губкой. Пот каплями выступал на его лице и лысине. Вид у одонта был совершенно не воинственный, и Шооран немало удивился, когда мама направилась прямо к этому, никакого уважения не вызывающему толстяку.

Один из стражников, не поднимаясь с места, потянулся за камнем, лениво швырнул его в женщину.

— Эгей, гнилоедка, уползай в свой шавар, ты здесь никому не нужна!

— Доблестный одонт, — не глядя на стражника и не обращая внимания на удар, произнесла мать, — да пребудут вечно сухими твои ноги! Я пришла торговать, и у меня есть что предложить тебе.

— Что у тебя может быть?! — Оскорблённый невниманием цэрэг замахнулся копьём. — Убирайся вон!

— Я принесла харвах.

— Мокрая грязь!

— Мой харвах сухой, — возразила мать.

— Покажи, — впервые заинтересовался разговором одонт.

Мама достала из заплечной сумы пакетик из выдубленной кожи безногой тайзы, протянула его одонту. Начальник развернул свёрток, добыл из него щепотку коричневого порошка, понюхал, положил на камень и, повернувшись к цэрэгу, приказал:

— Проверь.

Цэрэг недовольно опустил копье и склонился над крошечной щепотью порошка.

Шооран во все глаза следил за воином. Он не понимал, откуда у мамы харвах. На всём оройхоне один Хулгал осмеливался сушить это зелье, да и то лишь потому, что был калекой и не мог иначе прокормить себя. «Недолгий, как жизнь сушильщика», — говорила поговорка. Хулгал уже лишился глаза и двух пальцев на левой руке. Сушить харвах — всё равно что дразнить Многорукого, так неужели Хулгал запросто подарил маме столько зелья? Такого не может быть.

Цэрэг ударил по концу копыя кремнем, раздался громкий хлопок, яркая вспышка заставила воина отшатнуться.

— Хороший харвах, — похвалил одонт, наблюдая, как стражник утирает опалённую физиономию. — Что ты за него хочешь?

— Нам с сыном негде жить.

— И ты полагаешь, что я позволю тебе войти на острова сияющего вана только потому, что ты умудрилась украсть где-то немного харваха? — возмутился одонт. — Может быть, ты желаешь к тому же поселиться в моём доме и каждый день есть горячее?

— Я никогда и ничего не воровала, — возразила мать. — Этот харвах я собрала и высушила сама.

— Сушильщики всегда нужны, — задумчиво произнёс одонт. — Если бы ты была одна, я, пожалуй, пропустил бы тебя...

— Мама, не бросай меня! — отчаянно зашептал Шооран. — Я буду тебе помогать, я тоже стану сушильщиком...

Мама крепче сжала руку Шоорана и твёрдо ответила:

— Я пошла на это только ради сына. Вы должны пустить нас обоих или обоих прогнать.

— Ты говоришь так дерзко, словно Ёроол-Гуй отличает тебя от других людей. Гнилоеды, разговаривающие со мной таким тоном, очень скоро узнают, кто живёт в шаваре. Но сегодня я добр и пропущу вас обоих. Ты будешь готовить харвах для войск царственного вана, да не узнают его ноги сырости. Каждую неделю ты должна сдавать по два ямха хорошо высушенного харваха. Всё остальное, что ты изготowiшь, пойдёт в твою пользу.

— Кроме праздника мягмара, — возразила мать. — Эта неделя принадлежит Многорукому, сушильщики в это время не работают.

— Ладно, ладно, — согласился одонт. — Мунаг, проводи её и покажи, где они будут жить.

Опалённый взрывом цэрэг сделал знак рукой, и Шооран вместе с мамой ступил на землю царственного вана.

Ничего вокруг не изменилось. Так же справа курились раскалённые авары, а слева тянулся мокрый оройхон, на котором копошились грязные, оборванные люди. Правда, Шоорану показалось, что эти люди чересчур грязны и слишком оборваны. Но, скорее всего, это действительно всего лишь показалось из-за того, что жители спешили раболепно поклониться идущему цэрэгу. На родном оройхоне Шоорана никто так низко не сгибался даже перед могучим Боройгалом. И было ещё одно отличие: всё пространство на сухой полосе почти вплотную к аварам было поделено на маленькие квадратики. На каждом квадратике кто-то жил, на колышках была натянута кожа водяных гадов, защищающая от огня аваров и мозглых туманов, несущих с далайна лихорадку. Под тентами хранились какие-то вещи, хотя хозяина порой не было видно рядом — значит, воровство процветало здесь не так пышно, как на свободном оройхоне.

Мунаг свернул к одному из закутков, отдёргнул шуршащий полог. Сначала Шооран не понял, что лежит перед ними на драной подстилке. Почудилось, что это кукла вроде тех, что лепят из грязи во время праздника мягмара, принося жертву Ёроол-Гую. И лишь потом он понял, что перед ним человек. Обмотанные тряпками руки, вздущееся лицо, сквозь трещины обугленной кожи сочится сукровица. Закатившиеся глаза слепо поблёскивают сквозь щёлки опухших век, и лишь прерывистое дыхание указывает, что лежащий жив.

— Это наш сушильщик, — сказал Мунаг. — Ты могла торговать гораздо больше, чем получила. Но всё равно, — стражник тряхнул бородой в мелких колечках сгоревшего волоса, — ты шальная баба. Не думал, что такие бывают. Будете жить здесь. Сегодня или завтра этого сташат в шавар, и всё добро станет вашим. Клянусь алдан-тэсэгом и вечными мыслями Тэнгэра, в первый раз вижу женщину-сушильщика! Право слово, ты мне нравишься, хоть и бешеная.

— Не смей ругаться на мою маму! — сказал Шооран.

— И сынок у тебя под стать. Мелкий, как жирх, а наглый, словно у него Ёроол-Гуй в приятелях. Давай, парень, вырас-

тешь — в помощники себе возьму. Мне нравятся наглые. Желаю вам подольше уцелеть.

Мунаг повернулся и пошёл по дорожке, насвистывая под нос и задевая древком копья за развешанные кожи.

Шооран долго смотрел на лежащее тело, а потом спросил:

— Мама, что с ним?

— Наверное, у него вспыхнул харвах во время сушки, — ответила мама, — и он сгорел.

— Мама, не надо быть сушильщиком! — закричал Шооран. — Пойдём отсюда, я не хочу, чтобы и ты сгорела!

— Ничего, мальчик, — сказала мама. — Я буду очень осторожной.

* * *

Сырой харвах собирают в зарослях хохиура. Жёсткая трава быстро вырастает и, ещё не созрев, начинает гнить. Толстые ломкие стебли густо покрываются рыжей плесенью. Это и есть харвах. Грязные хлопья соскребают с веток, пока не наберётся полная торба — тяжёлая и мокрая. Потом мама прожарит харвах на аваре, и он превратится в тончайшую пыль, без которой не выстрелит ни тяжёлая пушка-ухэр, ни лёгкий татац, что свободно переносят двое солдат.

Уже больше года, как Шооран с мамой живут под рукой великого вана, и ничего плохого за это время не произошло. Шооран вырос, теперь он сам собирает харвах, ходит за ним по всему оройхону и не раз доходил к самому далайну. Больше он не бежит от далайна сломя голову, хотя и понимает, что разгуливать там зазря не стоит. Впрочем, этот оройхон почти безопасен, всего побережья в нём — дюжины три шагов, а значит, всегда можно успеть перескочить границу. Гораздо опаснее в центре — там далеко бежать.

Шооран поднял голову. Тяжёлая низкая волна только что расплескалась о край оройхона, влага ещё стекала сквозь груды разбитой живности, и какие-то мелкие существа, изгибаясь, прыгали на камне, стараясь достичь родной стихии. На самом краю конвульсивно шевелящейся кучи Шооран заметил толстое цилиндрическое тело. Зверь был ростом почти с человека и гораздо толще. Он шлёпал по камню стреловидным хвостом, но сразу было видно, что толстяк не может сам

И главное — лишние четверть часа пути оправдывались тем, что часть дороги проходила вдоль сухого оройхона.

Тропа круто, под прямым углом повернула, а вернее, её пересекла другая тропа, на которую и свернул Шооран. Теперь слева тянулась земля воистину сказочная. Конечно, и там, как повсюду, поднимали свои вершины восемь суурь-тэсэгов, и там каменными горбами выпирали из земли тэсэги помельче, но нигде не было ни единой капли нойта, во всяком месте можно было сесть и даже лечь, не боясь испачкаться, обжечься, отравиться. На узкой, доступной людям полосе огненного оройхона тоже было сухо, но поблизости от аваров не росло ничего, а здесь землю покрывала нежная, ничуть не похожая на жёсткий шуршащий хохиур трава. У этой травы были тонкие зелёные стебли, на верхушках которых качались гроздья не то ягод, не то семян — Шооран не знал, что это, но инстинктивно чувствовал, что гроздья съедобны, и судорожно сглатывал слюну, набегавшую от одного вида такого количества вольно растущей пищи.

В одном месте он увидел, как между тэсэгами течёт ручей. Это была настоящая вода, которую покупала для него мама. Вода текла совершенно свободно и, кажется, никуда. В ручье, наполовину скрытые водой, лежали медлительные толстые звери. Они смотрели на Шоорана пустым благодушным взглядом и сосредоточенно жевали плавающие в воде растения. Даже отсюда было видно, как беззащитны эти животные и как вкусно их мясо. Но в то же время Шооран знал, что их защищает сила, более могучая и опасная, нежели самые ядовитые шипы и острые зубы. Здесь и там на делянках виднелись фигуры работающих, и если кто-то из них поднимал голову, то Шооран встречал опасливый и ненавидящий взгляд. Всё вокруг кому-то принадлежало, и за одну горсть зерна хозяин, не задумываясь, придушил бы похитителя. Чёткие границы, лежащие в основе оройхонов, определили и границы между людьми. В мирное время лишь цэрэгам и высшей знати дозволялось свободно переходить с одного оройхона на другой, остальные годами сидели на своем крошечном пятачке, радуясь, что они здесь, а не на мокром, где в любую минуту из вздыбившегося далайна может явиться жаждущий крови Ёроол-Гуй. И ненависть к болотному отребью: грязному, вонючему и оборванному, покрытому язвами и болячками, но

живущему на единую каплю свободнее, неугасимо пылала в их душах.

Всего этого Шооран не знал, он видел лишь, что всякий по левую сторону дорожки в сравнении с ним живёт, словно восседает на алдан-тэсэге, и окрашенную восхищением уверенностью, что так и должно быть и люди там особые, ещё не отравило сомнение. Но зато гордость в нём уже проснулась, и Шооран шёл, повернув свёрток так, чтобы на сухой стороне всем была видна голова авхая, изредка уныло двигавшая усами. Шооран поступал так почти безотчётно и даже помыслить не мог, чем обернётся его невинное тщеславие.

Возле раскидистого туйвана, развалившего узловатыми корнями небольшой тэсэг, Шоорана окликнули:

— Эгей, гнилоед, а ну ползи сюда!

Под деревом Шооран увидел нескольких мальчишек. В центре сидел тот, кто позвал его. Он был значительно старше Шоорана, но вряд ли сильнее — ухоженное лицо было подетски округлым и глуповатым. В руке он держал надкушенный плод, один из тех, что украшали крону царского дерева.

— Ползи сюда, когда тебе повелевает сияющий ван! — потребовал мальчишка.

Шооран не двинулся с места. Он впервые видел так близко детей сухого оройхона и теперь поражался их одежде — чистой и мягкой, розовым необожжённым рукам и не по возрасту детскому занятию: дома в великого вана играли только пятилетки — один приказывал, другие повиновались, выполняя команды. А здесь сидели и стояли с десятков почти взрослых парней. Один из них резко взмахнул палкой и выбил из-под руки Шоорана скатанную шкуру. Шооран наклонился, чтобы поднять её, но его ударили в спину, свалили и, заломив руки, подтащили к сидящему толстощёкому мальчишке.

Игра приобрела неожиданно неприятную окраску.

— Славная добыча! — сказал толстощёкий, разглядывая Шоорана. — Как ты посмел ослушаться, вонючка?

— Я работаю, мне некогда заниматься играми, — хмуро ответил Шооран.

— Вы слышали, что сказал этот пожиратель нойта?! — Сидящий не скупился на оскорбления. — Он работает!.. Кто позволил тебе ступить грязной ногой на мою землю?

— Вы сами меня затащили, — защищался Шооран, но его не слушали.

Внимание толстощёкого привлекла шкура, а вернее — голова авхая.

— Кутак, глянть, как они похожи! — обратился толстощёкий к одному из приятелей. — Это он свою невесту распотрошил. А ну, поцелуйтесь! — приказал он.

Парни обидно захохотали. Шоорану под нос сунули слизистую морду авхая с белесыми точками снулых глаз. Шооран попытался отвернуться, но ему продолжали тыкать в лицо беззубой пастью.

— Смотрите, он не хочет! — закричал толстощёкий. — Он бунтовщик! Бросить его в далайн!

Угроза казалась бессмысленной, до далайна была тройная дюжина шагов через мокрый оройхон, но, когда Шоорана силой подняли на ноги, он заметил, что двое взрослых людей, возившихся неподалёку, отвернулись и спешно уходят, и понял, что хорошего ждать не приходится. Если его начнут окунать лицом в нойт... Шооран дёрнулся и сумел вырваться из зажавших его рук. Противники метнулись, отрезая Шоорану путь к отступлению, но Шооран не думал о бегстве. Эта банда просто так, играючись, нарушала все священные мальчишеские правила, и теперь Шоорану хотелось мстить. Он ринулся к толстощёкому и, не раздумывая, влепил оглушительную затрещину. Потом повернулся к остальным врагам. Те на секунду замерли, разом выдернули из-за кушаков короткие толстые палки и двинулись вперёд. По изменившимся лицам и замедлившимся движениям Шооран понял — пощады не будет. Убьют.

— Бейте его! — завизжал толстощёкий, но в этот момент Шооран, принявший единственное верное решение, прыгнул на него. Толстощёкий был старше и много крупней Шоорана, но оказался неожиданно слаб и рыхл. Шооран, даже не ощутив сопротивления, повалил врага на живот, левой рукой ухватил за чисто вымытые волосы, дёрнув, задрал ему голову, а правой приставил к жирной шее выхваченный кинжал. Масло блеснуло полупрозрачное костяное лезвие.

— Назад! — предупредил Шооран подступающих парней. — А то ему не сдобровать.

— Ых-га... — подтвердил толстощёкий, кося глазом на шекочущее шею остриё.

Парни нерешительно расступились.

— И запомни, — раздельно произнёс Шооран, встряхивая

для убедительности толстощёкого. — Ты мелкий вонючий жирх. Если ты ещё раз попадешься на моём пути, я напою тебя нойтом и брошу в шавар. Понял?

Толстощёкий согласно икнул.

— Тогда повтори, что я сказал.

— Я... мелкий... вонючий жирх... Ты бросишь... меня... в шавар, если я попадусь.

— Сначала заставлю напиться нойта.

— Сначала... напиться нойта...

— Правильно. — Шооран рывком поднял толстощёкого на ноги. — Скажи своим, чтобы бросили палки и отошли в сторону.

— Отойдите... — полузадушенно прохрипел пленник.

— И учтите, тухлые слизи, если вы вздумаете идти за мной следом, ни один из вас не вернётся домой живым.

Шооран едва заметно шевельнул пальцем, по тончайшему, выточенному в кости каналу скользнуло жало зогга и чёрной брызгой повисло на острие. Парни попятились, палки со стуком полетели на землю. Шооран, волоча за собой толстощёкого, выбрался на тропу, поднял сумку и шкуру авхая. Часть харваха из сумы высыпалась, но Шооран не стал подбирать его. Он лишь пнул толстощёкого коленом под мягкие ягодицы, отчего тот кувырком полетел с поребрика, и бросился прочь. Никто за ним не погнался. Вообще-то Шооран хотел столкнуть пленника на мокрую сторону, в грязь, но в последнюю секунду ему стало жаль красивой и наверняка очень дорогой одежды.

Отбежав немного, Шооран прыгнул с тропы на свой оройхон и, петляя между тэсэгами, помчался к дому. Лишь когда до сухой полосы, где жили они с матерью, оставалось всего несколько шагов, Шооран опомнился. Спрятавшись за ближайшим тэсэгом, он стряхнул с кинжала ядовитое остриё, осторожно отсоединил лезвие и хорошенько спрятал его.

Даже мама не знала, какое оружие хранит её сын. Костяной наконечник был подарком. Месяц назад охотники выволокли из шавара огромного гвааранза. Панцирь чудовища был отправлен в подарок одонту, а острые плавательные перья, из которых вырезали лезвия, разобрали цэрэги. Именно тогда недавно назначенный дюженником цэрэгов рыжебородый Мунаг снял со своего кинжала источенное остриё и бросил его Шоорану. Мунаг вообще хорошо относился к Шо-

орану и его маме, подолгу разговаривал с ними, когда они приносили высушенный харвах, а встретив на тропе Шоорана, громко кричал:

— Привет, маленький жирх!

— Привет, большущий Ёроол-Гуй, — отвечал Шооран.

Случившиеся поблизости жители испуганно бледнели при виде такого запанибратства, а Мунаг оглушительно хохотал, тряся бородой и распахнув тёмную, словно шавар, яму рта.

Лезвие Шооран привёл в порядок — вычистил и отполировал, подогнал свой нож под размеры костяного сокровища, просверлил даже намертво забитый канал для колючек. Неделю по вечерам, скрывшись от посторонних глаз, вращал костяной иглой в замусоренном канале или правил острière на куске кожи. Жало зогга, и не одно, а целых пять штук, Шооран добыл сам. Нарвал пятнистых стеблей хохиура и распихал их пышными метёлками вперёд в отверстия шавара. На следующий день вытащил те стебли, что остались целы, и в суккожившихся метёлках отыскал десяток зоггов. Оставалось только раздражить зогга, чтобы он, угрожая, выставил жало, а потом резким движением раздавить крошечного гада, прежде чем он успеет выпрыснуть яд.

Конечно, Шооран знал, что за такой ножик, узнай о нём одонт, владельца немедленно отправят пройти по шавару босиком, но удержаться не мог и изготовил всё как надо.

Теперь нож выручил его, но в то же время хранить его стало опасно, особенно если кто-нибудь из мальчишек донесёт о нём властям. Впрочем, Шооран надеялся, что этого не случится, в конце концов, первыми и всерьёз напали они, и вряд ли им захочется отвечать за свой поступок перед одонтом.

Приведя себя в порядок, Шооран вышел к палатке. Мама была дома. Шооран высыпал из сумы харвах и с гордостью раскатал перед мамой кожу авхая. Авхай уже полностью бездвигел, и это немного омрачало радость охотника.

— Какой ты молодец! — протянула мама восхищённо. — Настоящий охотник! Ты гляди — он ещё живой!.. — И действительно, словно специально авхай округлил приоткрытый рот и замер на этот раз навсегда.

— Это для тебя, — довольно сказал сын, — сшей себе новый жанч.

— Спасибо, — сказала мама. — Только как же быть, я се-

годня не смогу кожу обработать, мне сейчас уходить надо, я уже вымылась, видишь?

— До завтра кожа испортится, — непонимающе сказал Шооран.

— Знаешь, что мы сделаем, — догадалась мама. — Мы попросим Саригай, она шкуру выскоблит и замочит в нойте, а я завтра доделаю всё до конца.

— Как же, согласится она... — недовольно протянул Шооран, обиженный невниманием к своему подарку, — а если и согласится, то выскоблить кожу как следует не сумеет...

— Сумеет, — успокоила мама. — Я очень попрошу.

Когда соседка, обрадованная возможностью неожиданно заработка, ушла, захватив кожу, Шооран, всё ещё слегка обиженный, спросил:

— Мам, а куда ты идёшь?

— В гости, — шёпотом ответила мама. — Меня Мунаг пригласил.

— Он тебя в жёны берёт? — догадался Шооран.

— Нет, что ты... кто меня возьмёт, я же сушильщик. Он так просто пригласил. Но это неважно, он хороший человек, не злой. И ты ему нравишься.

— Да, Мунаг добрый, — сказал Шооран, вспомнив про нож.

Мама открыла большую флягу, которая обычно пустой лежала в углу, налила на ладонь несколько капель воды и, наклонившись, обтёрла лицо. Шооран смотрел молча, понимая важность момента. Потом, когда фляга была убрана, произнёс:

— У Мунага две жены, и обе моются водой каждый день. Они чистые и называют нас вонючками. Я знаю.

— Ну и что? — спросила мама.

— Я не понимаю, зачем Мунагу понадобилась ты? Может быть, он просто хочет посмеяться? — Шооран произнёс эту мучившую его фразу с решительным отчаянием, словно кидаюсь в далайн. Но ничего не случилось. Мама улыбнулась.

— Мунаг сильный, — сказала она, — а его жёны... я не знаю, какие они — должно быть, молодые и красивые и наверняка чистые, но ему скучно с ними. Ведь случается, что и блистающий одонт, ни разу в жизни не промочивший ног, живёт среди праздников и похвал более одиноко, чем послед-

ний изгой на мокром оройхоне. А может быть, ты и прав, а я просто девчонка, до сих пор не нажившая капли ума.

— Мама, — спросил Шооран, — ты счастливая?

— Конечно. У меня есть ты. Вырос уже, совсем взрослый стал — вон о каких вещах задумался. Конечно, счастливая.

— А если не обо мне, а просто о жизни. Так — счастливая?

— Так — не очень.

— И я — не очень.

Мама скинула жанч, и Шооран увидел, что под ним наде-та не простая рубашка, а тонкий праздничный талх, недавно выменянный на сухом оройхоне и ещё ни разу не надёван-ный. Из потайного кармана жанча мама достала нитку драго-ценного лазурного жемчуга, который изредка находят в самых жутких закоулках шавара.

— Надеть? — спросила мама и, не дожидаясь ответа, на-кинула ожерелье на шею.

— Какая ты красивая!.. — восхищённо протянул Шоо-ран. — Это настоящий жемчуг? Откуда он у тебя?

— Его добыл отец, — лицо матери омрачилось, она протя-нула руку, чтобы снять с шеи пронзительно голубую нить, но в этот момент полог навеса отлетел в сторону, сорванный сильной рукой, и в проёме показался тяжело дышащий Му-наг.

— Где он? — потребовал Мунаг.

— Кто? — не поняла мама.

— Твой Шооран только что зарезал любимого сына одонта.

— Неправда! — крикнул Шооран. — Я никого не резал!

Мунаг, только теперь заметивший Шоорана, шагнул к нему, выдернул из-за пояса у мальчика нож, осмотрел верно-подданнически затупленный край.

— Ты не врёшь? — спросил он с угрозой.

— Честное слово. Они хотели бить меня палками, а я их только пугал. Они первыми схватили меня...

— Ты клянёшься, что на наследнике нет ни единой цара-пины? — Мунаг приблизил к лицу Шоорана бешеные глаза.

— Как перед Ёроол-Гуем, — подтвердил Шооран.

— Где накладка? — Мунаг протянул ладонь.

Шооран покорно достал спрятанное лезвие. Глаза у мамы расширились, она испуганно зажала рот рукой.

— Иглы! — потребовал цэрэг.

— В ручке, — Шооран кивнул на нож.

Мунаг отковырнул затычку, удовлетворённо хмыкнул и пересыпал смертельные занозы в рукоять своего кинжала. Мама издала судорожный всхлип. Увидев тайный арсенал сына, она была готова поверить, что он действительно во-
рвался на сухой оройхон и зарезал не только любимого сына
наместника, а всех его детей, жён, слуг и самого одонта вместе с ними.

— Сиди здесь! — приказал Мунаг и быстро вышел наружу.

— Я не хотел его трогать!.. — горячо зашептал Шооран. — Я даже в нойт его не скинул, хотя они заставляли меня целоваться с авхаем...

— Одонт всё равно не поверит, — выдавила мама сквозь побелевшие губы.

На улице зычный голос Мунага проревел: «Я тебе покажу, как ходить с ножом!» — потом послышался звук удара и плач Жаюра — малолетнего сына Саригай. Мунаг вернулся в палатку. В руке у него была детская игрушка — ножик из высушенного листа хохиура. Лист был жёлт и полупрозрачен, но костяное лезвие напоминал слабо.

— Не знаю, смогу ли что-нибудь сделать для вас, — произнёс Мунаг в раздумье, — но попробую. Мне тоже не хочется, чтобы о моём оройхоне шла дурная слава. Запомни, у тебя никогда не было ни ножа, ни игл, а только эта штучка. А теперь идём — одонт приказал доставить тебя к нему.

* * *

Одонт Хоргоон был наместником сияющего вана на самой западной окраине его владений. Провинция, отданная под управление Хоргоону, была до обидного мала — всего два сухих оройхона, а причиняла бед и волнений больше, чем любое обширное владение в центре страны. Ведь, кроме приносящих радость сухих земель, ему приходилось следить за четырьмя мокрыми и тремя огненными островами. В мокрых оройхонах, хоть они и считались покорными, никакого порядка не было, жители там шатались, где хотели, и немногим отличались от мятежников и изгоев. По ночам на сухие края набегали шайки грабителей, вооружённых костяными пиками и режущими хлыстами из уса членистоногого парха. По этому страшному оружию грабители называли себя «ночными пархами». Они уносили с собой всё, даже то, что, каза-

лось, невозможно сдвинуть с места, а к утру исчезали неведомо куда, словно проваливались в шавар. В провинции, где мокрых оройхонов насчитывалось вдвое больше, чем сухих, бороться с грабителями было крайне трудно. К тому же мешала скудость средств — власти выделили одонту совсем небольшой отряд: двойную дюжину цэрэгов и позволили, если понадобится, вооружать и содержать ещё сколько угодно воинов, но... за свой счёт. А какие могут быть доходы с двух оройхонов? Только-только обеспечить сносное существование, о том, чтобы состязаться в роскоши с правителями центральных земель — и речи нет. Где уж тут вооружать цэрэгов за свой счёт... Во всех делах приходилось опираться лишь на казённых воинов, гонять их по всякому поводу, и командиры дюжин, должно быть, костерили в душе доблестного одонта, да пребудут его ноги вечно сухими.

Но сегодняшние события заставили Хоргоона пожалеть, что он не содержит столько солдат, чтобы выловить и истребить всех мерзавцев с гнилых болотин. Любимый сын, рождённый от седьмой жены и названный в честь отца Хооргоном, вернулся домой избитым. Бандит, ворвавшийся с мокрой стороны, напал на него среди бела дня, глумился и угрожал, нацелив в горло нож, и лишь особая милость вечного Ёроол-Гуя спасла ребёнка от страшной смерти. А сыновья цэрэгов, приставленные к малышу для игр и защиты, ничем не помогли ему. Нечего сказать — отличные солдаты растут в землях вана! По счастью, один из парней признал нападавшего и указал, где тот живёт. Одонт повелел изловить и привести негодяя и приготовился усладить свой взор зрелищем его медленной смерти.

Когда дюженник Мунаг привёл Шоорана, лицо одонта удивлённо вытянулось. Преступник оказался так мал, что Хоргоон усомнился, того ли сборщика харваха доставили к нему. Однако призванные телохранители (сам юный Хооргон лежал в постели) дружно подтвердили: «Он». Да и вид мальчишки, не научившегося ещё скрывать чувства, изобличал его — злодей явно узнал свои жертвы. Теперь возраст гнилоёда не смущал судьбу — в конце концов ползающий зогг ещё мельче, но не безобидней.

— Где ты взял нож, вонючая тварь? — багровея, спросил одонт.

Мунаг поднялся к суурь-тэсэгу, на котором восседал

одонт, и, наклонившись, начал шептать в волосатое ухо. Шооран, брошенный на колени у подножия суурь-тэсэга, разбирал лишь отдельные, случайно долетавшие к нему слова: «...игрушка... совершенно безобидно... дети просто перепугались... у меня никто не смеет... слежу день и ночь... понимает-ся, надо наказывать...»

Одонт взял из рук дюженника ножик, брезгливо осмотрел его, легко двумя пальцами разломил на части. Отбросил в сторону обломки и перевёл взгляд на Шоорана. Да, преступник мал, но он вырастет, возьмёт настоящее оружие. И раз он однажды поднял руку на благородного...

— В шавар! — приказал одонт.

— Нет! Не дам! — Шооран узнал голос мамы.

Одонт поднял взгляд на женщину, бьющуюся в руках цэ-рэгов.

— Это его мать, — пояснил Мунаг. — Она сушильщица... женщина-сушильщик.

— Знаю. Ну и что?

— У нас больше нет сушильщиков, а она сдаёт по два ямха харваха, за себя и за сына, и ещё продаёт столько же. Без неё мы не сможем отчитаться перед казной.

— Я же не её наказываю, — поморщился одонт. — Пусть она работает как и прежде.

— Если тронуть её сына, она работать не станет. Я её знаю — бешеная баба. Подорвётся, но не станет.

Одонт задумался. Он понимал, что Мунаг прав — недаром же говорят, что легче высушить далайн, чем заставить работать сушильщика, если он не хочет. А без харваха плохо придётся не ей, а ему — царственный ван особо заботится о содержании артиллерии и строго спрашивает с одонтов, если харвах начинает поступать с перебоями. К тому же не так много провинций, в которых сходятся мокрые оройхоны, где харвах собирают, и огненные, где его сушат. Так что спокойствие и сама должность Хоргоона зависели не столько от порядка на вверенных оройхонах, сколько от производства взрывчатого порошка. Последнее время наместника не тревожили эти проблемы, но теперь он понял, что забывать о них не следовало. И как ни жаль, но раз у него нет других сушильщиков, придётся выполнить требование этой взбесившейся тайзы и отпустить её отродье.

Хоргоон внимательно взглянул в лицо женщины. Обыч-

ная гнилоедка, гадкая и грязная. Она даже не подозревает, сколь многое зависит от её ловкости и удачливости. Особенно — от удачливости; уже год она работает, и до сих пор ни одной вспышки. Кто знает, может, не так и проста эта тварь. И лицо её, опалённое жаром аваров, кажется слишком чистым, и из-под накинутого на плечи грубого жанча виднеется край талха, какой в этих краях носят только жёны цэрэгов. Наместник досадливо потряс головой: на мгновение близоруким глазам почудилось, что на шее гнилоедки голубеют жемчуга. Ну, этого попросту не может быть! Гнилоедка должна быть глупа, грязна, и, несомненно, она такова и есть и закричала на одонта просто от глупости, а не потому, что чувствует свою власть. Он владыка этих мест, хозяин жизни и смерти, он сумеет поставить дурную бабу на место.

Одонт поднял руку, требуя тишины.

— Мальчишка совершил преступление, которое нельзя оставить безнаказанным, — начал он, — но преступник ещё слишком мал, и поэтому отвечать за него будет мать!

Одонт скосил глаза на женщину. Та стояла, очевидно, ментально успокоившись, на её лице сановник не заметил и тени испуга. И вновь за распахнувшимся воротом жанча дразняще заголубел призрак ожерелья. Несомненно, женщина знала себе цену или же просто была лишена страха. Обязательно в ближайшее же время надо будет озаботиться подысканием новых сушильщиков. А пока... Одонт вздохнул и закончил приговор:

— На виновницу накладывается штраф. В течение трёх дней она должна внести в казну восемь ямхов просушенного харваха.

— Завтра начинается мягмар, — сказала мать. — Мне нечего будет сушить...

Наконец-то на лице гнилоедки появилась растерянность!

— Ничего, — злорадно сказал Хоргоон. — Сырой харвах тебе принесут. А мальчишку, — добавил он, чтобы окончательно закрепить свою победу, — выпороть!

* * *

Праздник мягмара — весёлый мягмар, буйный мягмар, великий мягмар. Простолюдины, знать и изгои отмечают его по всем оройхонам. В этот день старик Тэнгэр закончил свой

труд, и Ёроол-Гуй справляет новоселье. Ежегодно в первый день мягмара мерно дышащий далайн вскипает и покрывается пеной. Это пляшет в бездонных глубинах владыка всего живого — вечный и неуничтожимый Ёроол-Гуй. Далайн бушует, и на берег бывают выброшены удивительные монстры, каких в иное время вряд ли можно встретить. И только сам многорукий хозяин в течение всей праздничной недели ни разу не появится на поверхности.

Наслаждаясь безопасностью, идут к далайну знать и священники, несут дары живому и жестокому божеству, просят себе удачи и новых богатств, а простой люд спешит на трудный, но прибыльный промысел. Вздумавшийся далайн затопляет шавар, из которого выбирается вся нечисть, скопившаяся там. Тукка и крепкоспинный гвааранз бродят по оройхону среди дня, и надо только суметь их взять.

На сухих оройхонах тоже происходят изменения. Источники воды, слабевшие в течение всего года, наполняются новой силой, постепенно замиравшая жизнь бурно пускается в рост. Первый урожай после мягмара всегда самый обильный, по нему легко судить обо всём грядущем годе. И живущие в сытости и безопасности земледельцы тоже идут в это время к далайну, просить у чужого бога хорошей воды. Бросают в бурлящую глубину пучки хлебной травы и слепленные из земли человеческие фигуры. Приносят и более серьезные подношения. Поют жалобно и протяжно, а потом, после очистительных молитв, предаются разгулу, каждый в меру своих достатков.

По числу отпразднованных мягмаров считают года, если земледельцы отмечают месяцы по собранным урожаям, то на мокрых оройхонах нет иного отсчёта времени. Щедрый мягмар — обещание будущей жизни и будущих бед. Бесшабашная неделя пройдёт быстрее, чем хотелось бы, и едва в далайне осядут пышные холмы грязной пены, как многорукий убийца вынырнет из глубины, чтобы доказать, сколь напрасны были жертвы и молитвы, обращённые к бессердечному Ёроол-Гую.

А пока неделя только началась, и все гуляют, радуясь, что хотя бы одна, причём самая большая беда сегодня не грозит. И только двое преступников — Шооран и его мама не могут позволить себе отдых. Приказ одонта строг: в течение трёх дней — восемь ямхов харваха. Когда мама привела домой из-

битого Шоорана, мешки с мокрым зельем уже дожидались её. Мама развязала один из мешков и тихо ахнула: набранный на далёких от границы островах, долго и небрежно хранившийся харвах слежался и уже начинал преть. Сушить его надо было немедленно, и мама, не сказав больше ни слова, взвалила пару мешков на спину и отправилась к большому авару, особенно далеко вторгавшемуся на сухую полосу, «своему авару», как называла она его.

Шооран, преодолевая боль в истерзанной острым хитином спине, тоже подошёл к одному из мешков. Плох был харвах, хуже некуда. Ни у одного из сборщиков мама не стала бы брать такой. Шооран, присев на корточки, старался распушить слипшуюся рыжую массу, выбирал попадающиеся кусочки листьев и молча, про себя, чтобы и всезнающий Тэнгэр не услышал, чёрными словами ругал одонта, толстомордого наследника, его бесчестных прихлебателей, сборщиков, наскрёбших где-то этот, с позволения сказать, харвах, чиновного баргэда, принявшего такую работу. Проклинал и гнилой хохиур, спасший их с мамой год назад и продолжающий кормить до сегодняшнего дня.

С грехом пополам перебрав один мешок, Шооран понёс его маме: Нести мешок на спине не мог — хитиновая плётка из живого волоса иссекла кожу на спине. Спасибо Многорукому, что палач не взялся за хлыст — чешуйчатый ус парха бьёт хуже топора.

Мама стояла перед жарко светящимся аваром, мокрый харвах шипел на раскалённой поверхности, удушливый пар поднимался столбом. В одной руке мама держала метёлку из ненавистного отныне волоса, собранного по краю далайна, в другой — лопатку, вырезанную из панциря какой-то твари. Надо было успеть, прежде чем высушенный и прокалённый харвах вспыхнет, смести его в подставленную посудину. Эти пятнашки со смертью и составляли суть работы сушильщика.

Шооран, замерев, следил за мамиными движениями. Шелковистые на вид пряди метёлки трещали, касаясь огненной скалы, запах палёного рога заглушал даже вонь скворчащего харваха. В какое-то мгновение Шооран заметил, что на сметённой поверхности остался след, должно быть, волос не смог сдвинуть попавшийся в дурно собранном харвахе лист или кусочек стебля, и тотчас оттуда, причудливо извиваясь, побежала огненная змейка. Шооран отлично знал, что значит

этот огонёк. Когда-то он любил наскрести кое-как пригоршню харваха, кинуть его на авар и издали наблюдать, как он трещит, как высохший порошок бугрится по краям, шевелясь, словно живой. А потом по поверхности пробежала такая вот змейка, и харвах оглушительно взрывался, разбрасывая искры. Всё это промелькнуло в памяти, пока огонёк торопился к лепёшке харваха, показавшейся вдруг невообразимо огромной. Но за мгновение до неизбежного взрыва мама поддела горячий харвах лопаткой и отшагнула в сторону, развернувшись и прикрыв его своим телом. Остатки харваха на аваре вспыхнули, но их было слишком мало, хлопок получился слабым.

Мама бросила недосушенную лепёшку в чан с сырым харвахом, начала перемешивать. Шооран заметил, что руки у неё дрожат.

— Мама! — позвал Шооран.

Мама подняла голову и лишь теперь увидела Шоорана.

— Зачем ты здесь? — испуганно спросила она. — Быстро беги домой! Тут не надо быть.

— Вот, — Шооран кивнул на мешок. — Я его перебрал. Только он всё равно плохой. Не надо его сушить, я лучше потом наберу нового. И не клади так помногу. Пожалуйста...

— Глупенький! — Мама обняла Шоорана. Шооран сморщился от боли в спине, но ничего не сказал. — Если класть харвах помалу, он чаще взрывается. Запомни — трус живёт меньше всех. А ты не сможешь набрать столько харваха, так что придётся работать с этим.

— Всё равно, — сказал Шооран, — не надо сегодня больше сушить. Видишь, как полыхнуло.

— Это уже второй раз, — призналась мама. — Но завтра он будет ещё хуже, поэтому надо побольше успеть сегодня. А я пока сделала всего два ямха. Но теперь дело пойдёт легче, ведь ты мне помогаешь. С перебранным харвахом гораздо проще работать. Иди, перебирай. Только сюда больше не приходи, я зайду сама. Заодно отдохну по дороге.

— Давай я этот переберу. — Шооран подошёл к чану.

— Нет, — сказала мама. — Харвах вынимают из чана только на авар. А иначе... плохая примета.

— Ладно, ты только приходи скорее. — Шооран взял пустой мешок и пошёл к дому. Дома пересчитал мешки и принялся за работу. Он вытаскивал кусочки листьев, небрежно

содранные волокна, всякий сор и ворчал про себя. Какой это, к Ёроол-Гую, харвах! Его перебираешь, словно чавгу копаешь в грязи. Мама придёт, а он ещё и с одним мешком не управился...

Сильный удар прервал его сетования. Шооран вскочил и, сбив стойку навеса, побежал туда, где над аварами расплывалось дымное облако. Не было ни единой мысли, никакого чувства, он просто бежал, не думая, есть ли в этом хоть какой-то смысл.

Когда он добежал, пламя уже погасло. Мама лежала возле расколотого взрывом авара, из которого медленно, словно тягучие внутренности авхая, вытекал расплавленный камень. Шооран ухватил маму под мышки, потащил прочь от огня, бормоча:

— Сейчас, мама, сейчас я тебе помогу...

Должно быть, в последнюю секунду мама вскинула руку, защищаясь, либо осколки пошли низом, но лицо пострадало не так сильно, и Шооран смотрел только на него, стараясь не видеть груди и живота, где было жуткое месиво из обрывков жанча, угля, каменной крошки и запёкшейся потемневшей крови.

— Мама, — уговаривал Шооран, — я тебя уложу поудобнее и воды принесу. Там осталось...

Запрокинутая голова мёртво качалась между его рук. С шеи сползло лопнувшее забытое ожерелье, прощальным подарком скользнуло к ногам Шоорана. Лишь тогда он понял, что вода уже не нужна и ничего не нужно.

* * *

В те дни, когда великий илбэч Ван ходил по оройхонам, мир был иным. На мокрых островах ничего не росло, лишь безмозглые обитатели шавара — тайза, жирх и колючая тукка копошились в нойте. Но однажды, когда Ван выстроил очередной остров, из далайна явился Ёроол-Гуй. Илбэч стал одной ногой на новый оройхон, а другой — на старый и засмеялся, потому что не впервой ему было так играть со смертью. Однако Ёроол-Гуй не бросился на берег как обычно, а остановился и открыл главные глаза, чтобы посмотреть на человека вблизи.

— Что смотришь? — крикнул Ван. — Тебе всё равно меня не поймать!

— Здравствуй, илбэч, — ответил Ёроол-Гуй. — Сегодня я не буду охотиться за тобой. Я пришёл сделать подарок.

Всякий житель оройхона — даже малые дети — слышал о том, как на исходе срединных веков Ёроол-Гуй произнёс своё последнее слово, и знает, что с тех пор он не издал ни звука, но хитроумный Ван умел слышать мысли и разбирать несказанное, а значит, мог разговаривать даже с вечным Ёроол-Гуем.

— Мне не надо твоего подарка, — сказал Ван, — всё, что мне нужно, у меня есть. Или, может быть, ты хочешь снять проклятие и подарить мне счастье? Так знай, что, хотя я живу один и в неизвестности, я всё равно счастлив тем, что могу при-
теснять тебя по всему далайну.

— Я проклял тебя в те времена, когда ты ещё не родился, а вечность была молодой, и не сниму проклятия, пока вечность не одряхлеет, — возразил Ёроол-Гуй, — подарок же я принёс не только тебе, но и всем людям: тем, кого я не пожру сегодня, поскольку сегодня я добр, и тем, кого не пожру никогда, ибо из-за тебя, илбэч, не могу достать их. Мне стало скучно убивать столь слабых людей, вы не похожи на могучего Тэнгэра, я хочу, чтобы вы стали сильнее, и принёс вам средство для этого.

С этими словами Ёроол-Гуй бросил на берег тонкую тростинку. Она вонзилась в грязь и превратилась в стебель хохиура.

— Дарю его тебе и всем людям, — сказал Ёроол-Гуй. — Когда этот стебель обрастёт рыжим харвахом, собери его, и твоя сила умножится беспрельдно. Может быть, тогда мне будет не так скучно. А пока — прощай!

Далайн сомкнулся над Ёроол-Гуем, а Ван ещё долго стоял на границе, ожидая подвоха и стараясь разгадать смысл коварных речей Многоорукого. Наконец он сказал:

— Не верю Ёроол-Гую и не хочу его подарков ни сегодня, ни в будущие дни.

Сказав так, Ван сошёл на оройхон и тяжёлым башмаком из кожи тукки втоптал стебель в нойт. Но он не заметил, что один, самый маленький корень остался в земле. И когда Ван ушёл строить новые земли, стебель ожил и начал расти. От удара он наклонился, и с тех пор ни один стебель хохиура не растёт прямо. А на молодых, чистых побегах можно видеть чёрные крапинки — следы игл с башмака илбэча.

Немало лет скитался Ван в чужих краях, возводя один оройхон за другим и прячась от людской молвы, а когда вернулся домой, то не узнал родных мест. Вдоль всего далайна извив и

вкось торчал хохиур, люди скребли и сушили харвах. Повсюду грохотали татацы и большеротые ухэры. Везде шла война. Люди и впрямь стали сильнее, но свою силу обратили против себя, чтобы убивать друг друга на радость Ёроол-Гую.

— Остановитесь! — крикнул илбэч, но голоса его никто не услышал, ибо люди оглохли от взрывов.

Тогда Ван пришёл к далайну, встал правой ногой на один оройхон, а левой — на другой и принялся звать из глубины Многорукого. И когда Ёроол-Гуй выплыл, Ван спросил:

— Зачем ты сделал это?

— Теперь я убиваю людей даже там, где не могу их достать, — ответил Ёроол-Гуй, — и мне приятно ваше горе. Даже если ты застроишь сушей весь далайн, я знаю, что люди всё равно истребят друг друга.

— Исправь своё зло, — крикнул илбэч, — и я обещаю больше не строить оройхонов!

— Что же, я согласен, — сказал Ёроол-Гуй. — Люди не смогут избить себя окончательно. Правда, мне не по силам пожрать весь харвах и известить хохиур на всех оройхонах, ведь ты построил их так много. Цэрэги с сухих земель не послушают меня и не прекратят пальбы. Но зато мне подвластны огненные авары, вставшие по моему слову на твоём пути. А без авара невозможно высушить харвах. Сушильщики меньше всех виноваты в бедах твоего народа, и поэтому я проклиная их. Отныне харвах начнёт взрываться во время сушки, станет калечить и убивать. Жизнь сушильщика будет тяжела, а век недолог. На этот путь ступят лишь те, у кого нет иного пути, кто иначе всё равно погибнет. И пусть они знают, что нельзя спастись самому, приближая всеобщую гибель. Иди, бывший илбэч Ван, и будь спокоен — стрельба скоро утихнет.

Ван повернулся и пошёл, не думая о своей жизни, но Ёроол-Гуй не стал хватать его.

С этого дня в течение дюжины дюжин лет в далайне не появлялось новых оройхонов.

ГЛАВА 2

Шёл мягмар, пещеры шавара были переполнены нойтом, и умерших хоронили в далайне, принося в жертву Ёроол-Гую. Маму завернули в полог палатки, уложили на носилки и с

песнями унесли. «О отец наш, Ёроол-Гуй! Тебе отдаём мы лучшую из женщин...»

Шооран не принимал никакого участия в действе. Сидел, забившись в угол, уставившись в бесконечность немигающими глазами. К далайну не пошёл — не мог слышать ликующих похоронных песен, пришедших из тех времён, когда в праздник мягмара бросали в далайн не куклы и трупы, а живых людей. «О великий, прими нашу женщину!.. Её руки — ласка, её губы — счастье, её глаза — свет жизни...»

В разорённую палатку, пригнувшись, вошёл Мунаг.

— Ты здесь?.. — произнёс он.

Шооран не ответил. Продолжал сидеть, обхватив себя руками, засунув ладони под мышки, словно от сильного холода.

Мунаг потоптался, смущённо кряхтя, а потом, не глядя на Шоорана, сказал:

— Ты вот что... уходи отсюда.

Впервые Шооран поднял голову, взглянул в лицо дюженника. И хотя он и теперь не издал ни звука, но Мунаг заволовновался и быстро начал говорить, не отвечая, а просто стараясь заглушить вопрос, всплывший из глубины широко распахнутых глаз:

— Я бы тебя оставил — жалко, что ли? Ты уже большой, как-нибудь прокормился бы. Но если одонт узнает? Ты думаешь, он про тебя забыл? И тебе не миновать шавара, и у меня будут неприятности. Сам понимаешь. Так что, пока никто не видит, бери что здесь тебе надо — и уходи.

— Куда? — бесцветно произнёс Шооран.

— А мне какое дело?! — не выдержав, закричал Мунаг. — Почему я должен за тебя думать?! Мать твоя умерла, а ты здесь никто. Вот и ползи отсюда! Я к тебе по-хорошему, вещи взять разрешил, а ты...

Шооран встал.

...Вещи... какие вещи?.. Жанч на нём, и мамино ожерелье укрыто на груди. А больше ему, наверное, ничего не потребуется. Вещи нужны, когда есть куда идти.

Шооран вышел из палатки. Мунаг тяжело шагал сзади. Через десять минут — как мал огромный оройхон! — они достигли поребрика.

— Ты не обижайся, — произнёс Мунаг, коснувшись плеча Шоорана. — Я действительно иначе не могу. Что делать...

Желаю тебе выжить... если удастся. На вот, возьми, — Мунаг протянул Шоорану отнятый накануне нож.

— Спасибо, — сказал Шооран, спрятал нож, перешагнул поребрик и пошёл дальше, не оглядываясь и не думая, где он сможет остановиться.

Теперь он шёл по оройхону, где родился и жил, не представляя, как огромен мир, и не зная, что возможна иная жизнь, чем текущая на этом кусочке земли, который, если постараться, можно обойти за час.

Здесь тоже праздновали мягмар: на сухой полосе никого не было, женщины ушли к далайну разбирать подарки щедрого Ёроол-Гуя, заготавливать острую кость, чешую несъедобных рыб, кожу, живой волос — всё, что так обильно выбрасывает расхोдевшийся далайн. А мужчины, скорее всего, собрались у шавара: ловят тукку, бьют жирха, стараются заставить выползшего наружу длинноусого парха или гвааранза, которого можно взять лишь ударом в глаз. Хотя для этого надо подойти к зверю вплотную, избежав торчащих плавательных перьев и тяжёлых клешней, перекусывающих человеческую ногу легко, словно стебель хохиура. Вряд ли Боройгал решится на такое, должно быть, он тоже стоит на берегу и командует женщинами, воображая себя царственным ваном.

Шооран не остановился, понимая, что здесь ему не жить. Он слишком хорошо помнил, как гнали прочь чужаков, бредущих из страны вана, или изгоев, пытающихся пробраться на свободный оройхон. Пожалуй, ван правильно сделал, что позволил этому оройхону быть независимым: лучшей стражи нельзя придумать — люди, цепляющиеся за своё жалкое богатство — сухую полосу вдоль аваров, сильнее, чем сытые земледельцы, ненавидели изгоев, от которых ничем почти не отличались. Шоорану не позволили бы остаться здесь и на минуту, и потому он пошёл дальше. Тройная дюжина шагов взрослого мужчины, и впереди — вновь поребрик, ещё один оройхон — последний в ряду обитаемых.

Ступив на него, Шооран замер в нерешительности, впервые почувствовав страх. Сухая полоса кончилась, влага далайна достигала в этом месте огненной границы, две страшных стихии сошлись в непримиримой вражде. С далайна наползал нойт, авары встречали его палящим жаром. Нойт кипел, сгорая, удушливая вонь распространялась далеко вокруг, закладывая грудь, разъедаая глаза, заставляя плакать и

натужно кашлять. На краю оройхона, у самого далайна, и то казалось легче. Едва не задохнувшись в отравленном чаду, Шооран выбежал к далайну. Здесь он увидел людей. Изгоев.

Несколько невообразимых фигур суетились у живого вала по краю оройхона, что-то вытаскивая из него. Всё-таки и здесь был мягмар, и люди торопились урвать кусочек добычи. Одна из фигур подняла голову, Шооран увидел невероятно грязную старуху с лицом, обезображенным язвами и рубцами от старых ожогов.

— Ха! Глядите, кто пришёл! — прокричала она. — Какой красавчик! Не иначе, сам ван вздумал промочить ножки на нашем оройхоне. Ну, иди сюда, сладенький, не бойся!

Шооран, не двигаясь, смотрел на кривляющуюся перед ним чудовищную маску и медленно, через силу начинал понимать, что это не старуха, что женщина лишь немного старше его матери, а состарил и обезобразил её жгучий нойт, от которого негде спрятаться и нечем отмыться, и вся жизнь, которую нельзя назвать жизнью, лишь короткой и мучительной отсрочкой смертной казни.

Между тем женщина-старуха продолжала говорить, быстро, взхлёб — очевидно, не так часто удавалось ей облегчить душу перед новым человеком, и она торопилась прокричать обо всём, что не позволяло ей жить.

— Ты, должно быть, оттуда — с сухой полосы? Заблудился... Или они тоже тебя выгнали? Они могут! Тот, кто живёт в сухости, способен на любую подлость. Ха! Как ваши хныкали здесь год назад, как просились, какими глазами смотрели на нашу чавгу. Чего только не обещали!.. Сухой оройхон и Ёро-ол-Гуя в придачу. И обманули! Пустили к себе всего дюжину человек. А мы так и остались гнить здесь. И вы думаете — мы будем принимать вас и дальше? А как же, примем, нам же некуда бежать, дальше дороги нет. Мы принимаем всех, тем более что сегодня мягмар...

Другие изгой тоже побросали работу, стояли, рассматривая Шоорана красными глазами. На покрытых коростою ликах не отражалось никаких чувств. А женщина-старуха вдруг остановилась и, склонив голову набок, спросила скорее у самой себя:

— Может, ты и вправду с сухих земель? Ишь, какой чистенький... Хотя в шавар, хоть на авар! Ну, чего встал, иди сюда...

Шооран попятился. Ему живо припомнились рассказы,

как изгой с безнадёжных земель, откуда нельзя уже никуда уйти, воруют и съедают детей. Сейчас эти сказки показались ему истиной. И хотя он давно не считал себя ребёнком — одиннадцать лет — не шутка! — и нож, возвращённый Мунагом, висел на поясе, всё же Шоорану стало страшно. Он повернулся и побежал. Никто его не преследовал, изгой равнодушно вернулся к прерванному занятию, лишь женщина-старуха выкрикнула ему вслед: «Ха!» — и захлопала почему-то в ладоши.

Как это мало — тройная дюжина шагов, составляющая вселенную простого человека! Через полчаса Шооран пересёк и этот, уже третий по счёту оройхон и увидел, что с той стороны тоже колышется покрытый пеной далайн. Оставалось идти либо назад, либо в кипящий удушливый ад залитых влагой аваров. Можно было, кроме того, прыгнуть в далайн. Путь этот был самым коротким и далеко не самым мучительным.

Безжизненный оройхон — мокрый и огненный одновременно — предупреждал о себе издали. Больно запершило в горле, стало нечем дышать, голова, одурманенная ядовитым дымом, закружилась. Шооран шагал по инерции, не очень понимая, что он делает. Просто и последний из оройхонов не пустил его к себе, вернее, Шооран не осмелился принять его приглашение и теперь, отвергнутый всеми, шёл дальше, хотя и знал, что дальше пути нет.

Когда-то он любил слушать рассказы Хулгала о его странствиях по этим краям. Это было дюжину и три года назад, когда по землям ванов ходил безумный илбэч. Хулгал, в ту пору ещё не старый и не хромой, отправился искать новые земли. Тогда много говорили о десятках сухих оройхонов, стоящих в неведомых краях и ждущих себе хозяев. Хулгал прошёл по пылающему болоту до самого конца, где влага далайна, как встарь, разъедала поставленную Тэнгэром стену. Всего на запад от острова изгоев оказалось три оройхона — для сильного мужчины не расстояние, но их надо было пройти по узкой полосе между далайном и аварами, в дымной и душной жаре, среди испарений, от которых непривычный человек умер бы через полчаса. Хулгал выбрался назад к концу дня и рассказывал, что остался жив лишь благодаря тому, что носил с собой губку, пропитанную благовонным соком туйвана, а на адских оройхонах примотал её к лицу.

— Я ходил туда и вернулся живым, — заканчивал повест-

ование старик, — поэтому знаю, что и безумный илбэч мог забраться так далеко. Я не спрашиваю, зачем он это сделал — для того он и безумец, на то и илбэч. Но кто ответит, как ему удалось не просто дойти до таких пределов, но и поставить там оройхон? Или это легче, чем плюнуть в далайн? Тогда и я хотел бы стать илбэчем, чтобы построить себе дом чуть получше этого. — Старик замолкал и обводил взглядом слушателей, смущённых кошунственной концовкой рассказа, и, не торопясь, отхлёбывал из поднесённой чаши мутное пойло.

У Шоорана не было благовонной губки, не было ничего, что могло бы помочь в пути, но всё же он равнодушно ступил на землю мёртвого оройхона и, не оглядываясь, пошёл дальше. Он не думал, что вернуться ему не удастся, не думал вообще ни о чём, мозг, одурманенный испарениями, был не способен на такую работу. Просто он видел, что не может здесь жить, и шёл куда-нибудь, где будет пусть даже хуже, но иначе, чем здесь.

По краю мёртвого оройхона не было тропы — почти дюжину лет здесь никто не ходил. Хрупкая кость, трухлявые хитиновые обломки, догнивающие остатки туш — всё было густо смочено нойтом и жарко курилось, нагретое близким соседством аваров. Местами завалы достигали высоты человеческого роста, пробраться сквозь эту кучу тлена было невозможно, и приходилось двигаться, прижимаясь вплотную к аварам, покрытым шелушащейся коростой горящих отбросов. И повсюду душная парная гарь.

Шооран шёл вслепую, прижав локти к готовой разорваться груди и закрыв ладонями лицо. Он спотыкался о груды праха, проваливался в горячие лужи, и лишь новые, на совесть сшитые мамой буйи спасали до поры его ноги.

В ту минуту, когда, казалось, ничто не сможет пробудить уплывающее сознание, Шооран ударился грудью обо что-то твёрдое и с трудом заставил себя понять, что это такое. Перед ним, перегородив прибрежную полосу и далеко разбросав толстые, как ствол туйвана, щупальца, лежал чёрный уулгуй. Этого зверя люди называли младшим братом Ёроол-Гуя. Среди зверей ни один не был так громаден и ни один не подходил до такой степени на великого бога глубин. Чёрный уулгуй никогда не вылезал на берег, но мог, выбросив вверх разом несколько рук, схватить неосторожного, вздумавшего разбирать прибрежный завал. Говорили, что уулгуй дотягивался до

жертвы за четыре дюжины шагов, и потому не так много находилось охотников бродить по кромке оройхона. Лишь во время мягмара уулгуй не появлялся у берега, а если появлялся, то бывал выкинут на камни и сам становился добычей людей.

Из круглых костяных блях, покрывающих шупальца, искусные оружейники делали доспехи более лёгкие и гибкие, чем твёрдый панцирь из спины гвааранза. Самые большие пластины шли на щиты. А где-то в глубине упругого тела скрывался костяной обруч невыносимой для глаз белизны. Из такого обруча выточена корона царственных ванов, и потому ни один простолюдин не должен приближаться к телу уулгуя, ежели вдруг того выбросит на берег.

— Конечно, корона — это серьёзно, — говорил, рассказывая об уулгуе, насмешник Хулгал, — и добрый ван наложил запрет только из опасения, что кто-то сташит обруч. Но видит мудрый Тэнгэр, я бы не стал и смотреть на корону, лишь бы мне позволили набрать дюжину-другую пластин со шупалец. А голова вместе с короной пускай принадлежит вану.

В прежнее время один вид чёрного уулгуя поверг бы Шоорана в трепет, но сейчас он не думал ни о царском запрете, ни о невероятном богатстве, лежащем перед ним, ни о том, что жизнь, может, ещё теплится в распластанном теле. Шооран лишь застонал при виде лишнего препятствия и, цепляясь за пластины, полез через шупальце, перегородившее дорогу.

Мёртвый уулгуй спросил его:

— Зачем ты топчешь меня, когда я умер и не могу защититься от твоих ног?

— Ты лёг на дороге, а я должен идти, — ответил Шооран.

— Зачем тебе ходить куда-то? — возразил брат Ёроол-Гуя. — Посмотри на меня: я лежу там, где встретил смерть, и мне больше ничего не надо.

— Мне всюду твердили: «Уходи!», — сказал Шооран, — поэтому я иду и нигде не могу остановиться.

— Останься здесь, — предложил чёрный уулгуй. — Будем лежать вместе, а когда моё тело распадётся, ты возьмёшь бесценный доспех и корону ванов.

— Я не могу здесь жить, — сказал Шооран.

— Разве ты пришёл сюда жить? — удивился брат Много-рукого, и Шооран упал от этих слов и не мог подняться. Он

лишь сунул руку за ворот жанча и вытащил нить жемчуга, удивительно голубого, нездешнего цвета.

— У тебя есть все богатства мира, — сказал уулгуй, — нет лишь покоя. Спи...

Ожерелье притягивало взгляд, заставив обожжённые глаза широко раскрыться.

— Нет, — сказал Шооран и поднялся, сам не поняв, как это произошло. — Я не шёл сюда, я уходил оттуда. Ты могуч и подобен богу, но ты не человек и умер покорно. Люди продолжают жить, даже когда это невозможно, и если они умирают, то это происходит не по их вине. Не сердись, добрый уулгуй, — я пойду дальше. Я ещё могу идти.

Он не понимал, куда идёт и сколько дюжин шагов прошёл. Дважды он сослепу налетал на авары и лишь по счастливой случайности не свалился в далайн. Несколько раз он падал, а поднявшись, не знал, куда идти, и, не задумываясь, шёл прямо. Он не заметил, как в дымке далайна начала вырисовываться линия берега, и увидел оройхон, когда до него оставалось не больше двенадцати шагов. Не удивляясь и не испытывая вообще никаких чувств, Шооран выбрался на него и побрёл прочь, подальше от дымного кошмара мёртвой земли. Если бы оказалось, что он, потеряв направление, сбился с пути и вернулся обратно, то Шооран на животе пополз бы к Боройгалу, согласился бы принять смерть от руки изгоев или рождённого в сухости одонта, лишь бы не возвращаться в преисподнюю, из которой только что вышел. Однако, хотя он прошёл уже далеко, ему не попало ни одного человека.

Шооран остановился. Где люди? Не Ёроол-Гуй же их съел? Если бы эти места недавно посетил Многорукий, он бы съел всё, а здесь... шуршат под ногами поваленные стебли хохиура, облепленные толстой нетронутой шубой харваха, оставляя извилистый след, ползёт выгнанная мягмаром из укрытия паршивая тайза. Сразу видно, что Ёроол-Гуя не было здесь много месяцев.

Шооран обломил толстую тростину хохиура, ковырнул ею неровную поверхность грязи. С первой же попытки он добыл несколько крупных чавг. Шооран разломил чешуйчатую скорлупу, вывалил на ладонь студенистый клубень. Осторожно сжал руку, и между пальцами потёк сок. Первым делом Шооран вымыл перепачканные в нойте руки, потом осторожно обмыл саднящее лицо, смочил терпким соком растрескав-

шиеся губы. Третью чавгу он проглотил целиком, потом четвёртую, пятую... Никогда ещё Шооран не ел так много. Живот его раздулся и громко булькал при каждом движении, запах чавги уже вызывал тошноту, а Шооран не мог остановиться, добывал всё новые клубни, лил сок на голову, мыл лицо, руки, даже запачканный и порванный жанч. Впервые он видел столько чавги: мелкой и огромной — с кулак величиной и теперь не знал, как себя вести. Набил чавгой сумку, снял даже жанч, и лишь внезапный приступ дурноты заставил его прекратить бессмысленное занятие.

Шооран сел на камень — сел, вымыв его сперва соком! — и задумался. Оройхон, на который он попал, ничуть не походил на оставленную позади землю изгоев. Казалось, здесь вообще никто не жил. Если бы Шооран не видел всё это своими глазами, он бы не поверил, что такое возможно. Скорее всего, он просто-напросто умер. Мама рассказывала, будто в одной из дальних земель люди не поклоняются Ёроол-Гую, а верят, что только Тэнгэр обладает настоящей властью. Эти люди убеждены, будто после смерти уйдут за пределы далайна, туда, где стоит алдан-тэсэг. Всякий умерший очутится у подножия алдан-тэсэга и сможет начать восхождение. Но если при жизни человек поступал плохо, то по дороге его схватит Ёроол-Гуй и навечно унесёт в беспросветный шавар, по сравнению с которым глубины далайна покажутся сухим оройхоном. Лишь немногие праведники достигают вершин и восседают на алдан-тэсэге рядом с самим Тэнгэром.

Хотя этого тоже не могло быть. Не больно похож на алдан-тэсэг мокрый оройхон, даже до середины которого достигает вонь, плывущая с мёртвых земель. Всё здесь как дома, только богаче, нетронутей: хохиур, чавга, харвах и... Шооран замер, увидев тукку. Зверёк возился в грязи, разрывая клубни чавги. Казалось, тукка была полностью поглощена своим промыслом, но едва Шооран, в котором мгновенно проснулся охотничий азарт, сделал крадущийся шаг в сторону тукки, как та сорвалась с места и кинулась к шавару.

«Уйдёт! — мелькнула мысль, но тут же Шооран успокоил себя: — Никуда она не денется. Мягмар».

Тукка бежала, шараясь из стороны в сторону, Шооран качнулся ей вслед и понял, что бежать не сможет. Не слушались ноги. И вообще какая сейчас может быть охота, куда бы он дел тукку, умудрись он даже добыть её? Шооран вернулся

и сел на вымытый камень, который ещё не успело затянуть нойтом.

Как назло, тукка, отбежав немного, остановилась и словно ни в чём не бывало принялась копать в грязи. Шооран смотрел на неё, и что-то медленно ломалось у него в груди. То, что было значимо ещё два дня назад, рассыпалось пылью, а нового взамен не появилось. И не было сил даже удивляться происходящему. Тукка копошилась неподалёку в большой луже, и казалось, так и должно быть, что так уже бывало прежде. И когда большая серая тень, перемахнув тэсэг, упала, разбрызгав грязь, и свистящий удар развалил надвое не успевшую выпустить иглы тукку, Шооран тоже не удивился и не испугался, а продолжал сидеть, так же спокойно глядя на нового зверя.

Зверь был велик — вдвое больше Шоорана. Разделённое на сегменты тело одето тускло блестящим хитином. По усаженным режущими пластинками усам — жёстким и длинным, в человеческий рост — Шооран признал его. Перед ним был парх, второй после гвааранза хозяин шавара.

Парх подполз было к убитой тукке, но остановился и начал сворачиваться в гигантский клубок, поджимая под себя сегменты хвоста и скручивая секущие усы.

«Готовится прыгнуть, — понял Шооран. — На меня».

По-прежнему не было страшно, но всё же Шооран вскочил и побежал, переступая мягкими, как сырой харвах, ногами. Побежал, потому что надо было бежать. Теперь он словно тукка петлял и шарахался от тэсэга к тэсэгу, но при этом удивительно спокойно повторял прежнюю мысль, примеривая её на этот раз к себе самому: «Никуда он не денется. Мягмар. Время удачной охоты».

Разогнувшись со звонким костяным щелчком, парх прыгнул. Шооран швырнул ему навстречу сумку с чавгой, и это сбило безукоризненно точный прицел: усы разрубили грязь в полушаге от ног Шоорана. Шооран метнулся в сторону, за небольшой тэсэг, присел, надеясь, что парх потеряет его из виду. И то ли это действительно произошло, то ли парх просто надоело прыгать, но он на минуту замер, потом развернулся и пополз к своей первой жертве. Распушенные усы безвольно волоклись по грязи, четыре пары острых роговых челюстей бесцельно пережёвывали что-то. И Шооран вдруг

вспомнил, что из такой челюсти был сделан мамин скребок для кожи.

Пригибаясь и прячась за тэсэгами, Шооран поспешил в глубь оройхона. Зрелая чавга предательски хрустела под ногами. Шооран понимал, что и в центре, и на том краю тоже есть суурь-тэсэги, а значит — и шавар, из которого выползла вся нечисть, но оставаться здесь не мог. Знакомая опасность казалась страшнее.

Но всё-таки, что происходит? Дома выползший парх давно был бы замечен, вокруг толпились бы охотники с сетями и копьями, и хищник думал бы сейчас не о добыче, а о том, как сберечь собственные усы. Где все? Куда девались люди?

Шооран шёл всё быстрее. Если бы он мог, он бы снова побежал. Ещё утром он мечтал никого не видеть, а теперь стремился во что бы то ни стало найти людей. Он прошёл уже почти весь оройхон, но так никого и не встретил, а туман, всегда висящий над далайном и прибрежными оройхонами, и не думал стучаться, напротив, он становился всё реже, и наконец Шооран увидел впереди пышную крону растущего туйвана. Сомнений быть не могло: там находился ещё один оройхон — сухой оройхон! — а это значит, что и за ним продолжалась земля.

Шатаясь, Шооран пересёк граничный поребрик, упал на чистую землю, пополз. Он действительно достиг рая! Третий раз за свою жизнь он ступил на сухой оройхон, и впервые его руки не были заломлены, он мог поднять голову и оглядеться.

Беглого взгляда хватило, чтобы понять — людей не будет и здесь. Землю повсюду покрывала хлебная трава, но её никто не косил двенадцать раз в год, и она росла беспорядочно, как хохиур: рядом с поспевшими гроздьями поднимались цветущие метёлки и перезревшие, растерявшие гроздья стебли. Шооран сорвал одну кисть, засунул в рот и, скривившись, выплюнул — зёрна оказались твёрдыми и невкусными. Зато когда он подошёл к дереву, то увидел, что вся земля под ним усыпана опавшими плодами. Плоды были мягкими и пахли не затхлой водой, как чавга, а источали сильный и сладкий аромат. В жизни Шооран не пробовал ничего подобного и даже представить не мог, что такое существует.

Этих слишком резких переходов оказалось чересчур много для измученного сознания. Шооран больше ничего не по-

нимал и ничему не удивлялся. Ясно же, что он умер, но пришёл не к Ёроол-Гую, а, словно праведник далёких земель, поднялся на алдан-тэсэг.

Возможно, разум Шоорана просто не устоял бы перед испытаниями бесконечно длинного дня, но, по счастью, раньше не выдержал желудок. Шоорана стало рвать. Рвало горькой кашей чавги, наспех проглоченными кусками плодов, желчью. И долго ещё выворачивало опустевшее нутро, заставляя сгибаться и стонать от боли.

Разогнувшись после очередного приступа, Шооран увидел человека. Это был настоящий старик, старше даже, чем Хулгал. Белая борода опускалась ему на грудь, морщины на лице были проведены временем, а не нойтом. Старик стоял, опираясь на палку, и смотрел на Шоорана.

— Здравствуй, мудрый Тэнгэр, — сказал Шооран и потерял сознание.

* * *

Когда Шооран открыл глаза, он долго не мог понять, куда попал. Всю жизнь проводя под открытым небом, он привык видеть над головой лишь размывы туч или в крайнем случае кожаный навес, и потолок из ноздреватого камня пугал своей тяжеловесной твёрдостью. Казалось, эта громада сейчас рухнет всей тяжестью, сомнёт, не оставив целой кости. Замерев, Шооран напряжённо уставился в потолок, стараясь взглядом удержать камни от падения. Минуты шли, потолок висел неподвижно. Убедившись в его надёжности, Шооран осмелился пошевелиться и посмотреть по сторонам.

Он лежал в небольшой комнате со скруглёнными углами. Рассеянный свет проникал через два отверстия, расположенных под самым потолком. Посреди комнаты стоял стол, сделанный из панциря монстра, выброшенного далайном. К столу придвинут вычурный позвонок, возможно, принадлежавший той же самой рыбе.

С мягким хлопком откинулся полог, висящий у входа, в комнате появился старик. В руках он держал чашу, над которой горячей струйкой поднимался пар.

— Ну-ка, выпей, — сказал старик, протягивая чашу.

— Спасибо, щедрый Тэнгэр, — проговорил Шооран.

Питьё было сладким и солёным одновременно, оно бла-

гоухало незнакомо и притягательно, смягчало губы и обожжённое дымом горло. Хотелось припасть к чаше и не отрываться от неё никогда, но Шооран нашёл в себе силы соблюдать приличия и пил не торопясь, мелкими глотками, как полагается в присутствии бога. Не смог лишь оставить на дне немного отвара — выпил всё до капли.

Старик уселся, положив руку на стол, долго рассматривал Шоорана.

— Как ты сюда попал, герой? — спросил он наконец.

— Я пришёл по мёртвой полосе, мудрый Тэнгэр, — ответил Шооран, — а звери далайна не тронули меня, потому что сейчас мягмар.

— Зато в это время возле кипящих аваров можно в два счёта задохнуться... — сказал старик. — И, кстати, почему ты называешь меня Тэнгэром? Я такой же человек, как ты, только я пришёл сюда раньше и живу тут уже много лет.

— Хулгал рассказывал, что он ходил сюда и не нашёл за мёртвой полосой никакой земли, — не то спросил, не то пожаловался Шооран, приподнявшись на локте и глядя на старика.

— Когда-то так и было, — согласился старик. — Не один твой Хулгал ходил по горящему болоту и видел лишь стену далайна. А потом илбэч пришёл сюда снова и выстроил ещё девять оройхонов. К тому времени уже никто, кроме меня, не искал новых земель, и потому я живу здесь один. Теперь вот ещё ты пришёл.

— Если ты не добрый Тэнгэр, — задумчиво произнёс Шооран, — то зачем ты позволил мне остаться, принёс в свой дом и поишь горячим?

— Я бежал сюда, потому что не хотел никого видеть, — сказал старик, — но это было одиннадцать лет назад. За такой срок можно соскучиться по человеческому голосу. А горячего не жалко, если рядом авар. Сейчас я ещё накормлю тебя мясом. Ты когда-нибудь его ел? Не тухлого жирха и не вонючую тушку, которой лакомятся грязекопатели, а настоящее мясо, какое подают вану... У меня много мяса, много чистой воды и огня, хлеба, плодов туйвана, зреющих в небе, и наыса, растущего под землёй. Но мне не с кем говорить, поэтому я беднее изгоя.

— Как тебя зовут? — спросил Шооран.

— Моё имя давно принадлежит Многорукому, — старик

усмехнулся, — можешь звать меня просто стариком. А теперь пошли. Мясо стынет.

Шооран поднялся. Потолок качнулся и угрожающе приблизился к лицу. Шооран поспешно сел, почти упал на пол, пригнул голову в ожидании удара. Старик удивлённо смотрел на него.

— Что это — там? — Шооран ткнул пальцем вверх.

— Бедный зверёныш! — воскликнул старик. — Теперь я вижу, что ты действительно из рода грязекопателей. Ты никогда не был в помещении? Это потолок. Он из камня, но ты не бойся, он не упадёт. Мы с тобой в шаваре... в алдан-шаваре, — поправился он, заметив удивлённый взгляд Шоорана.

— ...алдан-шавар... — повторил мальчик. — Но ведь так называется дворец великого вана!

— Так называются подземные пустоты, вход в которые ты видел у подножия суурь-тэсэга. На сухом оройхоне шавар чист и безопасен, и поэтому его называют алдан-шаваром. Не только ван, но и любой паршивый одонт живёт в алдан-шаваре, ведь там крепкие стены и, значит, можно легко прятать награбленное.

Шооран с ужасом и изумлением смотрел на старика, так спокойно произносящего крамолу и хулу на великих людей. Даже на свободном оройхоне имя вана было священным.

— Ты всё-таки Тэнгэр, — пробормотал он, — и сам Ёроол-Гуй родился из твоих отбросов.

— Нет, я не Тэнгэр, — сказал старик, поднимая Шоорана. — Ну а что касается Ёроол-Гуя, то ты, пожалуй, прав — мы с ним старые знакомцы. Впрочем, поживи здесь несколько дней и многое поймешь сам. Идём. Мясо, должно быть, совсем остыло.

* * *

Меньше чем за два месяца Шооран освоился с жизнью на сухом оройхоне. Его уже не так поражали сказочное изобилие и богатство, хотя он по-прежнему не мог поверить, что и в земле вана многие живут не хуже. Шоорана больше не пугали низкие потолки, он облазил весь алдан-шавар — сложную систему ходов, залов и коридоров, располагавшуюся под поверхностью оройхона. В алдан-шаваре было два яруса. Первый — светлый и сухой, со множеством больших и малых вы-

ходов на поверхность, тех самых, что так пугали его на мокром оройхоне. Во второй ярус можно было проникнуть из первого. Там всегда было сыро и тепло, на жирной земле сплошным ковром расстился наыс — бледные мясистые грибы, бесконечно вкусные, если их сварить или зажарить, но съедобные и сырыми, и сушёными. Тьму в нижнем ярусе рассеивали медлительные светящиеся слизни, грызущие наыс. Старик собирал слизней и приносил в комнаты, когда ему казалось, что там недостаточно светло.

Наверху множились свои чудеса. В центре оройхона бурлили источники воды, неведомо как пробивавшейся на поверхность, не затопляя алдан-шавар. Вода растекалась несколькими ручьями, в них нежались благодушные бовэры — те самые толстобокие звери, что когда-то так поразили Шоорана. Время от времени старик забивал костяным гарпуном одного из бовэров, после чего они с Шоораном недели полторы объедались мясом. Остальное время ели наыс, плоды туйвана и хлеб. Хлебная трава, вначале разочаровавшая Шоорана, оказалась вещью замечательной. Одно из полей старик содержал в порядке, вовремя выкашивал и собирал тяжёлые гроздья зёрен. Замоченные в воде зёрна достаточно было заквасить кусочком светящегося слизня, и через несколько часов зерно размокало в кашу, саму по себе безумно вкусную. Но истинное пиршество начиналось, когда старик досыпал в кашу растёртые и небродившие зёрна, замешивал на соке плодов туйвана и отправлялся к границе — печь на краю авара пышные медвяные лепёшки. Или варил в кипящей воде круглые колобки.

Чтобы готовить горячее, было вовсе необязательно уходить к аварам — сухие стебли хлебной травы горели жарким бездымным пламенем, а у старика была пара кремней, дававших искры при ударе друг о друга. Впрочем, кремнями старик пользовался редко — берёг.

Первое время оправившийся Шооран не вылезал из алдан-шавара, бродил с одного яруса на другой, выглядывал в узкие окошки малых лазов, исследовал коридоры, соединяющие залы обжитого суурь-тэсэга с соседними системами пещер, куда старик никогда и не заходил, что доказывал многолетний слой нетронутой пыли. Заблудиться Шооран не боялся, зная, что всегда может выйти назад по собственным следам,

даже в нижнем ярусе отлично видным в мерцающем свете большого слизня.

Как-то он вылез в обжитые помещения с противоположной стороны. Здесь у старика были устроены кладовые, доверху набитые всяческим добром. С удивлением и завистью Шооран обнаружил целый арсенал всевозможного оружия — очевидно, когда-то старик ходил в цэрэгах либо же, напротив, среди вооружённых изгоев. Прямо спросить Шооран почему-то постеснялся, задал лишь вопрос: откуда всё это?

— Так... — пожал плечами старик и неожиданно разрешил Шоорану брать из кладовки любой инструмент.

Разумеется, первым делом Шооран ухватил длинный и даже с виду страшный хлыст из уса парха. Хлыст был лёгок и упруг, но Шоорану никак не удавалось размахнуться им как следует. Детская игрушка — хлыстик из лоскутка кожи и то бил удачней.

Привлечённый звонкими хлопками, из алдан-шавара вышел старик. Посмотрел на старания Шоорана, заметил:

— Так ты себе уши отрубишь.

Взял оружие из руки Шоорана, примерился, взвешивая его на ладони, и вдруг гибкий и тонкий хлыст затвердел, словно в него вставили стержень, лишь самый кончик превратился в гудящий от мгновенного движения круг. Старик, выставив руку, пошёл вперёд. Хлыст коснулся избитой Шоораном травы, и в стороны полетели сорванные вибрацией клочья. Старик хлестнул усом вбок и тут же снова закрутил его, заставив выпрямиться и затвердеть. Шооран, раскрыв рот, следил за происходящим.

— Вот так, — сказал старик, устало опустив руку. — Научись хлыст прямо держать, дальше всё само получится. А через спину хлестать — только себя покалечишь. На, играй.

С этого времени Шооран не расставался с хлыстом, даже когда на поле поспел урожай и неделю они, не разгибаясь, работали: срезали стебли, вылущивали зерно, сушили и складывали в специальной камере. Старик заготавливал больше хлеба, чем обычно, ведь теперь их было двое. Часть соломы старик стащил на мокрый оройхон, замочил на четверть часа в нойте, потом принёс обратно и долго отмывал водой, тербил, пока вместо соломы не осталась лёгкая, как высушенный харвах, пряжа. Из этой пряжи старик обещал сделать Шоорану праздничную одежду, такую же, в какой ходил сын

одонта. А пока Шооран шеголял в жанче из шелковистой шкуры бовэра и башмаках из кожи морского гада, притащенного стариком в последний день мягмара.

Старик преподносил Шоорану один подарок за другим, а когда Шооран начинал благодарить, досадливо произносил единственную фразу:

— Погоди, придёт время, и ты устанешь проклинать меня.

— Этого не может быть, — отвечал Шооран.

— Ты так думаешь? А вдруг завтра нас найдут? В лучшем случае цэрэги выгонят нас на мокрое, и тебе придётся заново привыкать глотать чавгу. Полагаю, это будет не слишком приятно.

— Но я всё равно не стану тебя проклинать! — горячился Шооран.

— Не загадывай. О будущем могут говорить только Ёроол-Гуй с Тэнгэром. А нам надо его ждать... — Старик помолчал и добавил странно: — И по возможности — делать.

В один из дней Шооран прошёл под землёй весь оройхон и вылез наружу под вечер у самого дальнего из суурь-тэсэгов. Край оройхона был совсем недалеко, и Шооран, удивляясь про себя, почему не сделал этого раньше, побежал посмотреть, что там. Он ожидал увидеть мокрый оройхон, но не удивился бы, обнаружив ещё одну благословенную, но безлюдную страну. Однако вместо этого он вышел на сухую полосу, за которой курились жаром пограничные авары. Может быть, он потерял в шаваре направление и теперь идёт на юг? Шооран побежал туда, где ожидал найти границу. Через пять минут взгляду открылась сухая полоса и авары. Граница была и при схождении этих оройхонов, только вместо сухой полосы там оказался лишь крошечный пятачок иссохшей земли, с двух сторон сжатый раскалёнными камнями.

Встревоженный Шооран побежал рассказать об этом старику. Старик, как обычно вечером, сидел в своей комнате, той самой, в которую он принёс больного Шоорана. На столе перед стариком лежал кожаный бурдюк с перебродившим соком туйвана. Шооран хорошо знал этот напиток, его часто пили цэрэги охранной дюжины. Сок туйвана в его глазах был обязательной принадлежностью настоящей жизни, но почему-то ему не нравилось, когда старик выносил с нижнего яруса бурдюк. Напившись, старик мрачнел, начинал кричать на кого-то, обвиняя и оправдываясь. В эти минуты Шооран ста-

рался не попадаться ему на глаза, опасаясь, что старик не узнает его или вдруг обрушится с руганью и прогонит неизвестно куда.

Но сейчас сделанное открытие беспокоило его сильнее всего, и Шооран, войдя к старику, сбивчиво рассказал об увиденном. Старик молча выслушал рассказ, поднял красное от выпитого сока лицо.

— Тебя это удивляет, малыш? — сказал он. — А разве ты не слышал, что Тэнгэр сотворил далайн прямоугольным, и, значит, где-то у него должен быть угол? Здесь поворачивает граница мира. Судьба загнала нас с тобой, мальчик, в угол мироздания. Бородатые мудрецы из далёких земель подсчитали, что в ширину в далайне умещается три дюжины оройхонов, а в длину — четыре. Таким образом, весь мир, будь он застроен вдоль и поперёк, вместит ровно тройную дюжину оройхонов. Но только я знаю, что это неправда! Трёх оройхонов в длину не хватает! Мудрый Тэнгэр, словно последний торгаш, надул Ёроол-Гуя, выстроив далайн меньших размеров, чем было условлено. Как я смеялся, когда понял это! А может быть, никакого договора и не было, и всё выдуманно длиннобородыми мошенниками, чтобы оправдать съеденный хлеб. Раз поперёк три дюжины, то вдоль должно быть четыре... Разумно и красиво... А я первый среди людей дошёл до этого края мира и знаю, что весь их разум не стоит и сгнившей чавги!

— Не первый, — напомнил Шооран. — Ещё был безумный илбэч, который построил всё это...

— Что ты знаешь об илбэче! — закричал старик. — Что ты можешь о нём знать, если родился, когда имя его уже досталось Многорукому! — Старик, пошатнувшись, встал, ухватил Шоорана за плечо. — Идём!

— Куда? — испугался Шооран.

— На мокрый оройхон... к границе... Ты ещё ни разу не видел стены Тэнгэра, я покажу её тебе.

— Вечер скоро, — робко возражал Шооран.

— Ничего, вечер годится не хуже любого другого времени. Переодевайся, нам надо торопиться.

Шооран поспешно достал и натянул мамины буйи и старый жанч. Старик пошёл, не переодеваясь, в чём был, хотя нойт грозил разьесть его тонкую обувь, да и тканый цамц — не лучшая одежда для прогулок к далайну.

Всю дорогу старик торопил Шоорана, так что под конец

тревога и предчувствие беды полностью овладели мальчиком, и он торопился уже сам, без понуканий. Они шли на север, к самому дальнему из мокрых оройхонов, туда, где Шооран ещё ни разу не бывал. Под ногами зачавкала грязь мокрого оройхона, по левую руку кисло задымилась мёртвая граница — слияние влаги далайна и огня. Небесный туман над головой наливался красным вечерним светом.

— Смотри! — хрипло выкрикнул старик, указывая рукой на что-то, скрытое дымом горящего нойта. — Это и есть стена Тэнгэра — та граница, которую нам нельзя переступать!..

Шооран качнулся вперёд, до боли напряг зрение и разлил за клубами дыма и туманом уходящую вдаль стену. Стена была серой и безвидной. Она могла быть каменной, но больше походила на неподвижное облако. Высоту её было не определить, наверху стена смыкалась с тучами, и, если бы не вечер, окрасивший небесный туман, верхняя часть стены стала бы вовсе неразличимой. Зато, когда дым ненадолго расползался в стороны, хорошо было видно подножие, а вернее, та часть стены, что омывалась влагой далайна. Шооран с ужасом увидел, что стена в этом месте густо изъязвлена, её покрывают глубокие раны и колышущийся далайн при каждом движении продолжает неустанно разъедать её, промывая всё более обширные и глубокие ямы.

Шооран представил, как стена не выдерживает и влага с шумом устремляется наружу, за пределы мира. Исполнив старое предсказание, она затопит всё пространство, в котором не останется места ни для чего, кроме ядовитой слизи и торжествующего Ёроол-Гуя.

— Старик! — закричал Шооран, указывая на стену. — Она сейчас упадёт!

— Не думаю, что прямо сейчас, — прохрипел старик, — она не очень сильно изменилась за десять лет, но когда-нибудь упадёт.

— Но ведь там за стеной — алдан-тэсэг!

— Что мне за дело до алдан-тэсэга? Пусть Тэнгэр подумает не только о вечности, но и о своей вечной жизни. Для этого у него есть достаточно времени. Меня пугает иное: что будет с оройхонами, когда упадёт стена? Не утонут ли они, не обвалятся ли в гости к Многоручному? Мне кажется, об этом должен думать каждый, кто хоть раз видел стену далайна...

— Неужели ничего нельзя сделать? — выкрикнул Шооран.

— Почему нельзя? Сделать можно всё! — Старик пел слова злобным речитативом. Шагнув к краю, он, словно жрец, приносящий жертву, поднял руки. Седая голова тряслась, пение звучало отрывисто и дико. — Я ненавижу этот мир, сделанный не для нас!.. Эту слизь, названную влагой!.. Это зверьё, чуждое людям!.. Моя ненависть горит огнём, и огонь пылает в моих руках! Пусть умрёт глубина далайна и его яд!

На секунду Шоорану показалось, что и впрямь на ладонях старика полыхнул факел, словно вспыхнула разом пригоршня харваха, но наваждение тут же рассеялось. Остался лишь пьяный кликушествовающий старик, признающийся в застарелой ненависти к равнодушному далайну. Шоорану стало больно и стыдно, но он не знал, как прекратить жалкую сцену и увести старика домой. Он уже протянул руку, чтобы дёрнуть старика за полу цамца, но замер, увидев разом то, чего никак не ожидал.

Далайн больше не был равнодушен. По нему пошли волны, шапки пены вздулись, словно вернулся мягмар. Туман ложился пластами, влага затвердевала, обращаясь в камень, холмы серо-зелёной пены застывали тэсэгами. Из глубины возникал оройхон. Чудо совершалось в полной тишине, лишь старик бесновался, хрипя:

— Ты убийца! Враг!.. Не-на-ви-жу-у!..

И вдруг всё кончилось. Старик опустил руки, опали водяные бугры, поползли, как и прежде, дым и туман. Но там, где раньше была полуразрушенная стена, теперь стоял оройхон. Суурь-тэсэги поднимались над усеянной валунами равниной, и лишь вспененный поребрик указывал, где прежде был берег. Со стороны старого оройхона он был привычно усыпан отбросами, со стороны нового — девственно чист.

Старик повернулся к Шоорану.

— Ты думаешь, это всё? — спросил он перехваченным голосом. — Нет! Смотри ещё!

Он взял Шоорана за руку — ладонь была холодной, словно у мертвеца, — и повёл туда, где ещё недавно расстилась гладь далайна. Они перешагнули поребрик, и в ту же секунду каждый камень, каждый холм, всякий, даже небольшой тэсэг запылал белым ослепительным огнём, ещё не скрытым под чёрной коркой окалины, покрывающей авары на давних пограничных оройхонах. Свободной осталась лишь узкая прибрежная полоса.

— Так граница встречает илбэча! — возгласил старик. — Чего они боятся? Почему не пускают?

— Ты илбэч! — наконец выдал Шооран.

В памяти всплыло всё, что рассказывали об илбэчах мама, Хулгал, другие люди — знакомые и незнакомые. Сказки, обязательным героем которых был Ван, домыслы и правду, тоже состоящую из домыслов. Но все они сходились в одном...

— Зачем ты это сделал?! — закричал Шооран, бросаясь к старику и обхватив его обеими руками. — Ведь тебе нельзя говорить и показывать это!.. Я не должен это знать... Зачем ты так?

Казалось, крик вернул старика на оройхон. Взгляд стал осмысленным, он разом заметил, что падает туман, вокруг быстро темнеет, что одет он самым неподобающим образом, с мокрой границы несёт смрадом и копотью, а рядом стоит Шооран, которому тоже не надо оставаться здесь на ночь.

— Идём, мальчик, — сказал старик тихо, — я всё тебе объясню.

Старик быстро и молча направился к дому, Шооран, оглядываясь и ежеминутно ожидая беды, спешил зади.

Дома старик сбросил испорченную обувь, подошёл к забытому на столе бурдюку, нацедил полную чашу, но пить не стал, а, глядя на сидящего с опущенной головой Шоорана, начал говорить, иногда медленно, по одному роняя слова, порой же переходя на одышливую скороговорку, словно боялся, что ему не хватит времени и воздуха:

— Ты знаешь, какая самая страшная пытка? Казнь молчанием. Много дюжин лет я тащу на себе тайну и сейчас больше не хочу молчать. Я должен рассказать о себе и обо всём, что передумал за эти годы. Если проклятие Ёроол-Гуя выдуманно вместе с большинством легенд, то мне всё равно ничего не будет, если же оно истинно, то у меня впереди вся ночь и, может быть, часть дня. Этого хватит, чтобы рассказать главное, а там — будь что будет. Всё-таки мне станет легче. Слушай. Я жил когда-то в другой стране, очень далеко отсюда, в землях старейшин, что возле креста Тэнгэра. Может быть, ты не знаешь, что это такое? Это те пять оройхонов, что поставил сам Тэнгэр при сотворении мира. В ту пору меня звали Энжин, и я был служителем в доме старейшин...

Энжин был служителем в доме старейшин. Он обитал на сухом оройхоне в палатке, приткнутой к боку растрескавшегося тэсэга. Рядом было поле. Как и всё на оройхоне, оно принадлежало Ёроол-Гую. Ни единый человек во всей стране не имел ничего своего, в земле старейшин свято помнили завет: далайн принадлежит Многорукому. Старейшины оглашали волю бога глубин, служители работали на него.

Раз в месяц, когда созревал урожай, Энжин получал у баргэда костяной нож для уборки хлебной травы, а через неделю сдавал нож обратно вместе с зерном и соломой. В остальное время он растирал муку, трепал воняющую нойтом солому, давил сладкий сок из плодов туйвана и в свой срок, вооружившись толстой палкой, нёс под присмотром цэрэга караульную службу на краю мокрого оройхона. За это ему каждый день выдавалась миска каши из заквашенного зерна, раз в неделю — горсть сушёного наыса, раз в месяц, после уборки урожая — чашка вонючей браги, а на третий день мягмара — мясо.

Энжин был на хорошем счету у старейшин, баргэд отзывался о нём с похвалой, поэтому его никогда не отряжали на охоту в шавар или на разборку наваленных далайном тварей, откуда так много мужчин не возвращаются домой. Так что, живя в трёх оройхонах от берега, Энжин и не видывал далайна. И, возможно, просуществовал бы всю жизнь, не подозревая о силе, дремлющей в нём, и лишь иногда мучаясь яркими и страшными сновидениями.

С неумолимым однообразием представлялось ему ночами, что он больше не человек, а лёгкий летучий огонь. Энжин не раз видал огонь возле суурь-тэсэга, ведь трудолюбивые баргэды и храбрые цэрэги питаются горячим, а горячее можно сделать лишь на огне или на аваре, если он поблизости. Но огонь, в который обращался Энжин, совсем не походил на пламя горящей соломы. Он мог перелетать с места на место, согревать разом целый мир, но мог и ударить палящей струёй. Это был бы изумительный сон, несмотря на боль, которую пылающее тело причиняло Энжину, но едва Энжин отрывался от земли, чтобы ринуться в полёт, как появлялись враги. Порой они даже не имели облика, но их всегда было много, и стремились они к одному: сбросить Энжина на землю и пога-

сильных, протекавшие в поисках спасения или мучительных, безнадежных битвах, были, пожалуй, самыми сильными впечатлениями в спокойном существовании Энжина.

Палатка, в которой спал Энжин, тоже принадлежала Многорукому, а поскольку места в ней хватало на двоих, то судьба позволила прислужнику жениться, а вернее, позволила выйти замуж его жене. Как и всюду, женщин в земле старейшин было почти вдвое больше, чем мужчин.

Так же как и муж, Сай каждый день отправлялась на работу, чаще всего на второй ярус алдан-шавара — собирать и заготавливать наис. И тоже ежедневно получала миску каши, а в конце недели — горсть грибов. Только мяса ей не полагалось, женщинам раз в год на пятый день мягмара выдавали плод туйвана.

Супруги жили дружно, хотя и делить им было нечего. Каждый выскабливал свою миску и начисто вылизывал её. Каждый крошил в кашу грибы или хрустел ими, запивая водой. Воды Ёроол-Гуй позволял пить сколько угодно.

Иногда, проснувшись утром раньше срока, Энжин будил Сай и пытался пересказать ей привидевшийся кошмар, но Сай испуганно взмахивала руками и, перебив мужа, твердила: — Перестань. Не хочу слушать. И ты не вспоминай. Сойдешь с ума — что будет?

Больше говорить было не о чем. Только охотники могут рассказывать, какого зверя они поймали сегодня, а какого упустили вчера. Но зато охотники и не живут долго, и их жёны остаются в одноместных палатках изнывать от бессильной женской тоски и, надрываясь, растить детей, потому что за миску каши для ребёнка надо выработать дополнительную норму.

У Энжина и Сай детей не было. Потому, должно быть, баргэд и отзывался о них с похвалой: берёт образцовую семью.

Иногда разговор начинала Сай, рассказывала что-нибудь о соседях или о женщинах, вместе с которыми она чистила и резала грибы или ткала на ручном станке тонкую материю из соломенной пряжи. Обычно её рассказы начинались с одной и той же фразы:

— Атай совсем с ума сошла, — говорила жена.

— Угу... — отвечал Энжин, занятый починкой прохудившегося башмака.

— Ты только послушай, что она сказала! — горячилась Сай. — Она сказала, что сбежит отсюда!

— Куда? — Энжин отставил рукоделье в сторону.

— Будто она сама знает... Я ей говорю, что лучше, чем дома, нигде не будет. Сбежишь... и что? Станешь бродить по мокрым оройхонам да ждать, пока до тебя Многорукий дотянется или цэрэги поймают?

— В новых землях цэрэгов нет, говорят, там мокрые оройхоны полны бандитов.

— Ну, у нас их тоже хватает. Помнишь, третьего года что было?..

— Ладно, не надо о плохом.

— Хорошо, хорошо, но Атай-то какова, а?..

Атай была их соседкой. Ей было полторы дюжины лет, а она жила одиноко, безо всякой надежды выйти замуж, несмотря на свою редкостную красоту. Три года назад она получила завидное предложение — стать сестрой непорочности. Сёстры непорочности жили в алдан-шаваре и прислуживали самым старейшинам. В сёстры выбирали только самых красивых девушек, и, насколько было известно Энжину, прежде никто от этой чести не отказывался. Атай была первой. Она при всех заявила, что хочет не божественного, а простого счастья и сестрой непорочности не станет.

В законе ничего не говорилось, как поступать в таком случае, поэтому хотя дерзкую не наказали, но и в покое не оставили. На работу со всеми женщинами Атай выходила, только если для неё не находилось особо тяжёлого и грязного труда. И, разумеется, никакого счастья она не получила; хоть никто не запрещал ей выходить замуж, но на всём оройхоне не нашлось желающего связать судьбу с женщиной, отмеченной клеймом бунтовщика. Атай ходила, высоко подняв голову, казалось, ей нет дела до любопытных и недоброжелательных взглядов, и Энжин был удивлен, узнав, что и её жизнь трёт шершавым по открытому сердцу.

В течение двух или трёх недель после мягмара, когда всё на оройхоне принималось плодоносить особенно бурно, хозяйство старейшин начинало лихорадить. Часть женщин отправлялась на мужские работы — на поля, а остальные, чтобы справиться с бешено растущим наысом, работали круглосуточно, получая лишь два небольших перерыва для еды и четыре часа на сон. Но даже во время перерывов женщины

домой не возвращались. Это равно касалось и сборщиц, и привилегированных работников, перебиравших грибы.

Сай две недели была на чистой работе сортировщицы, а вот Атай как негодную вообще не допускали в алдан-шавар, на её долю досталось поле, и работать ей пришлось в паре с Энжином. Первый день они работали вровень: жали, вязали снопы. Когда урожай был снят, баргэд вручил Энжину верёвки и пустые мешки, а его напарнице — тяжеленное било: выколачивать из гроздьев зерна. Именно тогда, при взгляде на согнувшуюся под неподъёмным инструментом фигурку, Энжин понял, что так не должно быть. Не было сомнения, возмущения и гнева, не мучили мысли, что он нарушает закон, была лишь спокойная уверенность: так не должно быть. Энжин подошёл к Атай, взял у неё из рук цеп и начал молотить сам, хотя знал, что меняться работой запрещено: каждый несёт ту повинность, что определена ему по заслугам. И Атай — видно, крепко засели в ней семена бунта! — не возмутилась, а молча принялась подтаскивать снопы, вязать солому и относить в сторону полные мешки.

Красный вечер погас в небесном тумане, на суурь-тэсэге протрубили в витую раковину, возвещая конец работы, лишь тогда они молча, так и не сказав ни слова, поменялись инструментом, а сдав его баргэду, не расползлись, как обычно, по своим норам, а уселись возле тэсэга, прислонившись к его шероховатому боку.

— Атай, — спросил Энжин, — как сделать, чтобы они перестали тебя гнать?

— Никак... — тихо прозвучало из темноты.

— Но почему... — начал Энжин, но Атай перебила его, зашептала быстро и отчаянно то, что не раз, должно быть, говорила самой себе за эти три года:

— Я знаю, что нельзя было отказываться, но ведь всем известно, как именно сёстры непорочности прислуживают целомудренным старейшинам. Сначала они живут в роскоши, потом переходят к баргэдам и цэрэгам, услаждают их похоть, хотя каждый из цэрэгов и так женат. Я не вижу, чем это лучше многожёнства, принятого в других землях и запрещённого у нас. По-моему, это хуже. Когда кто-нибудь из сестёр беременеет, ребёнка душат и кидают в шавар.

— Откуда ты знаешь? — испуганно спросил Энжин.

— Знаю. Моя сестра живёт у старейшин. У неё родился

мальчик, и его при ней засунули в мешок и отдали... там есть специальный человек для этого. Я так не хочу. Я хочу... хотела когда-то, чтобы у меня была семья, дети... живые...

— Ну что ты... — Энжин коснулся в темноте плеча девушки, и та, всхлипнув, ткнулась ему лицом в грудь.

...У Атай оказались мягкие покорные губы, пахнувшие цветами туйвана, а избитые работой руки умели быть бесконечно ласковыми.

Так в жизни Энжина появилась тайна. Однажды нарушив закон, он продолжал нарушать его, не мучаясь больше никакими сомнениями. Гораздо сложнее обстояло дело с Сай. За дюжину лет, проведённых вместе, он привык ничего от неё не скрывать. Что из того, что скрывать было и нечего? Всё-таки прежде он мог сказать: «Ты знаешь, Сай...» — и поделиться тем немногим, что произошло с ним или около него. А теперь, когда в жизни появилась настоящая большая радость и ещё один родной человек, об этом приходилось молчать. И только от молчания, от разделившей их тайны, а не от чего-либо другого Сай, близкая и любимая, начинала становиться чужой.

Так прошёл почти целый год. Внешне почти такой же, как все остальные годы, но наполняли его нетерпеливое ожидание слишком редких встреч и ещё незаметная, но уже начавшаяся пытка молчанием. Лишь когда до нового мягмара осталось меньше месяца, события понеслись, словно спасающий-ся от хищника авхай по поверхности далайна.

Энжин с чисто мужской слепотой не замечал изменений, происходящих с его подругой, и Атай сама сказала ему обо всём во время одной из случайно выпавших встреч. В первый миг Энжин не поверил новости и, лишь положив ладонь на округлившийся живот Атай и ощутив толчки ещё не проснувшейся, но уже существующей жизни, понял, что это правда.

— Как же быть? — растерянно пробормотал он. — Ведь ты знаешь, что придётся делать...

Это знали все. Великий Ёроол-Гуй ненавидел разврат. Незаконных детей в стране старейшин не было. Всё остальное — увь! — было. Большинство мужчин поступали просто. Немало законных супругов ходили, прикрывая ладонью расползшийся на пол-лица синяк — призывающий к молчанию аргумент не ночевавшего дома мужа. А среди вдов, озверевших от одиночества, и девушек, потерявших последнюю на-

дежду выйти замуж, по секрету передавались рецепты, как избежать последствий тайной связи, а если уж их не миновать, то как ловчей перетягивать растущее пузо и, главное, кто из охотников и что требует, чтобы отнести и выкинуть в шавар задавленный плод любви.

Но бывало так, что скрыть грех не удавалось, и тогда Ёроол-Гуй требовал преступницу к ответу. Мужчин на оройхонах не хватало, и потому считалось, что второго виновника как бы и нет.

— Мой ребёнок останется жить. — Атай произнесла эти слова тихо, но так, что Энжину сразу вспомнился неприступный вид, с которым Атай проходила мимо скользящих служителей. — Я просто не останусь здесь. Уйду.

— Куда? — спросил Энжин и вдруг вспомнил, что повторяет свой давнишний, ещё не Атай заданный вопрос.

— Не знаю, — сказала Атай. — К ванам или в страну добрых братьев — всё равно.

— Граница охраняется, — напомнил Энжин, — да и не пройти там. Мёртвые земли. Помнишь, что рассказывал старейшина об огненных болотах?

— Всё равно, — упрямо повторила Атай. — Пойду по мокрым оройхонам, через границу ползти буду, но здесь не останусь.

Энжин слушал и видел, что так и будет — она уйдёт. И говорит она это сейчас только для того, чтобы он, если захочет, мог идти вместе с ней. А мог и остаться, сделав вид, будто ничего не понял, и тогда она уйдёт одна, не попросив его ни о чём.

— Подожди, — сказал он. — На той неделе меня посылают в охранение. Будет легче перейти на мокрый оройхон.

Лишь потом он заметил, что не сказал ни «нам будет легче», ни «тебе». Просто сам не знал, как поступит, и сказал неопределённо, отложив решение на последнюю минуту. И Атай не стала уточнять, что он имел в виду, послушно согласилась:

— Хорошо, я подожду.

На следующий день Атай исчезла. Энжин не встретил её на работах, не увидел, вернувшись домой. Он не знал, что думать: бежала ли Атай, не дождавшись его, или же с ней что-то случилось? Спрашивать людей Энжин не смел, а Сай, обычно снабжавшая его новостями, на этот раз глухо молчала.

Прошла неделя вместе с назначенным дежурством —

Атай не объявлялась. Закончился год, наступил весёлый мягмар. Атай не было.

Шестой день мягмара — день всеобщего ликования, жертвоприношений щедрому Ёроол-Гую, отдыха. Охота у шава-ров закончена, дары, принесённые расхोдившимся далай-ном, разобраны и отнесены в кладовые. Съедено праздничное мясо и плоды. Остаётся веселиться. Длинные процессии направляются с дарами на обычно пустынный мокрый оройхон. Двигутся старейшины, окружённые непобедимыми цэрэгами; охотники со своими трофеями идут, чтобы вернуть Многорукую часть по праву принадлежащих ему богатств. Шагают опалённые пламенем сушильщики, которых все боятся и презирают за их смертельное ремесло. Стоят у края далайна с повинной головой, бросают вниз пряди собственных волос — просят немного жизни. Лишь трудолюбивые баргэды, хранящие, учитывающие и выдающие всё, что есть на оройхонах, остаются на месте. Они не могут уйти даже на один день, без них жизнь прекратится, народ умрёт с голоду.

Из простых служителей на праздник допускаются лишь те, кого власти сочли достойными лицезреть картину жертвоприношений. Каждый заранее оповещён о высокой чести, и за всю историю страны ещё не было глупца, отклонившего её.

Энжин стоял в общей толпе за спинами цэрэгов. Смотрел, как летят в далайн снопы, сыплется мука и сладкие плоды. Слушал пение сестёр непорочности. «О бессмертный повелитель! Прими дары от твоей земли!» Энжин впервые был здесь, впервые видел далайн. Сухих оройхонов много, и не каждый служитель хотя бы раз в жизни попадает на праздник. Многие лишь по рассказам знают, что такое шестой день мягмара.

Жертвы становились богаче, пение громче. Лился хмельной сок, падали драгоценные осколки дающего искры кремня, что во всём мире встречается лишь на кресте Тэнгэра. «О отец наш, Ёроол-Гуй! Тебе отдаём мы лучшую из женщин!» — голосили непорочные шлюхи. И покачнувшийся Энжин увидел, как плывёт над головами поднятый на сильных руках резной паланкин и в нём сидит Атай. Её руки и ноги были связаны, но мало кто замечал путы, скрытые широкими рукавами нарядной одежды. Зато фигуру праздничный талх облегал плотно, чтобы всем был виден округлый живот женщины.

Энжин не умер на месте, не бросился на копья цэрэгов,

не сделал вообще ничего. Словно загипнотизированный взглядом Ёроол-Гуя, он мог лишь стоять, смотреть и ждать.

— Она хороша, как любовь, и нужна, как дыхание, но мы отдаём её с радостью, о могучий!..

Голова Атай была запрокинута, отрешённый взгляд не замечал окружающего. Энжин слышал, что женщинам, предназначенным Ёроол-Гую, дают пить вино, а если они отказываются, то поят насильно, вливая вино в разжатый рот. Он ещё не знал, что будущими бесконечными вечерами, наедине с полной чашей он с бессмысленным упорством будет думать об одном: сама пила Атай или вино вливали насильно?

Атай молчала, и безмолвно молчала толпа, лишь молещницы выводили речитативом:

— О великий, прими нашу женщину! Её руки — ласка, её губы — счастье, её глаза — свет жизни. В ней наше будущее и надежда. Возьми её!

Не родив кругов, без брызг и ряби раскрылась липкая влага далайна, принимая живое подношение. Напряжённо ожидавшая толпа ахнула, и за этим вздохом никто не услышал крика Энжина.

Последний день недели стремительно катился к вечеру. Радостный мягмар закончился. Завтра начнётся страда — сначала на плантациях наыса, затем и на полях. Завтра может вынырнуть недовольный жертвами Ёроол-Гуй — и горе оказавшимся на берегу охотникам, собирателям харваха и беглым преступникам, которым негде скрыться, кроме как на запретном мокром оройхоне. Возмездие настигает их там в лице самого бога. Горе тому, кто останется на мокром оройхоне после конца мягмара! Это преступление ещё большее, чем зайти без дела и позволения на соседний оройхон или поменяться с кем-нибудь назначенной работой. И всё же, когда под грохот труб и костяных досок процессия двинулась обратно, один человек, словно не слыша сигнала, остался у далайна. Его никто не замечал, цэрэги и шпионы равно стремились уйти отсюда поскорей. Мимо, шлёпая по замешанной на нойте грязи — здесь нет места заносчивости ванов! — прошествовали жрецы и старейшины. Простой народ обтекал его со всех сторон, торопясь добраться к дому и урвать перед завтрашним днём пару лишних часов отдыха, а Энжин стоял, вперившись взглядом в далайн, словно туда ещё падали дары.

Берег опустел, потемневшие облака налились кровью. Всё

замерло, лишь далайн, тяжело дыша, продолжал свою работу. Ему не было дела до людей, их даров и потерь. Лишь на шипах какой-то пучеглазой твари, выплеснутой волной, белел обрывок тонкой материи. Но мало ли тканей было скинуто сегодня в бездну?..

Только теперь, когда поздно стало что-либо делать, сознание вернулось к Энжину. Он чувствовал, как рвётся душа, сгорает, не оставляя золы, пламя вырывается через ладони поднятых рук, и весь он, как это прежде бывало лишь во сне, превращается в факел, пылающий нестерпимой болью и светом. А рядом холодный и мокрый, лениво шевелящийся враг готовится плеснуть своим дыханием и погасить, оставив чёрную головешку. Себя было не жаль, всё лучшее, что в нём было, далайн уже забрал и не вернёт. Оставалось мстить: бессердечному чудовищу, равнодушной влаге, злым людям — всем, до кого сможешь дотянуться.

Пламя рванулось с ладоней, беззвучно разбилось о холодную поверхность. Далайн вспучился, заметались в его толще безмозглые уроды, а в самой пучине содрогнулся от удара многорукий Ёроол-Гуй, закружил, отвыкнув за многие годы от боли, и свечой пошёл наверх, туда, где ещё не осознавший себя илбэч творил землю.

Когда новорожденный оройхон заслонил простор, Энжин не успокоился, не испугался и даже не понял, что произошло. Он видел лишь, что враг отходит, и побежал следом, стремясь ещё раз ударить, не думая, что в нём проснулся тот самый дар, о котором говорят сказания. Не думал он и о том, что Ёроол-Гуй спешит сейчас сюда и в любую минуту может вынырнуть и схватить его, ведь мягмар кончился. Энжин выбежал к далайну и вновь ударил, уже зная, что он увидит, и радуясь... чему? Лишь выстроив третий оройхон кряду и упав от усталости в жгучую грязь, Энжин понял, что Атай не вернётся, даже если он высушит весь далайн. Энжин встал и медленно побрёл назад, к тому, что он когда-то называл жизнью. Он чудом успел уйти от Ёроол-Гуя, обрушившегося на берег через полчаса после его ухода, и чудом избежал встречи с караулами.

На оройхоне царило безмолвие. Энжин на ощупь отыскал свою палатку, откинул полог, согнувшись прополз внутрь. В темноте ничто не шелохнулось, лишь потом из самого угла прозвучал неестественно спокойный голос Сай:

— Ты где был?

Энжин не ответил. Лёг, спрятав лицо в подстилке, стараясь ничего не слышать.

— Я спрашиваю, где ты был? — повторила Сай. — У кого?.. Можешь не отвечать, но знай, что я всё равно её найду, и эта новая девка отправится вслед за первой, за твоей любезной Атай!

Энжин медленно поднялся, зажал ладонями уши, чтобы не слышать свистящего шёпота, летящего из затхлой тьмы:

— Вы, мужики, развратники, и ты точно такой же, как все. Тебе наплевать на семью, на меня, на закон, в конце концов! И шлюху ты выбрал себе под пару, эту шаварную тварь... Жаль, я не смогла сбросить её в далайн своими руками!..

— Замолчи, — тихо сказал Энжин.

Он вышел из палатки и остаток ночи просидел, привалившись к тэсэгу и глядя сквозь темноту туда, где ещё день назад стояла палатка Атай.

Утром оройхоны облетела невероятная весть: объявился новый илбэч. За одну ночь на побережье возникло три свежих оройхона, и, следовательно, один из старых стал сухим — в стране появилась дополнительная пригодная к жизни земля. Никогда прежде такого не случалось. Даже во времена древних илбэчей не появлялось три оройхона в один день. Служители передавали друг другу новости — одна невероятней другой, цэрэги и баргэды всех рангов были подняты по тревоге. Приказ требовал изловить илбэча и доставить его в совет старейшин. Энжин этого не знал, но многолетняя привычка заставила его затихнуть и постараться стать незаметным.

Через неделю вышло официальное распоряжение — илбэч должен объявиться. Оно заставило Энжина ещё ниже пригнуть голову. Он уже раскаивался в сделанном и не понимал, как ему удалось такое. Сомневался даже, было ли это с ним в действительности. Верил в былое, лишь когда, проснувшись среди ночи, понимал, что Сай тоже не спит, а забившись в угол палатки, обхватив колени руками и прижавшись к ним подбородком, беззвучно цедит сквозь сжатые зубы проклятия умершей сопернице. Подобные сцены вызывали тягостное чувство неуместности. Вины перед Сай Энжин больше не испытывал, ненависти — тоже.

Что касается остальной жизни, то она изменилась лишь к худшему. Появился новый район, часть людей с обжитых

оройхонов власти отправили туда, и остальным пришлось больше работать. А легче не стало — так же они вставляли по хриплому сигналу трубача, съедали ту же миску каши, шли на ту же работу. Так зачем было всё? И было ли?

Прошёл год, увенчанный безрадостным мягмаром, потом второй, третий... В бороду, которую он бросил брить, вплелись белые нити, давно не снилось по ночам пламя, не тревожило слово «илбэч», и лишь видение далайна и запрокинутое лицо Атай преследовали его. Но он по-прежнему был на хорошем счету у баргэда, и когда ему исполнилось три с половиной дюжины лет, его произвели в охраняющие. Это означало, что теперь он будет не просто стоять с палкой на краю мокрого оройхона, а нести службу на границе. Длинные полосы мёртвых оройхонов отделяли древнюю землю старейшин от более новых земель — государства вана и страны добрых братьев. Порядка в тех краях было куда меньше, но зато илбэчи в те эпохи, когда они появлялись, чувствовали там себя вольготней, и потому сопредельные страны были обширней и сильнее воинской силой. Впрочем, нападать через мёртвые земли, где пяток цэрэгов мог сдерживать целую армию, было делом безумным, и потому пограничные гарнизоны оказывались невелики и состояли в основном из стрелков при ухэрах. Но теперь, пока власти не забыли ночного потрясения и не могли быть уверены, что илбэч не прячется где-то, пытаясь бежать к противнику, караулы были усилены за счёт немолодых и многократно проверенных служителей. Оказался среди них и Энжин.

Второй раз в жизни он увидел далайн. Далайн не изменился, да и не мог измениться за прошедшие годы. Так же сгущался над ним туман, так же двигались ленивые бугры, размазывались о берег, с небрежной щедростью убивая своих же обитателей. Далайн был вечен и не помнил ничего. Но зато помнил, вернее, заново вспомнил Энжин. В первую же ночь он сбежал, ушёл по полосе пограничных оройхонов, не гадая, сможет ли пройти и как встретит его земля вана. О Сай он, уходя, не думал, да и потом не вспоминал. Любовь, когда-то связывавшая их, давно умерла. Любовь вообще плохо уживается с непримиримостью и ложью. Всё остальное ей дозволено.

Идти в темноте по мёртвым оройхонам оказалось невозможно. Утро полуживой Энжин встретил на краю далайна.

Близкие авары душили низко стелющимся лиловым дымом, мокрая губка не спасала от ядовитых миазмов, да и вода у Энжина кончалась. Он знал, что надо, пока ноги послушны, уходить отсюда, но сильнее жажды жить в воспалённом мозгу засели две мысли: вот он, далайн, и рядом нет никого, кто мог бы помешать свести с ним счёты; и другая, более страшная — а вдруг всё, что было тогда, много лет назад, лишь привиделось ему и теперь он никто и ничего не может?

И тогда полуживой и полубезумный человек вместо того, чтобы бежать сломя голову, качнулся к далайну, поднял руки, шепча проклятия, словно Сай в ночные часы, и начал творить оройхон. Этот оройхон — нелепый и бесполезный квадрат суши торчит ровно на полпути между землёй старейшин и страной вана. Там никто не живёт, потому что выжить там невозможно, но всё же теперь пройти с одного берега на другой стало проще. В тех редких случаях, когда старейшины соглашались в обмен на жемчуг и сухой харвах продать вану искристый кремьень, баргэды встречаются здесь с посланцами вана. Поэтому необитаемый оройхон называется Торговым.

Всё это происходило потом, а пока безумный илбэч окончил работу и, даже не ступив на новый оройхон, впервые за много лет засмеялся и пошёл дальше.

С другой стороны проход охранялся не так строго, ведь здесь не ловили таинственно исчезнувшего илбэча, поэтому Энжин сумел пробраться мимо поста, где скучали доблестные цэрэги, и войти на землю вана.

Он быстро увидел разницу между двумя странами. Земля была чудовишно перенаселена. Когда Энжин попытался войти на сухой оройхон и напиться воды, его жестоко избили и вышвырнули обратно. Пришлось привыкать к чавге, которую прежде он ел только во время торжественных богослужений. Одно дело — вкушать кисловатый, чуть пованивающий нойтом комочек раз в месяц под пение собравшихся вокруг суурь-тэсэга служителей, совсем другое — питаться чавгой постоянно.

Избитый, брошенный в нойт Энжин выжил чудом. Его подобрала изгой — три изуродованные и неясно почему ещё дышащие женщины. Спасительницы немедленно и дружно объявили себя законными супругами Энжина. Очевидно, и здесь, где само существование было понятием относительным, устойчивое семейное положение что-то значило.

Сопровождаемый самозваными жёнами, Энжин обошёл всё побережье страны вана. Мокрые оройхоны были единственным местом, где можно было передвигаться. По поребрикам между сухими оройхонами были проложены ровные тропы, существовали и дорожки внутри оройхонов, но ходить по ним, если ты не цэрэг, было рискованно. На полях работали не безразличные ко всему на свете служители, гнущие спину за миску каши, а хозяева, готовые перервать горло всякому, посягнувшему на их сокровище. Впрочем, из-за невероятной скученности далеко не все земледельцы могли позволить себе даже ту нищенскую жизнь, которой наслаждались рабы Ёроол-Гуя в земле старейшин.

Новая семья Энжина так и осталась образованием чисто экономическим. Ни о какой душевной или физической близости жёны и не помышляли, просто вместе было легче выжить. Женщины копали чавгу, скребли харвах, по возможности подворовывали на сухих оройхонах, Энжин с редкостным безразличием к опасности разгребал завалы зверья на самом краю оройхона, добывал кожу, липкую чешую, морской волос, рыбью кость — всё, что обычно достаётся людям лишь во время мягмара. Ведь, кроме Ёроол-Гуя, грозящего всему оройхону, существует ещё и уулгуй, опустошающий прибрежную кромку и встречающийся куда чаще своего старшего брата.

Энжину справили многослойные буйи и широкополый, с длинными рукавами и глухим воротом жанч — единственную одежду, в которой можно более или менее безопасно работать на мокром оройхоне. «Приоделись» и жёны. Станный, противоестественный союз, почему-то называвшийся семьёй, начинал оправдывать своё существование. Постепенно Энжин научился многим премудростям нечеловеческого житья. Он узнал, как правильно выбирать место для ночлега и растилать кожу, заменяющую постель, чтобы не залило ночью нойтом. Он мог вымыться соком одной чавги, а оставшейся в кулаке выжимкой исхитряться ещё и почистить жанч. Научился ценить жирха и привык есть его сырым. Главным в этом искусстве было как можно быстрее глотать куски, а потом сдерживать отрыжку — иначе могло стошнить даже самого былого едока.

Жители сухих оройхонов тоже промышляли чавгой и харвахом, поэтому долго задерживаться на одном месте не удава-

лось. Энжин со своими женщинами постепенно откочёвывал всё дальше на запад, пока не достиг края земли. Здесь он снова увидел мёртвые болота. Тут было два таких оройхона, дымивших на всю округу и избегаемых даже изгоями.

Энжин бесшабашно направился прямо к границе, рассудив, что поблизости от неё прибрежные завалы всего богаче, но не подумав, как он будет работать там, где впору только не умереть. Виденное лишь однажды, но насмерть врезавшееся в память зрелище пробудило в душе и остальное, что Энжин предпочитал не вспоминать, опасаясь за рассудок и не замечая, что в том и состоит уже много лет его тихое помешательство. Но сейчас ядовитый дым, одурманивший голову, снял запрет, горящие поблизости авары помогли превратиться в пламя, и Энжин, забыв, зачем он сюда пришёл, за два часа сотворил свой первый оройхон в стране вана.

Когда едва дышащий Энжин вернулся к тому месту, где стояла лагерем семья, его встретил невиданный переполох. Немудрящий скарб был увязан, словно женщины приготовились к немедленному бегству и ожидали только появления Энжина. Однако впервые среди жён не оказалось согласия. Наминай требовала идти на восток, где образовалась сухая приграничная полоса — захватывать удачное место. Глуповатая Эрхаай полагала, что следует спешить к новому оройхону, который, конечно же, в ближайшие дни станет сухим. Что касается Курингай, то она хотела бежать как можно скорее и от сухой полосы, где, несомненно, начнётся всеобщая драка, и вообще из этих мест. Энжин, как обычно, своего мнения не имел и никак не решил спора, готового перейти в потасовку. Жёны напрасно зывали к главе семьи, он сидел безразличный или начинал говорить на темы, никак не связанные с предстоящим решением. Лишь когда он случайно упомянул, что разбуженный Ёроол-Гуй, несомненно, вот-вот будет здесь, споры прекратились, и все поспешили на подаренную провидением сухую полосу.

Там по-прежнему курился дым, горела на аварах густая слизь, и громоздились возле бывшего побережья кучи тлеющей мерзости. Но уже не так остро бил в ноздри запах, и было ясно, что ещё день-два — всё лишнее выгорит и на высохшей земле можно будет ставить палатку.

Женщины выбрали для жилья место как можно дальше от новой границы, совсем недалеко от сухих оройхонов и приго-

товились защищать свои владения от всех чужаков, какие только могли появиться. Энжин продолжал пребывать в страсти. На самом деле в нем шла мучительная работа. Он осознал наконец свой дар илбэча и теперь раздумывал, перебирая один вариант за другим, как, не погубив самого себя, помочь остальным людям. В испорченном рассудке крепко засела мысль: сухой оройхон — это плохо. Его заберут цэрэги и баргэды, а всем остальным достанется лишь больше работы. Безумный илбэч решил строить вдоль границы двойной ряд оройхонов — один мокрый, где смогут кормиться изгои, другой — с огненными аварами и сухой полосой, где они смогут жить.

Оскорблённый Ёроол-Гуй бесчинствовал на побережье, но всё же через день Энжин, не сказав ни слова своим друзьям, отправился к далайну и выстроил ещё один оройхон, нарастив вдаль мёртвую полосу.

С поднятыми руками и пылающим взглядом Энжин готовился ступить на новый оройхон, когда поверхность влаги взорвалась изнутри бешеным водоворотом, и Ёроол-Гуй рухнул на приграничный оройхон, отрезав Энжину путь к отступлению. Случись это несколько дней назад, Энжин, наверно, умер бы от страха, но сейчас он, словно легендарный Ван, погрозил кулаком корчащемуся на аварах чудовищу и пошёл вдоль границы туда, где, не закрытая аварами, высилась стена Тэнгэра.

Щупальца Ёроол-Гуя, коснувшись огня, шипели и обугливались, но на смену им из бугристого тела вырастали новые. По туше проходила дрожь, напоминавшая биение мая, потоки мертвящей влаги, липкого нойта и голубой, словно жемчуг, крови текли по камням, гигантское облако дыма затянуло окрестности, достигнув сухих оройхонов, так что недавно назначенный одонтом благородный Хоргоон принуждён был запереться в алдан-шаваре и в течение недели не показываться наверху.

И всё же сгорающий заживо и тут же заново рождающийся Ёроол-Гуй не желал уходить с аваров. Возможно, он чувствовал, что отрезал илбэча на мёртвой полосе, и ждал, когда тот задохнётся в чаду. Так и должно было случиться — у Энжина не было с собой ни губки, ни воды, ни тем более сока и смолы туйвана, но у него не было также чувства опасности и рассудка — в привычном понимании этого слова. Энжин

продолжал строить, и это спасло его. Следующий оройхон полыхнул ему в лицо жаром, но, хотя это была мёртвая земля, дыма и отравленного смрада здесь не было, ведь нойт ещё не успел образоваться и наползти на авары. Лишь сзади его нагоняло смертоносное марево, и Энжин побегал дальше.

Три дня бесчувственный Ёроол-Гуй не сходил с костра, который сложил для себя сам, но затем, верно, и его сила начала сдавать. Многорукий сполз в далайн и исчез. За эти три дня Энжин поставил вдоль границы четыре оройхона, создав ту дорогу смерти, что через год так поразила бродягу Хулгала. Возможно, он продолжал бы строить ещё, уходя всё дальше в неизвестность, но он просто не смог дольше быть без воды в соседстве с жаркими аварами. Единственную бывшую у него чавгу он высосал на второй день, а потом лишь жевал оставшийся во рту волокнистый комочек.

На третий день сдавшийся Энжин побрёл через дым назад и нашёл путь свободным.

Оказавшись на привычно мокром оройхоне, Энжин первым делом принялся копать чавгу. Если бы ему попало не тронутое место, он опился бы сока и получил удар, но удачи не было, и Энжин остался жив. Отдышавшись, он пошёл к сухой полосе, где его должны были ждать жёны. Но уже на полпути он встретил Эрхаай. Она выползла из зарослей хохиура, тараша круглые бесцветные глазки, и испуганно окликнула Энжина:

— Не ходи туда. Там цэрэги!

Энжин мгновенно нырнул в хохиур и, присев на корточки рядом с Эрхаай, спросил:

— Где остальные?

— Наминай закололи цэрэги, а Курингай убежала, но её тоже поймали и закололи. Это всё Наминай сделала. Цэрэги хотели нас только выгнать, а Наминай стала кричать, что это наша земля, что мы сюда первыми пришли, и тогда они проткнули её копьём.

— Надо посмотреть, что там, — сказал Энжин. — Вряд ли это облава. К тому же там остались наши вещи.

Он, пригнувшись и прячась за тэсэгами, начал подкрадываться к поребрику. Эрхаай засопела недовольно, но поползла следом. Облавы и в самом деле не было. Несколько цэрэгов сидели среди раскиданного скарба, грызли сушёный наыс и лениво переговаривались.

— Не понимаю, — сказал один, — зачем одонту понадо-
билась сухая полоса? Проку с неё никакого...

— Зато на ней удобно держать границу, — заметил цэрэг
постарше.

— Здесь же нет границы, — удивился молодой. — Там во-
обще ничего нет...

— Мало ли что нет, а границу держать надо, — возразил
старый служака.

— Ничего вы не понимаете, — лениво сказал дюженник,
сидящий на скатанной коже. — Ведь тут где-то бродит илбэч.
Завтра ещё подойдут наши, и начнём облаву. Учтите, одонт
запретил убивать бродяг — илбэча надо взять живым. Ясно?
Чтоб эти бабы были последними!

— А вдруг баба и была илбэчем? — предположил кто-то.

— Скажешь тоже!.. — возразили ему. — Так не бывает.
Илбэч — всегда мужчина.

— В законе об этом ничего не сказано, — разъяснил дю-
женник, — поэтому брать будем всех.

— Интересно, — вновь начал первый, — что одонт будет
делать с илбэчем? Ну, поймаем мы его, так он же умрёт
сразу...

— Это не наше дело. Может, и не сразу помрёт, так его за-
ставят строить. Если хоть один сухой оройхон поставит, так
это для нашего Хоргоона уже великое дело будет. Провинция
маленькая, сам понимаешь.

— А вдруг илбэч тем временем сбежит? Ищи его потом по
всей стране...

— Не сбежит. На мокром караулы поставлены. Туда дю-
жина Ёмсога ушла. А через сухое какой же дурак побежит?
Мужики любого бродягу насмерть затопчут.

Дальше Энжин слушать не стал. Он, пятась, пополз назад,
пока не натолкнулся на тихо пискнувшую Эрхаай. Приказав
ей сидеть молча, Энжин стал ждать ночи. В темноте они про-
ползли мимо цэрэгов и ушли на сухое, умудрившись даже
прихватить кое-что из своего добра.

Идти по сухим оройхонам действительно казалось само-
убийственным предприятием, но Энжин нашёл блестящий
выход. Они с Эрхаай взвалили на плечи корзины с вещами,
присыпали их сверху собранным накануне харвахом и, не
скрываясь, двинулись по иссохшей полосе вдоль аваров. Здесь
не встречались караулы, а главное, здесь нечего воровать, и

потому никто не смотрел на встречаемых с подозрением. За один день они прошли насквозь всю страну и на следующую ночь выбрались на побережье неподалёку от границы с государством старейшин. Меньше всего Энжин хотел бы возвращаться туда, и двое бродяг бесцельно заметались по стране, превратившейся в огромную ловушку.

В воспалённом, хоть и не потерявшем сообразительности мозгу Энжина прочно перемешались ненависть к далайну с тяжёлым недоброжелательством ко всем, кто живёт на сухом. Только изгои, с которыми ему нечего было делить, кроме изорванной кожи на постель и куска жирха, казались безумному илбэчу достойными жалости. На побережье Энжин поставил отдельный, уступом выдающийся в далайн оройхон и поспешно, не задержавшись ни на час, двинулся на запад, где уже поняли, что илбэча им не поймать, и, вероятно, сняли караулы.

Появившись там, Энжин построил оройхон, продливший сухую полосу, но уже не пытался на ней поселиться, а вновь сбежал. Эрхаай уговаривала его остаться, убеждая, что илбэч, несомненно, выстроит что-нибудь ещё и тогда они заживут на славу, но Энжин не стал её слушать, и они расстались. У Эрхаай достало разума понять, что названный супруг окончательно свихнулся и не желает ни искать лучшей земли, ни добывать кость и кожу, а значит, кормить его не стоит.

Энжин шёл на восток. Навстречу ему двигался необычайно умножившийся поток бродяг. По стране разнеслись фантастически преувеличенные вести о новых землях, и многие люди, бросив скудный быт, кинулись за счастьем. Ошпаренный Ёроол-Гуй свирепствовал небывало, но бродяг меньше не становилось. Постепенно они стянулись к созданной Энжином сухой полосе — единственному месту, где можно было жить. Полоса оказалась перенаселённой сильнее, чем сухие оройхоны, пребывающие под властью вана. Началась резня. Власти не торопились прекращать её, ожидая, что вышедшие из повиновения изгои истребят себя сами. Но быстрее и надёжней любых карательных мер прекратило распри известие, что совсем неподалёку выросли разом два оройхона, а если появится третий, то в стране будут новые сухие земли. Толпы ринулись туда по краю далайна или напрямик через сухие края. А молва уже сообщала о новых оройхонах, возникших в другой части страны.

Два года Энжин играл в прятки со всем миром. В первые месяцы, кроме чудовишной дороги смерти, он выстроил дюжину и четыре оройхона, но раскидал их так, что они могли служить прибежищем изгоям и больше ни для чего. Лишь самый первый оройхон, у которого образовалась сухая полоса, представлял какую-то ценность. Впрочем, на эту полосу одонт Хоргоон войска вводить не стал, рассудив, что так ему никаких двойных дюжин не хватит. Там сложилась своеобразная республика, называемая повсюду «Свободным оройхоном». Не стали власти преследовать бродяг и на новых землях. Слишком велика стала длина побережья, изрезан берег. Постепенно бродяг становилось меньше — набегии Ёроол-Гуя, жизнь на мокром, стычки с земледельцами и цэрэгами делали своё дело. Армии бродяг больше не существовало, уцелевшие превратились в обычных изгоев. Где-то среди них прятался и Энжин, прекративший всякую работу и успешно изображающий бандита. Он понимал, что если товарищи по несчастью проведуют, что он и есть илбэч, наделавший столько переполоха, он не проживёт и получаса из отпущенных ему Ёроол-Гуем суток. Поэтому Энжин со скучающим лицом слушал размышления остальных бедолаг, куда бы мог запропасться илбэч, а если кто-нибудь спрашивал его мнение, нарочито зло отвечал:

— А ну его к Ёроол-Гую! Пропал — и хорошо. Спокойнее жить.

На самом деле в сердце озлившегося на весь свет илбэча созрел новый план. Он решил бежать ото всех, выстроить сухой оройхон лично для себя и жить там одному. Надо было лишь дождаться, пока людям наскучит искать новые земли, и тогда уйти по мёртвой полосе и там, если удастся, начать жизнь заново. Поэтому и затаился вдруг безумный строитель и долгих два года бродил по побережью, ел тухлую чавгу и ждал. Лишь когда затихли последние слухи и никто уже не надеялся на чудеса, Энжин отправился в путь. На плече он привычно нёс корзину с сырым харвахом, позволявшую ему ходить, не вызывая излишних подозрений. К тому же и цэрэги, если в эти места занесёт отряд, гораздо мягче отнесутся к мирному сборщику харваха, чем к простому бродяге. Ведь должен же кто-то собирать для них в этих местах огненное зелье.

Незадолго до вечера Энжин добрался к Свободному оройхону. Шёл, вспоминая, что его карьера в землях вана началась

именно здесь, этот оройхон был построен первым. А теперь ему не позволят остаться тут лишней минуты. Пройти мимо — ещё куда ни шло, но только не трогать чавги, не подходить к шавару, не глядеть на хохиур. Здесь всё было общее, но ничто не доставалось чужакам. И Энжин шёл по поребрику между оройхоном и сухой полосой, тактично не глядя по сторонам.

— Мышка, мышка, засоси! — услышал он детский голос.

Мальчуган от силы лет трёх, очевидно, сбежавший из-под присмотра, влез в глубокую лужу и сосредоточенно топтался на месте, глядя, как замешенная на нойте жижа затягивает его буйи. На чумазой физиономии сияло блаженство, вызванное запрещённой и потому особенно притягательной игрой. Нойт поднялся ему выше колен, но игрок не замечал, что сам уже не сможет вырваться из объятий цепкой мышки, и радостно продолжал увязать всё глубже.

— Эге! — сказал Энжин. — Да так ты вовсе утонешь. Ну-ка, герой, вылезай!

Он шагнул в грязь и, ухватив пацана, выдернул его из жадно чмокнувшей ямины. Мальчуган обиженно завершал.

— Бутач, ты опять за своё?.. — На поребрик с сухой стороны выбежала молодая женщина. Она приняла орущее сокровище из рук Энжина, начала сбивчиво благодарить его.

— Ладно... — отвечал Энжин. — Мне это ничего не стоило, я и так с ног до головы в грязи.

Но женщина уже подхватила корзину и повела Энжина на сухую сторону к большой палатке, стоящей рядом с поребриком.

— Вы обязательно поедите с нами, — говорила она, — и переночуете. А иначе вам негде будет. Вы знаете, этот неслух проворней тукки, уследить за ним невозможно. Один раз он уже чуть не утонул в нойте — и лезет снова. Просто не знаю, как и быть.

Энжин сидел, слушал болтовню женщины, продолжавшей что-то ловко делать по хозяйству. Ему казалось, что он попал домой и больше никуда не надо идти.

В волосах женщины матово сияли драгоценные украшения: сделанные в виде полумесяцев заколки из кости бледного уулгуя. И Энжин подумал, что надо быть не только очень богатым, но и очень уверенным в себе человеком, чтобы позволить жене носить такую роскошь среди бела дня. Бледный уулгуй был редчайшим зверем, добыть его казалось просто

невозможно. В отличие от чёрного бледный уулгуй был невелик, жил не в далайне, а в шаваре, в нижнем ярусе, полностью залитом нойтом, близко к выходу никогда не показывался, даже во время мягмара. И, уж конечно, Энжин и не слыхивал, чтобы кто-нибудь мог справиться с бледным уулгуем в одну ночь. Бляшки со щупалец зверя шли на женские украшения, хотя не у всякого одонта любимая жена могла расшить талх радужными костяными кружочками. А вместо коронного обруча в теле малого уулгуя находили два белых полумесяца. Их-то и увидел илбэч в волосах собеседницы.

Через несколько минут появился отец маленького Бутача. Он шагал, громко напевая, и волочил за усы убитого парха.

— У нас гости?! — дружелюбно воскликнул он, увидев сидящего возле палатки Энжина. — Я рад вам.

Энжин встал и неловко поклонился.

— Бутач опять влез в яму, — сказала женщина, — а этот человек его вытащил.

— Спасибо, старик, — сказал охотник.

Впервые Энжин услышал это обращение и вдруг подумал, что он действительно годится в отцы и этому охотнику в посечённом, но прочном панцире, которому позавидовал бы любой цэрэг, и прекрасной матери упрямого Бутача, немедленно забывшего все обиды при виде парха. И потом в одиноких разговорах с самим собой Энжин называл себя таким именем.

От аваров, неся большое блюдо с лепешками, подошла вторая жена охотника. Она была совсем молодой и удивительно напоминала Атай. А может быть, это лишь показалось Энжину оттого, что женщина была в положении. У неё был отрешённый взгляд, словно она прислушивалась к тому, как растёт в её теле будущий ребёнок. Жёны из благополучных семей, ожидая ребёнка, носили на нитке жемчужину. Этот знак говорил, что мать берёт слёзы будущего ребёнка себе, оставляя ему лишь радости. У этой женщины на шее искрилось целое ожерелье из редчайшего голубого жемчуга.

Перехватив взгляд Энжина, охотник сказал:

— Драгоценности хороши, только когда они украшают женщин. У вана, конечно, больше редкостей, но кто их видит? Я добыл эти игрушки, и пусть в них играют те, кого я люблю.

На ужин были лепёшки с соком туйвана — вещь невидан-

ная на мокрых оройхонах. И уж тем более Энжин не ожидал, что его будут угощать подобными яствами. Однако его усадили ужинать, а на все благодарности охотник отвечал:

— Горячего не жалко, если рядом авар. Будем жить, пока живётся.

— У вас счастливая семья, — сказал Энжин. — Я обошёл много оройхонов, но такой не видал и не думал, что возможно подобное счастье. Я говорю не о лепёшках — их едят многие, хотя никто не делится со случайным прохожим. Я говорю о радости.

— Ты прав, — произнесла женщина с голубым ожерельем, и впервые её взгляд, обращённый внутрь, осветил Энжина. — Сегодня мы едим сладкую кашу, завтра, возможно, будем рады чавге, но если кашу не съест сегодня, завтра она протухнет. Так стоит ли её жалеть? А радость должна быть всегда.

Наутро Энжин отправился дальше. Его путь лежал через мёртвые земли на край мира, где он хотел выстроить себе дом, чтобы жить там одному, не видя никого... кроме этой семьи. И пробираясь через ядовитый, заволакивающий разум дым, и корчась в муках строительства, илбэч представлял, как он приведёт в чистые и сухие края широкоплечего охотника с серыми глазами, двух нездешне прекрасных женщин, маленького упрямяца Бутача и того, ещё не родившегося малыша, которого ждёт женщина с лазоревыми жемчугами...

* * *

Шооран, замерев, слушал рассказ старика. Оба они потеряли счёт времени, не замечая, что сквозь потолочные отверстия пробирается жёлтый утренний свет.

— Я оказался, в который раз, трусом, — тяжело говорил старик. — Я никого не привёл, потому что понял: такой человек не станет скрывать тайну и радоваться ей в одиночку. Каждый месяц, собрав урожай, я хотел идти за ними, но оказался храбр лишь в мечтах. Я прособирился десять лет.

Старик замолчал и, вернувшись из прошлого, взглянул на Шоорана. Мальчик сидел неподвижно, между застывших пальцев изгибалась синяя жемчужная нить. Почувствовав взгляд старика, Шооран поднял голову и произнёс:

— Это мамино ожерелье.

— Ты пришёл сам, — сказал старик. — Спасибо тебе. И прости меня за всё, что я не сделал.

Старик встал, повернулся к окну.

— Вот и утро, — сказал он. — Если верить Ёроол-Гую, то до вечера я не доживу, а у меня ещё немало дел. Всё-таки я илбэч и обязан строить, даже если это покажется кому-то бессмысленным. Я должен продлить мёртвую полосу в глубь далайна. Это не ради Тэнгэра и его стены, не думай. Возможно, когда-нибудь ты поймёшь, почему я пошёл именно туда, хотя лучше, чтобы ты этого так и не понял. Если я не вернусь, то всё здесь твоё. Особенно береги это. — Старик выдвинул из-под кровати сундучок и достал тонко выделанный кусок кожи. — Смотри, это карта мира. Вот далайн, а это оройхоны. Я не уверен, правильно ли здесь изображена страна добрых братьев, но это и не очень важно. Главное, что далайн вовсе не так велик, как кажется, когда стоишь на побережье. Илбэчи прошлых времён постарались на славу, а ведь их было всего четыре или пять человек! Остальные после первого же оройхона были схвачены Многоруким или растерзаны благодарной толпой. Но чаще всего илбэч рождался, жил и умирал, даже не догадываясь о своём даре, а может быть, и не увидев далайна ни разу в жизни. Это неправда, что илбэч рождается редко. Не было ни одного дня, ни одной минуты, чтобы где-то не жил илбэч. Просто он сам не знает, кто он. Поэтому я и рассказал тебе это, чтобы ты... чтобы люди знали. Хотя, возможно, я ошибаюсь, и всё зря.

Старик достал буйи и кисло пахнувший жанч, переоделся. Шооран, забившись в угол, следил за ним. Потом попросил:

— Не надо уходить.

— Я илбэч, — ответил старик. — Я должен. Я боюсь умереть в постели, потому что мне кажется, что тогда огонь достанется случайному, ничего не знающему человеку. А я хотел бы отдать его тебе, хотя ты и проклянёшь меня за это. Не знаю только — возможно ли такое. И ещё. Два-три месяца не выходи на мокрое. Многорукий будет наведываться сюда часто.

Старик ушёл. Шооран хотел бежать за ним следом, но, подчинившись уже не словам, а взгляду, остался на пороге алдан-шавара. День он просидел, ожидая, что старик вернётся, но потом услышал, как вдали мучительно всхлипнул далайн, и понял, что опять остался один.

Сказители говорят, что, сотворив небесный туман и воду, далайн и оройхоны, мудрый Тэнгэр начал населять их большими и маленькими зверями. Тэнгэр хранил зверей в наплечной сумке и теперь принялся доставать их по одному и определять каждому место и срок жизни.

Первым Тэнгэр достал мелкого зогга. И сказал:

— Ты будешь жить в норке в стене шавара, а срок твоей жизни составит одну неделю.

— Спасибо, щедрый Тэнгэр, — прошелестел зогг, — что после тесной сумки ты даришь мне огромный мир и жизнь, достойную его. Я успею заткать паутиной норку, и оставить детей, и вонзить жало в тело врага. Что ещё можно просить от жизни?

Затем Тэнгэр вытащил безногую тайзу и сказал ей:

— Ты будешь жить в закоулке шавара, а срок твоей жизни — один месяц.

— Спасибо, щедрый Тэнгэр, — пропищала тайза, — что после тесной сумки ты даришь мне огромный мир и жизнь, достойную его. Я успею исползать весь закоулок, оставить детей и проглотить мелкого зогга. Что ещё можно просить от жизни?

Тэнгэр добыл из сумки тукку и сказал:

— Ты будешь жить в шаваре, в верхнем его ярусе, а срок твоей жизни — один год.

— Спасибо, щедрый Тэнгэр, — хрюкнула тукка, — что после тесной сумки ты даришь мне огромный мир и жизнь, достойную его. Я успею обегать все ходы и коридоры, родить детей и вдоволь наесться вкусной чавги. Что ещё можно просить от жизни?

Тэнгэр раскрыл суму, извлёк оттуда гвааранза и сказал ему:

— Ты будешь жить по всему шавару, наверху и внизу, где прячется бледный уулгуй. А срок твоей жизни — дюжина лет.

— Спасибо, щедрый Тэнгэр, — проскрипел гвааранз, — что после тесной сумки ты даришь мне огромный мир и жизнь, достойную его. Я успею обойти шавар, успею оставить детей и навести ужас на всех, кто живёт в шаваре. Что ещё можно просить от жизни?

Последним Тэнгэр достал человека и сказал ему:

— Ты будешь жить на оройхонах, на тех, что поставил я, и тех, что возникнут позже. А срок твоей жизни останется для тебя скрыт, потому что иначе ты не сможешь думать о вечном.

Человек засмеялся и сказал:

— Спасибо тебе, щедрый Тэнгэр. Не так это много — пять оройхонов, любой из которых можно обойти за полчаса, но я постараюсь, чтобы мой мир вырос и стал достоин срока моей жизни, потому что умирать я не собираюсь. Я хочу жить вечно, и значит, весь большой далайн будет моим.

Кончив населять мир, Тэнгэр вернулся на алдан-тэсэг. Он взглянул сверху на маленький далайн, вспомнил, что сказали ему звери и человек, и впервые подумал, что вечность, возможно, вовсе не так велика, как это ему казалось.

ГЛАВА 3

Шооран остался один.

Сначала он жил в каком-то оцепенении — с исчезновением старого илбэча вдруг пришло запоздалое осознание смерти мамы. До этого Шооран продолжал разговаривать с ней словно с живой, сообщать о своих делах, рассказывать, чем они со стариком сегодня занимались и что интересного он отыскал в алдан-шаваре. Теперь он понял, что всё зря — мама не слышит. И старик бросил его, уйдя навстречу проклятию Ёроол-Гуя.

Неделю Шооран питался опавшими плодами туйвана, росшего неподалёку от входа в алдан-шавар, но под конец приторно-сладкие душистые плоды опротивели ему, и Шооран понемногу начал заниматься хозяйством. Он вовремя убрал хлеб и с удовлетворением наблюдал, как над щёткой жнивья дружно пошли в рост свежие побеги. После нескольких неудачных проб научился готовить кашу и печь на гладком боку авара лепёшки. Гораздо хуже обстояло дело с мясом. Все старые запасы были съедены или испортились, и, значит, нужно идти к ручью — колоть бовэра. С этой, казалось бы, простой работой Шооран не справился. У старика всё выходило легко: он выбирал бовэра, наставлял ему под лопатку остриё гарпуна, резко наваливался на древко, и бовэр покорно тыркался жующей мордой в землю. Однако у Шоорана не достало силы вонзить гарпун достаточно глубоко. Бовэр, издав резкий, скрежещущий звук, сбил Шоорана с ног и принялся метаться по ручью, баламутя окрашенную кровью воду и пугая своих братьев. Гарпун криво торчал из широкой спины.

На следующий день бовэр издох, но и теперь Шооран не смог вытащить его на берег и потрошил прямо в ручье, окон-

чательно испортив воду. Охоты к мясу Шооран не потерял, но с тех пор старался выбирать зверя поменьше и обязательно в низовьях ручья, чтобы кровавый поток не растекался по всему оройхону.

Чтобы чем-то занять себя, Шооран принялся всерьёз изучать алдан-шавар. Он излазил его до последнего закоулка и мог с закрытыми глазами пройти в любое место. Во всём алдан-шаваре не сыскать было двух одинаковых ходов. Иногда, чтобы попасть из одной камеры в другую, расположенную совсем рядом, приходилось давать крюка через весь оройхон да ещё и спускаться в нижний ярус. Встречались и потайные ходы, начало которых было расположено в самых тёмных закоулках, замаскированных выступами стен. Шооран коллекционировал такие секреты, которые, впрочем, было не от кого хранить. Но всё же приятно представить, как, спасаясь от погони, он неожиданно исчезает в стене или, напротив, появляется перед опешившим противником там, где его вовсе не ждут. Жемчужинами коллекции были «дорога тукки» и «беглый камень». Ходом, или «дорогой тукки», назывался потайной лаз, который начинался и кончался под потолком, так что заметить его не удавалось даже при свете. В центре хода имелся узкий выход на склон одного из суурь-тэсэгов. Выход Шооран заложил большим ноздреватым валуном и присыпал листьями растущего неподалёку туйвана. «Беглым камнем» Шооран нарёк обломок скалы, закрывавший прямой проход между двумя суурь-тэсэгами. Если нажать на него посильнее, то он начинал качаться, открывая секунды на полторы шель достаточно широкую, чтобы в неё можно было проскользнуть.

Незадолго до мягмара, когда обмелели ручьи оройхона, Шооран попытался выяснить, куда девается вся эта масса воды. Но даже теперь узкие разломы, в которые уходила вода, оказались недоступны для него. Зато неожиданно Шооран нашёл вкус в купании и с тех пор часто проводил время в ручье рядом с бовэрами.

Год закончился, наступил мягмар — всеобщий день рождения и годовщина маминой гибели. Шоорану исполнилась дюжина — возраст совершеннолетия. Как будто прежде он не жил сам... Теперь он имеет право жениться... можно подумать, что это ему нужно или оройхон переполнен невестами, неустанно сохнушими по нему. В жизни Шоорана не измени-

лось ничего. Правда, в первый день мягмара он хотел идти к далайну, но обнаружил, что старый жанч и мамины буйи ему решительно не налезают — за год привольной жизни Шооран вытянулся и окреп. Пришлось брать одежду старика и его буйи. Но, даже собравшись как следует и вооружившись гарпуном, Шооран к далайну не вышел. Остановило воспоминание, как гонял его здесь год назад хищный парх. Шооран потоптался у поребрика и поплёлся назад пристыженный, так и не сумев переломить неведомый ему прежде страх.

Вернувшись домой, Шооран принялся разбирать вещи старика, в которые и так уже влез, подыскивая себе одежду. У старика было необычайно много всяческих нарядов — грубых и праздничных, для сухого и мокрого оройхонов. Нашлась даже кольчуга, сплетённая из живого волоса и усиленная костяными пластинами. Напротив сердца в кольчугу был ввязан прозрачный кусок выскобленной чешуи пучеглазого маараха, чтобы противнику казалось, будто грудь не защищена. Ничего подобного Шооран прежде не видал — очевидно, такие доспехи носили в земле старейшин. Вся одежда была велика Шоорану, а доспех так и вовсе делался на могучего цэрэга.

Сначала Шооран недоумевал, зачем старику столько добра, но потом представил десять бесконечно одиноких лет, которые надо чем-то заполнить, и больше не удивлялся. В конце концов, такое же ненужное изобилие встречалось и в кладовой с инструментами, и среди припасов. Старик сушил и прятал наыс и туйван, хотя в любую минуту мог набрать свежих, вялил мясо. А бурдюков с вином было не меньше трёх дюжин, словно готовился пир для целой армии.

Один из бурдюков Шооран поднял наверх и, удивляясь, почему не сделал этого раньше, нацедил большую чашу. Вино понравилось. Оно было почти не сладким, зато запах восхитил не избалованного ароматами Шоорана. Главное же, оно ничуть не походило на кислую пенящуюся брагу, которую как-то довелось попробовать Шоорану еще в землях вана. Тогда, после чашки браги, Шоорана долго мучила тухлая отрыжка, и он поспешно дал зарок никогда больше не пить хмельного. Но вино — совсем иное дело! Должно быть, его пьет сам Тэнгэр, когда, сидя на алдан-тэсэге, размышляет о долгой вечности.

Не ожидающий подвоха Шооран одну за другой осушил ещё две чаши, а потом коварный напиток бросился в голову.

Очнулся Шооран на другой день под деревом на самом краю оройхона. Головная боль мучила невыносимо, и лишь кольчуга, напыленная поверх лёгкого жанча, позволила вспомнить события минувшего дня, а вернее, всего одну картину: как он в своём нелепом наряде мотается по краю оройхона, не осмеливаясь переступить поребрика, и орёт, что он новый илбэч и плевать хотел на весь далайн разом.

Мерзкое чувство похмелья и жгучий стыд помогли Шоорану осознать то, что он целый год скрывал от самого себя: не из-за парха и гвааранза не выходил он на мокрое — эти звери выползают на поверхность лишь раз в году, и не Ёроол-Гуй пугал его — в конце концов, стоя на поребрике, можно спастись и от Многорукого. Настоящий, глубокий ужас внушал далайн. Шооран боялся, что последние слова старого илбэча окажутся ошибкой, но ещё больший, хоть и неосознанный, страх вызывало предположение, что они истинны. Потому и жил целый год так, словно никто ему ничего не говорил и вообще никакого далайна на свете нет. Но теперь пришло понимание, и, сидя на прелой листве и трясясь от озноба, Шооран шептал непослушными губами:

— Я илбэч... Я новый илбэч...

А вдруг всё неправда? Может быть, старик в последнюю минуту передумал, и он остался таким же, как был... Или вообще дар илбэча неподвластен хозяину и переходит к кому попало, не считаясь ни с чьим желанием... Ну с чего он решил, будто стал илбэчем?

Шооран вскочил и, пересиливая страх и дурноту, побежал к далайну. Он увидел мечущиеся холмы волн, шипящую пену, насыпь разбитых тел вдоль побережья. Ну конечно, ведь сейчас мягмар, на далайне буря, и строить нельзя. Обрадованный отсрочкой, Шооран поспешил обратно в обжитой алдан-шавар, к привычным делам, подальше от неизвестности.

Отсрочка растянулась на три месяца. Всё время находились дела, не дававшие повторить поход к далайну. Каждый вечер Шооран стыдил себя и говорил, что завтра он непременно... но завтра снова занимался чем-нибудь другим. Должно быть, с такими же мыслями старик плёл кольчугу или сушил неимоверные запасы наыса, намереваясь затем сходить и привести на свой оройхон семью охотника. Наконец в один из вечеров Шооран попросту спрятал свою одежду, а у poste-

ли положил стариковы буйи и тяжёлый жанч, чтобы утром не было никакой отговорки, что, мол, заработался и не успел.

Очутившись на берегу, Шооран поднял руки, обратив их ладонями к стелющимся облакам, и неуверенно начал:

— Далайн, я ненавижу тебя, я не хочу, чтобы ты был...

Бутры влаги беспорядочно бродили по сонной поверхности, ничто не менялось ни вблизи, ни вдалеке. Далайн спал, ему не было дела до заклинаний беспомощного мальчишки. Со смешанным чувством облегчения и разочарования Шооран опустил руки.

Он не илбэч! Он может спокойно жить здесь, ничто в нём не изменилось. Ему не надо бояться людей, и Ёроол-Гую до него не больше дела, чем до любой твари на оройхоне. Страшное проклятие, прозвучавшее прежде сотворения мира, не имеет к нему никакого отношения! Он будет счастлив в жизни, долгой, безмятежной, скучной... Плечи Шоорана затряслись от рыданий, он отвернулся от далайна и, словно сдавшийся Ёроол-Гую Ван, пошёл назад, к прозрачным ручьям, туйванам, одиночеству.

Через несколько дней Шооран успокоился и зажил прежней жизнью, хотя временами его одолевали приступы беспричинной хандры. Зато его полностью оставил страх пред далайном, такой странный для человека, выросшего на мокром оройхоне. В случае нужды Шооран спокойно шёл к побережью, опасаясь Ёроол-Гую и его младшего брата не больше, чем те заслуживали. А когда пришёл новый мягмар, то Шооран, натянув поверх жанча кольчугу — давняя встреча с пархом не забылась! — пошёл на заготовку кости, чтобы поправить износившийся инструмент. Жертв владыке далайна Шооран приносить не стал — уважения к Ёроол-Гую в нём заметно поубавилось. Зато устроил охоту и неожиданно легко загнал четырёх крупных тукк. Прославленное мясо тукки припахивало нойтом, раз попробовав, Шооран не стал его есть. Зато шкуры тщательно обработал и, припомнив давние мамины уроки, сшил себе пару башмаков — высоких, защищающих ногу до середины голени, непроницаемых для нойта и, как мечталось в детстве, с иглами, вправленными в носок и пятку. Башмаки получились великоваты, но Шооран не без оснований надеялся подрасти ещё, хотя уже сейчас богатырская кольчуга была ему впору, если надевать её поверх жанча.

Кольчуга и боевые башмаки навели Шоорана на мысль о

ещё одном доспехе. Где-то в непроходимых землях лежал мёртвый уулгуй, вернее, то, что осталось от него за два года. Вряд ли до этого места слишком далеко. К тому же теперь он значительно сильнее, чем тогда, у него есть прекрасная одежда и сколько угодно смолы и сока туйвана, чтобы пропитать губку. А глаза можно защитить выскобленной чешуёй. В таком виде не страшно отправиться в путешествие хоть через все гиблые земли.

Потихоньку Шооран начал готовиться к экспедиции. При этом он резонно рассуждал, что царский обруч ему, конечно, не найти, а вот из многих тысяч дисков должно же уцелеть хоть несколько... Старался представить, как можно пустить костяные бляхи в дело, чем их скреплять, как вообще строить доспех, которого он ни разу не видал, ведь наверняка не у всякого одонта есть в сокровищнице подобная вещь. Но под этими внешними мыслями, словно нойт под присохшей корочкой, скрывались другие — о людях. Не о маме и не о старике — их можно было вспоминать открыто, а о тех, кого он оставил, уходя, и кто, возможно, до сих пор живёт на Свободном оройхоне и в стране вана. Шооран представлял, какие словечки отпустит по поводу его снаряжения старый Хулгал, как заохает соседка Саригай и сбегутся отовсюду её дети. Видел, как сгорающий от зависти, но не смеющий тронуть одетого словно цэрэг Шоорана Боройгал срывает дурное настроение на замордованных жёнах. Пытался догадаться, какие чувства испытает Мунаг. Пожалеет, наверно, что прогнал его. Короче, размышляя о доспехе из уулгуя, Шооран на самом деле тосковал о людях, хоть они и не стояли этой тоски. Но Шооран больше не мог жить в одиночестве. Ему исполнилась дюжина и один год, а это плохой возраст для отшельничества.

Наконец Шооран собрался в путь. В несколько минут он дошагал до мёртвой полосы и здесь остановился. Ему стало страшно, он понял, что не дойдёт. Слишком сильно въелся в память запах горящего нойта, он парализовал ноги. Шооран не мог заставить себя ступить в огненное болото. Дороги не было.

Тяжёлый бугор влаги разбился о берег, смыв часть старого завала и нагромоздив новый. Удушливый пар разъедал горло даже сквозь ароматическую губку. Жгло глаза. Не было дороги к людям, была лишь вечность, полная одиночества.

Шооран задрожал от тоски, негодования и бессилия.

— Пусти... — попросил он глухой далайн.

Далайн продолжал бесцельно колыхать густую влагу, будто Тэнгэр, впавший в младенчество и замесивший небывалую кашу-малашу.

— Пусти!.. — заорал Шооран, угрожающе замахнувшись на далайн.

Далайн пришёл в движение. Бугры влаги выросли и забегали, словно крик стегнул их. Явилась пена, следом за ней — твердь. Перед воспалённым взором Шоорана повторялось чудо творения, но старого илбэча не было рядом, всё вершилось по воле Шоорана. И Шооран — полумальчик-полумужчина, измученный одиночеством и раздавленный внезапно обрётённой силой, — не выдержал. Он вздрогнул, попятился, заслонившись рукой, и тут же очнувшийся далайн смял не успевшую окаменеть постройку, ожившая влага взломала поверхность неродившейся земли, канули в глубину призраки суурь-тэсэгов.

Шооран бежал. Он спрятался на сухом оройхоне, заперся в алдан-шаваре и две недели не показывался оттуда. Лишь созревший урожай заставил его выйти на поверхность. Ни о каких доспехах Шооран больше не думал, случившееся отодвинуло вглубь даже тоску по людям. Постепенно страх угас. Теперь свою неудачу Шооран расценивал философски: знал — не получилось сегодня, получится в следующий раз. В конце концов, первая тукка у него тоже сбежала, а потом оказалось, что изловить тукку не так уж и сложно.

Однако следующего раза Шооран не торопил. Жил, словно ничего с ним не случилось, лишь вечерами доставал старикову карту и подолгу рассматривал её, водя пальцем по линии побережья и бормоча под нос. Пересчитал оройхоны — отдельно мокрые и сухие. Измерил далайн. Выходило, что в нём может поместиться ещё без малого пять двойных дюжин оройхонов. Никто из илбэчей прошлого так много не строил, даже великий Ван, как гласило предание, сумел поставить лишь три двойных дюжины новых островов. Отыскал Шооран на карте свой оройхон, а вооружившись тростинкой и чёрной краской, добытой из брюшка тайзы, обозначил ту землю, что поставил при нём старый илбэч. Успел ли старик сделать что-нибудь ещё, Шооран не знал, и на этом месте карта обрывалась.

Шооран решил выждать два месяца, прежде чем предпринимать вторую попытку, ведь именно этот срок называл старик, предупреждая о набегах Ёроол-Гуя. Но Многорукий так и не появился, и Шооран напрасно проводил время на вершущке суурь-тэсэга, ожидая чудовище, которое прежде видел лишь раз. Зато потом пришлось навёрстывать упущенное, приводя в порядок осыпавшееся поле. Как бы ни обстояли дела, Шооран привык есть хлеб и не собирался отказываться от него.

Урожай пропал, месяц Шооран прожил за счёт старых запасов, которые необходимо было восстановить, так что назначенный срок прошёл безрезультатно, а там уже и мягмар близился — дюжина второй в жизни Шоорана и третий со дня смерти мамы. Два месяца, как и следовало ожидать, превратились в полгода.

На второй день мягмара Шооран отправился к далайну. Ничего особого ему было не нужно, просто хотелось доказать себе самому, что выползшие из шавара хищники больше не страшны ему. И, как нарочно, снова встретил парха, возможно, того самого, что три года назад. Гигантский гвааранз был, конечно, сильнее и опаснее, но во время мягмара, попав на поверхность, терял агрессивность и лишь отбивался от наседавших охотников. Парх и на поверхности продолжал оставаться активным хищником. Но сейчас ему встретился не умирающий мальчик, а полный сил и отлично вооружённый юноша. У Шоорана был с собой гарпун и припасённый на тулку хлыст, которым он уже неплохо владел. Когда парх неожиданно прыгнул, Шооран встретил его ударом хлыста. Удар ничуть не повредил зверю, сражаясь в шаваре за самку, старый парх, случалось, часами хлестался с соперником. Тем более что этот враг оказался одноусым. Парх мгновенно, как привык во время свадебных дуэлей, заплёл усами хлыст, вырвал его из рук Шоорана и пополз вперёд, широко раздвинув серповидные жвалы. Но Шооран, потеряв хлыст, обежал недавно прыгнувшего и потому неповоротливого зверя и вогнал гарпун под топорщащуюся на спине чешую. Парх завертелся, беспорядочно хлеща усами. Шооран отпрыгнул в сторону и, укрывшись за тэсэгом, принялся кидать в раненого зверя камни. Потом, изловчившись, подхватил оставленный пархом хлыст, с третьего удара захлестнул гибким концом гарпун и вырвал его из раны. Затем вновь сунул хлыст в морду парху

и, обезопасив себя от усов, повторил удар гарпуном, но уже в другой сегмент тела. Движения парха стали вялыми, напор ослаб, и в течение пяти минут Шооран добил его. Это была победа, которой мог гордиться настоящий охотник!

Шооран вырезал усы (теперь в его арсенале было четыре режущих кнута!) и острые пластины изогнутых жвал. Выдрал на память колючую чешуйку из хвоста. Больше поживиться было нечем. Конечно, Шооран знал, что из хвоста, которым парх отталкивался во время прыжков, можно извлечь большой кусок белого мяса, но после неудачи с туккой охоты пробовать парха не было.

Домой Шооран вернулся переполненный чувством уверенности в себе. Остаток праздничной недели он провёл в алдан-шаваре, не считая нужным раньше времени замахиваться для удара. Но едва кончился мягмар, Шооран появился на берегу. Встал, пристально, с прищуром оглядел далайн, представил, где именно встанут суурь-тэсэги, и уверенно потребовал, чтобы они появились. Сначала ничего не происходило, мир не слышал его, но через минуту Шооран почувствовал сопротивление не желающей меняться косной массы, и это подсказало ему, что надо делать. Сразу налились жаром ладони, и словно огненный авар зажёгся в мозгу. Оройхон вставал из глубин тяжело и мучительно медленно. Каждый тэсэг, любой камень всей тяжестью ложился на плечи Шоорана, и только неугасающий, неукротимый огонь позволял выдержать эту громаду. Шооран не кричал, не признавался в ненависти, не стремился мстить. Он работал. От былой уверенности не осталось и следа — слишком велика была поднятая тяжесть. Но Шооран знал: на этот раз он её не бросит — и тянул землю на свет, заостенев в страшном усилии. И когда в одно мгновение разом исчезла тяжесть и погасло пожиравшее внутренности пламя, Шооран не испытал ни малейшего облегчения. Это было так, словно собственная сила разорвала его пополам. Шооран вскрикнул и упал замертво.

Сознание вернулось рывком, его пробудило чувство опасности. Шооран поднял голову и не сквозь кровавую пелену запредельного надрыва, а простым человеческим взглядом увидел, что там, где четверть часа назад расстился далайн, теперь тянется земля. У него получилось! Но это значит, что вскоре, может быть, уже через минуту, Ёроол-Гуй явится сюда, чтобы исполнить старинное проклятие и отомстить илбэчу.

Шооран побегал. Ёроол-Гуя ещё не было, возможно, он вообще плавал в глубинах, из которых не так скоро мог вынырнуть даже он, но всё же Шооран бежал столь же отчаянно, как пять лет назад, когда он в последний миг успел перескочить закрывшее путь щупальце. Никакой Хулгал не смог бы остановить его сейчас, и, окажись на пути авары, Шооран сгорел бы, но не прекратил бега. Лишь когда он пробежал не только весь мокрый, но и половину сухого оройхона, способность мыслить вернулась к нему, и Шооран остановился. Ему не было стыдно за свой страх, не стало стыдно и потом. Построив оройхон, он получил право на любое поведение. Если бы строитель оройхона мог рассказывать о себе, Шооран говорил бы об этом припадке ужаса спокойно и не смущаясь. Но строитель оройхона должен молчать, если, конечно, он хочет жить. И всё же сейчас, отдышавшись и придя в чувство, Шооран громко сказал себе и всему пустынному оройхону:

— Я илбэч!

* * *

Ёроол-Гуй появился лишь через сутки. В течение недели он поочерёдно бросался то на новый оройхон, то на какой-нибудь из старых. Потом исчез. Тем не менее Шооран выжидал ровно два месяца, прежде чем вновь отправиться на мокрое. Приступ слепого ужаса был последним в его жизни, но Шооран понимал, что не стоит легкомысленно относиться к Ёроол-Гую. Смеяться над ним можно, только когда стоишь на сухом.

Два месяца Шооран увлечённо занимался хозяйством. Все дела, бывшие прежде столь значительными, измельчали в его глазах, но именно поэтому Шооран с особым тщанием любовно убирал урожай, мастерил инструменты, кроил одежду и готовил замысловатые салаты из варёного наыса, плодов туйвана и зелёных стеблей набранной в ручье водяной травы. Всякое дело приносило радость, поскольку теперь Шооран знал, что спокойная жизнь пришла ненадолго и надо успевать радоваться.

Пять дюжин дней оказались достаточным сроком, чтобы прийти в себя, но не растерять уверенности и не забыть острого ощущения огня в груди и на ладонях. Вернувшись к дайлайну, Шооран предусмотрительно встал у самой границы

оройхонов, внутренне собрался и, словно не было двух месяцев безделья, сразу нашупал в душе нужную струну. Далайн покорно отозвался, и то ли он признал власть молодого илбэча, то ли сам Шооран действовал более умело, но на этот раз создание оройхона потребовало куда меньших усилий. Но и Ёроол-Гуй был наготове, так что измученный Шооран едва успел унести ноги.

Сначала, выбежав на безопасное место, Шооран не обратил внимания на происходящие изменения, все чувства были ещё там, где полз, сокрушая камни и раздирая свою плоть о верхушки тэсэгов, разгневанный бог далайна. И лишь потом Шооран остановился, заворожённый невиданным зрелищем. Оройхон был залит водой. Вода разливалась широкими потоками, переполняла впадины, бурлила в темноте шавара. Сухой оройхон рождался в плеске волн. Вода смывала нойт, заляпавший всё вокруг, мутные буруны уносили грязь, обломки хохиура, в водоворотах кружились тела подошедших от пресной воды зоггов. Покинувшие шавар звери спешили удирать от невыносимой для них чистоты. Многие ползли на новый оройхон, навстречу негодующему Ёроол-Гую. Бежала тукка, тяжело скакал парх, волочил по скрипящим под панцирем камням неповоротливое тело гвааранз. Пара бледных уулгуев, раскинув дюжину цепких рук, неожиданно быстро пробиралась между валунов. Тропили извилистый след жирхи, тайза пыталась укрыться, сжавшись в комок. Бежали, прыгали, ползли другие звери, те, которых Шооран никогда не видел, о которых никогда не слышал, и те, которым и названия не было, как не было живых людей, выдавших этих тварей. Вода фонтанами била из источников, переполняла шавар, и расщелины на краю оройхона захлёбывались, не умея принять такую массу жидкости разом.

Через неделю вода схлынула, затянутые илом поля дружно зазеленели всходами хлебной травы, на каменистых россыпях показались рощицы миниатюрных ростков. Лишь по резным зубчикам на краю листа в этих побегах можно было узнать будущие могучие туйваны. Вскоре вода непостижимым образом покинула подземные пустоты, страшный прежде шавар стал чистым и удобным, в нём завелись безобидные светляки, дно нижнего яруса покрылось грибами, и лишь застрявшие кое-где выбеленные наводнением панцири и скелеты бывших хозяев напоминали о том, что было здесь прежде.

Теперь у Шоорана стало два сухих оройхона, хотя и одного хватало ему с избытком. Но Шооран не думал, нужна ли ему эта земля. Как завешание звучали в ушах последние слова старика: «Я илбэч. Я должен строить». Раз испробовав мучительной и сладкой отравы созидания, он уже не мог от неё отказаться и продолжал бы строить даже ценой своей жизни, даже ценой жизни других людей, что гибли на далёких оройхонах из-за того, что Ёроол-Гуй в такие времена приходит чаще обычного.

На этот раз Шооран не стал выжидать полные два месяца, ведь так за свою жизнь он едва ли сумел бы выстроить двойную дюжину островов, а ему надо сделать в пять раз больше. Третий оройхон Шооран решил поставить через месяц. Из-за этой торопливости Шооран пропустил время, когда в ручьях второго оройхона появились бовэры. Шооран просто увидел, что ленивые звери лежат в воде и жуют сильно разросшуюся водяную траву. Они были ещё не очень крупными, но уже вполне взрослыми.

Раз появившись, бовэры затем размножались естественным путем, хотя и случалось изредка, что на каком-нибудь оройхоне после мягмара вдруг резко прибывало бовэров. Почему так случалось — никто не знал, зато немедленно вслед за радостным событием начиналась братоубийственная делёжка свалившегося богатства.

Насколько мог судить Шооран, бовэров на первом оройхоне не убавилось, да и как бы они могли перебраться сюда? Плоские обрубки, заменявшие бовэрам лапы, были не приспособлены для ходьбы по суше, а уж перелезть через поребрик неповоротливые толстяки были физически неспособны. Оставалось гадать, вынесло ли большущих животных водой из родника или они самозародились в чистых струях и выросли за одну ночь. А может быть, как рассказывают женщины, ночью пришёл сказочный дурень Бовэр и поселил на пустом прежде оройхоне своих потомков.

Тайна бовэров осталась неразгаданной, Шооран всего лишь увидел, что сначала бовэров не было, а потом вдруг они появились. Впрочем, об этом он мог догадываться и раньше, ведь жили водолюбивые животные на оройхоне старого илбэча — значит, откуда-то появились, не по далайну же приплыли, и не в сумке принёс их с собой бежавший от мира Энжин.

Третий оройхон ещё сильнее сжимал мёртвую землю.

Сухой страны он не обещал, а вот часть огненного болота должна была высохнуть. Теперь лишь один шаг отделял Шоорана от поселения изгоев, так что те могли различить замаячивший вдалеке берег. Но Шооран успокаивал себя, что даже изгой посещают западный край своего оройхона лишь под новый год. А во время мягмара туман над далайном усиливается, и ничего заметить невозможно. Зато сухая полоса выйдет в те места, где лежит уулгуй, и, может быть, там удастся что-то найти. Шооран чувствовал шаткость своих объяснений, но цеплялся за них, не желая признаваться, что его просто тянет к людям.

Поскольку безопасный срок ещё не вышел, а значит, скорее всего, Ёроол-Гуй находится где-то неподалёку, приходилось принимать меры предосторожности. Шооран вышел к далайну по самому поребрику, что тянулся вдоль мёртвого края. Дышать здесь было практически нечем, но Шооран надеялся, что прозрачная маска и губка с вином помогут ему. Зато Ёроол-Гуй здесь вряд ли появится, а в случае беды всегда можно спрыгнуть на свободную сторону.

Оройхон встал на удивление легко, и Ёроол-Гуй не появился, так что Шооран был даже разочарован. Назад он шёл вдоль новой сухой полосы, ещё заваленной грязью и дымящейся. Среди ломкого и бесполезного хлама Шоорану удалось разыскать большой, в размах рук, диск со шупальцев уулгуя. За три года, проведённые в кипящем нойте, диск разбух, потерял твёрдость и красоту. Прочнейшую когда-то кость можно было без усилий крошить пальцами. Вздыхнув, Шооран выбросил испорченный диск. Пора было торопиться к дому.

Или лёгкость, с которой поддался далайн, оказалась обманчивой, или не помогла губка и Шооран всё же отравился дымом, но ещё по дороге он почувствовал себя дурно. Сначала его начал бить озноб, хотя Шооран двигался вдоль жарких аваров. Потом заболела голова, заломило в суставах. Домой Шооран вернулся в полубреду. Залпом выпил две чаши вина, накрылся с головой пушистой шкуркой бовэра и провалился в душные объятия горячки.

Шооран метался по изъёренной постели, огонь, пылавший в нём во время строительства, не погас, он продолжал бесцельно сжигать, но никто из тех, кто собрался вокруг, не принёс воды, и огонь палил всё безжалостней.

— Мама, пить... — просил Шооран.

— Не могу, мальчик, — ответила мама. — Ты теперь илбэч, ты обязан быть один и всё делать сам. Я не была женой илбэча и не хотела бы такой доли для своего сына, но ты не послушал меня. Ты всегда был таким же упрямым, как и твой отец.

— Я не могу жить один, — сказал Шооран. — Огонь убивает меня. Дайте мне пить!

— Я звал тебя к себе, — возразил добрый уулгуй, — но ты не пошёл. Ты упрям, как настоящий илбэч. Живи один, а если не можешь — умирай один.

— Я не хочу так, — сказал Шооран. — Принесите воды.

— Я предупреждал, — произнёс старик, — что ты устанешь проклинать меня. Теперь поздно менять что-либо. Ты илбэч. Ни один человек не подаст тебе напиток, но всё же ты будешь жить и строить.

— Зачем надо строить оройхон? — спросил Шооран. — Отец ушёл с сухих мест, потому что там не было правды. А для чего умножать ложь? Старик, ты знаешь, что, сколько бы я ни сделал земель, ван и жадные одонты отнимут их. Ты сам строил лишь мокрые оройхоны, но на них страшно! Почему я должен делать это?

— Потому что ты илбэч, — повторил старик.

— Ты можешь отказаться от дара, — мягко предложил уулгуй, — и у тебя будет счастье. Мой брат снимет проклятие, ведь ты последний илбэч.

— Это больше не дар, это твоя жизнь, тебе придётся защищать её от врагов. — Старик протянул Шоорану старый кинжал с костяной накладкой, подаренной дюженником Мунагом. — Я не могу дать воды, но я дам оружие.

— Всякая сила кончается, и тогда нужен отдых. Твой главный враг — ты сам. Погаси огонь, и вода тебе не понадобится. — Уулгуй вытянул гибкую руку. В руке был зажат старый кинжал с костяной накладкой, подаренной Мунагом.

Две разных руки — человеческая и звериная подавали ему его собственный нож, который он не снимал с пояса. Тусклый свет змеился на неровностях лезвия, смертельной брызгой чернело повисшее на острие жало зогга.

— Мама, — позвал Шооран. — Они зовут меня к разному, но предлагают один нож. И никто не даёт воды...

Мама не ответила, но тоже протянула руку. В подставленную ладонь перетекло голубое ожерелье, и каждая бусина превратилась в прохладную каплю.

Шооран очнулся от звука голосов, и сначала ему казалось, что это продолжается привидившийся в бреду спор. И лишь потом понял, что голоса настоящие, человеческие, от которых он так давно отвык, звучат на самом деле. Один — резкий, визгливый, не разберёшь чей; второй поглуше, явно мужской.

— Ты смотри — ещё! — захлёбывался первый. — Это уж точно моё!

— Не-ет! — возражал басистый. — Я уже сказал: все туйваны мои, и вообще весь этот оройхон мой, а твой — первый.

— Да он какой-то недоделанный, там ни одного дерева нет!

— Я тут не виноват, — добродушно пророкотал низкий голос и вдруг заревел, мгновенно налившись яростью: — Ты что мои плоды жрёшь? А ну, положи обратно!

Шооран с трудом встал, придвинул к стене кость маараха и, поднявшись, выглянул в одно из отверстий под потолком. Через них удавалось рассмотреть немного, но два человека, чьи голоса слышал Шооран, оказались прямо под оконцем. Несомненно, это были изгой. Изношенное рваньё вместо одежды, мешки, набитые чавгой, незрелой хлебной травой, раздавленными плодами туйвана — всем, что попалося им во время путешествия по незаселённым оройхонам. Новое добро было уже некуда складывать, но остановиться эти двое не могли и продолжали ссориться, вырывая друг у друга богатства, изобильно растущие и просто валяющиеся вокруг. К тому времени, когда Шооран увидел гостей, ссора переросла в драку. Пользуясь правом сильного, один из изгоев немедленно объявлял своей собственностью всё, что только встречалось им на пути, а под конец, окончательно ополоумев, принялся отнимать у товарища то, что тот успел запихнуть в свой мешок. Теперь в криках дерущихся можно было различить только одно слово: «моё!», повторяемое на все лады. Высокий изгой, вцепившись в чужой мешок, рвал его из рук противника, владелец тянул сокровище к себе, орал и лягался. Сила, разумеется, одержала верх, мелкий изгой отлетел в сторону, а победитель, взвалив на спину два мешка, удовлетворённо промолвил:

— Так-то! Не трожь чужого.

Тщедушный с визгом ринулся на обидчика, но был отбро-

шен ударом ноги. Дико было видеть драку из-за мешка испорченной, подавленной и перепачканной жратвы среди невероятного изобилия, расстилающегося вокруг. Два человека не смогли бы не только съесть, но и попросту убрать всё, что росло на оройхоне, но всё же продолжали спор из-за мешка. Тщедушный вновь метнулся вперёд, рука его, секунду назад пустая, неожиданно выросла на длину ножа. Острая кость вошла высокому в левый бок. Высокий изгой пошатнулся, мешки сползли со спины и шмякнулись на землю. Тщедушный, ударив, быстро отдёрнул руку и теперь, пятясь, тихо подвывал, словно это его ударили только что. Большой изгой слепо шагнул вперёд и сграбастал длинными лапами противника. Мелкий взвизгнул, затем его затылок с мокрым треском впечатался в камень, и стало тихо. Высокий сидел, привалившись к валуну, о который раздробил голову врага. На лице изгоя застыло чувство удовлетворения сделанным. Лишняя дырка на драном жанче была незаметна, и кровь снаружи не выступила, так что казалось, будто человек просто отдыхает после трудной, но нужной работы.

Шооран вышел наружу, обогнул суурь-тэсэг и снова увидел своих гостей. Он сразу понял, что маленькому уже ничем не поможешь, а вот высокий был жив. Шооран подбежал, начал стаскивать вонючий жанч. Изгой открыл глаза. Большущая рука сжалась в кулак.

— Не трожь, — сказал изгой. — Не отдам.

— Не нужна мне твоя рвань! — огрызнулся Шооран. — Я помочь хочу. Сильно он тебя?

— Сильно... — На лице раненого впервые появилось недоумение. — Как же это вдруг? Жили вместе, бедовали, последней чавгой делились — и вот... И ведь что обидно: зря это. Всё равно отнимут. Скоро здесь весь оройхон будет, а потом и цэрэги. Отнимут... Нарвай прибежала, говорит: «Там оройхон видно». Никто не поверил — она же дурочка, ума Ёроол-Гуй не дал. Так она убежала, а на другой день приходит и приносит хлеб, туйван... И нет, чтобы тихонько показать, раззвонила на весь оройхон и дальше побежала хвастать. Одно слово — дура, никакого соображения. Ведь приведёт цэрэгов, можно и на костях не загадывать...

Изгой закашлялся, на губах появились красные пузыри. Шооран тем временем стащил с него жанч, под которым ни-

чего не было, промыл рану водой из фляги. Что делать дальше, он не знал.

— Ты, парень, не тревожься понапрасну... — Изгой с трудом проталкивал слова сквозь бульканье в груди. — У Каннача ножик злой, мимо не бьёт. Я-то знаю... мы с ним друзья были... Мы и сейчас... он меня подождёт... вместе к Ёроол-Гую отправимся... — Умирающий поднял голову и неожиданно громко, чистым голосом спросил: — Где торбы?

— Вот они, — сказал Шооран.

— Дай сюда.

Шооран подтащил мешки.

— И не трожь, — постановил изгой. — Моё.

Он облапил мешки мосластыми руками и застыл с блаженной улыбкой.

Хоронить мёртвых Шооран не стал — не было ни сил, ни времени. Если действительно безумная Нарвай разнесла повсюду весть о новых землях, то с часу на час следует ожидать нашествия поселенцев. Как это будет выглядеть, Шооран понял по первым двум гостям. И вообще, ежели илбэч хочет жить, ему не следует слишком долго оставаться на новых оройхонах. Не так важно, в конце концов, замучают ли его жадные цэрэги, требующие новых земель, стопчет ли в припадке умиления благодарная толпа или он, неузнанный, будет зарезан во время дележа земли.

Опасность подстегнула неоправившийся организм, к Шоорану вернулись силы. Он начал собираться. Взял праздничный, ни разу не надёванный стариком наряд, который давно стал ему впору, пару ароматических губок, немного еды, самые необходимые инструменты. Уложил всё в котомку. Часть припасов стащил в потайную камеру на «дороге тукки», рассчитывая, что, если придётся вернуться, нищим он не будет. Сам оделся для путешествия по мокрому и вооружился гарпуном. Гарпун и башмаки с иглами были разрешены для охотников. Кольчугу Шооран надел под просторный, специально для того сшитый жанч и убедился, что хотя доспех по-прежнему велик, но уже не болтается, словно на палке, а по длине так и просто впору. Запрещённый нож, с которым Шооран был не в силах расстаться, он спрятал на груди вместе с маминым ожерельем и картой, на которой за последние полгода появились три новых оройхона.

Ступив на второй из сухих оройхонов, Шооран услышал

крики. От мёртвых земель валила толпа. Их было не так много — дюжины четыре мужчин и женщин, но отвыкшему от людей Шоорану они показались единым чудовищным существом, вопящим на разные голоса и размахивающим тучей рук.

Шооран круто свернул и спрятался на сухой полосе, которая пока была пустынной. Он пропустил ещё две группы людей и, лишь когда стало темнеть, а поток переселенцев иссяк, сам ступил на мёртвую землю. Уходя, он слышал далёкие крики и тоскливое дребезжащее завывание — люди кололи бовэров.

* * *

В начале новых веков было.

В далайне стояло пять кремнистых оройхонов, они были мокрыми, и люди не могли укрыться от нойта. Люди по слову Тэнгэра родились в один день, но старший из них родился сразу немолодым и мудрым. Этот старейшина указывал остальным, что им можно есть и как ловить зверей шавара. А когда Ёроол-Гуй приходил за данью, старейшина указывал, куда следует бежать, чтобы спастись. Люди слушались старейшину, и лишь двое поступали наперекор. Первого звали дурень Бовэр — и этого достаточно. Умному человеку всё равно не понять, почему дурак бежит не в ту сторону. Вторым упрямым был илбэч, хотя этого никто не знал.

Один раз старейшина послал людей на южный оройхон собирать чавгу, но илбэч пошёл на север и поставил там новый остров. Люди вернулись, увидели оройхон и спросили старейшину:

— Откуда взялась эта земля, непохожая на крест Тэнгэра, и можно ли нам собирать на ней чавгу?

Старейшина не знал ответа, но не хотел в том сознаться. Он погладил себя по животу и важно сказал:

— Откуда взялась земля — это моя тайна. Чавгу на ней собирать можно, но половину вы должны отдавать мне.

Люди поверили, илбэч промолчал, а дурак ничего не понял, и стало по слову старейшины.

Другой раз старейшина послал людей на север, а илбэч пошёл на юг и сделал там оройхон. Вернувшись, люди немало изумились и спросили старейшину:

— Откуда эта земля, изменившая мир, и не будет ли чавга на ней горькой?

Старейшина раздулся от гордости, став толще авхая, и промолвил:

— Рождение земли — моя тайна. Чавга на этой земле сладка, но половину сбора вы должны отдавать мне, а четвертую часть — храброму цэрэгу, чтобы он защищал вас от разбойников.

Люди согласились, илбэч промолчал, а дурак снова ничего не понял.

В следующий раз старейшина приказал всем идти на запад, ловить тукку и вонючего жирха, и все пошли куда следует, лишь илбэч отправился на восток. Вернувшись, люди увидели новый оройхон, удивились и начали спрашивать:

— Откуда эта обширная земля, и есть ли на ней жирх и колючая тукка?

Старейшина напыжился, раздавшись вширь, словно далайн, и изрёк:

— Тайна оройхона останется моей. Вы можете жить здесь и охотиться, но половину добычи вы будете отдавать мне, четвертую часть цэрэгу, а остальное — честному баргэду, чтобы он кормил вас.

Люди заволновались, а илбэч, хоть и должен был молчать, крикнул старейшине:

— Ты говоришь неправду! Ты ничего не знаешь о рождении земли. Зачем нам отдавать своё добро тебе и твоим слугам?

— Может быть, ты знаешь, откуда пришла земля?.. — усмехнулся старейшина. — Тогда расскажи об этом нам.

Но илбэч не мог ничего сказать, потому что боялся проклятия Ёроол-Гуя, и отступил. Люди, смирившись, пошли по домам, лишь дурень Бовэр остался на суурь-тэсэге стоять с разинутым ртом и ковырять пальцем в носу.

На четвёртый раз старейшина отправил людей на восток, а илбэч снова не послушал его и пошёл на запад. Но он не заметил, что дурень Бовэр тоже не пошёл вместе со всеми и шатается по оройхонам. Едва илбэч кончил свою работу, как дурень выскочил неведомо откуда и закричал, показывая пальцем:

— Я всё видел! Я знаю — ты илбэч!

— Тише! — испугался илбэч. — Об этом нельзя говорить...

Но дурак ничего не понимал и не мог остановиться.

— Ты илбэч! — кричал он, подпрыгивая. — Ты поставил че-

тыре оройхона, и теперь злой Ёроол-Гуй не может достать середины креста Тэнгэра! Я стану жить там, и Ёроол-Гуй не съест меня. А когда ты построишь новые сухие оройхоны, мои дети заселят и их. Скорее строй ещё!

— Замолчи! — просил илбэч, но дурак радовался и кричал от радости.

Старейшина, сидевший на центральном оройхоне, услышал крик и пошёл посмотреть, кто там шумит. Он увидел новый оройхон, разобрал вопли Бовэра и всё понял. Тогда он начал говорить особые отомстительные слова:

— О господин мой, Ёроол-Гуй! Этот человек восстал на мою власть и оскорбил твоё величие. Накажи его!

По этим словам Ёроол-Гуй явился и взял илбэча. Так впервые исполнилось давнее проклятие.

Дурень Бовэр, увидав, что он натворил, убежал на сухой оройхон, сел возле суурь-тэсэга и заплакал. Он плакал день и ночь, слёзы текли ручьями через весь оройхон, они смыли нойт и выгнали из шавара зверьё. Ведь недаром говорится, что дурацкая слеза не солона. Люди вернулись с дальнего оройхона и стали спрашивать дурня, что случилось, но он лишь всхлипывал, охал и крихтел, потому что разучился говорить. Но уж зато старейшина не молчал и всё повернул к своей пользе.

С тех пор прошло много лет и жило немало илбэчей, но едва один из них делает сухой оройхон, как является вода, а за ней и забывшие речь, потерявшие от безделья ноги, но не нашедшие ума внуки дурня Бовэра. И хотя судьба водяного дурня — быть съеденным, всё же они счастливы. Ведь их жизнь напоминает всем умеющим видеть, что мир делается не только умниками.

ГЛАВА 4

Первые два оройхона, в том числе и родной Свободный оройхон Шооран преодолел частью бегом, когда поблизости никого не было, а частью ползком, когда навстречу попадались толпы переселенцев. Перед людьми, к которым он так стремился, Шооран начал испытывать ужас. Чудилось, что первый же встречный закричит: «Это он, это илбэч!» — и тогда случится страшное. Но когда позади остался не только свободный оройхон, но и земли западной провинции, где он

жил с мамой, Шооран немного успокоился, а точнее, устал бояться.

Он шёл по мокрому оройхону, на всякий случай держась поближе к поребрику, когда неожиданно его остановили. С полдюжины людей — не то земледельцев, не то слишком хорошо одетых изгоев, не скрываясь, шагали по поребрику, и один из них заметил за тэсэгом Шоорана.

— Эгей, парень! — крикнул он. — Ты откуда?

Шооран молча кивнул.

— И что там?

— Дерутся, — сказал Шооран, судорожно придумывая, что бы ещё добавить.

— А земля-то есть?

— Не знаю, — наконец выбрал линию поведения Шооран. — Я не дошёл.

— А мы дойдём! — хохотнул изгой. Он спрыгнул с поребрика, подошёл к Шоорану, улыбаясь щербатым ртом и благоухая брагой, представился: — Благородный Жужигчин — одонт новых земель. Ну-ка, что ты там у меня наворовал? — И он рванул у Шоорана туго набитую наплечную сумку.

— Отдай! — закричал Шооран, но Жужигчин не слушал.

— Ого! — завопил он радостно. — Да тут не чавга, тут настоящая жратва! И барахла полно!

Хотя в группе было трое мужчин, каждый из которых казался заведомо сильнее его, Шоорану не стало страшно. Возможно, оттого, что он понял: илбэча в нём не признали. Шооран подскочил к Жужигчину, дёрнул сумку к себе. Это ужасно напоминало недавнюю драку двух бродяг, но Шооран был слишком возмущён грабежом, чтобы вспоминать и сравнивать.

Жужигчин ударил ногой в живот. Кольчуга спасла от игл, а может быть, их просто не осталось в сношенном башмаке, но удар заставил согнуться от боли. Когда чёрные круги в глазах перестали вращаться, Шооран увидел, что все трое мужчин толкаются над его сумкой, перебирая уложенные там вещи. Не разгибаясь, Шооран шагнул вперёд и ударил ногой. Теперь-то иглы точно достигли цели! Жужигчин с воплем повалился в нойт. Шооран, пристально глядя на двух оставшихся противников, поднял гарпун.

— Отдайте сумку!

Один изгой попятился, но второй резко выдернул из-под

полы свёрнутый в клубок хлыст и наотмашь секанул им. Пока хлыст описывал свистящую дугу, Шооран отпрыгнул в сторону, и удар лишь разбрызгал грязь.

«Хлещется, словно парх усами», — подумал Шооран, уходя от второго удара. После третьего шлепка он прыгнул почти под самый ус, так что изгою, который при каждом ударе гасил движение, пришлось разворачиваться и долго тащить оружие на себя, чтобы рубануть вновь. Этого Шооран ему не позволил. Подскочив вплотную, он ударил гарпуном. Ему показалось, что зазубренное остриё пробило куклу, слепленную из грязи, так слабо было сопротивление. Рванув гарпун на себя, Шооран повернулся к Жужигчину. Тот отползал, пихаясь здоровой ногой, оставляя в грязи глубокую борозду, и кричал:

— Я пошутил! Вот твоя сумка! Я пошутил!

Женщины на поребрике визжали.

Шооран подхватил растерзанную сумку и кинулся бежать. Лишь пробежав чуть не целый оройхон, он остановился, выбрался на чистый поребрик, сел. Руки дрожали. Как-то вдруг Шооран понял: только что он убил человека. Даже если изгой останется жив, это всё равно ничего не меняет, ведь бил Шооран насмерть, и это оказалось легче, чем заколоть бовэра.

В стороне слышались голоса. Шооран вздрогнул. Сейчас подойдёт ещё кто-то, и ему опять придётся убивать. Нет, благодарение Тэнгэру, это идут женщины с чавгой. Но ведь потом придут другие, те, кто признаёт лишь право хлыста...

Шооран поднялся. Стараясь казаться грозным и решительным, побрёл по дорожке.

Надо уходить. Куда?..

* * *

Дюженник Тройгал спустился вниз и остановился перед тяжёлой костяной дверью. Тёмную кость густо покрывали резные завитки, и Тройгал с минуту простоял неподвижно, разглядывая резьбу и собираясь с мыслями. Дверь вела в покои одонта Хоргоона, но самого хозяина не было в алданшаваре, и вряд ли он вернётся сюда. Вчера одонта вызвал к себе великий ван, и теперь Тройгал, сопровождавший начальника, принёс наследнику неутешительные новости. Ван был разгневан, что уже два года провинция Хоргоона не поставля-

ет в центральный арсенал харвах и из-за этого срывается давно задуманный поход против изгоев.

А что мог сделать Хоргоон? После смерти строптивой сушильщицы он оказался в отчаянном положении. Казалось, сама судьба ополчилась на него. Простолюдины, рискуя навлечь на себя гнев всемогущего одонта, отказывались заниматься опасным ремеслом, а принуждаемые предпочитали сбегать и становиться изгоями, чем гибнуть в пламени. Немногие, кого удалось заставить взяться за щётку сушильщика, погибали прежде, чем успевали хоть чему-то научиться. Переманить же сушильщика из другой провинции не удалось, несмотря на все старания. Можно было подумать, что кто-то специально не допускает их в земли Хоргоона. А потом харвах перестал поступать и со Свободного оройхона — живший там сушильщик умер. Или в его смерти тоже виноват одонт? Нет, конечно. Хоргоон всё делал по совести и старался как мог, но ван и слушать не стал оправданий. Очевидно, у него был на примете другой одонт, и государь просто искал, к чему бы придраться. Благородный Хоргоон был брошен в темницу. Вскоре должно было последовать и назначение нового наместника.

Обо всём Тройгал доложил юному отпрыску одонта. Прочих, нелюбимых сыновей можно было не принимать во внимание. К юнцу Тройгал пришёл не из каких-либо особых побуждений, а скорее из чувства субординации, да ещё, может быть, желая ввести в завязавшуюся игру лишнее действующее лицо. Однако сынок, оставленный одонтом за главного на оройхонах, действовал быстро и решительно, показав, что папа в нём не ошибся. Немедленно были созваны на совет все начальники дюжин. Дюженники собрались просто послушать, что может сказать им погибающий наследник. Все двенадцать командиров были людьми государевыми и заступаться за опальный род не собирались. Вот если бы одонт содержал их на свои средства... тогда другое дело, а так — нет. Однако юный Хооргон решительно испортил их благодушное настроение. Речь его была коротка.

— Вы знаете, — начал он, — что наш добрый одонт в немилости у вана, и скоро сюда прибудет новый наместник, — дюженники кивнули, — знаете, чем это грозит моему роду и чем — вам. — На этот раз командиры кивнули менее дружно. Себя-то они считали в полной безопасности. Поэтому на-

следник поспешил развить мысль: — Новый начальник придет со своей охраной — дюжиной воинов, не больше. Но каждому из них обещано повышение, ведь это свои цэрэги. Не думаю, что хоть кто-нибудь из вас сохранит знаки власти. А ведь при отце вы привыкли жить хорошо, и вам непросто будет привыкать к роли простых цэрэгов.

— Что же делать? — спросил один из дюженников — молодой Цармуг.

— Новый одонт не должен сюда приехать, — решительно сказал Хооргон. — Дерзкое нападение изгоев ещё на землях одонта Ууртака, и все вы сохраняете свои места. А я особо позабочусь о награде.

— А когда назначат нового одонта, нам снова придётся нападать? — спросил Мунаг. — Так недолго и навсегда изгоями стать.

— Я постараюсь, чтобы следующим одонтом назначили меня, — сказал Хооргон, и дюженники впервые всерьёз задумались над его словами.

Через час был составлен план действий. Дюженник Тройгал с двумя посыльными вернулся на царский оройхон, чтобы вовремя предупредить молодого хозяина о назначении и времени выхода нового одонта. Остальные начали готовиться к набегу. Припасли грязные жанчи — натянуть поверх доспехов, вместо копий с кремнёвыми наконечниками вооружились костяными пиками и хлыстами из уса парха. К вечеру отряд одонта обернулся бандитской шайкой. А на следующий день поутру прибежал гонец и сообщил: «Идут».

Знатный Пуиртал, только что назначенный одонтом западной провинции, с небольшим отрядом телохранителей направлялся к своим землям. Пуиртал был родственником царственного вана, хотя и очень далёким. Государственная мудрость подсказывала ванам, что нельзя назначать на должности близкую родню — детей, братьев, племянников, которых у вана насчитывались дюжины дюжин. Они жили по алдан-шаварам центральных оройхонов, наряжались, плодили детей, проедали припасы, но не обладали ни малейшей властью. Одонтами были только чужие или те из родственников, кого ван не считал близкими. Со своей крови трудно строго спрашивать. И можно понять, каких трудов стоило Пуирталу добиться назначения. Он ловко сыграл на недостатке в арсенале харваха, но, понимая, что теперь харвах будут спрашивать с

него, вёл с собой двух обученных сушильщиков, которых заранее сманил, обещав жён, жизнь в алдан-шаваре и еду со своего стола. Короче, у Пуиртала было предусмотрено всё. Не знал Пуиртал лишь одного: что командир его телохранителей крепко выпил вчера с каким-то незнакомым дюженником, и теперь все умные планы известны одному из сыновей бывшего одонта.

Кортеж двигался медленно, носильщики, тащившие паланкины, часто сменялись, дважды Пуиртал останавливался, чтобы засвидетельствовать своё почтение знакомым одонтам. В результате путь, который взрослый человек с поклажей мог преодолеть за четыре часа, занял у наместника весь день. Серебристый дневной цвет облаков начал сменяться лиловым, когда Пуиртал приблизился к границам своих будущих владений.

Как обычно перед закатом, на благородного Пуиртала сходили возвышенные мысли. Новый одонт немало путешествовал, посетил чуть не все сухие оройхоны, во время мягмара любил затравить парха или понаблюдать за охотой на гвааранза, участвовал в облавах на мятежных изгоев и даже, преодолев мёртвые болота, ездил с посольством в земли старейшин. Так что, повидав половину мира, Пуиртал представлял истинную его величину и не стал бы добиваться власти над двумя ничтожными клочками суши, если бы не верное убеждение, что власть он получает не над островами, а над многим множеством людей, кормящихся от этой унылой, но такой щедрой земли. На каждом сухом оройхоне живёт по меньшей мере тройная дюжина людей, и каждый из них виноват перед одонтом. В том и состоит подлинное величие.

Громкие крики прервали мысль. Паланкин накренился, Пуиртал вывалился наружу. Он не сразу понял, что происходит — вокруг раздавались вопли; боевой клич: «Га-а!», сухие хлопки бичей, стук гарпунов и копий сливались воедино и вызывали помрачение чувств. Лишь через несколько секунд Пуиртал сообразил, что его отряд — полторы дюжины цэрэгов — подвергся нападению изгоев. Несмотря на нищенский вид, нападавшие были отлично вооружены, действовали дружно, и их было по крайней мере впятеро больше, чем охранников. Несколько цэрэгов уже валялись, оглушённые ударом секущего уса и проткнутые гарпунами. Двое успели утащить татац. Орудие рывкнуло на всю округу, выплюнув тучу

мелкого камня. Но, очевидно, нападавшие хорошо знали, что такое татац, и под выстрел попали лишь трое. В то же мгновение рыжебородый бандит подскочил к артиллеристам. Одного он свалил ударом костяной пики, другого оглушил кистенём, вращающимся на ремне вокруг левой руки.

Пуиртал не был трусом. Он выхватил широкий костяной тесак — знак власти одонта — и, прыгнув, ударил рыжебородого в грудь. Лезвие рассекло жанч и скрябнуло по панцирю. Пуиртал едва успел уклониться от прожужжавшего возле головы кистеня. Биться в нарядном цамце против одетого в хитин противника было невозможно. Оставалось надеяться, что грохот татаца переполошил оройхоны, и скоро сюда придёт подмога. На помощь земледельцев одонт не рассчитывал: урожай только что скошен, и, значит, ни один хам не высунет носа из палатки.

— Все ко мне! — взревел Пуиртал, отступая под натиском рыжебородого. По счастью, у того оставался только кистень — зазубренная пика застряла в горле цэрэга.

На призыв отозвались лишь трое воинов. Бросив на произвол судьбы имущество, дрожащих носильщиков и визжащих жён, Пуиртал начал отходить. Однако противник не занялся грабежом, а продолжал гнать одонта. Режущий бич вырвал копьё из рук одного цэрэга, второго свалил удар тесака. Пуиртал перепрыгнул поребрик, стараясь укрыться за ним. Под ногами захлюпала грязь, резко завоняло нойтом. «Если бандиты загонят нас на мокрый оройхон, помощи ждать будет неоткуда», — успел подумать Пуиртал и тут же увидел отряд. Четыре дюжины цэрэгов сомкнутыми рядами двигались к месту битвы. Разбойники пришли в замешательство, раздались крики, и оборванные фигуры, не приняв боя, исчезли за тэсэгами.

Пуиртал и единственный уцелевший воин перелезли поребрик и пошли навстречу своим спасителям. Вёл отряд толстощёкий увалень, явно из местной знати, глуповатый на вид и очень молодой, — сколько ему?.. полторы дюжины?.. чуть больше? Таким позволяют командовать только знатные папы.

Увалень приблизился к Пуирталу и отрекомендовался:

— Хооргон, сын благородного Хоргоона.

Услышав, что перед ним сын того самого Хоргоона, которого он с таким трудом свалил, Пуиртал пришёл в замеша-

Перед ним расстился пустынный в вечернее время мокрый оройхон. Вокруг толпились незнакомые цэрэги. За спиной вскрикнул и упал, захлёбываясь кровью, последний телохранитель.

— Вот ваш дворец, одонт, — учтиво выговорил Хооргон и самолично распахнул тяжёлые двери, за которыми открылась мрачная тьма шавара. В беспросветной глубине что-то вздыхало, доносилось бульканье и жирные шлепки падающих капель.

— Ступайте, сияющий господин, — улыбаясь, потребовал Хооргон, — и да пребудут ваши ноги вечно сухими...

* * *

После победы над пришельцами перед Хооргоном встала непростая задача. Надо ехать ко двору, добиваться места, а как это делать, благородный Хооргон не знал. Обычно ван просто утверждал новым одонтом наследника умершего. Если же одонт сменялся насильственно, то назначался кто-либо из приближённых ко двору. А дети одонтов к вану не допускались. Хооргону предстояло нарушить эту традицию. С другой стороны, Хооргон не хотел уезжать, опасаясь удара в спину, а ехать ко двору и просто боялся. Поэтому он решил выждать — один день, не больше. Но именно этот день оказался решающим.

Новость принесли осведомители, которых старый одонт предусмотрительно содержал за свой счёт. Одонты не без оснований рассматривали Свободный оройхон как свою вотчину и потому следили за всем, что там происходило. И когда прошёл слух о новых землях на западе, Хооргон узнал об этом первый. Слухи следовало проверить, и Хооргон послал на разведку отличившегося в недавней схватке Мунага с дюжиной солдат. Такой выбор объяснялся тем, что Мунаг был храбр, достаточно честен, и в то же время Хооргон недолюбливал дюженника с тех пор, как тот сыграл не до конца понятную роль в деле о сыне сушильщицы. Ведь сам Хооргон лучше всех знал, что было в руках мятежника — ломкая игрушка или настоящий нож.

Мунаг немедленно собрал дюжину и отправился в путь. Вернулся он в тот же день к вечеру, принеся самые утешительные новости. На западе действительно обнаружилась

земля — два сухих оройхона, отделённых от материка узким перешейком огненного болота. Причём один из оройхонов, по всему судя, был высушен совсем недавно: на нём ещё не было плодоносящих туйванов. Всё это могло означать одно из двух: либо безумный илбэч жив и просто скрывался все эти годы, либо, что более вероятно, родился новый илбэч.

Это, впрочем, слабо волновало Хооргона. Главное — появились земли, которыми надо как следует распорядиться. Выслушав доклад Мунага, Хооргон час сидел в задумчивости, потом встряхнулся и созвал командиров на совет.

— Я решил, — начал он, — что пришла пора восстановить справедливость. Всем известно, что мой покойный отец, — Хооргон печально вздохнул, а Тройгал вдруг подумал, что старый Хоргоон, похороненный сыном, вернее всего, ещё жив, — мой отец напрямую происходил от красавицы Туйгай, которая рожала детей илбэчу Вану. Более того, наш род начинается с любимого сына, которому Ван завещал свои земли. Самозванец, захвативший царский тэсэг, должен быть изгнан в шавар, из которого он вынырнул. И вы — доблестные воины, будущие одонты, должны мне в этом помочь.

Если бы дюженники слышали эти слова два дня назад, они без колебаний связали бы помешанного, но теперь, скреплённые круговой порукой, принуждены были молчать, стараясь понять, что задумал их сопляк-повелитель, один раз уже обошедший их. И лишь услышав о новых землях, на которые можно попасть, пройдя мёртвой полосой, цэрэги закивали, улыбаясь. Хооргон решил проблемы просто — он задумал отделиться от державы вана и основать своё государство. Не так это много — два сухих оройхона, но мёртвая полоса есть мёртвая полоса, ван не посмеет напасть на непокорных.

И лишь строптивец Мунаг проявил недовольство.

— У нас два оройхона здесь, — сказал он, — и там тоже будет два. Но сейчас мы живём спокойно, а там должны будем держать границу, сидя возле мёртвой земли...

— Ты трус! — рявкнул Хооргон. — Я не собираюсь бежать на угловые оройхоны. Я буду нападать! Люди устали от несправедливости, армия перейдёт на сторону законного владыки!

— Я не трус, — возразил Мунаг, — это все знают. Но я не вижу смысла в вашей затее.

— Достойный Мунаг не высовывал носа дальше сухой по-

лосы, которую охраняет его дюжина, — вступил в спор Тройгал, — а я бывал и у восточной границы, и на царском оройхоне и потому знаю, что говорю. Повелитель прав — армия узурпатора велика, но сражаться не станет. Ван лопнет, словно распоротый ножом авхай.

— Почему же тогда... — начал Мунаг, но махнул рукой и умолк.

Было решено против вана пока не выступать, а выделив отряд для защиты обжитых оройхонов, остальных цэрэгов послать на запад, наводить порядок, пока изгой и жители Свободного оройхона не организовались и не могут дать отпора.

— ...а затем, — заключил Тройгал, незаметно взявший в руки ход совещания, — нам предстоит большой поход к царскому тэсэгу за короной ванов, которую наконец получит подлинный владелец!

И нет ничего удивительного, что командовать тремя дюжинами, составившими заградительный отряд, пришлось Мунагу, а остальных повёл к новым землям Тройгал.

Первые двое суток Мунаг прожил спокойно. Он понимал, что с тремя дюжинами цэрэгов не сможет заблокировать оройхоны, и потому лишь следил, чтобы противник не подошёл незамеченным. У вана были свои соглядатаи на каждом оройхоне, но те из шпионов, кто жил среди бедноты, не слишком понимали, что вокруг происходит, а достойный Тройгал не торопился оповестить вана, что сменил хозяина. Поэтому в ставке забеспокоились не сразу, и лишь на третий день на дороге показался паланкин благородного Ууртака, прибывшего узнать, что творится в соседних землях. Мунаг не стал вступать в бой с телохранителями. Он лишь вышел на поребрик, требовательно поднял руку, а когда носилки остановились и в окошечке показалось морщинистое лицо наместника, сказал:

— Доблестный одонт, поспешите домой. Сегодня вам здесь не пройти.

Изготовленный к стрельбе татац за спиной дюженника подтверждал его слова, так что Ууртаку оставалось лишь благосклонно кивнуть и приказать носильщикам поворачивать вспять.

Мунаг блефовал. Грозный татац не был заряжен, и вообще харваха, захваченного в караване Пуиртала, могло хватить от силы на дюжину выстрелов. А тот харвах, что готовили пойманные сушильщики, Хооргон оставлял себе. Сушиль-

шки, получив женщин и сладкую пищу, работали исправно, но харваха всё равно было мало, ведь впереди маячила война.

И она пришла.

Ван послал против мятежных оройхонов немалое войско — шесть отрядов, в каждом из которых была двойная дюжина солдат. Пугать такую силу не имело смысла, и Мунаг встретил наступающих пальбой из татацев. Он правильно рассчитал: основная масса карателей двигалась вдоль мокрого оройхона, словно во время операции против изгоев. Там Мунаг поставил два из трёх своих татацев. Первая пушечка неожиданно бабахнула, и хотя каменный рой побил немногих, противник пришёл в замешательство. Привыкнув к походам против небольших и плохо вооружённых банд, цэрэги не знали, что предпринять. Однако и у них нашёлся командир, сообразивший, что татац перезаряжать долго и, значит, второго выстрела не будет. Ободрённые цэрэги с гиканьем ринулись на штурм. И тут выпалил второй татац.

Войско остановилось, не зная, чего ожидать впереди. Спустя несколько часов цэрэги приволокли установленный на полозьях толстобокий ухэр и открыли стрельбу. Ухэр громыхал, сжигая на каждый выстрел треть ямха лучшего харваха, но не принося никакого вреда. Предусмотрительный Мунаг успел отвести своих солдат и оттащить татацы. Теперь, слушая раскаты пальбы, он лишь злорадно и вместе с тем досадливо морщился. Имей он хотя бы вдвое больше воинов, можно было бы сделать вылазку и отнять орудие, а главное — запас харваха.

Вторую атаку Мунаг отбил прежним способом, не потеряв ни одного человека. Тогда войско разделилось и двинулось небольшими группами через поля и приграничную полосу. Часть цэрэгов пошла в обход по мокрому оройхону. Три дюжины защитников не могли держать такой фронт, Мунаг начал отступление. Двое суток он маневрировал, перебрасывая три своих орудия с приграничной полосы на мокрое. Последний выстрел был сделан с верхушки суурь-тэсэга по движущемуся через поле отряду. Двое суток прошли в непрерывных стычках и рукопашных схватках. Всё это время воины Тройгала занимались самым мирным делом: вывозили из бывшей резиденции одонта сокровища, припасы, всевозможный скарб.

На новые оройхоны были уведены мастера и самые опыт-

ные земледельцы. Унесли даже резную дверь алдан-шавара, хотя доставить её на место не сумели — вынырнувший из пучины чёрный уулгуй схватил двух носильщиков, а стараясь достать остальных, уцепился за дверь и скинул её в далайн. Зато дверь смертников, закрывавшая вход в шавар, где казнили преступников, прибыла на место благополучно. С оставленных оройхонов было унесено всё, независимо от того, принадлежало это вану, одонту или ограбленным и кинутым жителям.

Два ухэра и несколько татацев, переправленных через мёртвую полосу, Тройгал установил возле перешейка, превратив свои оройхоны в неприступную крепость. В далайне возникло ещё одно крошечное государство.

Последним с земли ванов пришёл Мунаг с полудюжиной уцелевших цэрэгов. Остальные погибли или, вовремя поняв, что их послали на верную смерть, бежали через мокрые земли искать счастья в восточных провинциях в надежде, что там не будут слишком тщательно выяснять, откуда они явились.

Хооргон, выслушав доклад дюженника, некоторое время сидел молча, потом начал говорить, тихо и медленно, но под конец всё более распаляясь и переходя на крик:

— Значит, ты считаешь, что провёл удачную кампанию... В то время как я добывал для страны новые области, ты, погубив четверть войска, растратив харвах и потеряв татацы, не сумел сберечь доверенные тебе оройхоны. Ты понимаешь, что теперь мне придётся штурмовать самозванца через мёртвые земли, а у меня нет для этого людей?.. И ты ждёшь похвал?! Ты не герой, ты трус и предатель!

— Вы отлично знаете, что удержать те земли нашими силами невозможно, — сказал Мунаг. — Иначе бы вы не выводили сюда всё подряд ещё прежде, чем ван узнал о восстании. Я считал, что моя задача продержаться как можно дольше, чтобы дать Тройгалу возможность закрепиться здесь и наладить оборону. А те земли всё равно были потеряны для нас.

— Он считал!.. — задохнулся Хооргон. — Если это так, то почему ты не перебил оставшееся мужичьё, почему не поджёг поля?

— Вскодам нет и недели, — возразил Мунаг, — они не горят. А со старухами я не воюю — я солдат, а не палач.

— Ты трус и предатель! — заорал Хооргон.

— Ложь! — багровея, взревел Мунаг. — Вы, ради своих

удобств, послали меня на смерть, и теперь вам досадно, что я сумел выжить!

Мунаг шагнул вперёд, хватаясь за кинжал, но четверо охранников повисли на нём и бросили на колени, заломив руки.

— Говоришь, ты не палач? — звенящим от бешенства голосом спросил Хооргон. — Это верно. Но ты сейчас познакомишься с нашим новым палачом. Предателям место в шаваре, а ты давно у меня на примете. Думаешь, я забыл, как ты лгал моему отцу, подсовывая травяной ножик? Тебе не удалось убить меня тогда, не выйдет и сейчас. Ну что, вспомнил, пособник бандитов?

Мунаг поднял голову, безуспешно попытался встать, потом в его лице что-то изменилось, и Мунаг сказал тихо:

— Вспомнил. Наверное, это был единственный правильный поступок в моей жизни.

— В шавар! — распорядился Хооргон.

Мунага приволокли на мокрый оройхон, к подножию суурь-тэсэга. Дверь, недавно закрывшаяся за благородным Пуирталом, а потом с великими трудами перетащенная сюда, уже висела на месте. Кажется, это было первое, что обустроил Хооргон в своей стране. Палач распахнул тяжёлые створки.

— Великий государь добр, — возгласил он, — и даёт тебе возможность спастись и очиститься в его глазах. Если ты действительно так храбр, как говоришь, то пройди через шавар, и, если останешься жив, государь простит тебе всё.

Мунаг взглянул на палача и узнал его. Перед ним лыбился шербатым ртом громила Боройгал, лизоблюд и осведомитель, заправлявший делами на Свободном оройхоне и наконец получивший тёплое местечко на сухом. Боройгал сорвал с Мунага порубленный панцирь и боевые башмаки, приготовился втолкнуть бывшего дюженника в темнеющий проём, но Мунаг вырвал руку из пальцев палача, презрительно плюнул и ушёл в шавар сам.

* * *

Наместник Моэртал пристально рассматривал стоящего перед ним молодого охотника. Слишком уж он молод, полутора дюжин лет, которые он назвал, ему явно не исполнилось. Но, с другой стороны, это и хорошо, значит, парень ещё

не служит двум господам, и можно не опасаться, что он станет наушничать в пользу вана или кого-нибудь из соседей. А воины после возмущения западной провинции нужны. Особенно здесь, на северной оконечности страны, где непрерывно приходится умирять шайки изгоев, основавшихся на раскиданных безумным илбэчем оройхонах.

— Как, говоришь, тебя зовут? — переспросил Моэртал.

— Шооран, — ответил охотник.

— Где живут твои родственники?

Шооран повёл рукой в сторону далайна и ответил:

— Их нет.

— Ты из западных земель, — не спросил, а лишь констатировал одонт, — наверняка сын цэрэга, это видно, ты слишком хорошо одет. Отец твой погиб, иначе ты сбежал бы вместе с ним. Как видишь, я знаю о тебе всё, ещё прежде, чем ты начал рассказывать. Но мне непонятно, почему цэрэги не позаботились о своих семьях в первую очередь?

— Они так и сделали, — сказал Шооран. — Но я не сын цэрэга, мой отец был охотником со Свободного оройхона. Хооргон прошёл через наши земли, многих убил, многих угнал с собой. А прежде мы жили богато.

— Ах да! — вспомнил наместник. — Свободный оройхон! Было на западе что-то такое. Но в таком случае ты должен хорошо знать мокрые земли, уметь рыть чавгу, собирать харвах.

— Я умею, господин, — сказал Шооран.

— А я и не сомневался, — съязвил Моэртал, — но мне нужны не грязекопатели, а воины. Ступай за оружейником, он тебя проводит.

Седой дюженник привёл Шоорана в комнату, полную всевозможного оружия. Сделал широкий жест:

— Выбирай.

— Что придётся делать? — спросил Шооран.

— Охота.

Шооран оглядел полки и стены. Здесь были булавы и пращи, годные лишь для охоты на человека, их Шооран обошёл стороной. Были копья с кремнёвыми наконечниками, выдававшиеся даже не всем цэрэгам. На мгновение взгляд Шоорана задержался на огромной коллекции хлыстов, но Шооран предусмотрительно решил не выдавать своего знакомства с этим оружием. Выбрал поножи, упруго обтягивающие икры и позволяющие ходить по колену в нойте — кто знает, не в

шавар ли пошлёт его одонт? Отобрал два гарпуна — гладкий и зазубренный. Долго держал в руках длинную пику для охоты на гвааранза, потом отложил её в сторону. Что с пикой, что без пики — с гвааранзом ему не справиться. Зато взял тонкую сеть, равно годную и против парха, и для охоты на тукку. Не жанчем же в неё кидать, словно в детстве. Перемерил несколько кожаных шлемов с прозрачными щитками, спасающими глаза от брызг нойта. На богатые, но неудобные косяные шлемы даже не взглянул, вызвав одобрительное ворчание оружейника. А под конец не выдержал и взял длинный кинжал из цельной кости, способный и колоть, и резать.

Одонт бросил небрежный взгляд на вооружение Шоорана и сказал:

— Вчера мои охотники поймали в шаваре зверя. Он заперт в одном из залов дворца. Ты должен пойти и убить его.

Вслед за оружейником Шооран спустился во второй ярус алдан-шавара. Остановился перед тяжёлой дверью. Через дверь донёсся резкий запах нойта. Шооран удивлённо пожал плечами. Таскать нойт с мокрого оройхона, чтобы держать в алдан-шаваре какую-то мерзость! Что это, глупость или особое тщеславие?

Двое цэрэгов приоткрыли дверь, Шооран вошёл в скупое освещённый зал. Дверь гулко захлопнулась за ним. Шооран остановился, выставив гарпун и готовясь отпрыгнуть в сторону. Разумеется, бледного уулгуй здесь не может быть, гвааранза тоже не так просто поймать живьём, значит, скорее всего, ему предстоит встретиться с пархом.

И тут тёмная громада, которую Шооран вначале принял за выступ скалы, шевельнулась, и лишь тогда Шооран понял, что это и есть зверь. Шооран невольно попятился — зверь был больше самого огромного гвааранза. Поблёскивающий панцирь поднимался вровень с грудью Шоорана, две пары клешней, каждая из которых могла перекусить охотника пополам, шевелились, судорожно раскрываясь и со стуком хлопываясь. Клешнями зверь напоминал гвааранза, но был много крупнее, и, главное, там, где у гвааранза в два ряда бугрятся уязвимые для пики глаза, у этого блестела гладкая и наверняка несокрушимая броня. По бокам чудовища волнообразно шевелились острые плавательные перья, бесполезные здесь, где тюремщики плеснули лишь несколько ведер нойта, и тем не менее служащие прекрасной защитой. Сзади, словно

у невиданных размеров парха, чешуился поджатый и напряженный хвост. Шооран был готов к чему угодно, но не ко встрече с таким великаном. Победить его казалось невозможно. Первым побуждением охотника было кинуться к дверям, стучать в них, умоляя выпустить, но Шооран тут же подумал, что двери, скорее всего, просто не откроют. Лишь потом он сообразил, что раз зверь слеп, то будет бросаться на звук или выпустит тонкие осязательные щупальца, по которым можно бить. Шооран переложил оба гарпуна в левую руку, правой потянул из-за пояса нож, готовясь отсекать гибкие усы, прежде чем они скрутят его. Потом быстро шагнул в сторону. Стоять перед громадными клешнями явно не стоило, так же как и соваться под хвост, способный одним ударом растереть его в нойт. Зверь, скрежеща панцирем, начал разворачиваться. Несомненно, он видел охотника. Но и Шооран заметил кое-что. Разворачиваясь, монстр не пользовался хвостом, но зато его панцирь приподнимался над полом. Значит, там ноги — уязвимые сочленения, хрупкие суставы. И, следовательно, есть надежда обездвижить противника.

Не дожидаясь, пока чудовище приблизится, Шооран прыгнул вперёд и в сторону и ударил под панцирь двумя гарпунами сразу. Гарпуны с громким стуком ударились о край хитинового покрова и, не встретив сопротивления, неожиданно глубоко вошли внутрь. Лишь там один из них за что-то зацепил. В ответ раздался громкий человеческий крик.

Зверь повалился набок, и Шооран увидел, что под пустым панцирем прячутся двое цэрэгов. Один двигал клешнями, другой — хвостом и плавательными перьями. Чудовище оказалось фальшивым. Теперь один из цэрэгов стонал, зажимая глубокую рану. Гарпун ударил его в бок и лишь по счастливой случайности не вспорол живот.

Распахнулась дверь, вбежали люди. Раненого унесли. Старый оружейник хлопнул Шоорана по плечу и велел идти к одонту. Моэртал больше ни о чём не спрашивал, лишь сказал:

— Ты действительно отважен и неплохо владеешь гарпуном. Я беру тебя, хотя для цэрэга этого недостаточно. Только не думай, что ты будешь служить при алдан-шаваре. Для начала тебе придётся половить бандитов на мокрых оройхонах.

Шооран склонился в поклоне.

— Да пребудут вечно сухими ноги справедливейшего одонта.

Выйдя от наместника, Шооран облегчённо вздохнул.

Честно говоря, он не надеялся, что ему удастся выдержать испытание, всего вернее, его должны были прогнать, даже не выслушав. А служба цэрэгом была последней надеждой Шоорана остаться незамеченным и уцелеть.

Вернувшись на земли вана, Шооран сумел за одну ночь пересечь несколько оройхонов и к началу военных действий был на землях одонта Ууртака, где встретился с изгоями Жужигчина. Они слабо напоминали забытое всем миром человеческое отребье, ютившееся западнее Свободного оройхона. Эти отщепенцы промышляли набегами на сухие острова, а при случае не прочь были ограбить и своего брата-изгоя. Стычка с ними окончательно убедила Шоорана, что правды нет не только в сухих краях. Там было хотя бы подобие закона, здесь же царило право хлыста. И всё же для этих людей он должен был делать землю. Не для изгоев и не для цэрэгов, а просто для людей, каких он пока ещё не встречал.

Ночью, возбуждённый пролитой кровью, Шооран вышел к побережью и поставил оройхон. Это удалось сделать незаметно, на ночь изгой или уходили грабить сухие оройхоны, или же устраивались поближе к поребрику, где легче скрыться от Ёроол-Гуя. А сейчас они вообще постарались уйти подальше из мест, где разворачивались войска вана.

Оройхон не прибавил сухих земель, но увеличил площадь республики изгоев. Результатом было то, что ван на сутки отложил наступление на западную провинцию, а среди изгоев началась всеобщая и жестокая резня. Все искали илбэча. Шоорана спасло то, что обе стороны решили, что вернулся безумный илбэч. Слишком уж похож был почерк — оройхон возник ночью и казался полностью бесполезным.

Всякого, кто был старше среднего возраста, хватали, волокли к далайну, истерически требуя строить, строить!.. А не дождавшись земли — убивали, сбрасывая в пучину. Разгром довершил Ёроол-Гуй, пожравший всех очутившихся на берегу, без различия возраста.

Шооран выбрался из этой передраги умудрённый горьким опытом. Теперь он знал, как исполняется проклятие Ёроол-Гуя, и понимал, почему большинство илбэчей погибало, поставив один или два оройхона. Спасться от Ёроол-Гуя не так сложно, гораздо труднее спастись от людей. Шооран понял, что единственный способ стать незаметным — подняться над толпой. Илбэча ищут среди изгоев, охотников, со-

бирателей харваха. И никому не придёт в голову заподозрить гордого цэрэга, который живёт на сухом и появляется на побережье, лишь чтобы бить бандитов и искать илбэча. Первая же попытка увенчалась успехом — благородный Моэртал принял Шоорана на службу, хотя ему ещё не исполнилось дюжины и трёх лет.

В первый месяц Шооран попал на выучку к оружейнику. По несколько часов в день тот тренировал его, заставляя упражняться с разными видами оружия, а потом, когда учитель уходил на покой, Шооран превращался в мастеравого и вместе с подневольным людом ремонтировал доспехи, правил клинки, вытачивал костяные пики. Шоорана не допускали лишь к работе по камню. Рыхлый камень оройхонов не годился в дело, а покупной кремёнь, добывавшийся на кресте Тэнгэра, стоил крайне дорого, и обрабатывать его могли только самые опытные мастера. Вообще-то мастера-камнерезы жили в стране старейшин и не выходили с креста, кроме как в праздник мягмара, но и в земле вана были свои оружейники, способные починить сломавшийся наконечник копья или заново отполировать затупившийся нож.

Когда обучение закончилось, Шоорана стали назначать в охранение на мокрый оройхон. Тут-то и выяснилось, что никакой особой свободой рядовые цэрэги не пользуются. Охрана курсировала вдоль поребрика только днём и обязательно парами, к далайну же не выходила вообще. Неудивительно, что шайки изгоев легко избегали встреч с ними.

Сказочная жизнь цэрэгов на поверку тоже оказалась довольно обыденной. Цэрэги жили в алдан-шаваре, носили удобную одежду, много и хорошо ели, но Шооран за годы отшельничества привык ко всему этому и был разочарован. Сослуживцами Шоорана оказались никакими, и, если бы не сказитель Киирмон, Шооран попросту заскучал бы. О том, чтобы обзавестись семьёй, Шооран не думал, вина старался не пить, а в игре в кости, которой азартно предавались другие цэрэги, не нашёл никакого удовольствия. Неудивительно, что встреча со сказителем стала для Шоорана спасением.

Сказитель Киирмон жил вместе с цэрэгами, развлекал их игрой на суваге да скабрезными историями про женитьбу Ёроол-Гуя, и учил богатых детей, рассказывая старинные легенды. О самом себе Киирмон говорил уклончиво, так что

можно было подумать, что прежде он был чуть ли не одонтом. Но, с другой стороны, получалось, что сказитель немало побродил изгоем, был своим человеком среди разбойников, побывал на каторжных работах и не раз обедал с самим царственным ваном. А что делать, если с давних времён повелось, чтобы главным действующим лицом любого анекдота рассказчик называл себя?

Шооран, сам испытавший и богатую, и нищенскую жизнь, быстро сошёлся с пожилым сказочником. Они встречались где-нибудь, Шооран и Киирмон, с неизменной чашей в руках и рассказывали друг другу истории, перемежая правду и вымысел. Шооран рассказывал легенду о хохиуре, которую так любил Хулгал, и легенду о дурне Бовэре, рассказанную старым илбэчем, а в ответ слышал сказку о сроке жизни, легенду об упрямом илбэче, а потом и шёпотом рассказанную историю о цветке туйвана, за которую в землях вана можно было поплатиться головой.

С простыми земледельцами Шооран не мог сойтись. Когда он появлялся на пороге палатки, хозяева сгибались в заискивающем поклоне и немедленно соглашались с любой его фразой, даже не пытаясь вникнуть в смысл слов. Если в семье были молодые девушки, их немедленно старались прихорашивать и вытолкнуть вперёд, так что эти непрерывные смотрины прочно, хотя и ненадолго отвратили мысли взрослого Шоорана от прекрасного пола. К тому же у Шоорана оказался тонкий слух, и он разбирал, что говорят за его спиной подобострастные земледельцы и радушные мамыши оройхонских невест.

Однажды возбуждённый и непривычно трезвый Киирмон явился к Шоорану и с порога заявил:

— К нам пришёл Чаарлах!

— Кто это такой? — безразлично спросил Шооран.

С утра он был в дурном настроении. Близился мягмар, со времени постройки последнего оройхона прошло больше двух месяцев, а он, ничего не делая, терял время на службе у вана.

— Как?! — вскричал Киирмон. — Ты не знаешь Чаарлаха? Это же лучший сказитель страны! Он единственный полностью знает историю сотворения мира, говорит он, не подыгрывая на суваге, а когда начинает рассказывать байки, люди падают от смеха в нойт. Послушать Чаарлаха — большая удача. Я знаю, что ты толковей других, и потому зову тебя.

— Так он наверняка в покоях у одонта, — сказал Шооран. — Кто меня туда пустит?

— Чаарлах сидит на мокром оройхоне. Ещё ни одному одонту не удавалось зазвать его к себе. Чаарлах говорит, что если ван захочет слушать его истории, он не должен бояться промочить ноги.

— Идём, — сказал Шооран, вставая.

Через две минуты он был готов и вышел к ожидавшему Киирмону. При виде Шоорана тот ахнул:

— Доблестный воин, ты что же — собрался идти на земли изгоев в доспехе? Цэрэгов там не любят, особенно когда они ходят в одиночку.

— Я иду не воевать, а слушать сказителя, — возразил Шооран. — Чаарлах приглашал к себе вана, неужели он откажет цэрэгу?

— Как знаешь, — сказал Киирмон, — но я бы не рискнул идти так.

К началу представления они опоздали. Маленький плешивый старичок уже сидел на застеленном кожей камне лицом к недалёкому далайну, а вокруг расположились несколько дюжин слушателей. При виде цэрэга по толпе прошло волнение, несколько человек приподнялись было со своих мест, но Чаарлах движением сухой руки навёл порядок. Шооран и Киирмон, выбрав место, расстелили принесённые лоскутья кожи и уселись. Старикашка громко, так что всем было слышно, рассказывал правду о сотворении мира. Рассказывал иначе, чем другие, не боясь задать вопрос. Срединные века имели начало и конец — как Тэнгэр успел вырыть далайн, не имеющий дна? И где взял столько воды? И если у далайна действительно нет дна, то во что упираются восемь столбов, увенчанных суурь-тэсэгами? Или Тэнгэр продлил далайн до тех глубин, куда стремятся падающие тела, и потому потерявшая вес влага не выливается? И на все вопросы сказителя Тэнгэр насмешливо отвечал: «Нет, я сделал иначе, а как — тебе, не бывшему рядом, не догадаться вовек».

Такого рассказа Шооран прежде не слыхивал, а ведь он и сам не раз гадал, почему влага не выливается из далайна, если у того нет дна.

Когда рассказчик умолк, из толпы раздался громкий молодой голос:

— Отец, расскажи про объевшегося чавгой!

— Нет, — усмехнулся Чаарлах. — Сегодня будет другая сказка — про непобеждённого жирха.

По толпе прошла волна, все уселись удобнее и вновь готовились слушать. Сказки про жирха не знал никто. Чаарлах начал торжественным речитативом, каким рассказывают о сотворении мира и других великих делах:

Окончив строительство и на бессчётные века избавившись от Ёроол-Гуя, старик Тэнгэр вернулся к алдан-тэсэгу, чтобы наконец вкусить отдыха. Но оказалось, что место на алдан-тэсэге занято — пока хозяина не было, мелкий жирх вполз на вершину и разлёгся поперёк алдан-тэсэга. Тэнгэр наклонился и дунул, чтобы очистить место, но жирх вцепился в сиденье всеми своими ножками, которых у него много больше, чем нужно для ходьбы, и не слетел. Тэнгэр хотел раздавить непрошеного гостя пальцем, но жирх сказал ему:

— Я вонючий жирх, и если ты раздавишь меня, то благоуханный алдан-тэсэг станет смердеть во веки веков. Будет ли тебе приятно думать о вечном среди воню?

— Тогда сойди с алдан-тэсэга сам, — сказал Тэнгэр.

— Ни за что! — заявил жирх. — Вы, могучие и бессмертные, могли только драться друг с другом. Ну так деритесь, а миром управлять стану я.

— Ну уж этого не будет! — сказал Тэнгэр. Он спустился вниз и сорвал пучок свежей травы, чтобы смахнуть жирха долой. Но пока Тэнгэр ходил, кончилось малое время жирха, и он умер. Тэнгэр взглянул надохлую тварь и понял, что ему уже никогда не победить жирха. Пусть он мал и мерзок, но он был на алдан-тэсэге и вонял оттуда на всю вселенную, и умер там, никем не выгнанный, а значит — непобеждённый. И те твари, чья жизнь ещё короче, чем у жирха, верили, что миром с давних пор и до скончания веков правит царственный жирх, да пребудет вечно сухой дюжина дюжин его цепких лапок.

Конец сказки был встречен напряжённым молчанием. Люди сидели, боясь оглянуться на молодого цэрэга, а сам Шооран обратил внимание, что несколько человек встали и уходят, стараясь не повернуться к нему лицом. И всё же двоих он узнал. Это были жители его оройхона, и, скорее всего, они испугались быть узанными.

Один из изгоев, слишком сильный и хорошо вооружённый

для простого отщепенца, поднялся и положил перед сказителем несколько больших чавг. Следом потянулись остальные слушатели, каждый клал, что мог. Подошли и Киирмон с Шоораном. Сказитель цэрэгов подал сладкую лепёшку. Шооран достал мешочек с наысом и спелый плод туйвана.

— В твоей сказке, — сказал он, — словно в алдан-шаваре, два яруса. Нижний стоит грибов, верхний — туйвана.

— Ты поэт, мальчик, — промолвил Чаарлах. — Зачем тебе копьё?

Шооран не ответил, лишь сказал:

— Отец, переночуй эту ночь у меня.

— Я привык здесь, — Чаарлах улыбнулся, — поближе к Ёроол-Гую. Нам было бы скучно друг без друга. Но вечером я снова буду рассказывать истории. Если хочешь — приходи.

Предложение казалось провокационным. Для одинокого цэрэга соваться на мокрый оройхон перед наступлением темноты было равносильно самоубийству. Но всё же Шооран ответил:

— Я приду.

При этих словах стоящий неподалёку молодой изгой, тот, что просил сказку про обжору, презрительно фыркнул и пошёл прочь. Шооран успел разглядеть лишь скатанный в узел хлыст из уса парха, который парень не посчитал нужным спрятать, да искалеченную щёку изгоя. Такой след оставляет на живой коже башмак цэрэга с вправленными в него иглами.

Вечером Шооран вновь пришёл на мокрый оройхон. Как и в прошлый раз, он был в доспехах цэрэга, но без копья. Шооран понимал, что рискует, но он хотел добиться, чтобы здешние изгои признали его право ходить по их землям.

На этот раз, кроме Шоорана, не оказалось ни одного гостя с сухих мест. И было ясно, что не изгои собрались здесь, а бандиты. Хотя и простых изгоев, что жили, перебиваясь со дня на день, тоже хватало. Но все первые ряды занимали вооружённые мужчины, достаточно сильные, чтобы выдержать жизнь на мокром, но строптивые и непокорные и потому не сумевшие устроить своё существование по закону ванов. Шооран уселся в последнем ряду, позади копателей чавги, нищих собирателей харваха, позади калек и ненормальных, которыми было переполнено побережье.

За спиной Шоорана в нескольких дюжинах шагов мертвенно светился далайн. Он не спал никогда, ночью, как и

днём, холмы влаги бились о кромку оройхона, а не нуждающийся в свете Ёроол-Гуй мог выйти на берег. Далайн был совсем близко, и Шооран не выдержал. Посреди рассказа он бесшумно поднялся. Его ухода никто не заметил, свечение далайна не рассеивало темноты. Люди, замороженные голо- сом сказителя, сидели спиной к далайну, и лишь сам Чаарлах мог видеть, как бесшумно клокочет светящаяся влага, а потом далайн медленно гаснет, заслонённый громадой новой земли. Но звучный молодой голос согнутого временем старика не за- дрожал и никак не выдал волнения. Чаарлах продолжал рас- сказывать длинную и трогательную историю о пяти братьях, один из которых оказался илбэчем.

Шооран тихо вернулся на место и, унимая дрожь в руках, сидел, пока рассказ не подошёл к концу. Лишь тогда он под- нялся и пошёл по гребню, разделявшему оройхоны. Его силу- эт был виден на фоне мутных облаков, и наверняка некото- рые заметили его, но никто не окликнул, не остановил, не напал. Здесь, среди отбросов общества, умели ценить слово, и раз цэрэг приглашён сказителем, он должен уйти живым.

Лишь когда до сухого оройхона было совсем близко, сзади раздались крики: очевидно, изгои обнаружили вырос- ший в темноте остров. Крики не утихали, и, кажется, сумато- ха была готова перейти в драку. Шооран остановился, при- слушиваясь и пытаясь понять, что там происходит. Потом, услышав, как кто-то, спотыкаясь и шлёпая по лужам, бежит рядом с поребриком, Шооран метнулся вбок и поймал невиди- мого беглеца.

— Что там за свара? — потребовал он.

— Ой!.. — загундосил из темноты женский голос. — Я всё скажу, я к вам и бежала, доблестный цэрэг. Я всегда готова услужить доброму одонту Моэрталу, да пребудут его ноги...

— Короче! — рыкнул Шооран.

— Там оройхон, и налётчики поймали илбэча.

— Как это?.. — не понял Шооран. — Кого?

— Хартай догадалась, что сказочник на самом деле — без- умный илбэч. Он один такой старый, и он ходит по всей стра- не уже давным-давно. Значит, он и есть илбэч.

— Что?! — закричал Шооран. — Болваны!..

Отшвырнув шпионку, Шооран побежал обратно, надеясь, что успеет. Он с ходу врезался в толпу, начал продираться в середину. Света ему хватало — над головами пылали не мень-

ше десятка скрученных из соломы факелов. Недаром же во время набегов грабители подчистую уносили с собой связанную в снопы солому, а некоторые из земледельцев, говорят, попросту откупались от непрощенных гостей той же соломой.

Чаарлах стоял прижатый к крайнему от далайна суурь-тэсэгу, по лицу сказителя бродила язвительная улыбка. Люди наседали на старика со всех сторон, и сдерживал их всего один человек — парень с хлыстом.

— Пусть строит! — орали обезумевшие люди. — Нам негде жить, пусть он делает землю!..

— Не ваше дело!.. — надрывался в ответ парень. — Если он илбэч, он лучше знает, что надо делать!

Распущенный хлыст непрерывно вращался в руках парня, один из наседавших, вытолкнутый вперёд, упал, обливаясь кровью, но, кажется, этого никто не заметил.

— Мы лучше знаем! — визжали женщины. — Пусть строит!

Шооран вырвал из рук какого-то человека острогу и одним прыжком взлетел на тэсэг, оказавшись как раз над головой Чаарлаха.

Среди других искусств оружейник обучал Шоорана специальному боевому крику, которым можно заглушить вой целой толпы и смутить кого угодно. Теперь уроки пригодились.

— Молча-а-ать!!! — взревел Шооран. — Дурни, какой он илбэч?! Он был у вас на глазах весь день, так когда он мог выстроить этот ваш дурацкий оройхон?!

— Он безумный илбэч, он один здесь такой старый! — выкрикнул чей-то голос, но прежней уверенности в нём не было.

И всё же, хотя напор ослаб, толпа не расходилась.

— А тебе что за дело? — Мимо головы Шоорана просвистел камень. — Командуй у себя — здесь не сухой оройхон!

— Он хочет забрать илбэча себе-е!.. — забился истошный крик.

Шооран чувствовал, как вокруг сгущается ненависть.

— Нет!!! — вновь громыхнул он. — Это сказитель, он будет ходить, где хочет, а отсюда он уйдёт... вот с ним! — Шооран ткнул в парня, злобно щерящегося изуродованным ртом.

— С Ээтгоном?.. — захохотали в толпе. — Думаешь, он вернёт илбэча тебе?

— Говорят вам — это не илбэч! — надсаживался от крика Шооран.

— А где тогда илбэч?

— Я откуда знаю?! — Шооран махнул рукой в сторону нового оройхона. — Он был там, за вашими спинами, а теперь прячется. Вот и ищите.

— Он прячется! — зашумели в толпе. — Найдём — и пусть строит для нас!

Загорелось ещё несколько факелов, люди, рассыпавшись цепью, двинулись в сторону нового оройхона. У тэсэга осталось всего дюжины полторы человек.

Шооран спрыгнул со скалы.

— Уходите, — сказал он старику и юноше. — Я обещал, что вы уйдёте вместе.

Парень молча скатал хлыст, взял под руку Чаарлаха, и они пошли вдоль далайна в сторону недалёкого оройхона изгоев.

— Поторопитесь! — крикнул вслед Шооран. — Ёроол-Гуй тоже ищет илбэча, и его не уговоришь поискать в другом месте.

* * *

— Значит, илбэч был в твоих руках, а ты отпустил его. — Моэртал произносил слова, привычно не спрашивая, а утверждая.

— Благородный одонт ошибается, — сказал Шооран. — Не только я, но и все, кто был на берегу, ни на секунду не сводили глаз со сказителя. Он никак не может быть илбэчем.

Одонт досадливо поморщился.

— Как ты ещё глуп, — проговорил он. — Что мы знаем об илбэче и о его работе? Не думаешь ли ты, что илбэч должен таскать для оройхона камни?.. Может быть, для того, чтобы выстроить оройхон, достаточно рассказать сказку, повернувшись лицом к далайну. И уж, во всяком случае, старик видел, что там происходило. Он мог видеть илбэча и указать его нам.

— Было темно, — напомнил Шооран. — Факелы зажгли позже.

— Всё равно, — одонт был непреклонен, — ты упустил илбэча.

— Виноват. — Шооран склонил голову.

— И вообще, — продолжал одонт, — мне непонятно, что ты делал ночью на мокром и как сумел вернуться?

— Я уже говорил: ходил слушать сказителя. Чаарлах сам пригласил меня.

— А ты и поверил... Слушал бы Киирмона, я его для этого кормлю. Только помни — мне нужны не сказочники, а солдаты.

Одонт задумался, а потом произнёс словно самому себе, хотя именно на эти тихие слова следовало обращать внимание более всего:

— Значит, илбэч прячется в республике изгоев. Во всяком случае, уйти к тем изгоям, что в провинции Ууртака, он не сможет, туда сейчас и жирх не проползёт. После праздника мягмара я пошлю наших людей в помощь Ууртаку. Тебя — тоже. Тогда и посмотрим, что ты за штука, стоит ли тебя отправлять на поиски илбэча и вообще стоит ли тебе быть цэрэг-гом.

— Слушаюсь, — сказал Шооран.

Предупреждение Моэртала не испугало, а скорее обрадовало Шоорана, ведь оно значило, что вскоре он снова увидит далайн и, может быть, сумеет что-то сделать. И заодно отведёт угрозу от Чаарлаха, который, по словам наместника, никак не может быть в тех краях.

На свой оройхон Шооран вернулся в прекрасном расположении духа. Проходя мимо палаток, в которых ютились земледельцы, Шооран увидел девушку, ту, что он опознал на мокром оройхоне. Вообще-то он встречал её и раньше — оройхон мал, населяет его чуть больше тройной дюжины человек, так что можно запомнить всех в лицо. Просто прежде Шооран не обращал на девушку внимания, а теперь подошёл, чтобы поговорить и успокоить.

— Привет, — сказал он.

Лицо девушки побледнело, она поняла, что её узнали. Конечно, никто не запрещал вольным земледельцам выходить на мокрый оройхон, но одно дело вместе с другими женщинами ходить за чавгой, совсем другое — быть замеченной в компании налётчиков и изгоев.

Девушка сглотнула волнение и тихо ответила:

— Здравствуйте, храбрый цэрэг.

— Как тебя зовут? — спросил Шооран.

— Явдай... — ответ прозвучал шёпотом.

— Не надо бояться, Явдай, — произнёс Шооран и, не

зная, как успокоить девушку, добавил: — Я тоже люблю сказки. Очень.

Явдай ничего не сказала на эти слова, и Шооран не мог понять, убавилось ли страха в её глазах. Сам Шооран был удивительным образом стеснён разговором. Вроде и сказать ему было нечего, но повернуться и уйти, как делал обычно, почему-то не мог.

— Вы, — наконец нашёл он тему для беседы, — остаётесь здесь или будете покупать землю на том оройхоне, что стал сухим?

— Здесь... — Губы Явдай едва шевельнулись.

— Почему? Участок можно поменять на больший. Я зайду к тебе завтра, а ты пока подумай.

Обрадованный удачным завершением разговора, Шооран быстро ушёл. О том, почему он, обычно легко подбиравший слова, вдруг стал косноязычен, Шооран не подумал, но на другой день, потратив полчаса на поиски, явился в палатку Явдай. Девушка жила вместе с матерью, младшим братом и двумя младшими сёстрами. Мать немедленно выгнала младших на улицу, а старшую дочь принялась подталкивать к Шоорану и расхваливать на все лады, словно торговка, пытающаяся удачно сменять жанч из гнилой кожи на все блага мира. Но на этот раз неумная мамаша не раздражала Шоорана, он попросту не обращал на неё внимания, целиком поглощённый тёмным огнём, горевшим в глазах девушки.

Явдай сидела молча, с неподвижным лицом, на вопросы отвечала тихо и односложно, так что беседу в основном вела мать. Между делом Шооран узнал все обстоятельства семьи, которые складывались попросту трагично. Семья жила бедно, поле было маленьким, и после выплат оставалось так мало зерна, что приходилось не только есть чавгу и жирха, но и вообще сидеть голодными. А три месяца назад умер отец Явдай, даже не погиб, а умер от какой-то болезни. Явдалу — единственному сыну — ещё не исполнилось двенадцати лет, поэтому он не мог наследовать отцу, и поле должны были отобрать в казну, а потом отдать тому, кто согласится в течение шести лет, кроме налогов, отдавать государству половину урожая. Такого рода перетасовки участков предупреждали бесконечное дробление земли и приносили вану изрядный доход. Только война, а потом сумятица, связанная с появлением новой сухой земли, позволили обезглавленной семье

удержаться на месте и не быть немедленно выгнанной в нойт. Но все понимали, что долго так продолжаться не может.

— Сколько лет мальчишке? — спросил Шооран.

— Одиннадцать, послезавтра исполнится.

Шооран усмехнулся. Он совсем забыл, что сегодня первый день мягмара, и послезавтра день рождения всех мужчин. Женщины моложе — они родились на пятый день.

— Одиннадцать, двенадцать — какая разница? — сказал Шооран. — Я поговорю с баргэдом, чтобы он закрепил поле за вами как наследство. Думаю, он согласится, у него сейчас много дел на новой земле.

Самому Шоорану исполнялась дюжина и три года. Но он до такой степени уверовал в полторы дюжины, которые приписал себе, поступая в цэрэги, что искренне считал Явдай маленькой, хотя на самом деле она была на год старше его.

Никогда ещё мягмар не проходил так быстро. Всю праздничную неделю Шооран был свободен от службы и каждый день с утра заходил за Явдай и уводил её гулять. Мать без слова отпускала дочку с молодым цэрэгом, хотя две младшие сестры и брат не разгибаясь трудились на прибрежных завалах. Сам Шооран ещё ни о чём таком не думал, но судьба Явдай всем казалась решённой. Соседи вновь стали ласковы с осиротевшей семьёй, а баргэд с готовностью сделал нужные пометки в сшитых из кожи книгах, закрепив землю за несовершеннолетним Явдалом.

Утром первого дня по окончании мягмара Шооран пришёл проститься.

— Уходим на запад, — сказал он, — к одонту Ууртаку. У него четыре оройхона с изгоями, так что не знаю, сколько там придётся пробыть...

— Она будет ждать, — сказала мамаша, и Явдай молча кивнула.

Догадливая мать вышла из палатки, оставив дочь наедине с Шоораном, и они так и просидели всё время друг напротив друга. Лишь когда подошло время уходить, Шооран спросил:

— Ты вправду будешь ждать?

И Явдай, как всегда помедлив, чуть слышно ответила:

— Да.

Против изгоев в войсках великого вана существовало два метода борьбы. При этом одонты всегда угрожали применить первый метод, но действовали вторым. В самом деле, кому охота гробить солдат на мокром, когда гораздо проще запереть бандитов в их убежищах и подождать, пока они сами перемерут. Особенно удачно, если в дело вмешается Ёроол-Гуй, тогда кампания может закончиться совсем быстро. И хотя на этот раз было дано строгое указание с военными действиями не тянуть, всё же осторожный Ууртак не спешил гнать цэрэгов под хлысты бунтовщиков. Даже известие о том, что илбэч объявился на севере, не заставило его торопиться. Дюжины заняли оборону вдоль поребриков и ждали, кляня бандитов и начальство — одних вслух, других молча, чтобы никто не услышал.

Дюжина, в которой состоял молодой боец Шооран, попала в самое опасное место. Стоять приходилось на мокром, в виду далайна. С двух сторон нависали оройхоны с закрепившимися изгоями. Один из этих оройхонов возник совсем недавно и к тому же был немедленно опустошён Ёроол-Гуем, поэтому наступление предполагалось на соседнюю землю. Но всё же иметь в тылу вражеский оройхон было неприятно, поэтому цэрэги передового охранения имели возможность ругать ещё и дурного илбэча, подкинувшего им подобную штуку.

Изгои тоже понимали выгоду своего положения и одну за другой предпринимали попытки выйти из окружения, проравшись через новый остров. В конце концов даже неторопливый Ууртак понял, что дальше тянуть нельзя, и назначил срок наступления. Однако состояться ему было не суждено.

Шооран вдвоём с цэрэгом Турчином стояли в передовом охранении. Турчин был потомственный цэрэг, глубоко убеждённый в своей исключительности, а на самом деле глуповатый и беспомощный во всём, кроме поединка на коротких копьях или ножах. Выросший в алдан-шаваре под заботливым присмотром, Турчин чрезвычайно страдал от сырости, вони, жгучего нойта, но больше всего — от невозможности прилечь. В своих бедах он винил илбэча, из-за которого расплодилось столько бандитов.

— Поймаю мерзавца, — сладострастно говорил он, — и

копьем ему в живот... или нет, сначала плеткой шкуру со спины спущу, нойтом намажу, а потом...

— Будет тебе, — сказал Шооран, у которого от этих разговоров руки сами тянулись к копы, — ложись лучше спать. Ночь скоро.

— Ну ты сказанул!.. — протянул Турчин. — Как тут спать? В луже, что ли?..

— А как эти спят? — Шооран кивнул на темный оройхон. — Так и мы.

— Я откуда знаю — как? Это же изгой. Может, они и вовсе не спят.

— Спя-ат! — протянул Шооран, с трудом сдерживая смех. — В лучшем виде спят. Мы их караулим, а они дрыхнут. Вот смотри, как это делается. — Шооран раскатал на камне кожу, загнул края, скрепил их костяными зажимами и улёгся в широкую, как корыто, колыбель. — Вот и всё, спи, как в алданшаваре.

Турчин недоверчиво смотрел на Шоорана.

— У меня этого нет, — сказал он, коснувшись застёжек.

— У меня есть запасные, — успокоил Шооран, выбираясь из колыбели, — я дам, но чтобы никто не знал — мы всё-таки на посту. Уйдут изгой — лови их потом.

— Спят они давно, — проворчал Турчин, расстилая кожу.

Шооран быстро соорудил колыбель для Турчина, тот улёгся, несколько раз повернулся, пожаловался недовольно:

— Жёстко!

— Что делать... — сказал Шооран. — Не дома. И ты учти: спать будем в очередь. Один пусть наблюдает.

— Ладно, — нехотя согласился Турчин. — Давай на костях: кому первому караулить.

Шооран не раз слышал, что игральные кости у Турчина фальшивые, поэтому он с готовностью согласился метнуть жребий и ничуть не был удивлён, когда ему выпало дежурить первому. Поворчав для виду, что страдает за свою доброту, Шооран помог напарнику улечься поудобнее и через минуту услышал его храп.

Вид расстилавшегося неподалёку далайна вселял в Шоорана нетерпеливую тревогу, но всё же он честно выждал два часа, пока не сгустилась непроницаемая тьма, и тогда разбудил сочно похрапывающего Турчина.

прорезал утренний туман. Протрубив, Турчин заметался, не зная, что делать дальше.

— Постель спрячь, — бросил Шооран, торопливо скатывая свою колыбель.

Теперь, когда мысли Турчина были заняты собственным спасением, можно было переходить в атаку.

— Как это случилось? — резко спросил Шооран. — Ты же караулил. Здесь был кто-нибудь?

Ответ мог быть только один, и Шооран его услышал:

— Никого!.. — выкрикнул Турчин. — Совсем никого! Всю ночь глаз не сомкнул.

— Мы не сомкнули, — поправил Шооран. — Одному одонты не поверят, особенно если станет известно, что другой спал.

Турчин закивал с готовностью, а Шооран напористо продолжал обработку:

— Почему ты тогда ничего не заметил? Может, из-за тумана?

— Да-да, из-за тумана! — ухватился за спасительную подсказку Турчин. — Туман вон какой густой, за дюжину шагов ничего не видно.

— Так ведь бандиты уйдут! — закричал Шооран. — Через новый оройхон! Труби ещё!

Будоража окрестности рёвом раковины, они ринулись сквозь плотный, едва подбеленный утренним светом туман. На границе нового оройхона Шооран предусмотрительно остановил напарника, и здесь, на пересечении поребриков, они и метались, пока не услышали стук оружия и топот бегущих на помощь цэрэгов.

Пробная вылазка показала, что изгои действительно не теряли времени даром и, едва рассвело, ушли через новый оройхон. Преследовать их казалось бессмысленным, тем паче, что появились более важные дела. Оройхон, ставший сухим в предутреннюю ночь, располагался исключительно неудобно — он касался остальных сухих земель лишь одним углом, а со всех остальных сторон был окружён мокрыми оройхонами. Разумеется, об отделении этого оройхона не могло быть и речи, его ограждала не узенькая мёртвая полоса, а легкопроходимый и широкий перешеек, тем не менее одонту Ууртаку надо было заверить вана в своей преданности и, по возможности, извлечь из ситуации выгоду.

Ууртак со своей личной гвардией отправился на царский оройхон, казённые дюжины и войска, присланные другими одонтами, остались беречь провинцию. За неделю дальновидный Ууртак убедил вана, что не стоит из одного оройхона создавать новый округ, который, конечно же, захочет самостоятельности, а гораздо лучше отдать оройхон верному Ууртаку. Шооран за эту неделю вернул изгоям долг, поставив ещё один оройхон, вклинивающийся в далайн и как бы восстанавливающий земли изгоев.

Отправляясь в ставку, Ууртак на всякий случай запретил заселять высохший оройхон и выделил для его охраны двойную дюжину цэрэгов, среди которых оказался и Шооран. Делать на пустом оройхоне было нечего, цэрэги продувались друг другу в кости, рассказывали, кто умел, истории и скучали по оставленным семьям. Грустил и Шооран. Представлял, как он приводит Явдай на берег и словно безумный илбэч говорит: «Смотри!» — и перед изумлённым взором девушки рождается земля. Лицо Явдай останется неподвижным, но чёрный огонь в зрачках полыхнёт с небывалой силой. А потом он покажет, как умывается земля, освобождается от яда и грязи, покрывается свежей травой, как проклёвываются сквозь жирную землю резные ростки туйванов. Он скажет: «Эта земля для тебя. Живи», — и на лице Явдай появится неуверенная улыбка.

Переполненный такими мыслями, Шооран рано утром отправился через опустевшие мокрые земли к далайну. Его никто не заметил, да и сам остров был обнаружен лишь к концу дня, когда Шооран стоял на посту, охраняя перешеек.

Смелая вылазка не принесла душе успокоения, зато помогла Шоорану понять: мечты его не о новых землях, а о Явдай. Шооран затосковал. Он шептал слова легенды, которые, казалось, знал, когда ещё не умел говорить: «Я проклиная илбэча! Он нигде не найдёт покоя и не встретит счастья. У него не будет друзей, и даже родственники станут издеваться и мучить его...» Шооран шептал, пока слова не начинали терять смысл, а перед глазами стояло лицо Явдай. Нет, она не способна издеваться, этого просто не может быть, здесь бессильно даже проклятие Ёроол-Гуя. Она обещала ждать... Короткое «да», сказанное на заданный между делом вопрос, обрело для Шоорана важный смысл. Шооран убеждал себя, что никакого проклятия и вообще нет, ведь была семья у старика,

даже когда он стал илбэчем, а потомки илбэча Вана правят целой страной.

Вскоре одонт Ууртак вернулся из удачной поездки, и вспомогательные войска, так никого и не поймавшие, начали собираться домой. Однако той дюжине, что посылал на запад Моэртал, отдыхать не пришлось. Наместник, поняв, что илбэч ускользнул, решил хотя бы расправиться с изгоями и бунтовщиками, так что вернувшейся дюжине пришлось немедленно занимать позицию вдоль мокрого оройхона.

На этот раз Шооран оказался в заградительном отряде довольно далеко от далайна и вмешаться в события не мог. Передовые дюжины вошли на безнадёжные земли, сломив сопротивление неорганизованной толпы изгоев, рассекли её надвое и погнали одних на ухэры заграждения, других дальше на юг, где стояло ещё два оройхона, узкой лентой протянувшихся в глубь далайна. Выбраться из этой западни казалось вовсе невозможным.

Заряженные ухэры и татацы стояли на самых видных местах, но одонт разрешил стрелять лишь в самом крайнем случае. Кроме того, было приказано не убивать тех, кто сдаётся в плен. Всё-таки Моэртал не был абсолютно уверен, что илбэч не оказался в ловушке. Поэтому цэрэгам был выдан больший, чем обычно, запас хитиновых верёвок.

Настоящие изгои — женщины, калеки, беспомощные неудачники — частью заранее бежали на север, частью же сдались передовому отряду и, связанные попарно, были отправлены на допрос. Разбойники попытались вырваться и уйти. Шооран стоял в цепи заграждения на поребрике, когда из-за тэсэгов с криком выбежал отряд ночных пархов. Их было дюжины полторы, и единственное их преимущество состояло во внезапности удара. Не переставая кричать, они бросились на цепь. Цэрэги поспешно стягивались навстречу. Шооран оказался в самом центре схватки. Он увидел, как на него несётся один из бандитов. Мелькнуло знакомое лицо, испятнанное следами игл, гудящим кругом рванулся сверху хлыст. Шооран успел вскинуть над головой копьё, отведя смертельный удар, и ринулся под ноги изгою. Если бы они были вдвоём, то это был бы последний поступок в его жизни, так как копьё отлетело в сторону, а хлыст остался в руках парня, но сбитый с ног противник не успел ударить. Когда Шооран вскочил, он увидел, что Турчин и дюженник Коннар надели на парня и вяжут

ему руки. Остальные изгои были убиты или тоже связаны. Прорваться и уйти удалось лишь троим.

— Отлично! — похвалил Шоорана дюженник. — Я уже было зачислил тебя в покойники, а ты не только сам уцелел, но и этого с ног сбил. Ишь как на тебя смотрит — вот-вот прыгнет, словно парх.

Парень, не мигая, глядел на Шоорана. Сузившийся от бешенства зрачок превратился в точку, и глаза казались белыми. Шрамы на щеке налились кровью, у виска часто билась жилка. Коннар обошёл пленника кругом и, приняв решение, повернулся к Шоорану.

— Это явно не илбэч, — сказал он, — и каторжника из него тоже не выйдет — сбежит. Между прочим, тебя искать. За такими долги не пропадают, я это знаю, сам такой. Так что отведи-ка ты его в шавар, а я доложу, что пленников всего восемь.

Шооран взял копьё, повёл им вверх, приказывая парню подняться. Тот молча встал и, не глядя по сторонам, пошёл вперёд с таким видом, словно не его, а он ведёт противника к шавару. Шооран шёл сзади. Его не покидало ощущение, что он уже видел и эту небрежную походку, и этот взгляд. Не тогда вечером, а ещё раньше, давным-давно. Хотя этого, конечно, не могло быть, раз увидевший клеймо на лице парня, не забыл бы его никогда. В башмак цэрэга вправляется дюжина игл, а здесь в кожу впечаталось гораздо больше, словно изгой улёгся в постель, положив под щёку вместо подушки живую тукку.

— Постой, — сказал Шооран.

Парень остановился.

— Ээтгон — это твоё имя или прозвище?

Ответа не было. Парень смотрел поверх головы Шоорана, лицо оставалось спокойно, лишь жилка над щекой продолжала пульсировать в бешеном темпе.

— Ты... — Шооран запнулся, не осмелившись произнести имя, — ты родом со Свободного оройхона?

Взгляд наконец опустился на лицо Шоорана. Ээтгон, помедлив пару секунд, ответил:

— Не помню. У меня нет родины.

Шооран вытащил нож, начал резать скользко скрипящие верёвки. Ээтгон молча ждал.

— Вдоль поребрика стоят караулы, — сказал Шооран. — Постарайся не попасться им на глаза.

Изгой стряхнул с рук обрывки пут и, так ничего и не сказав, не попрощавшись и не поблагодарив, пошёл прочь.

— Постой! — крикнул Шооран. — Скажи, Чаарлах жив?

— Он ушёл давно, — ответил Ээтгон, не оборачиваясь, — и я не знаю — куда.

— Спасибо, — сказал Шооран.

* * *

После удачного завершения операции цэрэги, участвовавшие в боевых действиях, были отпущены по домам. Получил отпуск и Шооран. Дюженник Коннар особо отметил его храбрость, и теперь Шооран был на месяц свободен от патрульной службы. Узнав об этом, Шооран немедленно поспешил к палатке Явдай. Вся семья была на поле, но новость о возвращении цэрэгов разнеслась повсюду, и мать мгновенно отправила Явдай домой. Они встретились у входа в палатку, остановились в двух шагах друг от друга. Шооран почувствовал, как испаряется вся его храбрость и решительность.

— Здравствуй, — выдавил Шооран.

— Здравствуйте, — эхом откликнулась Явдай.

— Я вернулся, — сказал Шооран.

— ...

— Я думал о тебе все эти дни... — Слова падали словно мимо, не касаясь ушей собеседницы, лишь лёгкие кивки показывали, что его всё-таки слышат.

Шооран первый вошёл в палатку, словно хозяин, приглашающий гостя. Напряжение становилось невыносимым, и тогда Шооран произнёс те слова, что не мог выжать из себя:

— Явдай, я не могу жить без тебя. Я хочу, чтобы ты пришла ко мне и была моей женой. Ты согласна?

Долгие секунды в палатке висела тишина, потом тихо упало:

— Да...

Слова, так мучившие его, были больше не нужны. Шооран медленно поднял руки и надел на тонкую девичью шею ожерелье из драгоценного голубого жемчуга.

Свадьбу сыграли по всем правилам — пригласив священника и баргэда. Поднявшись на суурь-тэсэг, под строгим взглядом Тэнгэра обменялись дарами. Шооран отдал гарпун: «Я буду твоей костью и защитой». В ответ получил плод туйвана: «Я буду твоей радостью и усладой». Потом отправились к далайну. До мягмара был ещё чуть не целый год, и потому важные лица и большинство гостей остановились на кромке сухого оройхона, ожидая возвращения молодых. К самому далайну пошли лишь беспечный Киирмон и две сестры невес-ты, желавшие во что бы то ни стало досмотреть всё до конца.

— Господин мой, Ёроол-Гуй, — произнёс Шооран, отпуская сладкий плод, — вот моя жена. Больше у меня нет ничего. Возьми её и забудь о нас!

— О Многорукий! — прошептали губы Явдай. — Вот мой муж. Возьми его...

Вечером гости выпили пять бурдюков вина и съели гору мяса. Захмелевший Турчин рассказывал, как он едва не схватил илбэча, а Киирмон, натянув на суваг новые струны, пел песни о любви.

Медовый месяц прервался неожиданно и по вине всё того же илбэча. Оройхон возник на востоке, где со времён безумного старика было спокойно. Получилось это как-то само собой. Днём у Явдай было много дел, ведь жена цэрэга — не знатная дама, но и не простолюдинка. Она обязана носить нарядный талх и уметь готовить сладкую кашу, а её руки должны быть белыми даже после возни с забродившим туйваном. Всё это требует немалого искусства и изворотливости, и, уж конечно, ничему подобному не учат в семьях земледельцев, поэтому Явдай приходилось брать уроки у обедневших старух — вдов цэрэгов. Оставаясь один, Шооран отправлялся гулять. Теперь он мог ходить по всем сухим землям, кроме царского оройхона, и однажды, потратив три часа, без малейших усилий добрался к восточному побережью. Несколько дней назад этот берег был разорён Ёроол-Гуем, и сейчас там не было ни души. Шооран поставил оройхон и засветло вернулся к молодой жене, не возбудив ничьего подозрения. Но уже на следующий день ему пришлось выйти на службу, потому что часть цэрэгов отправилась на восток, прочёсывать мокрые земли.

Жизнь вошла в гладкое русло и покатилась вперёд плавно, быстро и незаметно. Шооран исправно нёс службу и числился на хорошем счету. Разбитые изгои почти не тревожили оройхоны, справляться с ними было нетрудно. Отбыв положенное, Шооран спешил домой, где его ждала Яавдай. Хотя она и превзошла все науки знатных жён, но ничуть не изменилась. Она никогда не начинала разговора сама, ответы её были односложны, лицо оставалось неподвижным. Лишь руки теперь были заняты: непрерывно вывязывали кружево из тонкой соломенной нити. Шооран садился рядом, глядел на тающее в полутьме лицо, рассказывал о себе, о своих странствиях. Рассказывал правду, только правду, почти всю правду. Из-за этого «почти» в рассказах Шоорана появлялись провалы и несоответствия, превращавшие исповедь в подобие сказок Киирмона. Яавдай не замечала несоответствий, а порой словно и вообще ничего не слышала. Лишь однажды, когда Шооран рассказывал о матери, она вдруг сняла ожерелье, долго рассматривала его, перебирая жемчужины, и на лице родилось выражение удивления.

Ко всем странностям Шооран быстро привык и скучал без Яавдай, если по службе приходилось отправляться куда-то на несколько дней.

Минул мягмар. Со дня свадьбы прошел почти год. За год Шооран выстроил два острова. Первый — во время медового месяца, второй — много позже, но точно так же, если не считать, что в этом случае появился сухой участок. Два оройхона за год — очень мало. Такая работа ничуть не напоминала давние планы застроить весь далайн, но теперь Шооран и не стремился к этому. Хотелось просто жить, любить Яавдай и не мучиться ради земель, не приносящих ничего, кроме лишней крови. К тому же на его счету уже девять оройхонов. Не так много было илбэчей, сделавших столько. Не всем же быть ванами.

Самым мощным впечатлением прошедшего года было путешествие на царский оройхон. Хотя настоящим путешествием его было трудно назвать — дорога к царскому оройхону требовала четыре часа хорошего хода. Правда, ступить на царский оройхон без специального разрешения не мог не только простой земледелец, но и цэрэг. Столица охранялась крепко, на каждом пригорке вдоль поребрика стоял дозорный.

На самом оройхоне не было ни единого поля, нигде не

стояло ни одного навеса, под каким прячется от чужих глаз семья земледельца, хлебная трава была выкошена прежде, чем начинала созреть, и по лужайкам, топча свежую зелень, гуляли приближённые вана. Даже старые раскидистые туйваны, которых было на царском оройхоне очень много, казалось, росли не ради плодов, смолы и древесины, а для того, чтобы под ними было удобно прогуливаться.

Весь оройхон был разделён каменными стенками, преграждавшими дорогу непосвящённым. За этими стенами скрывались жёны царственного вана и жили самые близкие родственники. Даже близких родственников у государя насчитывалось многое множество, они населяли царский оройхон, жили по алдан-шаварам других краёв. Ни один из них не делал ничего, но все имели жён, слуг, охрану и требовали сладкой пищи, мягкой одежды и удобного жилья. Теперь Шооран понимал, почему так велики налоги в государстве и куда уходит всё это богатство.

Просто так Шооран не мог бы попасть к жилищу вана, но Моэртал, отправившийся на совет одонтов, включил его в охранную дюжину. Задолго до границ царского оройхона Моэртал покинул носилки и оставил свиту, отправившись дальше пешком в сопровождении только дюжины цэрэгов. Лишь их и пропустили в сады вана. Это действительно были сады. Берега ручьёв превращены в зелёные склоны, с которых неудобно брать воду, но где приятно сидеть, предаваясь созерцанию. Мелкие тэсэги снесены, но не для того, чтобы расчистить место для навесов, а ради увеличения лужаек. Лишь несколько скал, на которых возвышались особо древние и могучие туйваны, оставались нетронуты.

Но более всего поразили Шоорана суурь-тэсэги. Он ожидал увидеть холм, на вершину которого ведут вырубленные в камне ступени. Там на вершине стоит трон вана, откуда он правит страной и вершит суд над преступниками. Каков трон собой и сколько вокруг охраны, Шооран не загадывал, понимая, что всё равно ошибётся. Вход в царский алдан-шавар, конечно, закрыт костяными дверями, лишние выходы заложены камнем, зато в других местах прорублены окна. Как ещё может обустроить алдан-шавар человеческая рука? Но вместо этого Шооран увидел стену. Казалось, весь суурь-тэсэг был скрыт, и на его месте возникло гигантское строение высотой в три человеческих роста, сложенное из камня, кости и дерева.

Многочисленные окна были застелены прозрачной чешуёй гигантских рыб, а ворота, большие, чем мог ожидать Шооран, украшены дисками с рук чёрного уулгуя, покрытыми тончайшей резьбой. Человека, выдавшего касающуюся облаков стену Тэнгэра, непросто удивить, но сейчас перед ним возвышалось не творение бессмертного старца, а дело рук человеческих. Шооран едва не замер с открытым ртом, что было бы недопустимо для цэрэга.

Внутрь алдан-шавара Шооран, конечно, не попал. Моэртал прошёл туда вдвоём с дюженником, а цэрэги остались снаружи. Но и того, что Шооран увидел, было достаточно. К цэрэгам подошли служители, отвели их на соседний оройхон, накормили горячим мясом, тушённым в вине. Потом позволили вернуться и посмотреть чудеса царской обители.

Все восемь суурь-тэсэгов царского оройхона оказались не похожи на то, что называют этим словом. Семь из них были превращены во дворцы, подобные тому, что так поразил Шоорана. Восьмой внешне напоминал холм, но был гораздо выше и больше любого из суурь-тэсэгов: вероятно, его искусственно достраивали, доставляя камни из других мест. Все неровности на склонах были сглажены, и сами склоны выложены полированной костью, так что подняться на вершину можно было лишь с одной стороны, где уступами шла лестница. Она тоже была из дорогой кости: ступень — из белой, ступень из чёрной. Ступени чёрной кости, издали бросаясь в глаза, казались провалами на светлом теле пирамиды. Именно эта рукотворная гора и была главным царским тэсэгом. На вершине стояли трон вана и алтарь, на котором ван собственноручно приносил жертвы старику Тэнгэру. На лестнице через каждые двенадцать ступеней стояли вооружённые цэрэги, чтобы никакая вонючая тварь не посмела вползти на тэсэг царственного вана, правящего миром с давних пор и до скончания веков.

Зато алдан-шавар был здесь открыт для всех. Не было даже дверей, и расширенный стараниями каменотёсов вход зиял, как огромная распахнутая пасть. Под царским тэсэгом и алтарём Тэнгэра располагался храм Ёроол-Гуя. Внутрь они зашли на следующий день, а сейчас, постояв с задранными головами, воины пошли смотреть невиданно огромного бовэра с седой от старости шерстью и брюхом, обросшим травой.

Ночевали цэрэги на соседнем оройхоне, где содержались

гостиницы для знатных приезжих. Это был не дворец, но и не обычный навес, под каким спят простолюдины. Кожаная крыша была натянута над сложенными из камня стенами, так что при желании можно было воображать себя и в алдан-шаваре, и на улице.

Два дня, проведённые в столице, подействовали на Шоорана так же сильно, как когда-то сухой оройхон и жизнь старика. Второй раз Шооран видел нечто совершенно непохожее на привычное существование, и это удивительное разнообразие мира как бы предсказывало возможность ещё больших чудес. Проходя мимо вздымающихся стен, инкрустированных деревом (вот куда уходили срубленные стволы постаревших туйванов!), Шооран бормотал про себя:

— ...И чем дольше он думал, тем яснее ему становилось, что вечность длится долго, и конца ей не видно...

На второй день появился Моэртал, собрал дюжину и повёл на площадь к царскому тэсэгу. Сияющий ван хотел выступить перед своим народом.

Площадь предусмотрительно не была велика, иначе, чтобы заполнить её, пришлось бы сгонять земледельцев с соседних оройхонов, а так хватило одонтов с их охраной и толпы вышколенных слуг. Собравшиеся долго ждали, такое ожидание являлось неременной частью ритуала, потом на вершине суурь-тэсэга появился ван. Он не поднимался по ступеням, а сразу очутился возле трона, должно быть, наверх вёл ещё один ход, потайной. Повелитель оказался полным мужчиной средних лет. Ничто в его внешности не указывало на богоизбранность, скорее наоборот — чересчур маленькая голова делала его смешным. Хотя, вероятно, так казалось только Шоорану, который, сознавая свою исключительность, умел трезвыми глазами смотреть на кого угодно. Глядя снизу вверх на невыразительное лицо государя, Шооран заметил, что знаменитая корона ванов — широкий обруч с волнистым краем из искрящейся белой кости велик своему владельцу. Шооран вспомнил сказку, рассказанную Чаарлахом, и закаменел лицом, чтобы не выдать себя ухмылкой. Должно быть, сияющий государь подкладывает на затылок полоску войлока, чтобы корона не сползала на нос.

— Мы довольны нашими одонтами, — произнёс ван неожиданно густым голосом, — в государстве царит процветание, земли наши увеличились, враги посрамлены, изгои при-

ведены к покорности. Вместе с тем бунтовщик, бежавший на запад, ещё не наказан, хотя приговор вынесен больше года назад. И главное, наши цэрэги проявляют мало рвения в поимке илбэча. Мы горько сожалеем, что драгоценный дар нашего предка достался безумцу, не понимающему своего долга. Бесценное сокровище Вана должно служить его потомкам. Мы объявляем, что цэрэг, доставивший нам илбэча живым и невредимым, будет немедленно назначен дюженником, а дюженник — одонтом в новых провинциях, которые украсят нашу страну. Ступайте и разнесите наше повеление по всем оройхонам. Да сбудется воля мудрого Тэнгэра и слово могучего Ёроол-Гуя, из чьей вечной войны родилась вселенная!

Ван повернулся к жертвеннику, взмахнул руками. Полыхнуло яркое пламя, а когда способность видеть вернулась ослеплённым глазам, на царском тэсэге уже никого не было.

После аудиенции цэрэги отправились в нижний храм. По знаку Моэртала внесли тюки с дарами, предназначенными Ёроол-Гую, передали их одетым в жанчи и буйи служителям храма. Те приняли тюки и унесли их, даже не подходя к алтарю. Шооран подумал, что это правильно: если хочешь принести жертву самому Ёроол-Гую, то не стоит делать это так далеко от далайна. Тихие жрецы, мягко ступая кожаными буйями, подошли к Моэрталу, взяли его под руки, увели во внутренние покои. Охрана осталась стоять в храме.

Внутри храм был огромен. Каменный свод вздымался так высоко, что его было невозможно достать даже длинной пикой, с какой ходят на гвааранза. В длину центральный зал насчитывал две дюжины шагов и почти столько же в ширину. Казалось невероятным, что хрупкий камень выдерживает вес купола над столь обширным пространством.

Шооран стоял, подавленный величием грандиозного сооружения. Потом он увидел Ёроол-Гуя. Бог глубин возник из неровностей каменных стен, извивающиеся пилястры встроенных колонн сплетались, словно бесконечные шупальца, внутренние входы, украшенные зубами водяных гадов, превратились в распахнутые пасти. Человек, вошедший в храм, оказывался в объятиях Ёроол-Гуя. Бессчётные руки тянулись со всех сторон, даже пол бугрился узлами рук, и было уже не уйти. Ты был ещё жив, но мёртв, ещё мог двигаться, но уже был схвачен.

Тускло блестели по сторонам алтаря панцири гвааранзов,

опасно взъерошивалась чешуя пархов, собранных целиком до последнего сочленения, — Шооран не замечал их. Он заворожено смотрел вверх, где на скате стены, плавно переходящей в купол, светлело жёлтой костью круглое пятно с чёрной деревяшкой зрачка. Глаз был не сразу виден, но его взгляд преследовал, завораживал, подчинял. Шооран чувствовал себя маленьким, готовым покорно шагнуть в раскрытую для него пасть. И рядом не было скептика Хулгала, чтобы разрушить злые чары. Пахло нойтом и смолистыми курениями.

«Я не боюсь тебя, — хотел сказать Шооран. — Ты должен бояться меня, потому что я — илбэч...»

Губы не разомкнулись, сдавленное горло не издало звука. Только это и спасло Шоорана. В следующее мгновение колдовство схлынуло. Магические слова: «Я — илбэч», — вернули силы. Многорукий бог продолжал смотреть, но он уже был не страшен. Шооран глубоко вздохнул, опустил голову, огляделся. Потерянные цэрэги жалкой кучкой стояли под давящим сводом, лица были отрешены, лишь Турчин, которого не могли пронять никакие камни и ничьи взгляды, продолжал озираться по сторонам с видом скучающего зеваки. Заметив, что Шооран повернулся к нему, Турчин подмигнул заговорщицки и прошептал:

— Ну ты даёшь! Замер, словно спишь стоя. Струхнул, да?

— Я не боялся его живого, — сказал Шооран, — не испугаюсь и каменного.

— Кого? — не понял Турчин. — Гвааранза? Так он не каменный, это такая чучела.

Шооран улыбнулся. Его трезвомыслящий напарник ничего не заметил, он видел лишь неровный камень.

Из бокового притвора вышел Моэртал, направился к выходу. Цэрэги цепочкой потянулись за ним. Через час они покинули царский оройхон, а к вечеру были дома. То, что иной, непохожий мир находится так близко, удивило Шоорана сильнее всего. Куда проще было бы принять всё, если бы в обитель вана можно было попасть, лишь преодолев множество препятствий и пройдя дюжину дюжин оройхонов.

Царский оройхон, сочетание великого с ничтожным, густо замешенное на несправедливости, долго не давал Шоорану покоя. Мир представлялся теперь тёмным помещением, со всех сторон оплетённым щупальцами невероятного Ёроол-Гуя. Можно было бежать в любую сторону, ты всё равно шёл

в его руки. Шооран метался, не находя покоя, он понимал: надо что-то делать, но что именно — не знал. Он мог лишь одно — строить оройхоны, много оройхонов: мокрых и сухих, но в душе вновь, уже не со слов мамы или старика, а на основе собственного опыта, родился вопрос: зачем и для кого нужно строить эти острова? Ответа не было, и ни Явдай, ни Киирмон — единственные люди, кому Шооран пытался обидьяками поведать о своих мучениях, ничуть ему не помогли. Явдай, как обычно, отмалчивалась, а Киирмон, выслушав бессвязные речи Шоорана, заметил:

— Обычно молодые люди, женившись, перестают тревожиться вопросами о смысле жизни. У тебя такая миленькая жена, неужели у вас что-то неладно?

— У нас всё хорошо, — сказал Шооран, и хотя слова его не были ложью, но не были и правдой. В жизни действительно всё было хорошо и в то же время что-то неладно. Что именно — Шооран никак не мог понять, но с тех пор, как он вернулся с царского оройхона, его не покидало ощущение тревоги.

Одонт выделил женившемуся цэрэгу две комнаты в алдан-шаваре: одну большую и светлую, другую поменьше, без окон. Вернувшись после трёхдневного отсутствия, Шооран вошёл в маленькую комнату, хотел привычно, на ощупь поставить в угол копьё, но замер, услышав, как в соседней комнате поёт Явдай. Она пела печальную песню, тихую и бесконечно повторяющуюся, какую удобно петь, если тебе скучно и рукоделье не мешает мыслям.

Мой милый ушёл на охоту,
По далёким ушёл оройхоном
И оставил меня одну.
Тукка, колючая тукка,
Отнеси ему сочную чавгу,
Передай привет от меня.

Отвечает колючая тукка:
Ты скорее скажи, где твой милый,
По каким оройхоном он бродит,
Чтобы я туда не ходила,
Чтобы он не поймал меня.

Мой милый ушёл на охоту,
По далёким ушёл оройхоном
И оставил меня одну.
Парх с большими усами,
Отнеси ему сочную чавгу,
Передай привет от меня.

Отвечает мне парх усатый:
Ты скорее скажи, где твой милый,
По каким оройхонам он бродит,
Чтобы я ему не достался,
Чтобы он не поймал меня...

Шооран шагнул вперёд, копыё стукнуло о стену. Явдай вздрогнула, словно её застали за предосудительным.

— Это я, — сказал Шооран. — Вернулся. А ты хорошо поёшь. Пой ещё.

Явдай опустила обратно на сиденье и послушно запела заключительные строфы бесконечно длинной песни:

Мой милый ушёл на охоту,
По далёким ушёл оройхонам
И оставил меня одну.
Вы скажите, звери шавара,
Кто снесёт ему сочную чавгу,
Передаст привет от меня?

Лопнула гладь далайна,
Появился бог многорукый,
Сжал меня крепко-крепко,
Крепче, чем милый может.
Ты скорее скажи, где твой милый,
По каким оройхонам он бродит?
Я возьму его той же рукою,
Я пожру его той же пастью,
Передам привет от тебя.

Встреча получилась не слишком радостной. Хотя какой она ещё могла быть? Ведь Шооран представлял улыбку Явдай только в разлуке, на самом деле он не видал её ни прежде, ни сейчас. Но не всем же лыбиться, словно младенец на облака. И можно ли это считать чем-то неладным? Каждый получает от жизни меньше, чем ему хотелось бы.

* * *

Несомненно, сияющий ван произнёс замечательную речь с вершины царского тэсэга, но всё же в ней оказалась одна неправда. Увы, и царям порой свойственно принимать желаемое за уже состоявшееся. Несмотря на самодержавное удовлетворение, изгои на границах государства не были усмирены. Конечно, во владениях Моэртала их осталось меньше, но в прочих прибрежных провинциях изгои представляли такую силу, что уже выходили на сухое среди бела дня. Число их не

уменьшалось, напротив, известия о новых землях будоражили народ, поднимая на поиски лучшей доли. Но лучшей доли не было, три высохших оройхона не могли изменить положение в стране, и большинство сорвавшихся с места людей бедовали на мокром, не зная, где приткнуться. Если бы не Ёроол-Гуй, они составили бы государству угрозу куда большую, чем ничтожный мятеж Хооргона. Поэтому совет одонтов вновь и вновь откладывал поход на запад и одну за другой снаряжал экспедиции против собственных непокорных граждан.

Первое время Шооран не попадал в состав карательных отрядов. Как особо доверенный воин, доказавший в сражении свою храбрость, он был приставлен к ухэрам, которые участвовали лишь в больших операциях, а во время обычных облав оставались на сухом. Такое положение как нельзя лучше устраивало его. Шооран ничуть не обманывался в отношении изгоев, он знал, что большинство среди них — обычные грабители, потерявшие остатки души, спокойно убивающие и так же между делом умирающие. Живя на мокром, трудно ценить жизнь. Во время первой стычки с вольницей изгоев Шооран бил жестоко и раскаиваться в том не собирался. Но, став цэрэгом, Шооран резко переменялся. Теперь, когда на его стороне был явный перевес в силе и признанное право убивать, Шооран думал об изгоях лишь как о людях, загнанных жизнью туда, где жить нельзя.

Шооран стоял возле своего ухэра, облокотившись о ствол орудия. Тёмно-коричневый, всегда прохладный хитин, из которого был сварен ухэр, гладко бугрился под рукой, казалось, будто присмиревший, затаивший непокорство зверь замер рядом с ним. Ухэр был старый, из него уже не раз стреляли, один край расширяющегося дула был обломан, проклеенные трещины образовывали на стволе причудливый узор. Ухэр был заряжен, как и положено на границе, хотя стрелять Шооран не имел права. Век ухэра недолог — две, от силы три дюжины выстрелов, затем хитин начинает крошиться, и уже никакой ремонт не возвращает ему прочности. Впрочем, считалось, что Шооран и не может выстрелить, ведь для выстрела нужно два кремня, а Шооран выслужил пока лишь кремнёвый наконечник на копье. О том, что у него есть два собственных кремня, Шооран помалкивал.

Оройхон перед ним был непривычно пуст. Обычно здесь .

возились сборщики харваха и искатели чавги, а сейчас лишь изломанные заросли хохиура напоминали о людях. Струи густых испарений поднимались над тэсэгами и уплывали в сторону далайна. Это было единственное заметное глазу движение, но Шооран знал, что творится там, скрытое пологими верхушками тэсэгов и покрывалом знобкого тумана. Два часа назад на оройхон ушли дозорные дюжины, теперь они теснили изгоев на ухэры заградительной полосы. Спасибо доброму Тэнгэру, это будет не здесь.

Издавека, едва слышно и совершенно невоинственно доносилось «Га-а!» наступающих дюжин. Иногда Шоорану казалось, что он различает голос Турчина. Вопить Турчин умел на славу.

Через несколько минут Шоорана сменили, к ухэру стал другой цэрэг.

— Далеко не исчезай, — сказал Шоорану скучающий дюженник. — Там всё-таки облава.

Но и в тоне командира, и в слове «всё-таки», и, главное, в том, что при оружии оставался всего один цэрэг, сквозило убеждение, что ничего не случится. Даже если изгоям удастся вырваться из мешка, толпой они не пойдут и на ухэр лезть не станут, а просочатся поодиночке. Это в начале облавы было неясно, куда повернёт охота, а сейчас можно отдыхать. Шооран скучающей походкой двинулся вдоль поребрика к далайну. Поднялся на заросшую криво растущим хохиуром верхушку суурь-тэсэга, огляделся. Тлевшая в душе мысль, что ему удастся незаметно выйти к далайну, погасла. Он увидел стоящий неподалёку татац и дальше фигуры цэрэгов из вспомогательных дюжин. Оройхон был окружён на совесть. Шооран вздохнул, потом устроился на плоском камне и стал смотреть на серую полосу далайна, хорошо различимую отсюда. Недаром же суурь-тэсэг — место, откуда далеко видно.

«Интересно, — подумал Шооран, — можно ли достать далайн отсюда? Я ведь его вижу...»

Шооран напрягся и несколько минут пытался не просто увидеть, а почувствовать далайн, но на таком расстоянии тот казался непроницаемым, отклика не было. Скоро Шооран сдался и, не думая больше ни о чём, лениво принялся следить за движением медлительных бугров влаги. Вот один из них, особенно крупный, выделяющийся среди остальных словно суурь-тэсэг на равнине, изменил движение и направился пря-

миком к берегу. Густая влага, отблескивая в свете серебристых дневных облаков, стекала по его склонам, но в центре словно бил фонтан, так что бугор не опускался, а, напротив, становился всё выше, затем вершина взвихрилась пеной, оттуда вырвались столбы бесчисленных рук, и огромное тело могучим рывком выметнулось на сушу. И лишь потом, с огромным запозданием по ушам ударил сочный шлепок. Знакомый и страшный звук привёл Шоорана в чувство. И хотя Шооран видел, что Ёроол-Гуй выходит на соседний оройхон, но остаться на месте не смог и побегал.

Единым духом он домчал к сухому краю. Здесь уже толпились цэрэги охранения. Шооран оглядел бледные лица и, не сказав никому ни слова, пошёл назад вдоль поребрика, за которыми, извиваясь, танцевали руки Ёроол-Гуя.

Злобный бог вынырнул совсем рядом с поребриком, тело его вздымалось холмами и, казалось, нависало над головой. Ёроол-Гуй был повсюду, он неизбежно должен был не перейти, а попросту упасть на соседний оройхон, но всё же этого не происходило, граница, означенная тонкой чертой, не пускала его. И внезапно успокоившийся Шооран подумал, что мастер, построивший на царском оройхоне храм, должно быть, когда-то так же стоял перед немощным богом, представляя, что могло бы случиться, не будь положена граница всякой силе.

Словно для того, чтобы довершить сходство с храмом, Ёроол-Гуй выкатил из середины тела один из основных глаз. Но теперь его гипнотическая сила была не страшна Шоорану. Молодой илбэч недобро усмехнулся, шагнул вперёд.

— Узнал? — спросил он. — Да, это я, и ты ничего не сможешь со мной сделать.

Где-то в глубине души Шооран надеялся, что Ёроол-Гуй ответит ему, заговорит, как, согласно легенде, он говорил с Ваном, но бог молчал, и в вытаращенном глазу было не больше разума, чем у бовэра. А Шооран вдруг зримо представил, что происходит сейчас на другом конце захваченного оройхона. Запертая, отрезанная чудовищем толпа мечется из стороны в сторону, ища спасения, которого не будет. Тонкие, на пределе возможного руки на ощупь вылавливают живых, тащат, не разбирая, кто попался им — бандиты, цэрэги или просто случайно оказавшиеся в ловушке люди. Сколько-то

времени они смогут избежать слепых рук, но рано или поздно все — и убийцы, и жертвы — погибнут.

Оскалившись, Шооран подбежал к ухэру. Распахнутый воронкой ствол смотрел ровно в немигающий глаз Ёроол-Гуя. Шооран извлёк из-за пазухи кремни и высек искру. Две или даже три секунды ничего не происходило — огонь пробирался по узкому запальному отверстию. Потом грохнуло. Из ствола и запальника выметнуло пламя. Ухэр подскочил и накренился вместе с массивной станиной, на которой был укреплён. Шооран судорожно сглотнул, прочищая заложенные уши. И лишь Ёроол-Гуй, казалось, не заметил ничего. Каменная картечь истерзала его плоть, разорванный глаз разлетелся в клочья, заляпав всё вокруг грязной зеленью, но даже такая страшная рана ничего не значила для гиганта. Края раны сомкнулись, не оставив следа, и лишь лужи смешанной с ной-том ядовитой крови доказывали, что заряд попал в цель.

Шооран стоял, бессильно опустив руки.

— Проклятый, — шептал он, — проклятый убийца...

Ёроол-Гуй молчал, ничего не менялось в студенистом, зеленовато-прозрачном теле, в мощных узлах громоздящихся вдоль поребрика рук. Но, видно, и он почувствовал удар, потому что замершие было руки разом дёрнулись и повлекли Ёроол-Гуя к ждущему, неправдоподобно тихому далайну. Шооран рассмеялся и погрозил ненавистному богу кулаком.

Когда через несколько минут цэрэги появились на позиции, они увидели, что Шооран с копьём в руках сидит на поваленном ухэре и смотрит на пустой оройхон, где только что бушевала смерть.

— Ты что наделал, дурень! — завопил дюженник, увидав разгром.

— Я выбил ему глаз, — сказал Шооран.

— Дубина! Бовэр безмозглый! Из какой лужи ты выполз на мою погибель?! — Артиллерист не мог успокоиться. — Это надо же придумать — палить по Ёроол-Гую! Чтоб тебе вовек не просохнуть! Мне плевать, куда ты там попал — в глаз или в нос, всё равно новый вырастет. А харвах ты спалил и оружие испортил. И вообще, как ты сумел выстрелить?

— Вот, — сказал Шооран, поднимая брошенное в панике копьё с мелко околотым кремнёвым наконечником.

Дюженник раскрыл рот, но подавился, проглотив готовую вылететь фразу. Копьё было его собственное.

— Ладно, — сказал он, выдохнув воздух, — разберёмся. — И, забрав копьё, пошёл собирать солдат, чтобы поставить ухэр на прежнее место.

На этот раз доклад дюженника выставлял Шоорана в самом неблагоприятном свете, так что взыскание оказалось тяжёлым. Во владениях благородного Моэртала не было огненных земель, и весь харвах до последней порошины приходилось получать из казны или покупать втридорога за свои средства. Тем более это касалось ухэра — своими силами починить изработавшееся орудие было невозможно. Неудивительно, что одонт разгневался, и Шоорану не помогло даже заступничество пятерых цэрэгов, которые благодаря неожиданному выстрелу сумели ускользнуть от рук Ёроол-Гуя. А может быть, наместник был раздосадован, что лишь пять человек остались от четырёх лучших дюжин, и сорвал досаду на не вовремя подвернувшемся Шооране. Кто знает? Мысль благородного глубока, как далайн, и извилиста, как путь жирха. Сначала гневный Моэртал грозился вовсе выгнать провинившегося на мокрое, но потом остыл и, лишив Шоорана копьё, назначил на позорную должность тюремщика.

— Ничего, — утешал Шоорана приятель Турчин, — послужишься. Обученных воинов мало осталось. Всех Ёроол-Гуй пожрал. Ты бы видел, что там было! Всюду руки ползают, тонкие, без глаз... хватают всех, не разбирая... Ка-ак я прыгал!.. Не, жаль, тебя там не было!

Шооран не был особо огорчён опалой. Теперь он мог больше времени проводить дома, не оставляя Яавдай одну на целые недели. Сейчас ему хотелось быть рядом с Яавдай сильнее, чем когда бы то ни было.

За последние полгода Шооран не построил ни одного оройхона и вообще не часто вспоминал о своём предназначении. Зато о проклятии он помнил постоянно. Один раз ему уже удалось обмануть судьбу: у него есть семья — Яавдай, которую он любит больше всего на свете. Станным образом Шооран не мог произнести слово «люблю», оно застревало в горле, и губы становились непослушными. Невозможным представлялось выговорить его под внимательным, словно изучающим взглядом Яавдай. Шоорану казалось, что любое признание прозвучало бы фальшиво, и он впервые назвал Яавдай любимой чуть не через месяц после свадьбы. Но тем сильнее он чувствовал, как необходима ему Яавдай. На ней

сосредоточилась вся жизнь, и одна мысль, что пророчество Ёроол-Гуя может исполниться, бросала Шоорана в холод. Зная историю безумного илбэча, Шооран понимал, что женьиба — это ещё не вся жизнь. Беды Энжина начались, когда у Атай должен был появиться ребёнок. Помня об этом, Шооран внимательно присматривался к Явдай. Казалось, если он вовремя заметит признаки будущего материнства, то сумеет уберечь жену и ребёнка от всякой беды и с той минуты всё всегда будет хорошо. Жаль, что ранние признаки, о которых понаслышке знал Шооран, были смутными и неопределёнными, и Шооран напрасно мучился, гадая и не решаясь напрямую спросить свою подругу, не беременна ли она. А Явдай по-прежнему смотрела в глубь себя и никогда не начинала разговор первой.

Служба при тюрьме была скучной и необременительной. Повелитель понимал, что узников необходимо кормить, а это лишний расход, поэтому тюрьма обычно была пустой. Лишь после облав обе камеры оказывались набиты изгоями и земледельцами, вздумавшими в недобрый час пожить вольно растущей чавгой или подработать на харвахе. Их в течение дня или двух уводили на допрос, а затем отпускали, пригрозив, или отправляли на каторжные работы. Кое-кто попадал в шавар. Но даже в этом случае одонт не утруждал себя излишним судопроизводством. Чаще всего обе камеры стояли пустыми, и второй тюремщик — одряхлевший на службе инвалид, спал в одной из этих камер, поставив в изголовье ненужную ему костяную пику.

Но однажды, спустившись в нижний ярус алдан-шавара, Шооран увидел, что напарник не только не спит, но стоит на часах возле одной из камер, браво выпятив грудь, на которой — невиданное дело! — красуется панцирь.

— Что случилось? — спросил Шооран, подходя.

— Тс-с!.. — громко прошептал стражник и, припав к уху Шоорана, сообщил: — Там илбэч. Поймали-таки. Только это тайна, никто не должен знать. Уже послали к одонту, он сам сюда придёт. Вот какая тайна.

Шооран глянул в заложенный чешуёй глазок. В скупо освещённой камере, свернувшись на нарах, лежал Чаарлах. На полу рядом с лежанкой стояли миска каши и чаша с водой, чего никогда не бывало прежде. Но было видно, что узник не притронулся ни к тому, ни к другому.

«Замучают старика», — обречённо подумал Шооран.

От входа послышались быстрые шаги, оба караульщика вытянулись и замерли. К ним шёл одонт Моэртал. Он был один, без свиты и без богатого облачения: верно, услышав новость, поспешил к тюрьме в чём был.

— Ну, жив он? — спросил Моэртал издали.

— Вроде жив, — ответил старый тюремщик. — Дышит.

Моэртал перевёл дыхание, успокаиваясь, разглядел на груди тонкотканый цамц и молча дал знак открывать камеру. Тяжёлая дверь отъехала в сторону, одонт вошёл. Шооран, взяв факел, шагнул следом.

Пленник сел, слепо шурясь на пламя. Целую минуту одонт и сказочник молча изучали друг друга. Потом Чаарлах насмешливо сказал:

— Трудная задача, не правда ли? Ты так долго искал меня, а теперь наконец задумался: зачем? Разве я не прав?

Моэртал никак не отреагировал на обращённые к нему слова. Он продолжал стоять, рассматривая сидящего старика, словно так и должно быть, что благородный одонт стоит, а нищий старик сидит перед ним. Затем Моэртал начал говорить сам:

— Ты знаешь, что болтают о тебе. Я не знаю, что здесь правда, но мне надо, чтобы оройхоны появлялись там, где укажу я.

— Не так трудно угадать это место, — заметил Чаарлах. — Одним ударом — два сухих оройхона, а от земли ночных пархов остаются лишь скорлупки. Но ведь они тоже люди и не многим хуже твоих цэрэгов. Поверь, я знаю, что говорю.

Чаарлах признавался в знакомстве с бандитами так, словно не подозревал, что за одно это ему грозит шавар.

— Если они поклянутся исполнять законы, — произнёс Моэртал, — я поселю их на новых землях. А лучших — возьму на службу.

— Я вижу — разговор пошёл всерьёз! — воскликнул сказитель. — Никогда прежде я не чувствовал себя таким важным господином. Впору раздуться толще авхая. Увы, есть ещё одно препятствие. Сядь, блистающий одонт, я расскажу тебе сказку. Тебе, должно быть, давно не рассказывали сказок, просто так — бескорыстно.

Моэртал не двинулся с места, но и не перебил старика, и Чаарлах, привычно изменив голос, начал рассказывать:

В недавнее время жил на оройхонах один человек. Звали его Ёсаар. Однажды он встретил тукку и захотел её поймать. Ёсаар побежал за туккой, но она оказалась проворней охотника и ушла в шавар. Ёсаар очень рассердился и закричал:

— Вылезай, колючая дрянь!

Но тукка не вылезла и даже не слышала слов, потому что была далеко. Ёсаар заглянул в шавар, и храбрость его, словно потревоженная тайза, сжалась в комок. Но жадность продолжала кусать душу, и тогда Ёсаар сказал:

— Запомни, колючка, я буду стоять здесь день и ночь, но дождусь, пока ты вылезешь!

Ах как жаль, что тукка уже выбралась через другую дыру и не слышала этих клятвенных слов! Иначе она поняла бы, что спасения нет, и сразу сдалась бы охотнику. А так Ёсаар стоял у шавара день и ночь, а тукка всё не приходила. Между тем наступил мягмар, и в шаваре кто-то зашевелился.

— Ага! — сказал Ёсаар. — Проголодалась! Сейчас я тебя схвачу.

Но вместо тукки из дыры вылез гвааранз и схватил самого охотника. Увидав, как повернулось дело, Ёсаар воскликнул:

— Госпожа тукка, неужто это вы? Заметьте — вы выросли такой огромной, потому что я день и ночь охранял ваш покой. Ведь вы позволите вашему ничтожному слуге идти домой? Или вы хотите, чтобы я ещё послужил вам?

Уж и не знаю, что ответил гвааранз, но домой храбрый Ёсаар всё ещё не вернулся. Надо полагать — занят по службе.

Чаарлах замолк и выжидающе посмотрел на Моэртала. Тот привычно помолчал и затем произнёс:

— Значит, по-твоему, не я, а меня схватили.

— Что вы, блистающий одонт! — запротестовал старик. — Я в этой истории тукка. Моё дело — быть съеденным, коли не сумел унести ноги. А кто тут гвааранз — это вам судить.

— Разберёмся, — пообещал наместник. — Но и ты думай. Даже если ты не тот, за кого тебя принимают, всё равно ты знаешь больше, чем говоришь.

Моэртал повернулся к Шоорану и резко спросил:

— Кто такой Ёсаар? Я где-то слышал это имя.

— Это мой напарник, — ответил Шооран, тоже удивлён-

ный, откуда сказитель знает имя тюремщика. — Он стоит за дверью.

— Сменить, — приказал одонт, — и доставить ко мне. С ним тоже не всё ясно.

— Трудно разбирать след жирха, — посочувствовал пленник.

Моэртал, не ответив, вышел. Шооран вышел следом и наложил на дверь засов. Перепуганный Ёсаар, оставив пику, засеменил следом за наместником. Шооран остался на посту. Два часа он отстоял неподвижно, навтыяжку, словно перед взором сияющего вана. Ни разу даже не отодвинул пластину, прикрывающую окошечко, — боялся встретить понимающий взгляд Чаарлаха. Через два часа пришёл смертельно недвольный назначением Турчин и сменил Шоорана. Теперь впереди было два часа, которые надо использовать с наибольшей пользой.

Шооран поспешил к дому.

Явдай, как всегда, возилась по хозяйству, в комнате прямо пахло вымоченным в вине мясом.

— Обед ещё не готов, — виновато произнесла Явдай.

Шооран подошёл ближе. Он как-то вдруг ясно увидел то, что старался рассмотреть все эти недели, — у Явдай будет ребёнок. Но именно в эту минуту долгожданное открытие не радовало.

— Нам надо уходить, — произнёс Шооран.

Явдай ничего не ответила, лишь кивнула послушно.

— Ты, наверное, не поняла, — сказал Шооран. — Я совершил... точнее, совершу, но можно считать, уже совершил такое... короче, меня объявят преступником. Нам надо бежать отсюда. За своих не бойся, Явда! уже большой. Мне сейчас надо идти, а ты собери самое нужное и жди меня через час на мокром оройхоне у второго суурь-тэсэга.

— Я поняла, — тихо сказала Явдай.

Шооран подошёл ближе, коснулся ладонями её волос.

— Прости меня, — попросил он. — Я понимаю, что это не вовремя, но беда никогда не приходит вовремя.

— Ничего, — сказала Явдай. — Это даже к лучшему.

Шооран вернулся в темницу, сменил злого на весь свет Турчина. С трудом дождавшись, когда тот уйдёт, открыл дверь камеры. Казалось, Чаарлах спал, но, едва дверь скрипнула, он сел, без малейшего удивления глядя на Шоорана.

— Вот, — Шооран протянул старый плащ Ёсаара и его пику. — Я выведу тебя отсюда.

Чаарлах накинул на плечи плащ, ловко, словно ничего другого и не носил, надвинул на брови глубокий шлем, принял пику. Уходя, Шооран аккуратно притворил дверь. Возле выхода из алдан-шавара тоже стоял цэрэг. Он лениво скользнул взглядом по знакомым фигурам.

— Что, тюремщики, взгрел вас одонт?

— Как на аваре, — проскрипел Чаарлах.

Беглецы неспешно прошли мимо охраны и, всё ускоряя шаг, направились к недалёкому мокрому оройхону. Возле второго суурь-тэсэга никого не было. Может быть, они пришли слишком рано? Шооран глянул на начинающие розоветь облака. Нет, прошло уже больше часа.

— Отец, — сказал Шооран, — обожди меня немного, мне надо встретить ещё одного человека.

Чаарлах, подстелив полу плаща, уселся на ноздреватый валун.

— Стоит ли тревожиться из-за меня? — спросил он. — Беги по своим делам, а я пойду потихоньку. Спасибо тебе, но ты зря так много беспокоишься из-за полоумного сказочника. Признаюсь — я не илбэч. И я ничего не знаю об илбэче. Тогда вечером, поняв, что происходит, я нарочно закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Ведь я болтун, и мне лучше не знать чужих тайн. Так что ты зря вытаскивал меня из этого пересохшего шавара.

— Мне нет дела до илбэча, — сказал Шооран. — Я выручал сказителя.

— Я тоже. Если бы вместо тебя пришёл кто-то другой, я бы остался в подземелье. Одонт скоро понял бы, что изловил не того, и выгнал бы меня в шею. Но с тобой я ушёл, потому что тебе не надо быть цэрэгом. У тебя не те поступки, не те слова, не те глаза. Ты умеешь думать, а это вредно для цэрэга. Я видел — ты храбр, а такие долго не живут. И даже выжив, кем бы ты стал? Посмотри на Киирмона: его единственная радость — чаша с вином, в которой он старается утопить себя самого...

— Отец, — взмолился Шооран. — Я вернусь через пару минут. Только встречу Явдай...

— Конечно, беги, — воскликнул Чаарлах. — Я старик, я могу и подождать...

— Я бегом! — крикнул Шооран, исчезая за тэсэгами.

С минуту Чаарлах послушно сидел на камне, потом сказал самому себе:

— Пожалуй, пойду. Они молодые, а я буду помехой и обузой. Ничего, Явдай утешит мальчика.

Старик поднялся, осторожно прислонил к скале ненужную пику и, не торопясь, зашагал без особой цели, привычно веря, что ноги сами выведут его туда, где ему в обмен на историю дадут чавги и старую кожу, чтобы устроить постель.

Шооран выбежал к сухой земле и здесь остановился. Дальше идти было опасно: если побег уже обнаружен, то его непременно схватят или, во всяком случае, укажут погоне, куда он ушёл. Шооран беспомощно оглядел покрытые недельными всходами поля. Смешно надеяться встретить здесь идущую навстречу Явдай. Что могло её задержать? Неужели её схватили?.. Или она перепутала что-нибудь и пошла на другой оройхон? Шооран вспомнил ночной рассказ старого илбэча, и в груди стало тяжело и холодно, словно скверная тварь вынырнула из далайна и легла на сердце.

Людей на полях было не так много, до нового урожая ещё четыре недели, и земледельцы сидят в палатках, теребят солому, правят инструмент. И всё же пройти незамеченным не удастся. Разве что послать кого-нибудь из местной детворы узнать, что там приключилось... Шооран напрягся: он увидел идущего по тропе Киирмона. Тот был ещё далеко, но направлялся напрямик к месту, где прятался Шооран. Шооран приготовился на случай, если рассказчик свернёт на боковую тропу, позвать его, но Киирмон миновал развилку и шёл теперь вдоль мокрого оройхона. Шооран слышал, как он напекает под нос:

Для того и есть на свете дура,
Чтобы кашу есть из хохиура...

— Эгей! — тихонько позвал Шооран.

— Вот ты где, — обрадовался Киирмон, — а Явдай сказала, что ты у второго тэсэга.

— Где она? — задыхаясь, спросил Шооран.

— Там... — Киирмон неопределённо махнул рукой. — Я её на соседнем оройхоне встретил. Она с узелочком шла, должно быть, к кому-то из подруг, рукодельничать. Тебе просила передать, что пойдёт в другую сторону, в страну добрых бра-

тьев. Я не знаю, что за игру вы затеяли, но передаю всё дословно. И знаешь, эта игра пошла твоей жене на пользу. Не в обиду будет сказано, но она у тебя какая-то неживая, а сейчас разругалась и даже улыбнулась мне на прощание. Прощай, говорит, ухожу в страну добрых братьев.

— Вот как... — произнёс Шооран. — Значит, так... Ясно...

Где-то у алдан-шавара взвизгнула сигнальная раковина и часто заколотили по костяной доске.

— Тревога! — воскликнул Киирмон. — Общий сбор. Пошли.

— Это меня ищут, — сказал Шооран. — Я теперь преступник. А Явдай действительно ушла к добрым братьям. Не захотела бежать вместе со мной.

— Бла-агостный Ёроол-Гуй! — потрясённо протянул Киирмон. — Ты уходишь? А я-то здесь на кого остаюсь? Ведь ни одного лица во всей провинции — только хари да морды. Вот что — я пойду вместе с тобой.

— Ну куда ты пойдёшь? — сказал Шооран. — Жить на мокром, скрываться, есть чавгу.

— Да, пожалуй, я отвык от всего этого, — согласился Киирмон. — Пойду лучше напьюсь. А тебе — удачи.

Распрощавшись с Киирмоном, Шооран бегом кинулся к суурь-тэсэгу. Он думал об одном: Чаарлах поможет, даст совет, подскажет, что надо делать. Но на стоянке никого не было, лишь белела оставленная пика. Шооран долго и бессмысленно смотрел на неё, потом пошёл, глядя прямо перед собой, шатаясь и скользя на покрытых нойтом камнях.

* * *

Давно было, дольше, чем один человек помнить может, но все вместе — помнят. В ту пору великий илбэч Ван, устав от тайных трудов, вернулся на родной оройхон. Уже много лет тот оройхон не был мокрым: повсюду росла хлебная трава, в ручьях плескались сытые бовэры, а люди жили счастливо, потому что во времена Вана земли хватало всем и люди выходили на мокрое лишь в дни мягмара.

Илбэч сел под деревом, стал смотреть на свою землю и не мог насмотреться. Так он смотрел и вдруг услышал голос:

— Здравствуй, Ван! Где ты был столько времени?

Ван обернулся и увидел девушку. Её звали Туйгай. Когда Ван

уходил строить земли, она была ребёнком, а теперь Ван понял, что она выросла и стала красавицей. Чтобы встретить такую красоту, и в прежние времена надо было прожить дюжину жизней, что уж говорить о наших днях... — не с чем сравнить красавицу Туйгай.

Илбэч и красавица взглянули друг на друга и полюбили друг друга любовью, какой не бывало прежде и не будет уже никогда. Они взялись за руки и сказали о своей любви, прочной, как алдан-тэсэг, и долгой, как вечность. Но Туйгай не знала, что её возлюбленный — илбэч, а Ван не стал говорить ей это, помня о проклятии Ёроол-Гуя.

Ван и Туйгай поставили палатку под деревом, у которого они встретились, и поселились в ней, словно простые земледельцы. Илбэч косил хлебную траву и обивал зерно, а вечером шёл домой, где ждала его красавица жена. Они были счастливы, и жизнь шла не по слову Ёроол-Гуя.

Но однажды Ван сказал:

— Завтра я уйду, и меня не будет три дня и три ночи, потому что у меня есть иные дела на далёких оройхонах.

И Туйгай, как и положено хорошей жене, ни о чём не спросила и сказала, что будет ждать.

Ван ушёл строить землю и не знал, что в этот самый час старик Тэнгэр покинул алдан-тэсэг, спустился на оройхон и пришёл к его дому. Но Тэнгэр изменил свой облик, и Туйгай тоже не узнала его и решила, что пришёл её отец.

— Что я вижу?! — воскликнул старик Тэнгэр. — Моя дочь спуталась с бродягой Ваном, который и двух ночей не может провести на одном оройхоне! Немедленно брось это гнездо, созданное для изгоев, и вернись домой!

— Нет, отец, — сказала Туйгай. — Я не пойду домой. Я же-на Вана, я обещала быть его радостью и услугой, поэтому я останусь жить с ним, стану рожать ему детей, и Ван будет счастлив со мной.

— Ты не можешь его любить, — удивился Тэнгэр, — потому что страшный Ёроол-Гуй запретил тебе это.

— Что мне за дело до Ёроол-Гуя, плавающего в холодных глубинах? — сказала Туйгай. — Я люблю Вана.

Тогда старик Тэнгэр принял свой истинный вид, голова его поднялась выше дерева, а седые брови грозно нахмурились.

— Узнаёшь ли ты меня? — сказал Тэнгэр. — Я тот, кто устроил мир, оградив его стеной. Я создал далайн и оройхоны,

зверей и людей. Я повелеваю тебе покинуть Вана и не видеть его больше никогда.

— Нет, могучий Тэнгэр, — ответила Туйгай. — Я всё равно буду для Вана радостью и усадой, потому что моя любовь выше алдан-тэсэга. Мой век короток, и я хочу знать, какое дело бес-смертным, размышляющим о своей большой вечности, до моей вечной любви?

— Что ж, женщина! — воскликнул Тэнгэр. — Ты сама этого захотела. Так знай, что твой Ван — илбэч, он проклят Ёроол-Гуем, и теперь, когда тебе стала известна его тайна, он умрёт.

Но Туйгай улыбнулась безмятежно и сказала:

— Я женщина, у меня короткая память и слабый ум. Я не поняла и уже забыла, что ты сказал. Я помню лишь, что люблю моего Вана, а ты не велишь мне этого и пугаешь страшным. Ответь, добрый Тэнгэр, почему ты такой злой? Жестоко разлучать нас из-за прихоти многорукого урода.

— Я не жесток, — сказал Тэнгэр. — Нельзя быть жестоким по отношению к смертному. Смертный умрёт, и моя несправедливость умрёт вместе с ним, словно её и не было. Вечно лишь слово вечного. Вы, люди, жалко передразниваете мой облик, а Многорукий ближе мне по духу, ведь нас всего двое на всю долгую вечность. Пусть сбудется слово Ёроол-Гуя. Ван не будет счастлив в жизни!

С этими словами Тэнгэр ударил Туйгай в грудь. Кровь брызнула от удара и окрасила листья дерева. Красавица пошатнулась, но смогла сказать:

— Я люблю Вана всем сердцем и вечно буду его радостью и усадой.

— У тебя не будет сердца, а Ван не найдёт ни радости, ни улады! — загремел Тэнгэр.

Он схватил Туйгай, вырвал у неё сердце и, не глядя, кинул прочь, а бездыханное тело зашвырнул в далайн на пожранье пучеглазым рыбам. А потом ушёл на свой алдан-тэсэг, но думал в тот день только о сиюминутном.

Когда Ван вернулся, он нигде не нашёл Туйгай. Была лишь пустая палатка да дерево, покрытое радостными красными цветами и зрелыми плодами, похожими на человеческое сердце. В аромате цветов и сладости сока чудилась ему та, которую он не мог отыскать. С тех пор, где бы ни странствовал илбэч, он обязательно возвращался к цветущему дереву, садился под ним, и горе его смягчалось, и в эти минуты слово женщины значило больше, чем слово бога.

«Ухожу к добрым братьям» — эти странные слова были единственным указанием, где искать Явдай.

Шооран ринулся на восток. Земли Моэртала он обошёл по мокрому, а дальше двигался напрямик, и никто не остановил идущего цэрэга. Лишь у самой границы, когда понесло с мёртвых земель кислой гарью, Шоорана окликнули:

— Эгей, куда разогнался?

В первое мгновение Шоорана словно ударила волна испуга — попался, бездарно вляпался в поставленный у границы секрет. Но, увидав благодушные, ничего не подозревающие лица, Шооран понял, что его принимают за гонца, принёсшего какое-то распоряжение. В самом деле, ведь не станут же из-за одного бежавшего цэрэга поднимать шум по всей стране...

— От благородного одонта... Ууртака, — в последнюю секунду Шооран успел назвать имя другого наместника. Совершенно незачем Моэрталу знать, где бродит его дезертир.

— Слушаю посланца блистающего одонта, — произнёс дюженник уставную фразу.

— Я ишу женщину, — сказал Шооран. — Молодая, хорошо одета. Ждёт ребёнка.

— Такие тут не гуляют, — хохотнул один из солдат. — Граница.

Дюженник, бывший, видимо, педантичным служакой, бросил на цэрэга недовольный взгляд и ответил:

— У меня никто не может пройти. Понимать надо: а вдруг илбэч уйдёт — что тогда?

— Спокойней будет, — заученно сказал Шооран. — Устали за ним гоняться по всем оройхонам.

Дюженник хотел осадить молокососа, вздумавшего иметь своё мнение, но вспомнил, что тот ему не подчинён и вообще неясно, из-за чего послан через всю страну, и не стал командирски повышать голос, лишь повторил:

— Здесь никто не пройдёт.

— Это здесь, — уточнил Шооран. — А если ближе к аварам?

— Да там мёртвая земля! — снова встрял молодой цэрэг. Очевидно, он занимал особое положение, был чьим-то сыном или любимчиком и мог не обращать внимания на грозные взгляды мелкого начальства. — Кто же станет лишний

оройхон по мёртвому тащиться? Там только эта дура обиженная шастать может...

— Ка-акая дура?! — зарычал дюженник.

Должно быть, и особое положение было не безграничным, потому что юнец струхнул.

— Ну, эта... — забормотал он. — Вы же знаете... Сумасшедшая. Та, что болтает, будто на западе землю нашла. Она чуть не каждый день на Торговый оройхон бегают. Землю ищет...

— Кре-етин!.. — взвыл дюженник. — Бовэр тупоголовый! Было же сказано: ни-ко-го! А ты пропускал?! Да я тебя своими руками в шавар затолкаю, не посмотрю, кто ты там есть. Взялся служить — служи! Кто тебе позволил пропускать?!

— Она сама! Ей кричишь: стой! — а она хохочет, язык высовывает — и не останавливается. Её только копьём можно остановить, а безумных нельзя убивать, она же к Ёроол-Гую бежит...

— Это ты к Ёроол-Гую бежишь! — прервал дюженник. — Бабы бредни — нельзя безумных трогать. Илбэч тоже безумный, что же — его не ловить? Ой-й!.. — Дюженник схватился за щёку, скривившись от догадки, словно от зубной боли. — Ну, если ты её упустил... Эгей! — заорал он остальным цэрэгам, стоящим у поребрика. — Жугчил — за резервом, остальные — марш на Торговый! Перехватить сумасшедшую бабу и привести.

— Я с ними, — быстро сказал Шооран.

— Ну, нет. — Охранник поднял копье. — Хватит уже, не пропускались. Будешь ждать здесь. А ты, — дюженник кивнул молодому цэрэгу, — пойдёшь. Окажется там эта беременная — доставишь. И чтоб говорил с ней почтительно. Ясно? — Дюженник замолк, потом проворчал, обращаясь не то к самому себе, не то к Шоорану: — Знаю я этих беременных красавиц. Сперва велят за ней гоняться, словно за туккой, а потом она снова в чести, а ты как в нойте выкупан... Бабам губки дайте, чтобы не задохнулись! — заорал он вслед уходящим.

Подошла резервная полудюжина. Командир велел занять позицию, особо сказал про Явдай. Сам остался возле Шоорана, откровенно следя за странным гонцом. Шооран был уже не рад, что затеял это дело. Ясно, что Явдай ему не отдадут, дюженник отправит её к Ууртаку или, что вернее, к своему одонту. Значит, придётся отбивать Явдай по пути.

Время не двигалось. Шооран нервно ходил взад-вперёд, чувствуя, как поворачивается вслед за ним копьё дюженника. Жёлтые утренние облака сменились серебряными, дневными. К цэрэгам подошла смена. Посланные не возвращались.

— Пошли на сухое, всё равно её туда приведут, — предложил дюженник.

Шооран отрицательно покачал головой.

Но вот в клубах дыма показались движущиеся фигуры. Шооран напряг зрение, пересчитал идущих. Пятеро. Четверо — посланные цэрэги, а пятый?.. Группа скрылась за костяным валом и через минуту появилась совсем рядом. Явдай среди идущих не было. Цэрэги вели безумную Нарвай.

Раз в жизни, много лет назад Шооран видел пляшущую маску этого лица и всё же узнал её сразу, хотя женщина-старуха, когда-то так напугавшая его, превратилась с тех пор в настоящую развалину. А ведь ей немногим больше трёх дюжин лет...

Руки сумасшедшей были связаны за спиной, но губку с лица она сумела сбросить и словно не замечала, что вдыхает ядовитый дым.

— Ха! Сколько вас тут! — закричала она издали. — Я знаю, кто вас послал. Скажите ему, что я не пойду за него замуж. Я давно вышла за другого. Мой муженёк — он такой красавчик, у него так много рук... Ха! Вы никогда не догадаетесь, кто он такой. А своему вану передайте, что я плюю на него!

— Что ты там делала? — потребовал ответа дюженник.

— Ходила к своему муженьку, моему дорогому муженьку, жаловаться на злого вана...

— Чавгу она рыла, — сказал один из цэрэгов.

— Там женщина молодая была? — спросил из-за спин Шооран.

— Была! Молодая, раскрасавица, лапушка-умница, моя милочка Нарвай там была!.. Ха! Вы зачем меня сюда притащили? Я скажу своему мужу, он сильный, он вас накажет.

— Нет там никого, — повернулся к Шоорану молодой цэрэг. — Мы всё обшарили. Следов полно, но все нойтом заплыли, не поймёшь — чьи. Если и была какая-то баба, то дальше ушла. А дальше её уже не взять, там старейшины.

— Красотулечка была! Пампушка сладенькая!

— Хватит! — сказал дюженник. — Будет тебе пампушка. Скажи, это правда, что землю на западе ты нашла?

— Чего мне врать-то? Я мимо аваров побежала и нашла. Ха! Я всегда мимо аваров быстро бегаю. Поэтому и нашла. И ещё найду.

— Ты там никого не видела? — допытывался дюженник. — Ну, кто эту землю сделал...

— Как — кто? — удивилась Нарвай. — Я сделала. Быстро-быстро побежала — и сделала.

— Вот как?.. — Побледневший дюженник обвёл собравшихся страшными глазами. — Всем молчать! Убью, кто проболтается. Ты не врёшь? — повернулся он к безумной.

— Не-е!.. — вдохновенно тянула Нарвай. — Я столько земли сделала! Многорукий мне говорит: не делай, а я его обману — и сделаю. Жёны всегда мужей обманывают.

— Всё сходится, — прошептал стоящий рядом с Шоораном цэрэг.

— А сейчас можешь? — спросил дюженник, указывая на исходящий паром далайн. — Прямо здесь оройхон построить? А?..

— Могу! — Описав широкий жест рукой, Нарвай шагнула вперёд и вдруг уселась в нойт. — Это что же выходит? — жалобно сказала она. — Значит, я — илбэч? Значит, я сейчас умру?

— Ну?.. — поторопил дюженник.

— Умру, — утверждающе произнесла сумасшедшая. — Уже умерла. Всё.

Лицо её резко осунулось, глаза закатились. Нарвай повалилась набок, дюженник подхватил её, не дав упасть.

— Воды!

Кто-то протянул флягу, подкрашенная вином вода, размытая грязь, потекла по подбородку.

— Никак действительно померла, — растерянно сказал дюженник.

— Вот оно, проклятие Ёроол-Гуя, — произнёс кто-то. — Конец илбэчу. Зря ловили.

Шооран повернулся, пошёл к тропе.

— Эгей! — окликнул его дюженник. Шооран остановился, но дюженник махнул рукой, — Ладно, теперь уже всё равно.

Пройдя несколько оройхонов, Шооран устроил привал. Не обращая внимания на испуганный и ненавидящий взгляд владельца земли, уселся под деревом, сорвал созревший плод. Достал и расстелил на коленях карту. Вот она — земля добрых

братьев, о которой столько рассказывают, но которой никто не видал. До неё совсем близко, если напрямик через далайн. А так, впереди два перехода по мёртвым землям и государство старейшин, о котором тоже много болтают. Но он-то знает, что возле креста Тэнгэра жизнь не украшена цветами. Вряд ли со времён Энжина страна сильно изменилась, а это значит, что, скорее всего, Явдай не сможет пересечь её.

Шооран ухватил себя двумя руками за волосы и со злобой дёрнул, отгоняя выплывшую мысль, что красивая девушка с Торгового оройхона могла быть таким же бредом покойной Нарвай, как и её муж, и дар илбэча. Нет, этого не может быть. Явдай никогда не говорила просто так. Раз она сказала, что пойдёт к добрым братьям, значит, туда она и пойдёт через чужие страны и мёртвые земли. Значит, там её и надо искать. Он пойдёт за ней туда не кружным, а самым прямым, хотя и самым опасным путём.

Шооран криво усмехнулся. Завтра вся страна узнает о смерти илбэча. Это сообщение будет почти правдой. Илбэч действительно исчезнет. Надолго, а может быть, и навсегда.

* * *

Днём раскалённые туши аваров кажутся чёрными, а ночью, когда гаснет небесный туман, они начинают светиться изнутри ничего не освещающим, обманным светом. Можно влететь в раскалённый камень лицом, думая, что до него ещё дюжина шагов. Особенно тяжело на мёртвой земле, где чёрные клубы дыма прячут, заставляют дрожать и делают схожими багровые пятна аваров и лиловое свечение далайна. Горы отбросов тоже излучают гниlostное сияние. Намёки, пятна, мазки света повсюду, но при этом ничего не видно, и уже не знаешь — движешься ты куда-то или, словно подбитая тукка, кружишь на одном месте, бессмысленно размешивая горячий нойт. И дым, дым, бесконечный дым... Режущий глаза, раздражающий горло. Но нельзя ни закашляться, ни обрушить случайно кучу истлевшей кости, ни ступить слишком громко, потому что, может быть, в двух шагах этот кошмар кончается и там тебя ждут враги.

Шооран присел на корточки, прикрыл глаза. Вокруг ничего не изменилось, даже пятна призрачного на грани видимости света продолжали качаться перед ним. Воздух с трудом

проходил через влажную губку, но сама губка пахла уже не соком похищенного туйвана, а горелым нойтом. С минуту Шооран убеждал себя, что отдыхает, потом выпрямился и открыл глаза. И открывать их, и закрывать было одинаково больно. Жгло невыносимо, и стоило немалых усилий не начать тереть воспалённые веки перемазанными нойтом руками.

Минутной передышки оказалось достаточно, чтобы полностью потерять направление, но к этому Шооран был готов. Он наклонился, нащупал лежащую пику, определил, куда она указывает, и осторожно сделал несколько шагов. Под ногами захрустело, на колени хлынул поток какой-то мерзости. Опираясь на пику и высоко поднимая ноги, Шооран шагнул ещё раз. Ему казалось, что одно из пятен светится определённой других. Скорее всего, это обман, но, может быть, там кончается огненное болото, стоят посты и тлеет в запальном костре высушенный возле аваров хохиур. Гадостный дым тлеющего хохиура немного прибавляет к запахам мёртвых болот, зато под рукой всегда огонь и в любую минуту можно зажечь факел или фитиль ухэра.

Чёрная масса когда-то построенного им оройхона ощути-мо нависала справа. Конец огненного болота был совсем близко. Проверая дорогу, Шооран ткнул пикой перед собой. Там немедленно что-то повалилось. В ночной тишине шум показался оглушительным и слышным за много оройхонов.

— Да что там бесперечь гремит? — раздался голос. — Ну-ка, запали факел...

Шооран, не раздумывая, упал в лужу. Неподалёку вспыхнул огонь. Фигура с факелом в руках поднялась на поребрик, всматриваясь в ночной ад горящего болота.

— Ничего тут нет. Срань всякая осыпается, плохо накидали.

Так, значит, остановивший его завал насыпан специально, чтобы никто не мог подойти незамеченным!

Шооран лежал, жвавшись в грязь, и молился, чтобы панцирь и кожаные штаны выдержали и не пропустили к телу нойт.

К фигуре на поребрике присоединилась вторая.

— Да точно, нет ничего. Тут и днём-то не пройти... — Говоривший закашлялся. — Вот гнусь, а? Сами себя загнали в дыру и сами себя караулим. И чего прежде не жились?.. Понеслись, словно взбесившаяся тукка. Новые земли! Вот и караул теперь.

— Говорят, Мунаг на совете предупреждал, что так будет. За это его ван в шавар и отправил.

— Это Хооргон-то ван? Дурак он вымокший, а не ван. Всех обошёл, тварь шаварная. Надо, пока не поздно, с настоящим ваном мириться. Принесём повинную, Хооргона головой выдадим и будем жить, как на алдан-тэсэге...

— самого тебя головой выдадут, — перебил второй стражник.

Он повернулся и спрыгнул с поребрика в темноту. Первый последовал за ним. Голоса сразу стали глуше, почти ничего нельзя было разобрать:

— ...Совсем не может... подумай — на двух оройхонах и ван, и одонт... Затравят, как жирха в норке, — не отвоняется...

Едва дождавшись, чтобы голоса стихли, Шооран приподнялся и пополз вдоль насыпи, прочь от далайна. Направление он теперь знал. Запах гари усилился, в лицо пахнуло жаром. Через минуту ладони даже сквозь толстые рукавицы почувствовали огонь аваров. Не останавливаясь, Шооран пополз в самое пекло. Затрещал хитин панциря, смрадно закурилась кожа рукавиц и башмаков. Горелая окалина шелушилась на раскалённой поверхности, дважды Шооран не мог удержаться и съезжал вниз, оставляя на аварах клочья тлеющей одежды. Но зато здесь явно никого не могло быть, и Шооран рвался вперёд, почти не скрываясь, уверенный, что никто не различит его силуэт на фоне огненных камней. Выдать его могло только шум, но вокруг всё было сглажено огнём, и нечему было падать.

Скатившись с аваров по ту сторону преградившей путь баррикады, Шооран скинул рукавицы, с трудом сдерживая крик, сорвал раскалённый и во многих местах треснувший панцирь. Нестерпимо жгло ноги, жар пробрался сквозь многослойную подмётку, и теперь, когда граница была уже позади, казалось, будто он стоит на аваре босыми ногами. О том, чтобы снять башмаки и идти босиком, не могло быть и речи — перед ним лежал бесконечно длинный мокрый оройхон.

Приплясывая от боли, Шооран двинулся в путь. Испорченные рукавицы он зашвырнул на авары, а обломки панциря тащил с собой. Оставлять их на виду значило во всеуслышание объявить о своём приходе. Панцирь надо закинуть в шавар — мелкозубые жирхи быстро сгрызут подарок.

Рассвет застал Шоорана довольно далеко от границы. На

сухое Шооран выходить не стал: давно минуло то время, когда он мог гулять в этих местах, зная, что никого не встретит. Теперь оба оройхона — и стариков, и его — заселены почти так же густо, как и благословенные земли вана.

Шооран обогнул сухие оройхоны так, чтобы оказаться ближе к своему бывшему дому, где оставался скрытый в «дороге тукки» тайник. Отправляться дальше в чём был Шоорану очень не хотелось. После путешествия через кипящие болота и бега по аварам от экипировки и щеголеватой внешности юного цэрэга не осталось ничего. Пику Шооран потерял в завале, рукавицы сжёг. Ароматическая губка пропиталась вонью, и Шооран её выкинул. Боевые башмаки, в которых можно безбоязненно ходить по шавару, в один день прогорели чуть не до дыр. Нарядный, тонкой кожи жанч лохмотьями сползал с плеч, а то, что прежде называлось панцирем, теперь надо выбрасывать. Если добавить к этому ошпаренные и перемазанные лицо и руки, воспалённые глаза, спутанные в колтун волосы, то ясно, что Шооран вполне мог соперничать по части внешнего вида с покойницей Нарвай. Но всё же он сумел незаметно ускользнуть из владений вана сюда, где никто не ожидает илбэча и не собирается его ловить.

Оглядев себя, Шооран направился к шавару. От подозрительных остатков брони надо было избавляться. Возле шавара он увидел дверь. Костяная плита, склеенная из панцирей множества рыб, висела на волосяных петлях, закрывая вход. Шооран не сразу понял, что это и зачем. Потянул плиту на себя. Она послушно повернулась, открыв тьму шавара.

Место казни! Интересно, сколько людей успел за своё короткое правление отправить сюда толстощёкий повелитель?

Шооран захлопнул дверь, потом снова приоткрыл её и бросил доспех. В темноте плеснуло.

День Шооран провёл, забившись в заросли хохиура и надеясь, что никто не обратит внимания на незнакомого сборщика харваха. Вообще с приходом дня на мокроме появилось довольно много людей: хохиур был изрядно потоптан, чавга выбрана. Видать, не сытно жилось народу под крепкой рукой Хооргона.

С наступлением темноты Шооран прокрался на сухое. Здесь тоже всё изменилось. Дикие прежде поля приведены в порядок, хлеб выкошен, повсюду тянутся ограды из колючей кости. Шооран с тревогой подумал, что его тайник могли и

найти. Хотя не так много времени прошло, вряд ли новые хозеява начали всерьёз перестраивать алдан-шавар, а без этого отыскать замаскированные ходы можно только случайно.

Шооран обогнул несколько заборчиков и, оказавшись на склоне суурь-тэсэга, возле небольшого, но вовсю плодоносящего туйвана, начал ползать по земле, отыскивая заложенный камнями потайной ход. Наконец один из валунов уступил нажиму, но расчистить дорогу Шооран не успел. Кто-то навалился на него сзади, принялся выкручивать руки, шипя:

— Попался, ворюга!

Шооран рванулся, но противник был явно сильнее.

— Я те покажу — воровать! — Мощный удар обрушился на затылок.

От боли в глазах полыхнули цветные огни, но всё же Шооран почувствовал, как прижавший его к земле человек заматывается снова, и успел отдернуть голову. Второй удар тяжёлого кулака пришёлся в камень. Враг взвыл и ослабил хватку. Шооран, не пытаясь освободить зажатую руку, вывернулся и ударил назад каблуком. Очевидно, в пятке ещё оставались иглы, потому что вой сменился чем-то напоминающим хриплый визг. Шоорану пришлось ударом ладони по горлу лишить противника голоса, иначе он переполошил бы весь оройхон. Теперь уже Шооран, почти не встречая сопротивления, заломил нападавшему руки и связал их верёвкой, которую тот предусмотрительно приготовил для Шоорана. Пленник хрипел.

— Не умеешь драться — нечего кулаками махать, — нравоучительно сказал Шооран.

Он оттащил связанного под навес, из-под которого сторож выскочил минуту назад, опустил полог, отыскал плошку с вонючим салом жирха и зажёл огонь. При дрожащем свете коптилки рассмотрел противника. Перед ним лежал Боройгал. Тот самый Боройгал, о силе которого ходили по Свободному оройхону легенды.

— А драться не умеешь, — с удовольствием повторил Шооран и, предугадав намерение пленника, предупредил: — Только пикни! Убью.

Боройгал хлюпнул носом и затих.

— Рассказывай, — предложил Шооран.

— О чём? — с готовностью отозвался бывший осведомитель.

Шоорана он не узнавал, да и странно было бы узнать мальчишку, которого видел почти девять лет назад.

— Обо всём, что у вас творится. А для начала — что произошло у Хооргона с рыжим Мунагом...

* * *

Тайник оказался цел. Шооран переоделся во всё новое, выбрал гарпун, приготовил губку и прозрачную маску, чтобы защитить глаза от дыма. Погрыз сушёного наыса и туйвана; немного взял с собой. Можно было уходить, но Шооран не торопился. Рассказ Боройгала наполнил его холодной спокойной яростью. Прежде надо наказать Хооргона.

Шооран пробрался «ходом тукки», разобрал сооружённую им самим стенку и спрыгнул в коридор алдан-шавара. Спустился в освещённый слизнями нижний ярус. По ночам здесь никого не бывало, разве что в первую неделю после мягмара продолжали работать переборщицы. Хооргон жил в пещерах соседнего суурь-тэсэга, но это не смущало Шоорана, излазавшего и помнившего здесь каждый закоулок. «Беглый камень», освобождённый от подпорок, мягко качнулся, открывая проход. Шооран со светящимся слизнем в руке шагнул туда. Вокруг было темно, и это казалось непонятным — в нижнем ярусе не должно быть темноты. Но потом он увидел ряды костяных сундуков и всё понял. Он, не приложив почти никаких усилий, попал напрямик в сокровищницу новоявленного вана.

Здесь были перламутровые ларчики с жемчужинами, резные украшения из белой, чёрной и жёлтой кости, тонкие веточки хрустальной губки, что очень редко находят на берегу. На отдельных столиках разложены кремнёвые ножи, отполированные до зеркального блеска и такие острые, что ими можно бриться. На самом видном месте, на покрытой тонким полотном стене, висел убранный жемчугом доспех из кости чёрного уулгюя. Радужные диски искрились даже от тусклого свечения слизи, доспех невольно притягивал взгляд. Шооран подошёл, провёл кончиками пальцев по полированным кругам. В сокровищнице было жарко, но волнистая, с мелкими насечками резьбы кость оставалась прохладной и казалась живой. Рядом на стене висел праздничный талх, расшитый дисками бледного уулгюя, а вокруг — полный набор женских

украшений. Казалось, перед Шоораном стоят в полумраке одонт в парадном облачении и его любимая жена.

Шооран вздохнул. Нет, он не возьмёт себе это чудо, он ничего не возьмёт здесь. Он пришёл за другим.

Полого поднимающийся проход, по которому прежде Шооран попадал сюда, оказался заложен каменными плитами, зато рядом наверх круто поднималась лестница. Здесь дорогу преграждала дверь, небольшая, но, должно быть, очень тяжёлая. Шооран осмотрел замок. Снаружи дверь можно было открыть только специальным, хитро выточенным ключом, но изнутри оказалось достаточно отжать защёлку и отодвинуть засов. Шооран, пригнувшись, шагнул в дверь.

Прежде старик хранил тут припасы, потому что эта комната не только была сухой, но и хорошо проветривалась. Теперь всё вокруг разительно переменилось. Стены обиты замшей и задрапированы тонкими тканями. В вычурном светильнике, полном благовонной смолы, плавает горящий фитиль. Отверстия под потолком забраны решётками, а проход, прежде завешенный шкурой, теперь обработан каменотёсами, врезавшими овальную костяную дверь. Ровно посередине помещения стояла широчайшая кровать, и на ней в волнах тонкой материи спал его недруг — толстощёкий Хооргон.

Шооран потянул из-за пояса нож, но внезапно остановился. Дерзкая мысль пришла ему в голову. Вместо ножа Шооран достал липкий бинт, каким приматывал к лицу губку, и быстрым движением заклеил Хооргону рот. Хооргон попытался всхрипнуть, заперхал сквозь нос и сел на постели.

— Тихо!.. — прошипел Шооран, заламывая Хооргону руки и связывая их обрывком простыни.

Юный государь даже не пытался вырваться, лишь мычал сквозь повязку. Шооран несильно ударил, мычание прекратилось.

— Идём! — Шооран тряхнул толстощёкого за шиворот, заставив, словно в детстве, подняться.

Хооргон очумело вертел головой и ничего не понимал. Шоорану пришлось вытащить нож и поднести его к лицу пленника. Хооргон вновь замычал разбитым носом, но покорно встал. Нелепое — широкое и страшно длинное — одеяние свисало с его фигуры. Казалось, государь переодет женщиной.

Хооргон привычным и потому особо неуместным движением сунул ноги в мягкую обувь и зашлёпал вперёд, подталкиваемый Шоораном. Они спустились в сокровищницу — наложив засов, Шооран сразу почувствовал себя спокойнее, прошли сквозь стену у «беглого камня». Хооргон не сопротивлялся и вообще вряд ли сознавал, что происходит. Лишь у «дороги тукки», когда Шооран остановился, чтобы уложить на место вынутый камень, Хооргон вдруг быстро пополз вперёд, а схваченный за ногу, слабо попытался лягаться.

Они выползли из-под земли возле туйвана, и Шооран завалил ход обломком плиты. Где-то неподалёку лежал запелёнутый в навес Боройгал. Утром, если он не задохнётся, его найдёт одна из жён, и Боройгал, сорвав злобу на беззащитной женщине, будет остаток жизни молчать об этой истории. Кому охота рассказывать о своём позоре, а может быть, и отвечать за то, что упустил вражеского лазутчика?

«Пусть бы задохнулся, — подумал Шооран. — Ведь это он выгнал нас со Свободного оройхона...»

Подгоняя Хооргона, он двинулся по тропе к границе. Колючие заборы по сторонам были нашпигованы всякой бречащей дрянью, чтобы вор, полезший на чужое поле, немедленно обнаружил себя, но Хооргон либо не знал об этом, либо побоялся воспользоваться удобным случаем поднять тревогу. Ведь для этого ему пришлось бы прыгать в костяной заслон, а там случались и отравленные колючки. К тому же Шооран был настороже.

Через несколько минут они достигли поребрика. Здесь Хооргон было заупрямился и не хотел идти дальше. Шооран пихнул пленника коленом, но тут же поддержал, не дав прежде времени упасть в грязь. Хооргон, сразу сдавшись, зачавкал туфлями по болоту.

Небо начинало желтеть, серыми тенями обозначились тэ-сэги, стало можно идти без света. Шооран бросил истощённого слизня, подтолкнул Хооргона:

— Давай живей!

К свету они добрались до шавара. Шооран остановил Хооргона, взглянул на его зелёное лицо и не испытал ничего, кроме отвращения. Шооран освободил Хооргону руки, содрал с лица бинт. Потом предложил:

— Если хочешь, можешь кричать. Всё равно никто не услышит.

Хооргон не отвечал, лишь трясся крупной дрожью.

— Знаешь, почему ты здесь? — спросил Шооран. — Из-за давней мальчишеской глупости. Ты тогда нажаловался своему папаше-одонту, и это стоило жизни моей матери. Кроме того, ты видишь этот нож? Может быть, ты даже помнишь его? Однажды я уже шекотал им твоё горло. Так вот, этот нож подарил мне Мунаг, тот самый, которого ты отправил в шавар. Не так много было людей, которые относились ко мне по-доброму, поэтому ты ответишь и за Мунага. Я ведь предупреждал, чтобы ты не попадался на моём пути. Теперь придётся выполнять детские обещания. Вот вход в шавар. Ты сам приказал поставить здесь дверь. Ты войдёшь, и я запру её. Выход с другого конца — свободен. Ты любил говорить, что даёшь осуждённому шанс, так воспользуйся им сам.

— Не надо!.. — просипел Хооргон. — Я никогда больше... никогда!..

Шооран ударил его и, втолкнув в темноту, захлопнул дверь. От толчка Хооргон сделал неловкий шаг и разом провалился по колени в липкую жижу. Голые ноги обожгло незнакомой болью.

— Пу-устите-е!.. — заблеял Хооргон, толкаясь в запёртую дверь.

Кто-то впился в лодыжку, начал кусать торопливо и жадно, а из тьмы протянулось тонкое и упругое, принялось по-хозяйски ощупывать его, поворачивая. Хооргон дёрнулся и закричал. Кричал он недолго.

* * *

Ночь мести кончилась. С минуты на минуту в алдан-шаваре могли хватиться Хооргона, и неизвестно, что тогда будет. Пора уходить. Шооран вновь был полностью экипирован, из старого снаряжения уцелел лишь нож и надетая под жанч кольчуга. Тонкая и шелковистая, она была не тяжелее цамца. Теперь, хотя Шооран вновь шёл в мёртвые земли, ему не надо было ползти на брюхе, поскольку тот край никем не охранялся. Значит, там будет легче или по крайней мере одежда изорвётся не так быстро.

Шооран шёл на север, куда четыре года назад ушёл старик. «Возможно, когда-нибудь ты поймёшь, почему я пошёл именно туда, — сказал он перед уходом, — хотя лучше, чтобы

ты этого так и не понял». Милый, славный Энжин, не так трудно угадать твою мысль. Ты начал строить эту дорогу, чтобы когда-нибудь новый илбэч, если ему станет невмоготу жить, мог уйти по ней от людей, построить себе безопасный приют и прозябать там одному, вдалеке от всех, как прозябал ты сам. Спасибо тебе, старик, только новый илбэч пойдёт по твоей дороге не от людей, а к людям, вернее, к единственному человеку, который ему нужен.

От Боройгала Шооран знал, что вдоль стены тянутся два мёртвых оройхона. Значит, старик успел тогда выстроить ещё один. На эти оройхоны люди не совались, когда страна только заселялась, туда были посланы разведчики, но с тех пор там никто не бывал. Страна ещё не слишком перенаселена, пройдёт не меньше дюжины лет, прежде чем первые неудачники будут оттеснены туда на верную смерть. Значит, там можно безопасно строить. Не в этом ли объяснение тому, что илбэчи былых времён тоже двигались в основном вдоль стены Тэнгэра?

Бессонная ночь и два кряду перехода через мёртвые земли, казалось, лишь вдохнули в Шоорана новые силы. Он сразу понял, что ничего не забыл и ничему не разучился. Теперь уже не старику, а ему навстречу рванулось чистое пламя новорожденных аваров, и Шооран, не слишком даже понимая, с ним это происходит или с кем-то из легендарных героев, освобождённо засмеялся и пошёл дальше по чистому, не загаженному ещё оройхону. И вновь увидел изъеденную волнами стену Тэнгэра, и снова авары второго за день оройхона не пустили его к ней. Лишь тогда энергия покинула Шоорана, и он, надрывая в кашле обожжённую грудь, потащился назад.

Ночевать надо было на сухом, разбуженный Ёроол-Гуй мог явиться и среди ночи, но на сухом сейчас, должно быть, изрядный переполох, если, конечно, приближённые Хооргона сочли нужным во всеуслышание объявить об исчезновении царя. Шооран пробрался по сухой полосе, уже изрядно заселённой, на угловой оройхон. На пятачке свободной земли, зажатой с двух сторон аварами, находились владения сушильщиков. Но сами мастера, как и обещал покойный Пуиртал, жили в алдан-шаваре, так что в большой палатке, где хранился их инструмент, никого не было. Шооран завернулся в жанч и улёгся на землю, неподалёку от навеса. Он чувство-

вал себя в полной безопасности и даже думал не о трудных делах последних дней, а о каких-то совершенно отвлечённых вещах: здесь земля всегда горячая, потому что рядом авары, на мокром — всегда холодная, потому что рядом далайн. Но почему она всегда тёплая на сухом? Даже там, где далеко и от границы, и от далайна. Если тепло есть свойство земли, то почему она остывает в горсти? Разрешить загадку Шооран не успел, провалившись в сон.

Проснулся оттого, что кто-то осторожно толкнул его. Рядом с Шоораном стоял высокий худой человек. По воспалённым глазам, отрешённому выражению ошпаренного красного лица и особенно по вкрадчивым, словно нечеловеческим движениям в нём сразу можно было узнать сушильщика.

— Что ты здесь делаешь? — спросил сушильщик.

— Сплю, — ответил Шооран. — Но я сейчас уйду.

Шооран не испугался незнакомца и даже ничуть не был встревожен. Это Хооргон, наученный горьким опытом отца, мог изменить отношение к презираемой профессии, сами сушильщики измениться не могли. Они слишком близко ходили около смерти, чтобы доносить на кого-нибудь или кого-нибудь бояться.

— Пойдёшь туда? — спросил сушильщик, указывая пальцем.

— Да, — ответил Шооран.

— Встретишь Ёроол-Гуя, передай, что сушильщик Койцог всегда помнит о нём.

— Хорошо.

Шооран поднял пустую корзину из-под харваха и, пряча лицо, пошёл через просыпающуюся сухую полосу.

До края мёртвой земли Шооран добрался довольно просто. Нойт уже вовсю горел на аварах, но далайн ещё не успел накидать сколько-нибудь мощного вала падали, и идти было не слишком трудно. Изгрызенная временем стена крошилась перед ним, но Шооран не стал тянуть дорогу вдоль неё. Сначала надо создать опорный пункт, место, где можно переждать беду и переночевать. Ведь немыслимо каждый день проходить всё более страшный путь, да и сколько ещё надеяться на везение, ночуя среди людей? Юбилейный, двенадцатый оройхон уже не был пограничным, он шел к середине далайна. Шооран начал создавать новую страну, которой пока

ещё не было названия. Эта задержка рушила все планы, ведь Шооран сгоряча хотел, строя по два оройхона в день, добраться в страну добрых братьев к началу мягмара. Но ничего, зато теперь им с Явдай будет где жить.

Тем не менее он твёрдо намеревался ставить по два оройхона в день. Теперь дар илбэча был для него не чудом, а инструментом, создание земли — не подвигом, а работой. Бесконечно трудной, далеко за пределами человеческих возможностей, но всё же работой. И, закончив этот оройхон, так похожий на Торговый, что в припадке безумия сотворил его предшественник, Шооран упорно двинулся дальше. Следующий остров должен был стать пограничным и ещё на двойную дюжину шагов приблизить его к цели.

Стена Тэнгэра в этом месте была поражена особенно глубоко, и на мгновение Шоорану показалось, что она рухнет прямо сейчас, прежде чем он закончит работу. Он спешно поднял руки, ловя в душе ноту страсти и труда. Оройхон рождался мучительно, словно далайн именно сейчас решил дать противнику бой и сопротивлялся каждой каплей. И всё же Шооран вытягивал остров из небытия. Поднимались суурьтэсэги, затвердевала почва, казалось, ещё миг, и он сможет расслабиться, выдохнуть воздух... но тут страшный удар настиг все чувства. Оройхон, почти уже законченный, качнулся, словно брошенный в ручей лепесток. С грохотом рушились холмы, трескалась твердь, и сквозь камень, землю и кипящую пену рванулся на свет вовремя успевший к расправе Ёроол-Гуй.

Кажется, Шооран кричал. Крика не было слышно за шумом жидкости и треском разрушения. Бежать Шооран не пытался, он лишь отползал, лёжа на спине и не сводя глаз с Ёроол-Гуя, который так легко уничтожал его труд. Бежать было поздно, да и некуда. Оставалось играть со смертью в пятнашки, надеясь человеческими силами переиграть чудовищного бога. Несколько мгновений, минут или лет — Шооран не мог сказать точно — Ёроол-Гуй раздумывал, качая вздытыми под облака руками, а затем ринулся на пограничный, огненный оройхон.

То, о чём рассказывал когда-то старик, ныне творилось перед его глазами. Туча дыма поднялась, достигнув небесного свода. Визжал пар, бухали, лопаясь, авары, клочкотала лава и ледяная кровь чудовища. И лишь сам Ёроол-Гуй молчал, целеустремлённо и бессмысленно швыряя себя в огонь. Шоо-

ран кинулся было в дальний конец оройхона, где не так сильно душил дым, но вовремя остановился, сообразив, что там Ёроол-Гуй легко достанет его, если вдруг сползёт обратно в далайн. И действительно, Многорукий нырнул шумно, словно разом выпалила дюжина дюжин ухэров, и тут же принялся штурмовать соседний оройхон. Шооран, спотыкаясь, перебежал на огненную сторону, где всё кипело и трещало, сгорая. Ёроол-Гуй рванулся следом, остановился лишь у самого поребрика и, гипнотизируя, выкатил разом полдюжины глаз. Один из глаз был меньше других и, кажется, слеп.

— Ты мало получил в прошлый раз?! — неслышно крикнул Шооран. — Могу добавить ещё!

Он швырнул гарпун. Острое орудие бесследно кануло в прозрачно-зеленоватом теле.

Оскальзываясь в лужах крови и нойта, Шооран побежал вдоль поребрика. Он знал, что не сможет убежать, что Многорукий легко перехватит его там, но всё же бежал. Ёроол-Гуй перелился через оройхон, вздыбив далайн, рухнул вниз и снова, на этот раз с другой стороны, пополз на авары, загоня крошечного человечка к обрыву. Опять свистел рвущийся пар, скрючивались опалённые руки, ошпаренная плоть белела, теряя прозрачность, но тут же переваривала сама себя и вновь возрождалась. А человечек из последних сил брёл вдоль поребрика, стремясь хотя бы уйти от отравленного дыма. Но и этого ему не дал многорукий властелин. Ёроол-Гуй ещё раз переметнулся на другую сторону и вновь зажал Шоорана на узкой полосе огненного болота.

— Ну что тебе надо? — прохрипел Шооран. — Тебе меня не взять, а сам я не сдамся! Что ты бегаешь за мной, словно баргэд за должником? Ты ничего не получишь, я ничего тебе не должен... Хотя погоди — должен! Сушильщик Койцог велел передать, что он твой покорный раб. Он видел далайн лишь в дни мягмара, но молится тебе день и ночь. Его голова в проплешинах от срезанных волос... А я не такой... Мне плевать на тебя!

Ёроол-Гуй нырнул и в бесщётный раз взгромоздился на огненную дорогу. Шооран упал. Ни идти, ни бежать он уже не мог, но руками, пока ещё послушными, перевалил себя через поребрик в густой, многократно перемешанный нойт. Хотелось закрыть глаза и умереть, но этого было нельзя. Надо смотреть и ждать, когда Ёроол-Гуй повернётся, и тогда ещё и ещё раз ползти через поребрик...

Выйдя утром к аварам, сушильщик Койцог увидел лежащего человека. Это был уже второй такой случай за последнюю неделю, что не могло понравиться Койцогу. Возле авара сушильщика спать не следует.

Койцог подошёл поближе, чтобы ткнуть лежащего носком сапога и разбудить. Сначала Койцог думал, что это вернулся тот, прежний, но, подойдя, понял, что ошибся. Тот был молод и шеголевато одет. Неясно, что могло занести его сюда и заставить спать на земле. Этот же... более страшного человека Койцогу видеть не приходилось. Чёрная личина из запёкшейся крови и грязи с багровыми пятнами, где сошедшая лохмотьями кожа обнажила вздувшееся мясо. Вместо одежды — рвань, расплзающаяся от единого прикосновения. Тело, проглядывающее сквозь прорехи, тоже кажется сплошной раной. Было непонятно, как ещё дышит этот будущий труп. И всё же это был прежний, тот человек. Когда Койцог приблизился, он разлепил щёлки глаз и сипло произнёс:

— Я выполнил твою просьбу. И принёс тебе подарок.

Он достал старый, выдавший виды нож, культияпками пальцев отковырнул затычку и вывалил на камень что-то длинное, шевелящееся, похожее на червя. На конце отростка красовался изогнутый коготь, а по сторонам он был усыпан крошечными, едва заметными присосками.

Не стоило быть ни мудрецом, ни старейшиной, чтобы понять, кому принадлежит эта конечность. Довольно часто случалось, что, выходя на сушу, Ёроол-Гуй терял одну или несколько своих рук, но он всегда тут же пожирал их, не оставляя своего тела людям. Лишь редким и несказанно отважным счастливицам удавалось, стоя на соседнем оройхоне, отсечь кончик щупальца и перетащить его к себе. Куда чаще резкий рывок лишал смельчака оружия, а то и жизни. Во всяком случае, прежде Койцог лишь слышал о редкостном живом талисмане. Говорили, что пока отрубленная конечность Ёроол-Гуя шевелится, с её владельцем не может произойти ничего плохого. А случалось, что рука продолжала жить больше года.

Койцог осторожно, палочкой запихал опасный подарок обратно в нож, а когда поднял голову, то увидел, что гость лежит без памяти, хрипит и, судя по всему, умирает. Сушиль-

щик расстелил жанч, перекатил на него безвольное тело, оттащил под прикрытие единственного на пяточке холодного тэсэга и побежал за водой.

* * *

Ёроол-Гуй приближался, разбрасывая в стороны руки, крутящиеся, словно ручки. Они окружили его со всех сторон: щупальца с присосками, с когтями, с бахромой рвущих пальцев. Сочно чмокая, распахивались рты, маленькие глазки в узлах рук и огромные главные глаза смотрели на него, лишь один, подбитый глаз косил в сторону. Шооран понимал, что на этот раз он не успел уйти и сейчас будет съеден, как и тьмы безымянных, забытых людей до него, но он не мог слдаться так просто, а дёрнулся, пытаясь подняться, вскрикнул от боли в руках и очнулся.

Над головой плавно прогибался навес, земля, греющая даже сквозь подстилку, подсказывала, что он находится на огненной, но сухой земле. Казалось, он вернулся домой, сейчас полог откинется, и войдёт мама. Вот только дома, на сухой полосе никогда не бывало так тихо. И ещё, откуда взялась эта боль?

Шооран поднял руки к лицу и увидел, что они замотаны повязками. Может быть — старик? Тогда почему он не в алдан-шаваре? Вообще, что произошло? Шооран напрягся, пытаясь встать, но со стоном откинулся на постели. Неожиданно, разом он вспомнил и свою неудачную карьеру, и неудачную женитьбу, и неудачную попытку прорваться в страну добрых братьев. Лишь вместо последних часов в памяти оставался провал: Шооран не понимал, как ему удалось спастись и где он находится.

Полог сдвинулся, под навес, пригнувшись, вошёл худой человек со следами старых ожогов на лбу и щеках.

«Сушильщик Койцог», — сразу, словно кто-то подсказал, вспомнил Шооран.

Койцог подошёл, начал перебинтовывать Шоорану руки. Руки до самого локтя были покрыты язвами. Койцог, невесомо касаясь поражённых мест, смазал их чем-то прозрачным. Было совсем не больно.

— Спасибо, — прошептал Шооран.

— Тебе спасибо, — отозвался Койцог.

Он поднял стоящую на столике флягу из прозрачного рыбьего пузыря. Внутри, царапая ядовитым когтем, копошился палец Ёроол-Гуя. Почему-то Шооран сразу узнал его, хотя и не мог вспомнить, как тот достался ему.

— Третью флягу прогрызает, — сообщил Койцог.

— Живучая тварь, — согласился Шооран.

Койцог вышел и через несколько минут вернулся, неся блюдо с тонко нарезанными полосками белого мяса.

— Ешь, — сказал Койцог. — Это целебное, тебе надо.

Мясо слегка приванивало нойтом, но острый пряный вкус заглушал запах. Кушанье показалось необычайно вкусным. Хотя, возможно, это оживший организм понимал, что ему нужно.

— Что это? — спросил Шооран, проглотив последний ломтик.

— Хвост парха.

— Где только достал... — уважительно произнёс Шооран.

— Сейчас это несложно. Мягмар.

— Не может быть! — Шооран встрепнулся. — До мягмара ещё три недели!

— Было... когда ты вернулся. — Койцог присел на корточках возле постели. — Ты три недели в бреду провалялся. Всё с Многоруким беседовал и со стариком Тэнгэром. Ругал их нещадно, меня аж жуть брала.

— Мне их любить не за что, — сказал Шооран.

Узнав, что даже в бреду он не выдал своей тайны, Шооран успокоился. Жаль потерянных трёх недель, но он наверстает их и всё равно прорвётся к Явдай.

— Мягмар... — повторил Шооран. — Почему ты тогда не на берегу?

— Мне теперь необязательно. — Койцог поднял пузырь с обрезком шупальца, любуясь им. — В этом году вообще странный праздник. На оройхонах суматоха, цэрэги рышут, хватают всех подряд. А ван в покоях заперся и народу не показывается. Вместо него выходил одонт Тройгал.

— Ван и не выйдет, — сказал Шооран, догадавшись, о ком идёт речь. — Я его убил.

— Потому и скрываешься? — спросил сушильщик.

— Да, — солгал Шооран.

— Здесь тебя никто не найдёт. Сюда запрещено ходить, да люди и сами боятся.

— А второй сушильщик?

Койцог махнул рукой в сторону далайна.

— Его нет, — сказал он. — Не повезло.

— Прости. Я не знал.

— Ничего, зато с нами всё будет в порядке. Со мной и с тобой. — Койцог укрыл Шоорана пушистой шкурой. — Спи, тебе сейчас надо много спать.

— Я не могу много, мне надо идти, — возразил Шооран, уплывая уже не в беспмятство, а в обычный сон вернувшегося к жизни человека.

Как ни старался Шооран, встал на ноги он лишь через две недели. Но и тогда о походе на север нельзя было и помыслить. Шооран остался жить на сухом пятачке в крошечных владениях Койцога. Сушильщик, как и всё их племя, был странным человеком. Он безразлично относился к происходящему, казалось, его ничто не интересовало и было ничего не нужно. Шооран, не выдержав, как-то спросил, зачем Койцог согласился перейти на новое место. Койцог усмехнулся:

— Две недели я не работал. Я украл эти две недели у судьбы.

— А зачем тогда торговался из-за алдан-шавара?

— Чтобы одонт не догадался, что я и так согласен. Пусть сильней ценит.

Разговаривал Койцог только во время отдыха. Подходя к аварам, он сразу менялся, становясь похожим на большого хищного зверя, и один вид его отбивал охоту вести беседы. В такие минуты Шооран забивался под навес и сидел затаившись. Он не боялся опасной близости горящего харваха, зная, что навес не мог бы защитить его, просто Шооран понимал — мешать нельзя.

Но однажды, когда Койцог, сметя в чашу последние пушинки сухого харваха, отошёл, чтобы перевести дыхание и дать отдых уставшим рукам, Шооран, не очень сознавая, что делает, подошёл к чану, перемешал харвах и кинул на авар большую лепёшку. Харвах завизжал, поднялся столб кисло пахнущего пара, по краям лепёшка вспенилась валиком сухого порошка. Шооран быстро смёл его, потом снова, и ещё... Спиной он чувствовал, что Койцог подошёл и стоит рядом, готовый к безумной попытке: помочь, если Шооран допустит ошибку. Ещё никто и никогда не мог исправить ошибки су-

шильщика, Койцог рисковал бессмысленно. Шооран тоже понимал, что ошибки быть не должно. Стараясь ни о чём не думать, он оглаживал свистящим хитином лепёшку, сметал убийственное зелье, а харвах всё не кончался, лепёшка не убывала...

Когда последние порошины упали в чашу, Шооран не понял, что всё позади и ещё несколько раз беспцельно мазанул щёткой по горячей поверхности. Лишь потом он сумел положить инструмент и отойти. Страшно болели напряженные мышцы живота. Оказывается, всё это время Шооран ожидал взрыва и каменных осколков, вспарывающих брюшину.

— У тебя лёгкая рука, — похвалил Койцог. — Ты мог бы стать сушильщиком. Но лучше — не надо. Лучше бы сушильщиков не было вообще.

— А зачем ты работаешь сушильщиком? — спросил Шооран. — Тебе же ничего не нужно.

— Не знаю... Привык. Да я ничего больше не умею.

— Как ты им стал?

— Как и все. Мать умерла, отец погиб. Мне было десять лет, и я — старший в семье. Наследство досталось вану, и мне оставалось или уходить с малышами на мокрое, или идти в сушильщики. Это в земледельцы детям нельзя, а в сушильщики — можно. Выживает, может быть, один на двойную дюжину. А куда деваться?

— Я знаю, — сказал Шооран. — У меня случилось так же. Но я был один — и ушёл.

— Сёстры вышли замуж, брат где-то бродит, — закончил рассказ Койцог, — а я так и остался сушильщиком. Теперь уж навсегда.

— Вот что, — сказал Шооран, — завтра я уйду по делам на один день, потом уйду надолго. Но ты знай, что я обязательно вернусь и уведу тебя отсюда.

— Не всё ли равно, где жить? Сушильщик всюду останется сушильщиком, а шавар везде препротивное место. Но тем не менее спасибо. Твои дела будут на мокром?

— Да.

— Я так и думал и потому запас тебе одежду. — Койцог нырнул под навес и вытащил узел. — Вот, держи. Твоя вся расплзлась. Вот твой нож. Деревяшку я выстрогал новую, от старой осталась труха. Ещё была кольчуга. Тоже разорванная. Я там поправил, как мог.

Шооран развернул узел, достал кольчугу. Она была словно новая, живой волос сплетался упругим покровом.

— А говорил — ничего не умеешь, — улынулся Шооран. — Спасибо тебе. И постарайся, чтобы с тобой ничего не случилось.

— Интересная работа, — Койцог кивнул на доспех. — Я прежде не видал такой.

— Такие носят в стране старейшин.

Койцог помолчал, потом сказал задумчиво:

— Так вот ты откуда...

— Нет, — поправил Шооран. — Оттуда родом мастер, который её делал. А я... — он вздохнул.

— Понимаю, — сказал Койцог. — Не говори.

На следующий день утром, вернее, ещё ночью Шооран ушёл. Он пробрался в темноте через сухую полосу и к свету был на мёртвой дороге. Шёл быстро, скрыв лицо в губке, не думая ни о гари, ни о чёрном уулгуе, который мог подстеречь здесь добычу. Слишком крупной была его игра, чтобы ей мог угрожать чёрный уулгуй.

За два часа Шооран добрался к тому месту, где его гонял владыка далайна. Теперь здесь ничто не напоминало о прошлом. Курились авары, полз нойт, мерно колыхался далайн, а на опустошённом оройхоне неведомо как завелась всевозможная живность.

Шооран внутренне собрался, бросил взгляд на стену Тэнгэра, напрягся и... ничего не произошло. В глубине души он был готов к чему-то подобному, слишком уж невероятным казалось его недавнее избавление и слишком упрямо молчала память о тех событиях. Всё же Шооран раз за разом собирал волю в кулак, бросал её в холодное молчание и не находил ответа. Что-то сломалось в нём, прекрасный и роковой дар исчез. Шооран безуспешно пытался что-то сделать, метался по берегу, тряс кулаком, но мысль, что волшебная способность не вернётся, становилась всё сильнее и скоро превратилась в уверенность.

Сдавшись, Шооран пошёл по узкой кромке назад. Он шёл и пытался представить, как теперь будет жить. Он молод, силён и не имеет места в жизни. Надеясь на свою исключительность, он легко пожертвовал завидной карьерой цэрэга. И Явдай он потерял по той же причине. Кто знает, что там произошло, вряд ли старик Тэнгэр спустился на оройхон,

чтобы увести Явдай, но всё-таки это как-то связано с его бывшим даром. Остаётся вернуться назад — неважно, куда именно — и стать сушильщиком. Койцог сказал, что у него лёгкая рука, значит, он сможет растянуть свою гибель на несколько лет. Зачем? Лучше уж сразу.

Он прошёл свой последний бессмысленный оройхон, ступил на мёртвую дорогу. Шёл, больше не думая ни о чём, привычно дыша ртом. Вряд ли в мире есть сейчас человек, ходивший по огненным болотам больше, чем он. Но теперь с этим покончено.

Победивший далайн накидывал на пути горы мусора. Авары, нойт, дым, груды костей, выброшенные на берег кусачие ылки, даже здесь пытающиеся вцепиться в башмак, — не всё ли равно? Его жизнь теперь никому не нужна.

Тягучая, движущаяся по кругу влага хлюпнула, расплёскиваясь. Две толстых, в костяных наشلёпках руки упали на дорогу, отрезая путь и вперёд, и назад. Ещё несколько рук, плавно изгибаясь, протянулись через вал, ища Шоорана. Чёрный уулгуй, плававший вдоль берега, заметил движущуюся фигурку и решил проглотить её, хотя маленький человек никак не мог насытить безбрежную утробу. Концы шупалец стремительно приближались, одной секунды было достаточно им, чтобы схватить человека, смять в удобный, вкусный комочек. За эту длинную секунду можно было успеть испугаться, сделать массу бессмысленных, ненужных движений или, если в тебе сердце воина, ударить врага, даже если враг не почувствует твоего удара. Шооран ударил. Всю свою силу, энергию он вложил в этот удар. Никогда прежде, даже строя землю, он не напрягался так страшно, как теперь, когда нечего и незачем было беречь.

Далайн вскрикнул, покрывшись пеной, уулгуя словно отбросило в сторону, чудовищные конечности сползли с тверди, гигант канул во взбаламученной глубине.

— Что, не вышло?! — закричал Шооран.

Разбрызгивая грязь, Шооран бежал к месту своей неудачи и позора.

— Я вернулся! — кричал он. — Со мной всё в порядке, больше меня не обманешь!

И далайн сдался, открыв заключённую в нём землю.

Шооран знал, что после облавы, устроенной на него Ёроол-Гуем, и болезни, когда он едва не потерял уверенности в

себе, ему не стоит слишком напрягаться и два оройхона в один день для него сейчас много, но удержаться не мог. К тому же неизвестно, что хуже — строить второй оройхон или пробираться назад через огненное болото. Шооран выбрал оройхон.

Хотя и теперь здесь не появилось безопасного места, но всё же четыре стоящих рядом оройхона были хорошей защитой. Ёроол-Гуй уже не мог бы, вздумай он повторить набег, мгновенно перекидываться с одного края на другой, и, значит, чтобы спастись, было достаточно сделать всего пару шагов. Шооран устроился на ночёвку в самом центре этого квадрата. Здесь было трудно дышать, но зато Ёроол-Гуй не мог застать его врасплох.

Несмотря на события дня, а может быть, напротив, из-за них Шооран сразу уснул. Спал он тревожно, помня, где находится, но всё же ему снился сон. Чёрный уулгуй пришёл во сне и начал жаловаться:

— Зачем ты меня ударил? Я не обижал тебя прежде и сейчас хотел сделать тебе лучше.

— Разве это был ты? — удивился Шооран. — Ведь ты давно умер.

— Не всё ли равно, кто это был? Я говорю о том, что тебе было бы лучше не приходить сюда. Зачем это тебе?

— Я иду в страну добрых братьев.

— Туда гораздо проще попасть другим путём. Но ты пошёл здесь, ведь ты илбэч. Но нужно ли тебе быть илбэчем?

— Да. Я построил землю, и людям, хоть и под властью вана, стало чуточку легче.

— Это временно. Люди множатся быстрее, чем растёт чавга. Подумай и о другом: мир конечен! Сейчас у людей есть надежда, что появится илбэч и даст им много земли. Если ты застроишь весь мир, ты отнимешь у них эту главную надежду. А если не застроишь, то к чему тогда всё?

— Замолчи, — сказал Шооран. — Я знаю, что это сон, ты мне снишься, и твои слова — это мои собственные вопросы, на которые я не хочу отвечать. Я хочу проснуться. На мокром нельзя так безмятежно спать.

— С тобой ничего не случится, — сказал уулгуй. — На этом оройхоне не успела вырасти чавга и нет ещё и жирха. А Ёроол-Гуй не умеет подкрадываться тихо. Но, если хочешь, просыпайся. Вопросы всё равно останутся.

Шооран вынырнул из сна и, хотя утро ещё не наступило и небесный туман даже не начал желтеть, встал и принялся собираться. Пора было идти строить дорогу.

Стена Тэнгэра казалась здесь ещё страшнее. Должно быть, чем дальше от берега, тем хуже сопротивлялась она действию влаги. Шооран легко поставил оройхон, но не стал выходить на него. За три раза он привык к тому, как мгновенно вспыхивают при его приближении авары, и теперь ему было интересно посмотреть, что случится, если он не станет входить на пограничный оройхон. Всё равно придётся строить рядом ещё один остров, огненного болота он больше создавать не станет. Хватит и прошлой встречи с Многоруким. Выкрутиться ещё раз не удастся.

Второго оройхона Шооран построить не успел. Явился Ёроол-Гуй.

В начальный миг, когда рухнули неокрепшие суурь-тэсэги и из крутящегося водоворота, полного камней и пены, полез бог далайна, Шоораном овладела паника. Он чуть не заметался, что было равносильно гибели, но вовремя вспомнил, что за спиной у него четыре оройхона и лишь два из них огненные, так что он сможет уворачиваться от мерзкого божества сколько угодно. Шооран начал медленно отступать по поребрику, ожидая броска Ёроол-Гуя. Но тот по непонятной причине кинулся на только что поставленный пограничный оройхон. Это была большая удача, можно было уйти, не торопясь и ничем не рискуя, но Шоораном овладело странное, болезненное любопытство. Он впервые видел Ёроол-Гуя со спины, если, конечно, у того могла быть спина. Многорукий не полностью выполз на оройхон, какая-то часть, вытянутая и пульсирующая, свешивалась вниз. Здесь тоже были руки, узловатыми корнями они впивались в кромку оройхона, терзая и обрушивая её. Но основная масса чудовища, невидимая отсюда, ползла по приграничному оройхону. Там что-то гремело и рушилось, словно Ёроол-Гуй вознамерился посуху добраться к стене Тэнгэра и собственными руками довершить то, что не успела сделать влага.

Шооран подошёл ближе и вдруг стремительно ринулся вперед. Этого было нельзя делать ни в коем случае, на любой пяди земли невидимый глазу мог струиться осязательный отросток, тонкий, как паутина зоба, и прочный, словно канат, свитый из живого волоса. И всё же Шооран, подбежав вплот-

ную к тому месту, где оройхоны соприкасались углами, прыгнул вниз.

Илбэч ступил на пограничный оройхон, и немедленно авары полыхнули пламенем, по сравнению с которым любой человеческий огонь показался бы холодным свечением подземного слизня. Пламя ударило вползшего на оройхон Ёроол-Гуя.

С самого сотворения мира к облакам не поднималось такого столба дыма. Даже те давние события, когда, охотясь за Энжином, Многорукий три дня провёл на аварах, не могли сравниться с тем, что произошло сейчас. Ведь тогда он едва ли на дюжину шагов вполз на горячие камни, а сейчас он был там весь, растянувшись на целый оройхон.

Вопль потряс окрестности. Кричал не бог, он оставался молчалив, кричали раскалённые камни, лопааясь от льющейся на них влаги и холодной крови. Из трещин вытекала лава, авары застывали уродливыми наростами и вновь лопались. Был пар. Смерчем закручивался дым, вихрь рук, сплетшихся в воздухе, казался бушующим столбом пламени.

Со времён битвы за алдан-тэсэг не получал Ёроол-Гуй такой оплеухи. Никакие выстрелы из ухэра не могли бы нанести подобного вреда. Бог ледяных глубин столкнулся со стихией, мощь которой была сравнима с его собственной. Так же как и он сам, авары не уставали и, лопааясь, лишь жарче палили огнём.

Теряя руки и ошмётки плоти, Ёроол-Гуй сполз с негостеприимных тэсэгов и камнем ушёл в глубину. Если бы Шооран мог видеть своего врага в эту минуту, ему бы почудилось, что тело Ёроол-Гуя уменьшилось едва ли не наполовину. Но Шооран не видел ничего. Закрыв лицо руками, кашляя и задыхаясь, он бежал, спасаясь от горького дыма, туда, где можно хоть как-то дышать.

* * *

Ёроол-Гуй не появлялся неделю.

За неделю Шооран поставил десять оройхонов, окончательно изнемог и едва волочил ноги. От красавца цэрэга оставалась одна тень, покрытая багровыми следами ожогов. Так что, когда на седьмой день поутру с далайна донёсся удар, возвещавший, что властелин вернулся, Шооран не испытал

никаких чувств, кроме усталого сознания, что теперь можно отдыхать.

Десять оройхонов, расположенных по два, составили длиннейшую сухую полосу, пусть не слишком уютную, но зато совершенно безопасную. Шооран повернулся на другой бок и, хотя уже рассвело, сладко заснул под шумную возню Ёроол-Гуя. Он проспал сутки с гаком, а проснувшись, обнаружил, что Ёроол-Гуй по-прежнему восседает на суурь-тэсэгах последнего оройхона. День Шооран провёл, бесцельно разгуливая по сухой полосе. Ёроол-Гуй думал о вечном. На следующий день у Шоорана кончилась вода, и он вышел на самый дальний от Ёроол-Гуя мокрый оройхон поискать чавги. Однако эта земля была ещё слишком молодой, чавга не успела созреть, и выжать воду из крошечных комочков не удалось. Можно было бы вернуться к дому старика, где Койцог, конечно, даст и воду, и новый запас лепёшек и сушёного наыса, но Шооран не хотел совершать переход по огненному болоту, когда Ёроол-Гуй так близко. Скрыться там было бы попросту некуда.

Тогда Шооран решил согнать Ёроол-Гуя с насеста. Осторожно, по поребрику дальних от Ёроол-Гуя оройхонов вышел к далайну и начал строительство. Он заранее готовился к болезненному удару, который получит, когда Ёроол-Гуй начнёт ломать незавершённую землю, но Многорукий не двинулся с места, и новый оройхон встал прочно. На следующий день мучимый жаждой Шооран (он уже два дня ничего не пил), потеряв осторожность, вновь взялся за строительство. Придвигаясь к лежищу гиганта, он поставил ещё два острова. Теперь три оройхона прикрывали достаточный кусок суши, чтобы один из прежних оройхонов стал чистым. Шооран начал ждать воды. Она ударила из расщелин бурлящими фонтанами, мутная, ещё смешанная с нойтом. Через несколько минут потоки посветлели, грязь уплывала к границам, плодородной землёй оседала на полях. Шооран, словно первый бовэр на пустом оройхоне, фыркал в ручье и радостно ругал себя, что не выстроил сухого оройхона раньше. Имея сухой оройхон, он мог чувствовать себя совсем спокойно. Воды у него теперь сколько угодно, а припасов хватит, чтобы дожидаться появления первых побегов хлебной травы. Тонкие и нежные, они были годны в пищу, хотя обычно никто не использовал их так расточительно.

Ёроол-Гуй не отреагировал и на эти оройхоны. Мысли о вечном или что другое поглотили его полностью. Если бы не руки, безостановочно продолжающие бессмысленную работу, можно было бы решить, что бессмертный господь наконец издох на радость всем живущим.

Положение становилось, мягко говоря, странным. Никто не знал, сколько времени Ёроол-Гуй может провести на суше. Кажется, это время вообще ничем не ограничивалось.

Прождав три дня, отоспавшись, изрядно поприев запасы и опившись водой до состояния перезрелой чавги, Шооран вернулся к далайну и начал наращивать землю не в том направлении, куда хотел, а куда мог. Поверх трёх оройхонов, создавших ему сухую землю, он поставил ещё три. Сначала тот, что ближе к Ёроол-Гую, а затем, ничего уже не опасаясь, и два других. Ёроол-Гуй пребывал в прострации. Возможно, сидя на земле, он не чувствовал ударов илбэча, а возможно — лечил таким образом ожоги, и ему было не до охоты. Шооран, выйдя из себя, метался по поребрику вдоль занятого оройхона, орал на Ёроол-Гуя и швырялся камнями. Многорукий благодушествовал.

Оставалось продолжать начатое и увеличивать ненужный выступ земли в надежде, что когда-нибудь он пригодится. Или можно было спать, соревнуясь с Ёроол-Гуем в терпении. Шооран пошёл обоими путями. Он всласть спал, экономя силы и припасы (ростки хлебной травы были ещё слишком малы, чтобы принимать их всерьёз), а выславшись до опухшей физиономии, шёл к далайну. Он поставил ещё два оройхона, а затем Ёроол-Гуй внезапно и беспричинно исчез.

Шооран прошёлся вдоль сухой полосы. Его мучили сомнения. Легко ругаться на Ёроол-Гуя, видя его и зная, что он не может тебя достать. А как быть сейчас? Что, если Многорукий никуда не уплыл, а ждёт, укрывшись под берегом, чтобы, когда ты приблизишься, снять тебя с оройхона на манер чёрного уулгуя?

В конце концов Шооран решил и начал работу, но не там, где прежде сидел Ёроол-Гуй, а в стороне, превратив тройку оройхонов в четвёрку. Ёроол-Гуя не было. Шооран прошёлся по запретному оройхону, вышел к далайну, постоял там пару минут и ушёл, ничего не сделав. Он чувствовал себя неуверенно и опасался, что далайн не послушает его.

Оройхон после двухнедельного пребывания Ёроол-Гуя

представлял жалкое зрелище. Тэсэги, изъёрзанные огромным телом, были раздроблены в крошку, верхушки суурь-тэсегов скруглились, словно над ними поработали каменотёсы. Входы в шавар обрушились, а вместо беловатого нойта камни покрывала тягучая зелёная слизь. Она светилась в темноте, и от неё муторно несло трупным запахом. Шооран собрал немного слизи во флягу, но слизь в минуту растворила тонкие стенки и растеклась.

Лишь после этого Шооран заметил, что подошвы новых башмаков, подаренных Койцогом, расползаются на глазах. Раздосадованный Шооран спешно покинул негостеприимный оройхон, твёрдо решив при первой же возможности превратить его в сухой, чтобы вода смыла всю пакость.

На следующий день Шооран вернулся и выстроил остров там, куда его не пускал Ёроол-Гуй. В ответ царь далайна опустил один из первых участков этой земли, пожрав подростковую чавгу и заведшееся в шаваре зверьё. Затем, не прячась и разгоняя мутные волны, словно небывалый авхай, понёсся к берегам земли вана и там учинил разгром среди успокоившихся было изгоев. Шооран тем временем поставил оройхон у стены Тэнгэра, сделав ещё шаг в страну добрых братьев. Этот оройхон завершал третью дюжину островов, созданных Шоораном, причём больше половины из них родилось за последние пару месяцев.

Началась жизнь, похожая на бесконечно долгую и мучительную игру. Ёроол-Гуй приходил и уходил, то пропадая, то в один день посещая несколько оройхонов подряд. Шооран часами сидел над картой, давно уже не той, а новой, вычерченной им самим, стараясь угадать, где сейчас менее опасно, потом шёл и наносил удар. Иногда он ошибался, Ёроол-Гуй успевал к месту строительства, и Шоорану приходилось, превозмогая боль и ловя каждое движение непредсказуемой твари, уходить по кромке оройхонов. Отрезать себя на маленьком клочке суши Шооран больше не давал, но и после простых встреч он болел по нескольку дней кряду.

Никаких запасов, разумеется, не могло хватить на это время, поэтому, чтобы не голодать, Шооран выкосил поле на одном из сухих мест и временами подолгу жил рядом с ним, заготавливая хлеб. Питался он мясом, лепёшками и наысом. Туйвана у него не было, туйван начинает плодоносить на

шестой год, тогда как самые большие деревья пока едва доставали Шоорану до колена.

Бывало, что и Ёроол-Гуй пропадал надолго, и тогда Шоорану представлялось, что в это время его недруг, скрывшийся в бездне, возделывает там своё поле, заготавливает отвратительный подводный найс, вялит мясо, а кончив дела, всплывает, чтобы продолжить гонку за илбэчем.

Кроме того, во время домашних работ его не покидало ощущение, что вся жизнь лишь померещилась ему, а на самом деле не происходило ничего и он после ухода старика так и живёт один. Опасаясь за рассудок, Шооран вслух рассказывал себе историю своей жизни, потом доставал карту и бесконечно измерял расстояния — сколько ещё осталось до страны добрых братьев. Выходило уже не так много, большую часть пути Шооран прошёл, и если бы поставленные им оройхоны вытянуть в цепочку по два, он давно уже достиг бы цели. Но и без того «страна Шоорана», как называл он её, тянулась на день пути, ходить из конца в конец становилось всё дольше и утомительней, так что в конце концов Шооран перебрался на другой сухой остров и освоил новое поле.

К этому времени им было построено шесть с половиной дюжин оройхонов. Если верить легендам, один лишь Ван сделал за свою жизнь больше. Но Ван жил долго и был прославлен в поколениях.

Когда одинокая жизнь стала почти привычной, появилась неожиданная проблема: куда девать время? Всё-таки человек не двужильный и не может работать без передыха, а значит, наступит вечер, когда не хватит сил поставить оройхон, и выпадет из руки серп, а недоделанный гарпун вызовет лишь чувство отвращения. В такой вечер надо сидеть, прислонившись к тэсэгу, лениво глядя вдаль, неспешно перебрасываться словами с соседом или под звон сувага слушать долгие, перетекающие одна в другую истории, что заунывно выпевают забредший на оройхон сказитель.

У Шоорана не было семьи, друзей, ни даже соседей. Но был простор, зреющее поле, а главное — много одиноких вечеров. И он сделал себе суваг. Подпилил хищные зубы на изогнутой рыбьей челюсти, сплёл из живого волоса струны, натянул их, намотав на колки зубов, и с тех пор подолгу будил красную вечернюю тишину звоном дрожащего волоса. Иног-

да сидел и пел до самого утра, а утром вставал и отправлялся к далайну.

Появившись там в очередной раз, Шооран нашёл далайн кипящим и покрытым пеной. Мягмар. Когда-то Шооран собирался пройти путь за месяц, а идёт больше года. Послезавтра ему стукнет полторы дюжины — тот возраст, что он приписал себе, поступая на службу. Шооран вернулся к дому, сел на берегу ручья, наклонившись над водой, начал разглядывать своё отражение. Сейчас он мог бы приписать себе и две, и три дюжины, хотя теперь ни один одонт не согласился бы принять его в войско. Следы нойта и ожогов на лице придали ему вид законченного изгоя, подаренная Койцогом одежда истрепалась, истлевшие башмаки сменились безобразными буйями. Пожалуй, Явдай и не узнает его... А он её?.. Прошёл год с лишним. Явдай давно стала матерью, а он даже не знает, кто у них родился — сын, дочка? Сына он назвал бы Шаороном, а дочь... так, как захочет Явдай. Благодный Ёроол-Гуй! Что за бред он несёт? У малыша давно есть имя, он уже узнаёт его звучание среди других слов, поворачивает головку, улыбается. Проклятый Тэнгэр, как ты обманул Явдай, чем сумел напугать её, гнусный старикашка, что она ушла от меня? Жаль, что я не могу достать до твоего горла, я бы вцепился в него крепче, чем Ёроол-Гуй!

Шооран погрозил белому небесному туману кулаком и пошёл за гарпуном. Раз эту неделю нельзя строить, то надо сходить на те оройхоны, что постарше, затравить пару тукк и хотя бы сшить себе башмаки.

За неделю Шооран обновил гардероб и арсенал, заготовил впрок изрядный запас продуктов и устроил в разных местах несколько тайников, чтобы не повторилась история, когда ему с боем пришлось возвращать собственное барахло. Страна добрых братьев, о которой он знал меньше, чем о жизни на алдан-тэсэге, была уже близко, и он готовился ступить на её острова во всеоружии.

Последнее время при взгляде на карту Шоорана мучила мысль: в каком направлении двигаться? Страна добрых братьев была совсем рядом, если идти на восток, до неё оставалось три оройхона. Но там он наверняка оказался бы в густо населённых местах, где его появление, а точнее, появление новой земли было бы сразу замечено. А Шооран не хотел громко объявлять о своём приходе. Название страны вызыва-

ло у него недоверие, пугало слишком категоричным утверждением, что уж здесь-то всё в порядке и алдан-тэсэг стоит именно тут.

Двигаясь вдоль стены Тэнгэра, можно было подойти незаметно к наверняка пустынным мёртвым краям, но этот путь казался слишком долгим, он должен был занять не один месяц. К тому же первый путь рассекал далайн на две части, и Шоорану нестерпимо хотелось узнать, как поведёт себя Ёроол-Гуй в этом случае и можно ли вообще разделить далайн.

Едва кончился мягмар, Шооран повернул на восток.

Он и теперь двигался широкой полосой, помня, что в узком месте от Ёроол-Гуя не спрячешься, а запасной жизни у него нет. За восемь дней отдохнувший Шооран построил пять оройхонов и наконец со стыка последних двух различил вдали землю. До неё оставалась тройная дюжина шагов, на таком расстоянии низкий берег был почти незаметен, а верхушки суурь-тэсэгов сливались с облаками, но Шооран знал, что надо искать, и увидел.

Он был готов и к тому, чтобы перейти в страну добрых братьев, и к тому, чтобы стремглав бежать прятаться, ежели по перешейку хлынет толпа, как это было в прошлый раз, когда люди нашли дом старого илбэча. Однако не произошло ни того, ни другого. Он просто не сумел поставить оройхон. Это было равносильно попытке поднять заведомо огромную тяжесть, неподъёмную и для дюжины силачей. Далайн вздувался мощным бугром, но через минуту тот бесследно опадал. Кончилось всё тем, что явился Ёроол-Гуй и погнался неудачливого илбэча назад по выступу, к счастью, достаточно широкому, чтобы можно было ускользнуть от тянувшихся рук.

Оставалось идти долгим путём. Вновь начались метания по стране, ставшей уже слишком большой, чтобы не считаться с расстояниями. Шооран скоро заметил, что Ёроол-Гуй не больно охотно проплывает узкий пролив, отделяющий молодую землю от страны добрых братьев. Очевидно, гиганту было тесно там. Шооран стал этим пользоваться. Он уходил на крайний юг страны, ставил оройхоны: один, два, а то и три, дожидаясь появления противника, а потом совершал бросок к стене Тэнгэра и работал там, зная, что Ёроол-Гуй появится не скоро. Стремясь побыстрее пробиться к цели, Шооран забросил поле, щедро проедал старые запасы и, не считая,

колол бовэров, которых, впрочем, слишком много развелось на пустынных землях.

...Семь дюжин оройхонов, восемь дюжин. Месяц прошёл. Девять дюжин. Конец пути приближался. Уже не с мыса, а просто с побережья стало видно, что на востоке маячит земля. Вечерами Шооран пытался представить, что говорят о нём на противоположном берегу. Ведь там тоже видна земля. Хотя, если страна добрых братьев не так густо населена, как государство вана, то его могут не обнаружить довольно долго. Любителей прогуливаться вдоль далайна не так много.

Девять дюжин восемь оройхонов. Следующий оройхон, который должен был увеличивать сухую полосу, не встал. Тот берег был слишком близко, остров слился бы с ним, отрезав часть далайна, и далайн вновь не позволил членить себя. Дальше предстояло тропить дорогу смерти.

Меньше всего Шооран хотел вновь ходить по огненным болотам, но другого выхода не оставалось, и Шооран начал тщательно готовиться к экспедиции. Он восстановил запас продовольствия, в очередной тайник спрятал карту. Сам он помнил её наизусть, а выдавать кому попало тайну новых земель не собирался. Хватит с него и одного Хооргона. Окончив несложные приготовления, Шооран отошёл на юг и начал строить землю там. Он поставил полдюжины оройхонов, не уходя из опасных мест, пока не увидел Ёроол-Гуя. И лишь потом, надеясь на защиту узкого пролива, Шооран ступил на мёртвую полосу.

Два оройхона, отделявшие его от границ земли братьев, Шооран поставил в один день. Второй оройхон был ещё не завершён, когда Шооран внезапно почувствовал дурноту. Лишь мучительным усилием воли он заставил себя закончить строительство. Теперь надо было как можно быстрее уходить из опасного места, мчаться в страну добрых братьев или, на худой конец, назад к себе, но Шооран не мог этого. Он шагнул пару раз трясущимися ногами и тяжело сел на свежий, только что родившийся камень. Сейчас он не вспоминал ни об опасности, ни о Явдай. Думал лишь о пройденном пути.

Вот и всё. Минуту назад он решил судьбу мира, замкнув далайн сплошным кольцом оройхонов. Нигде больше жгучая влага не касается обветшалой стены и, значит, никогда не разьест её и не вырвется за пределы вселенной. Мрачная угроза Ёроол-Гуя не сбудется. Но будет ли это во благо? Спас

ли он только что мир или, напротив, замуровал в тесноте ограждённого далайна? Тяжкая доля — делать, не ведая, что делаешь.

— Уж тебе это на пользу... — прошептал Шооран, с ненавистью глядя на облака.

Ни в небесах, ни среди влаги ничто не менялось.

Шооран встал, поправил на боку заранее собранную сумку и, опираясь на гарпун, словно на палку, медленно пошёл в неведомую страну, где, может быть, ждала его Явдай.

* * *

Значит, так вышло. Речь пойдёт об одном илбэче. Кое-кто говорит, что это был Ван, но зря слушать болтунов не стоит. Незачем всё валить на Вана, оставьте и другим отведать этой чавги. Так вот, жил некий илбэч, жил он много лет, состарился, седой стал, как дух шавара, а дела своего не бросал. Но сколько ни строил — доволен не бывал. И однажды сказал себе:

— Старик Тэнгэр поставил всего-то пять оройхонов, до полудюжины не дотянул, а его все хвалят. Я создал пять дюжин новых островов, но меня никто не знает. Неужели я хуже древнего старика?

Задав такой вопрос, он подумал и сам себе ответил:

— Да, мудрый Тэнгэр искусней меня. Его оройхоны сложены огнистым кремнем, а мои легковесны, их камень можно крошить руками. Но я докажу всему миру, что я не хуже старика.

Илбэч выбрал место и начал строить. Вскоре оройхон был готов, хороший оройхон, ничуть не хуже всех остальных, но илбэч не успокоился и продолжал строить его всё больше и больше. Каждый камень он делал как тэсэг, а тэсэг — словно холм. Столбы под оройхоном сгибались от страшной тяжести, но илбэч ничего не замечал. Лишь когда верхушки суурь-тэсэгов скрылись в небесном тумане, гордый илбэч сказал:

— Старик Тэнгэр не умел делать такое. На подобном оройхоне должен быть и кремень, и многое множество иных чудес!

И он пошёл, чтобы взглянуть на сотворённые им чудеса. Но его малый вес оказался последней каплей, переполнившей чашу, и едва гордец ступил на чудовищный оройхон, как столбы, не выдержав, подломились, и илбэч исчез в пучине вместе со своим творением.

Вот и вся простая байка. Поучение пусть каждый выберет

сам. Большинство скажет поговорку: «Из кучи чавги не слепишь одного туйвана», — и они будут правы. Длиннобородые мудрецы, грозно подняв палец, внушительно объясняют, что такова судьба всякого, вздумавшего посягнуть на божье величие. С ними тоже согласятся. А некоторые — их мало, и они слывут глупцами — молча решают, что лучше провалиться в тартарары, чем жить, не поднимаясь выше того, что указано тебе кем-то другим.

ГЛАВА 6

Первый же человек, встретившийся Шоорану в стране добрых братьев, заслуживал самого пристального внимания. Несомненно, это был изгой, самый его вид надёжно разрушал басни о сказочной жизни в далёкой стране. Но даже среди изгоев редко можно встретить столь изувеченного человека. На нём не было ни единого целого места, шрамы наползали на шрамы, словно человек был покрыт грубой буро-красной корой. Единственный глаз недобро смотрел из-под вздёрнутого века, вместо другого глаза слезилась покрасневшая воспалённая яма. На щеке пониже ямы зиял сквозной свищ.

Человек сидел на корточках, разрывая стеблем хохиура чавгу, и тут же ел её. Дыру на щеке он прикрывал рукой, из-под пальцев текли сок и слюна. Пальцев на руке оставалось всего два, и рука была похожа на диковинную клешню.

Но каков бы он ни был собой, у него можно узнать хоть что-нибудь о стране. Пусть он думает, что говорит со шпионом, доносить подобный тип всё равно не побезит.

— Привет! — сказал Шооран. — Как удача?

При виде незнакомца, внезапно возникшего перед ним, калека подскочил, затем полуприсел в странном поклоне. Рубцы и шрамы сложились в гримасу, должную изображать улыбку.

— Ждыавштуйте, доввый шеловек! — Через дыру со свистом выходил воздух, передних зубов у бродяги тоже не оказалось, и понять, что он говорит, было почти невозможно.

— Как тебя зовут?

— Ижвините, — невпопад ответил калека, прижимая остатки рук к груди.

В следующее мгновение он ударил.

Шооран никак не ожидал удара да ещё с левой руки, в пе-

чень, и хотя успел отшатнуться, но клинок, возникший в руке изгой, пробил жанч и, если бы не кольчуга, поранил бы Шоорана довольно ощутимо. Плетёная хитиновая рубаша, спружинив, отвела остриё, и через две секунды изгой был обезоружен.

— Умён! Ты долго думал, пустая голова?

— Виноват, доввый шеловек. Фогойшилша.

— Чего?.. — не понял Шооран.

— Гойяший шлишком. Виноват.

— Ладно. Так как тебя зовут? Только без ножа говори.

— Ылаго-фьэ-фодоф-ный-штау-ший-вуат... — Было неясно, силится изгой что-то произнести или нарочно мучает звуки, издеваясь.

Шооран добыл из сумки пластырь.

— Залепи щёку и отвечай толком. А то шипишь, как пойманная тукка, ничего не разобрать.

— А жашем уажбиуать? — ощерился изгой. — Не видишь, што ли, што я маканый? — от злости или перестав паясничать, он заговорил почти разборчиво. — Ешть выемя — ташии меня куда надо, а нет — фуаваливай к Ёоол-Гую!

— А ты не видишь, что я нездешний?! — взорвался Шооран. — Я о ваших делах ничего не знаю! — В следующее мгновение он сообразил, что здесь, на дальней окраине, неоткуда взяться чужаку, и поспешил объясниться, впрочем, не меняя взбешённого тона: — Третью ночь ползаю по вашей стране, из конца в конец прошёл — ничего не пойму!

Изгой просветлённо хлюпнул носом, расправил смятый пластырь, вытер со щеки текущие слюни и водрузил пластырь на свищ.

— Так ты иж жемли штарейшин? — сказал он, лишь слегка пришепётывая. — Так бы и говорил шражу.

— То-то ты слушал, — укоризненно заметил Шооран.

Изгой разложил подстилку, устроился на ней поудобнее. Спросил:

— Тшево тебе рашкажывать-то?

— Сначала — вообще. Как вы тут живёте?

— Живём хорошо. Любим друг друга до шмерти.

— Это я уже понял. — Шооран сунул палец через проби-тую в жанче дыру, проверяя, цела ли кольчуга. — Правит у вас кто?

— Никто не правит. У наш равенштво. Вше люди братья, только одни штаршие да умные, а другие — дураки.

— Ну а принадлежит всё — кому? Я с суурь-тэсэга смотрел, поля у вас огромные, одному такое не убирать.

— Общее. Вше вмеште работают.

— Ясно, — сказал Шооран, вспомнив, что рассказывал Энжин о стране старейшин. — Ну а ест кто? Мяса-то всем не хватит.

— Вше понемножку едят. Не мяшо, конечно. Мяшо, туй-ван — это тшерэгам. А протшим оштаётша только для нажвания.

— У вас что, очень много народу живёт на оройхонах? — недоумевающе спросил Шооран. Рассматривая с высоты сухой оройхон, он не заметил слишком большого перенаселения.

— Много, штрашть школько.

— Больше тройной дюжины? — удивился Шооран.

— Не-е! Где такую прорву прокормить? Меньше.

— Ладно, — сказал окончательно запутавшийся Шооран. — Разберусь. А ты-то почему здесь? Ты бандит?

— Я — маканый, — странное слово звучало будто характеристика и вместе с тем как имя. — Бандитов у наш нет.

— Слушай, — сказал Шооран, переходя к главному для себя вопросу. — Я ищу одного человека, женщину. Около года назад она ушла в вашу страну. Подскажи, где она могла приткнуться, где её искать?

— Мы чужих не любим. — Изгой вздохнул, пластырь на щеке вздулся пузырём. — Молодая она?

— Молодая. И красивая.

— Тогда её могли в какую-нибудь общину принять, общей женой.

— Это как? — насторожился Шооран.

— Я же говорю — у наш равенство. Мушшины могут иметь много жён, а женщины ражве хуже? Они тоже могут. Ешли она шоглашитша вжать в мужья шражу вшех мушшин в общине, то её могут принять.

— Вообще это называется не жена, а по-другому, — заметил Шооран. — Она не согласится. К тому же она ребёнка ждёт... ждала тогда, сейчас уж родила давно.

— Ш ребёнком нигде не вожмут. Ей тогда одна дорога — на алдан-тэшэг.

Шооран вспомнил удивительные представления братьев о загробной жизни и промолчал. Потом спросил:

— А если всё-таки искать, то где?

— Где угодно. У наш швобода. — Изгой отвернулся от Шоорана и занялся чавгой. Потом сказал, не оборачиваясь: — На ближних оройхонах таких нет. Я тут všех жнаю.

— А как вы друг друга зовёте? — спросил Шооран. — Чтобы мне не пугать всех подряд. Обычаи у вас какие?

Ответить изгой не успел. Из-за тэсэгов вышло с полдюжины вооружённых людей.

— Кто такие? — Острия копий упёрлись сидящим в грудь.

— Ах, доблешные тшерэги! — зашамкал изгой. — Што вам надо от двоих ушталых путников? Мы пришли отдохнуть...

— Ты молчи, недомаканный, — прервал старший. — С тобой всё ясно. А вот это что за диво из далайна? — Он повернулся к Шоорану. — Обыскать.

— Не советую! — Шооран схватился за гарпун.

Удар копы болезненным толчком отдался в груди, но кольчуга выручила, а в следующее мгновение Шооран был на ногах. Он мог бы проткнуть потерявшего равновесие воина, но ещё надеялся закончить дело миром и не хотел убивать. Он лишь выбил копьё, ударив тупым концом гарпуна по пальцам, и тут же отступил на шаг.

— Я на вас не нападал. Что вам от меня надо?..

Удар не позволил ему договорить. Кто-то из противников, оставшийся в укрытии и не замеченный им, подкрался сзади и ударил по затылку.

Шоорана скрутили, сорвали сумку и жанч. Увидав открывшуюся под жанчем кольчугу, командир довольно протянул:

— Зна-акая штучка! Как же ты попал так далеко от своей границы?

Шооран угрюмо молчал. В затылке часто стучала боль.

— Женшину он ишшет, — угодливо сообщил изгой. — Про женшину он шпрашивал.

Не переставая сгибаться в поклонах и прижав культияпки рук к груди, изгой поднялся и вдруг метнулся в сторону, намереваясь бежать. Но цэрэгам была хорошо знакома эта уловка, один из них ткнул древко копы между ног бегущего, калёная кувыркнулась в нойт.

— Ку-уда?.. — засмеялся дюженник. — Шустрый какой...

— Меня-то жа што, добрые люди? — захныкал изгой.

— А кто чавгу жрал?

— Не я! — почему-то испугался изгой. — Это вот он, дьяволопоклонник!

— То-то я не видел... Давайте, братцы, пошли. Отбегали своё.

* * *

Раздирая предутреннюю мглу, прогудела раковина, и сухая полоса закопошилась, просыпаясь. Каторжники нехотя поднимались с земли, встряхивали одежду, на которой спали, натягивали её и шли строиться на молитву. К этому мероприятию Шооран никак не мог привыкнуть. Дико было видеть, как десять дюжин взрослых мужчин становились на колени и повторяли вслед за старшим братом:

— Всеблагой господь, создатель вод, тверди и небесного тумана, вечный Тэнгэр! Благодарим тебя за прошедший день, просим дня будущего и жаждем жизни вечной на светлом алдан-тэсэге твоём. Охрани нас могучей мышцей твоей от многорукого Ёроол-Гуя и злых дел его. Тебе молимся и на тебя уповаем, ибо нет в мире бога, кроме тебя. Яви славу твою в делах светлых илбэчей твоих, их же любим благодарным сердцем... — Каторжники нестройно выводили слова молитвы, и илбэч повторял вместе со всеми: — Их же любим благодарным сердцем во все века, куда стоит далайн.

Не мог он к такому привыкнуть. Тошно было.

Еды по утрам не полагалось, после молитвы заключённые отправлялись на работы. Кто-то со спутанными ногами и под строгим караулом уходил на мокрое за нойтом. Работа считалась не тяжёлой, но опасной. Явится Ёроол-Гуй — что тогда? Как бежать, если можешь сделать лишь небольшой шагок?

Другие, и Шооран в их числе, варили ухэры. Взгромоздив на авары костяные чаны, кипятили смердящий нойт, бросали в него искрошенные панцири собранных в мягмар тварей, высушенных ыльков, спутанный в клубки и ни на что больше не годный волос, иной хитиновый сор. Кашляя и задыхаясь, размешивали варево, а когда весь хитин растворялся, с надсадным криком снимали котлы с огня и выливали густую массу в огромную, выдолбленную прямо в скале ванну. Там наступала очередь мастеров, которые, впрочем, тоже были каторжниками. Возле ванны, поднимаясь чуть не на три чело-

веческих роста, стояло странное сооружение. Костяные части делали его похожим на скелет невиданного, вставшего на дыбы зверя. Называлось устройство: «макальник». Сверху на толстых верёвках — не хитиновых, упаси Тэнгэр, а из соломенной пряжи — висело тяжёлое, аккуратно обточенное и тщательно отполированное бревно. От горячего нойта древесина стала чёрной и лоснилась, густо смазанная салом жирха. Под громкие крики работников макальник со скрипом сгибался и окунал бревно в раствор. Не дав нагреться, бревно поднимали и окунали в холодную воду. Затем снова в нойт и вновь в воду. Постепенно на бревне нарастала корка хитина. Через неделю макания она достигала нужной толщины, тогда болванку высушивали, обрезали с одного конца, извлекали многострадальное бревно, а полученную заготовку отправляли оружейникам, которые доводили будущий ухэр до готовности.

Шооранов знакомец, оказавшийся на каторге своим человеком, распоряжался у макальника. Он нечленораздельно орал на подчинённых, шипел и плевался через дыру в щеке. Пластырь у него содрали сразу же, чтобы он ничем не отличался от окружающих. «Швободы» на каторге было немного, а вот «братштво» и особенно «равенштво» процветали вовсю. Кстати, покалеченного изгоя Маканым называли все. Шооран, увидев макальник, подумал было, что Маканый побывал в ванне. Но он тут же отбросил эту мысль: в горячем нойте человек не выжил бы и секунды. Рубцы на лице и руках Шоорана, оставшиеся со времён большой охоты Ёроол-Гуя, подтверждали это. Скорее всего, Маканый получил прозвище за свою профессию.

Когда облака начинали краснеть, работа прекращалась, каторжников выстраивали на новую молитву, а затем всё-таки кормили. Давали недобродившую, скверно сделанную кашу. Разжёвывая хрустящие зёрна, Шооран недоумевал: неужели так трудно приготовить кашу хорошо? Она сама получится, надо лишь замочить зерно с вечера. Но, вероятно, тот, кто готовил пищу, считал, что каторжников надо содержать плохо, и дело своё исполнял.

После еды следовала третья молитва, во время которой присутствующие признавались в братской любви друг к другу. Затем пороли провинившихся. Наказывали за самые разные вещи: за плохую работу, за драку, за сказанное вслух

чёрное слово. Особенно жестоко били сборщиков нойта, если обнаруживалось, что они собирали и ели чавгу. Есть чавгу считалось грехом и поклонением Ёроол-Гую. Маканого тоже пороли за это в первый день, а когда не понимающий, что происходит, Шооран сказал, что он вырос на чавге, то выдрали и его.

Лишь перед самой темнотой у каторжников оставалось немного времени, и тогда оказывалось, что они ещё способны жить. Кто-то пытался подлатать одежду, кто-то беседовал, а из сгущающейся тьмы долетал тенорок местного сказителя:

— Рассказать, братья, могу я про женитьбу Ёроол-Гуя. Раз проснулся он в далайне и удивился крайне. Смотрит, спал пока, выросла новая рука. Ёроол-Гуй, он такой — Многоручному не впервой. Рука — ерунда, но такой ещё не видал никогда. Не висит, не болтается, в локте не сгибается. И пальцев не разжать никак, хотя на конце есть большой кулак. Бедняга с рукой потерял сон и покой. Рука готова, а проку с неё никакого. Такою рукою ни тащить, ни хватать, а только пихать. Да вот беда: не знает куда. Досада взяла Ёроол-Гуя: думает, что ему делать с... рукою?..

Сначала Шооран решил, что при первой же возможности сбежит отсюда, но вскоре изменил намерение. Бежать было не так уж и трудно: лагерь стоял на сухой полосе всего лишь в одном оройхоне от огненных болот, которые уже не обрывались в далайн, как прежде, и куда было легко уйти. Но Шооран сначала хотел разузнать о стране как можно больше, ибо надежда отыскать здесь Явдай ещё не совсем умерла.

Постепенно он начал выяснять, как живёт страна. Но только выяснять, а не понимать, поскольку понять это было невозможно. Здесь и в самом деле ничто никому не принадлежало, всё было общее. Никому не дозволялось иметь ничего, что отличало бы его от других. Но если с вещами выполнение закона можно было контролировать, то ел каждый в свой живот, и проверить съеденное не удавалось. На обширных полях процветало воровство. По ночам целые толпы отправлялись на соседние оройхоны красть несозревший хлеб, а на встречу им выползали другие толпы, но с той же целью. Общинники пытались выделять сторожей, но это лишь ухудшало положение: красть со своих полей было удобнее. Незрелая хлебная трава, которой в иных местах и цэрэги лакомились редко, здесь была на каждом столе, зато хлеба не хватало.

Опасаясь грабежа и понимая, что попавшее в общие житницы потеряно навсегда, жители кололи бовэров, не давая им вырасти, сбивали туйван прямо с дерева, обдирая при этом цветы и не щадя зелёных плодов. Нигде во всём мире вино не было таким кислым. Если бы не наыс, исправно подраставший каждую ночь, в стране вовсе наступил бы голод.

Те крохи, что всё же бывали собраны, следовало делить поровну между едоками. Неудивительно, что новых людей в общину не принимали, и Маканый был совершенно прав, говоря, что женщина с ребёнком нигде не найдёт места, ведь её надо кормить. Более того, община имела право за богохульство и иные прегрешения против истинной веры изгонять своих членов. В результате даже среди поклоняющихся дьяволу старейшин не было столь ревностных блюстителей церковного благочиния и добровольных инквизиторов, как среди вольнолюбивых добрых братьев.

Единственное, что создавало в стране подобие порядка, была армия. Цэрэги следили, чтобы взаимное воровство не переросло в откровенный грабёж, и за это каждый оройхон был обложен данью, причём не процентом с урожая, как в земле вана, а определённой, раз и навсегда установленной нормой. Горе тем общинам, которые не сдавали в срок положенного количества хлеба и иных произрастаний, добрые братья-цэрэги в таких случаях на время оставляли доброту и сурово наказывали виновных.

Армия была многочисленна, хорошо обучена, прекрасно вооружена и не терпела конкурентов. В стране действительно не было бандитов, отчасти из-за того, что ровная береговая линия не оставляла им достаточно места, в основном же потому, что большинство разбойников легко находили себе место в рядах цэрэгов.

Страна добрых братьев была самой обширной в далайне, но всё же не могла прокормить ни себя, ни своё войско. И войско нашло выход в войне. Если граница между царством вана и старейшинами была относительно мирной, а Торговый оройхон оправдывал своё название, то на другой границе у старейшин война не утихала. Цэрэги братьев атаковали противника чуть не ежемесячно. Чаще всего их атаки бывали отбиты, но иногда отрядам удавалось прорваться через заслоны. Тогда они сбрасывали в далайн вражеские ухэры и грабили идолопоклонников до тех пор, пока старейшины не подтягивали

подкрепления. Удержаться в чужой стране, снабжаясь через длинную полосу мёртвых земель, братья не могли — и уходили. Но даже обречённый на неудачу, но поначалу успешный поход делал его участника обладателем множества запретных, но таких притягательных вещей. Поэтому каждый новый набор солдат стремился на войну.

Отряды стражников не только воевали и поддерживали порядок, они брали на себя заботу об изгнанных общинами, не допуская, чтобы те становились бродягами, давали им еду и работу. В царстве доброты редко наказывали людей. Шооран лишь через неделю с удивлением узнал, что он не был осуждён за шпионаж, а, напротив, получил права гражданства, устроен на работу и теперь вместе с остальными возлюбленными братьями всего-лишь отрабатывает свой хлеб.

Однако, как её ни называй, каторга оставалась каторгой. Выяснив всё, что хотел, и поняв, что Явдай он здесь не найдёт, Шооран начал готовиться к побегу. Для бегства ему была нужна только обувь. Босиком по огненному болоту не побежишь, а буйи, в которых они работали возле аваров, на ночь отбирались. Вообще в стране одни цэрэги имели право носить обувь, остальные ходили босиком, и Шооран не раз думал, что такой запрет куда действенней запретов на ножи или хлысты. Хорошо, что сияющий ван не додумался до такого или же не смог ввести новшество из-за всеобщего злоупотребления башмаками и буйями.

Разрешить вопрос с обувью Шооран не успел, судьба распорядилась иначе.

В тот день начинали макать новый ухэр. Казалось, всё было готово: клеевой раствор вонял на аварах, бревно, хоть и старое, но годное в дело, заново отполировано и густо смазано салом, но Маканый был недоволен. Он размахивал руками и злобно свистел:

— Уеёфки гьянь! Тууха!

Прибежал оружейник, ведавший хозяйством. Взглянул, куда указывал Маканый, и приказал начинать.

Но Маканый заартачился.

— Офоуётша! — твердил он.

Всем было ясно, что Маканый недоволен верёвками и требует их заменить, но либо у оружейника не было в запасе верёвок, либо, что вероятнее, он посчитал ниже своего достоинства понимать шипение и бульканье калеки, но он презри-

тельно отвернулся и махнул котельщикам, чтобы те лили клей в ванну. Макальник поклонился раз, другой, потом с резким струнным звуком одна из верёвок лопнула, бревно нырнуло в ванну, сверху посыпались обломки, и полуразрушенный накренившийся механизм замер.

Оружейник — немолодой апоплексического типа мужчина тоже замер, перекосившись, ловя ртом воздух и наливаясь багровой краской.

— Ты что, гад недомаканный, сделал? Я тебе покажу, тварь вонючая, отучишься ломать!..

Маканный пятился, шипя неразборчиво. Обломок рухнувшего механизма полетел ему в голову, но Маканный быстро пригнулся, и массивная кость, просвистев над ним, ударила в висок одного из подручных. Это был придурковатый парнишка, почти мальчик, выгнанный за ненадобностью общиной и за это попавший на каторгу. Не издав ни звука, он покачнулся и рухнул в ванну. Шооран и ещё один котельщик, мрачный человек, о котором Шооран знал лишь, что его зовут Куюг, кинулись к ванне. Крюками, которыми двигали котлы, нащупали в мутной жиже тело, выдернули наверх. Признать человека в том, что они вытащили, было непросто.

Оружейник, кажется, и не заметил гибели одного из каторжников. Он продолжал наступать на Маканного, вслепую ища какое-нибудь оружие. Куюг аккуратно положил багор, не торопясь, обошёл ванну и саданул не ожидавшему нападения оружейнику в зубы. Подавившись криком, оружейник свалился на землю.

Двое цэрэгов, с любопытством наблюдавшие с поребрика за происходящим, перехватили копыя и с воплем ринулись вперёд.

«Только не вмешиваться, — подумал Шооран. — Моя жизнь дороже их всех».

Затем он шагнул, встав на пути у бегущих воинов.

Устрашающему боевому крику цэрэги были обучены превосходно, а вот что безоружный каторжник может знать приёмы рукопашного боя, в голову им прийти не могло. Иначе они не действовали бы так прямолинейно. Шооран легко ушёл от нацеленного копья, ударом по ноге опрокинул одного воина, а второго крутанул, ускоряя его бег и изменив направление. Боевой крик на мгновение сменился отчаянным взвизгом, затем жарко хлопнул нойт, и вопль оборвался.

Остальные каторжники как по команде бросились на упавшего цэрэга, принялись топтать его. Шооран подхватил валяющееся копьё.

— Надо уходить! — крикнул он.

На ближнем суурь-тэсэге выла раковина.

Беглецам не дали даже выйти с сухой полосы. Полторы дюжины вооружённых лишь крюками каторжников не могли оказать сопротивления обученному, снаряжённому и превосходящему числом противнику. Несколько каторжников были убиты, прочих связали и повели обратно в лагерь.

Суд был коротким. Вызванный из алдан-шавара старший брат выслушал рассказ забытого в суматохе и потому уцелевшего оружейника, затем обратился к связанным бунтовщикам:

— Возлюбленные братья! — Такое обращение обычно предшествовало порке. — Я не осуждаю вас. Кто я такой, чтобы осуждать хоть кого-то? Один вечный Тэнгэр может судить людей за их дела и мысли. Я вас прощаю. Но вы сами понимаете, что погорячились сегодня и ваш пыл следует охладить. Всем по шесть, зачинщикам — дюжина, — добавил он деловым тоном.

Зачинщиками были Шооран, Куюг и Маканый.

Шооран не обманывался относительно прощения. Он понимал, что эта фраза сродни надежде благополучно пройти босиком по шавару. Не знал лишь, к дюжине чего их приговорили, но спрашивать у собратьев по несчастью не стал. Скоро он узнает это и так. В своём поступке Шооран не раскаивался. Потом, если у него останется для этого время, он, может быть, и пожалеет о сделанном, а сейчас было только обидно, что всё так бездарно кончилось.

Преступников подняли и повели через сухой оройхон к далайну. По дороге к процессии присоединилась толпа народу: очевидно, зрелище обещало быть увлекательным. У кромки оройхона все дружно вытащили буйи и принялись обучаться. Шооран усмехнулся. Ну, конечно, как иначе попасть к далайну в мягмар? А без кости на оройхоне не проживёшь. Вот только зачем нужен закон, который никем не исполняется? Разве только для того, чтобы все были виноваты.

Мокрый оройхон был угловым. На крошечном кусочке побережья Шооран увидел знакомый силуэт макальника. Теперь всё стало ясно.

Приговорённых раздели донага и привязали к костяным крестовинам, стоявшим на берегу, чтобы ожидающие экзекуции тоже могли наблюдать за процедурой.

Вперёд вышел старший брат.

— Мы не осуждаем вас, братья, мы любим вас и молимся за ваше исправление. Но сегодня вы погорячились, и излишний жар следует охладить. Пусть грех вернётся к своему родителю!

Далайн размеренно колыхал ледяную влагу.

Первого из влюбленных братьев подвели к макальнику, начали обвязывать под мышками верёвкой. Макальный, распятый рядом с Шоораном, наклонил голову, прижал изуродованную щеку к голому плечу и сказал:

— Шесть раж — это терпимо. Можно выжить. На шебе жнаю. Когда опушкают, надо жжатша, а когда выташат — дёргатша шильнее, штобы ыльков штряхнуть. А потом шнова ушпеть жжатша в комошек. Главное — мушские чашти шберечь. Они и не понадобятша больше, а беж них шщё одно иждохлаешь. Нет, шесть раж — по-божешки. А вот дюжина — это конетш.

— Замолчи, будь добр, — попросил висящий слева от Шоорана Кую.

Макальник с долгим скрипом разогнулся и начал наклоняться к далайну. Каторжник, висящий в петле, поджал ноги. Возможно, он делал это инстинктивно, а может быть, как и все, знал, как следует вести себя во время макания. Макальник склонялся всё ниже.

— Не-е!.. — выкрикнул несчастный, затем влага сомкнулась над ним.

Также неторопливо адский механизм начал распрямляться. Вскоре человек показался над поверхностью. Он бился, извиваясь, размахивал руками и невнятно выкрикивал что-то вроде: «Хы! Хы!..» Впившийся в мясо ыльк отлетел в сторону, упал на берег, запрыгал на камнях, разевая усаженный тонкими зубами рот. Макальник пошёл вниз.

— Не выживет, — тоном знатока сказал Макальный. — Не жжалша.

После третьего раза казнимый уже не кричал и не извивался. Он мёртво висел в петле, лишь изъеденные руки слегка подёргивались. Но всё же его продолжали макать.

На шестой раз вниз пошло тело без всяких признаков

жизни. Оно ушло в глубину, но наверх уже не показалось. Могучий рыбок натянул канат, внутри макальника что-то хрустнуло, и он завалился набок. Канат, внезапно отпущенный, спружинив, подлетел в воздух. В разорванной петле ничего не было.

Трое палачей удручённо разглядывали поломанную машину. В толпе раздались крики, многие показывали пальцами на далайн. Там, между бугров влаги, появилось что-то похожее на частокол из костяных гарпунов, обтянутых серой кожей. Плавник быстро двигался, вздымая пенистые буруны. Маарах — огромная костистая рыба, желанная добыча во время мягмара, барражировала вдоль берега, явно не собираясь уходить.

— Никто не выживет, — сказал Маканый. — Шажрёт вшех. Вишь, как ходит.

Палачи, понукая добровольных помощников, подняли упавший механизм, кто-то полез наверх заменять поломанную деталь. Маканый, на которого напал бес болтливости, что-то возбуждённо шипел, но Шооран не слушал. Несмотря на шум и толпу вокруг, он вдруг ощутил далайн. В конце концов он илбэч и должен умереть, как илбэч, а не быть проглоченным глупой рыбой! Работать, напустив на лицо отсутствующее выражение, не выдав себя ни единым жестом, было страшно трудно, но всё же у него получалось. Оройхон начал возникать.

Сначала берег взорвался испуганными голосами, потом упала мёртвая тишина, потом кто-то завыл, некоторые бросились бежать, словно увидели Многорукого, другие молились, иные лежали, упав лицом в нойт и не смея подняться. Шооран не замечал ничего, кроме далайна. Влага кипела, клубились шапки пены, зазевавшийся маарах выметнулся на воздух и остался монументом самому себе, навеки впаянный в камень. Далайн схлынул, отступая перед новым оройхоном.

«Вот и всё, — подумал Шооран. — Жить мне осталось один день. Но этим придётся строить новый макальник».

Наконец пришёл в себя и кто-то из начальства. Послышались команды, общинников погнали вон, оправившиеся цэ-рэги сняли с крестовин каторжников и повели их назад через умывающийся, залитый выступившей водой оройхон.

Ночь пленники провели запертые в алдан-шаваре. Никто

не разговаривал, лишь Маканый время от времени тряс шишковатой головой и повторял:

— Ну-у?... Да-а...

Наутро в алдан-шавар прибыл старший брат. Не тот, что распоряжался в каторжных мастерских, а другой, очевидно, из самого высшего командования. Он остановился на пороге, оглядел повернувшиеся к нему серые лица и медленно, подчёркивая каждое слово, начал говорить:

— Я ни о чём вас не спрашиваю. И я не буду вас спрашивать. Вы понимаете, о чём я говорю. Больше с вами об этом не будет говорить никто. И вы не должны говорить об этом друг с другом. Вас, всех без исключения, будут кормить и ухаживать за вами. Потом вас приведут на берег и оставят одних. Если захотите, можете висеть там, пока не высохнет далайн. Но я бы хотел иного. Так что ваша жизнь в руках одного из вас. А теперь собирайтесь.

Брат вышел. Женщины с испуганными глазами принесли чистую одежду и воду для мытья. Маканый, мгновенно охмевший, потребовал пластырь на шёку. Брат, оставшийся при пленниках, проворчал, что разговаривать-то им как раз и не надо, но пластырь позволил.

— Должен же я молитва, — довольно сказал Маканый, — а беж плаштыря моя молитва неражбортшива.

— Знаю я твою молитву, — возразил старший брат. — Будь вас здесь святая дюжина — всё было бы ясно. Но вас — дюжина и один. Значит, лишний служит не господу, а Ёроол-Гую. И я догадываюсь, кто этот лишний.

— Ты не прав, потштенный. Нас ровно швятая дюжина и Он.

Услышав это «Он», сопровождаемое закатыванием единственного глаза к потолку, Шооран едва не расхохотался и сумел сдержаться, лишь до крови прикусив губу.

«В это верят только женщины», — вспомнил он. От кого достались ему эти слова? От язвительного насмешника Хулгала или от отца, которого он не помнит? Во всяком случае, в божественный разум Ёроол-Гуя Шооран верил не больше, чем позволял ему собственный опыт, а Тэнгэра, загнавшего людей в далайн, ненавидел глубоко и искренне.

На следующий день чёртова дюжина бывших каторжников была накормлена (впервые каши было вдоволь, и она оказалась приготовленной как следует), затем их связали, правда,

не грубой хитиновой верёвкой, а мягкими ремнями из шкуры бовэра, и партия отправилась в путь. Сопровождали их три дюжины цэрэгов и старший брат, прежде управлявший мастерскими, а теперь получивший неожиданное повышение.

— Ремешки-то раштягиваюта, — шепнул Шоорану Маканый, когда они вышли.

— И что? — спросил Шооран, показав глазами на цэрэгов.

— Так. Пригодитша.

О чуде знала уже вся страна. Общинники с сухих оройхонов высыпали смотреть на процессию. Многие кланялись идущим.

— Видишь, как все любят нас благодарным сердцем, — вполголоса заметил Маканому Шооран.

— Молтши! — шикнул тот, и Шооран лишь теперь понял, что, несмотря ни на что, Маканый относится к происходящему более чем серьёзно.

Шли долго, через всю страну. Глядя на расстилающиеся вокруг земли, Шооран и сам видел, что рассказы каторжников были правдой. Оройхоны были разорены, словно по ним только что прошла война. Тропинки пробегали прямо по полям, иногда рядом лежали сразу несколько широких дорожек — очевидно, всякий ходил, как ему удобнее. Входы потоптаны, смяты, вырваны с корнем. Даже алдан-шавар, где они ночевали, оказался неухожен и вызывал уныние. До какой же нищеты можно довести страну, даже если всё в ней растёт и плодоносит само, но нет руки, готовой любовно собрать и сберечь выросшее.

На второй день они прибыли к месту назначения, а на третий вышли к далайну.

Вновь их привязали к крестовинам, опутав руки и ноги мягкими ремнями, потом оставили одних. Шооран понимал, что цэрэги не ушли, что они поблизости, но никто не подсматривал, что происходит на крестовинах. Оройхон был важнее любопытства, а внезапно обрётённый илбэч требовался властям всерьёз и надолго. Шооран обратил внимание, что между отдельными крестами стоят щиты, чтобы и сами прикованные не могли видеть друг друга.

Не стоило большого труда догадаться, куда их привели. Где-то неподалёку воняли дымом авары, значит, рядом мёртвая полоса — дорога в страну старейшин. Братья, не скопив своего, хотят добраться до чужих богатств.

Шооран вздохнул, собираясь с силами. На горе или на радость, ради высокой или низменной цели, свободным или связанным, но он будет исполнять свой долг. Пусть после его дел прольётся кровь и кто-то станет более несчастен, чем сейчас, но раз есть далайн и есть илбэч — илбэч обязан строить. Хотя бы просто для того, чтобы в мире стало одним оройхоном больше.

* * *

Следующий оройхон он поставил через неделю. А через неделю — ещё один. Потом их не трогали целый месяц, из чего Шооран заключил, что объявился Ёроол-Гуй и братья выжидают, не желая рисковать. Месяц истёк, и еженедельные выходы к далайну возобновились. Первое предположение Шоорана оказалось правильным: строилась широкая, в три оройхона дорога в землю старейшин.

Вечерами и в свободные дни заживевшие от безделья каторжники сидели под стражей в алдан-шаваре, дулись в кости на интерес или вечернюю порцию мяса (теперь им давали и мясо, и наыс, и вообще всё, кроме вина) и старательно не говорили на запретную тему. Лишь Уйгак — тощий, но страшно прожорливый мужик, глупый и такой законопослушный, что неясно было, как он попал на каторгу, а потом в бунтовщики, вздыхал порой, придвигая миску с выигранным мясом:

— Ох, повезло нам, братья! Всегда бы так жить.

— Бовэр в ручье тоже небось думает, что ему повезло, — отвечал угрюмый Куюг, — и не знает, что гарпунок на него уже заострён.

— Скажешь тоже! — обижался Уйгак. — То бовэр безмозглый, а то... — и он многозначительно поднимал к потолку палец, перемазанный в мясной подливке.

Шооран в разговорах участвовал мало, старался больше спать и не говорить, а слушать других. Его тоже преследовало сравнение с бовэром, и он ждал всяких неожиданностей. Кроме того, он постоянно представлял в уме карту мира и старался отметить на ней новые оройхоны. Не так много их было. Окажись он на свободе, он бы выстроил за это время куда больше.

Вскоре сон уже не шёл в отяжелевшую голову, и мясо стало казаться пресным. Выход Шооран нашёл в беседах с

Маканым. Калеке достаточно было задать один вопрос, а дальше он рассказывал сам без остановок. Надо было лишь суметь разобрать его речь, и тогда выяснялось, что он рассказывает массу любопытных вещей.

— За что тебя первый раз приговорили?

— Не приговорили, а оштудили. Жа машку. Машку я шделал иж рыбей кожи. Ешли её харвахом шырым натереть, так она шветитша в темноте. Штрашно! Её надеть и ишшо на ходули штать. Ночью приду на поле, да как крикну шторожам: «Ужнаёте меня?!» Они и уполжают штаны чиштить. Вше оройхоны были мои. Но вщё-таки поймали меня. Макали три ража. Шешть раж это уже потом, жа другое...

Одиннадцать дюжин первый оройхон соединил две страны, прежде отделённые друг от друга огненным болотом. Едва камень затвердел, как отряды цэрэгов, скрывавшиеся неподалёку, ринулись на приступ. В неожиданности они видели своё главное преимущество. Но неожиданного удара как раз и не получилось. На том берегу ещё неделю назад заметили замаячивший оройхон и, поняв, что происходит, успели подготовиться к атаке.

Цэрэги братьев шли не скрываясь, и залп татацев буквально выкосил их, от передовых дюжин почти никого не осталось. Остатки нападавших были смяты, старейшины сами пошли в наступление.

Охранники, занятые Шоораном и его товарищами, не успели ещё никого отвязать, когда из клубов дыма, по-прежнему тянувшихся с бывшей мёртвой полосы, показались кольчужники врага. Грудь каждого за прозрачной чешуёй казалась открытой, в руках пели хлысты, короткие копья торчали за спиной. После мгновенной схватки охранники были перебиты, и наступающие пошли дальше. На привязанных к крестам людей они не обратили внимания — мало ли какие жертвы принесит противник великому Ёроол-Гую.

Берег опустел. Шооран понимал, что это ненадолго и сейчас у него единственный шанс получить свободу. Шооран напрыгся, пытаясь освободиться. Мягкие ремешки не растягивались. Если бы заранее, прежде чем его привязали, напрячь мышцы, он, может быть, и мог что-то сделать, но сейчас он был беспомощен. Ему не было больно, под ногами стояла подставочка, он мог висеть так долго, не испытывая заметных

мучений, не жёстко, но плотно перебинтованный, неспособный шевельнуть и пальцем.

Шооран не помнил себя плачущим, но в эту минуту слёзы обиды и бессилия сами выступили на глазах. Он оказался не готов и не способен к борьбе, ему не к чему было применить свою силу, он не мог даже бестолково дрыгаться.

Рядом за щитом послышалась возня, невнятное бормотание, потом оттуда на землю спрыгнул один из его товарищей и, пригнувшись, побежал в сторону тэсэгов.

— Эгей! — крикнул Шооран. — Помоги! — но тот даже не оглянулся.

Шооран закричал зубами от злости и отчаяния.

— Беги, беги, раж тебе надо, — послышался сзади шепелявый голос. — А я не илбэтш, я могу и жадержатша.

Ремни начали ослабевать.

Вдвоём, а после втроём — освобождённый Куюг тоже присоединился к ним — они быстро развязали оставшихся пленников. Большинство, дождавшись свободы, тут же убегали, и вскоре у поребрика остались лишь четверо бывших каторжников и бывших чудотворцев: Шооран, Маканый, Куюг и Уйгак.

— Рашходимша по одному, — сказал Маканый. — Шреди наш был илбэтш, а ишторию о пяти братьях хорошо шлушать ветшером. Вжаправду я её не хотшу.

— Правильно, — поддержал Шооран, мысленно благодаря мудрого старика. Хотя, кто знает, сколько лет Маканому?

— Вы — куда? — растерянно спросил Уйгак. — Пошли обратно! Где ещё мясом-то кормить будут?

— Оройхоны ты станешь строить? — поинтересовался Куюг.

— Какие оройхоны? — обиделся Уйгак. — Мясо дают! Ну, вы как хотите, а я остаюсь.

Трое каторжников быстро пошли, пока ещё рядом, но каждый уже выбирая свою дорогу.

— Эгей! — окликнул Шооран Маканого. — Тебе сколько лет?

Тот остановился. Соображая, потёр лоб двупалой клешнёй.

— Две дюжины. Шкоро ишцолнитша.

Шооран направился к стране старейшин. На новом оройхоне, ещё не затянутом нойтом и испачканном только кровью, он переоделся. Убитый цэрэг лежал на земле, поджав колени и положив руки под голову, словно спал. На разбитом кистенём виске выступила кровь. Стараясь не смотреть в молодое лицо, Шооран раздел покойника.

«Тебе уже не надо», — мысленно извинился он.

Башмаки с иглами заменили тоненькие буйи, в которых далеко не уйдёшь. Впору пришлась кольчуга. Поверх кольчуги Шооран натянул мягкий жанч, выданный братьями. Не стоит лишний раз показывать любопытным глазам своё снаряжение. Шооран подобрал копье, нож, скатал хлыст. Не тронул лишь забрызганный кровью шлем. Настороженно прислушался. Сзади нарастал шум битвы.

Ждавшие лёгкой победы братья пусть не сразу, но оправились от удара, и теперь начинало сказываться их численное превосходство. Цэрэги старейшин попятились.

Шооран видел, что он заперт на перешейке, словно тайза в своей норе. Впереди наверняка стоят заслоны при орудиях, сзади идёт сражение, да он ни за какие блага и не согласился бы возвратиться назад. Шум приближался, надо было что-то предпринимать.

Тайза, когда её вышаривает в норе гибкий осязательный ус гвааранза или рука бледного уулгуя, старается уйти в один из боковых закоулков. Шооран поступил так же. Он подошёл к шавару, пока ещё чистому и пустому и скрылся в темноте, стараясь не представлять, что произойдёт, если разбуженный Ёроол-Гуй вздумает навестить этот оройхон.

Дважды в течение дня возле суурь-тэсэга вскипали схватки, но решающего перевеса не добились ни одна из сторон. К вечеру войска отошли каждое на свои земли, но было ясно, что утром всё начнётся сначала. Разъединить враждующих мог теперь только Ёроол-Гуй, но такой исход никак не устраивал Шоорана. В шаваре уже резко воняло нойтом, и если крупные хищники появятся здесь ещё не скоро, то ядовитого зогга можно встретить уже сейчас.

Вечером Шооран выбрался из шавара и в последних отблесках красного света вышел к далайну. Опасно было находиться так далеко от спасительного поребрика, опасно было

стоять на виду, на оройхоне могли оставаться отряды разведчиков, но Шооран не видел иного выхода. То, что он собирался сделать, поможет добрым братьям залить кровью соседнюю страну, поскольку старейшины не смогут удерживать широкий фронт. Но Шоорану не было жаль ни тех, ни других. Незаметно для себя он перешёл в состояние, неизбежное для человека, способного переделать мир: думать лишь о человечестве в целом и не жалеть людей вообще. Так, должно быть, чувствуют и мыслят ослепительный ван, блистающие одонты, старшие братья и мудрые старейшины. Таким же стал илбэч. Но у него, на великое несчастье, ещё осталась способность, любя человечество и презирая людей, бесконечно жалеть каждого отдельно взятого человека.

Оройхон увидели одновременно и с одного, и с другого берега. Завыли раковины, люди с факелами заметались вдоль поребрика. Братья кинулись ловить сбежавшего илбэча, старейшины спешно перекидывали силы для отражения предполагаемой ночной атаки. А Шооран, первым пробежавший по новой земле, на четвереньках полз между тэсэгов, уходя подальше от всего этого шума.

Наутро фронт был прорван. Шооран вновь едва не попал в гущу сражения и вынужден был бежать на запад, где страна огромным мысом вдавалась в далайн. Дюжину дюжин раз благословлял он старейшин, замордовавших свой народ до того, что служители умели только молчать, кланяться и повиноваться. Да случись такие бои в его стране, каждый земледелец схватил бы гарпун, а то и припрятанный хлыст и умер бы на месте, но никому не позволил бы ступить на своё нишенское поле, пока не убран хлеб. Бандиты совершали набеги лишь после уборки, зная, что иначе им придётся иметь дело не с цэрэгами, а с мужиками. Даже одонты, планируя облавы, сверялись с календарём.

Здесь приходилось остерегаться только вооружённых людей, а они все стянулись к границам и кресту Тэнгэра, где шли бои. Баргэды, которых в этой земле было страшно много, больше дюжины на каждый оройхон, смотрели испуганно и зло, но не смели ничего сказать.

Шооран вышел к далайну, но, не желая выдавать себя, не стал строить и пошёл назад. Он вспомнил, что где-то здесь находится родина старика, а он, его наследник, принёс на эти оройхоны столько бед. Почему-то Шоорану смертельно захо-

телось посмотреть места, где начинал жизнь Энжин. Шооран определился по трём выступающим оройхонам, поставленным в ночь казни Атай, и пошёл в глубь страны.

Оройхон старика ничем не отличался от всех остальных. Так же росли туйваны, колосились поля, палатки служителей облепляли толпы одинаковых тэсэгов, и никто не мог сказать, возле какого из них сидела Атай.

Шооран, откинув полог, вошёл в одну из палаток. При виде вооружённого человека хозяева, а вернее, бездомные служители великого Ёроол-Гуя, забились в угол, прикрывая собой детей. Шооран присел на корточки и спросил:

— Где-то здесь, давно, жил один человек. Его звали Энжином. Вы такого не помните?

— Мы не знаем, — пробормотал глава семьи. — Ничего не знаем...

— ...и ещё девушка — Атай. Её убили во время мягмара, сбросили в далайн.

— Нет, нет... Мы никого не трогаём!

— Да не вы! — рассердился Шооран. — Это было давным-давно, когда жил тот человек. Жена у него была — Сай.

— Сай здесь живёт, — подала голос хозяйка. — Только мужа у неё нет, и сама она совсем старуха.

— Она и должна быть старухой, — сказал Шооран. — Проводи меня к ней.

Женщина, безмерно обрадованная, что опасный гость покинул палатку, провела Шоорана между тэсэгами и остановилась возле крошечного навеса или даже накидки, наброшенной поверх четырёх колышков. Казалось, там не может поместиться человек, но когда женщина постучала по колышку и крикнула:

— Сай, тебя требуют! — полог откинулся, и из-под него показалась сморщенная старушка.

— Ты Сай? — спросил Шооран. — У тебя был муж Энжин?

Старуха выползла наружу. Её руки, голова мелко тряслись, и было непонятно, боится ли она пришельца и вообще понимает ли, что ей говорят. Потухшие глаза не выражали ничего.

— Это я, — сказала она, — и муж у меня был.

— Расскажи мне об Энжине, — попросил Шооран.

У него было ощущение, будто он разговаривает с Ваном или ещё с кем-то из героев старинных легенд.

— Он был хорошим мужем, — старуха говорила медленно, короткими фразами. — Мы жили дружно и никогда не ругались. Ни разу за всю жизнь. И он никогда не бил меня. Он погиб давно, на северной границе, когда ловили илбэча. И я живу одна. Я всю жизнь работала и всегда выполняла норму. Я и сейчас работаю, а мне второй день не дают есть.

Что мог сказать Шооран? Рассказать об Энжине, о том, что тот был илбэчем? Но это значит сказать, что он не умер, а просто бросил её как ненужную вещь. Надо ли это знать трясушейся старухе? Сама-то она теперь верит, что ни разу между ней и покойным мужем не проплывала тень Ёроол-Гуя.

Шооран встал, подошёл к растущему неподалёку туйвану, хлопнул ладонью по стволу. Вниз посыпались созревшие плоды. Шооран набрал полную сумку и высыпал на колени Сай.

— Это от Энжина, — сказал он.

Покинув дряхлую Сай, Шооран направился на север. Нужно было, пока в стране неразбериха, пересечь границу.

Пройдя чуть больше одного оройхона, Шооран остановился в изумлении. Он увидел стену. Нечто подобное встречалось ему на Царском оройхоне, но здесь стеной был обведён не суурь-тэсэг, а целый оройхон и, возможно, даже не один. Стена была выше человеческого роста, её гребень шетинился частоколом рыбих костей, наверняка отравленных. На углу оройхона, где сходились идущие по поребрикам дороги, стояли ворота. Они были расколоты, очевидно, выстрелами из татаца. В проходе лежало несколько трупов. Ни одного живого человека не было видно — верно, братья выбили ворота и пошли в глубь огороженного оройхона.

Шооран осторожно заглянул в проём. Потом он не мог сказать, какие чудеса ожидал увидеть, увидел же обыкновенный оройхон. Те же, что и повсюду, деревья, поля, ручьи. Хотя поля были не такими. Земля на них была не чёрной, а рыжей. И тэсэги здесь тоже были не такими. Каждый камень на запертых оройхонах был сокровищем. Здесь не было лёгких пористых камней, что валялись в иных местах. Здесь лежал жёлтый искристый кремнь, осколки белого кварца, плотные чёрные кругляши, из которых делают гири и самые лучшие кистени, шершавый красный камень, что так ценится резчиками по кости. Это был крест Тэнгэра — единственная настоящая земля.

Шооран поднял маленький камушек, непривычно яркий и тяжёлый, и, не заходя в глубь оройхона, поспешил в обход стены. Надо торопиться. Раз братья вошли в крест Тэнгэра, значит, сопротивление сломлено повсюду. Оставалось надеяться, что, разбив гарнизон южной границы, братья ещё не поставили там свои заслоны.

К сожалению, оправдались худшие предположения. Граница была закрыта. На новом месте цэрэги не чувствовали себя в безопасности, и шансов прокрасться незамеченным не было.

Вновь Шооран попытался применить приём, позволивший ему прорваться сюда. Правда, теперь перед ним был не узкий перешеек, который можно перекрыть одним оройхоном, а самое длинное из оставшихся огненных болот. Пока Шооран, укрывшись в куче костяного хлама, работал, никто из цэрэгов не тронулся с места. Слишком уж удивительным зрелищем было рождение оройхона, и вряд ли многие из них видели его прежде, когда пленный Шооран строил проход в страну старейшин. Но едва остров встал, один из воинов побежал за подкреплением, а остальные кинулись перекрывать новый оройхон. Дорога возле аваров опустела.

Пригибаясь и стараясь держаться ближе к чадающим скалам, Шооран двинулся вперёд. И лишь выйдя на открытое пространство, увидел, что проход закрыт по-прежнему. Один из цэрэгов остался на месте. Лица стражника было не видно из-за примотанной губки, но это был явно кто-то из тех, кто раньше охранял их и знал всех в лицо. Хотя у Шоорана тоже была губка, но пятна ожогов на виске и переносице выдавали его.

— Вот и ещё один, — довольно сказал цэрэг. — И, похоже, самый главный. Стоять! — предупредил он движение Шоорана.

Но Шооран и не думал бежать. В его руке, упруго разворачиваясь, запел ус парха.

— Я ничего тебе не говорил, — произнёс Шооран, обращаясь скорее к судьбе, чем к противнику, — и мне нет дела до твоих домислов, потому что сейчас ты умрёшь.

Голоса звучали глухо и невнятно, и если Шоорану это было на руку, то цэрэг не мог кликнуть подмогу. Хотя он был опытный воин и не испугался оружия. Ус парха, вибрируя в искусно дрожащей руке, стоял почти неподвижно, лишь

самый кончик исчез из виду, размытый бешеным движением. Но эта струна готова была выбить из рук копьё, рассечь одежду и тело. Немногие умели так обращаться с хлыстом. Когда-то юный Шооран целыми днями упражнялся с запретным оружием и теперь хвалил себя за то давнее упорство.

Цэрэг, оставив копьё, чтобы, избеги Тэнгэр, не попало под ус, левой рукой вытянул из-за пояса кистень. Тяжёлая кость бовэра загудела в ременной петле. Достать кистенём противника цэрэг не мог, но ремень не боялся дрожащего уса и был способен, обмотавшись, погасить его колебания. Тогда у обоих воинов останутся только копья, но у Шоорана копьё будет в левой руке.

Ловя удобный момент, они закружили по узкой площадке, усыпанной хрустким сором. Первым нанёс удар Шооран. Время было не на его стороне, он не мог слишком долго выжидать. Приподняв хлыст, он метнул своё копьё, но не в противника, которого защищал панцирь, а в руку с кистенём. Цэрэг успел отдёрнуть кулак, но остановить движение ремня уже не мог. Копьё отлетело за спину, кистень бесполезно обвис, и Шооран, не давая вновь закрутить его, секанул хлыстом по прозрачному шлему. Шлем брякнул о камни, цэрэг покачнулся и, падая, ударил копьём. Он видел кольчугу за распахнувшимся жанчем и потому метил в незащищённое лицо. Острая кость вспорола кожу чуть ниже виска, но хлыст уже снова обрушился на неприкрытую больше шею, и крик цэрэга превратился в хрип.

Подхватив копье и не оглядываясь на убитого, Шооран побежал по тропе, ведущей к Торговому оройхону. Больше всего он хотел, чтобы хоть там никого не оказалось.

* * *

Гуйлах, командир одной из дюжин, держащих границу священного государства ванов, служил здесь последний день. Завтра его переводят начальником охранной дюжины, и дальнейшая служба будет протекать не на мёртвой полосе, где нечем дышать и от запаха которой невозможно отмыться, а в алдан-шаваре. Перевода на это место он ждал долго, но давняя история с безумной Нарвай сильно испортила его карьеру.

Гуйлах не любил вспоминать те события. Казалось бы, он исполнил свой долг — разгадал в грязной бабе илбэча и пой-

мал его, не позволил уйти к врагу. Но смерть илбэча легла на его имя тёмным пятном, и повышения пришлось ждать два года. А ведь Ёроол-Гуй проклинал илбэча, а не того, кто его поймаёт. Видно, недаром говорится: «Беда тому, кто тронет безумца». Но всё же радостный день пришёл: служить в болоте осталось всего три часа. Скоро его сменят навсегда.

Однако помечтать о приятном Гуйлаху не удалось — он увидел человека. Тот перелез вал всякого старья, накиданного, чтобы затруднить проход, и, крадучись, пошёл в направлении к Гуйлаху. Рядом с Гуйлахом был лишь один цэрэг, остальные дежурили возле ухэров. Сам Гуйлах отправился в секрет, потому что воздух здесь был почище. И вот — подышал.

Гуйлах дал знак цэрэгу и вслед за ним выскочил навстречу нарушителю. Тот мгновенно остановился, пригнувшись, готовый и бежать, и броситься на врага. Во всей его повадке чувствовался бывалый боец. Лицо нарушителя было изуродовано ожогами, на виске запеклась кровь, но всё же Гуйлах узнал его. Перед ним был фальшивый гонец, который в тот проклятый день пытался пройти на Торговый оройхон, будто бы разыскивая какую-то женщину. Потом выяснилось, что благородный Ууртак никого не посылал на границу, и подозрительная история с гонцом-самозванцем тоже послужила будущей опале.

— Вот и встретились, — злорадно произнёс Гуйлах. — Какую красавицу ищешь на этот раз?

Человек сделал молниеносное движение, хлыст, неведомо откуда взявшийся в его руке, выбил раковину у собравшегося трубить цэрэга.

— Ты хочешь проверить, как я умею драться? — свистящим шёпотом прошипел гонец. — Проверь. Я прошёл с боем там, пройду и здесь.

Гуйлах попятился, заслоняясь пикой, показавшейся вдруг очень ненадёжным оружием.

— Так-то лучше! — Гонец беззвучно рассмеялся. — Ступай на пост. Страна старейшин захвачена добрыми братьями. Скоро у вас будет беспокойно.

Ложный посланец взмахнул хлыстом и исчез за тэсэгами. Гуйлах беспомощно оглянулся на цэрэга.

— Вот что. Раз ты не сумел задержать его, то молчи! Ничего не было. Понял?

Шооран шёл через мокрый оройхон. Копьё он нёс в руке, рукоятка свёрнутого хлыста торчала из-под жанча. В безбородом лице не оставалось ничего юношеского. Вооружённый изгой шёл по земле изгоев. Два года потребовалось ему, чтобы обойти весь мир, и домой вернулся другой человек.

В древние времена весь мир занимала земля, а далайн был так мал, что едва мог дышать. Но в мире не было счастья, потому что люди, имея столько прекрасной земли, не умели на ней жить, и каждый говорил своему брату:

— То, что ты видишь, — моё, и всё иное — тоже моё.

Тогда между людьми начались войны и пропала любовь.

Среди людей самым могучим был Ёр — воин в плаще из чёрной кожи. Он завоевал половину мира и давно потерял счёт захваченным оройхонам, но алчность его не убывала, и, завоевав новый край, он вонзал в землю копьё, говоря:

— Эта земля моя, отныне и до тех пор, пока стоит мир!

Но когда Ёр отправился завоевывать вторую половину вселенной, навстречу ему вышел непобедимый Тур в плаще из шкуры пёстрого бовэра. Он тоже не знал числа своим землям, но хотел иметь их ещё больше. Захватив оройхон, он ударял тяжёлой палицей, дробя тэсэги, и возглашал:

— Эта земля моя, и всякий, посягнувший на неё, — умрёт!

Они встретились посреди мира и поглядели друг на друга с ненавистью. За плечами каждого стояло великое войско. Один вонзил в камень копьё, другой ударил по тэсэгу палицей, и каждый назвал землю своей.

И началась битва.

Они сражались друг с другом месяц и год, воины в чёрных и пёстрых плащах умирали рядом с ними, и никто не мог победить. Пыль поднималась от вытоптанной земли, словно здесь никогда не росла хлебная трава, а была лишь полоса у аваров — сухая и бесплодная.

Но на сожжённой войной земле ещё стоял один росток. На самом видном месте стоял он, распустив два хрупких резных листка. И росток сказал:

— Опомнитесь, люди, посмотрите, во что вы превратили

землю! Вы убиваете её, она больше не может нести вас на себе. Один я держу землю своими слабыми корнями. Дайте мне вырасти, дайте стать могучим туйваном, и я буду держать землю долго.

Но голоса зелёного пророка никто не услышал, а вскоре колючий башмак одного из героев раздавил его, размазав по камню два хрупких резных листа.

И тогда мир начал трескаться. Ничто больше не скрепляло оройхоны, они отделились друг от друга, каждый стал сам по себе, словно враждующие люди, и в трещины хлынула влага далайна. Полководцы и их войска рухнули в пучину, но никто не слышал их воплей за рёвом бездны.

Зло вернулось к своему прародителю. Ёр и Гур и все их цэрэги стали руками страшного Ёроол-Гуя. Но и там они не прекратили вражды. Всякий, выдавший князя далайна, знает, что его чёрные руки враждуют с пёстрыми, перехватывают и отнимают добычу, хотя потом несут в единую пасть.

Те оройхоны, на которых пылала война, и теперь безлюдны и покрыты огненными болотами, разделяющими людей, чтобы они не могли вцепиться друг другу в горло.

Так изменился мир, и Ёроол-Гуй, проплывая там, где прежде высились оройхоны, усмехался:

— О люди! Тэнгэр создал вас на погибель мне, но вы никогда не сможете совершить предначертанное, ибо слишком любите убивать. Телом вы похожи на старика, но душа у вас моя. Поэтому я спокоен и знаю, что вечно буду плавать в холодных глубинах далайна.

ГЛАВА 7

Никому из наместников божественного вана изгой не приносили столько бед, как благородному Моэрталу. После того как он помог хитрому старикашке Ууртаку уменьшить земли изгоев в его владениях, всё отребье стягивается сюда. Вот уж верно: добрые дела не проходят безнаказанно. И главное — изгоев не стало меньше, хотя уже два года, как пришло известие о смерти илбэча и два года не рождается новых земель. Но народ не верит, вспоминая, что илбэч однажды затаился на дюжину лет. К тому же охотники и сборщики харваха говорят, что Ёроол-Гуй по-прежнему приходит слишком часто, а это значит, что илбэч жив.

Не верил в смерть илбэча и Моэртал. Сумасшедшая баба — это, конечно, хорошо и похоже на правду, но одонт помнил, что где-то есть ещё дуралей-сказочник, который живёт слишком долго для простого изгоя. И он странно сумел бежать из тюрьмы. Мальчишка-охранник был обязан Моэрталу всем, но всё же предал. Значит, тому были немалые причины. Интересно было бы узнать их.

И вот недавно доносчики, которых на мокром было достаточно, сообщили, что объявился Шооран. Беглый цэрэг не счёл нужным даже сменить имя. А ещё через несколько дней откуда-то пришёл Чаарлах. Всё это было неспроста, и дальновидный Моэртал начал готовиться к экспедиции. Конечно, главным здесь был не илбэч, который, скорее всего, всё-таки умер, а банды. Моэртал хотел спать спокойно, а не вскакивать среди ночи при известии, что склады разбиты и унесено всё. Поэтому прежде всего следовало разгромить отряды изгоев и навести ужас на уцелевших.

Дюжины цэрэгов прочёсывали мокрое на окраинах владений Моэртала. Словно случайно они оставляли изгоям путь для отступления, и те сопротивлялись вяло, предпочитая уходить. Так уже бывало прежде. Моэртал запирал противника на длинной, уходящей в далайн полосе мокрых оройхонов, а затем ждал, когда они перемрут, не выдержав безвылазного существования на мокром, или начинал наступление, стремясь побыстрее уничтожить врага. Впрочем, атаковал он лишь дважды и оба раза успеха не имел. Изгои, в свою очередь, искали слабое место в блокаде, стараясь вырваться и уйти. Правила этой кровавой игры были известны всем, и никто не мог предвидеть случившегося.

На этот раз кампания с первых же шагов пошла не так. Запертые изгои затаились и ни разу не попытались выйти наружу. Можно было подумать, что на узком мысе никого нет, но когда Моэртал выслал вперёд одну из дюжин, цэрэги встретили такое сопротивление, что с трудом сумели отойти, потеряв двух человек. Оставалось ждать, и Моэртал выбрал этот, казалось бы, самый безопасный путь. Но успеха не принёс и он. В дело вмешался Ёроол-Гуй.

Сначала, когда Моэрталу донесли, что, судя по звукам, Многорукий напал на один из оройхонов с изгоями, одонт обрадовался. Но потом Ёроол-Гуй выкинулся на берег, занятый цэрэгами. И хотя все солдаты уцелели, но зато два по-

ставленных на позиции ухэра оказались сброшены в далайн. Сутки Моэртал не находил от ярости места, проклиная всё на свете. Сгоряча он отдал приказ немедленно атаковать противника. К счастью, цэрэги не успели втянуться в бой, потому что взбесившийся владыка далайна обогнул мыс и напал с другой стороны, полностью лишив одонта тяжёлой артиллерии. А если бы цэрэги успели выступить, то погибла бы и часть войска. Услыхав о таком счастье, Моэртал потерял на время дар речи и был уведён лекарем в алдан-шавар. И это было плохо, потому что целые сутки не пускали к одонту приползших со стороны изгоев шпионов. А известия, которые они принесли, могли поднять с постели умирающего или, напротив, убить любого здорoviaка.

* * *

Цэрэги наступали двумя рядами. Это был старый, проверенный строй. Хотя площадь, которую они прочёсывали, оказывалась невелика, но зато к любому из воинов немедленно могла подойти помощь. И когда из-за тэсэгов с нестройными криками выбежали дюжины полторы изгоев, стражники не растерялись. Они стянулись ближе к поребрику и пошли навстречу противнику, хотя тех было больше. Обычно изгой бился бестолково, каждый сражался сам за себя, и цэрэгам легко удавалось рассеять их, но на этот раз бандиты действовали слаженно. Особенно на одном из флангов, где сражались двое совсем молодых парней, вооружённых хлыстами. С хлыстом хорошо нападать, хотя им трудно защищаться. Но такая пара, прикрывающая друг друга, оказывается неуязвима, подступа к ним нет, сбить их можно только из пращи или огненным боем. Один из цэрэгов, оказавшийся на пути, был убит сразу, второй пытался оказать сопротивление. Чтобы погасить ус парха коротким копьём, удержав своё оружие в руках, требовалось немалое искусство, и цэрэгу это удалось. С криком «Га-а!» — он прыгнул к врагу, зная, что на близком расстоянии хлыст бесполезен, но второй изгой подскочил к нему. Хитиновые поножи выдержали удар, но цэрэг упал, успев ещё заметить, как опускается ему на голову массивная рукоять хлыста.

Цэрэги, брошенные вперёд озлобленным Моэртом, от-

ступили. Победители-изгой быстро раздели убитого. Ээтгон наклонился над вторым цэрэгом.

— Эге, да он жив!

Тонким шнурком Ээтгон стянул за спиной руки пленника, потом дунул ему в нос, приводя в чувство. Цэрэг поперхнулся и очумело замотал головой.

— Ну что, — спросил Ээтгон. — Понял, куда попал?

Пленник молчал, затравленно глядя на нож в руках изгоя. Подчиняясь неприметным движениям пальцев, на острие появлялась и исчезала чёрная точка ядовитого жала.

— Понял, — сказал Ээтгон, подождая несколько секунд. — Теперь давай разговаривать. Ухэры меня не интересуют, а вот где стоят ваши татацы и сколько их?

— Не буду я с тобой разговаривать, — хрипло произнёс цэрэг.

При звуках его голоса Шооран, отошедший было в сторону, вздрогнул и подошёл ближе. Перед ним сидел связанным бывший его сослуживец — Турчин. Ну, конечно, кто ещё умел так ловко обращаться с копьём?

— Бу-удешь... — протянул Ээтгон. — Заговоришь.

— Шёл бы ты в свой шавар. — Турчин отвернулся.

Шооран понимал, что Турчин не настолько глуп, чтобы не сообразить, что с ним сейчас будет. Но Шоорану были известны и другие черты характера бывшего товарища, в частности его упрямство или, если угодно, верность.

— Он ничего не скажет, — произнёс Шооран. — Я знаю.

Турчин повернул голову. Лицо его исказилось.

— Ты?! — только и мог выговорить он.

— Как видишь — я, — ответил Шооран.

— Ты... ты предатель! — взорвался Турчин. — Тебя мало бросить в шавар! Тебя удавят волосяной петлёй на глазах у всех! Тебя скормят зоггам!..

— Это будет не сейчас. — Шооран отвернулся, несколько секунд стоял неподвижно, потом наклонился к Турчину и перерезал верёвку. — Иди, — сказал он, — и постарайся больше не попадаться. Второй раз не выкрутишься.

Турчин, не заставляя себя упрашивать, быстро поднялся и сначала пошёл, потом побежал.

Ээтгон, молча наблюдавший эту сцену, привстал было с места, но, вспомнив что-то, сел и, лишь когда цэрэг пропал среди тэсэгов, проворчал:

— Любишь ты... отпускать.

— Что делать, — ответил Шооран. — Иначе не умею.

Победители, оставив дозорных, пошли в глубь своих земель. Уходя, они слышали голос далайна: Многорукий искал цэрэгов. Изгой злобно просветлели лицами.

Шооран шёл вместе со всеми, иногда ловя на себе косые взгляды Ээтгона. Так, вдвоём, словно приклеенные они ходили уже давно, хотя между ними не появилось даже намёка на приятельство. Более того, Шооран постоянно ощущал глухую неприязнь, идущую от молодого изгоя. В этом не было ничего удивительного, люди часто испытывают подобные чувства к тем, кому они чем-либо обязаны. Объединяла их только привязанность к Чаарлаху, не менее странная, чем взаимная нелюбовь. То есть с Ээтгоном в данном случае всё было ясно: Чаарлах когда-то подобрал его больного, выходил, и потом они бродили по оройхонам вместе. А Шооран... возможно, его тянуло к Чаарлаху просто потому, что сказочник тоже был не такой, как все.

Лагерь изгоев находился на скрещении поребриков, где сходились углами четыре оройхона. Один из них появился на свет совсем недавно, когда изгой уже были заперты здесь Мо-эрталом. Шум, поднявшийся в лагере после появления земли, был немедленно и жестоко прекращён. Ээтгон зарубил двоих крикунов, причём одного убивал долго и мучительно, на глазах у привыкших ко всякому, но всё же ужаснувшихся людей.

— Чтобы я не слышал больше слова «илбэч»! — кричал Ээтгон. Хлыст, падающий на жертву, вдруг менял направление, и бритвенно-острые кромки не впивались насмерть, а лишь срезали с истерзанного мяса кровавую пену. — Он лучше видит, что надо делать! — Хлыст рубил хрипящую плоть. — Вы не знаете, что может он, и ничего не можете сами! — Новый разрез прошёл по бьющемуся телу. — Так оставьте его в покое! — На этот раз рука не отдёрнулась, милосердно добив лежащего.

Убийство среди изгоев были делом обычным, но такая казнь возымела действие. Толпа затихла и покорно сгрудилась на поребрике, где теперь стало вольготно жить. Результаты послушания сказались довольно быстро: в течение недели появилось ещё три оройхона, и узкий мыс превратился, по выражению Чаарлаха, в благодатнейшую болотину. Бандиты,

бродяги, сборщики харваха, женщины, овдовевшие и выгнанные с сухих мест, — все были довольны своей предусмотрительностью и втайне ждали сухих оройхонов. Ах, если бы ещё не было солдат Моэртала, грозящих будущему благополучию!..

Единственный, кто чувствовал себя несчастным, был Чаарлах. Подозрение, павшее на него три года назад, теперь превратилось в уверенность. На сказочника смотрели с ужасом и благоговением, ни один человек, кроме Ээтгона и Шоорана, не осмеливался подойти и заговорить с ним. Даже присутствие на вечерних представлениях, которые продолжал давать Чаарлах, превратилось для большинства из удовольствия в немного жутковатую обязанность. Чаарлах не мог не видеть этого и молча переживал, хотя внешне не выдавал себя никак, разве что сказки его становились всё язвительней или, напротив, печальней.

Вечером после атаки, так удачно отбитой, изгои собрались на совет. Никакой особой иерархии у них не было, все они равно ходили под смертью, и потому те, кому было что сказать, говорили, а прочие слушали. Первым начал говорить немолодой мужчина, которого все звали Суваргом. Несмотря на музыкальное имя, он был вспыльчив и жесток и прославился как опытный и безжалостный боец. Подобно Шоорану, он был некогда цэрэгом, чем-то не угодил благородному Ууртаку, но вместо того, чтобы покорно сносить немилость, взбунтовался и едва успел унести ноги, бросив на произвол судьбы двух жён и кучу детей. Год Суварг охотился за осторожным Ууртаком, да и сейчас не оставил планов мести, хотя изрядно поостыл.

— Надо решать, что станем делать, — произнёс он. — Сейчас, когда у Моэртала не осталось пушек, можно легко пробиться и уйти. Раньше, когда тут были гиблые места, так бы и сделали. Как поступим теперь? Лучшего места всё равно не найдём. Если бы не цэрэги, тут можно год сидеть.

— Как же! — возразил незнакомый Шоорану изгой. — От цэрэгов можно отмахаться, а вот Ёроол-Гуй со всех сторон обложил. У нас один охотничий оройхон остался, всё остальное пожрано. Завтра Ёроол-Гуй туда вынырнет — что есть станем? Уходить надо.

— Может, здесь скоро сухой оройхон будет? — подал голос кто-то.

— Жди, — ответили ему. — Рассчитывай на себя.

— Это верно, — согласился тот же голос. — Чаарлах совсем плох стал.

— Замолкни, падаль, — процедил Ээтгон. — Размажу как зогга, следа не останется.

— Если уходить, то только к Ууртаку, — высказался давний Шооранов знакомец Жужигчин. — На востоке сейчас гибло, туда пол-армии стянуто. Что-то ван со старейшинами повздорил.

— Нет больше старейшин, — поделился новостью Шооран. — Их добрые братья слопали. А теперь сюда лезут.

— Братьев нам ещё недостаёт...

— Хватит болтать! Думайте: здесь торчим или к Ууртаку уходим?

Шооран расположился чуть в стороне от остальных. Сидел на корточках, мастерил, вспоминая рассказы Маканого, маску из рыбьей кожи и убеждал себя не вмешиваться в спор. Зачем, спрашивается, ляпнул про старейшин? Только привлёк к себе ненужное внимание. И без того он слишком замечен. Лишний риск ни к чему. Он и так будет рисковать, когда поползёт через авары в царство толстощёкого дурня Хоргона, чьи кости уже без остатка сгрызены жирхами, а потом пойдёт огненным болотом в свою землю. Огромную и пустую. Там больше трёх дюжин пустых оройхонов, и каждый из них может прокормить всех этих и ещё многих иных людей. Только во что они превратят его землю? Это сейчас, загнанные, словно звери, они напоминают людей, а так... дай им волю — и из Жужигчина получится превосходный старший брат, Суварг вновь станет цэрэгом, дюженником, а то и одонтом. Шооран вспомнил изгоев, первыми пришедших на оройхоны старика, вспомнил бегущую толпу и дребезжащие стоны бесполезно убиваемых бовэров. Нет, он не может отдать людям свою землю, они сожрут её. Ведь это изгой образовали когда-то нищую страну всеобщего братства.

Правда, здесь же, среди грязи и смерти, бегают чуть не две дюжины детишек, забывших, что значит быть сухими, и никогда не пробовавших хлеба. Это им он обещал показать дух шавара и теперь готовит страшную маску. И ещё где-то бродит Яавдай, которую он так и не нашёл.

— Не надо уходить к Ууртаку, — сказал Шооран. — Есть другое место.

Все лица повернулись к Шоорану.

— Пройти вдоль мёртвой полосы на земли Хооргона, — в последнюю минуту Шооран решил не говорить о новых землях, понимая, что в этом случае ему просто не поверят.

Кто-то присвистнул.

— Здесь пройдем, а дальше — как? Хооргон вана боится, он границу держит. У него же ухэры! Хрустнем, как чавга под каблуком, — и все разговоры.

— Можно пройти, — сказал Шооран. — Ночью. На авары кожи накладывать и пройти, пока они горят. Я ходил, ближние авары не такие горячие.

— Чего ж тогда ван не прошёл?

— А ему зачем? Ну, поставит он нового одонта, так тот опять отделится.

Ненадолго все замолкли, обдумывая сказанное. Потом Жужигчин, словно радуясь чему-то, крикнул:

— Не-е! Ну, пройдем мы туда, а дальше? Там же и прятаться негде, всего побережья — пять оройхонов. Я там был, когда тот край только нашли. А потом еле убёг, когда Хооргон пришёл. Я знаю, там негде прятаться.

— Мы и не будем прятаться, — решив что-то, произнёс Суварг. — Мы станем в алдан-шаваре жить. Пусть Хооргон прчется.

— С ума сошёл! — закричал незнакомый Шоорану изгой с вмятиной от кистеня над бровью. — У Хооргона две двойные дюжины солдат, а нас втрое меньше да увечных половина. Перебьют!

— Найдём людей, — успокоил Суварг. — Для такого дела люди будут. Выходим послезавтра. Завтра всем собраться, оружие чтобы было в порядке, бабам чавги заготовить. Будем прорываться, пока Моэртал палить не может.

Никто не возразил. Каждый знал, что, если захочет, сможет остаться здесь или отстать от отряда, прежде чем он дойдёт до границы, например, во владениях того же Ууртака. Поэтому спор сразу прекратился, изгой начали расходиться, устраиваясь на ночь. Шооран незаметно отошёл в сторону. Он хотел осуществить одну мысль, пришедшую в голову на совете.

Прежде, остерегаясь ночного нападения, изгой ставили на подходах к своему оройхону дозорных. Но теперь, когда цэрэгов шуганул Ероол-Гуй, вылазки явно не произойдёт, и

посты не были выставлены. Но это значит, что шпионы, а их наверняка немало среди толкущегося вокруг банды сброда, побегут с докладом именно сегодня.

Шооран притаился неподалёку от поребрика и стал ждать. Прошло от силы полчаса, и на фоне потухающих облаков появилась спешащая фигура. Женщина! Что же, тем лучше. Шооран, прикрывшись полой, натянул на лицо готовую маску и неожиданно вырос перед доносчицей.

— Узнаёшь ли ты меня?! — прорычал он, раздув живот, чтобы голос звучал гулко и незнакомо.

Увидав нависшую над собой уродливую светящуюся харю, женщина издала короткий нутряной вскрик и повалилась без памяти. К этому Шооран был готов. Он подхватил падающую женщину и правой рукой хлестнул по щеке. Почувствовав, как в обмякшее тело вернулась жизнь, Шооран вновь разинул усаженную иглами зубов пасть и, играя прозрачной личиной, зарокотал:

— Так ты узнала меня, несчастная?

— В-ва-а... — невнятно загундосило из темноты.

Шооран едва не прыснул со смеху. Он второй раз изловил одну и ту же шпионку! Только тогда он был блестящим цэрэгом, а сегодня — злым духом, демоном шавара или ещё неясно кем, за кого могла принять его перепуганная баба. Интересно было бы взглянуть на неё, чтобы потом признать на свету.

Добавив в голос хрипа, Шооран принялся вещать:

— Иди к своему одонту и скажи, что, если он хочет получить то, что просил у сказочника, пусть немедленно уведёт войска и две недели не смеет подходить сюда, а на суурь-тэсэге поставит знак — копё с цветком туйвана. Если же он не послушает, то из одонта станет моей тенью! Ты всё поняла?

— В-ва-а...

— Ну так ступай!

Доносчица умчалась так быстро, словно оройхон был залит дневным светом. Шооран скатал маску и пошёл спать.

Наутро никакого знака на суурь-тэсэге он не увидел. Впрочем, ему рано появляться: вряд ли Моэртал выслушивает доносы и днём, и в ночи. Хотя, может быть, он просто не поверил шпионке и по-прежнему хочет извести изгоев и поймать илбэча. Впрочем, Моэртал умён и, даже не веря в духа шавара, может согласиться отвести войска.

Шооран вернулся в лагерь. На полпути ему встретилась девчонка, одна из сирот, что были выкинуты на мокрое. Увидав Шоорана, она крикнула:

— Иди скорее! Там Чаарлах помирает!

Последние дни Чаарлах чувствовал себя худо и поднимался из колыбели лишь вечером, чтобы рассказать очередную историю. Но Шоорану и в голову не приходило, что старик, пять дюжин лет ходивший по мокрому, может умереть.

Вдоль поребрика царил суета. Народ сбегался со всех сторон. Ээтгон, сжимая рукоять хлыста, стоял возле постели Чаарлаха, цепким взглядом перебирая собравшихся и, очевидно, выискивая, кто мог произнести запретное слово. А сам Чаарлах с безмятежным видом сидел на постели, словно ждал тишины, чтобы начать рассказ.

— Собрались? — сказал Чаарлах, и Шооран отметил, что голос сказителя ничуть не изменился. — Хорошо. Мне было бы грустно умирать молча. Кроме того, я должен вам кое-что сказать. Обо мне ходит много слухов, а ещё больше врал о себе я сам. Я никогда не опровергал выдумки, а сегодня говорю: всё неправда. Может быть, уже через неделю вы убедитесь в этом. Но я прошу: не надо его искать, пусть он работает спокойно. И я не знаю, кто среди вас илбэч. Когда я мог увидеть его, я действительно закрыл глаза, чтобы они не лопнули от любопытства. А мои догадки — это всего лишь догадки, и они умрут вместе со мной. Вот вам сказка. Может быть, она не лучшая, но она последняя, и она обо мне.

Как случилось на нашем мокром оройхоне чудо небывалое — объявилось место грязное. Завелась грязища густая да липкая — никто мимо пройти не мог. Охотники шли — ногами увязли. Женщины промышляли — искали чавги. Мальчишки бежали — поиграли в мышку. Девочки ходили — замесили малашу.

И так все они грязь измяли-переболтали, что слепилась из неё преболюшущая Чвака-кака. Посмотрела Чвака-кака по сторонам — всюду грязь вонючая, хохиур пушистый, тэсэги высокие — и говорит:

— Мир прекрасен, а я, Чвака-кака, лучше всех! Пойду, свет посмотрю, всех счастливыми сделаю!

Пошла Чвака-кака по оройхону, видит — безногая тайза прячется.

— Ты меня, тайза, не бойся, я Чвака-кака хорошая, хочу свет кругом обойти, всех счастливыми сделать. И тебя тоже, тайза безногая.

— Неужто тебя и есть можно, такую большущую?

— Можно, тайза, можно! Вот только свет кругом обойду.

Пошли они вместе. Впереди Чвака-кака шагает, за ней тайза ползёт. Идут, а навстречу — жирх. Чваку-каку увидел, со страху извиваться стал.

— Ты меня, жирх вонючий, не бойся, я Чвака-кака хорошая, хочу свет кругом обойти, всех счастливыми сделать.

— Тебя и есть можно, такую здоровенную?

— Можно, жирх, можно! Вот только свет кругом обойду.

Пошли дальше. Первой Чвака-кака шагает, за ней тайза ползёт, сзади жирх извивается. Навстречу им тукка. Увидала Чваку-каку — оцетинилась.

— Не бойся меня, колючая тукка. Я Чвака-кака хорошая, хочу свет кругом обойти, всех счастливыми сделать.

— А есть тебя можно?

— Можно.

Пошли в путь. Чвака-кака шагает, тайза ползёт, жирх извивается, позади тукка бежит. Навстречу — парх. Чваку-каку увидел — усы распустил.

— Ты меня, парх усатый, не бойся. Я Чвака-кака хорошая, хочу свет обойти, всех счастливыми сделать.

— А тебя, такую сильную, есть можно?

— Можно. Пошли вместе.

Парх согласился. Пошли дальше и встретили гвааранза.

— Ты меня не бойся, гвааранз крепкоспинный! Я Чвака-кака добрая, хочу свет кругом обойти, всех счастливыми сделать.

— А ты вкусная?

— Вкусная, страсть вкусная! Пошли с нами. Кругом света обойдём, а там и поедите.

Пошли дальше. Впереди Чвака-кака шагает, за ней тайза ползёт, следом жирх извивается, тукка бежит, парх прыгает. Последним гвааранз волочётся, а на хвосте у него зогг-молчалик сидит. Его никто не звал, так он сам увязался. Шли-шли и обошли весь оройхон. Вернулись на старое место. Чвака-кака и говорит:

— Везде мы побывали, всё повидали, а краше родного шавара на свете нет. Значит, тут вам счастливыми быть. Ешьте меня, родные, ешьте, любимые!

И растеклась грязною лужей.

Чаарлах помолчал немного и добавил уже обычным голосом:

— Здорово я вас обманул. Три года все думали: «Вон ил-бэч идёт», а я — Чвака-кака.

— Отец, — спросил Шооран, — неужели всё счастье в том, чтобы съесть другого?

— Понял... — сказал Чаарлах. — Молодец. А заметил ли, что ты единственный понял это? Ну-ка, идите сюда, вы двое...

Шооран и Ээтгон подошли, присели на корточки. Лишь коснувшись руки Чаарлаха, Шооран понял, что слова о его близкой смерти недалеко от истины. Чаарлах говорил, смотрел и улыбался, как и прежде, но рука была такой холодной, словно в голубые дорожки вен влилась мертвящая влага далайна.

— Вас тут двое... небезразличных, — проговорил Чаарлах. — Дайте-ка руки! Да не мне... Не любите вы друг друга, а кабы вместе держались, так и сносу бы вам не было... — Чаарлах усмехнулся. — На себя посмотрите, вы же оба отмеченные. К кому судьба равнодушна, того она в щёку целует, а там, сколько ни мойся, — след останется.

Шооран вспомнил Маканого и кивнул, соглашаясь. Вот только у Ээтгона бита левая щека, а у самого Шоорана — правая.

— Я-то вас обоих люблю — одного потому, что я его понимаю, другого — потому, что он меня. Согласию меж вами не бывать, один прямой, как гарпун, второй все закоулки в шаваре видит. Обещайте хотя бы друг другу не вредить. У вас разные дороги, ходите по ним.

— Мы уже сделали себе всё зло, какое могли, — сказал Ээтгон, глядя в сторону. — Оно ещё долго будет всплывать.

— Но нового пусть не будет. — Чаарлах устало откинулся на заботливо постеленную Ээтгоном шкуру бовэра, закрыл глаза.

Шооран с Ээтгоном ждали, и молча стояли вокруг люди, словно сказитель ещё говорил с ними. Чаарлах медленно приподнял веки.

— Вы здесь? Я хотел попросить: когда я... в общем, завтра, не относите меня в шавар. Я всю жизнь боялся туда попасть. И далайна я тоже боялся... Может, потому и жил так неприлично долго. А теперь идите все... Я хочу спать.

Вечером, когда стало ясно, что Чаарлах не проснётся, Ээтгон, словно младенца, поднял на руки лёгкое тело и отнёс

на вершину одного из суурь-тэсэгов. Шооран шёл позади. Он видел, что Ээтгон не примет его помощи, и не предлагал её. Остальные изгои проводили их взглядами, но остались в лагере, не решаясь далеко отходить от поребрика.

Назад шли, так и не сказав ни слова. Шооран, как и прежде, шёл сзади, но думал не о похоронах, а о том, что с вершины суурь-тэсэга он сумел рассмотреть на соседнем оройхоне белую черту копыта и привязанную к нему алую ветку туйвана. Мудрый Моэртал подавал знак духу шавара.

Так они шли и не ускорили шага, даже когда гулкий удар пронёсся над оройхонами — многорукий бог далайна явился за сказителем, который так долго ускользал от него.

* * *

Так в жизни всегда: то бесконечно ждёшь новостей, а их нет и нет, но зато потом они обрушиваются потоком, и думаешь: поменьше бы. Две недели одонт Моэртал требовал сведений о том, что делается среди изгоев, а тут разом вернулись двое соглядатаев. И рассказывали они такое... Жирным одонтам с внутренних земель подобные вещи рассказывают на ночь, чтобы крепче спалось. Сходились доносчики в одном: среди изгоев прячется илбэч, на мысе прибавилось четыре новых оройхона. Этому Моэртал поверил, да и как не поверить, если Ёроол-Гуй выныривает по шесть раз на дню. А вот дальнейшее... От рассказов шпионки Моэртал сначала попросту отмахнулся, а вот доклад второго соглядата заставил его задуматься. Отослав шпионов, он долго размышлял, то садясь в кресло, поставленное под деревом, то вскакивая и принимаясь быстро расхаживать.

Изгои собрались завоёвывать угловые земли! А ведь это идея! Это выход на многие года! Давно известно, что примерно раз в шесть лет изгоев становится так много, что они начинают угрожать государству, и приходится начинать с ними правильную войну. А теперь их можно направлять на угловые земли. Пусть завоёвывают себе царство. Победят — значит, уйдут. Проиграют — остатки неудачников легко перебить. Так что, действительно, имеет смысл пропустить бунтовщиков на запад. Чем он рискует, если будет обманут? Изгои, запертые в ловушке, уйдут. Но без артиллерии он всё равно не может взять их, особенно если за их спинами восемь оройхо-

нов. Моэртал поёжился, подумав, как ему придётся доклады-
вать о потерянных ухэрах. Что ещё? Сбежит илбэч... Секунду
Моэртал стоял неподвижно, потом опустился в заскрипевшее
кресло. Лицо его просияло. Так вот что это было! Не врёт
баба! И никуда илбэч не денется. Что ему делать на угло-
вых землях? Там он заперт, словно загнанная тайза, а илбэ-
чу нужен простор — большой и пустынный берег. Вот он и
просит его. И неважно, откуда он добыл своего злого духа —
на то он и илбэч. Моэртал нервно растёр лицо ладонями. Что
же делать? Выпустить изгоев, а потом прочесать оройхоны,
каждую пядь, шавар вычерпать... Или всё-таки окружить
земли, но не входить туда, не трогать илбэча. В конце концов,
он хочет строить. Так пусть строит. Харваха больше у того,
кто добр с сушильщиком. Моэртал представил, как на севере
появляется не два, а дюжина сухих оройхонов, и сладко
поёжился. Он не станет, подобно Ууртаку, просить, чтобы эти
земли отдали ему. Большая провинция — это большие хло-
поты и большая зависть врагов. Он предложит на совете
одонтов создать там новую провинцию, которая прикроет его
от вечно бунтующего побережья. Он сам станет жирным
одонтом внутренних земель, и цэрэги ему будут нужны лишь
для почёта и славы. Лишь бы илбэч не обманул, лишь бы не
сбежал... Но ведь должен хоть кто-то в мире держать своё
слово!

Моэртал поднялся, хлопнул в ладоши и сказал подбежав-
шему охраннику:

— Срочно двух гонцов — к Ууртаку и на западную грани-
цу. И ещё: боевые дюжины пусть отойдут на сухое и ждут при-
казов. А на мокром поставить на дальний суурь-тэсэг копё и
привязать к нему это, — Моэртал, не глядя, протянул руку и
обломил большую ветвь туйвана, украшенную алыми цветами
и плодами, похожими на не умеющее лгать человеческое
сердце.

* * *

Последний приход Ёроол-Гуя окончательно разорил
оройхоны, и, когда выяснилось, что Моэртал, должно быть,
испугавшись Многорукого, отвёл войска, уходить решили
все.

Утром, когда лагерь уже гудел, Шооран отозвал в сторону Ээтгона.

— Это на тот случай, если я не дойду, — сказал он, протягивая заново вычерченную карту. — Смотри: здесь страна вана, это угловые оройхоны, а здесь, за огненными болотами, — пустая земля. Там сухие оройхоны: хлеб, вода и много бовэров. Я знаю, ты мне не веришь, но сходи — и увидишь сам.

— Ты и там был? — недружелюбно спросил Ээтгон.

— Был. Год назад.

— А чего же не остался, если там так прекрасно?

— Одинокому везде плохо. Сначала мне надо найти одного человека, и только потом я смогу пойти в эту землю.

— Хорошо. — Голос Ээтгона был холоден, как влага далайна, и ледяными оставались глаза. — Я пройду по этой полосе и посмотрю, что там.

Он сунул карту за пазуху и ушёл, бормоча неестественно сдавленным голосом:

— Везде мы побывали, всё повидали...

Когда последняя группа переселенцев скрылась за тэсэгами, Шооран бросил сумку, собранную лишь для виду, и отправился к далайну. Его не оставляло странное ощущение, словно он вернулся на год назад и строит дорогу в страну добрых братьев. Возможно, это оттого, что он вновь один на огромном пространстве, где даже с самого высокого суурь-тэсэга нельзя никого увидеть. А может быть, оттого, что он, пусть не называя имени, сказал другому человеку, что без Явдай ему не нужна самая распрекрасная земля.

Странно Ээтгон принял его известие. Не о Явдай, конечно, а о земле. Кажется, он поверил, но ничуть не обрадовался. И вообще Ээтгон — странный человек. В каждом его слове, в каждом движении сквозит ненависть. Почему? Ревнует к Чарлаху, что тот с первой минуты выделил Шоорана из толпы? Оскорблён, что в их схватке Шооран оказался сильнее, и жив Ээтгон лишь благодаря великодушию победителя? Или, если это всё-таки чудом спасшийся Бутач, он не может простить своего нечаянного уродства?

Шооран поморщился, загоняя поглубже мешающие мысли, и сказал, обращаясь к далайну:

— Ну, здравствуй.

В один день он поставил два оройхона и справился бы и с

тремя, если бы ему не помешал Ёроол-Гуй. Он не выметнулся на берег единым махом, а долго раскачивал в небе бесконечным множеством гибких рук, выбирая, откуда напасть, а Шооран, напружиненный, готовый к прыжку, отступал по поребрику и, словно Ван из древней легенды, кричал:

— Тебе всё равно меня не поймать! И я всё равно буду счастлив!

Выстроенный мыс загогулиной перегораживал чуть не половину далайна, не столько нужный людям, сколько мешающий Ёроол-Гую, которому теперь, чтобы попасть с западного побережья королевства вана на восточное, пришлось бы сделать изрядный крюк.

На следующий день Шооран, вспомнив, что данное слово нужно держать, выстроил оройхон там, где большой мыс граничил с отдельно стоящим островом изгоев. Владения бродяг в результате уменьшились, зато у Моэртала появилось разом два сухих участка.

Ещё не приступив к работе, Шооран решил, что сразу вслед за тем он уйдёт отсюда. Нечего зря искушать судьбу. Многорукого он не боится, а вот людей... У каждого из них только две руки, но все вместе они куда цепче Многорукого. Не успеет схлынуть вода, как на сухое бросятся толпы народу, и чем дальше он будет в это время, тем лучше.

Уйти Шоорану не удалось. Он поставил оройхон вечером, чтобы было удобней скрыться, но, пробираясь между тэсэгов в сгущающейся тьме, вдруг услышал свист. Шооран замер, всматриваясь. Рослая фигура стояла в тени тэсэга неподалёку от поребрика. Если бы дозорный не свистал от скуки, Шооран мог вылезти прямо на него. Хвала мудрому Тэнгэру, что на посту оказался растяпа!

Шооран повернул назад, в полной темноте вышел к другому краю мыса. Там тоже были цэрэги. Они даже не скрывались: фигуры стояли прямо на поребрике, в стороне тлела в костре солома и слышался голос Киирмона:

— От такой большой неудачи Многорукий едва не плачет. Страсть как охота жениться, а жена опять не годится...

Оставалось рваться напрямую через сухие оройхоны, где каждый встречный знал его в лицо. Но и там тоже стояло оцепление. Услышав, как фальшиво напевает сидящий в засаде Турчин, Шооран прыснул со смеху. Так вот в чём дело! Нет никакого разгильдяйства, цэрэги нарочно шумят, чтобы

илбэч ненароком не попался им и в то же время не смог уйти. Моэртал запер его здесь, чтобы он строил для провинции землю, много земли. Не так уж это отличается от приёмов добрых братьев. Но там хотя бы мясом кормили, а что он будет есть тут? У Шоорана ещё оставалось несколько чавг и пяток туйванов, сорванных с ветви, щедро подаренной Моэрталом. Но туйван нужен, чтобы пропитать губку, когда он пойдёт через мёртвую полосу.

Проплутав ночь, Шооран вернулся к далайну. Так или иначе, но раз можно строить, то строить надо. Встал на берегу, поднял руки — это необязательно, но так привычней и проще, — глубоко вздохнул, сосредотачиваясь, и... опустил руки. Нет, он не будет ничего строить в тюрьме. Вернее, будет, но только для того, чтобы выбраться отсюда.

Далайн, который он за два года сократил на пятую часть, безучастно соглашался: «Да, можно и не строить». Среди бугров влаги Шооран заметил качающийся мешок плавающего моллюска. Случайный всплеск выкинул его на берег. Шооран натянул рукавицы, подошёл и поднял подарок. Костяной палочкой извлёк склизкую плоть, заглянул в розовое нутро раковины. Если сточить у раковины острый конец, а потом сильно дунуть в него — раздастся неприятный, но очень громкий звук. Интересно, что подумают стражники, когда услышат сигнал? Хотя прежде раковину надо вымыть. Шооран спрятал будущую трубу, достал карту и начал выбирать, где он поставит отвлекающий оройхон.

Ему пришлось построить два оройхона, прежде чем Ёроол-Гуй явился. Второй из оройхонов был юбилейным, он завершал двойную дюжину, но об этом Шооран вспомнил много времени спустя. А тогда он сначала привычно удирал от Ёроол-Гуя, а потом шёл через мыс, строить ещё один остров. Теперь, когда Ёроол-Гуй был заведомо далеко, Шооран мог ставить оройхон и не отходить назад, а идти, не опасаясь ни цэрэгов, ни глупого бога. С собой Шооран нёс корзину, где под слоем харваха были спрятаны все его вещи. Едва оройхон встал, Шооран подхватил корзину и поспешил наискосок через новую землю. Путь его лежал в глубь страны, подальше от слишком беспокойного побережья.

Пройдя чуть больше восьми оройхонов, Шооран присел отдохнуть. Крестьянин, возившийся неподалёку, поглядывал

недружелюбно, но ничего не сказал, решив, верно, не связываться с Шоораном, раз тот не сошёл с поребрика.

— Эгей! — окликнул земледельца Шооран. — Купи раковину. Мне нужна вода, — Шооран показал пустую флягу, — и полдюжины хлебцев.

Мужчина подошёл, взглянул на раковину, молча кивнул и пошёл за водой. Конечно, витой рог стоит много дороже и после мягмара владелец легко сбудет его цэрэгам, но Шооран предпочитал держаться от цэрэгов подальше.

Крестьянин вернулся с бурдюком и хлебами. Делали хлебцы, круто замешивая муку на перебродившей каше, а потом высушивая. Если размочить такой хлебец в воде, через полчаса получится полная миска каши.

— Харвахом промышляешь? — спросил мужик.

— Есть-то надо, — ответил Шооран.

— Ох, дела шаварные! — Земледелец, очевидно, был не прочь поболтать. — Весь мир перевернулся. Раньше харвах скребли бабы да детишки, а мужики, коли прижмёт, в сушильщики шли, но с хохиуром дела не имели. А теперь всё наоборот! Этаким бугай харвах собирает, а баба — сушильщик! Каково?..

— У меня мать была сушильщиком, — сказал Шооран. — Ты что, её знал?

— Да не!.. — отмахнулся земледелец. — Это тут поблизости. Ещё дура нашлась, кроме твоей мамыши. Сушильщица!.. Ходит гордая, словно жена вана, на человека и не взглянет. Тьфу! Хоть бы подорвалась скорее — не жалко.

— Трепло ты, — сказал Шооран, вставая. — Смотри, как бы тебе чего не оторвало.

— Эгей! — воскликнул мужик. — А меняться? Вот, я принёс.

— Не буду я с тобой меняться, — сказал Шооран. — Хлеб у тебя вонючий.

— Раковина твоя вонючая! — злобно крикнул вслед хозяин. — Сушильщице отнеси, она тебя приголубит!

Шооран уходил, кусая губы. Больше всего сейчас хотелось выдернуть из-под харваха хлыст, чтобы сволочь, походя плюнувшая в память матери, превратилась в булькающий кровью кусок мяса. Хотя какая он сволочь? Он просто тупая тварь, мелкий зогг, что, задрав ядовитое жало, оберегает перед входом в норку доставшийся ему кусочек снеди. Но

совет эта тварь дала хороший: он действительно пойдёт к сушильщице и расскажет про землю, что лежит на западе. А потом, как и обещал, возьмёт Койцога и тоже уведёт его. Не дело, что люди занимаются смертельным и ненужным промыслом, особенно женщины, — в этом тот тип прав.

За очередным оройхоном открылась выжженная приаварная полоса. Шооран приостановился и решительно пошёл направо. Кислый смрад сушащегося харваха лучше любых объяснений подсказывал, куда надо идти.

Как всегда, сушильщик занимал самый большой авар, что дальше прочих вдавался в свободное пространство. Сушильщица была за работой. Столбом поднимался пар, пучился, шевелясь, харвах, пел, сгорая, хитин, и женщина тоже пела медленную печальную песенку, никак не соотносящуюся с мгновенными движениями рук, спасающими её от неизбежной смерти:

Мой милый ушёл на охоту,
По далёким ушёл оройхоном
И оставил меня одну.
Уулгуй, тонкорукий и светлый,
Отнеси ему сочную чавгу,
Передай привет...

Кончился харвах на аваре, и на полуслове оборвалась песня.

— Здравствуй, Яавдай, — сказал Шооран.

Она повернулась, взглянула на него безо всякого удивления.

— Нашёл, — голос прозвучал бесцветно.

— Я тебя искал, — произнёс Шооран, чувствуя, что происходит совсем не то, о чём он думал, представляя, как найдёт Яавдай. — Я даже к добрым братьям ходил, потому что ты так Киирмону сказала. Смешно, правда?

Шооран говорил, стремясь словами заглушить нарастающее беспокойство, а Яавдай стояла, праздно опустив обожжённые руки, и молчала.

— ...зато я нашёл место, где можно жить. Не цэрэгом быть, не сушильщиком, а просто жить, как люди. Я не знаю, кто тебя заставил так поступить, но ты теперь не бойся, мы уйдём туда, там нас никто не сможет тронуть...

Яавдай медленно покачала головой:

— Я не пойду.

— Почему? — глупо спросил Шооран.

— Потому что я никогда тебя не любила. Я любила тогда и люблю до сих пор другого человека.

— Почему же ты сразу не сказала? — мёртво прошептал Шооран.

— А ты спрашивал?

— Да! И ты сказала, что согласна!

— А что я могла ответить? Убить мать, брата, сестёр? Прости, мне надо было уходить раньше, сразу, как только Явда-лу исполнилось двенадцать.

Шооран повернулся, шагнул, чтобы уйти. Куда угодно, подальше от себя самого. Значит, он, словно наворовавший добра баргэд, просто купил девушку, не поинтересовавшись даже, что у неё на душе... Но неужели он должен был спрашивать: «Дорогая, а не влюблена ли ты в кого-то другого?» Какая бессмыслица! Хотя это уже ничего не меняет.

— Подожди, — сказала Явдай. — Я должна... В общем, подожди минуту.

Она подхватила корзину с высушенным харвахом и пошла к поребрику, где подальше от аваров теснились палатки. Шооран покорно двинулся следом. Явдай нырнула под навес, принялась развязывать какой-то узел. Шооран не смотрел, что она делает, он глядел туда, где неподалёку на горячей сухой земле возились несколько детей. Девочка лет полутора поднялась с земли, преувеличенно твёрдо ступая, как ходят недавно научившиеся дети, подбежала к Явдай, ухватила за край жанча, спрятала лицо, потом повернулась, и снова на Шоорана глянули любопытные серые глаза. Это лицо Шооран много раз видел, когда после смерти старика, оставшись один, часами сидел над ручьём, разглядывая своё отражение.

— Явдай, — перехваченным голосом произнёс Шооран. — А как же она? Это же наш ребёнок.

Явдай вскинула голову. Глаза её зло блеснули.

— Ну уж нет! Я согласна была спать с тобой, но ребёнок не твой. Он от того человека, которого я люблю.

— Неправда! — выкрикнул Шооран. — Я же вижу. Она похожа на меня.

— А вы с тем человеком вообще похожи, — Явдай невесело усмехнулась, — только ты красавчик... был, а он — мужчина.

— Дядя! — сказала девочка, указывая на Шоорана.

— Да, дядя, — быстро согласилась Явдай. — Чужой дядя. Иди, Бутай, к девочкам, поиграй с ними. Я сейчас. И ты не найдёшь этого человека, — повернулась она к Шоорану. — Я знаю о нём всё, даже его настоящее имя, но тебе не скажу ничего.

— Я его тоже знаю, — проговорил Шооран. — Я же слышал, как ты назвала девочку. Но я не буду его искать.

— Вот, — сказала Явдай, выпрямляясь. — Это твоё.

На протянутой ладони свернулось лазоревое ожерелье.

— Я ни разу не надевала его. И не продала. Я знала, что мы встретимся и его надо будет отдать. Когда ты рассказывал о своей матери, я долго не могла поверить, что тебя, оказывающегося, тоже можно любить. Это её вещь. Возьми и уходи.

Ожерелье перетекло из узкой ладони Явдай в его горсть. Под ноги покорно легла плывущая дорога. Здесь, на сухой полосе, она была широкой, иначе он не смог бы пройти по ней непослушными ногами. Шооран не смотрел по сторонам, не видел, куда идёт. Смотрел лишь на ладонь, и пальцы одну за другой перебирали голубые жемчужины. Каждая из них казалась живой. Жемчужина — отец, погибший слишком рано. Вторая жемчужина, пронзительно голубая и с чёрной крапиной ожога, — это мама. Третья, словно тронутая сединой, но с негаснувшим огнём, пробивающимся наружу, — старый илбэч и его подарок. «Ты ещё устанешь проклинать меня». Да, ничего не зная, быть никем куда проще. Новая жемчужина, чистая, почти прозрачная, — Чаарлах. Наивный слепец! Кого ты считал прозорливым? Не так трудно увидеть второе дно в сказке, куда сложнее понять самого простого человека. Жемчужина Ээтгон. Блестящая, в неё смотришь словно в зеркало. «Мы уже сделали себе всё зло, какое могли. Оно ещё долго будет всплывать». Ещё жемчужина, сияющая холодным отрешённым блеском, — это Явдай, а следом крохотная, но горящая ярче других — чужая, не его дочь. Сколько ещё в ожерелье жемчужин-бед, жемчужин-слёз, жемчужин-вопросов? Долго тянется нить жизни, и жестоко проклятие Ёроол-Гуя.

* * *

Вновь своё спасение Шооран нашёл в работе. К утру он вышел к побережью, в то самое место, откуда уходил. Даже копьё, оставленное в хохиуре, оказалось цело. И заграждение,

окружающее пустые оройхоны, всё ещё стояло. Народу на мокром не было. Все, имеющие или не имеющие право, сейчас делили землю. Что же, тем больше чавги достанется голодному илбэчу.

Шооран за спинами дежурящих цэрэгов вышел к далайну и поставил оройхон. Это был знак Моэрталу, что илбэч ушёл из окружения. На первом же суурь-тэсэге новой земли Шооран водрузил Моэрталово копьё, наколов на остриё большую чавгу.

— Ты меня угостил туйваном, — бормотал он под нос, — а я тебя, извини, чем могу. Ты меня запер, а я — убежал.

На следующий день оцепление исчезло, но и облав тоже не было — Моэртал понял, что илбэча лучше оставить в покое.

Нагрузившись чавгой и сменяв-таки раковину на хлеб, Шооран вернулся на мыс, с которого так стремился бежать два дня назад. Первым же ударом он создал там сухой оройхон, отделённый от остальной страны лентой в два мокрых оройхона. Поскольку эта местность была опустошена Ёроол-Гуем, а илбэч отсюда ушёл, можно было надеяться, что недели три его никто не потревожит. Устраиваясь на житьё, Шооран громко разговаривал сам с собой о чавге, тэсэгах, Ёроол-Гуе — обо всём на свете, кроме Явдай, маленьких детей, счастья и других несущественных предметов.

В тот же день Шооран поставил ещё два оройхона, повторив давний подвиг Энжина. С рассветом круг начал повторяться. Шооран выстроил один оройхон, потом увидел Ёроол-Гуя и, перейдя на другую сторону мыса, следующий остров соорудил там, высушив ещё один ненужный ему участок. Лишь после этого странная истерика погасла.

Шооран сидел на умываемом оройхоне среди потоков слёз бовэра и думал, как жить дальше. В мире оставались лишь два человека, которые относились к нему по-людски: сказитель Киирмон и сушильщик Койцог. Но Киирмон благополучен, его чаша не бывает пустой. Значит, остаётся Койцог, если, конечно, он ещё жив.

Шооран собрался и без сожаления покинул мыс и сухие оройхоны, где скоро начнётся столпотворение: делёж земли и власти. Он шёл на запад по стыку сухих и мокрых оройхонов, по самому опасному месту, потому что здесь обычно больше всего стражи. Но сегодня цэрэги отдыхали, обрадованные

уходом ночных пархов, а земледельцы не трогали бродяг, поскольку вся страна жила ожиданием чудес.

Он пересёк владения Ууртака и крошечную провинцию, где некогда властвовал Хоргоон. Оставил позади Свободный оройхон, где когда-то родился и где не осталось ничего: ни прежних людей, ни прежней свободы. Ступил на остров изгоев, не ставший уютнее с тех пор, как безобиднейшая Нарвай смертельно напугала здесь малолетнего Шоорана. Так же, как и десять лет назад, уходила вдаль мёртвая полоса, стлался дым и жил своей жизнью далайн. Правда, теперь возле огненного болота стояла застава, караулящая ушедшего на угловые земли недруга. Впрочем, нападения оттуда никто не ждал, так что пройти в огненный смрад было несложно.

Шооран оглядел открывшееся пространство. Почему, собственно говоря, он должен задыхаться здесь? Всего один оройхон — и сухая полоса соединит угловые земли со страной вана. Погибнет крошечное государство, рождённое тщеславием Хооргона. Стоит ли о нём жалеть? Зато люди смогут ходить безопасно. Довольно и он мучился здесь в завалах и горячем нойте. Сегодня это болото исчезнет.

В полчаса оройхон был создан, и Шооран в третий раз за свою жизнь очутился на угловых оройхонах, поставленных когда-то старым илбэчем и отчасти им самим.

Даже на первый взгляд за два года оройхоны изрядно переменились. На мокром никого не было, пустынной оказалась и сухая полоса. Очевидно, немало народу ушло вместе с войском изгоев. Шооран сумел незамеченным добраться к последнему оройхону, который целиком принадлежал аварам и сушильщику.

Койцог был на месте. На нём была та же старая одежда, лишь на груди висела ладанка с давно погибшим и высушенным пальцем Ёроол-Гуя. Кусочек иссушенной земли тоже казался заповедником старых времён. Изменился лишь сам Койцог. Исчез отрешённый, безразличный ко всему взгляд, и Шооран подумал, что пришёл вовремя: сушильщики с беспокойным взглядом долго не живут.

— Я не смог тогда вернуться, — сказал Шооран, — но зато сейчас я пришёл забрать тебя. Ты, должно быть, и сам знаешь куда — в новые земли на севере.

— Туда не пройти, — сказал Койцог. — Тройгал не пустит. Туда слишком много людей ушли, так теперь Тройгал там

границу держит крепче, чем от вана. Там и жирх не проползёт.

— А мы проползём, — уверенно сказал Шооран.

— Мы-то проползём, — голос Койцога звучал словно виновато, — но я теперь не один. Тамгай... её выдали мне в жёны, по договору, даже не спросив. Да и как спрашивать, она же бездомной осталась. Мы тогда потребовали женщин, так просто, оттого, что не знали, что ещё требовать. Всего год назад она была мне никем, а теперь... я не пойду без неё, а она не сможет ползти ночью по мёртвой полосе.

— Если... — Шооран запнулся, не зная, какое слово подобрать, — если она в самом деле захочет пойти с тобой, то ей не придётся ползти. Мы пойдём по мёртвой полосе днём и не скрываясь. Там нас пропустят и дадут землю, среди изгоев у меня много знакомых. А с этой стороны, думаю, заслон уже снят, все брошены на границу с ваном. Ты же слышал, как трубили тревогу? Сегодня последний день этого царства.

Койцог пренебрежительно усмехнулся, и на мгновение в нём проглянул прежний сушильщик.

— Сходи, посоветуйся с Тамгай, — сказал Шооран, а я сбегаю по делам. На час, не больше. Кстати, как поживает палач Боройгал?

— Что ему сделается? Живёт. Говорят, клад нашёл.

— Нашёл, значит? — переспросил Шооран. — Что же, пусть пользуется. Я скоро вернусь.

Шооран выбрался на заселённый оройхон, открыто пошёл по тропе. Раз Боройгал сумел выжить и отыскать его тайник, то «дороги тукки» больше нет и остаётся надеяться, что совершить задуманное ему поможет паника, вспыхнувшая из-за гибели огненного болота.

При входе в алдан-шавар суетились с дюжину женщин, но не было ни одного цэрэга. Если на Шоорана и обратили внимание, то не посмели остановить. А в нижнем ярусе и вовсе никого не было. Пружинила под ногами земля, ползали слизи, сытно пахло наысом.

«Беглый камень» оказался цел и пропустил Шоорана в сокровищницу. За последнее время здесь ничего не изменилось. Шооран подошёл к стене, снял талх. Материя казалась невесомой, и ничего не весили тонкие, как высохший лист, диски. Шооран сложил наряд, поколебавшись секунду, снял и доспех, оказавшийся неожиданно гибким и лёгким. Среди

украшений на стене внимание привлекли заколки для волос, диадемой охватывающие голову воображаемой красавицы. Неужели — те? Шооран протянул руку, осторожно взял два светлых полумесяца.

Всё. Пора уходить. Он собирался подарить это платье Явдай, а теперь отдаст незнакомой ему Тамгай, если, конечно, та согласится пойти за своим сушильщиком.

Шооран вышел из сокровищницы, аккуратно закрепив камень, хотя и понимал, что вряд ли ему придётся вернуться сюда ещё раз.

Койцог ждал неподалёку от своего авара. Рядом с сушильщиком сидела маленькая некрасивая женщина. На коленях она держала собранный узел. Второй узел держал Койцог.

— Здравствуйте, — сказала Тамгай. — Койцог мне всё рассказал. Конечно, мы пойдём. Вы не беспокойтесь — я дойду. Понимаете, я очень хочу, чтобы он бросил эту работу. Я так боюсь за него...

— Понимаю, — сказал Шооран.

У Тамгай было блёклое, невыразительное лицо, но оно так менялось, когда женщина смотрела на длинную физиономию Койцога, что Шоорана невольно обдала горячая волна зависти.

Шооран забрал у Тамгай тяжёлый узел, а вместо него вручил пакет с царскими нарядами.

— Это подарок, — сказал он. — Скоро мягмар, тогда наденьте это. А сейчас — пора идти.

* * *

Несчастья преследовали бывшего дюженника, а ныне одонта Тройгала, все последние годы. Падение старого Хоргоона грозило ему нечаянной смертью, поскольку назначенный одонтом Пуиртал знал о двойной сути дюженника и не стал бы терпеть при себе доносчика. Поэтому Тройгалу ничего не оставалось делать, как поддержать авантюру юнца Хоргона, а потом вместе с ним бежать на угловые земли. Там поначалу всё шло хорошо, хотя слова прямодушного глупца Мунага сбылись, и цэрэги были недовольны дежурствами на границе. Но даже недовольство Тройгал обратил в свою пользу. Он мягко оттеснил мальчишку от власти, получив из его же рук титул одонта, и потихоньку вступил в переговоры с на-

стоящим ваном. Вечносухой государь благосклонно принял вести от бывшего соглядата, и дела вроде пошли на лад. Ван соглашался утвердить Тройгала одонтом угловых земель и принять под своё покровительство, но требовал выдачи Хооргона и казны. Тройгал соглашался выдать только Хооргона, который, ни о чём не подозревая, почивал в своих покоях. К сожалению, так лишь казалось Тройгалу, потому что в тот самый момент, когда ван согласился удовольствоваться одним Хооргоном (но обязательно целым и невредимым!), мятежный юнец исчез. Он пропал прямо из опочивальни, у входа в которую стояли верные Тройгалу люди, и найти его не удалось. Ван был разгневан, переговоры надолго прервались.

Два года прошли в мучительной неопределённости. Объявить ваном самого себя Тройгал не решился — это значило отрезать возможные пути к отступлению — и оставался одонтом неясно при ком. Между тем цэрэги роптали, и даже земледельцы начинали повышать голос. Применять к солдатам жёсткие меры Тройгал опасался, хотя и понимал, что недожество может вылиться в открытый бунт.

Так обстояли дела в тот момент, когда среди ночи Тройгала подняло известие, что граница прорвана. А ведь Тройгал был уверен, что ван не пойдёт на подобное безумство, которое не могло принести ему ничего, кроме потерь и лишних волнений. Но потом оказалось, что границу преодолели не войска, а толпы изгоев. Как они сумели пройти, было известно лишь им и погибшим цэрэгам заграждения. Во всяком случае, ухэры не успели выстрелить ни разу.

Два дня в крошечной стране шла война, цэрэги, понимая, что с такими гостями не договоришься, дрались бешено, и Тройгал уже загадывал, как после победы станет казнить предводителей противника, но неожиданно противник исчез. И лишь через сутки выяснилось, что изгои ушли на север по мёртвой полосе, которая, как было отлично известно, обрывалась в далайн.

Но теперь оказалось, что огненное болото идёт не на два, а на три оройхона, а за ним начинается настоящая земля, куда и ушли изгои. Причём они не просто сбежали, а заняли проход, поставив там захваченные у Тройгала ухэры. Крошечное царство было зажато с двух сторон.

Взбешённый Тройгал вызвал дюженника Цармуга, кото-

рый три года назад ходил по мёртвой полосе, проверяя, куда она идёт, и страшно избил его.

— Вонючка! Гнилоед! — орал он. — Поленился лишний оройхон пройти! В нойте утоплю!

— Я ходил! — брызгая кровавой слюной, кричал Цармуг. — Не было там ничего!

— Врё-ёшь!.. — И Тройгал снова бил, хотя и понимал, что Цармуг прав. Прозевали илбэча и землю тоже прозевали.

Самое страшное, что теперь нечем было обороняться. Четыре последних татаца, прежде грозно украшавшие вход в алдан-шавар, были перенесены к границе. Больше орудий у Тройгала не было, не было и мастеров-макальщиков — каторжные заводы стояли на восточных окраинах государства вана.

Вновь Тройгал вступил в переговоры, но теперь ван требовал не только казну и ежегодную дань, но и заложников. Утешало самозваного одонта лишь то, что ван всё же ответил ему, и, значит, можно ещё поторговаться. Отвечал Тройгал уклончиво, так что было невозможно понять, какое именно сокровище не может он отдать — сыновей или оружие и жемчуг. Ван требовал и то, и другое. В ответ Тройгал смиренно отослал списки, утаив двух сыновей из шести и самое ценное среди сокровищ. Ван напомнил, что ему нужны не клочки кожи, а сами драгоценности и в первую очередь пропущенные в списках доспех из чёрного уулгую и талх, расшитый дисками уулгую бледного.

Тройгал ещё не решил, как будет отвечать, когда новый удар обрушился на него: на востоке возник оройхон, граница исчезла.

Испуганный и растерянный, он стоял, глядя на огромное пространство, которое было невозможно оборонять. Мунаг, быть может, и умудрился бы держаться здесь, но Мунага нет в живых.

— Надо бежать, — сказал один из дюженников. — Иначе раздавят, как только ван подтянет войска.

— Погодите... — простонал Тройгал. — Ещё есть выход. Я вёл переговоры с ваном. Отдадим казну: доспех, дорогое оружие, царское платье, и все останутся на местах. Ван обещал...

— Ну, давай, — сказал кто-то, и Тройгал с холодным ужасом заметил, как изменились взгляды и голоса окружающих.

Тройгал спешно вернулся в свои — бывшие свои! — покои. Двое командиров и десяток солдат из недовольных боевых дюжин шли за ним, не то охраняя, не то конвоируя. Тройгал отомкнул хитроумный замок, с натугой отворил тяжёлую дверь. Спустился вниз.

Гладкая стена была пуста. Такое представлялось ему иногда в ночных кошмарах: он заходит в сокровищницу, а там ничего нет.

Тройгал подошёл ближе, потрогал стену, посмотрел внизу, по сторонам.

— Где они?.. Где?.. — бормотал он, бегая кругами по сокровищнице.

— Ну?! — крикнул от дверей Цармуг. — Скоро ты там, корм шаварный?

Тройгал подошёл к столу, сжал тонкий нефритовый нож.

Собирался ли он пробиваться на волю или зарезать себя? Копьё, пущенное Цармугом, пробило руку. Нож выпал. Солдаты посыпались по лестнице, разом навалились на одонта.

— Живьём взять мерзавца! — закричал Цармуг.

* * *

Три оройхона мёртвых земель показались Шоорану неожиданно лёгкой и простой дорогой. Возможно, оттого, что он шёл не один, а может быть, из-за того, что недавно прошедшее войско расчистило путь. Гораздо больше, чем за себя, Шооран опасался за попутчиков. Но привычный к жаре и смраду Койцог ломил прямо, словно рвущийся к добыче гваранз, да и худенькая Тамгай стойко переносила трудности, хотя было видно, каких мучений стоило ей сдерживать кашель.

В беспокойном клубящемся тумане проступили очертания земли, той самой, где Шооран потерял юношескую красоту, получив взамен рубцы и бурые пятна ожогов. Здесь он умудрился добыть палец Ёроол-Гуя. Ничто вокруг не напоминало о тех событиях, нойт и время стёрли следы. Зато сразу было видно, что эта земля теперь обитаема. Отбросы далайна не громоздились вдоль берега, а были уложены поперёк дороги, образуя высокий защитный вал. Далее, занимая весь поребрик, зевали в лицо идущим четыре ухэра. Они стояли один за другим, на специальных станках, позволявших, ежели пожелает Ёроол-Гуй, опрокинуть ухэр на безопасную сторону.

Сразу ясно, что тот, кто устанавливал орудия, понимал толк в обороне.

— Ого! — воскликнул Койцог. — Я не даром унёс с собой весь сухой харвах, что у меня был. Здесь это зелье тоже требуется.

— Откуда столько ухэров? — удивился Шооран. — У Хоргона их было всего два...

— Штой! — раздался окрик из-за завала. — Кто такие?

И тут же знакомый голос караульного изменился, грозные ноты сменились радостным кличем:

— Шооран?! Ты?.. Какой Ёроол-Гуй тебя жанёш?!

Через засеку перебросили лестницу, на вершине вала, над частоколом изломанных костей появилась изуродованная, но сияющая радостью, знакомая образина Маканого.

Койцог быстро перелез через завал, помог перебраться Тамгай. Последним прыгнул Шооран.

— Вот наша земля, — сказал он. — Тут и будем жить.

* * *

Велик труд Тэнгэра и непостижим для ума! Чем можно вырыть далайн без дна, каким бурдюком наносить в него воду? Человек успеет умереть, прежде чем поймёт это. А Тэнгэр создал такое и, отряхнув с ладоней землю, сказал:

— Таков должен быть далайн, иначе он не вместит вечного Ёроол-Гуя.

Сверху Тэнгэр настелил небесный туман и сказал так:

— Здесь будет положен предел взгляду и разумению, чтобы никакая смертная тварь не проникла в сокровенные тайны алдан-тэсэга и не сравнялась со мной.

Всё сущее — и бездна, и небо, и крепкая стена послушествовали слову старца. Лишь когда пять оройхонов были заселены зверями, ползающими, бегающими и прыгающими и пришла очередь человека, Тэнгэр встретил непослушание.

— Ты должен думать о вечном, — молвил Тэнгэр, — ибо таков мой уговор с Ёроол-Гуем.

Но человек сказал на это:

— Нельзя думать о вечном, когда дети плачут от голода и не знаешь, чем накормить их.

— Ты можешь есть всё, что растёт на оройхонах, — объяснил Тэнгэр, — а из зверей тебе годны для пропитания прыгаю-

щий парх, быстрая тукка и вонючий жирх, от которого выворачивает нутро. Но не вздумай брать в пищу ничего из того, что плавает в далайне. Это корм Ёроол-Гуя, и ты умрёшь от него.

— Спасибо, добрый Тэнгэр, — сказал человек и ушёл собирать чавгу и ловить зверей шавара.

Тэнгэр ждал человека целую неделю и, не дождавшись, пошёл по его следам. Он отыскал пропавшего и грозно спросил, как тот посмел бежать от своего создателя.

— Я не бежал, — ответил человек, — я заблудился, потому что этот мир мне незнаком.

— Что же, — молвил Тэнгэр, — видно, прежде мне придётся обучить тебя простым вещам, чтобы они не мешали мудрому. Знай: то, что над твоей головой, зовётся небом, а то, что под ногами, — твердь. У всякого оройхона четыре стороны, и, значит, в мире есть четыре пути. Там, где стена мира всего ближе, находится восток, а там, где она дальше всего, запад.

— Мудрый Тэнгэр, — возразил человек, — даже там, где стена далайна ближе всего, она слишком далеко. Я не вижу её.

— Как ты глуп! — воскликнул господь. — Вон там — запад, а там — восток. Это ты запомнить можешь?

— Да, мудрый Тэнгэр. Я запомню это.

— А если ты станешь так, чтобы по правую руку у тебя был восток, а по левую — запад, то перед твоим лицом окажется север, а сзади — юг. Зная это, ты никогда не заблудишься на оройхонах. Это всё, что тебе надлежит знать о мире.

— Но ведь в мире есть не только твердь, — удивился человек. — Ещё есть далайн, и он больше земли.

— Далайн я создал для Ёроол-Гуя, — ответил Тэнгэр, — но многорукий Ёроол-Гуй должен быть ненавистен тебе, поскольку он зло, а я — добро.

— Почему?

— Да потому, — загремел Тэнгэр, — что я создал тебя, а Ёроол-Гуй тебя съест!

— Не сердись, я понял, — сказал человек. — Ты добр, ибо создал меня на съедение Ёроол-Гую. Но мне неясно иное. Если по правую руку у меня будет добро, а по левую — зло, то что окажется перед моими глазами и что за спиной?

— Ты ещё глупее, чем кажешься! — вскричал Тэнгэр. — Ты никогда не сможешь думать о вечном!

И раздосадованный Тэнгэр ушёл прочь и лишь много веков

спустя заметил, что неторопливые мудрые мысли отравлены глупой загадкой: что находится перед лицом стоящего между добром и злом. И как ни гнал старик Тэнгэр этот вопрос, он не мог ни избавиться от него, ни дать ответ.

А человек, оставшись один, просветлел лицом и воскликнул:

— Я понял! Впереди будет жизнь, а за спиной — мёртвая вечность. Но у меня нет глаз на затылке, поэтому я буду смотреть вперёд.

ГЛАВА 8

Полгода назад, избавившись от «сладкой каторги» и освободив товарищей, Маканый повернул в родные места. Он понимал, как мало у него надежды остаться непойманным. Наверняка приметы бежавших разосланы по всем оройхонам и за поимку каторжников обещана награда. И если остальные двенадцать могут остаться неузнанными, то уж его приметная морда запомнится всем.

Действительно, бои в земле старейшин ещё не остыли, а облавы шли одна за другой. Через неделю восемь изловленных беглецов составляли компанию смирному Уйгаку. Умница Уйгак кушал вкусное мясо, не уставая хвалить себя за предусмотрительность.

Затем старшие братья, поняв, что остальных так просто выловить не удастся, решили рискнуть, и девять пленников были распяты на берегу далайна. Они провисели там два дня, так что жалобные причитания Уйгака отчаянно наскучили караульным. На третий день чёрный уулгуй высунул из далайна руки и по одному перетаскал к себе связанных людей. Уйгак он уволок в пучину вместе с крестом.

История пленения илбэча закончилась.

Маканого не было среди пленников. Всё это время он прятался на сухом, днём отлёживаясь в зреющей хлебной траве, а ночью переползая с одного оройхона на другой. Появиться на мокром не решался, догадываясь, что ждёт его там. Лишь узнав из обрывка подслушанного разговора о судьбе своих неудачливых товарищей, он вышел к побережью и отправился на запад. Облав он с этой минуты не опасался — до тех пор пока страна дьяволопоклонников-старейшин не усмирена окончательно, в западных провинциях некому проводить облавы. Спешить Маканому было незачем, он отлично

понимал, что рано или поздно его изловят и, значит, надо всего лишь удачно прожить украденные дни. Поэтому он обогнул единственный в стране мыс, где могли бы скрываться изгои и где наверняка ждали беглецов, и, преодолевая от силы по оройхону в день, начал смещаться в сторону родной каторги. Теперь он преступно питался чавгой, и на сухое вылезал лишь ночами.

Судьба благоволила каторжнику, даря одну неделю свободы за другой. Маканый вышел на западный берег, длинный и прямой, и подумывал, а не повернуть ли ему обратно в сторону старейшин, где всё, должно быть, закончилось. Но вышло по-иному.

На очередную днёвку Маканый устроился недалеко от поребрика, чтобы можно было дать дёру, если вдруг вынырнет Ёроол-Гуй. И в то же время надо было держаться подальше от сухого, где его могли заметить и донести цэрэгам. Такую задачу Маканому приходилось решать ежедневно, и сегодня его решение совпало с поступком другого беглеца.

Маканый сразу узнал вышедшего ему навстречу человека и даже припомнил имя: Коайхан. Это был один из четырёх уцелевших чудотворцев, который, так же как и Маканый, метался по побережью, безуспешно ища пристанища.

— Привет! — воскликнул Маканый, кривя в улыбке беззубый рот.

Вместо ответа Коайхан ударил. Костяная дубинка косо скользнула по голове, обратив в кровавую кашу изорванный остаток уха.

— Ты што?! — закричал Маканый, прижимаясь к скале и судорожно нащупывая спрятанный в рукаве нож.

— Попался, илбэч!.. — прошипел Коайхан, поднимая двумя руками дубинку. — Ты у меня получишь за всё: за каторгу, за макальник, за кресты... За то, что я теперь как тварь шаварная прячусь...

— Дурак! — каркнул Маканый. — Притшём тут илбэтш? Ешли бы не он, тебя бы давно ыльки ражьели...

— Не-ет!.. Я знаю — ты илбэч, и я убью тебя!

Коайхан обрушил свою дубину, но мгновением раньше Маканый прыгнул вперёд, ткнув клинком в живот противнику. Коайхан забулькал, словно густой нойт, хлюпая, хлынул из открытой раны, и повалился на бок. Горящие сумасшедшиной глаза остановились.

— Перештаралша... — огорчённо произнёс Маканый.

Он быстро обыскал труп, взяв себе кое-что из скопившегося в сумке и поясе хлама, подхватил Коайхана под мышки и потащил к шавару.

— Глупый ты, — бормотал он дорогой, — жатшем ты это шделал? Теперь наш вшего трое, а это и мне опасней, и илбэтшу. А вдруг ты и ешт илбэтш и меня хотел убить, штобы я не жнал?.. — Маканый остановился, заглянул в мёртвое лицо. — Ты илбэтш? — спросил он, хотя и понимал, что убил не чудесного строителя, а просто дурака. — Ну и ладно, пуштъ ты илбэтш, а ешли появятша ишшо оройхоны, жначит уже новый илбэтш родилша. Но што ты умер — никто не ужнает. До швиданья, глупый илбэтш.

Маканый столкнул тело в черноту, постоял, прислушиваясь к закипевшей возне, чавканью и хрусту, а потом понуро побрёл к далайну. Он сам не мог сказать, что привело его туда, Маканый не любил далайн, и причины для нелюбви были вескими, но сегодня ноги сами привели его на побережье. И здесь, поднявшись на крайний тэсэг, Маканый различил своим единственным глазом дразнящую тень далёкой земли.

Неделю Маканый ходил по побережью, то теряя землю из виду, то вновь замечая её. Наконец, пройдя в опасной близости от лагеря каторжников, он ступил на мёртвую тропу и через четыре часа уже стоял на другом берегу.

Некоторое время он прожил в одиночестве, объедаясь мясом, к которому так и не успел привыкнуть, затем с юга пришло войско изгоев.

Сначала Маканый страшно перепугался, что его примут за илбэча, но ничего такого не случилось, изгои, среди которых каждый второй был увечным, легко признали бродягу своим. Вожди изгоев — заросший чёрной бородой Суварг и молодой с жёстким прищуром серых глаз Ээтгон допросили гостя с севера и позволили жить вместе со всеми. А узнав, что новый край имеет выход на страну добрых братьев, причём как раз к тому месту, где стоят каторжные мастерские, изгои устроили мгновенный набег и, не потеряв ни одного человека, вдвоятеро увеличили мощь своей артиллерии, унеся не только новенькие ухэры и татацы, но и хранившийся в арсеналах запас харваха. Потом, правда, пришлось налаживать

оборону и держать границу против опомнившихся братских войск.

За всеми этими делами Маканый отвлёкся от тревожных мыслей об илбэче. Появление Шоорана вновь пробудило их. Ситуация очень напоминала известную сказку о братьях илбэча. Только братьев было пятеро, а их оставалось всего трое: сам Маканый, Шооран и угрюмый бунтовщик Куюг. Можно было бы, кроме того, думать и на Коайхана, если бы Маканый не узнал, что в тот самый день, когда он сбросил тело Коайхана в шавар, илбэч был жив и строил землю на другом конце мира.

Шооран и двое пришедших с ним получили участки земли совсем рядом с полем Маканого. Это радовало и вместе печалило калеку. Если завтра родится земля, он будет знать, кто её создал, и тогда проклятие Ёроол-Гуя обретёт силу, а этого Маканый не хотел. Единственное, что сохранилось в его душе от внушаемой с детства веры, были слова молитвы: «Яви славу твою в делах светлых илбэчей твоих, их же любим благодарным сердцем...»

Прошло несколько дней, и случилось событие, заставившее Маканого обрадоваться и встревожиться ещё больше. В новый край явился Куюг. Как и Шооран, он обогнул мир и пришёл через земли вана. Куюгу досталась земля на южной оконечности страны, и это втайне радовало Маканого. Убедившись, что Шооран и Куюг не горят желанием увидеться, он сообщил им, каждому в отдельности, будто и Коайхан тоже живёт где-то поблизости. Теперь илбэч мог чувствовать себя относительно спокойно, и результат не замедлил сказаться: оройхоны начали появляться.

По настоянию Ээтгона было объявлено, что на мокрое разрешается выходить лишь на третий день недели — остальные дни принадлежат илбэчу. Маканый молча вздыхал, слушая указы свежее испечённых властей. Сейчас, когда земли в достатке, всё это имеет смысл, но через два-три поколения добрые начинания вырождаются во что-то страшное, и как бы новорожденное государство не затмило бессмысленностью и жестокостью все прочие страны далайна. Но пока люди радовались хорошему и ждали лучшего, и один Маканый знал, как непрочно их благополучие.

Между тем слухи о новой земле разлетелись по миру, достигнув даже креста Тэнгэра, и хотя с обеих сторон край был

обложен войсками, всё же бездомные, в одиночку и толпами, шли и шли через огненные болота в поисках земли и счастья. Особенно много было общинников из страны добрых братьев, которых сама мысль о владении землёй приводила в иступлённый восторг. Вскоре свободных участков уже не оставалось, несмотря на то что в один месяц родилось пять новых оройхонов и каждый приносил сухие земли.

Потихоньку на заселённых оройхонах общинники начали устанавливать свои порядки. Каждый из них хранил личное поле, а кормиться предпочитал на участке соседа. Тут-то Маканый доказал, что не только болтал в своё время, но слышал каждое слово, оброненное Шоораном во время их совместного пленения. Прежде чем болезнь приняла повальный характер, он явился к Суваргу, уже почти недоступному для простых людей, заставил его выслушать и понять своё шипение. План Маканого был принят, и с этого дня пойманных на воровстве наказывали единственным способом: клеймили и гнали в страну добрых братьев. Маканый собственноручно выжиг горячим нойтом знаки на лбу первой дюжины преступников. Эту операцию они перенесли безропотно, но когда их выставили за пределы защитного вала и предложили убираться, начались крики. К утру половина наказанных ещё была на мёртвой полосе. Некоторые так и предпочли смерть от удущья возвращению на счастливые оройхоны любимой родины.

Наказание подействовало, ночные набеги сократились. А когда начался мягмар, именно бывшие общинники с особым рвением потащили с берега колючую кость и принялись сооружать бесчисленные ограды и заборчики, снабжать их бренчащими ловушками, отравленными шипами и иными радостями свободного мира.

Маканый в этой суете не участвовал. Его поле было ограждено от воров памятью о жестокой расправе. Но и хозяйством Маканый почти не занимался. Он нёс службу на границе, а в остальное время предпочитал нянчиться с новорожденным сынишкой Койцога и вести с Тамгай долгие разговоры ни о чём. С Шоораном Маканый встречался редко, стараясь не знать, где тот бывает. «Их же любим благодарным сердцем», но лучше было бы не подозревать друг друга в величии, а просто жить как добрые соседи.

Вот и ещё год прошёл. Завтра мягмар. Уже второй мягмар в стране, словно созданной для него. Впрочем, она и создана им для самого себя, а успокоившийся народ всего лишь не мешает доброму чудотворцу строить всё новые и новые земли. К началу прошлого мягмара он поставил здесь всего полдюжины оройхонов, зато за этот год их выросло ещё три дюжины восемь штук. Лишь когда он пробивал дорогу к братьям, он сумел за год сделать больше. Новый оройхон уже не считают чудом, и об илбэче говорят безо всякого уважения, словно земли растут сами по себе, как наыс после мягмара. И это хорошо, так спокойней жить, когда ты никому не нужен. Совсем никому.

Конечно, он легко мог бы завести себе новую семью — двух или даже трёх жён, но из памяти не шли слова Явдай о том, как трудно поверить, что его тоже можно любить, и Шооран боялся даже просто смотреть на женщин. Страшно было вновь купить человека, предложив в обмен на одиночество кусок хлеба и нелюбовь. Да и труд илбэча ревниво забирал все силы, убивая даже мысль о женщинах. Шооран ухаживал за своим полем и нёс службу на границе, говорил в совете и делил вместе с другими воинами землю, но вечером он уходил не к семье, а к далайну, и ночами ему снились не женщины, а огонь. Но порой случались пустые вечера и бессонные ночи, когда в памяти слышалась песня об ушедшем милом, песня, которую он так самонадеянно примерял к себе. И детский палец указывал ему в грудь, прожигая сердце, словно разогретое в нойте тавро:

— Дядя!

Тогда Шооран как за последнюю надежду хватался за суваг и спешил на вершину холма. Разбуженные звоном волосяных струн, собирались к суурь-тэсэгу люди, обступали плотным кольцом, и Шоорану казалось, что он не один. Медленно перебирая струны, Шооран рассказывал о бессмертной любви красавицы Туйгай, о бродяге Мозолистая Пятка, который умел ходить по аварам, повествовал о Великой улитке — отце всех плавающих раковин, на которой покинутый мальчик Коох уплыл в далайн и унёс веселье недобрых людей, оставив им одну сытость. И лишь сказку о пяти братьях Шооран

никогда не рассказывал, хотя уже знал пропущенный когда-то конец этой истории.

Послушать Шоорана собиралось много народу, за глаза Шоорана называли «молодым Чаарлахом», и только Ээтгон ни разу не приходил на звон сувага. Не бывало в толпе и Маканого, но если первого гнала прочь ненависть, то второго — приязнь. Хотя не всё ли равно, по какой причине ты одинок?

Зато всегда в первом ряду виднелась махонькая фигурка Ай. Кто она такая и откуда взялась — никто не интересовался. Ай — не имя, так можно кликнуть любую маленькую девочку, когда не знаешь, как к ней обратиться, можно позвать и взрослую женщину, если ты богат, знатен и привык наступать на чужую гордость. К Ай так обращались все. Даже ничего не зная о ней, можно было понять, что она родилась на мокром, но почему-то не умерла, а продолжала тихонько тлеть. Ростом Ай вышла с шестилетнего ребёнка да и разумом недалеко ушла от этого возраста, хотя нойт успел обозначить на крошечном личике совершенно старческие морщины.

У Ай не было земли и никаких прав, да она и не смогла бы работать на земле. Даже здесь, в сытой стране, Ай перебивалась чавгой. Таких, как Ай, вообще было решено не пускать в страну, но Шооран однажды нарушил закон и теперь был наказан привязанностью уродца, похожего на странного двуногого зверька. Если бы не Ай, всюду ковылявшая по его следам, Шооран за этот год мог бы сделать гораздо больше. Он слишком поздно обнаружил, что если сказать уродинке, что идёт по делам и скоро вернётся, то Ай остановится и тихонько пошлёпает в обратную сторону.

Что Ай может выдать его, Шооран не опасался. Даже если бы она увидела создание оройхона, вряд ли она смогла бы связать чудо с его творцом. А другие, более догадливые люди ничего не узнали бы от неё, хотя бы просто потому, что один лишь Шооран знал, что Ай умеет говорить. При посторонних она не произносила ни слова.

Прокормить Ай не составило бы труда, если бы она согласилась на это. Но когда Шооран предлагал ей нормальную еду, Ай подцепляла грязным пальцем немного каши, причмокивая, жевала тонкими бесцветными губами, потом трясла головой и убегала собирать чавгу. Зато порой она сама подходила к Шоорану, произносила скрипучим голоском:

— Я ва-зьму хле-еба... — и, сорвав несколько гроздьев

хлебной травы, исчезала. А на следующий день потчевала Шоорана горькой, замешанной на чавге кашей.

Так шла жизнь. Целый год.

На третий день мягмара — всеобщий день рождения — Шооран охранял границу. В этот день семьи стараются не отпускать из дому именинников-мужчин и службу в основном несут неженатые. Так Шооран попал в отряд, которым командовал Маканый.

Обычно такие случайные встречи проходили радостно. Приятели болтали, делились незначущими воспоминаниями, рецептами холостяцкой жизни и молчали о главном. Но сегодня Маканый был не в духе. Он отмалчивался и часто вздыхал, отчего пластырь на щеке вздувался пузырьём.

Шооран, не выдержав, спросил, что случилось.

— Жубы болят, — ответил Маканый.

— Так они у тебя давно в далайне, — попытался поддержать разговор Шооран.

— Вот в далайне и болят.

В конце концов Шооран отступился от Маканого и, устроившись возле костяной баррикады, стал смотреть в дымное марево мёртвой полосы. Теперь в мире оставалось совсем мало мёртвых болот, Шооран позаботился об этом в первую очередь, так что и от царства вана, и от добрых братьев государство изгоев отделяло лишь по одному непроходимому оройхону. А вся западная часть далайна, ещё недавно самая большая, превратилась в два узких, шириной в один оройхон, залива, отделяющих страну изгоев от старых земель. Ёроол-Гуй не заплывал в эти шхеры, но тем страшнее он свирепствовал на открытом побережье.

Заливы и крошечные кусочки огненных болот Шооран сохранял специально, чтобы не разжечь ещё одну войну и не погубить не успевшее окрепнуть государство изгоев.

Мягмар — время, когда особенно тяжело пересекать огненные болота, но даже в это время к засекам прорывались люди, бегущие в счастливую страну. Они шли, хотя знали, что здесь больше нет свободных земель и, скорее всего, их просто не пропустят через границу. Гнать прочь неудачников — именно это и должен был делать Шооран.

В дыму замаячила тень, вскоре Шооран различил фигуру, с трудом бредущую узкой тропой между огнём и горой ещё не вполне издохших тварей. Лица идущего было не видно под

слоем намотанных тряпок, фигура скособочилась от завёрнутой в жанч ноши, но всё же что-то заставило Шоорана, задохнувшись от предчувствия, спрыгнуть с баррикады навстречу пришельцу. Секунду они стояли друг напротив друга с укутанными лицами и глазами, спрятанными в чешуе, в надвинутых капюшонах, позволяющих не узнать друг друга. Потом Явдай глухо произнесла:

— Пропустите нас. Если надо — я согласна быть сушильщиком. Я знаю это ремесло.

Это была ложь, а вернее — полуправда. Шооран успел заметить, что на правой руке Явдай не осталось ни одного пальца, и, значит, она соглашалась, если потребуется, всего лишь умереть возле авара.

Шооран молча помог Явдай перелезть через заграждения, махнул рукой, чтобы она уходила дальше от дыма. Ему казалось, что он слышит, как хрипит, задыхаясь, укутанная в материнский жанч девочка.

Сам Шооран остался у заграждения, чтобы не видеть, как Явдай станет разворачивать дочь. Маканый подошёл к Шоорану.

— Жачем ты их пропустил? — спросил он. — Их вщё равно будет негде пошелить.

— Это она, — сказал Шооран. — Та женщина, которую я искал, когда мы с тобой встретились в первый раз.

— Жначит, нашёл.

— Нет.

Шооран помолчал, собираясь с мыслями, и сказал, словно отдавая приказание, словно не он Маканому, а Маканый подчинился ему:

— Посели их на моей земле, только пусть они не знают этого. И пусть они не гонят Ай, она не объест их. А мне придётся уходить. Подержи их здесь с полчаса, девочку покорми, а я сбегаю домой, заберу кое-что и уйду. Видишь, как вышло. Но это хорошо. Я не пропаду, а они бы пропали. Спасибо тебе. И прощай.

— Подожди, — прошамкал Маканый. — Тебе необязательно уходить. Я ведь понимаю, почему это. Подожди, утряшётша...

— Нет, — сказал Шооран.

— Ну, как жнаеш, — согласился Маканый. — Я шделаю по-твоему. И ты тоже прощай.

Шооран бегом вернулся к дому, в несколько минут собрался, взяв одежду, оружие, на день еды. Потрепал по голове Ай (бледная кожа просвечивала сквозь жидкие волосёнки), подавив стыд, выдал условную фразу:

— Я ухажу по делам, но скоро вернусь, — и быстро ушёл.

Пробираясь краем мокрого оройхона, он увидел, как по поребрику с важным видом шагает Маканый с Бутай на руках, а следом идёт Явдай. Покалеченную руку она прятала в пройме жанча, и Шооран увидел лишь лицо, густо испещрённое точками от сгоревшего харваха.

Шооран проводил их взглядом и, когда они скрылись, пошёл дальше, уже не прячась и не останавливаясь.

* * *

Ну, вот и всё. Переделаны дела, розданы долги. Хотя у него никогда не было долгов — сначала никто не давал, потом он сам не брал. И всё же долги отданы. Даже на границе он отстоял свой срок до последней минуты, не убежал, как Шооран, на час раньше. А потом пошёл и выполнил просьбу Шоорана — поселил женщину с ребёнком на освободившейся земле. Сначала хотел на выбор предложить им два участка, но потом решил, что Шоорану будет приятнее, если сушильщицу поселят на его земле. Любит Шооран сушильщиков... хотя это как раз понятно — память о матери. А может быть, это и в самом деле та женщина, девчонка-то словно слита с Шоорана, родство не скроешь. Но тогда получается, что женщина появилась в тот самый день и чуть ли не в тот час, когда Шооран решил бежать. Хотя не всё ли равно, отчего бежит Шооран? Даже если он не знает о вчерашних событиях, всё равно ничего не меняется.

Вчера к Маканому пришёл гонец с северной границы. То есть, конечно, не гонец, кто такой Маканый, чтобы посылать к нему гонцов? Прибежал просто «свой человек», сидящий на северной границе на случай всяческих неожиданностей. На этот раз неожиданность была страшной, хотя посланник думал, что сообщает рядовое, хотя и неприятное известие. Цэрэги добрых братьев попытались проникнуть в страну. Затея была лишена всякого смысла: первая настоящая земля лежала в четырёх оройхонах от границы, а до этого тянулась лишь сухая полоса, легкопроходимая, но почти не заселённая,

не имеющая для грабителей никакой ценности. Зато остановить здесь врагов, даже если бы они прорвались через границу, можно было дюжину дюжин раз. Но в эту попытку цэрэги не дошли даже до сухой полосы. Напоролись на ухэры, когда для них и делавшиеся, и удрали, потеряв пять человек. А у защитников погиб всего один. Этого одного звали Куюг.

Угрюмый каторжник и на новом месте продолжал жить на особицу. Он не обзавёлся семьёй, не стал получать землю, и вообще, если бы не палатка, стоящая на сухой полосе в опасной близости от аваров, можно было бы сказать, что и в стране изгоев есть свой изгой. Время от времени Куюг переселялся на один из цветущих оройхонов в палатку какой-нибудь одинокой женщины, жил там неделю, а то и месяц, работал на поле, поправлял хозяйство, сам округлялся от ласковой жизни и сытных харчей, а потом, не сказав ни слова, беспричинно уходил в тот самый день, когда случайная жена начала думать, что одиночество кончилось.

Единственное, к чему Куюг относился ответственно, были дежурства на границе. Стоя на самой кромке огненного болота, Куюг вглядывался в задымленное пространство, и, если там появлялись фигуры с копьями, лицо Куюга озарялось радостью, и два тяжёлых, из подлинного камня, кистеня начинали с гудением вращаться на длинных ремнях. Цэрэги отходили, не приняв боя, и даже пальнуть им вдогонку Куюг не имел права, потому что в счастливой стране никто не хотел быть сушильщиком и харваха не хватало. В конце концов добрые братья решили, что ухэры вовсе не заряжены, и попёрли напрямик. Трех убило выстрелом, двоим расколол головы Куюг, нетерпеливо выскочивший навстречу врагу.

Но даже имея два кистеня, нельзя сражаться в одиночку, особенно если в руках противника точно такое же оружие.

Товарищи вынесли на сухое убитого Куюга, потом молодой воин побежал докладывать Суваргу о нападении, а вернее, о том, что пришлось стрелять. Посланный не поленился пробежать пару лишних оройхонов, чтобы рассказать обо всём Маканому. Так Маканый узнал, что из бывших чудотворцев в живых осталось двое.

Любой человек, вздумавший искать илбэча, должен был бы выбирать одного из четверых: Маканого, Шоорана, Куюга или исчезнувшего Кэайхана. Каждый из них был странным человеком и вполне мог оказаться илбэчем. Шоорану и Кую-

гу приходилось выбирать из трёх: они верили, что Коайхан жив и где-то прячется. У Маканого оставалось два варианта. И если завтра на побережье родится новая земля, то выбирать будет уже не из кого — Маканый будет знать,*а это смерть для илбэча. А если илбэч погиб вчера в сражении, то стоит ли тогда жить?

...их же любим благодарным сердцем...

Полный день Маканый провёл рядом с Шоораном. Разговаривать, шутить было не вмоготу, и Маканый подавленно молчал, но далеко не отходил, присматривался, думал и старался понять. Хотя что здесь особенно понимать? Сначала Шооран был спокоен, он явно ничего не знал — и вдруг вскинулся бежать. Вряд ли это из-за женщины. Если она ему опасна, он легко мог прогнать её на верную смерть. А если нет, то зачем бежать?

Маканый вздохнул, потёр пальцем лоб. Не о том он сейчас думает. Сейчас вообще не надо думать, чтобы ненароком не раскрыть тайну. Сейчас, пока тайна ещё прикрыта, надо действовать. Надо успеть уничтожить человека, который стал слишком опасен для возможного илбэча.

Когда-то за дерзкие грабежи его макали три раза, да и то старший брат ласково объяснял, что наказывают его не за воровство, а за то, что переоделся духом шавара. Тогда он потерял имя, даже для себя самого стал Маканым. Второй раз преступление было более серьёзное. Тайничок с кое-какими вещичками и жратвой был квалифицирован как подрыв основ государства. Так, во всяком случае, объявили собравшимся поглазеть на макание. Макали шесть раз. От дюжины, полагавшейся за попытку спорить с начальством, он счастливо уклонился. А теперь четвёртое преступление, самое страшное — знать. Он ещё не совершил его, но одна лишь возможность подобного требует возмездия. Илбэч, если, конечно, он жив, должен жить спокойно.

Торопиться некуда, вряд ли сегодня в далайне что-то изменится, но и задерживаться — зачем? Чтобы сжамкать ещё одну миску каши? Дела переделаны, женщину он отвёл к палатке, представил соседям, показал поле, познакомил с Ай. Дурочка взглянула исподлобья и убежала куда-то, должно быть, в нарушение приказа, шастать по мокрому. Сушильщица вне себя от счастья бормотала какие-то слова. Потом села

кормить ребенка. Трудно ей будет управляться с одной рукой, ну да как-нибудь... Кому есть для чего жить — тот справится.

Маканый зашёл к себе, собрался. Надел башмаки (у него теперь прекрасные башмаки!), хитиновые поножи и панцирь, глухой шлем. Взял связку соломенных факелов, два гарпуна, нож. Есть не стал, отбитое нутро плохо принимало пищу, так зачем мучить его напоследок? Натянул толстые рукавицы и пошёл. Шёл не торопясь и к шавару добрался под вечер. Хотя не всё ли равно? Внутри всегда ночь.

Он зажгёт просмолённый соломенный жгуг и, пригнувшись, шагнул в пасть шавара. Вокруг ног сомкнулась жижа, кто-то заскреб зубами по поножам. Маканый ткнул гарпуном, выдернул из плеснувшего нойта жирха. Вот и первая добыча — стряхнул с острия многоногую тварь и пошёл дальше. Паутинки зоггов налипали на прозрачный щиток, мешая смотреть, и потому факел он нёс перед собой, чтобы паугина сгорала.

Сначала пол поднимался, и он почти вышел на твёрдое. Вспугнул семейство тукк, чавкавших над грудой слизи, — видно, и в шаваре что-то растёт, — не останавливаясь, пошёл дальше. Светлое пятно входа давно исчезло из виду, факел догорел, и пришлось зажечь новый. Пол пошёл под уклон, нойт колыхался уже выше колен, но охотничья одежда берегла тело.

Коридор ещё раз свернул, впереди открылся обширный зал. Он был высок, даже вытянувшись во весь рост, не удавалось достать потолка, в котором светлели бойницы окон. Как тут будет хорошо, когда этот оройхон станет сухим! Но для этого надо, чтобы илбэч жил.

По смоляной поверхности нойта пробежало волнение, в воздухе появились осязательные усы, верхняя пара клешней, потом дрожащие на тонких стеблях глаза. С минуту гвааранз рассматривал человека, и человек стоял неподвижно, подняв руку с гарпуном и с ужасом думая, что он будет делать, если вдруг его угораздит убить зверя. Потом сказал:

— Ну иди же. Я жду.

Сухо клацнув всеми четырьмя клешнями, гвааранз двинулся вперёд.

Усытого человека душа жиром заплывает.

Во времена великого Вана во всём мире оставался один изгой — сам Ван. Любой человек имел землю, каждый жил на сухом, но илбэч должен строить, ему некогда молотить хлеб и ждать, пока забродит каша. Так и получалось, что все ели сладкие лепёшки, а Ван — чавгу. Недаром говорится: нельзя по-видать далайн, не замочив ног. Ноги Вана не просыхали.

Счастливая жизнь, когда у каждого было всё, длилась три дюжины лет, и люди считали, что она будет такой всегда. И никто не думал, что Ван стал стар и ему трудно ходить. Но больше старости и болезней терзала Вана обида, что он, сделавший мир счастливым, остался несчастен.

Однажды Ван вышел на сухое и сел на поребрике. Люди собрались вокруг и стали смотреть на грязного старика.

— Это изгой, — сказал один.

— Как он отвратителен! — удивилась молодая девушка. — И от него воняет.

— Когда-то их было много, — объяснили ей. — Такие люди шатались повсюду и бродяжничали, потому что не желали работать.

— Смотри, — сказал отец сыну, — станешь лоботрясничать — вырастешь таким же.

— Дайте мне хлеба, — сказал Ван. — Я голоден и болен, силы оставили меня.

— Старик, — сказал крестьянин, — каждый должен есть свой хлеб. Где твоё поле?

— Неможных должны кормить их дети, — добавила женщина. — Где твоя семья?

— У меня их нет, — прошептал Ван, — и не было никогда.

— Ты не хотел работать, — сказали люди, — ты бездельничал всю жизнь и не позаботился даже о собственной старости, а теперь хочешь влезть на шею тем, кто трудился? Не выйдет. Уходи, бродяга.

— Я трудился всю жизнь, — возразил илбэч. — Я скоро умру, но я хотел бы умереть по-человечески.

— Он работал? — закричал один из толпы. — Лжец! Где мозоли от серпа на твоих ладонях? Где след резца на руке? Где шрамы, что украшают охотника и цэрэга? Где хотя бы ожоги

от харваха? Ты всю жизнь валялся в нойте и жрал дармовую чавгу — это сразу видно. Так иди, валяйся там и дальше.

— Мне уже всё равно, — произнёс Ван, — поэтому я скажу вам правду. Я не собирал хлеб и не резал кость. Моя работа иная. Я илбэч Ван. Я строил для вас землю. А теперь перед смертью я прошу немного хлеба и доброты.

И тогда все захохотали.

— Он илбэч! — заливался один, хлопая себя по лбу. — Вот уморил! Ха-ха-ха!

— Илбэч Ван — герой, он подобен богу, а ты — грязный старикашка! Хо-хо-хо!

— Построй себе землю, илбэч, и живи там, а нас не смеши. Хе-хе!

— Хи-хи-хи-хи!..

Ван поднялся. Сил его хватило, чтобы перешагнуть поребрик. Там он упал в нойт и умер.

— Смотрите!.. — закричали люди. — Он так захотел славы, что умер, притворившись илбэчем!

— Он всё-таки заставил нас работать на себя. Придётся волочить его в шавар.

— Станешь лоботрясничать, — сказал отец сыну, — помрёшь так же.

— Но каков наглец! — захлёбывался самый горластый. — Хотел уверить нас, что он илбэч! Завтра или послезавтра появится новый оройхон, и мы вдоволь посмеёмся над хвастуном!

— Ха-ха-ха!

— Хо-хо-хо!

— Хи-хи-хи!

Они стащили тело старика в шавар, смеясь над его гибелью. И на следующий день они смеялись, и через день, и ещё долго.

ГЛАВА 9

Узкий промежуток между двумя странами Шооран преодолел без особых затруднений. Даже для виду на другом берегу не было поставлено никакой охраны. Оно и понятно, поток переселенцев двигался лишь в одну сторону, а ставить заграждения — значило подвергать соседей соблазну напасть и захватить орудия и харвах.

Шооран быстро миновал угловые оройхоны и, пока не со-

всем стемнело, двинулся дальше. Бывшая дорога смерти, где он в бреду говорил с уулгуем, превратилась в сухую полосу и уже год как была обжита. Застав не оказалось и здесь, поскольку уголовное царство благополучно скончалось. Почти все жители уголовных оройхонов тогда бежали в страну изгоев, не без оснований опасаясь резни. Сдавшиеся цэрэги были прощены и отправлены на восточную границу, ставшую с некоторых пор местом ссылки неугодных. Кажется, один Боройгал не тронулся с места. Уж он-то был в безопасности — палачи, как и сушильщики, требуются всегда.

Беглецы рассказывали, что именно Боройгал исполнил приговор вана и скормил самозваного одонта зоггам. Дюженника Тройгала привезли туда, где он творил бунт. Здесь его ждала плаха — панцирь рыбы, установленный возле поребрика, чтобы все могли видеть конец вора. Преступник был разделен — на голом теле ясно виднелись следы пыток: ван хотел знать, куда делись сокровища. Тройгала привязали к широкому панцирю, и палач опрокинул ему на живот коробочку, в которой копошились дюжины три выловленных накануне зоггов. Выждав некоторое время, чтобы как следует истомить жертву, Боройгал взмахнул пушистой метёлкой хохиура. Целый час крик преступника был слышен даже караульным в стране изгоев. Так судьба наказывает тех, кто забывает, что мир меняется быстрее, чем люди.

На ночь Шооран остановился на своём родном оройхоне. К сухой полосе приближаться не стал: как и дюжину лет назад, это было небезопасно. Зато на мокром можно было ночевать, не боясь никого. Вряд ли Ёроол-Гуй станет залезать в узкий, как кишка, залив, который оставил ему Шооран. Богу далайна нужен простор.

Шооран расстелил выдубленную кожу и соорудил постель. Лежал на спине, глядя на клубящиеся в тёмной вышине волны небесного тумана, почти невидимые, а скорей угадываемые благодаря многолетней привычке. Наконец он был один и никому ничего не должен, и можно было просто лежать, не думая о завтрашнем дне. Память милосердно унесла его в давнее прошлое, когда пределом мечтаний было стать цэрэгом и пройтись в панцире, башмаках и с копьём в руке под завистливыми взглядами мальчишек. Он жил тогда здесь, по этим местам гнался за туккой. С тех пор он вырос: был и цэрэгом, и изгоем, и земледельцем. Но главное — он стал ил-

бэчем и сумел изменить мир. Конечно, Ван, если верить легендам, поставил больше оройхонов, но Шооран сумел замкнуть далайн в кольцо и тем решил судьбу богов. Он создал новую страну, а древнейшее государство мира уничтожил, присоединив к добрым братьям. Пусть воины и баргэды думают, что это дело их рук — без илбэча их стараний никто бы и не заметил. Действительно, мир за последние годы перевернулся, но родной оройхон остался неизменным. Те же тэсэги, тот же хохиур, тот же далайн, хоть и съжившийся так, что в полдень удаётся разглядеть другой берег. Поэтому нельзя сказать, будто мир стал совсем другим, ведь в детстве он был заключён в этот оройхон, а оройхон остался прежним.

Запутавшись в необязательных мыслях, Шооран задремал. Разбудило его лёгкое прикосновение. В первое мгновение душу сковало ужасом: разом вспомнилось, что сейчас мягмар и прикосновение может означать, что к нему подползает выгнанный наружу парх или гвааранз. И лишь затем Шооран понял, что его касаются человеческие пальцы.

— Кто?... — хрипло со сна выдохнул Шооран.

— Я-а... — донеслось из темноты, и снова шершавая ладошка коснулась лба.

Неживой, с сипящим придыханием голос было невозможно спугать ни с чем.

— Ай? — Шооран сел на постели. — Откуда ты здесь?

— Я тебя иска-ла... За-чем ты отдал миня-а? Я не хачу с той женщиной. Я хачу с тобой.

— Ну что ты... — забормотал Шооран, отчаянно пытаюсь сообразить, как избавиться от неожиданной попутчицы. — Никому я тебя не отдавал. У меня дела, я же говорил... Ты пока там поживи. Явдай добрая, только ей помочь надо, у неё рука больная.

— Ана злая-а... — Казалось, Ай с присвистом тянет заунывную песню. — Я знаю, ты савсем ушёл. И я с тобой. Ты миня не праганий, а то я умру. — Ай издала странный звук, похожий на отрывистый смешок, и лишь через секунду Шооран запоздало понял, что она всхлипнула. — Скоро у женщин день раждения, — продолжала выпевать Ай, — я савсем взрослая, а не выросла-а. И ты миня не люби-ишь. Ты ту люби-ишь, злую, я зна-ю... А я хачу быть тваей радостью и усла-дой...

В ночной тишине, когда лишь пятна гнили блазнят взгляд, под рокот бушующего новогоднего далайна, эти слова не ка-

зались смешными, в них чудилась нечеловеческая сила, словно не сумасшедшая уродинка, а сама душа выморочных земель заявляла права на непослушного илбэча.

Шоорану стало страшно. Невидимые пальцы расстегнули ему жанч и бессильно заскребли по хитину кольчуги. Ай снова всхлипнула, на этот раз громко и отчётливо.

— Я не брошу тебя, — сказал Шооран единственное, что мог сказать. — Завтра мы пойдём вместе.

— Скажи, что ты будишь маей опорой и защитой...

— Я буду твоей опорой и защитой.

— Харашо, — произнесла Ай и успокоенно ткнулась мордочкой в хитин.

Несколько дней они бродили по знакомому до оскомины побережью. После ухода изгоев здесь стало гораздо спокойнее. Едва закончился мягмар, народ схлынул с мокрых оройхонов, побережье опустело, и, если бы не Ай, можно было бы работать, не опасаясь, что его заметит случайный бродяга. Но Ай ходила за ним, словно привязанная верёвочкой. Они миновали ровные пространства западного берега, где можно было бы поставить оройхон и уйти прежде, чем хоть кто-нибудь обнаружит его, пересекли перешеек возле земель Моэртала, где в тесном заливе можно не страшиться Ёроол-Гуя, выбрались на восточный берег. У этого места тоже были свои преимущества: прежде Шооран почти не бывал здесь, и, значит, тут не ожидают илбэча. Но все эти места приходилось миновать впустую из-за того, что позади шлёпала по грязи крошечная Ай, не сводившая с Шоорана преданного взгляда.

Когда впереди замаячили дымы огненного болота, отделяющего землю вана от древних земель, Шооран решился. Он демонстративно разложил на тэсэге всё свое барахло и сказал Ай:

— Я уйду по делам и вернусь завтра вечером. Жди меня здесь.

Ай безмятежно смотрела пустыми глазами, было неясно, понимает ли она сказанное и согласна ли ждать. Но когда Шооран, пригибаясь и высматривая караулы, двинулся к границе, Ай осталась возле вещей ковырять тростинкой дюжину раз перекопанную грязь.

Границу он привычно перешёл в сумерках, зная, что в это время никто особо караулить не будет. Зато темнота застала его на полпути к Торговому оройхону. Хотя сейчас тьма не

мешала, а скорее оказалась помощником. Ёроол-Гую было всё равно, когда приходить: днём или ночью, а илбэчу безразлично, когда строить. Новый оройхон гладкой дорогой лёг под ноги. В темноте Шооран перешёл Торговый остров и ударил второй раз. Этот оройхон должен был поднять тревогу на том берегу, но, по-видимому, братья, так любящие нападать на соседей, сами нападения не ждали и сняли охрану.

От перенапряжения и ядовитых испарений горящего болота нестерпимо болела голова. Казалось, в мозгу пульсирует огромный, готовый прорваться нарыв. Хотелось лечь, обхватить голову руками, зажать уши и ни о чём не думать. Но этого было нельзя, надо, пока не рассвело, бежать отсюда, а это можно сделать, лишь выстроив ещё один — третий за ночь оройхон.

Держась подальше от задымленных мест, Шооран вернулся к границе, чтобы стереть последний в этих краях участок огненного болота. О Ёроол-Гуе он старался не думать, поскольку понимал, что бежать от него всё равно не сможет.

Оройхон дался с невероятным трудом, и на этот раз его работу заметили. Вдалеке завывала труба, заметались факелы.

«Трубите, трубите... — думал Шооран, пробираясь среди тэсэгов. — Завтра вы увидите, что это не просто оройхон. Теперь вас соединяет с врагом сухая полоса, и вам придётся или погибнуть, или научиться жить в мире. Трубите громче: я своё дело сделал».

Посты Шооран миновал уже под жёлтыми облаками. Сейчас можно было не опасаться засады — цэрэгам было не до того. Через полчаса Шооран вернулся к тому месту, где оставил Ай. Он поспел вовремя: какая-то женщина, отмахиваясь от наскакивающей Ай, собирала его вещи. Инструмент, спальная кожа, даже суваг, который никому, кроме сказителя, не нужен, были упакованы, грабительнице оставалось лишь завязать узел, и Шооран разом лишился бы своего имущества. Собственно говоря, вещи были бы давно унесены, если бы не Ай. На щеке у неё алела царапина, под глазом взбухал синяк, но всё же карлица продолжала нападать на воровку. Выйдя из зарослей хохиура, Шооран успел увидеть, как Ай подпрыгнула и, вцепившись зубами, словно кусачий ыльк, повисла на руке соперницы. Женщина сдавленно завершала, пытаясь освободиться. Свободной рукой она била Ай

по голове, но калека, кажется, не замечала ударов и лишь крепче сжимала зубы.

— А ну! — крикнул Шооран издали.

Женщина испуганно замерла, а Ай, мгновенно отлепившись от жертвы, сердито произнесла скрипучим голосом:

— Вот. Муж.

Шооран подошёл, погладил Ай по слипшимся волосёнкам.

— Молодец, — сказал он. — Умница.

— Ты гляди... — произнесла женщина. — Действительно, муж. Слушай, парень, зачем тебе эта штучка? Иди лучше ко мне. Я тебя сберегу не хуже, чем она. Я как-никак настоящая женщина, а эта тебе на что? С ней и спать-то нельзя.

Шооран перевёл взгляд с опухшей от побоев мордочки Ай на женщину. Та стояла, вызывающе глядя на него. Жанч, накиннутый на голое тело, распахнулся, позволяя видеть пустые мешки тощих грудей.

Да, она, конечно, женщина и будет честно выполнять обещание. Не любить, конечно, что за любовь в шаваре? — но быть женой и хозяйкой. Вот только любопытство своё она никуда не денет, и оно будет вечной угрозой жизни. Так что замызганное тело, с готовностью предлагаемое ему, — на самом деле ловушка, расставленная судьбой. Хвала Тэнгэру, что у измученного илбэча женское тело не вызывает совершенно никаких чувств.

— Уходи, — сказал Шооран, поднимая руку со сжатым кулаком.

Женщина метнулась к тэсэгам.

— Дурак! — крикнула она, поняв, что Шооран не станет гнаться за ней. — Ещё пожалеешь!

Шооран и не собирался наказывать воровку. Сейчас он мечтал только о тишине и покое. Но прежде надо было хоть как-то подлечить Ай. Шооран достал флягу, собираясь промыть Ай ссадины, однако уродинка молча вывернулась из рук и отбежала в сторону. Настаивать не было сил, тем более что никакого лекарства Шооран не имел. Покорно убрав флягу, Шооран раскатал кожу для постели и не лёг, а упал на неё.

— Я хочу спать, — сказал он, не зная даже, слышит ли его Ай. — Если что-то случится — разбуди.

Проснулся он на следующий день утром. Ай по-прежнему оставалась неподалёку, голова на неестественно тонкой шее медленно поворачивалась, высматривая опасность. Можно

было бы подумать, что Ай так никуда и не отходила, но возле локтя Шооран увидел три большие чавги, значит, Ай не просто торчала на одном месте, но и промышляла где-то.

Они собрались и двинулись в обратный путь. Уходя, Шооран прислушивался, стараясь различить шум боя на бывшей границе, но там было тихо.

* * *

Казалось бы, последние события должны были взорвать плавное течение жизни, но именно этого и не случилось. Разрушение границы взбудоражило армию и одонтов, но поскольку соседи почему-то не нападали, прочие жители остались безразличны к случившемуся. Да и то сказать: все, кого обуревало беспокойство, кто мог и хотел уйти с насиженных мест, ушли ещё год назад, и теперь страна была образцом, о каком мечталось одонтам прошлых лет. Возможно, поэтому власти не стали искать илбэча. Одонтам внутренних земель это было ни к чему, а прочих Моэртал сумел убедить, что свободный илбэч принесёт больше пользы, чем пойманный.

И Шооран оправдал высокие надежды. Каждую неделю то здесь, то там возникал оройхон. Большинство из них приносили сухие участки, так что успокоившаяся страна вновь пришла в движение, только на этот раз верноподданническое. Добрые граждане один за другим получали большие поля из рук законной власти, и царские баргэды путались в тройных и четвертных дюжинах, подсчитывая грядущие доходы.

Так прошёл месяц, и второй, и все были довольны.

Всё это время Шооран вёл жизнь сказителя. Ходил по мокрым оройхонам, стараясь только не забредать в глубь болота, чтобы избавить себя от ненужной беготни в случае визита Многорукого. Вечерами собирал вокруг себя людей и повествовал о мире, людях и богах. Иногда, когда боялся, что не хватит голоса, говорил под музыку, но чаще, в подражание Чаарлаху, старался обойтись без сувага. Пел о том, что слышал в чужих землях, порой придумывал своё. Но в конце всякий раз звучала история о смерти Чаарлаха, певца, выдававшего себя за илбэча, чтобы илбэч мог спокойно жить.

Известность Шоорана росла, его и крошку Ай узнавали издали, и теперь они могли бы спокойно идти через сухие земли, не боясь предусмотрительной ненависти мужиков. Но

зато и строить становилось всё тяжелее. Сказитель всегда на виду. Чтобы отвести от себя подозрения, Шооран дожидался, пока утомлённые люди разойдутся, потом вслепую совершал ночной бросок, куда-нибудь в сторону, в предутренние часы ставил оройхон и возвращался к Ай, покорно караулившей уложенный в колыбель суваг. После этого приходилось день или два отсыпаться, а затем можно было начинать всё сначала.

Единственное место, где Шооран старался не останавливаться надолго, был мыс около владений Моэртала. Здесь помнили, что он беглый цэрэг и объявлен вне закона. Зато именно сюда чаще всего прибегал Шооран ночами, увеличивая новую провинцию, которой управлял Ыуртак — взрослый сын зажившегося на свете одонта Ууртака. Полуостров рассекал далайн на две приблизительно равные части, пролив, соединявший их, с каждой неделей становился всё уже, так что скоро можно было надеяться увидеть вдали берег — проклятую страну добрых братьев.

Безумный илбэч за два года не принёс стране вана ни единого сухого оройхона, Шооран создал их больше полутора дюжин. И это не считая собственной страны и работы в плену у общинников. Лишних земель по-прежнему не было, но всё же всякий здоровый мужчина мог найти себе место. Изгоями оставались калеки и женщины. Им не давали земли здесь и не пускали в новую страну, позволяя умирать на мокром. Впрочем, облав на них тоже не устраивали — калеки не опасны, а выловить их, прочесав изрезанное и бесконечно растянутое побережье, непросто. Среди этого однообразно-пёстрого люда Шооран становился всё более заметен, так что начинал подумывать, а не бежать ли ему обратно в свою страну или, напротив, поближе к кресту Тэнгэра. Но пока продолжал избражать сказителя, а ночами работать, надеясь, что Ай ничего не поймёт.

— Я ухажу по делам. — Ему больше не приходилось добавлять, что он скоро вернётся, это подразумевалось само собой.

Ай кивнула, соглашаясь, и он исчез в сгущающейся багровой тьме. В разобранный колыбели остался лежать суваг. Шооран знал, что, пока он не вернётся, Ай не ляжет в постель и будет спать, соорудив гнездо из каких-то обрывков.

Шооран спешил на север. Сейчас, когда стало известно, что Ёроол-Гуй плавает по другую сторону мыса, надо успеть

нанести удар с этой стороны, сузив пролив до крайнего предела. Шооран бежал, привычно нащупывая почти невидимую дорогу. Перешагивал камни, старался обходить слишком глубокие лужи — берёт башмаки, изрядно стоптанные за последнее время. И чуть не упал, наступив на что-то мягкое.

В темноте вскрикнули. Шооран наклонился, стараясь понять, не поранил ли он человека, неосторожно улёгшегося спать поперёк дороги. Высек искру на свитый из соломенной пряжи фитиль, раздул огонь. Тлеющее пятно расплзлось по концу фитиля, смутно осветив лицо Шоорана и женщину, приподнявшуюся на локте из похожей на корыто плохо разложенной колыбели. Это была воровка, которая пыталась ограбить Ай пару месяцев назад.

— Ты? — произнесла женщина. — Пришёл... Я знала, что никуда ты не денешься.

Невозможно было сказать, будто он спешил по делам и споткнулся о неё случайно. Женщина, двумя руками обхватившая его за шею, не поверила бы, да и сам он в эту минуту не верил в такую случайность. Вместо этой ничтожной правды вспыхнула другая истина: никакая самая адская работа не сможет погасить зов крови, жарко застучавшей в висках. Женщина откинулась назад, притягивая Шоорана к себе. Тлеющий фитиль с шипением упал в грязь.

От никогда не мытого тела кисло пахло застарелым потом, но это Шооран заметил, лишь когда умолк стук крови в ушах и вернулась способность понимать.

— Ну вот, видишь, как хорошо, а ты меня гнал, глупый, — шептала женщина, прижимаясь к нему. — Ведь хорошо, правда?

Шоорану было противно и стыдно и очень хотелось окаться сейчас где-нибудь далеко.

— Знаешь что, — сказала женщина, — давай останемся здесь? Этот оройхон, может быть, уже сегодня высохнет, и мы получим землю. Тебе дадут, я знаю.

— С чего ты взяла, что он высохнет? — произнёс Шооран.

Ещё утром он колебался, работать ли здесь или бежать на оконечность мыса, и лишь в последнюю минуту выбрал второй вариант. А теперь выясняется, что здесь его ждали.

— Это проще, чем чавгу съесть, — улыбнулась невидимая собеседница. — Думай сам: Многорукий у восточного берега — значит илбэч тут. Не станет же он к Многорукому в

пасть прыгать. В центре он строил, на юге строил. Там сейчас землю делят, там шумно. Что ему, жить надоело? Значит, он или мыс дальше двигать станет, или наш оройхон сушить. Ясно?

Шоораном овладел страх. Воровка дословно повторила все его недавние рассуждения. Казалось, она вот-вот скажет: «А ведь илбэч — это ты». Но, по счастью, последнего шага женщина не осилила. Слишком уж заманчиво маячило перелю будущее счастье. Она принялась гладить Шоорана по голове, плечам и быстро, боясь, что её прервут, зашептала:

— Землю получим, поставим палатку, будем хорошо жить, как люди. Ты не думай, я молодая, во всяком случае, моложе тебя. Мне ещё трёх дюжин нет. Я сильная, я всё буду делать для тебя, а ты станешь рассказывать свои истории. Я же знаю, ты сказитель, я тебя слышала, хоть ты меня и не замечал. У тебя славные истории, ты хорошо поёшь. А я буду тебя лелеять...

— Нет, — выдавил Шооран, чувствуя, как скручивает его чужая воля.

— Ну что ты?... — всполошилась женщина. — Если хочешь, мы и коротышку твою возьмём. Пусть живёт — жалко, что ли? Я ведь тогда не со зла её ударила, я же не знала, что это твои вещи...

Шооран лежал неподвижно, но мысль его металась, словно заганная тулка.

Бежать отсюда как можно скорей! Бежать и никогда не возвращаться, пока его не вычислили и не раскололи, будто пустую скорлупку. Только как вырваться из чужой, провонявшей потом постели, куда его зашвырнули одиночество и собственная глупость? Почему-то другие умеют легко находить себе женщин, а потом легко бросать их и не узнавать при встрече, а он чувствует себя связанным, хотя ничего не обещал. Но если он хочет остаться собой, эти ремни должны быть разорваны.

— Нет! — повторил он громче, разжал обхватившие его руки и сел. — Это было случайно и больше не повторится. Я не останусь, и мне не надо ни земли, ни твоего счастья.

Он ждал слёз, жалоб или язвительного смеха и оскорблений, но ничего этого не было. Женщина тихо сказала:

— Ну, как знаешь... — И молчала всё время, пока он на ощупь натягивал одежду, лишь на прощание произнесла: — Если надумаешь вернуться — приходи.

Шооран ничего не ответил. Он поднялся и быстро пошёл назад. Тяжёлое чувство не оставляло его. Почему-то казалось, что Ай звериным чутьём уловит чужой запах и скажет: «Больше по таким делам не уходи». Но Ай безмятежно спала неподалёку от устроенной для неё постели.

Едва забрезжил свет, они собрались и по тропе между сухими и мокрыми оройхонами поспешили на восток. Нескольким раз им приходилось прыгать в грязь и пережидать, пока мимо пройдут тянущиеся к восточной границе отряды цэрэгов.

* * *

Дальновидные старейшины не зря притесняли в своих владениях илбэчей. Они-то прекрасно понимали, что устойчивой монолитной власти илбэч не принесёт ничего, кроме смут и расстройств. И всё же зараза, которую с таким трудом удавалось обуздать внутри страны, проникла извне и разрушила государство. Чужие, чудно вооружённые цэрэги и чужие старейшины, которых приказано было величать братьями, заменили привычное начальство. Если бы дело ограничилось этим да порками за поминование запрещённого отныне Ёроол-Гуя, то можно было бы считать, что ничего не изменилось. Но с приходом новой власти сломался весь старый порядок. Уцелели лишь баргэды, присягнувшие захватчикам и переименованные в старших братьев. Добро Ёроол-Гуя было объявлено общим, но, как и прежде, распоряжались им баргэды, выдавая инструмент свободным отныне служителям, когда те направлялись на работы. А вот выдача еды прекратилась. На жалобы голодных людей баргэды разводили руками: «Ничего нет, всё вывезли братья» — и беззвучно шептали, призывая на головы обидчиков гнев опального бога.

Первыми взбунтовались резчики камня. Эта удивительная профессия процветала только на кресте Тэнгэра. Даже здесь далеко не каждый камень годился в дело, и мастера из поколения в поколение передавали секреты: как расколоть упругий кремнёвый желвак, чем сточить мешающий выступ и каким образом смастерить наконечник копья, чтобы им одинаково удобно было и высекать искру, и протыкать врага. Камнерезы составляли особый клан и жили по своим законам. В незапамятные времена их предки заселили крест Тэн-

гэра, и старейшины разумно не вмешивались в их жизнь. Здесь были свои баргэды, свои обычаи и чуть ли не своя вера. Мастера недолюбливали Ёроол-Гуя и кланялись большущей глыбе полосатой яшмы, которую называли алдан-тэсэгом.

Прокормить себя древнейшие оройхоны не могли, поскольку земля, изрытая на много локтей вглубь, давно потеряла плодородие. Во втором ярусе алдан-шавара тоже ломали камень, так что и здесь плодородный слой был снесён. Но поскольку добыча и обработка камня составляли богатство всей страны, то мастера не знали недостатка ни в чём, справедливо полагая, что шесть с лишком дюжин сухих оройхонов смогут прокормить их. За стеной из вульгарного легковесного камня всегда было много огня, вина и мяса. Но зато и старейшины никогда не знали нужды в кремне.

Ничего подобного добрые братья не пожелали принимать во внимание. Закон один для всех, исключений из него быть не должно. И со всей твёрдостью, на какую способна лишь военная власть, крест Тэнгэра был превращён в каторжные мастерские. Камнерезов принялись выстраивать по ранжиру, загонять в штреки и к шлифовальным станкам под рёв раковины и кормить раз в сутки нарочно испорченной кашей. Семьи мастеров — жёны, малолетние дети и прочие «посторонние» были выставлены за стены и распаханы по сельским оройхонам. Тогда и произошло первое возмущение, подавленное быстро и решительно. Обглоданные ыльками тела зачинщиков были повешены над воротами, и порядок в мастерских восстановился. Правда, вдруг оказалось, что погибли или были «охлаждены» в далайне все мастера-оружейники до единого. Поставки кремнёвого оружия практически прекратились, а те ножи, кистени и копья, что с грехом пополам были изготовлены, разлетались вдребезги при первом же ударе.

Впервые старшие братья задумались, правильно ли они ведут себя в завоёванной стране. Но предпринять ничего не успели — в одну ночь крест Тэнгэра опустел. Лишь к вечеру сбившаяся с ног охрана поняла, что непокорные мастерские ушли под землю.

Ломка камня на кресте Тэнгэра длилась много поколений и подземные выработки уходили на неведомую глубину. Под вторым ярусом алдан-шавара располагались третий и четвёртый, а наклонные штольни уходили ещё глубже, но там не бывал никто из чужих, а сами работники ревниво оберегали

тайны подземелий, так что всякая выдумка могла обернуться правдой, а самые правдоподобные рассказы не имели никакого отношения к истине. Но, видимо, там оказался не только камень, но и вода, а может быть, и какие-то харчи, во всяком случае, ни сдаваться, ни помирать с голоду бунтовщики не собирались. А вот из цэрэгов, пустившихся следом, почти никто не вернулся.

Немногие уцелевшие рассказывали о камнях, неожиданно срывавшихся с потолка, про обвалы, погребавшие разом дюжину воинов, о тёмных колодцах под ногами, где не умолкает крик падающего, и ещё о дюжине дюжин страхов подземного царства. Лишь непокорных камнерезов цэрэги так и не видели.

В ту пору ещё были возможны переговоры и примирение, но братья выбрали более жёсткий и, как им казалось, верный путь. Прочесав окрестные оройхоны, они выловили семьи камнерезов и потребовали от восставших покорности, угрожая в противном случае перебить заложников. Чтобы доказать серьёзность своих намерений, они казнили троих стариков.

Этого нельзя было делать ни в коем случае! Старики, хранители мастерства, были в особом почёте на каменном кресте. В тот же день верхний, освоенный цэрэгами ярус алданшавара превратился в ловушку для тех, кто вздумал жить под крышей. Когда к вечеру солдаты убрали тяжёлые плиты, разом закрывшие все входы, они обнаружили, что верхний ярус полон дыма. Больше двойной дюжины цэрэгов задохнулось в запертом алданшаваре, и лишь через несколько дней удалось достать их тела. А пока разъярённые завоеватели сладострастно изобретали пытки для схваченных женщин, землекопы устроили новую каверзу. Под утро участок земли, где стоял один из лагерей, с грохотом провалился в глубь оройхона, а выскочившие в буквальном смысле слова из-под земли бунтовщики перебили растерявшуюся охрану и, освободив своих домочадцев, увели их в нижние ярусы источенных, словно губка, оройхонов.

Потери этого дня оказались больше, чем при завоевании всей страны. Устрашённые братья отошли с древних колдовских оройхонов, хотя попыток обуздать мятежников не оставили. Они пытались выкурить камнерезов дымом, но дым не шёл в нижние ярусы. Хотели затопить шахты, отведя в алдан-

шавар один из ручьев, но успеха не добились и здесь. Оставалось ждать, пока запертое в глубинах население перемерёт с голоду. К сожалению, один из пленных старейшин сообщил, что именно на кресте Тэнгэра располагался главный продовольственный склад, и «если доблестные братья не вывезли провизию... ах, им не было известно о складе? Как жаль!.. Склады всегда были на каменных оройхонах — там много сухих пещер, которые всё равно пустуют... Какое воровство? Там бывают только охрана и добытчики камня, а им красть незачем, у них и так всё есть. На сколько хватит хлеба? Если бережно расходовать, то года на три. Но там ещё наыс есть, сушеный туйван, вяленое мясо...»

Положение сложилось безвыходное. Вместо доходов вожаки крест Тэнгэра приносили одни убытки. В бесполезной войне с подземной цитаделью прошёл год, а братья не только не уладили непокорных, но уже и днём не осмеливались показаться в пределах полуразрушенных стен.

К этому времени созрел новый заговор. На этот раз взбунтовалась всего дюжина человек, но последствия их возмущения повлекло столь же тяжкие, как и война камнерезов. Забастовали сушильщики.

Издвна в земле старейшин сушильщики были презираемой кастой, так что с приходом новых властей в их жизни мало что изменилось. Сторож на суурь-тэсэге мог сколько угодно дудеть, оповещая о начале работы, но подойти к авару сушильщика и проверить, чем тот занимается, он всё равно не смел. Из недобродившей каши сушильщики пекли на аваре лепёшки, а в корзинах с мокрым харвахом контрабандой получали от сборщиков чавгу, а порой и пахучее мясо шаварных зверей. Такое существование могло бы продолжаться долго, но наступил мягмар — великий праздник бессмертного Ёроол-Гуя. Прошлый праздник прошёл почти незаметно, в стране ещё не стихли бои, и народ предпочёл затаиться, хотя победители не успели навести свои порядки. Но сейчас, когда установился мир, причин для отмены праздника не было. И пусть не шли к далайну канувшие в прошлое старейшины, пусть охотники сменили пики на серпы и даже в новогодние дни не приближались к запретному шавару, сушильщиков всё это не касалось. Дюжина опалённых огнём людей построилась в жиденькую колонну и направилась к берегу, нестройно распевая: «О отец наш, Ёроол-Гуй!»

Выходка была настолько неожиданной, что разленившаяся охрана перехватила беглецов лишь у самой границы мокрых оройхонов. Преступление было серьёзным: побег и явное поклонение дьяволу. За такие дела полагалось не менее полулюжины маканий, но судья помнил, что за люди перед ним, и потому ограничился поркой. Экзекуцию сушильщики перенесли стоически, и жизнь, казалось, пошла по старому пути... но, как говорится, по той же тропе, да в другую сторону.

Неприкасаемость сушильщиков имела свою изнанку: они были нищи и всеми презираемы, но зато свободны от наказаний. Собственно говоря, это были единственные свободные люди в стране. Они соглашались жить впроголодь и умирать возле аваров, но плетей они не простили.

Спешить и действовать сгоряча сушильщики не привыкли — на подготовку ушло у них почти две недели. Но, начав, они действовали быстро и решительно, понимая, что, когда харвах шипит на аваре, не время раздумывать.

Утро того дня началось как обычно, но вечером сигнальщик напрасно трубил конец работы — от аваров никто не появился. Сушильщики были в это время возле самой границы. Они шагали плотной группой, не скрываясь, так что пограничная стража заметила их издали. Две дюжины цэрэгов вышли навстречу, собираясь гнать нарушителей в лагерь. Цэрэги видели, что беглецы безоружны, и не ожидали сопротивления. Так что вряд ли они успели понять, что происходит, когда в них полетели дымящиеся свёртки и над далайном загрохотали взрывы. Ещё ни в одной войне харвах не расходовался так щедро и неэкономно. Заряд, которым можно было уничтожить вчетверо большую армию, разнёс стражников в прах. Не желая оставлять обидчикам плоды своего труда, сушильщики выпалили из стоящих возле поребрика ухэров и ушли в царство вана, где были приняты с нескрываемой радостью.

Немудрено, что, когда через день исчезло огненное болото и сухая полоса соединила две страны, добрые братья нападать не смогли, а армия вана, напротив, начала готовить вторжение, собираясь если не захватить всю страну, то хотя бы отобрать бывшие земли старейшин и, главное, — крест Тэнгэра. И, как ни странно, лучшими помощниками вана в этом деле оказались войска добрых братьев.

Первый урожай после мягмара всегда самый обильный.

В этом году взбудораженный далайн бушевал особенно сильно, и созревшая хлебная трава ломалась, не выдерживая тяжести зерна. Но в мисках у освобождённых служителей ничего не прибавилось. Их жизнь ничем не отличалась от существования каторжников. Те крохи, что им перепали, хрустели неперебродившими зёрнами и не могли не только накормить, но и просто поддержать силы.

— Всё увезли братья... — вздыхали баргэды.

Это казалось правдой. Огромная нищая страна ринулась кормиться в захваченной области. Теперь чуть не любой общинник мог стать цэрэгом, и они шли туда дюжинами дюжин. Армия захватчиков выросла невиданно и потеряла боеспособность. Новобранцев никто особо не учил военному делу, а облагать оройхоны всё новыми и новыми податями они научились сами.

Вряд ли даже голодным цэрэгам удалось выгрести весь хлеб до последнего зерна. Потом говорили, что с большого поста начался бунт баргэдов, недовольных потерей положения, но не смевших возмутиться открыто. Но именно тогда в руках служителей, будто случайно, остались тяжёлые цепи и ножи для срезания колосьев. В прежние времена опасный инструмент отбирался сразу по окончании работ. Говорили ещё, что в житницах баргэдов оставался хлеб, и людей можно было с грехом пополам, но прокормить. Хотя не всё ли равно, что могло быть?.. Главное — что произошло на самом деле.

Служители были неорганизованны и не годились на роль заговорщиков. Лишь на двух оройхонах гарнизоны были вырезаны внезапным ударом, так что цэрэги не успели схватиться за кистени. Во всех остальных местах вооружённому неповиновению предшествовал долгий крик, что позволило цэрэгам собраться и дать отпор бунтовщикам. Если бы оройхоны занимали те дюжины, что некогда захватили страну, то на этом восстание превратилось бы в усмирение, но служителям противостояли вчерашние общинники, столь же немощные в военном деле, что и восставшие. Битва выродилась в гигантскую драку, копья использовали как палки и лишь изредка чтобы проткнуть упавшего. Силы оказались примерно равны: служители брали числом, а у братьев была какая-никакая, но выучка.

Ночь склонила чашу весов в сторону восставших: цэрэги нуждались в отдыхе, а служители могли атаковать, беспре-

рывно сменяя друг друга. Несколько отрядов, укрывшихся в алдан-шаваре, были удушены дымом, повалившим со второго яруса, хотя там, казалось, было нечему гореть. В толпе составших верховодили вынырнувшие невесть откуда кольчужники, и это могло окончательно убедить беспристрастного наблюдателя, найдись он сейчас, что бунт не случаен, а спланирован тщательно и заранее.

Однако утром положение изменилось. С севера по широкому коридору, проделанному пленным илбэчем, двинулись обученные дюжины братьев. Спротивляться им служители не могли: началась паника, а следом и резня. Именно этого и ждали стянутые на сухую полосу у Торгового оройхона войска вана. Теперь их встречали как спасителей и лучших друзей, а братья, уставшие рубить безоружных, откатились на свои земли, почти не огрызаясь.

Мир заключён не был, но бои на широкой, в три оройхона, перемычке шли вяло. Умирать никому не хотелось, а жить мирно братья не умели. Война тлела вдоль поребрика, глупая и неизбежная, словно огненное болото.

Вместе с отрядами сияющего вана шёл по древней земле и сказитель Шооран. Шёл, не опасаясь быть узанным, борода, наконец пробившаяся на щеках, скрыла выжженные шрамы, а его имя было неизвестно добрым братьям, обещавшим не расспрашивать пленного илбэча и сдержавшим слово.

Шооран сопровождал войска на свой страх и риск, но был зато неподотчётен никому из командиров. Сегодня он развлекал солдат, завтра, окружённый служителями, пел на краю мокрого оройхона славу вечному Ёроол-Гую, а ещё через день, затерявшись в толпе, смотрел, как выходят из-под земли неукрошённые камнерезы, а мудрый Моэртал, командующий войсками вана, обещает от имени своего владыки вернуть мастерам все права и привилегии.

Местные жители, прореженные войной и потерявшие способность трезво оценивать происходящее, казалось, вовсе забыли о том, что надо не только радоваться победе, но и жить: кормиться самим и кормить войско. Не обращая внимания на пристальные взгляды баргэдов, они шатались с одного оройхона на другой и так усердно причащались милостям Ёроол-Гуя, что Ай приходилось немало повозиться, чтобы набрать чавги на обед себе и Шоорану.

Между тем началась раздача земель — ван переустраивал

страну по знакомому образцу. Первыми выгоду предприятия поняли баргэды, которых с избытком оставалось в стране. Часть чиновников вернулась к своим книгам, остальные быстренько стали землевладельцами, получив наделы, каких и в земле изгоев ни у кого не было. Простодушные служители, отликовав своё, обнаружили, что они никому не нужны и могут отправляться в далайн, шавар и на четыре стороны света. Воцарившиеся хозяева оставляли на своей земле лишь тех работников, без которых не могли обойтись, а прочих гнали долой. Мокрые земли стремительно начали заполняться изгоями. Все они были испуганы, растеряны и не знали, как существовать дальше. Смерть ждала их у каждого тэсэга, и они покорно умирали, не умея прожить без начальственного окрика и ежедневной миски каши. Спасти их мог только илбэч, если бы он создал новые сухие участки.

Первое время Шооран ничего не строил, опасаясь, что здесь его вычислят ещё быстрее, чем в родных местах. Лишь однажды пробежал часть пути к земле вана и поставил оройхон — копию Торгового в надежде, что тот облегчит ему будущую работу. Но теперь, насмотревшись на мучения изгнанников, Шооран решил взяться за дело всерьёз. Первый оройхон в этих краях он пристроил рядом с тремя островами Энжина. Сам он при этом откочевал подальше, чуть не к самой линии фронта и потом долго хвалил себя за предусмотрительность. Рождение оройхона вызвало в стране взрыв, но совершенно не такой, какого ожидал строитель. Не было ни радости, ни удивления, почти никто даже не стремился вернуться на сухое. Все искали илбэча, чтобы убить его. Илбэч уничтожил границу! Он сломал спокойную жизнь! Он оскорбил Ёроол-Гуя!!! Толпы выброшенных на побережье людей затаптывали насмерть всякого, кто казался хоть чем-то подозрительным. Шооран был чужим, его выдавали одежда, говор, походка, но он вовремя понял, что происходит, и успел примазаться к одному из отрядов, которые должны были наступать на страну добрых братьев, а на самом деле стояли, не желая подставлять головы под копья и кистени. Скучающие цэрэги с радостью приняли сказителя, о котором и дома кое-кто слышал. Но одно дело — слышать, совсем другое — слушать. То, что молодой Чаарлах вышел именно к ним, льстило воинам, хотя они, как и большинство народа, древним легендам предпочитали анекдотический рассказ о женитьбе Ёро-

ол-Гуя. И Шооран послушно говорил то, что хотели слушать цэрэги:

— Многорукий влез на оройхон: нет ли тут хотя бы пары жён? Стать моей женой — большая честь, я её не буду даже есть. На зубах жена хрустит, уголяет аппетит. Но сейчас жена, даю вам слово, мне нужна для кой-чего другого...

Вдалеке, медленно нарастая, родился шум. Вскоре можно было слышать отдельные голоса и выкрики, хотя разобрать, о чём кричат люди, не удавалось. Но и без того было ясно, что происходит на мокром: очередная жертва попала под подозрение, и сейчас её бьют, заставляя сознаться во всех грехах вселенной, или тащат к далайну, чтобы с благочестивым воплем: «О отец наш, Ёроол-Гуй!» — сбросить в пучину. Шооран зябко поёжился, отгоняя чересчур яркую картину. Нет страшнее зверя, чем сорвавшийся с привязи раб.

— Держи-и её!.. — донёсся с мокрого взвизг.

А ведь там убивают женщину... Шооран прервал рассказ, приподнялся, окинул взглядом слушателей. Их было не так много: дюжины полторы цэрэгов, вовсе не обративших внимания на крик, земледелец из бывших чиновников, пришедший не ради сказителя, а чтобы лишний раз попасть на глаза властям, ещё несколько случайных человек.

— Где Ай? — спросил Шооран. — Кто её видел?

Слушатели, покорные воле рассказчика, повернулись, словно высматривая: где же Ай?

Ай не было.

— Уйдё-от!.. — голосили за тэсэгами.

Шооран побежал на крик. Сзади застучали сапогами цэрэги. За последнюю неделю солдаты привыкли к Ай. Время от времени то один, то другой подходил к уродинке и, протянув чавгу и зрелый туйван, предлагал: «Выбирай, чего хочешь?» — а когда прозрачные пальчики снимали с ладони чавгу, воин хохотал и радостно вопил, обращаясь к товарищам:

— Видали, чавгу выбрала!

Из-за этой однообразной, но, в общем, безобидной шутки Ай стала как бы своей в отряде, и цэрэги были не прочь заступиться за неё, тем более что это обещало новые развлечения.

При виде цэрэгов бродяги, толпившиеся возле суурь-тэсэга, бросились врассыпную. Шооран, жалея, что в руках нет хлыста, ринулся за ними, догнал одного, сшиб с ног, тут же,

ухватив за ворот, заставил подняться и, приблизив расширенные от бешенства глаза к лицу изгоя, прошипел:

— Где она?!

— Я-не-виноват! — коротко, в одно слово, вскрикнул пойманный. — Она сама!..

— Где она?!

— Там... — Изгой мотнул головой в сторону тёмного зева пещеры и закатил глаза, ожидая расправы.

Шооран толчком опрокинул его в нойт и бросился к шавару. Цэрэги с гневным рычанием били пойманных. Из шавара тянуло холодом и мёртвым спокойствием, которым не было дела до творящегося вокруг.

— Ай! — безнадёжно крикнул он в стылую тьму, не ожидая ответа и надеясь лишь, что в шаваре нашла свой конец какая-то другая женщина, а Ай бродит где-нибудь в поисках чавги.

Но неожиданно у самого входа от стены отлепилась тень, и знакомый голосок протянул:

— Я-а ту-ут...

Шооран, пригнувшись, нырнул под свод шавара, выдернул Ай из липкой жижи, вынес к свету.

— Больна-а... — выговорила Ай.

Она освободилась из рук Шоорана и прямо на мокром принялась стаскивать изодранные буйи, спасшие её на недолгие минуты от зубов хищной мелочи. Из складок одежды на голую припухшую коленку свалился зогг. Ай, не глядя, шелчком скинула его на землю и снова занялась буйями.

— Ты гляди... — удивился кто-то из цэрэгов, — живая! Вот уж действительно — тварь шаварная, ничто её не берёт.

Шооран помог Ай стащить набрякший нойтом кожаный чулок, вновь подхватил уродинку на руки, быстро пошёл к поребрику, шепча в прижатое к черепу звериное ушко:

— Сейчас, сейчас, всё будет хорошо... Там вода, помоешься, болеть перестанет...

Ай прижималась к нему и тихо постанывала. Цэрэги, оставшиеся возле суурь-тэсэга, со смехом стаскивали в шавар забитых насмерть людей. Тела убитых казались кучами падали, что валяются вдоль далайна. Вид их не вызывал у Шоорана ничего, кроме чувства досады.

Почти месяц Ай болела. Обожжённые ноги покрылись язвами, карлица не могла ходить и, если бы не Шооран, вовсе бы погибла. Шооран поставил палатку на сухом, возле самого алдан-шавара, где и прежде запрещалось жить служителям. Владелец земли не смел прогнать сказочника, которому покровительствовало воинское начальство, и Шооран откровенно этим пользовался. Вместе с цэрэгами он требовал себе провиант и откармливал недовольную Ай сладкой кашей и мясом.

Ай поправлялась медленно, и Шооран целыми днями сидел возле неё. Думал. Ни разу в голову не пришла мысль: зачем он спасал никчемушное, искалеченное существо? Ай мешала ему, не давала как следует работать, словно верёвка, опутывающая ноги каторжника, но без этих пут Шооран уже не мыслил себя. Ай была не нужна ему, но он был нужен Ай, а это гораздо больше. Ай был нужен не муж, не сказитель, не илбэч, а просто человек по имени Шооран. Ай ничего от него не требовала, она лишь хотела, чтобы он, пусть не всегда, но обретался где-то неподалёку и чтобы это было ради неё. Не такое уж большое желание и не столь обременительный труд, если забыть о долге илбэча.

С некоторых пор Шоорану казалось, что все люди должны быть такими, как Ай: мелкими, скомканными и изуродованными, а те большие и красивые, что благоденствуют на сухом или беспомощно пропадают на мокром, — это не люди, а просто особые существа, вроде шаварных, но хитрее и опаснее. Как и прежде, Шооран оставался илбэчем, но месяц возле постели чудом уцелевшей уродинки изменил его. Отныне он строил не для людей, а против далайна. Люди превратились в толпу, которую надо было обвести вокруг пальца. Этот душевный излом готовился давно и был закономерен, ведь и прежде по следам Шоорана шёл Ёроол-Гуй, так что илбэчу приходилось жить, зная, что люди умирают из-за его дел. Гораздо проще справляться с такой работой, если не считать людей за людей. Удобнее. Вот только когда недочеловек смотрит тебе в глаза и в лице у него мука... Шооран ходил, опустив взгляд к земле. И ещё он перестал сочинять и рассказывать новые сказки. Но этого никто не замечал.

За месяц Шооран четыре раза выбегал к южному побере-

жью и ставил оройхоны. Разбрасывал их как придётся, заботясь о собственной безопасности, а не о сухих землях. Ёроол-Гуй порядком потрепал ряды неопытных бродяг, так что лишь во время пятого похода Шоорану пришлось выдёргивать из-под одежды хлыст и отмахиваться от насевших изгоев. Особой опасности в том не было: охотники и уцелевшие кольчужники были при деле, перейдя в ополчение, созданное Моэрталом, а бывшие служители сражаться не умели. Они бестолково наскakивали, размахивая кулаками, а увидев загудевший в руках Шоорана хлыст, остановились и попятились. Ещё минута, и они обратились бы в бегство, но именно в это время из-за тэсэгов появился повернувший на крик дозор.

— Стоять всем! — знакомо гаркнул молодой дюженник, явно только что назначенный и не утративший ещё служебного рвения.

Шооран опустил хлыст и сгорбил, стараясь остаться неузнанным. К нему, держа наготове копье, подходил Турчин. Свеженаклеенный значок дюженника ярко выделялся на его доспехе.

— Я сказитель, — сипло произнёс Шооран. — Пришёл сюда вместе с войсками пресветлого вана, а эти бродяги напали на меня!

— Ска-азитель... — протянул Турчин, пристально разглядывая Шоорана. — Прочих — гнать! — распорядился он, не оборачиваясь. Приказание было лишним, местные изгои давно разбежались.

— Меня называют молодым Чаарлахом, — сказал Шооран, всё ещё надеясь, что Турчин не признает в заросшем и грязном оборванце бывшего товарища.

— Значит, сказитель, — повторил Турчин. — А это, — он кивнул на хлыст, — твой язык. Длинноват немного.

— Война, — объяснил Шооран. — Без оружия нельзя, сами видите.

— Что ж, сказитель... — Турчин явно принял решение. — Расскажи нам в таком случае про объевшегося чавгой.

Шооран молча кивнул и, окружённый солдатами, направился к недалёкому поребрику. Сел, не торопясь скатал хлыст, хотел спрятать за пазуху, но один из цэрэгов со словами: «Дай-ка сюда!» — отнял хлыст. Шооран не возражал. Его сейчас беспокоило одно: узнал ли его Турчин, а если узнал, то как поступит. Хотя в последнем особых сомнений не было,

Шооран знал, что душе Турчина благодарность чужда и ни бывшее приятельство, ни память о прошлом спасении не заставят Турчина отпустить пойманного дезертира. Так что остаётся надеяться, что лохмотья и отросшая борода надёжно похоронили блестящего цэрэга.

Вот только почему Турчин потребовал именно байку про объевшегося чавгой? Когда-то, рассказывая Турчину о встрече с Чаарлахом, Шооран упомянул непрозвучавшую сказку. Почему-то Турчина задело, что сказки он так и не услышал. Он потом долго приставал к Шоорану, выясняя, о чём же всё-таки повествует эта история. Возможно, при звуках знакомого имени в нём всколыхнулось старое любопытство, а может быть, он так издевается, прежде чем схватить разоблачённого преступника. В любом случае играть следует до конца. Шооран вздохнул и начал:

— Жил на свете Хапхуун — богатый человек. Было у него три поля с хлебом, три туйвана с плодами, три ручья с бовзрами да подземелье с грибами. А чавги у него не было. Всё ел Хапхуун, в дюжину глоток пихал, лишь чавги ни разу не пробоовал. Самому копать — боязно, у людей покупать — достатков жаль. Так и маялся в мечтах: что за чавга такая вкусная?..

Через минуту Турчин самозабвенно ржал над нехитрыми поворотами побасенки.

— Ну, уморил!.. — хрипел он, отмахиваясь рукой. — Во дают! Значит, от каждого по чавге, а если не съешь, то за всё вдвойне платить!.. Не, ты только послушай!..

Когда Шооран умолк, Турчин ещё долго икал, отплёвывался и утирал раскрасневшееся лицо.

— Да где же ты раньше был, дорогой? Ты всегда ко мне приходи, хоть каждый день. И если обидит кто, тоже ко мне иди — дюженника Турчина все знают!

Шооран поклонился медленно и церемонно, как кланялся после представления Чаарлах, потом подошёл к цэрэгу. Протянул ладонь:

— Хлыст верни.

— Чево?! — возмутился солдат. — Хлыст ему? Скажи спасибо, если живым отпустят!

— Отдай! — приказал Турчин. — Он свой изгой, с наших земель. Я его вроде даже припоминаю. Ему безоружным нельзя, от местных-то надо отбиваться...

Солдат нехотя вернул секущий ус, и Шооран, ещё раз по-

клонившись, ушёл. Уходя, он даже не особенно горбился, теперь Турчин видел в нём всего лишь сказителя, и Шооран мог больше не беспокоиться, что его узнают.

И всё же рисковать Шооран не стал. В тот же день он собрал свои пожитки и вдвоём с оправившейся Ай ушёл в страну добрых братьев. Он не ожидал там ничего хорошего, но пошёл этим путём, потому что считал его самым безопасным. Пара случайных бродяг, скорее всего, легко пройдёт через страну, увлечённую войной и иными важными делами.

* * *

Мокрые земли в стране добрых братьев поражали пустотой. Лишь сборщики харваха появлялись здесь, да и те ходили большими группами, ревниво присматривая друг за другом. Охота и сбор кости разрешались общинникам только в дни мягмара, а остальное время прибрежные оройхоны стояли пустыми. Нетронутая чавга хрустела под ногами, и Ай блаженствовала в этих райских, по её мнению, местах.

Шооран вёл Ай почти по самой середине мокрых островов, где не бывало людей. Правда, от Ёроол-Гуя здесь вряд ли удалось бы сбежать, но к этой опасности путешественники притерпелись и не принимали её в расчёт. Лишь на ночь они устраивались поближе к поребрику, и тогда вечером или рано утром Шооран мог полюбоваться страной всеобщего равенства.

За прошедшие годы страна обнищала окончательно. Те из общинников, кто был хоть на что-то годен, бежали в землю изгоев или устроились в отряды цэрэгов. Остальные вовсе махнули рукой на сохранность урожая, тем более что после захвата страны старейшин налоги на общинников были снижены. Шооран, поднявшись на тэсэг, разглядывал проплешины вытопанных полей и старался представить, что начнётся здесь через месяц, когда старшие братья поймут, что склады пусты, а потерянные завоевания назад не вернуть. Но пока нелепое государство беспечно доживало последние отпущенные судьбой недели, бодро проедаая остатки своих богатств.

За три дня Шооран и Ай прошли больше половины страны, приближаясь к западным границам. Сначала Шооран остерегался строить в этих местах, представляя, как закипит взбудораженный известием народ. Но потом понял, что если не высушивать землю, то ещё много времени ни одна живая

душа не заметит его работы. Ведь к самому далайну не выходят даже сборщики харваха.

На четвёртый день Шооран оставил Ай пастись неподалёку от поребрика, строго наказав прятаться, если поблизости появятся люди, а сам, вернувшись на пару оройхонов назад, начал работу. Он находился напротив того места, где страна вана узким мысом рассекала далайн. Два месяца назад встреча с воровкой не дала ему сжать пролив до одного оройхона. Сегодня рядом не было никого, и Шооран поставил два острова, а затем ушёл, не опасаясь ни людей, ни бога. Ай ожидала его возле кучи отобранной и перемытой чавги и, пока он ел, сидела рядом, держа его за рукав жанча и негромко гулила, словно полугодовалый младенец, что служило при знаком самой искренней радости.

Неделю они кочевали вполне довольные жизнью и друг другом. На нетронутой чавге Ай легко кормила Шоорана, а тот постепенно превращал ровный прежде берег в сплошную цепь шхер и узких мысов. Наконец Шооран настолько осмелел, что начал работать, оставив Ай поблизости. Он лишь запретил ей приближаться к далайну, зная, что запрет она не нарушит. Действительно, Ай ковырялась в грязи там, где он оставил её, и даже когда гулко хлопнул далайн и недостроенный оройхон превратился в фонтан крутящейся влаги, Ай не кинулась бежать, а лишь встала возле вещей, готовясь защищать их от незваного гостя.

Разрушение недостроенного оройхона било по Шоорану так, словно все камни нерожденного острова падали на него разом. Превозмогая дурноту и боль, Шооран отступал по поребрику. Он уже видел, на какой оройхон поднимается Ёроол-Гуй, но не торопился отбегать, зная, что Многорукий может вдруг переметнуться на соседний остров и тогда вновь придётся бежать. Бросив мгновенный взгляд в сторону, Шооран увидел Ай. Она стояла, гневно сжав кулачки, и вовсе не собиралась отступать перед каким-то там Ёроол-Гуем.

Ёроол-Гуй напал лавиной, повсюду с сочными шлепками падали извивающиеся руки, вцеплялись в камень, пружинисто тащили зелёно-прозрачную массу бесконечного тела. И хотя соваться на занятый оройхон было чистым самоубийством, Шооран соскочил с поребрика, в три прыжка долетел к Ай, подхватил её и ринулся обратно. Ему оставалось сделать не больше шага, когда резкий рывок опрокинул его.

Шооран упал грудью на спасительный поребрик, Ай скатилась на безопасную сторону, но самого Шоорана потащило назад. Истончившийся до невидимости отросток щупальца вцепился в ногу и волок Шоорана прочь от поребрика, туда, где выплясывали, ожидая, другие руки, готовые передёраться из-за его растерзанного тела. Шооран не глядя полоснул ножом, хотя знал, что волосяной щупалец так просто не перережешь. Нож скользнул, словно по струне, не причинив никакого вреда. Свободной рукой Шооран отчаянно хватался за поребрик, Ай, покраснев от натути, тянула его за ворот жанча. И неожиданно безжалостная хватка разом исчезла, Шооран вместе с Ай перевалились на другую сторону поребрика.

Лишь потом, когда вернулась способность соображать, Шооран заметил, что остался босым. На буйе лопнул подгнивший ремень, и Многорукий содрал обувь с правой ноги. Что же, бог далайна всё сгрызёт — не сумел сожрать илбэча, позавтракает старым буйем. Шооран разобрал уцелевший буй на отдельные кожаные чулки и смастерил из них какое-то подобие обуви. Потом осмотрелся, раздумывая, как жить дальше.

Жадный бог не пощадил ничего из барахла, у них не осталось ни запасной одежды, ни инструментов, ни постелей. Даже оброненный нож был подобран и пожран Ёроол-Гуем. Сохранились лишь сунутый за пазуху хлыст, карта и спрятанные драгоценности: заколки и мамино ожерелье.

Прожить на мокром голышом — невозможно. Даже безумцы вроде Нарвай или Ай в те годы, когда она жила одна, таскали за спиной изрядные тюки. Случалось, изгой терял своё добро, но и в этом случае оставался выход. Что-то можно было смастерить заново, что-то выменять на чавгу или харвах. Иной раз другие изгой делились с неудачником обносками. Здесь не было других изгоев, показаться общинникам было равносильно гибели, а голыми руками нельзя добыть и обработать ни кожу, ни кость.

Ай, у которой хотя бы рукавицы уцелели, беспечно возилась невдалеке от поребрика, на не тронутой Ёроол-Гуем стороне, добывая горы бесполезной чавги. Шооран размышлял. Выходило, что надо либо возвращаться к кресту Тэнгэра, либо быстро идти вперёд, пробиваясь в землю изгоев. Страна изгоев была гораздо ближе, но там предстояло пересекать огненное болото. Вряд ли то, что у него на ногах, выдержит

такое путешествие. Но и дальнюю дорогу к старейшинам ему тоже не одолеть.

Решила всё мысль о Ёроол-Гуе. Дорога назад шла вдоль открытого побережья, где хозяин далайна мог явиться в любую минуту. А в узкий залив, отделяющий землю изгоев, он сунется вряд ли.

Шооран подозревал Ай и, ничего не говоря, показал рукой, в какую сторону им надо идти.

* * *

Всего в мире оставалось два участка огненных болот, ограничивающих на севере и юге землю изгоев. В этих двух местах некогда безбрежный далайн касался уже не стены Тэнгэра, а всего лишь пограничных оройхонов. Болота простирались на три оройхона каждое, но, подойдя со стороны мокрых краёв, можно было сократить путь до одного оройхона. Впрочем, Шооран знал, что именно там всегда стоят дозоры и секреты, и потому заранее свернул в дымную и влажную преисподнюю. Ай, не колеблясь, пошла за ним и лишь покашливала время от времени, зажимая рот.

Привычный путь среди кипящего нойта показался в этот раз особенно тяжким. Шооран ощущал, как ненадёжна его обувь, горячая земля жгла ноги сквозь тонкий чулок, а любое неловкое движение могло разорвать рыхлую, потерявшую прочность кожу. И когда впереди показались завалы, за которыми стояли пикеты изгоев, Шооран не стал скрываться, а пошёл прямо, стремясь поскорее уйти со смертельной тропы.

— Назад! — раздался голос от завала. — Убирайтесь вон, вы здесь не нужны!

— Я сказитель Шооран! — крикнул Шооран. — Это моя земля. Я ходил странствовать, обошёл вокруг света, а теперь вернулся домой!

Над костяным валом появилась фигура цэрэга. В свободной стране не любили слово «цэрэг», воинов никто так не называл, но сейчас Шооран обратил внимание, что перед ним именно цэрэг. Прекрасная одежда, отличное вооружение и привычная жестокость. Цэрэг скинул прикрывающую глаза маску, сдвинул с лица губку, и Шооран увидел Жужигчина.

— А я тебя сразу узнал, — сказал Жужигчин. — Здравствуй, парень. Вот и встретились. Думаешь, я забыл, каков вкус

игл с твоего башмака? Пришла пора поквитаться... — Жужигчин хотел спрыгнуть вниз, но, увидев, что Шооран сунул руку за пазуху, на всякий случай остался наверху. — Мотай отсюда! — крикнул он злобно. — Топай обратно, там тебя очень ждут!

Из-за частокола хитиновых колючек донёлся хохот.

— Идём, — сказал Шооран Ай и, осторожно переставляя ноги, двинулся в обратный путь.

Они сумели второй раз пересечь тлеющий ад и выйти живыми, не попав на глаза беспечной страже добрых братьев. Хотя последние шаги Шооран делал через силу, едва выдерживая боль. Раскалённый нойт просачивался сквозь стоптанную подмётку и разъедал ноги.

К вечеру они выбрались к сухой полосе и переночевали в развалинах разорённых каторжных мастерских. Там же прятались и следующий день. Шооран разордал на части свой жанч и навертел на ноги чудовищного вида опорки. И речи не могло быть о том, чтобы пройти в них сколько-нибудь приличное расстояние даже просто по мокрому, не говоря уже о гиблых краях, но Шооран и не собирался совершать дальних походов. Он хотел всего лишь пройти в свою страну, невзирая на жужигчинов, не желающих его туда пускать.

Ночью они перебрались ближе к проходу, к самой кромке мокрых оройхонов. Два года назад этот участок был высушен, но всё же вдоль поребрика валялись кучи сора, а вдалеке нелепо торчал разбитый остов макальника. Подобные вещи уже не удивляли и не возмущали Шоорана. Разумеется, в нормальной стране всё было бы давно убрано, на месте свалки рос хлеб или стояли палатки, но здесь не нормальная страна. Здесь всё общее, и, значит, некому убирать.

Ай сползала на мокрое, принесла чавги. Зарывшись в мусор, они провели остаток дня, а когда начало темнеть, на мокрое ушёл Шооран. Обрывки жанча плохо защищали и без того ошпаренные стопы ног, но всё же Шооран вышел к далайну. Первый поставленный им оройхон уничтожал огненные болота в этой части мира, второй высушивал три оройхона разом, открывая широкую дорогу в страну изгоев.

На заставах по обе стороны границы тревожно ревели раковины, металась огни факелов. Две армии готовились отражать нападение. Спокоен оставался только Шооран. Окончив работу, он вернулся за Ай. Та спала, свернувшись калачиком

под иссохшим рыбьим панцирем, где Шооран оставил её. Шооран осторожно поднял Ай, и она, не просыпаясь, выпростала из-под накинутого жанча руку и обхватила его за шею. Опорки свалились с ног Шоорана, он шагал по шиколотку в выступившей воде, бережно, словно младенца, прижимая к груди маленькое бесполое существо, которое заменило ему жену, дочь, а пожалуй, и всё человечество.

* * *

Попасть в страну изгоев мог ныне далеко не каждый, но внутри нравы были ещё достаточно вольными. Если не бросать нескромного взора на чужое имущество, то всякий мог, не сходя с поребрика, шагать в любую сторону. А сухая полоса так и вовсе была открыта для всех желающих. Шооран и Ай легко добрались к своему оройхону — бывшему «своему», где прежде находилось поле Шоорана и где остались немногие друзья.

Однако на крошечном участке Маканого возились какие-то незнакомые люди. Шооран не стал ни о чём расспрашивать их и отправился к дому Койцого. Остановился у палатки, постучал по колышку. На стук появилась Тамгай. Мгновение она, не узнавая, смотрела на Шоорана, потом тихо охнула, произнесла: «Ты? Вернулся...» — и вдруг заплакала.

— Вернулся, — сказал Шооран. — А где Койцог?

Тамгай подняла покрасневшие глаза и движением, ставшим, верно, привычным за последнее время, указала в сторону далайна.

— Взорвался.

— Как?! — не понял Шооран. — Зачем? Он же не хотел больше заниматься этим поганым ремеслом!

— Так вышло, — произнесла Тамгай. — Он не хотел, а пришлось. Ты, наверное, не знаешь, ты уже ушёл, а тут — указ. Границу держать нечем, сушильщиком быть никто не соглашается, вот совет и решил: с каждого поля — налог: три ямха высушенного харваха в год. Это вроде и немного, но где его взять? А он, — Тамгай запнулась, не решаясь назвать умершего по имени, — он умел, это все знали. И пошли к нам люди, все с детьми маленькими. В ногах валялись, плакали в голос, последнее отдавали. А он на малышей спокойно смотреть не мог, вот и согласился это зелье сушить. У Хооргона на

службе он так не работал. Других выручил, а сам... — Тамгай, очевидно, уже не замечая того, снова повела в сторону пальцем.

— Вот, значит, как... — сказал Шооран. — Ясно. Построили, значит, страну счастья... С земли вас хотя бы не гонят?

— Нет, у нас всё-таки не царство вана, женщины тоже могут землю иметь, а за этот год у нас заплачено. До конца года нас никто не тронет.

На первое время Шооран и Ай остановились у вдовы сушильщика. Тамгай предложила Шоорану одежду, оставшуюся от Койцого, так что Шооран снова был полностью экипирован. Через пару дней, почувствовав себя сносно, Шооран отправился на промысел. Год назад, увеличивая страну изгоев, он создал узкий и довольно длинный выступ, который должен был мешать Ёроол-Гую. Там, на землях, отделённых от прочего мира двумя рядами мокрых оройхонов, вряд ли часто встречаются люди. Изгои, разбогатеи, потеряли вкус к ходьбе по грязи. Шооран предупредил Ай, что вернётся на следующий день, взял самую большую торбу и отправился в путь. За день он наскрёб полную торбу харваха, а вечером и утром выстроил пару оройхонов, стремясь по возможности рассечь далайн на части и затруднить жизнь своему многоуровневому противнику.

Подходя к палатке Тамгай, Шооран услышал тихий стонущий скрип. Такие звуки издавала Ай, когда Шооран смазывал язвы на её больных ногах жгучей настойкой из смолы туйвана. Шооран откинул полог, вошёл. Ай лежала на животе, Тамгай влажной губкой протирала ей спину. На серой коже густо вздувались багровые, сочащиеся сукровицей рубцы.

— Что с ней? — быстро спросил Шооран.

— Плеть, — ответила Тамгай, не разгибаясь. — Её поймали, когда она возвращалась с чавги, а сегодня день илбэча, простым людям выходить на мокрое нельзя.

— Тоже новый указ?.. — проскрипел Шооран.

— Новый. Оройхоны перестали рождаться, так Суварг объявил, что это оттого, что люди продолжают шататься по побережью, когда им заблагорассудится, и мешают илбэчу. С тех пор пойманных на мокром в непоказанные дни начали пороть.

— Чушь! — крикнул Шооран. — А если им встретится сам илбэч, они его тоже?

— Сказали, что илбэч предпочтёт быть поротым, но живым, — пояснила Тамгай.

— Что они знают об илбэче?.. — гневно начал Шооран, но тут же поспешил поправиться: — О нём вообще ничего не известно, кроме того, что он ходит один. Я чуть не всю жизнь провёл на мокром, и, кто знает, может быть, и илбэч сидел среди моих слушателей, но я не взялся бы ничего решать за строителя оройхона. А эти гады жирноголовые... — Шооран не договорил и, присев на корточки, принялся легонько гладить по волосам скулящую Ай.

На следующий день он собрал несложный инструмент Койцога, подхватил суму с харвахом и ушёл к аварам. Глазомер не подвёл Шоорана, за день страшной, на грани гибели работы он изготовил ровно шесть ямхов взрывчатого порошка. Вряд ли бы ему удалось сделать столько, если бы не «лёгкая рука» и бесшабашное сознание, что так просто он погибнуть не должен. Хотя, когда новоявленный сушильщик возвращался к дому, его лёгкие руки болтались, словно усы у обожравшегося парха, и, чтобы двинуть ими, надо было сделать заметное усилие.

Три ямха харваха Шооран отдал Тамгай — мягмар близок, и вряд ли на будущий год Суварг с Ээтгоном отменят налог, — а второй пакет отнёс ночью к палатке, стоящей возле соседнего поля. Он легко преодолел наивные хитрости самодельных заграждений и долго сидел в темноте возле палатки, слушая дыхание спящих. Потом сунул свёрток под полог и ушёл.

От Тамгай он знал, что Яавдай так и живёт вдвоём с дочкой. Бутай уже подросла и вместе с другими детьми бегала на вытоптанной площадке возле суурь-тэсэга. Шооран видел её издали и хотя сразу признал, но подходить не стал, мучаясь и не зная, что он может ей сказать.

Сутки после огненной работы Шооран отдыхал: спал и отъедался хлебом, затем стал собираться в путь.

— Я ухожу, — сказал он Ай, — а через две недели вернусь за тобой.

Ай завозилась, стараясь подняться.

— Я тоже пайду...

— Нет. Тебе нельзя. Сначала ты должна выздороветь. Я вернусь, и мы пойдём вместе.

— Я с тобой...

— Я действительно вернусь...

Шооран беспомощно оглянулся, не зная, как уговорить уродинку. Потом достал тщательно спрятанный голубой материнский жемчуг, осторожно надел ожерелье на шею больной.

— Теперь ты веришь?

Ай провела пальцами по неожиданному украшению, покорно закрыла глаза:

— Ты только приходи скаре-е...

Две недели Шооран провёл на мысе, уводя его дальше в далайн. Ёроол-Гуй обитал где-то неподалёку и то и дело появлялся, мешая работе, но даже когда он успевал разрушить недостроенное, Шооран всего лишь переходил на другую сторону мыса и ставил оройхон там. Он уже не мучился так тяжело от ударов Многорукого, порой ему даже казалось, что натиск бога ослабел, в нём нет прежней силы. А может быть, он просто привык к ежедневной боли.

Всякий день ему удавалось создать кусок земли, а в иные дни и по два, так что к концу второй недели он смог обозначить на карте дюжину и три оройхона, пара из которых оказалась даже сухой. С противоположных концов полуострова можно было разглядеть берега добрых братьев и земли, принадлежащие вану, но Шооран давно потерял интерес к такого рода экскурсиям и на окончечность оройхонов не ходил, стараясь держаться привычного поребрика.

Назад Шооран вышел в день, разрешённый для всех людей. Добыча у возвращавшихся была невелика, и Шооран ничем не выделялся среди прочих искателей чавги. Правда, нёс большой моток живого волоса и изогнутую кость, годную для нового сувага.

Ай уже оправилась от экзекуции, но Шооран прежде отпросился ещё на день и, сбежав на крайний юг страны, уничтожил последнюю границу и последний во вселенной участок огненных болот. С этого дня ничто не прикрывало государство изгоев от соседей, держать границу стало невозможно, всякая армия могла свободно идти, куда только пожелают её командиры. Впрочем, Шооран уже понял, что безупречно храбрые цэрэги не пылают желанием атаковать таких же воинов, как они сами. Так что большая война вряд ли вспыхнет, даже если позволить солдатам вцепиться друг в друга. К тому же он не видел причин, по которым должен был заботиться о без-

опасности и сохранении власти Суварга, Жужигчина и даже Ээтгона.

Шооран выждал несколько дней, чтобы помочь Тамгай с уборкой урожая, и, едва на заставах утихла беготня, взял Ай и ушёл, продолжая бесконечное кружение около сужающегося далайна. До очередного мягмара оставалось совсем немного времени, и надо было успеть выйти на восточное побережье и поставить там хотя бы полдюжины островов.

* * *

Мозолистая Пятка не зря получил своё прозвище. Среди всех бродяг он был самым неугомонным. Он и в детстве был таким: бегал на соседний оройхон в том возрасте, когда другие дети ходить не умеют. Его и ругали, и наказывали, и буйи отняли — так он босиком бегал. От этого ступни его покрылись мозолями, грубыми и твёрдыми, словно кость, и не было такой колючки, которая могла бы причинить ему боль. Даже на мокрое Мозолистая Пятка выходил босиком и разгуливал там, словно в башмаках на двойной подмётке.

Родители Мозолистой Пятки умерли, оставив сыну поле и здравый смысл, но бродяга не сумел распорядиться наследством. Здравый смысл подсказывал: «Надо жить возле своего поля и есть свой хлеб», — но Мозолистая Пятка собрался в дорогу, а поле досталось чужим людям.

Потеря не огорчила Мозолистую Пятку.

— Я всё видел на родном оройхоне, — сказал он, — а теперь хочу посмотреть остальные чудеса, слухи о которых живут под небесным туманом.

Он обошёл все оройхоны в стране и повидал всякие диковины, что есть на них, и здравый смысл сказал ему:

— Ты видел всё, теперь остановись и отдохни.

Но Мозолистая Пятка лишь усмехнулся и пошёл дальше. Он обошёл все мокрые оройхоны, босиком спускался в каждый шавар, потому что боялся пропустить интересное, а твари, шевелящиеся в нойте, ничего не могли сделать с ним. Перья гваранза ломались о крепкие мозоли, и иглы тукки не причиняли бродяге вреда. Наконец ему надоело дразнить зверей, а в шаваре не осталось неисхоженных закоулков. Тогда снова подал голос здравый смысл.

— Вернись домой, — сказал он, — и живи, как все люди.

Но Мозолистая Пятка не согласился, ведь на свете были ещё огненные болота. Он обошёл дымные царства, где нет ничего, кроме огня и грязи, где тлеют на ходу и рассыпаются самые крепкие башмаки, но босые ноги не знали усталости и не боялись дороги. В последнем путешествии он не встретил ничего любопытного и вернулся недовольным.

— Вот видишь, — уговаривал здравый смысл, — ты зря не послушал меня. Теперь-то, когда вселенная исхожена, ты, может быть, утомилась?

— Нет, — сказал Мозолистая Пятка, — раз у человека есть ноги, он должен идти. Раз у человека есть глаза, он должен видеть новое. Я пойду дальше.

— Куда? — воскликнул здравый смысл. — Ведь ты обошёл все земли!

— Я поворачивал и ходил по кругу, — сказал Мозолистая Пятка, — а человеку следует ходить прямо, иначе недолго сбиться с пути.

И он пошёл прямо, никуда не сворачивая.

Вскоре тропа кончилась, впереди замаячили авары.

— Стой! — встрепенулся здравый смысл. — Дальше пути нет!

— Значит, я пойду без дороги, — сказал Мозолистая Пятка и ступил босой ногой на авар.

— Остановись! — заклинал здравый смысл. — Туда нельзя идти! Если уж так неймётся — сверни в сторону!

— Я не жирх, — ответил Мозолистая Пятка. — Я хожу прямо.

И он пошёл в глубь огненной страны, где не бывал ни один человек.

Здравый смысл скулил и плакал, авары жгли тусклым пламенем, но Мозолистая Пятка продолжал идти, ибо постиг смысл своей жизни: не останавливаться, не сворачивать и не возвращаться. Обугливалась грубая кожа натруженных ног, и султан дыма отмечал его путь. С каждым шагом вокруг становилось страшнее, здравый смысл потерял от испуга остатки разума и мог лишь молиться и твердить:

— Бог создал это, чтобы ты не ходил.

— Значит, я должен идти, — усмехался Мозолистая Пятка, — иначе не нужен ни бог, ни его запреты.

Наконец перед ним встала стена, выстроенная в незапамятные времена многомудрым Тэнгэром. Стене не было края ни

в одну, ни в другую сторону, а вершина её купалась в небесном тумане.

— Это конец! — зарыдал здравый смысл.

— У дороги нет конца, — возразил Мозолистая Пятка. — Это лишь преграда на пути.

— Это твой конец, дурень! — возопил здравый смысл. — Взгляни на свои ноги — мозоли больше не помогут тебе, их нет, они превратились в уголь! Ты не сможешь вернуться назад и скоро сгоришь тут, не доказав ничего и никому!

— До стены ещё три шага, — сказал Мозолистая Пятка. — Я должен пройти их. Но и там я не поверну, а буду биться в эту стену, потому что сильнее боли и страха желание знать, что впереди!

Мозолистая Пятка не вернулся к людям, и вскоре истаял одинокий дымный султан над дальними аvaraми. Нетрудно догадаться, что произошло там, возле стены Тэнгэра. Но неисправимые бродяги врут, будто иногда с той стороны тянет ветром, словно сквозняк дует в распахнутую дверь. И тогда им кажется, будто Мозолистая Пятка всё ещё идёт куда-то, за гранью мира, по ту сторону бесконечности.

ГЛАВА 10

«Счастье государства в руках поваров» — дюжину раз прав мудрец, изрекший эту истину! Изысканный повар ублажает желудок государя и веселит его сердце. А из веселия государя напрямую проистекает благоденствие подданных и счастье государства. Горе народу, если изделия дворцовых кулинаров отягощают царственное нутро и вызывают колики и помрачение чувств. И что делать мудрому правителю, если царство его оскудело мастерами кухни и вокруг одни неучи, от стряпни которых урчит в кишечнике? В таком случае монарх, пекущийся о благе подданных, сам берётся за миски, ножи и вертела.

Невежды полагают, будто хороший вертел можно выточить из кости. Мол, мясо и прежде было на костях... Чужая кость сушит мясо! Шампур должен быть только деревянным, причём не из ветки, а из средней части смолистого ствола. Только тогда появится должная степень аромата. А вино? В сладком вине мясо можно тушить — жирное, завернув в листья, к постному добавив мелко порубленной водяной

травки, — а для вымачивания годится только кислый напиток из специально собранных недозрелых плодов!

Владыка полумира, сияющий ван, да пребудут его ноги сухими, устало опустился на скамью и вытер перемазанные салом руки. Лишь на малой дворцовой кухне он мог быть самим собой, сюда запрещался вход кому бы то ни было, кроме двоих старых прислужников, весьма искусных в разведении огня: лёгкого соломенного, сухого угольного или ленивого, сытного пламени масляного светильника. Всякое горячее блюдо надлежит готовить на своём огне. На боку авара можно печь или томить варево в тонкой непрогорающей посуде, а для нежного искрящегося отвара нужна солома.

Ван вздохнул. Не так часто он мог уединиться здесь, чтобы собственноручно приготовить обед для себя и двух-трёх любимых жён. Чаше государственные дела отнимали время, и приходилось довольствоваться стряпнёй поваров, хотя ни один из этих кулинару не мог соперничать в поварском деле со своим повелителем. Ван был мастером редкостным, изысканным, умевшим при одном взгляде на сырые продукты представить вкус будущего блюда. «Съесть можно всё, — любил повторять он, — главное, как следует приготовить».

Как-то в подтверждение этих слов он решил изготовить нечто съедобное из самой мерзкой вещи в мире — из шаварного нойта. Целую неделю один из дворцов Царского оройхона смердел, словно авары мёртвых земель, но в конце концов государь добился своего: нашёл, что высушенный и умеренно прокалённый нойт обращается в серый порошок жгучего вкуса, оказавшийся великолепной приправой. Рецепт порошка ван хранил в тайне, помня, что «пожиратель нойта» — оскорбление, которого не прощают даже гнилоеды.

С тем большим удовольствием ван потчевал блюдами с секретной приправой своих гостей. Правда, сам он нойт больше не сушил, а лишь прокаливал высушенную субстанцию до нужного градуса.

О кухне вана ходили легенды и анекдоты, а приглашённые на парадный обед одонты, вернувшись домой, вытрясали душу из слуг, требуя от них тех блюд, что вкушали за царским столом.

Накормить дрянью так, чтобы все были в восторге, — в этом кулинария схожа с политикой. Есть у них и ещё одно

сходство. Покойный отец царственного вана тоже не гнушался посещать кухню, но лишь с одной целью: положить в какое-нибудь блюдо ломтик выброшенной далайном рыбы, а потом поднести смертельное угощение неуголному царедворцу. Царствующий ван на пирах такого не позволял, не желая оскорблять искусство приготовления пищи, а в политике... почему бы и не угостить рыбкой чересчур прыткого деятеля?..

Вчера ван собирал Малый совет. Входили в него люди, не имевшие никаких должностей и потому особо влиятельные. Малый совет обсуждал два вопроса: ход военной кампании и судьбу илбэча. С последним всё было ясно: чудотворец вновь появился в стране, и нужно было не выпустить его. Один за другим в восточных провинциях появились семь оройхонов. Они были не слишком удобны для управления и принесли только два сухих участка, но опытные баргэды, имевшие поручением предсказывать поведение илбэча, утверждали, что в действиях безумца видна система. Везде, где только можно, он сужал проливы, вероятно, для того, чтобы легче избегать Ёроол-Гуя. И хотя илбэча по привычке звали сумасшедшим стариком, ван был убеждён, что сегодня по стране ходит совсем другой человек.

Мешать илбэчу ван не собирался, он давно воспринял мысль Моэртала, что строителя лучше оставить в покое; а вот аккуратно его направить — необходимо. Если баргэды не врут, илбэч захочет перейти в землю старейшин или добрых братьев, чтобы сжать горловину последнего из широких заливов. Но этого не хотел ван — илбэч должен строить здесь, преумножая ближайшие земли. Совету мудрецов ван внял и поставил караулы поперёк перешейка, где ещё недавно коптили огненные болота и торчал Торговый оройхон. Официально караулы были выставлены против изгоев, ведь ныне на этом месте не было никакой границы, страна старейшин принесла присягу и покорила войскам, которые привёл туда одонт Моэртал.

Отсюда-то и проистекала вторая забота и головная боль царственного вана. Безупречный Моэртал, которого не в чем было упрекнуть... Моэртал, который удачно управлял неудобной провинцией, а потом отказался от новых земель... Моэртал, который успешнее прочих воевал с изгоями... Когда возник вопрос, кого поставить во главе войск, выбор пал на Моэртала. Но тогда никто не думал, что удастся одержать столь пол-

ную победу и приобрести не просто пару оройхонов, а целую страну вместе с бесценным крестом Тэнгэра. Сегодня в руках прибрежного одонта провинция, превосходящая все мыслимые размеры, и войско, восхищённое победителем. К тому же, как сообщают соглядатаи, в завоёванной стране осталось довольно своих баргэдов и даже цэрэгов, выживших под властью братьев. Все эти люди считают повелителем Моэртала, а ван как бы остался в стороне. Выходит, что победы одерживать ещё опаснее, чем подвергаться нападению. Рухнули границы, и не знаешь, куда обращать взор. На западе тоже не всё ладно: одонт Юхааз сообщает, что изгои вошли на угловые земли, а ведь их так недавно удалось усмирить!

Ван поднялся, с удивлением глянул на передник, раздражённо сорвал его. Ладно, десерт пусть готовят повара, думать надо не только об обеде, иначе тебя самого съедят. Всё-таки кулинару проще предугадать, что сварится в его котле. Политическая кухня сложнее. Благородный Юхааз назначен западным одонтом после смещения Хоргоона и бунта его сына. Выбор пал на Юхааза, поскольку он глуп и беспредельно верен. Но едва изменилось соотношение сил, Юхааз прошляпил угловые земли. Два оройхона — не шутка! Моэртала выбрали, ибо он умён и талантлив. Но зато теперь он стал опасен, и решено призвать его на совет, осыпать почестями, а потом потихоньку угостить рыбой. А земли разделить на дюжину провинций и назначить новых одонтов: четверых от армии, ещё четверых из заслуженных баргэдов, а остальных из знати. Тогда они не смогут договориться и будут зорко присматривать друг за другом. Вот только на севере, где не кончается война, нужен хороший военачальник вроде Моэртала, жаль, что его имя решено отдать Многорукому... Кулинария хороша ещё тем, что ненужную в данный момент праву можно отложить до следующего раза. Увы, человек — продукт скоропортящийся.

Государь вымыл руки тёплой водой, распорядился насчёт десерта и приказал прислужникам нести обед в покои. Вкусение пищи не являлось столь священным действием, как её приготовление, так что великий самодержец успел выслушать несколько сообщений. Первое из них порадовало вана. Приближённый баргэд скользнул в зал, склонившись к царственному уху, прошептал:

— На востоке новый оройхон, — затем, подчиняясь еле

заметному движению, расстелил карту и показал, где именно родилась земля.

Ван удовлетворённо кивнул. Он всё-таки опасался, что илбэч сумеет уйти во время мягмара, но чудотворец остался в стране. Хотя оройхон возник на восточных окраинах, а это значит, что правы мудрецы, предупреждавшие, что илбэч станет искать дорогу в древние земли. Всё-таки и длиннобородые на что-то годятся: несложно управлять тем, чьи поступки известны заранее.

— Удвоить караулы, — повелел ван. — Чтобы мимо и жирх не прополз! Но никого не убивать, ни единого бродягу. Заворачивать всех назад, и пусть идут, откуда пришли.

Перед самым концом обеда чиновник принёс вторую весть:

— Пришли гонцы от Моэртала. Просят аудиенции.

— Отвести в зал приёмов, — промолвил ван, встал и, не удостоив взглядом запечённые фрукты, вышел в сад. Не торопясь прошёл среди деревьев. Спешить было нельзя, незачем посланцам знать, что государь ожидал их прихода. Это они должны ждать приёма и трепетать.

Ван поднялся на тэсэг, что остался не тронутым с тех времён, когда знаменитый предок вызвал к жизни эту землю. Над тэсэгом возвышался старый как мир туйван. Морщинистый ствол казался вырезанным из камня. На корявых ветвях не было ни единого листа. Ван вновь вздохнул. Он надеялся, что после мягмара засохшее дерево оживёт, как уже бывало прежде. Но нет, туйван умер окончательно. А незадолго до того подох древний бовэр, на которого ходили любоваться все допущенные на Царский оройхон. Зверь сильно одряхлел за последнее время, а тут ещё перед мягмаром не бывало обмелели текущие по оройхону ручьи. Другие бовэры могли переползать с места на место, да и попросту потерпеть немного, а старик лишений не выдержал. В один год ван лишился двух диковин своего сада, и это огорчало его не меньше, чем ту-пость поваров.

Однако пора было идти. Ван вернулся во дворец, через потайное окно оглядел ждущих аудиенции. Посреди зала стояли четверо дюженников. Один из них держал в руках резной ларец. На секунду вана захлестнула странная смесь гнева и страха. Слишком уж это похоже на посольство, гонцы не должны приходить с дарами. И вообще давно пора ввести в армии

новое звание, а то смотришь и не знаешь, кто перед тобой: командир крошечного отряда или доверенное лицо, имеющее право говорить от имени своего одонта.

Взгляд государя задержался на ларце. Чётко представилось, что внутри лежит заряд харваха, а эти четверо — убийцы, подосланные Моэрталом. Хотя цэрэг, который держит ларец, не похож на смертника, слишком уж явно он глазеет по сторонам, не умея скрыть удивление, очевидно, он впервые здесь. Значит, можно пойти и выслушать, что скажут гонцы. И в любом случае быть благосклонным, иначе Моэртал может заподозрить неладное.

Ван прошёл в зал, уселся на троне. Шуршащий полог взвился под потолок, открыв царскую особу глазам ожидающих. Дюженники опустились на колени.

— Говорите, — кивнул ван.

— Одонт Моэртал послал нас к сияющему вану, чьи ноги не ведают сырости... — начал старший из дюженников.

«Будет просить пополнений, — подумал ван. — Не дам».

— ...неусыпные заботы ослепительного и величайшего вана, — повторял дюженник заученный текст, — позволили одержать победу, однако управление столь большой провинцией недоступно одному человеку, а местные баргэды хоть и многочисленны, но доверия не вызывают. Одонт, ваш вечный слуга, просит прислать в помощь должное число опытных чиновников, которые могли бы достойно блюсти интересы светозарного вана...

Ван растерялся. Моэртал сам просил о том, что хотели навязать ему власти. Дюженник между тем продолжал:

— Кроме того, велено сказать следующее: во время мягмара на побережье провинции был выброшен волной многорукий зверь уулгуй. Одонт Моэртал, исполненный верноподданнических чувств, посылает пресветлому вану его царское достояние!

Молодой дюженник шагнул вперёд и открыл ларец. Там лежал белый костяной обруч. Он был чуть меньше, чем те два, что хранились в сокровищнице, и ван с радостью подумал, что неудобствам со слишком просторной короной приходит конец.

— Я слышал, — произнёс ван, — что в казне старейшин хранилась ещё одна корона.

— Мы не нашли казны, — виновато сказал дюженник. —

Подземелья пусты, противник украл всё задолго до нашего прихода.

— Говори дальше, — разрешил ван.

— Прочая кость сейчас снимается с тела зверя и вскоре будет доставлена сюда. Одонт Моэртал почтительнейше просит дозволения оставить себе третью часть дисков, как то было принято в прошлые времена.

Забирать третью часть дисков было законным правом одонта, в чьей провинции найден чёрный уулгуй, поэтому ван благосклонно кивнул и вновь залюбовался искрящейся белизной кости. Всё-таки жизнь не так мрачна: что-то уходит, но взамен появляются новые радости. А Моэртала он пока обождёт угощать рыбой — такого слугу следует поберечь.

— Я слышал, провинция переполнена изгоями, — спросил ван гонцов. — Как одонт намеревается бороться с этой угрозой?

* * *

Весь мягмар Шооран и Ай пробатрачили на побережье. На хлеб Шооран мог заработать и сказками, но он решил пока не раскрывать своего имени и поменьше бывать на виду. Семь оройхонов, поставленных до мягмара, отсеки большой юго-восточный залив, куда Шооран собирался заманить Ёроол-Гуя, прежде чем уйти к Моэрталу, чтобы там взяться за почти не тронутые просторы далайна.

Но, как всегда, борьбе с Многоруким помешали люди. Шооран не ожидал застав возле Торгового оройхона, ведь теперь это была центральная часть страны. Впрочем, встреча с цэрэгами окончилась благополучно: путников всего лишь остановили и предложили поворачивать обратно.

— Там и без того полно бродяг, — глядя пустыми глазами, произнёс цэрэг. — Лезут днём и ночью. Так что проваливайте.

— Мы не изгой, — возразил Шооран. — И потом, мы идём в страну старейшин, а не оттуда.

— Тем хуже. Говорят — проваливай, пока цел.

Шооран и Ай покорно повернули назад. Во время перебранки Шооран успел заметить, что посты развёрнуты на юг, значит, охранник лжёт, цэрэги поставлены не против беженцев. Возможно, дальше есть вторая цепь караулов, но эти явно следят, чтобы никто не ушёл к Моэрталу. Неужто удачли-

вый одонт настолько зарвался, что вздумал отделяться? Должен же он понимать, что завтра далайн может отступить и он окажется лицом к лицу с противником. Если он этого не понимает, то будет наказан.

Отойдя на безопасное расстояние, Шооран, как обычно, оставил Ай промышлять чавгой, а сам вернулся и создал оройхон, которым должна была начаться широкая дорога к кресту Тэнгэра. Об этом оройхоне и докладывали великому вану за обедом.

Выстроить дорогу не позволил Ёроол-Гуй, послушно зашедший в залив. Шооран, посетовав, что не сумел вовремя перебраться на другой берег, поспешно отошёл на запад, между делом создал клочок земли там, а потом решил идти через страну изгоев и добрых братьев. Что-то там происходило непонятное, слухи доходили странные и противоречивые, и Шоорану хотелось самому посмотреть, чем обернулась его месть Жужигчину.

Ай на вопрос, согласна ли она идти обратно, протянула привычное: «Я с тобой...» — и они пошли.

На западе путь тоже был перекрыт, но Шооран был готов к этому и довольно легко прошёл через заставы, тем более что здесь цэрэги действительно стояли лицом к противнику и не могли караулить каждого путника. В предутренний час Шооран и Ай проползли по зарослям хохиура и на рассвете были на угловых оройхонах.

После того как месяц назад илбэч высушил здесь последние огненные болота, война вновь пришла к многострадальному дому старика. Суварг двинул армию изгоев и отнял угловые земли у вана. Впрочем, на самих оройхонах это никак не отразилось. Так же рос хлеб, в тех же палатках жили земледельцы, получившие звонкий титул «свободных изгоев». Как только не переименовывают мужика власти, а он почему-то так и остаётся мужиком!

Шооран шёл по поребрику сухого оройхона. Строил этот оройхон Энжин, но высушил его Шооран, давным-давно, больше шести лет назад. С тех пор он законно считал его своим и сейчас любовался молодыми туйванами, сгибающимися под тяжестью первого обильного урожая. Только когда зацветут туйваны, можно считать, что земля родилась, а илбэч стал вровень с древними строителями. Через три года ему исполнится две дюжины лет, но задолго до этого он закончит вто-

рую дюжину оройхонов. Теперь он знает, что легенды о Ване — правда. Можно, если ты силен и открыл свой дар в юности, построить хоть шесть раз по двойной дюжине островов. Главный враг не Многорукий, а ты сам — твоя усталость, боль, одиночество среди бесконечных толп народа. Народа, который не нужен тебе, так же как ты не нужен ему. Важна лишь земля, вот эти туйваны, которые зацвели, где прежде тёк нойт.

Шооран изогнулся над колючей изгородью, с трудом достал и подтянул цветущую ветвь, вдохнул чистый аромат цветов. Мягко отпустил стебель, долго стоял, глядя, как дрожат, успокаиваясь, цветы. Осторожно снял с отравленных игл ограда опавший лепесток, протянул его Ай. Личико уродинки сморщилось в довольной гримасе. Ай пристроила подарок в волосах, и алый лепесток оживил её лицо, сразу потерявшее мертвенный серо-зелёный цвет.

— Идём, — сказал Шооран. — Нам ещё много идти.

Они шли по промежутку между оройхоном старого илбэча и первым сухим оройхоном Шоорана. Когда-то он мог бегать здесь, не глядя по сторонам, всё вокруг принадлежало ему. Теперь не стоило без лишней нужды спрыгивать с общей тропы. Хотя, когда навстречу идёт вооружённый караул, лучше посторониться.

— Вот он! — закричал человек, идущий впереди воинов. — Это он хватал мой туйван!

Патрульные настороженно и недовольно разглядывали Шоорана, и он в который уже раз подумал, что в стране изгоев изгоев как раз и не осталось, ночные пархи на удивление быстро привыкли к новой роли, а эти солдаты, судя по всему, никогда не мыкались на мокром, скорее всего, это настоящие цэрэги, вовремя смекнувшие, что к чему, и перешедшие на сторону сильного, чтобы сохранить своё положение. Прежде они знали бы, что делать с бродягой, а сейчас не вполне уверены и колеблются. С удивлением Шооран увидел, что среди цэрэгов возвышается огрузневшая, но всё ещё могучая фигура Боройгала. За поясом у палача красовался широкий резной тесак — символ власти одонта.

— Я ничего не брал, — произнёс Шооран. — Я свободный изгой и иду по свободной земле.

— Не брал?! А это что?! — Крестьянин кинулся к Ай, ухватил её за волосы, стараясь вытащить лепесток.

Шооран ударил хама по руке, оттолкнув так, что мужик отлетел на несколько шагов, врезавшись спиной в затрещавшую изгородь.

— Это опавший лепесток, — сказал Шооран. — Он ничего не стоит.

Цэрэги без интереса следили за перебранкой и были готовы уйти, оставив владельца дерева самого разбираться с похитителем лепестка. Но тут вмешался Боройгал.

— Ты кто такой? — спросил он Шоорана, глядя поверх его головы. — Что-то мне твой голос знаком.

— Мой голос знаком многим, — сказал Шооран. — Я скажитель.

— Не-ет! Ты не крути. Я сказочки слушать никогда не ходил, но голосок твой мне очень знаком...

Боройгал подошёл ближе, посмотрел на Шоорана с одной стороны, потом с другой, так, чтобы не было видно шрамов, стянувших правую щёку. Удовлетворённо хмыкнул.

— Шпион вана! Ты был здесь, когда исчез Хооргон. А теперь тебя подослали убить меня? Да? Не выйдет! Вяжите его!

Шооран рванул из-под жанча хлыст, но Боройгал стоял слишком близко, чтобы можно было успеть раскрутить оружие. Шооран ударил Боройгала в лицо тяжёлой рукояткой, но копьё одного из цэрэгов вонзилось Шоорану в запястье, двое воинов повисли на плечах, Шоорана сбили с ног и, нещадно заламывая раненую руку, начали вязать. Ай, замершая в первую секунду, молча метнулась и вцепилась зубами в щёку упавшего Боройгала. Великан взревел и замахнулся кулачищем. Любую женщину такой удар убил бы на месте, но Ай оказалась слишком лёгкой. Она лишь отлетела в сторону, но тут же вскочила, шипя, как рассерженная тукка, и готовая вновь броситься в атаку.

— Беги! — закричал Шооран. — Беги к Ээтгону, пусть выручает!

Ай развернулась и поскакала вдоль поребрика. Когда было нужно, её шлёпающая походка исчезала и уродинка мчалась впереди многих. Иначе она не смогла бы вовремя удирать от Многорукого.

— Схватить! — прохрипел Боройгал.

Шооран, на спине у которого сидели двое цэрэгов, сумел извернуться и, зацепив ногой, уронить солдата, рванувшегося исполнять приказ. Пока тот поднимался, Ай унеслась далеко.

«Лишь бы добежала до мокрого, а там — уйдёт», — подумал Шооран. Он-то знал, как бессмысленно ловить Ай в зарослях хохиура.

Цэрэги сгрудились вокруг связанного Шоорана и принялись его бить. Не каждый удар достигал цели, иглы башмаков с трудом пробивали толстый жанч, но уже через минуту Шооран потерял сознание от боли.

* * *

Боройгал был назначен одонтом три дня назад. Конечно, в государстве изгоев слово «одонт» было как бы под запретом, но как ещё назвать человека, поставленного управлять приобретёнными оройхонами? Так что Боройгал с лёгким сердцем украсил себя костяным тесаком, а наедине с собой величал себя одонтом.

Вообще-то, когда отряды ночных пархов вступали на угловые земли, Боройгал не думал о возвышении, а дрожал за свою шкуру. При трёх последних правителях он был палачом и затолкал в шавар немало изгоев, так что для страха основания были. Но потом он решил, что надо быть смелее. В конце концов, палачи нужны любой власти, а охотников на эту должность не так много. Поэтому, увидев Суварга, шествующего в окружении охраны, Боройгал громко крикнул:

— Здравствуй, правитель Суварг! Я рад тебя видеть!

Нельзя сказать, что правитель Суварг тоже обрадовался этой встрече. Был в его прошлой жизни один шаварный закоул, в который он не хотел бы пускать посторонних. До сих пор никто не спросил предводителя изгоев, как удалось ему не только вывести отряд из владений Моэртала и пройти затем половину страны, но и увеличить при этом армию изгоев чуть не вдвое. Бродяги считают, что им так повезло. Тэнгэр оставил мысли о вечном и позаботился о них. Нет, о них думал предусмотрительный Суварг. Не договорившись с одонтами, такую операцию не провернуть. Но попробуй сказать об этом вслух, и клеймо предателя уже не смыть. А кто мог знать тогда, что отыщется эта страна и сегодня он сможет говорить с ваном на равных и даже отнимать его земли? Тогда, чтобы выжить, пришлось кое-что обещать, да и выполнять обещанное. Своими людьми и своей страной он не поступился, а что до лазутчиков, проходивших с его ведома в области братьев,

то надо было сохранять мир. Только как объяснить это увечным и калеченным членам совета, которые знают лишь чувство непримиримости? Даже Ээтгон среди этих закосневших типов кажется гибким политиком. Ээтгон о многом догадывается и молчит, но если скандал выплывает, то и он окажется среди противников. А ведь пока на уголовных оройхонах сидел запутавшийся в интригах Тройгал — всего-то пара недель! — связь с ваном шла через этого громилу, что, скверно улыбаясь, машет ему рукой.

И Суварг кивнул благосклонно, а потом беседовал с палачом наедине и поставил его главным над этими оройхонами. И то сказать: соглядатая лучше держать на виду, да и связь с ваном так сразу рвать не стоит. Мало ли что может случиться...

Поимка Шоорана стала первым деянием Боройгала на высоком посту. Признав в Шооране своего давнего обидчика, Боройгал загорелся мстостью. Но, будучи палачом, он слишком хорошо знал, как быстро умирают жертвы даже в самых опытных руках, а Боройгал хотел мести сладкой и долгой. К тому же публичная казнь сразу после назначения на должность была нежелательной, а тайная, ежели секрет вдруг выплывает, вовсе грозила крупными неприятностями.

Размыслив, Боройгал велел запереть пленника в подземелье, решив не торопиться с казнью.

Первые сутки, а возможно, и несколько — счёт времени он потерял, — Шооран валялся в горячке, вызванной ядовитыми иглами. Всё тело вспухло; там, где иглы вонзились в плоть, образовались язвы; рана на руке нагноилась. Большую часть времени Шооран не сознавал себя. В темноте к нему приходил мёртвый уулгуй, уговаривал, звал в далайн. Шооран ругался на него и гнал, а вынырнув к действительности, промывал рану собственной мочой и вновь проваливался в бред. Всё же он выплыл и, очнувшись однажды, понял, что чёрный уулгуй отпустил его. С этого дня Шооран пошёл на поправку и начал замечать происходящее вокруг.

Тюрьма была обустроена ещё при Хооргоне, причём следована на совесть, по образцу темницы, оставшейся на Западном оройхоне. Так что, очнувшись, Шооран не мог сказать, в каком из помещений насквозь знакомого алдан-шавара он находится. Углы были спрямлены, вход забран дверью, а стены и пол выложены плотно пригнанными костяными пластинами. Ногти скользили по гладкой кости, бессильные заце-

питься хоть за что-нибудь. Сделано это было для того, чтобы скучающие узники не развлекались рытвём ходов в рыхлом камне. Подходить к двери не позволялось — примерно посредине камеру перегораживала решётка, открыть которую можно было лишь снаружи. Изучив своё обиталище, Шооран вынужден был признать, что у Моэртала ничего подобного не было.

Время от времени костяная дверь щёлкала, тюремщик вносил миску с водой и немного чавги или наыса. Шооран не знал, кормят его три раза в день или раз в три дня, время в глухом мешке остановилось, ни зрению, ни слуху было не за что зацепиться. Свет слизня, с которым входил тюремщик, казался ослепительным, но, уходя, сторож забирал его с собой. Любой человек в таких условиях скоро сошёл бы с ума, но Шооран, привычный к одиночеству, не сдавался. Он пел, рассказывал сказки и истории, воображая, что тюремщики сидят под дверьми и слушают его.

Однажды дверь распахнулась с грохотом и появившийся сторож принялся налеплять на стены ярких слизней. Через минуту в камеру вошёл Боройгал. При виде потерявшего человеческий облик Шоорана его лицо растянулось в ухмылке.

— Сидишь, красавчик? Сиди. Как видишь, я не прошаю обид. Но я справедлив. Ты не убил меня, я не убиваю тебя. Или ты уже сам хочешь в шавар? Тебе помочь?

Шооран молчал, не реагируя на слова. Боройгал вытащил небольшую коробку, осторожно потряс её. Обострившийся слух Шоорана уловил зловещий шелест. Перед ним было знаменитое орудие палача — коробка с зоггами.

— Ты хочешь сыграть со мной в «шелчки»? — проговорил Шооран. — Идёт. Как будем играть — в одежде или голые до пояса?

«Шелчки» — смертельная игра, на которую отваживались лишь самые отчаянные люди, потерявшие всякий интерес в жизни. Двое усаживались друг напротив друга, выпускали на гладкий камень пойманного зогга, затем один из самоубийц шелчком отправлял ядовитую букашку в лицо другому. Надо было, подставив ноготь, отпарировать удар, откинув разозлённого зогга обратно. Чаше всего через полминуты жало вонзалось в цель, и один из игроков исходил криком под сочувствующими взглядами любопытных. Хотя случались мас-

тера, которые перешёлкивались зоггом до тех пор, пока не погибал избитый зогг.

Шооран никогда не чувствовал желания испытать в этой игре судьбу и собственную ловкость, особенно сейчас, когда, просидев бог знает сколько времени в темноте, он полностью утратил точность движений. Но всё же что-то в его голосе заставило Боройгала испугаться. Палач проворно убрал коробку. Некоторое время он грозил, хвастался, ругался — Шооран думал об одном: останутся ли в камере слизни, когда Боройгал уйдёт. Наконец, распалившись до бешенства, но так и не решившись пройти за решётку, Боройгал выбежал из камеры. Шооран, с трудом дотянувшись, достал одного слизня и спрятал под жанч. Может быть, служитель и заметил исчезновение светляка, но не придал этому значения, и в течение нескольких дней Шооран сидел при свете.

Одно время он мучился идеей подкупить сторожей. При аресте цэрэги больше заботились, чтобы как следует побить Шоорана, а вот обыскиали его небрежно, поскольку предположить, что у нишего бродяги окажется что-то ценное, не могли. Так у Шоорана уцелели зашитые в рукав жанча заколки, когда-то принадлежавшие матери Бутача. Теперь Шооран раздумывал, а не предложить ли тюремщику белые полумесяцы в обмен на помощь в бегстве? Но чем больше вариантов он перебирал, тем яснее видел, что либо ему просто не поверят, либо заколки будут немедленно отняты. Сил на то, чтобы отстоять себя, у Шоорана не было.

По прошествии неведомых времён похищенный слизняк начал тускнеть и наконец полностью погас. Шоораном овладело уныние. Всё чаще он думал, что лучше бы вместо заколок скрыл в рукаве жало зогга. На освобождение он уже не надеялся: должно быть, Ай не сумела выполнить его просьбы либо Ээтгон не посчитал нужным выручать человека, с которым он обещал всего лишь не враждовать.

Темнота и безмолвие гасили разум, и лишь Боройгал, сам того не зная, помогал выжить. Время от времени одонт спускался в подземелье и, усевшись перед решёткой, подолгу говорил: издевался, старался запугать. Пугать Шоорана было нечем, зато эти посещения позволяли не сойти с ума. Шооран ждал прихода врага, стараясь уязвить его хотя бы словом. Палач не понимал иных выражений, кроме грубых, так что весь

расчёт сводился к тому, чтобы выбрать время, когда сказать гадость.

— Боройгал, ты мелкий жирх, — говорил Шооран в самый, казалось, неподходящий момент, и мучитель давился монологом, принимаясь рычать:

— Я сотру тебя в порошок! В харвах пересушу!

— Давай, — соглашался Шооран. — В своей норе и жирх кусается, а ты тут в родном шаваре.

Боройгал заходилися проклятиями и убегал, а Шооран ещё долго переживал встречу и изобретал, что скажет в следующий раз.

Но потом Боройгал перестал приходить, так что Шоорану остались только сказки и песни, которые он пел всё более задушевно и страшно.

* * *

Суварг умирал. Немногие понимали это, слишком уж нелепо всё произошло. Предводитель изгоев уже давно не ходил в сражения, а лишь посылал других, наблюдая за битвой с суурь-тэсэга. И кто мог предполагать, что братьям вздумается палить из ухэра вдаль, чуть не за пол-оройхона, и что камни долетят? Обломок на излёте ткнул Суварга в грудь, но Суварг тут же поднялся, костеря на чём свет стоит гнилоголовых братьев, и всё их потомство, и тот тухлый шавар, из которого они выползли.

Казалось, всё обошлось. Лишний удар ничего не значит для человека, на чьём теле оставили отметины гарпуны изгоев и хлысты кольчужников в ту пору, когда Суварг служил в цэрэгах, а затем копья бывших сослуживцев и укусы шаварного зверья, на которое пришлось охотиться в годы неудач. И всё же в нём что-то сломалось. Суварг исхудал, позеленел, боль в груди не отпускала, а во время кашля изо рта летели красные брызги. Суварг лежал в своих покоях, скучно выслушивал доклады, а за решениями отсылал к Ээтгону.

Постепенно Ээтгон собрал в своих руках всю власть. Совет изгоев, куда входили первые переселенцы, уже ничего не решал. Тех членов совета, что были потолковее, Ээтгон назначил управлять провинциями, сделав фактически одонтами, или поставил во главе войск. Остальные выслушивали мнение Ээтгона и покорно кивали, соглашаясь.

А дела в стране шли неважно, и решений приходилось принимать много. На севере не утихала война. Там были братья, среди которых, кажется, вовсе не осталось земледельцев, а одни цэрэги: оборванные, плохо обученные и скверно вооружённые, но голодные и потому неукротимо лезущие вперёд. С такими соседями война не могла не вспыхнуть. Когда вместо огненного болота в одночасье образовалось три сухих оройхона, оба государства немедленно попытались присвоить их. До этого земли северо-западного угла числились за изгоями, и, хотя на сухой полосе никто не жил, но стояла застава, не пускавшая через болото противника. Орда братьев буквально смела заставу, Жужигчин погиб во время бегства, и с тех пор в углу продолжалось бесконечное сражение, словно воскресли и вцепились друг в друга сказочные Ёр и Гур. Туда уходили силы страны, там был контужен Суварг, оттуда исходило зло. Война не давала заняться иными делами, которых тоже немало скопилось. Народ начинает проявлять недовольство. Когда они просились сюда, когда клянчили землю, то обещали всё, что угодно, а теперь возомнили себя хозяевами, и налоги, далеко не такие большие, как у вана, приходится брать силой. Плюс к тому — свары между переселенцами с юга и беглыми общинниками. Да ещё и неурожай, пришедшийся на последний год.

Хорошо хоть на границе с ваном всё спокойно. Сосед терпел потерю земель, а скорее всего, слишком втянут в войну с общинниками — говорят, там заваруха ещё круче здешней. Надо бы это использовать: договориться и вместе ударить по братьям. Хотя что потом делать с покорённой страной, уже сейчас больше похожей на гнилой труп, способный заразить весь мир? Жаль, никто не придумал шавара для целой страны.

Ээтгон поёжился. Какие мысли стали приходить в голову! Вряд ли они понравились бы Чаарлаху, хотя считается, что так и должен думать правитель. Многие, кстати, так и думают. Особенно южный наместник — Боройгал. Зачем Суварг назначил его? Говорил, что хочет сохранить устоявшийся порядок... но зачем же возвышать палача? И вот теперь ему доносят, что Боройгал завёл темницу и ночами пытается людей. Такого в свободной стране быть не должно, но нет времени заниматься сомнительным наместником. Главное, что харвах поступает с юга вовремя, и, когда речь зашла о том, что надо

бы самим наладить изготовление ухэров, то именно Боройгал вызвался строить мастерские у себя. Все были довольны, и никто не подумал, что же они делают. Решили, что работать в мастерских будут только добровольцы. Но много ли найдётся желающих в обмен на вкусную кормёжку и алдан-шавар варить нойт? Значит, придётся посылать преступников... и получается, что он своими руками создаёт каторгу, которую так ненавидел и боялся в прошлой жизни.

Ээтгон заскрипел зубами от бессильной злости на самого себя. Ну уж этого он не допустит! Хватит с людей и одного налога на харвах. Каторги не будет, как бы этого ни требовала безопасность страны. Он сегодня же, сейчас же, пойдёт проверять, как идёт строительство мастерских, а в первую очередь — свободны ли помещения в алдан-шаваре или там опять живут чьи-то родственники и готов ли запас продуктов — страна велика, а туйван растёт лишь на двух оройхонах, остальные края ещё слишком молоды. Пусть лучше без вина останутся солдаты и даже он сам, но макальщики должны иметь всё.

Откладывать принятые решения Ээтгон не любил. Предупредив охрану, чтобы через час она была готова к походу, Ээтгон вышел из алдан-шавара. Прежде надо сказать о своем намерении Суваргу, который хотя и лежит безразличный ко всему на свете, но всё же остаётся главой государства.

Оройхон, на котором находилась ставка правительства, ничем особо не выделялся. Алдан-шавар здесь был точно такой же, как на любом недавно обжитом оройхоне. Лишь большущая дверь изменяла его первозданный облик. А вокруг лежали ничем не примечательные поля, поднимались привычные тэсэги.

У выхода Ээтгон внутренне сжался. Он знал, что сейчас произойдёт.

Едва он появился на воздухе, как сморщенная карлица, грязная и оборванная, поднялась с земли и закричала тонким тягучим голосом:

— Адонт схва-атил Шаарана!

Уже полгода этот крик преследовал его. Когда впервые уродина появилась у его дома и прокричала эти слова, Ээтгон подозвал её и попытался выяснить, что случилось. Но дура оказалась неспособной хоть что-нибудь объяснить. Она лишь махала рукой: «Там!» — и требовала: «Идём!»

Этгон разузнал, что Ай действительно последний год бродяжничала вместе с Шоораном, одновременно с ним исчезала и появлялась, но это ничуть не помогло ему. В конце концов, что он может сделать? Даже если Шооран действительно схвачен каким-то одонтом, что же, из-за сказителя начинать войну с сильнейшим соседом? К тому же, скорее всего, Шоорана уже нет в живых. Только как это объяснить пустоглазой упрямце? Она караулила его у входа, тащилась вслед за конвоем на пылающий войной север, ждала, пока он разбирает споры между склочными земледельцами, и время от времени заунывно повторяла призыв:

— Адонт схва-атил Шаарана!

Ну и что? Ещё немного, здесь появятся свои одонты, точно такие же, как у вана. Так что не стоит напрасно беспокоиться.

Этгон кривил душой, убеждая себя, что ему нет дела до этих криков. Мысль о Шооране засела в мозгу, как заноза. «Цэрэг» — так с самой первой встречи Этгон прозвал Шоорана. Не было слова более ненавистного. И хотя от удачливogo красавца не осталось и следа, но для Этгона Шооран оставался цэрэгом, ибо с лёгкостью взял всё, о чём мечтал, но не мог получить Этгон.

Десять лет Этгон ходил вслед за Чаарлахом, ловил каждое слово названного отца, с готовностью сменил имя, потому что новое нравилось старику больше. Он поступал так не оттого, что Чаарлах спас его когда-то, вылечил и выкормил, а потому что Чаарлах был Чаарлахом; голос его заставлял сердце плакать и радоваться одновременно. Этгон заучивал наизусть долгие легенды и бесхитростные сказки, мучился сам и мучил струны сувага, но Чаарлах лишь улыбался снисходительно и повторял: «...ты замечательный мальчик, но это — не твоё. Займись чем-нибудь другим». А едва появился Шооран и произнёс два слова, Чаарлах назвал его поэтом. Не было в жизни большей муки, и Этгон мстил удачливому сопернику, как умел. И в то же время, когда они плечом к плечу дрались против солдат Моэртала, Этгон оберегал Шоорана больше, чем себя самого. Возможно, поступал так, желая победить в честной борьбе, а может быть, оттого, что имя «Шооран» будило иные воспоминания, пришедшие из невообразимо далёкого детства. Хотя имя могло просто совпадать.

Покои Суварга находились на этом же оройхоне в сосед-

нем алдан-шаваре. Суварг, натужно дыша, лежал в большой светлой комнате на широкой кровати, когда-то принадлежавшей Хооргону. Вздумавший за последние дни живот горбом выпирал вверх. Ээтгон присел возле постели, выдержал необходимую паузу и сказал:

— Я иду на два дня на юг. Проверять мастерские.

Лицо лежащего не изменилось, казалось, он вовсе не слышал обращённых к нему слов.

«А ведь когда вернусь, он уже умрёт», — подумал Ээтгон.

Суварг открыл глаза.

— Ты... — сказал он. — Хорошо, что пришёл. Слушай. Скоро страна твоя будет, больше некому, так ты запоминай. Страна маленькая, молодая, обычаев ещё нет. Не дай сожрать... Главное — государство сберечь. С ваном мирись, с ним торговать лучше, у него кремень. Мирись, а сам братьев науськивай, пусть они друг с другом дерутся.

— Я знаю, — сказал Ээтгон.

— И ещё. Поймай илбэча.

— Зачем?... — изумился Ээтгон. — Он же...

— Знаю! — Суварг произнёс это слово резко, своим обычным грубым голосом. — Он создал нашу страну, но он же её и убьёт. Может быть, Тэнгэр научил его думать о вечном, но о людях он не думает. Это он начал войну, когда сломал границу. И никто не знает, что он сделает в следующий раз. Поймай и убей.

— Я не смогу издать такого указа. Меня самого убьют.

— И не издавай. Прославляй его всюду, а сам усиль охрану побережья. Чтобы илбэчу, мол, не мешали. Рано или поздно он попадётся.

— Людей нет. Война.

— Не будет илбэча, и война кончится. Запомнил? А остальное ты сам сообразишь. Иди.

Ээтгон вышел от умирающего правителя в смятении. В словах Суварга был смысл, но всё же Ээтгон не собирался им следовать. Куда вернее говорил мудрый Чаарлах: «Илбэч меняет мир, и это хорошо. В непостоянном мире людям труднее заплесневеть». Суварг был удачлив и умён, но он давно покрылся рыжим харвахом, и ему хочется постоянства.

Охрана ожидала возле выхода из алдан-шавара. Дойти к угловым землям можно было часа за четыре, а Ээтгон славился быстрой ходьбой. Ни носилок, ни паланкинов, в каких пу-

тешествовало начальство соседних стран, у изгоев не полагалось. Да Ээтгон счёл бы оскорблением, если бы ему предложили такой экипаж. Только больного Суварга несли с фронта на руках.

Маленький отряд двинулся в путь по жаркой сухой полосе. Через полчаса Ээтгон заметил, что сзади семенит Ай. Её никто не гнал — обиженный безумец отнимает удачу. Видно, судьба, чтобы за ним, словно дух шавара, бродил этот уродец.

К цели Ээтгон добрался, когда небесный туман ещё вовсю сиял белым. Можно было успеть в мастерские, взглянуть, как роют и смолят ванны, монтируют макальник, но Ээтгон первым делом прошёл в ближайший алдан-шавар. Всё оказалось, как он и подозревал. В светлых залах жили семьи бывших цэрэгов, девки, существующие вольным промыслом, ещё какие-то подозрительные личности, чуть ли не дальние родственники вана. Разумеется, никто из них не собирался освобождать помещение. Зато склады содержались идеально. Нашлось и вино, и всё остальное. Другое дело, для кого берёт наместник это добро.

Прибежал запыхавшийся, вызванный с соседнего оройхона Боройгал. Принялся путано объяснять, что помещения освободит, как только появятся первые рабочие.

— Где они будут мыться? — перебил Ээтгон.

— Что? — не понял Боройгал. — Как мыться?

— Шесть дюжин людей должны после работы где-то мыться и переодеваться. Или они так и пойдут в алдан-шавар перемазанными в нойте?

— Я... не подумал, — пробормотал Боройгал.

— Надо было думать, раз взялся за это дело.

Вокруг правителя и растерянного Боройгала собралось не меньше дюжины цэрэгов и всякого мелкого начальства. Ээтгон выговаривал наместнику прямо при них. Боройгал потемнел, но слушал, кланялся и соглашался. А что можно сделать, если Суварг болен, вся власть у этого мальчишки, а подчинённые ненавидят выскочку-одонта и за глаза называют палачом?

— Алдан-шавар освободить, — приказывал Ээтгон. — Выделить место в устье одного из ручьёв, того, что возле мастерских, поставить навес...

— Будет исполнено... завтра же... прямо сейчас... немедленно...

Осмотрев склады, они поднялись вверх.

— А-адонт! — раздался знакомый крик.

Нет, с этим надо что-то делать. Сколько ещё будет позорить его перед страной тронутая страхолюдина!

Но тут же Ээтгон сообразил, что на этот раз Ай кричит иное:

— Вот адонт! Это он схва-атил Шаарана!

— Что это значит? — Ээтгон повернулся к Боройгалу.

— Н-не знаю... — попятился тот. — Первый раз её вижу.

— Врё-ёшь! — торжествующе крикнула Ай. — А кто тебя кусил?

— Где была темница у прежних властей? — потребовал Ээтгон.

Несколько рук с готовностью указало дорогу. Боройгал был чёрен.

Они спустились во второй ярус соседнего шавара. Здесь почти не оставалось теплиц с грибами, а тоже располагались кладовые, сокровищница, какие-то пустые комнаты, выложенные гладкой костью. Ээтгон поморщился: в подземельях должен расти наыс, и нечего зря тратить место.

Дальняя камера бесконечного тупика была заложена мощной дверью, сквозь которую просачивалось какое-то невнятное бормотание.

— Ключ! — потребовал Ээтгон.

— Нету, — пряча глаза, ответил Боройгал.

— Ломайте дверь!

— Сейчас ключ принесут, — сдался Боройгал и побежал за поворот.

Вынырнул он оттуда через пару секунд, размахивая вытащенным ключом. Ээтгон вставил выточенную кость в скважину, замок щёлкнул, дверь туго поддавалась. Шум в камере смолк, затем хриплый, но полный извительности голос произнёс:

— Приполз? Не можешь прожить без кутузки? Давай переселяйся сюда, тебе тут самое место.

— Свет! — выдохнул Ээтгон.

Несколько человек помчались за светляками, стражник выскочил и запалил факел.

В камере за решёткой на полу, превратившемся в сплошной слой нечистот, сидело существо, меньше всего напоминающее человека. Оно прикрывало чёрной лапой отвыкшие

от света глаза и силилось подняться с пола. Но голос, осипший и потерявший звучность, оставался голосом сказителя:

— Ээтгон?.. Ты долго шёл. Но всё равно, спасибо.

Ээтгон шагнул к решётке, бешено рванул её. Почему-то ему казалось, что прутья ломаются от рывка, словно стебли хохиура, но рыба кость выдывала и не такое и устояла.

— Ломайте! — рывкнул Ээтгон.

— Вот ключ, — робко сказал Боройгал.

— Ломайте, говорят! Хотя — стоп! Ты сам будешь сидеть здесь, пока не сгниёшь. Давай ключ.

Шооран наконец сумел выпрямиться и стоял, держась за решётку, всё ещё отделяющую его от воли.

— Не надо, — сказал он. — Он недостоин. Пусть возвращается в палачи.

Решётка упала, открыв проход, и вместе с ней упал Шооран, который уже не мог сам стоять на ногах. Шоорана вынесли из камеры, затем и из алдан-шавара. На воле уже сгушался вечер, но всё же багровые облака показались Шоорану нестерпимо яркими. Он застонал, загоразивая лицо.

— В тень отнести, в комнату? — быстро спросил Ээтгон.

— Нет, к воде.

Шоорана отнесли к ручью, опустили на берегу. Взбаламутив ленивые струи, Шооран влез в воду. Сначала лежал неподвижно, потом принялся стаскивать намокшую одежду, тереть чёрную кожу илом, словно пытался смыть само воспоминание о подземной клетке. Подбежал слуга, притащивший еду: миску каши и горячего, только что сваренного наыса.

— Потом, — отказался Шооран. — Сначала отмыться.

Ээтгон обвёл взглядом собравшихся. Те с серьёзными лицами наблюдали за мытьём узника, словно перед ними происходило действие, от которого зависит будущее государства. Лишь один воин, на панцире которого виднелся след плохо содранного значка, стоял спокойнее других.

— Кто такой? — спросил молодой правитель.

— Дюженник Цармуг! — отрапортовал воин.

В следующее мгновение он сообразил, что произнёс запретное слово, но не стал ни поправляться, ни извиняться, а продолжал неподвижно стоять, глядя в лицо Ээтгону.

— Отвыкай! — произнёс Ээтгон и добавил: — Будешь на этих оройхонах старшим. Хозяйство знаешь? — Цармуг молча кивнул. — Ну и хорошо. А с этим... — Ээтгон повернулся,

ища глазами Боройгала, но того не было. Зато с соседнего оройхона, от границы, донёлся взвизг раковины. Трубили тревогу.

— Ишь ты, где он уже, — подал голос Шооран. — Через полчаса у вана будет. Вану палачи нужны. Так что всё-таки выйдет по-моему.

* * *

На следующий день правитель Ээтгон покинул угловые оройхоны. Перед уходом он зашёл проведать Шоорана. Сказитель категорически отказался ночевать в алдан-шаваре — после долгого заключения вид тесных стен мучил его. Для Шоорана поставили палатку неподалёку от поребрика, откуда был виден мокрый оройхон. Возле локтя больного стояли блюдо с мясом, прозрачная фляга с тёмным вином и чашечка с густо уваренным сладким соком туйвана. Власти оройхона не могли понять, кого освободил из заточения правитель Ээтгон, но на всякий случай спешили проявить заботу о пленнике.

Неподалёку от расставленных яств лежала горка перемытой чавги, собранной наконец-то прорвавшейся к Шоорану Ай. Сама Ай сидела в ногах постели, ревниво посматривая на каждого, подходившего близко. Ээтгон присел напротив приподнявшегося Шоорана, некоторое время молча разглядывал его, словно сравнивая с каким-то сложившимся в душе образом. Лицо молодого правителя было непроницаемо, и Шооран подумал, что ещё два года назад все чувства Ээтгона можно было с лёгкостью прочесть по глазам. Но тогда это был загнанный одиночка, которому удар хлыста заменял любую политику. Теперь к Шоорану склонился государственный муж, умеющий многим поступиться ради главной цели, и невозможно сказать, какие чувства подавляет он в душе в эту минуту.

— На севере война, — произнёс Ээтгон, — и я не могу держать на южной границе большой отряд. Мне нужен здесь командир, который хорошо дерётся, но ещё лучше сохраняет мир. Я хочу, чтобы это был ты.

Шооран покачал головой.

— Я бродяга. Мои ноги привыкли быть мокрыми, а в каменные стены меня больше не заманишь и сдобной лепёшкой.

Я привык к чавге. Она для меня слаще, чем самый густой сироп.

— Прежде ты был цэрэгом, — напомнил Ээтгон, — и не жаловался на судьбу.

— Это было давно. Тогда я хотел от жизни иного... — Шооран запнулся на мгновение, но спросил: — Ты знаешь, что Явдай живёт в двух оройхонах от тебя?

Ээтгон кивнул.

— Почему ты не женишься?

— Зачем?

Они снова молчали, вглядываясь друг в друга — два человека с одинаково искалеченными лицами, но разными судьбами, и одна Ай, строго взиравшая из-под насупленных бровей, могла видеть это странное зеркало, где не было отражений, а только живые люди.

Потом Ээтгон произнёс:

— Не можешь простить?

— Не в этом дело, — покачал головой Шооран. — Я думаю, как поступил бы отец? Понравилась бы ему такая страна?

Шооран долго ждал ответа на свою двусмысленную фразу. Наконец Ээтгон произнёс:

— Ты выбрал лёгкий путь. Проще всего — уйти. А я этого не могу. Тебе кажется, что мне сладко жить, сытому, в сухости и тепле. А я должен отвечать за всех людей. Каждое моё слово, сказанное и несказанное, может стоить жизни дюжинам дюжин народу. Думаешь, я не вижу, что происходит? Но если бы не было этого, то было бы ещё хуже. Мне приходится распоряжаться чужими жизнями, и самое страшное, что я не знаю, к чему приведут жертвы, станет людям легче или я окончательно убиваю их. Впрочем, тебе этого не понять.

Шооран сидел потупившись. Ему казалось, он слышит собственные мысли, эхо безумных разговоров с чёрным уулгум.

Ээтгон встал.

— Я распоряжусь, чтобы тебя свободно пропускали через границу и в одну, и в другую сторону.

— Не надо. Я пройду и так. Пусть только мне вернут хлыст. Всё-таки я последний из вольного братства ночных пархов, я не хочу ходить как простой бродяга.

Ээтгон ушёл. В тот же день вечером собрался в путь и Шооран. Он ещё плохо держался на ногах, но не хотел лежать,

принимая заботу испуганных и недоумевающих жителей алдан-шавара. На прощание Шоорана одели во всё новое, дали с собой запас продуктов. Старый хлыст найти не удалось, зато в арсенале, куда его беспрекословно пустили, Шооран отыскал хлыст, изготовленный им много лет назад из усов первого убитого им парха.

Нести узлы Шооран был не в силах, и все вещи взвалила на спину безмерно счастливая Ай.

Они с лёгкостью пересекли границу — очевидно, Ээтгон всё-таки распорядился на их счёт — и в течение недели потихоньку продвигались на восток. Ай собирала чавгу, Шооран целыми днями сидел неподалёку от далайна и бесцельно глядел на мутные бугры. Влага расплёскивалась, убивая ыльков, колючих рыб, волосатых червей. Каждое движение приносило смерть, и не было в нём никакого смысла.

Силы постепенно вернулись к Шоорану, не вернулась лишь уверенность в себе. Прекрасная земля больше не привлекала его, не было и любви к людям. Какой толк любить людей, если их нельзя спасти, им нельзя помочь, нельзя сделать счастливыми? И люди, и мир нуждаются в одном — чтобы их оставили в покое.

Шооран сидел на расстеленной коже и плёл верёвочку из живого волоса, набранного вдоль далайна. В этом деле был смысл: верёвочка нужна, чтобы удобнее перетянуть тук с вещами. Правда, если она попадёт в чужие руки, то этой же бечёвкой можно будет связать человека. Но пока верёвка у него, она безопасна. Значит, её можно плести.

Подошла Ай, присела рядом. Погладила лапкой по жёсткому жанчу, певуче произнесла:

— Ты совсем забалел.

— Ну что ты, — отозвался Шооран, продолжая рукодельничать. — Я здоров.

— Забалел. Раньше ты ухажил по дилам, а я тебя жда-ала. А теперь ты не такой...

— А ты хочешь, чтобы я был как раньше? — спросил Шооран.

— Очинь.

Шооран усмехнулся. Вот единственный человек, которому есть до него дело. Ай хочет, чтобы он продолжал свою работу до самого конца, до гибели Ёроол-Гуя. Только как будет жить несчастная уродинка без породившего её болота, без

чавги, без вечных переходов по унылым мокрым оройхонам? Хотя до этого дело дойдёт ещё очень не скоро.

— Хорошо, — сказал Шооран. — Завтра мы пойдём туда, где есть дела.

Он достал из котомки кусок светлой, тонко выделанной кожи. Эту кожу Шооран собирался сменять на хлеб. Но сейчас он достал нож, вырезал из середины прямоугольный лоскут и начал по памяти чертить карту, обмакивая тростинку в чёрную сепию, выжеженную накануне из раздавленного тела многоногой твари.

* * *

Лучшим местом для работы по-прежнему оставался обширный залив между землёй старейшин и страной добрых братьев. Правда, там до сих пор шли бои, но Шооран решил, что это будет на руку ему: среди всеобщей неразберихи его труднее найти. К тому же вмешательство илбэча может спутать планы военачальникам и заставить их подумать о мире.

Решившись на действия, Шооран воспрял духом. Он вновь взялся за суваг и прошёл через страну, напомнив людям, что молодой Чаарлах не умер. Лишь у Торгового перешейка он спрятал инструмент, и дальше они с Ай шли скрываясь.

Страна старейшин уже почти не отличалась от остальных провинций сияющего вана. Впрочем, присланные ваном одонты отлично понимали, что землю им в управление дал всё-таки не ван, и не ленились поддерживать не только государя, но и Моэртала, благо что у человека есть для этого две руки. Моэртал распределил оройхоны так, что преданные ему одонты заняли земли возле перешейка, а пришлые оказались как бы в окружении и к тому же быстро попали в зависимость от местных баргэдов. Так что им ничего не оставалось, как помогать Моэрталу правой рукой, а на долю вана оставить левую. Но ведь всем известно, что левая рука ближе к сердцу и, значит, искренней.

Шооран с удивлением заметил, что изгоев на побережье стало значительно меньше, причём это были исключительно женщины. Он прошёл половину страны, не встретив ни одного бродяги. Вопрос разрешился просто: оказывается, Моэртал объявил набор в армию. Любой желающий мог стать цэ-

рэгом, а после победы над добрыми братьями получить землю на присоединённых оройхонах. Идея была не лишена смысла — теперь, когда граница проходила не только через мокрые, но и по сухим оройхонам, преимущество получала та армия, у которой было больше людей. Месяц вооружённые чем попало служители тренировались в приёмах рукопашного боя и воображали себя цэрэгами, а два дня назад отряды ушли к пылающей вспышками харваха границе.

Пользуясь безлюдьем мокрых мест, Шооран впервые после полугодового перерыва поставил оройхон, собираясь наутро догнать войско и затеряться в нём. Но наутро по оройхонам побежали гонцы. Они останавливались на скрещении поребриков, трубили в раковины и громко выкрикивали:

— Победа! Противник разбит и отброшен на четыре оройхона!

Вряд ли это была крупная победа. Шооран знал эти четыре оройхона. Он сам их построил и высушил, когда был в плену у добрых братьев. Четыре сухих оройхона выстроились по одному, соединяя две страны. Выходило так, что братья не разбиты, а всего лишь оттеснены в свои земли. Войти туда Моэртал не решился. Интересно, как он в таком случае собирается раздавать поля волонтерам? Четырёх оройхонов на всех не хватит, а обманывать людей в таком вопросе нельзя, ополчение может взбунтоваться.

Но как бы ни обстояли дела, затеряться можно только среди добровольцев. Ай и Шооран быстро направились на север. К полудню они были на захваченных оройхонах, вернее, на мокрой кромке вдоль них. Чем дальше они продвигались, тем более не по себе становилось Шоорану. Казалось бы, сейчас здесь должен быть шум, человеческая толчея, крики, а вместо того оройхон поражал безлюдьем. На сухом кто-то был, оттуда слышалось заунывное пение, иногда крики, не воинственные, а скорее пьяные, а на мокром не было никого, не встречалось даже караулов. Хотя караулы, конечно, находятся ближе к фронту. Но ведь здесь тоже ещё утром шли схватки, а нет никаких следов. Не потоптаны заросли хохиура, отблескивает зеленью белесый, не смешанный с грязью нойт, лишь в одном месте пролегла широкая тропа, словно здесь долго ходили взад и вперёд. Неужели Моэртал повёл наступление только в сухих областях? Ведь это значит подставить солдат под выстрелы ухэров, а потом бросить поредев-

шие цепи необученных добровольцев против отборных войск добрых братьев. После того как Моэртал вошёл в страну, противник уже не держит здесь новобранцев.

Встревоженный Шооран поспешил по размешанной ногами дороге. Тропа оборвалась у входа в шавар. Из обычно молчаливых глубин сейчас доносился плеск, хлюпанье, какие-то вздохи. Шооран высек искру, зажёл скрученный соломенный жгут, что обычно носил с собой. Пляшущий свет озарил пещеру. Такого шавара Шоорану ещё не доводилось видеть. Впервые шаварное зверьё не могло управиться с доставшейся ему добычей. Шавар был чуть не доверху забит телами людей. Может быть, даже наверняка здесь были цэрэги братьев, но всё же в основном сюда стащили погибших добровольцев. Многие дюжины людей, отправившихся в поход за землёй, а нашедшие конец в глубинах шавара. Конечно, погибли не все, и тот, кто выжил, сейчас получает землю — Моэртал, несомненно, сдержит слово. Но большинству никакая земля уже не понадобится.

Мудрый одонт второй раз воспользовался беспрюирышным способом, позволяющим разом решить две проблемы: изгоев и внешних врагов. Теперь враг разбит, а изгоев, тех, что могли представлять опасность, тоже нет. Через день шавар управится с непосильной кормёжкой и останется только победа. Всё рассчитано и принято во внимание, не учтено лишь, что полководцу может помешать илбэч.

Шооран отвёл Ай на несколько оройхонов назад, привычно приказал дожидаться его, а сам, едва сгустились сумерки, один за другим поставил три оройхона. Они вытянулись вдоль старой полосы, высушивая большую его часть. Выступившая вода залила шавар, прикончив обожравшееся и неспособное бежать зверьё. Через день вода схлынет, оставив после себядохлых тварей и груду обезображенных человеческих тел. Вряд ли те, кто будет оттаскивать их дальше, скоро забудут это зрелище. Моэрталу придётся постараться, чтобы его запомнили как счастливого завоевателя и доброго правителя. Куда вероятней, что за ним останется прозвище «кормилец шавара».

День Шооран отсыпался под охраной верной Ай, а вечером пересёк взбудораженный перешеек и завершил строительство, поставив ещё один оройхон. Теперь две страны соединялись таким широким проходом, что его нельзя было

считать перешейком, а просто частью суши. Хотя Шооран больше не питал надежды, что плотное соседство заставит людей жить мирно. Людей вообще нельзя принудить ни к чему. Тэнгэр бессилен их помирить, а Ёроол-Гуй поссорить, если они сами того не захотят. Сейчас они хотят драться. Может быть, потом будет по-другому. Но сколько ещё шаваров придётся набить мертвецами, пока наступит это «потом»!

По новому оройхону Шооран и Ай перешли в страну братьев. Делать здесь было нечего, но Шооран догадывался, что из владений Моэртала надо убираться пошустрей. К тому же Шоорана не оставляла мысль, что на другой границе, где сражается войско Ээтгона, может произойти нечто подобное. Конечно, Ээтгон не Моэртал, но ведь и в стране изгоев многое изменилось за последнее время. Вдруг Ээтгон решит, что именно это надо сделать для счастья тех, кто останется в живых. Ведь не секрет, что в мире слишком много людей.

За прошедшее время страна всеобщего братства одряхла ещё больше, хотя и вела успешные войны разом на двух фронтах. В общинах оставались только женщины, которые и кормили всю страну, выполняя как женские, так и мужские работы. Мужчины поголовно считались цэрэгами. Сказочная добыча, затопившая страну после захвата креста Тэнгэра, давно рассосалась неведомо куда, новых приобретений заметно не было, но весь народ, от несчастной затрюханной общинницы до самого старшего брата, жил надеждами на счастливое будущее, а значит, не жил вовсе.

В результате охотничий промысел, и без того не процветавший, захирел окончательно, харвах собирался только у самого поребрика, а население лишь в дни мягмара высыпало на побережье, чтобы заготовить хитин для неустанно работающих макальников. Артиллерия у братьев оставалась лучшей в мире, а вот остального оружия явно не хватало. Хлысты, ножи, ядовитые иглы — всё добывается в шаваре, а женщин туда не пошлешь. Армия братьев была вооружена летучими кистенями, и едва ли у каждого третьего имелась костяная пика или короткое копье. Части, сражавшиеся на фронтах, были экипированы лучше, а дозоры, проверявшие порядок на макром, случались и вовсе безоружными.

Такой порядок вещей как нельзя лучше устраивал Шоорана. Путники двигались через мокрые острова в стороне от поребриков, рискуя лишь случайной встречей с Ёроол-Гуем.

Грешно было бы не воспользоваться таким положением дел. Единственным условием безопасности оказывалось — не делать сухих участков. Но этого Шооран и сам не хотел. Он уже подарил этой стране несколько сухих оройхонов, а потом с болью смотрел на поломанные и засохшие туйваны. В самом деле, кому они нужны, если урожай на них появится ещё так не скоро?

Удар по далайну Шооран нанёс с уступа, украшавшего побережье страны. По рассказам Маканого, прежде здесь не переводились караулы, вылавливающие дьяволопоклонников и беглых общинников. Но теперь страна оскудела и преступниками, и стражами порядка. Уступ позволял наращивать землю в ином направлении, чем хотелось Шоорану, но это было не так и важно. В первый день он сделал два оройхона, на второй — один. Можно было бы и на второй день справиться с двумя, но Шоорану почему-то стало не по себе, показалось, что сейчас придёт Ёроол-Гуй. На самом деле Многорукый приплыл ночью и долго штурмовал пустой берег, заплывая с разных сторон и заставляя Шоорана и Ай то и дело перетаскивать вещи через поребрик.

Мечущийся Ёроол-Гуй был не самым лучшим соседом, и, едва забрезжил рассвет, Шооран ушёл с негостеприимного выступа. Теперь им приходилось держаться ближе к поребрику, хотя в том не было особой беды — громовые шлепки Ёроол-Гуя разогнали караулы на много оройхонов вокруг.

Путешественники миновали узкий створ, где далайн был стиснут надвинувшимися оройхонами и куда Ёроол-Гуй не любил соваться. В западной части страны тоже были болотистые мысы, построенные уже самим Шоораном, и здесь илбэч решил повторить ставшую привычной операцию. Он уже не опасался присутствия Ай — если бы она была способна осознать происходящее, она бы сделала это давно. Значит, либо разум его подруги не может подняться выше чавги и самых обыденных дел, либо проклятие Ёроол-Гуя оказалось бессильным перед существом, и без того слишком страшно проклятым жизнью. Шооран привычно оставлял Ай стеречь имущество, а сам уходил к далайну, зная, что за спиной всё будет в порядке.

Два оройхона с первого захода, два со второго. На третий день предполагался один остров, но не из-за Ёроол-Гуя или

людей, а просто оттого, что дальше строить было негде. Далайн становился заметно тесен.

Вернувшись к временной стоянке, Шооран увидел, что Ай нет. Исчезли и вещи, оставленные рядом с тропой, чтобы в случае беды Ай могла сама перевалить их на безопасную сторону. На поребрике была натоптана масса следов, уводящих в сторону сухих земель. С первого взгляда стало ясно, что здесь произошло: какой-то не в меру ретивый караул забрёл слишком далеко в глубь мокрых земель и обнаружил их стоянку. Судя по всему, цэрэги решили отличиться и вместо того, чтобы убить Ай, поволокли пойманное существо к своему начальству.

Шооран кинулся в догон. Он настиг цэрэгов, когда они были ещё на мокром. Двое совсем молодых парней волокли упирающуюся Ай, третий тащил тюк с вещами. Шооран не заметил никакого оружия, кроме кистеней. Юнцы громко обсуждали происшествие и думали, что вряд ли Ай могла в одиночку переть всё это имущество и, значит, на оройхоне осталась по меньшей мере ещё один человек. Цэрэги выглядели героями и полагали себя в безопасности.

«Позорно в спину бить...» — подумал Шооран, вытаскивая из-за пазухи хлыст.

В следующее мгновение обратившийся в мерцающий круг конец хлыста срубил одного из парней. Это напоминало не битву, а скорее рубку хохиура. Так бойцы тренируют руку, сшибая косо торчащие стебли, закручивая хлыст то в одну, то в другую сторону, чтобы он ни разу не успел обвиснуть. Второй цэрэг был зарублен прежде, чем повернулся на свист оружия. Третий бросил тюк и, взвизгнув, метнулся в сторону, но острый край уса уже достал его, и парень кувыркнулся в нойт.

— Правильно, — сказала ничуть не удивлённая и не испуганная Ай. — Не будут драться.

— Замолчи, — приказал Шооран.

Оттаскивая убитых с дороги, он старался не смотреть в их лица, но всё равно видел, как безнадежно молоды они были. Особенно тот, который пытался бежать: должно быть, в минувший мягмар ему исполнилась дюжина лет. Только юнцы и могли, выполняя дурацкий приказ, забраться так далеко.

Шооран не считал себя хоть сколько-то виноватым: парни должны были понимать, на что идут и чем рискуют. Всякий, ступивший на мокрое, может не вернуться домой. Хотя,

конечно, ничего они не понимали, война казалась им игрой, своей жестокости они не чувствовали, и хвала Тэнгэру, что хотя бы двое из них умерли, не зная, что умирают. На их лицах, совсем детских, осталось только удивление.

Три тела канули в шавар, и Шооран, стараясь заглушить ненужные мысли, вернулся к далайну, поставил последний из возможных здесь оройхонов, а потом долго мучился, вздымая влагу бессмысленным пузырьм, желая вызвать из глубины Ёроол-Гуя. Приход бога, который, конечно же, услышат на сухом, объяснит братьям, куда исчез караул, и тогда истинный убийца ещё некоторое время может остаться незамеченным. Но, видно, и многорукому исчадью не хотелось брать на себя чужое, и он не появлялся.

Впустую растратив гнев, Шооран вернулся назад, забрал Ай и как можно быстрее покинул бесконечно длинный и бессмысленный полуостров.

Следующий участок обещал быть столь же бесполезным. Здесь Шооран пробыл три дня. Словно искупая вину, которой он не ощущал, Шооран принялся ставить по три оройхона в день. В результате в суженном донельзя далайне объявился квадрат суши с жилым оройхоном, далеко отстоящим от остальной страны добрых братьев. Такую штуку Шооран уже проделывал в стране изгоев и у вана. Заканчивая работу, Шооран жалел лишь, что страна старейшин больше не существует, а Моэртал знаком с приёмами илбэча, так что четвёртый раз приём не пройдёт.

Дождавшись воды, Шооран смыл многонедельную грязь, заставил выкупаться Ай. Уродинке новая земля не понравилась.

— Зачем ты миня сюда привёл? — сказала она. — Тут чавги нет и даже хахиура нет. Пойдём атсюда.

— Хорошо, — согласился Шооран. — Завтра пойдём.

Перед уходом он хотел поставить ещё три оройхона, которые окончательно зажимали далайн в этом месте. Хотя и без того новый участок был прекрасно виден и со стороны вана, и от изгоев. Так что немало народу знало, где сейчас илбэч, но все эти люди жили на другом конце мира и никак не могли бы помешать Шоорану. Оройхоны он поставил, хотя потом пришлось бежать от Ёроол-Гуя, всё-таки втиснувшегося в узкий пролив.

Вид залитого водой, умывающегося оройхона произвёл на

ли. Но как жить в мире, если в нём не будет далайна, дающего кость, хитин, кожу, иные вещи, без которых немыслима жизнь? На этом заколдованный круг замыкался, можно было сколько угодно кружить среди рассуждений, словно вокруг далайна, и решение могло прийти, только если круг сольётся в точку, а далайн исчезнет. Возможно, тогда станет ещё хуже, и в этом будет виноват он. Виновен тот, кто делает. Значит, будем виновны.

Шооран уходил на запад. По дороге он дважды ставил оройхоны, каждый раз одну штуку, там, где они могли поместиться. Его не слишком волновало, идёт ли за ним Ёроол-Гуй или же он вернулся в открытую часть далайна. За прошедшие годы илбэч сроднился со своим врагом, научился предугадывать его поведение и легко уходит от преследования. Куда страшнее люди, но здесь, где и прежде жило не так много народу, а ныне добрая треть населения ушла на войну, ему угрожала лишь встреча с чрезмерно ретивыми мальчишками-охранныками. А их должна сдерживать близость Многорукого.

Создание новых земель стало таким рутинным делом, что Шооран лишь через три дня вспомнил, что среди последней тройки оройхонов был и юбилейный остров, завершивший вторую двойную дюжину. Впрочем, кому есть дело до юбилеев? Остров как остров. Строить пока ещё осталось больше, чем он уже построил.

На четвёртый день путники вышли к оконечности залива. Ёроол-Гуй не заплывал сюда уже добрых два года, и столько же времени здесь не утихала война. Короче, это было неудобное место. К тому же один раз он уже проходил здесь, создавая оройхоны, и наверняка обе стороны, умудрённые прошлым опытом, приняли меры, чтобы не упустить илбэча. Хотя зачем им илбэч? Вряд ли они сами могут это сказать. Скорее всего, их беспокоит, как бы илбэч не выстроил чего-нибудь противнику. И вообще, илбэч на свободе — это неучтённая величина, угрожающая власти. Думается, Ээтгон мог бы немало порассказать об этом. Что же, завтра у Ээтгона прибавится хлопот.

Постоянство — оборотная сторона беспорядка. Старая свалка и даже обломки макальника пребывали нетронутыми. Путешественники спрятались в том же трухлявом остове истлевшей рыбы. Дождавшись темноты, Шооран ушёл к линии фронта. Теперь она была гораздо ближе, чем в прошлый раз.

Идти пришлось два оройхона, и даже в темноте Шооран преодолел их за час.

Как и ожидалось, рождение оройхона вызвало панику на успокоившемся к ночи поле боя. Судя по движению факелов, на обоих берегах узкого залива находились войска братьев, а изгои были отогнаны на два оройхона южнее. Теперь братья спешно занимали оборону вдоль дальнего поребрика, а то место, где укрылся Шооран, вероятно, считали своим тылом. Значит, можно обождать здесь немного, тем более что в ночи вряд ли кто станет прочёсывать остров. К тому же трудно сказать, на чьей территории прячется илбэч. Первый удар явно был в пользу изгоев, которым станет проще подтягивать войска. Значит, братья решат, что илбэч работает с дальнего берега. Ведь они наверняка не забыли времён, когда строитель был в их руках и делал, что им казалось выгодным. Теперь они будут подозревать в том же своих противников.

В самом деле, когда часа через три Шооран начал создавать второй оройхон, он различил, как на другом берегу двинулись вперёд цепи факелов — братья предприняли ночную вылазку, надеясь захватить илбэча. Сквозь редкий туман выстрелы татацев доносились глухо, а воинственные крики и рёв раковин казались мирным шумом и ничуть не пугали. Атака была легко отбита изгоями, а Шооран спокойно кончил работу и ушёл, с трудом подавив искушение поставить ещё один оройхон. Он разбудил спящую Ай, коротко сказав: «Цэрэги!» — и через четверть часа они пробирались сквозь предутреннюю тьму в двух оройхонах от того места, где продолжалась стычка.

Шооран предполагал вернуться в восточную часть страны, некоторое время работать там, а к началу мая, когда его труды, несомненно, будут замечены, уйти к Моэрталу. Но уже на следующий день он пожалел, что не попытался переползти к изгоям. Прежде пустынные мокрые земли теперь прочёсывались патрулями. За один день Шооран заметил три группы цэрэгов. Конечно, это были дурно вооружённые и беспомощные новобранцы, Шооран мог бы идти сквозь них, усыпая путь рассечёнными телами, но это было выше сил. И без того слишком большой груз висит на нём. Шооран старался спрятаться, скрыться среди тэсэгов или в цветущем хохиуре, переползал с места на место, пачкаясь в нойте и кося глазом, поспекает ли за ним Ай. Дурнушка по первому знаку

Шоорана покорно падала в грязь, подолгу лежала, затаившись среди стеблей хохиура, и, сдерживая сопение, ползла вслед за своим господином. Опасность, которую несли с собой цэрэги, была отлично знакома ей и не затрудняла убогий разум.

Из разговоров проходивших мимо солдат Шооран понял, что его оройхоны обнаружены и илбэча решено поймать. Выручало то, что сыщики смертельно боялись чудотворца, перед самым именем которого привыкли преклоняться. Воины поминутно касались лба и щёк кончиками пальцев, словно не они охотятся за святым чудотворцем, а за ними гонится дух шавара, которого приходится отгонять ритуальными жестами.

За трое суток измученные бессонницей путники едва прошли две трети пути и достигли последней группы оройхонов, поставленных Шоораном по дороге на запад. Дольше обходиться без сна было невозможно, Шооран решил остановиться на днёвку, надеясь, что на самый конец выступа караулы не сунутся.

Спали по очереди. Первым дежурить взялся Шооран. Он поступил так, зная, что Ай не разбудит его, а целый день просидит, следя за опасностью и ожидая, пока Шооран проснётся сам.

Половина дня прошла спокойно, и Шооран наконец смог уснуть, велев Ай разбудить его, как только стемнеет. Однако ему не пришлось отдохнуть и двух часов. Посторонний звук проник в сознание, заставив открыть глаза и насторожиться, а в следующее мгновение Ай коснулась его плеча, потому что тоже услышала шум.

Шооран поднялся на суурь-тэсэг, прищурившись, оглядел даль. Крошечные человеческие фигурки, растянувшись длинной шеренгой, двигались по соседнему оройхону. Несомненно, это была облава, хотя и странная. Шооран различил, что большинство в цепи составляют женщины, лишь кое-где виднелись доспехи цэрэгов. Неумолчный крик доносился со стороны загонщиков. Вскоре Шооран разобрал и слова:

— ...яви славу твою в делах светлых илбэчей твоих, их же любим благодарным сердцем, во все века, покуда стоит да-лайн!

Шооран усмехнулся. Этого следовало ожидать — всё приходит к своей противоположности. Теперь он не случайный пленник, его ловят с молитвой на устах, зная, кого хотят пой-

мать. Ну, так и быть, раз они просят, явим дела светлых илбэчей!..

Ставить оройхон, по которому можно было бы перебежать на материк, было уже поздно. К тому же это значило бросить здесь Ай. Шооран поспешно спустился с холма, схватил котомки, позвал Ай и через пару минут был на берегу. Укрыл Ай за крайним из тэсэгов, приказал:

— Смотри туда и не оборачивайся ни в коем случае! — А сам, сжав зубы, шагнул к далайну.

Если бы женщины были одни, то, увидев бушующие волны и встающую из бездны землю, они бросились бы в бегство. Но, верно, среди цэрэгов находились не только мальчишки. Им удалось остановить попятившуюся цепь. Но Шооран и не рассчитывал на лёгкую победу. Едва оройхон встал, он кликнул Ай и, не давая ей времени сообразить, что произошло и почему всё вокруг изменилось, побежал через оройхон к дальнему его концу. Двигаться приходилось перебежками, укрываясь среди камней, чтобы беглецов не заметили с вершины какого-нибудь суурь-тэсэга. Неизвестно, что тогда случится, но добра это явно не сулит.

Они переползли завалы ноздреватого камня и укрылись на дальнем конце острова. Отсюда можно было ставить землю, которая откроет путь на материк. Сзади доносились истерические рыдания, крик, слова молитв и команд. Но было ясно, что через полчаса цэрэги справятся с беспорядком и поставят бабье войско двигаться вперёд. За полчаса надо уйти.

Двадцать минут ушло на оройхон. Пересекать его тоже пришлось, скрываясь, а это значит, что у противника было достаточно времени, чтобы поспеть с другой стороны и преградить дорогу. Оставалось уповать на неразбериху.

Продираясь сквозь усыпанный дохлыми тварями поребрик там, где прежде был берег далайна, Шооран заметил спешащие вдалеке фигуры. Он кинулся было на восток, но и там показался отряд — не меньше двух дюжин цэрэгов, идущих чуть не по самому берегу. Они даже не считали нужным скрываться, а шагающий впереди дюженник, дико фальшивя, горланил песню:

Для того цэрэг на свете есть,
Чтоб за всех за них и пить, и есть!

У нырнувшего в хохиур Шоорана отлегло от сердца. Он узнал Турчина. Значит, фронт прорван, сюда идут войска Моэртала.

Им тоже не стоит показываться на глаза, но и ловить илбэча они не расположены. Шооран выждал, когда скроется передовой отряд, и пошёл на восток, подальше от места неудачной стоянки. Ай неутомимо месила грязь и лишь вечером, когда они устраивались на ночлег, сказала:

— Уф! Здорово бижали! Устала...

Ни о каких чудесах она не помнила, а может быть, просто не заметила их.

* * *

Обычно последний урожай перед мягмаром бывал скудным. Источники воды слабели, и хлебная трава не наливалась как следует. Но в этом году засуха наступила раньше, и уже одиннадцатый урожай был беден. Прежде такое событие породило бы толпы голодающих и беспорядки во всех частях света. Теперь земли было довольно, так что государство вана и республика изгоев легко пережили неудачный конец года. А для живущей впроголодь страны добрых братьев неурожай оказался роковым. Войско могло сколько угодно грозить женским общинам, но если еды нет, то никакие угрозы не помогут, придётся затягивать пояса.

Голод быстро сломил непобедимую армию: в обмен на хлеб цэрэги открыли фронт и дюжинами дюжин стали переходить на сторону Моэртала. Тут-то и пригодились великому одонту заранее вытребованные у вана баргэды. Привыкшие к порядку и повиновению, они строго управляли обрётёнными областями.

Моэртал не спешил захватить побольше земель, тем более что кое-где братья ещё оказывали сопротивление. Вместо этого он ещё раз изъявил полную покорность вану и через своих послов (сам ехать на Царский оройхон остерётся, сославшись на многие дела) наладил поток переселенцев. Моэртал хорошо изучил врага и понимал, что разгромить войско ещё не значит победить в войне. Самая большая опасность скрывалась в наплевательском отношении ко всему на свете и в неистребимой привычке к воровству. Неизвестно, знал ли одонт о мерах, принятых Маканым, но действовал он похо-

жим образом. Земли покорённой страны щедро раздавались переселенцам с юга, так что общинники оказывались в окружении людей, привыкших беречь и защищать своё добро. Часть младших братьев была отправлена в земли вана, где освободилось немало полей.

Догадываясь, что на двенадцатый месяц хлеб уродится ещё хуже, Моэртал объявил, что с первого урожая налог братья не будет. Никто не разбогател на этом распоряжении, но наместник приобрёл славу доброго и щедрого правителя. Слух об этом дошёл до ушей вана, вновь пробудив подозрения самодержца, но теперь государь уже не мог диктовать свою волю Моэрталу. Пожалуй, в случае конфликта верх взял бы Моэртал. Но тот понимал, что воюет счастливо только потому, что старается воевать поменьше. Уроки активной войны против изгоев многому научили его. «Лучшая война — это мир», — повторял командующий и легко принимал на службу и кольчужников старейшин, и вооружённых братьев, и всех остальных своих врагов. Не забывал только делать так, чтобы они зависели от него и, значит, поддерживали его власть. Тем более не собирался Моэртал ссориться с ваном. Лучше иметь плохого союзника, чем хорошего врага. Сейчас ничего не стоило отделиться от метрополии, с Царским оройхоном его связывала сухая полоса, которую не так сложно перекрыть, но Моэртал помнил, что мир меняется быстрее, чем люди, а илбэч жив и ходит рядом.

Илбэч объявился в стране вскоре после вторжения к добрым братьям. Сперва известие о том, что шавар с мертвецами пересох, привело одонта в бешенство, но, успокоившись, он был даже благодарен за урок. Теперь он знал, что чудотворца следует принимать в расчёт при каждом деле, а страшные слухи о горах изгрызенных трупов удалось погасить. В конце концов, за погибших власть не отвечает, а живые получили земли даже больше, чем им обещали.

Некоторое время спустя илбэч вернулся, и то в одном, то в другом месте начали возникать оройхоны. Сегодня Моэртал уже не был заинтересован в новых областях, но мешать строителю не собирался. Не выставил караулов и у сухой полосы, хотя знал, что ван год назад поступил именно так. Правда, неподалёку от дороги в метрополию располагались каторжные мастерские страны старейшин, которые Моэртал давно восстановил. На мокрых землях там собирали нойт, а рядом, конечно, дежурили конвоиры. Но ведь это не секреты и не за-

ставы, которые можно рассматривать как враждебный акт. Просто илбэчу будет здесь неуютно.

Так и надо действовать. Только теперь, разменяв пятую дюжину лет, из которых две дюжины он пробыл одонтом, Моэртал чувствовал себя настоящим государственным деятелем. А началось всё с того времени, когда его путь пересёкся с дорогой илбэча. Не только тропы на оройхонах пересекаются, скрещиваются и человеческие судьбы, и люди идут дальше иными. Всегда и всюду Моэртал чувствовал себя уверенно, заранее знал, что могут сказать и сделать другие люди, и только илбэч оставался тайной. Не раз в мыслях Моэртал беседовал с загадочным строителем, одного его спрашивал и лишь от него ждал ответа. Илбэч представлялся маленьким старичком с ехидным взглядом. Моэртал давно признал, что ошибался, считая Чаарлаха илбэчем, но избавиться от старого представления не мог, и илбэч неизменно предстал в облике сказителя. Он сидел на топчане в тюремной камере, у дверей стоял вооружённый цэрэг, и сама дверь была наглухо закрыта, но всё же илбэч оставался на свободе. Он, улыбаясь, произносил что-то такое, от чего запоры падали, а самый верный из цэрэгов уходил следом за стариком. Тайна илбэча не давала Моэрталу успокоиться и берегла его от ошибок. Моэртал мучился невозможностью понять чудотворца и был благодарен ему за это.

Неустрашимый одонт был готов, если очень понадобится, выступить против кого угодно, но не против илбэча. Пусть ходит где угодно, он не станет мешать, в крайнем случае осторожно направит в нужную сторону. А то, что за последние две недели на побережье выросло восемь новых оройхонов, так вреда от этого нет. Пусть баргэды потрутся. Если хохиур не растёт, он покрывается рыжей плесенью и с этой минуты обречён сгореть в мгновенной бессмысленной вспышке. За примерами далеко ходить не надо.

* * *

А мягмар был близок, и Шоораном овладело беспокойство. Слишком легко им с Ай стало жить в опустевших мокрых краях. Такое было с ним в землях изгоев, а потом на северной оконечности страны вана. Оба раза его едва не вычислили и не разоблачили. С тех пор благополучие пугало Шоорана, и он решил обязательно уйти отсюда прежде начала мягмара.

Жаль было покидать насиженное место, тем более что Шооран подготовил хороший плацдарм, чтобы зажать северо-восточный залив. Но ведь не один он понимает, как удобно здесь работать. А то, что вокруг спокойно, так перед появлением Ёроол-Гуя далайн становится особенно тих.

Оставалось выбрать путь. В агонизирующую страну добрых братьев идти не хотелось, у вана тоже всё было знакомо до омерзения. Умел бы ходить по аварам, ушёл бы вслед за Мозолистой Пяткой. Бесконечно мала вселенная по сравнению с миром человека. Тесно и некуда идти.

Шооран выбрал край вана. Чтобы попасть туда, ему пришлось несколько раз пересекать область старейшин, сбивая со следа тех, кто захотел бы угадать выбор илбэча. Разбросав в течение трёх дней пять островов, Шооран поздним вечером, когда охрана убралась с мокрого ближе к лагерю каторжников, перешёл на соседний материк и удалился от перешейка на безопасное расстояние. Никакой охраны он не встретил, решив, что перехитрил сторожей, не ожидавших, что илбэч в один день и поставит оройхон, и уйдёт из страны.

Истекали дни плохого, неурожайного года. Как и предвидел Моэртал, последний месяц оказался голодным. Ручьи пересохли, бовэры беспомощно хлопали короткими лапами по камню и недовольно разевали пустые пасти. Хлебная трава на полях скукожилась и пожелтела. Скупое текущей из расщелин воды едва хватало на питьё. На мокром вновь появился народ. Это были не изгой, а добропорядочные земледельцы, которых неурожай погнал за чавгой. Страшно подумать, что было бы, случись такое в те времена, когда оройхоны были перенаселены.

Все ждали мягмара и новой воды.

В положенный час далайн вскипел, покрывшись пеной и щедро кидая свои дары пришедшим людям. Шооран к тому времени был на центральном мысе. Там они с Ай и провели весь мягмар, занимаясь привычным ремеслом: охотой и разборкой завалов. Жаль, что никто пока не соглашался менять кожу и кость на хлеб.

Едва опали пенные тэсэги, мокрый край опустел. Женщины круглые сутки заготавливали наыс, мужчины правили инструмент и караулили урожай. Шооран и Ай остались на берегу одни. Через неделю-другую, когда схлынет грибная страда, здесь снова появятся люди, а пока можно работать безбоязненно.

За четыре дня Шооран поставил девять оройхонов, а потом, уступая уговорам Ай, ушёл на запад, в землю изгоев. Ему и самому хотелось узнать, как там обстоят дела, а может быть, и помочь знакомым, которые ещё оставались в тех местах. Хотя чем он мог помочь? Только строить землю, как и всюду. А потом снова идти вокруг сужающегося далайна. И снова строить и идти дальше, не зная, куда приведёт его кружение на месте.

* * *

Со времён великой битвы за алдан-тэсэг не было у бес-
смертного Ёроол-Гуя большей мечты, чем поймать и пожрать
илбэча Вана. Но когда бы ни выныривал Многорукий из мутных
волн, Ван был наготове и успевал уйти от жадных рук, пере-
прыгнув через неприступный для владыки далайна поребрик.
И однажды, устав от бесплодной погони, Ёроол-Гуй сказал:

— Зачем ты убегаешь от меня, илбэч Ван? Разве ты не ви-
дишь, что победа всё равно останется за мной? Ведь я вечен, а
ты скоро умрёшь. Зато в моих руках смерть будет быстрой и не
такой мучительной, как от старости и болезней.

— Может быть, ты и прав, — возразил Ван, — но я пока не
собираюсь умирать. И вообще, я не хочу, чтобы ты меня ел.

— Тогда давай заключим договор, — предложил Ёроол-Гуй. —
Что бы ты хотел получить в обмен на то, что позволишь себя со-
жрать?

— Ты полагаешь, такая вещь есть? — воскликнул удивлённый
Ван.

— Конечно, — подтвердил Многорукий. — Надо только
вспомнить, что ты хочешь сильнее, чем прожить до конца свою
бесконечно короткую жизнь.

— Что же! — воскликнул Ван. — Я согласен. Я всегда хотел
знать, правда ли, что у далайна нет дна?

— Конечно, нет, — сказал Ёроол-Гуй. — Я свидетельствую
тебе об этом.

— Нет, так дело не пойдёт. Сплавай и узнай, правда ли там
нет дна, а если его нет, то что там есть?

— И тогда ты сам пойдёшь в мою пасть?

— Да. Клянусь!

И Ёроол-Гуй нырнул, думая про себя:

«Если старик вырыл бездонный далайн, что мне стоит про-
плыть его из конца в конец?»

Месяц Ёроол-Гуй не появлялся у берега, а когда приплыл, то сказал Вану:

— У далайна нет дна. Я нырнул так глубоко, что догнал камень, брошенный мне в жертву самым первым человеком в самый первый день далайна. Камень всё ещё падает в бездну.

И Ёроол-Гуй разинул свой самый большой рот.

Но Ван проворно отскочил за поребрик и сказал:

— А может быть, дно находится ещё ниже? Ведь камень не кончил падать и глубина далайна не иссякла. Ты не смог доказать, что у далайна нет дна. Ступай и нырни как следует.

Разметав горы влаги, Ёроол-Гуй упал в глубину, и его не было год. Но по исходе года он вынырнул и позвал илбэча.

— У далайна нет дна! — возгласил он. — Я нырнул так глубоко, что влага там сгустилась, как плотное тело. Когда камень достигнет тех глубин, он повиснет, не в силах падать дальше.

— Так, может быть, это и было дно? — спросил Ван.

— Нет! — объявил бог далайна. — Камень не сможет падать дальше, но я поплыл сквозь эту густую влагу и спускался ещё двенадцать недель, но не видел никакого дна.

— Я думаю, ты просто его не достиг, — сказал Ван. — Ведь глубина далайна не иссякла.

— Что же мне, так и плавать взад-вперёд, кружа, словно подбитая тукка? — вскричал Ёроол-Гуй. — Найти можно только то, что есть, а если дна нет, как я докажу тебе это?

— Ты должен проплыть всю бездну далайна, — сказал Ван.

— Но ведь у него нет конца! Чтобы проплыть его, потребны бессчётные века! За это время ты успеешь умереть своей смертью. Только вечность ещё глупее дурной бесконечности. О них славно думать, сидя на алдан-тэсэге, но нырять в угоду тебе я больше не стану!

— В таком случае тебе не придётся меня съесть, — сказал Ван, прыгнул с поребрика и ушёл на дальние оройхоны, насвистывая песню и сбивая пыльцу с метёлок цветущего хохиура.

ГЛАВА 11

Наступил странный год.

Никогда прежде Шооран не строил так много и не жил так пусто. Когда он создавал свою страну, он знал, чего хочет

достичь. Кроме того, в те времена создание оройхона представлялось новым и трудным делом, и если в какой-то день он ставил два оройхона, то потом приходилось долго отдыхать. Теперь и три оройхона не казались сложными, но не ставить же себе ближайшей целью застроить весь далайн?.. Конечно, задача выполнима, но пока за десять лет он не решил её и наполовину.

В детстве и потом, потеряв Явдай, он подолгу жил отшельником, но так происходило оттого, что людей не было рядом. Теперь вокруг были толпы народу, но он оставался один. Бессловесная Ай заменяла ему всё человечество. Хотя на одиночество Шооран не жаловался: может быть, просто привык или боялся потерять единственное близкое существо. Со времени освобождения из тюрьмы Шооран ни разу не взглянул ни на одну женщину. Те ночи, когда не надо было спешить к далайну, он проводил рядом с Ай и иногда, проснувшись среди ночи, прислушивался в темноте к дыханию уродливого бесполого существа и с нежностью думал, что, вопреки всем проклятиям, он не одинок.

Месяц они провели в земле изгоев. Пока не был снят первый урожай и люди жили впроголодь, Шооран не появлялся у Тамгай и вообще старался не выходить на сухое, тем более что такое хождение могло обернуться плетью. Зато строил он чуть не ежедневно.

Дело облегчалось тем, что, как только начали появляться оройхоны, жители стали беспрекословно выполнять введённый ещё Суваргом закон, и в запрещённые дни на мокром никого не было. К тому же и Ёроол-Гуй за месяц не появился ни разу, очевидно, махнул на эти гиблые места всеми своими руками и предоставил илбэчу творить здесь всё, что угодно. Вскоре почти не оставалось мест, куда можно было бы пристроить новый участок суши. Тогда взор Шоорана обратился на оконечности заливов. Два узких рукава по-прежнему отделяли страну изгоев от вана и разорённых добрых братьев. Конечно, на границе давно не было огненных болот, но всё же перешейки оставались довольно узкими. Когда-то это позволяло стране уцелеть. Теперь ей предстояло научиться жить.

Последние месяцы война на севере замерла, хотя мира никто не заключал. Просто братья были уже не способны вести войну, их отряды превратились в банды, грабящие собственную страну и согласные помогать любому, кто даст хлеб,

мясо и вино. Но ни изгой, ни Моэртал не спешили захватывать всю страну. Правители прекрасно понимали, что эту землю надо не завоевывать, а осваивать. Мирные жители, развращённые «ничейностью» земли, были здесь гораздо опаснее, чем воинская сила.

Ээтгон вернул угловые земли, когда-то потерянные Жужигчином, оттеснил братьев ещё на пару оройхонов вглубь и остановился. Теперь граница проходила как раз по развалинам каторжных мастерских. Идти дальше, на широкий простор, который было невозможно оцепить солдатами и хоть как-то изолировать, Ээтгон не решился. И Шооран задумал подтолкнуть его на этот шаг. Всё равно рано или поздно узкие заливы придётся уничтожать.

К тому времени созрел первый урожай, и Шооран позволил себе выйти на сухое и объявиться у Тамгай. Вдова сушильщика пережила голодное время довольно благополучно. Неделью Шооран отдыхал, работая на поле, помогая управиться с первым после мягмара и потому обильным урожаем. Вечерами пел для живущих в округе земледельцев, рассказывал сказки и правду о том, что творится на другом конце мира, который он обошёл кругом. Возился с сынишкой Тамгай и даже смастерил подрастающему тёзке маленький, но вполне настоящий суваг. А потом выбрал время и с мешком сырого харваха отправился к аварам. Ведь уже наступил новый год и вновь надо платить огненный налог.

Как и в прошлый раз, он изготовил четыре ямха порошка, аккуратно разделив его на две равные части. При виде харваха Тамгай расплакалась, а вечером долго вспоминала Койцога и всё старалась угостить чем-нибудь вкусеньким Ай. Ай сидела неестественно прямо, время от времени поворачивала голову, словно и здесь высматривала грозящую опасность. Рассказы выслушивала молча со всегдашним сосредоточенным видом, а к угощению не притронулась. Тамгай вздыхала и гладила Ай по голове, пытаясь расчесать редкие бесцветные волосы.

Со вторым пакетом харваха Шооран пошёл ночью на соседний оройхон. В полной темноте прокрался к палатке, приподнял угол навеса и замер, услышав негромкий и очень спокойный голос Явдай:

— Не надо это. Забери.

В первое мгновение Шооран даже не понял, что ему гово-

рят. Им вдруг овладело чувство, что всё это уже было однажды: ночь, найденная на ощупь палатка и неестественно спокойный голос не спящей женщины. Лишь потом он вспомнил, что такое было не с ним. Это Энжин тайно возвращался домой в ночь после казни Атай.

— Это харвах, — невпопад произнёс Шооран.

— Я знаю, — донеслось из темноты. — Мне не надо, я уже насушила свою долю сама. Это подари кому-нибудь другому.

— Я его сделал для тебя, — сказал Шооран. — С ним ничего не случится, оставь, пусть он лежит до будущего года. Ты не думай, я ничего не потребую от тебя. Я скоро опять уйду и не знаю, когда сумею вернуться. Но я хочу быть спокойным за тебя. Возьми это хотя бы ради дочери.

Темнота долго молчала, потом снова донёсся ровный голос:

— Я, наверное, причинила тебе много горя. Прости меня, но иначе я не могла.

— Ничего, — сказал Шооран. — Так и должно быть.

Он положил пакет на землю, бесшумно шагнул в сторону и через минуту уже шёл, привычно нащупывая ногой кромку поребрика.

Через день он совершил набег на северный залив. К вечеру вышел на его дальнюю оконечность, дождался темноты и начал строить. Мысль, что каждый оройхон создаёт за его спиной три сухих, подстёгивала и без того возбуждённую психику. Вновь он напоминал себе безумного Энжина, когда тот бежал вслед за отступающим далайном, грозя ему и уничтожая. Энжин упал, создав три острова, Шооран справился с четырьмя, а потом торопливо ушёл, попросту убежал, даже не прислушиваясь к шуму, не думая, заметили его работу или же изменившийся мир предстанет изумлённым глазам лишь завтра.

На следующий день набег повторился, хотя на этот раз сил хватило лишь на три оройхона. Через день узкий залив уступил место ещё трём участкам суши. Шооран хотел идти туда и четвёртый раз, но вовремя передумал. Надо было считаться с тем, что Тамгай может сопоставить ночные путешествия гостя с возникновением цепи оройхонов, о чём уже трубили по всей стране.

Теперь северная граница тянулась на дюжину оройхонов — расстояние воистину сверхъестественное! Ни о каких

военных действиях со стороны братьев не могло быть и речи, зато нищие общинники хлынули на запад рекой. На самом деле их оставалось не так много, но страна была велика, и даже это небольшое количество грозило захлестнуть край изгоев. Земли изгоев ошетинились колючими изгородами, бывшие бродяги и переселенцы взялись за хлысты и гарпуны. Нашествие остановилось. Вероятно, вскоре оно вновь началось бы и никакие ограды не смогли бы остановить голодных людей, но через пару дней очистившиеся земли дружно зазеленели всходами хлебной травы, и вскоре большинство участков оказалось захвачено недавними общинниками. В неначавшейся войне победили заборы. Один за другим поделённые оройхоны просили у Ээтгона помощи и защиты.

Шооран в это время был далеко. Верный привычке уходить от шума, он бежал в земли вана. Ай, без которой он уже не мыслил себя, безропотно шла следом. Выйдя к уцелевшей части далайна, Шооран узнал, что здесь об Ёроол-Гуе не забывали. Чуть не каждый день приходили известия, что Многорукий разграбил один из прибрежных участков. Ёроол-Гуй приходил так часто, что во многих местах чавга не успевала вырасти, и путешественники жили впроголодь, хотя были, наверное, единственными бродягами на всём побережье.

Месяц в стране вана принёс ещё дюжину оройхонов, причём большинство из них приращивало сухие земли. Местом стоянки Шооран выбрал западное побережье, где Ёроол-Гуй не появлялся. На западе Шооран мог представляться сказителем, и никто не связывал его имени с делами, творившимися на восточном побережье. Людям, годами сидящим на одном клочке земли, не под силу представить, что за день можно пройти такое расстояние. Ведь это так далеко: полстраны! А на самом деле — четыре или пять часов хорошего хода. Не так длинны оказывались дороги Мозолистой Пятки, можно понять его недовольство.

Через месяц Шооран засобирався в путь, но вновь встретил кордоны на пути к Моэрталу. На этот раз Шооран не повернул, а твёрдо решил пройти дальше. Он начал прокладывать дорогу, расширяя перешеек. Поставил один оройхон, ожидая облав, отскочил назад, создал уже не для Ёроол-Гуя, а для людей пару отвлекающих оройхонов: пусть в совете вана думают, что илбэч повернул назад, — вновь вернулся к заставам, увеличив проход до целого сухого оройхона, но и теперь

не стал уходить, а направился на запад. Шёл напрямик через сухие земли, благо что был хорошо одет и предлагал для продажи добытый на берегу волос и костяные иглы. На западе ещё оставалось несколько мест, где можно ставить оройхоны, и Шооран в одну ночь поставил сразу три. Потом, хотя его качало от усталости, отправился в обратный путь. Вернулся за светлом, вечер и часть ночи отсыпался под присмотром Ай, а перед рассветом безо всяких тревожлений ушёл к Моэрталу. Уже на другом берегу, оглядываясь на ленту пройденной дороги, подумал: а стоило ли устраивать эти броски, не пытается ли он перехитрить самого себя? И сам себя успокоил: стоило. Ведь земли в результате стало больше, а далайна — меньше. Словно прощаясь со страной вана и обещая вернуться, Шооран поставил оройхон, начинающий новую, ещё более широкую полосу, а сам скрылся на дальней оконечности страны, где далайн оставался достаточно велик. Всего в нём оставалось пространства чуть меньше, чем на две двойные дюжины оройхонов: за последние скучные, лишённые ярких событий месяцы Шооран переломил ход жизни в далайне.

В огромной провинции Моэртала людей на мокром почти не встречалось, а редкие группы охотников или сборщики харваха ещё прошлыми властями были приучены не соваться в чужие дела. Здесь Шоорана почти никто не знал. С одной стороны, это было удобно: меньше бросаешься в глаза. Но зато незнакомому сказителю не так просто прокормиться в чужой стране. Хотя, пока были припасы, Шооран хотел только одного — нанести удар в самое сердце Ёроол-Гуя, если, конечно, у того есть сердце.

Шооран привычно работал ночами, ставя по два оройхона за раз. Он не обманывался, понимая, что люди замечают его труды, хотя оройхоны и не приносили сухих земель. Но пока ни он, ни Ай на сухом не появлялись и не знали, что творится там. Зато Шоорана вновь начал волновать Ёроол-Гуй. Ведь здесь оставалось едва ли не последнее место, где многорукий бог чувствовал себя вольготно. Здесь он проводил большую часть времени и, значит, мог объявиться в любую минуту. И всё же его не было. Лишь когда Шооран, закончив третью пару оройхонов, устало брёл под светлеющим небом к своей стоянке, влага далайна разверзлась, и Многорукий рванулся на берег.

Шооран не кинулся бежать и даже не слишком торопил-

ся. Он переступил на свободную сторону и долго смотрел, как стволы бесчисленных рук дробят камень на ещё безжизненном оройхоне. И то ли Ёроол-Гуй чувствовал присутствие илбэча, то ли это произошло случайно, но именно сюда, к дальнему поребрику, перетекла большая часть липкого тела, взгромоздилась выше суурь-тэсэгов и открыла огромные главные глаза.

— Что ты хочешь мне сказать? — потребовал Шооран. — Говори! Всё равно я поступлю по-своему и задушу тебя вместе с твоим далайном. Понял?..

Лишь теперь Шооран осознал, почему он так стремился именно сюда, где опасность была всего выше. Он хотел видеть врага, уже год прятавшегося где-то. В вечном чудовище скрывался смысл и оправдание борьбы и надрывной испепеляющей работы. Давно уже Шооран не думал о людях, не умеющих или не желающих позаботиться о себе и наладить в мире сносную жизнь. Тот пяток человек, чья судьба была небезразлична илбэчу, так или иначе устроились и не нуждались в нём. Крошке Ай тем более не нужны новые земли, и вообще никто не мог сказать, что ей нужно. Оставался враг — вот этот, журующий и убивающий всё, до чего может дотянуться. И Шооран искал его, чтобы выплеснуть ненависть.

— Что ты молчишь? — надрывался Шооран. — Говори! Я хочу слышать тебя!

Ёроол-Гуй смотрел, не отрываясь, свет разгоревшихся облатков бликовал в зрачках глаз. Шооран схватил камень, метнул в чёрную глубину глаза. Глаз мигнул, смаргивая помеху, и продолжал смотреть. На этот раз пристальный взгляд не звал, не гипнотизировал, а лишь всматривался, словно старался понять. А может быть, внушение не действовало на Шоорана, который почувствовал себя сильнее обитателя бездны.

Они долго противостояли так, разделённые строчкой поребрика: один — безмолвный и, несмотря на мельтешение рук, словно бы спокойный; второй — кричащий, требующий чего-то. Сейчас Шооран мог быть самим собой, не опасаясь, что его заметят. К тому же Ёроол-Гуй казался необычно тихим лишь Шоорану. Гремел ломаемый камень, шумно плескалась влага — голоса илбэча не было слышно.

Потом Ёроол-Гуй втянул руки, закрыл глаза и исчез во всколыхнувшемся далайне. Тогда Шооран сел на камень и молча, зло заплакал. Встреча с Ёроол-Гуем не дала ему ничего, гнусный бог отказался подтвердить его право менять мир.

Через день Шооран успокоился и даже, вернувшись чуть не в самое логово Ёроол-Гуя, поставил вдоль узкого мыса три оройхона, расположив их шеренгой, чтобы посреди мыса появилась сухая земля. Сейчас у него было такое настроение, что казалось полезным ставить больше сухих областей.

Затем он откочевал поближе к материку добрых братьев, в места, освоенные Моэрталом. Прошёл область, где люди до сих пор не решались селиться в алдан-шаваре, называя его могильником; свернул на запад. Когда он путешествовал здесь в прошлый раз, вокруг шли бои, а теперь это был глубокий тыл, дюжина Турчина, скорее всего, превратилась в охранный отряд, и сам Турчин, давно ставший заслуженным, уважаемым воином, вновь живёт в светлых покоях, но уже благодаря собственным делам, а не имени предков. А его бывший сослуживец, когда-то учивший Турчина раскладывать кожаную колыбель, по-прежнему спит на мокром и должен скрываться от всего мира, кроме крошечной идиотки, счастье которой в том, что она не способна понять, кто живёт рядом с ней.

Здесь Шооран вновь напомнил об илбэче, вторгшись островами в глубину залива, затем заполнив впадину, оставленную ещё древними илбэчами. Не дожидаясь отклика населения и властей, перешёл дальше на запад, где ныне не было никакой власти.

Соваться на сухое там мог лишь самоубийца. После падения твердокаменного государства принудительной любви и узаконенного братства, на каждом оройхоне обосновался свой особый царёк или республика, отличающаяся от прошлых времён лишь немощью и особым изуверством. Никто там не стал жить ни лучше, ни сытнее; все, как и прежде, ненавидели чужаков, а сами старались кормиться за счёт более слабых соседей. Всякому было ясно, что существовать этим великим империям и свободным регионам до тех лишь пор, пока до них не дотянутся Моэртал или поселения изгоев. Но пока они громко заявляли о себе под треск костяных досок и гудение раковин.

Зато организовать охранение на мокром ни одна из сторон не могла, так что Шооран чувствовал себя вольготно. Трижды он повторял один и тот же приём, заполняя впадины

побережья и не опасаясь, что его кто-то заметит. Ай, и без того тощая, окончательно исхудала от бесконечных переходов, но всюду шла вслед за Шоораном, довольная собой и своей жизнью.

Шоорана больше не интересовало, кто и как будет жить на его оройхонах. Важным казалось иное: он наконец увидел конец работы и стремился закончить её во что бы то ни стало. Он тоже исхудал, в глазах появился лихорадочный блеск, борода напоминала клубок спутанного хитинового сора, а волосы, поредевшие ещё во время тюремного заключения, вылезали клочьями. Попав раз на умывающийся оройхон, Шооран увидел своё отражение в воде и не мог узнать себя. Но и тогда он всего лишь хмыкнул и поспешил дальше. Надо было переходить на новое место.

Один раз он встретил людей и в этих краях. Произошло это возле полуострова, выстроенного им во время прошлого путешествия. Там у него получилось два сухих участка, отделённых от прочей страны. Конечно, теперь на этих оройхонах обосновалась какая-то банда, объявившая себя могучим и непобедимым государством, а свои законы — лучшими в мире и обязательными для всех. Ни о чём таком Шооран не знал, он всего лишь хотел соединить те два оройхона с остальной страной. И когда в узком месте, далеко и от материка, и от сухих островов, появились вооружённые люди, они заставили Шоорана врасплох. В такой ситуации Шооран почёл за благо бежать, тем более что шёл он налегке — Ай караулила сумки в двух оройхонах отсюда.

Кучка нелепо одетых и чем попало вооружённых людей с гиканьем кинулась за ним. Бегать по мокрому, где густая грязь и нойт захватывают и держат ноги, преследователи не умели, однако охотничий задор придавал им резвости. Шооран понял, что так просто они не отстанут, могут даже гнаться до самой стоянки. Не прерывая бега, он вырвал из-за пазухи хлыст и, не глядя, рубанул самого быстроногого. Погоня сразу увяла, через минуту Шооран был в безопасности.

К вечеру он вновь вернулся на старое место. На этот раз он был настороже и потому издали заметил людей. Они толпились на берегу возле уреза влаги, устанавливая длинный ряд крестов. В толпе были и цэрэги, и драные общинники, и даже пара не потерявших лоска старших братьев. Вскоре работа была закончена, на берегу выросла чёртова дюжина крес-

тов. Макальника рядом не было, и потому Шооран, ничуть не тревожась, продолжал наблюдать из укрытия за странным представлением. То, что происходило перед ним, казалось мистерией на тему его пленения. Вскоре показалась процессия, ведущая не то пленников, не то актёров. Их тоже была дюжина и один. Одного за другим их привязывали к распяленным крестовинам. Нестройный хор затянул на знакомый молитвенный мотив:

— Могучий наш господин, владыка вод, тверди и небесного тумана, непобедимый Ёроол-Гуй!..

«Древних-то песнопений Ёроол-Гую не знают, — подумал Шооран. — Вот уж действительно — дьяволопоклонники».

— ...ты сподобил нас победить врага, ибо нет в мире бога, кроме тебя. Здесь твой обидчик и наш недруг — мерзкий илбэч, да будет проклято его имя во все века, покуда стоит далайн!

Дерзкая мысль пришла в голову Шоорану. Он изготовился, привычно ловя нужную ноту. Далайн вздулся бугром, валы пены пошли по поверхности. С берега рванулись крики.

— Он здесь! — доносилось из общей разногласицы. — Скорее! Ну же!..

Разом качнувшись, кресты, вместе с привязанными к ним людьми, кувырнулись в глубину. Это было так страшно и неожиданно, что Шооран сбился и потерял чувство далайна. Бугор опал, расходясь тяжёлыми кругами.

Толпа взорвалась воплями радости:

— Убили илбэча. Убили!..

Осторожно пятясь, Шооран отполз в сторону. Его, привычного ко всему, мучило от этой радости. Тем не менее он не дал воли чувствам и ушёл из этих мест, так как не был уверен, что новоявленные почитатели Ёроол-Гуя не устроят в окрестностях облаву, когда узнают, что илбэч не только жив, но и бродит поблизости. Вскрывать эту общину следовало так, чтобы у любителей кровавых жертв не оставалось ни желания, ни возможности заниматься чем бы то ни было, кроме спасения собственных шкур.

Шооран снова шёл вдоль узкого северо-западного залива, который он так сильно укоротил три месяца назад. Там, где залив предельно сужался, можно было рассмотреть противоположный берег, суурь-тэсэги выстроенных оройхонов. Но куда сильнее о близости страны изгоев напоминали люди. То

и дело на сухих землях встречались участки, обнесённые сплошными заборами, превращённые в крепости. Как правило, за этими оградами жило по несколько семей, захвативших землю и называвших себя изгоями, хотя и внешний вид, и говор изобличали в них общинников. Мужчины в этих семьях, побывав в цэрэгах и посмотрев мир, больше всего на свете хотели иметь свою землю и ненавидели убогое равенство. Слово «общее» звучало в их устах как ругательство. Семьи объединялись вместе только для защиты от любителей чужого, что дюжинами шатались по безвластной округе. Прочее хозяйство они вели раздельно и не желали делиться ничем и ни с кем. Короче, это были негостеприимные места, где гораздо легче умереть, чем прокормиться.

Шооран не осуждал ни грабителей, ни яростных собственников, хотя и те и другие были ему неприятны. Люди хотя бы жить, они не виноваты, что мир сорвался с цепи и меняется быстрее, чем успеваешь привыкнуть к нему.

В любом случае эти края были готовы присоединиться к Ээтгону. За неделю Шооран создал девять оройхонов, обратив залив в жалкий закуток, ничего больше не разделяющий. Когда в округе появились отряды изгоев, Шооран вернулся к логову дьяволопоклонников и за одну ночь поставил три оройхона, которые разом открыли широкую дорогу в прежде труднодоступный район. Как и предвидел Шооран, оттуда немедленно была выслана погоня, которая вскоре натолкнулась на изгоев. Ночные пархи тут же доказали, что воевать они не разучились, так что на следующую ночь Шооран ставил привычную пару оройхонов, не опасаясь, что его изловят и принесут в жертву.

К концу месяца Шооран вынужден был отойти на восток. На западе оставалось не больше пяти мест, куда можно втиснуть оройхон, и в любой из этих точек мог караулить какой-нибудь безумец из числа разогнанных островитян. Но и на западе, где ширина далайна кое-где достигала восьми оройхонов, работать оказалось не так просто. Неожиданно, за какой-то месяц, мокрые земли наполнились людьми. Почти никто из них не собирал ставший никчемным харвах: некогда знаменитая артиллерия братьев за последние месяцы пришла в упадок и чуть не до последнего татаца была продана противнику. Зато расцвела охота на прежде запрещённого шаварного зверя и сбор дьявольской чавги. Местами чешуйчатые

клубни были выбраны так надёжно, что Ай ничего не могла добыть и путешественникам приходилось голодать. К тому же то и дело встречались области, где и чавга, и обитатели шавара были выбраны вечно голодным Ёроол-Гуем. Ведь лишь в спокойные годы Многорукий выплывает изредка, а когда по земле ходит илбэч, его враг тоже не исчезает надолго.

И всё же Шооран упорно ставил один оройхон за другим. Теперь он старался выжидать несколько дней, а потом за одну ночь ставить два или три оройхона. При этом ему случалось забредать и в цивилизованные области, но у далайна войск Моэртала он не видел. Наконец народу на мокром стало так много, что Шооран встревожился не на шутку и решил узнать, в чём же дело. Достаточно было пройти три-четыре оройхона в глубь страны, и загадка разъяснилась сама собой. Вытоптанные поля лежали чёрными, словно в последний месяц года. Убогие всходы были пожраны до последнего ростка, прежде чем успели набрать силу. Туйваны, и без того редкие в этой части мира, уродливо топорщили изломанные ветви с жалкой, наполовину облетевшей листвой. В обмелевших ручьях не было ни одного бовэра. А ведь с прошлого маяра прошло едва полгода! Что же станет твориться здесь, когда начнётся сухой сезон? Хотя стоит ли жалеть людей, которые даже теперь продолжают ходить напрямик через поле и питаться едва проклюнувшимися ростками, не давая им вырасти? Сейчас лучше позаботиться о том, чтобы поскорее убрать отсюда, пока соседи не выставили заставы вокруг голодных мест.

Вообще-то заставы уже были, но они ещё не стояли сплошным кольцом, и привычные к подобным делам Шооран и Ай легко проникли сквозь охранение, пройдя ночью по берегу далайна. При взгляде на эту пару — на карлицу, похожую на диковинного зверька, и на худого, грязного и оборванного мужчину, молодого, но уже наполовину облысевшего, с кожей, покрытой болячками и мокнушей сыпью, — никто не мог бы предположить, что перед ним величайший илбэч всех веков, который недавно превзошёл сказочного героя Вана. Скорее явственно вспоминалось, а вернее — ощущалось, почему цэрэги и благополучные землевладельцы кличут бродяг вонючками. Впрочем, Шоорана так никто не рискнул бы назвать: блеск в воспалённых глазах и оттопыренный край жанча, где скрывался режущий кнут, отбивали

охоту к общению. Ведь никто не знал, что ус парха выдёргивается лишь в ответ на опасность, а любые оскорбления бродяга давно уже сносит молча и лишь усмехается, относя ругань на счёт проклятия Ёроол-Гуя. О своих заслугах Шооран старался не вспоминать, давно не считая выстроенные оройхоны, учитывая только те, что ещё предстояло построить, чтобы окончательно стереть далайн с лица земли.

Возле креста Тэнгэра Шооран пробыл недолго. Несколько дней они отъедались чавгой, которой здесь тоже было не густо, но всё же больше, чем в голодных местах. Сменять кость, хитин и раковины на хлеб Шоорану не удалось, владельцы земли, напуганные слухами о начавшемся у соседей голоде, с хлебом расставаться не хотели. Слегка подремонтировавшись, Шооран вновь взялся за работу. Строил ночами по три оройхона за раз, начиная полосу подальше от жилых мест, чтобы уменьшить опасность встречи с людьми. За относительно короткий срок соорудил полторы дюжины оройхонов и также внезапно ушёл в земли вана. Здесь ещё не были знакомы с его новой тактикой, и Шооран с ходу совершил несколько набегов на далайн, отняв у него ещё дюжину квадратов.

Из последнего набега Шооран вернулся совершенно разбитым. Вроде бы и далайн не сопротивлялся, как прежде, и Ёроол-Гуя не было поблизости, но всё же едва хватило сил вернуться к стоянке, где ждала Ай. Шооран отмахнулся от предложенной чавги и повалился в заранее расставленную колыбель. Но и сон не шёл. Мешал свет разгорающихся облаков, ныли ноги, ломило в затылке. К полудню Шооран понял, что заболел. Через силу он поднялся и двинулся к сухим землям, надеясь добраться к огненной границе и отлежаться там, в иссушающей жаре аваров.

Шооран плохо представлял, сколько времени он проболел. Если бы не Ай, возможно, он и вовсе бы не поднялся. Уродинка, рискуя быть побитой, ежедневно делала длиннейшие переходы на мокрое и притаскивала ему чавгу, помогавшую не умереть от голода и жажды. Однажды даже принесла пойманного жирха. От запаха многоногой твари Шоорана стало рвать, и Ай, не настаивая больше, съела жирха сама. Но, как бы то ни было, организм переборол болезнь, Шооран встал.

Возвращаясь, он внимательно присматривался к знако-

мым прежде местам. Теперь здесь не было такой страшной скученности, излишек населения ушёл к Моэрталу, в северные районы или страну изгоев. Поля стали значительно больше, но люди, как и прежде, не отличались приветливостью. Хотя на этот раз тому были основания: сюда тоже пришёл неурожай. Конечно, бедствие не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось на другом конце мира, но впереди были ещё три месяца, которые предстояло прожить.

Шооран пытался предлагать имевшийся у него товар, но лишь один крестьянин согласился обменять набор игл из рыбьей кости на хлебца. При этом он проворчал, указывая на Ай:

— Счастье твоё, что ты с девчонкой...

— А что, — спросил Шооран, — ходил бы в одиночку — иглы были бы хуже? Ломкие или тупые?

— Не в том дело. В одиночку илбэч ходит, а с ним бы у меня разговор короткий был.

— Чем тебе илбэч не угодил? Он там где-то бродит, на мокром, а ты как тут родился, так и живёшь. Далайна небось и в мягмар не видал.

— Ви-идал... — протянул крестьянин. — Я всё видал. А ты видишь, что у нас делается? Вода уходит. Такой засухи прежде не бывало. Это всё илбэч — понастроил земли, вот воды на всех и не хватает.

— Скажешь тоже... — отмахнулся Шооран. — Засуха в конце каждого года бывает или почти каждого.

— Какой же сейчас конец? До конца ещё жить и жить, а воды в ручьях едва по колено, и с туйванов цвет облетел. Илбэч это, точно говорю.

— Ну как знаешь, — не стал спорить Шооран, — хотя, кажется, тебе-то он немало пользы принёс. Вон поле какое! Прежде-то меньше было.

— А урожай? — не уступал хозяин. — Землю дал, а воду отнимает. Остановить его надо, пока не поздно.

Измышления земледельца позабавили, но и встревожили Шоорана. В главном крестьянин был прав: прежде такого действительно не бывало. Каждому умеющему видеть ясно, что подходит голодное время. И, как назло, это случается второй год подряд. А кого винить в случившемся? Тэнгэр — высоко, Ёроол-Гуй — глубоко. Значит, виноват илбэч. И раз такие мысли возникли у одного человека, они быстро разойдутся по умам. Как бы изуверская община того берега не

стала началом будущего движения врагов илбэча. И ещё... спасибо мужику, что он подсказал верный способ обезопасить себя. Ведь илбэч действительно ходит один, а их — двое.

Шооран догнал ушедшую вперёд Ай, потрепал её по волосам:

— Ты у меня умница.

Коротышка довольно проорчала что-то и погладила Шоорана по рукаву жанча.

* * *

Надо было спешить. Пока слухи и нежелательные толки не разошлись по всему миру, пока не началась правильная и планомерная охота за илбэчем, нужно было успеть сделать как можно больше.

Прежде всего Шооран задумал окончательно уничтожить западные заливы. Незачем им резать мир на куски. Ничего страшного не произойдёт, тем более что один из заливов практически и не существует больше.

Шооран по приграничной полосе пошёл на запад. Слева от него дышали огнём авары, справа желтели сохнувшие поля. Лишь в одном месте шапками вспенивалась свежая зелень — там был Царский оройхон. Туда целыми днями тянулись цепочки людей с бурдюками на плечах — поливать сады вана.

Выйти на оконечность залива, где можно было строить, Шоорану не пришлось. Возле Свободного оройхона он наткнулся на мощную охрану. Вряд ли она была поставлена ради илбэча, земли теперь хватало всем. Скорее всего, в преддверии грозящих испытаний ухудшались отношения между соседними странами.

Неудача не огорчила Шоорана. Он даже не попытался пройти через кордоны, а пошёл назад по побережью, ставя оройхоны там, где это было возможно. Чёртова дюжина оройхонов украсила его путь на восток. Там застав не было — очевидно, ван окончательно уверовал в преданность Моэртала. В юго-восточном углу Шооран прожил три недели. Пользуясь тем, что далайн был довольно близок к границе мира, Шооран поселился на пустой приаварной полосе, а днём ходил промыслять на мокрое. Время от времени он совершал ночные походы к материку вана, располагая новые оройхоны так, чтобы казалось, будто илбэч трудится на другом берегу.

Ёроол-Гуя он не встречал, тот бушевал где-то в центральной части далайна, тоже сжавшейся до мизерных размеров. Когда стало трудно выбирать место для новых островов, Шооран нанёс подряд четыре мощных удара, от которых едва не надорвался, и превратил некогда крупный залив в тонкую и короткую кишку вроде тех, что оставались на западе.

Казалось, следующим шагом надо бы застроить оставшийся промежуток, но всё же Шооран ушёл. Уходя, он сам удивлялся своему поступку, недоумевая, почему ещё ни в одной части мира не покончил с далайном полностью, а оставляет какие-то крохи, чтобы ещё и ещё раз возвращаться к ним. Хотя можно было объяснить и по-другому: просто отброшенный далайн стал слишком далеко и на дорогу к нему надо тратить целых два часа.

К центральной части далайна Шооран подходил осторожно. Недавняя болезнь и надрывная работа измотали его, и он не знал, выдержит ли, если Ёроол-Гуй разрушит недостроенный оройхон. Поэтому новые острова Шооран принялся ставить по одному, раскидывая их по разным местам, хотя этих мест было не так много. Наконец, осмелев, поставил три оройхона разом, в том месте, где почти год назад последний раз видел Многорукого. Ёроол-Гуй не появился и на этот раз. Более того, сборщицы чавги сказали, что несколько дней назад он объявился где-то на юго-востоке. Раздосадованный Шооран едва не кинулся вдогонку за беглым богом, но вовремя осознал абсурдность ситуации — ведь это Ёроол-Гуй должен гоняться за ним. Поэтому Шооран поставил ещё четыре оройхона, обративших грозное сердце далайна в жалкую лужицу, и лишь тогда тронулся в путь. До мягмара оставалось полтора месяца, и Шоорана тянуло домой, в страну изгоев, где можно было хотя бы месяц пожить по-человечески.

За прошедший год Моэртал ни на шаг не продвинулся вперёд. Дальновидный политик понимал, что одной воинской силой братские земли не освоить, а поток переселенцев из старых мест иссяк. Так что Моэртал счёл за благо перейти к обороне. В самом узком месте поперёк страны был насыпан защитный вал, тянувшийся на шесть оройхонов, считая мокрые и огненные земли. Никаких проходов в костяном частоколе оставлено не было; тот, кто оказался западнее границы, проведённой завоевателем, мог жить или умирать по своему усмотрению. Проходя здесь в прошлый раз, Шооран видел

странную возню с костью, но не придал ей значения, подумав, что нельзя же перегородить рогатками весь мир. Оказалось, что можно.

Шооран начал готовиться к штурму укреплений, стараясь нарастить берег и обойти преграду стороной. В первую ночь он установил три оройхона, но потом должен был спастись от нагрянувшей облавы. Стало ясно, что Моэртал доволен достигнутым и больше илбэч ему не нужен. С трудом избежав опасности, Шооран сделал вид, что смирился, отошёл назад и даже сделал там оройхон, как бы показывая, что уходит. Но сам в тот же день прокрался обратно и проломил дорогу на ничейную землю.

Убегая от шума и воя труб, он едва не кричал от радости: только что поставленный оройхон разменил последнюю двойную дюжину ещё не построенных островов. Меньше двойной дюжины — год работы! Всего год, если опять не помешает какой-нибудь Боройгал. И всё же радость была так велика, что Шооран остановился, схватил на руки Ай, расцеловал её в обе щёки, приговаривая:

— Мы с тобой молодцы!

— Ага! — согласилась Ай и добавила сказанную уже когда-то фразу: — Здорово бижали!

* * *

Через день Шооран понял, в какую западню он сам себя загнал. Если три месяца назад в этих краях было трудно прожить, то сейчас наступил настоящий голод. В прошлом месяце земля не родила вообще ничего, и даже наыс в подземельях алдан-шавара почти перевёлся. Что-то добыть можно было лишь на мокром, и те люди, что оставались во владениях добрых братьев, скопились на побережье. До поры их спасало то, что Ёроол-Гуй редко заплывал в узкий пролив, ограничивавший страну. Но теперь, отгеснённый с востока, он начал появляться и здесь.

Шооран быстро сориентировался в обстановке и пошёл напрямик через обезлюдившие сухие земли. Но и широчайший проход в землю изгоев оказался закрыт. Здесь не ставили непосильной задачи — выстроить защитный вал длиной в полторы дюжины оройхонов. Просто каждый земледелец окружал своё поле колючим забором и постоянно укреплял его,

так что вал вырос сам по себе. Суровые жители приграничья захватили землю и защищали её от недавних соотечественников. К Ээтгону они присоединились всего несколько месяцев назад, плохо знали обычаи и порядки новой родины. Имя Шоорана ничего им не говорило, а вот проползти мимо их дозоров не смог бы и жирх, тем более что на западе тоже свирепствовал голод.

В прежние времена Шооран прибегнул бы к проверенному способу: выстроил бы себе дорогу и пошёл, куда ему надо, прежде чем хоть кто-то успеет преградить путь. Но сузившийся далайн не позволял рвать себя, его можно было уничтожать только с окончечности заливов, а как раз туда было и не пройти.

В отчаянии Шооран поставил те полдюжины оройхонов, что ещё можно было вбить на разных участках берега. Оройхоны никуда не вели, зато их появление вызвало взрыв злобы у погибающих людей. Недавние святоши, покинутые добреньким Тэнгэром и вынужденные жить запретной чавгой, чуть не поголовно становились приверженцами Ёроол-Гуя и ненавидели илбэча со всем пылом горячих неофитов. Лишь немногие продолжали веровать по-старому, самые фанатичные из них упорно держались в сухих краях. Про их общины рассказывали, что там царит людоедство, и в это было нетрудно поверить.

Конечно, можно дожидаться мягмара, когда и напор голодных, и бдительность охраны ослабеют, но Шооран смотрел на Ай, прозрачную от долгого недоедания, и видел, что она до мягмара не дотянет. Не всякий день им удавалось найти хотя бы пару чавг.

Оставалось последнее: попытаться вернуться к Моэрталу. Залив в том месте расширялся до трёх оройхонов, и можно попробовать пробиться на волю, проскользнув между цэрэгами и Ёроол-Гуем. То, что Ёроол-Гуй скрывается именно там, ни для кого не было секретом — больше для великана нигде не было места. Не стоило сбрасывать со счетов и бродяг, скопившихся на берегу свыше всякого счёта. Но если бояться каждой опасности, то лучше сразу умереть со страху. Шооран решил рискнуть.

Ночная работа илбэча была знакома всем, и ревнители новой веры устраивали по ночам засады там, где ожидали появления чудотворца, поэтому первый оройхон Шооран по-

ставил рано утром. Быстро перебежал вперёд, надеясь успеть создать второй участок прежде, чем начнётся кутерьма. Но едва начал работу, как почувствовал удар — в дело вмешался Ёроол-Гуй. Очевидно, опомнившийся бог решил не уступать так просто последний свободный клочок далайна.

Шооран ещё не успел втянуться в работу и удар перенёс относительно легко. Несколько секунд он выжидал, а когда Многорукий кинулся на один из оройхонов, спрыгнул с поребрика и побежал. Казалось, на этом приключение должно закончиться, но, едва Шооран появился на сухом, его путь загородил какой-то человек.

— Куда? — крикнул он, замахиваясь гарпуном.

— Там Ёроол-Гуй!

— Сам слышу. Великий бог гневается. На тебя, подлый илбэч.

Отовсюду, привлечённые громоподобными шлепками Ёроол-Гуя, сбегались люди, не меньше дюжины человек уже были рядом, и нельзя было ни бежать, ни даже убить непрошеного разоблачителя. Среди стекавшихся людей была и Ай, но она ничем не умела ему помочь. На секунду Шооран растерялся, но тут же понял, что бродяга ничего не мог видеть и просто бросается на первого попавшегося человека.

— Врё-ёшь! — распаляя себя, прохрипел Шооран. — Я знаю, это ты илбэч. Я давно за тобой слежу!

— Что?! — размахивая гарпуном, заорал незнакомец. — Да я!.. Да меня все знают! А ты кто?!

— И меня знают! — не сдавался Шооран. — Я вон с ней вдвоём хожу, — использовал он свой главный козырь, — а ты — один! Значит, ты и есть илбэч!

— Да! Да! — закричала верная Ай.

Напряжение в толпе упало. Многие действительно знали самозваного сыщика, другим успел примелькаться Шооран, им было известно, что он действительно ходит не один. Но разойтись так просто люди не могли.

— Бей его! — крикнул кто-то.

И хотя неясно, кому были адресованы эти слова, бродяга немедленно кинулся на Шоорана. Тот отпрыгнул в сторону и выхватил хлыст. В глазах бродяги мелькнул испуг, но отступить было поздно — оружие обнажено, и уйти от поединка значило признать себя виновным. Очевидно, Шооранов противник служил в цэрэгах не только последний год, но и рань-

ше, когда солдат ещё учили приёмам боя, особенно против секущих хлыстов, которыми были вооружены кольчужники старейшин. В его руке мгновенно появился летучий кистень с увесистым гранитным желваком, добытым, вероятно, на кресте Тэнгэра в те времена, когда соседняя страна была захвачена братьями.

«Всё повторяется», — подумал Шооран, вспомнив свой первый поединок.

Если не считать орущих зрителей, всё действительно было очень похоже. Разница заключалась в том, что на этот раз Шооран хотел убивать. Он желал смерти этого человека, виновного в том, что не вовремя и глупо встал на пути. И ещё одно отличие — у Шоорана не было копья. Был только нож, по старой бродяжьей привычке скрытый в рукаве.

Кистень с жужжанием вращался на коротком ремне, но Шооран знал, что он может неожиданно вырасти и тогда камень полетит, словно из пращи. Прежде всего надобно погасить его движение. Конец хлыста на мгновение словно слился с мягким ремнём, Шооран дёрнул хлыст на себя и сам прыгнул вперёд. Он не надеялся вырвать ремень из руки противника, хотел лишь не дать врагу отступить и замахнуться гарпуном. Бойцы столкнулись, ударившись грудью в грудь, и тогда Шооран пустил в ход нож. Опасаясь, что противник тоже носит кольчугу, Шооран ткнул клинком в основание шеи, туда, где ключица образовывала глубокую яму. Бродяга громко всхлипнул и, выронив гарпун, осел на землю.

— Га!.. — завопили в толпе. — Убили илбэча! Так его!..

Шооран наклонился, вытер и спрятал нож, поднял гарпун, потом начал стаскивать с убитого башмаки. Он победил в честном поединке и, значит, имел право раздеть побеждённого. Хотя полностью раздевать убитого не рекомендовалось, кое-что надо оставить зрителям. Кроме гарпуна и новых башмаков Шооран забрал кожаные охотничьи штаны, которые не пропускали к телу нойт, даже если провалиться в него по грудь. Когда-то, раздевая убитого кольчужника, Шооран мысленно просил у него прощения. Сейчас, взяв необходимое, он кивнул зевакам: «Это ваше!» — отошёл в сторону и начал примерять высокие, до середины голени, башмаки.

Толпа быстро расхватала вещи и одежду, всё до последнего клочка, подхватила нагой труп, потащила к поребрику, за которым копошились руки Ёроол-Гуя.

— Вот илбэч! Мы убили его! — вразнобой закричали голоса. Тело раскачали и бросили через поребрик. Немедленно его обвинили несколько рук и поволокли по камням к одному из малых ртов.

— Умер илбэч! — кричали люди фразу, которую последнее время принято стало кричать после всякого убийства. — Илбэча убили!

Шооран сидел, натянув на одну ногу чужой башмак. Боевой угар рассеялся, и он слушал крики в честь своей победы с иным чувством, чем минуту назад. Илбэча не убили, илбэч жив, а вот куда делся человек Шооран, где растратилась его душа? Осталась в тюремной камере или истёрлась по бесконечным оройхонам, очерствела и ожесточилась среди чёрствых и жестоких людей? Или её задавила великая идея, долг, превративший его из человека в илбэча? Тогда понятно, почему никто не может любить его. Проклятие Ёроол-Гуя здесь ни при чём, просто такой подвиг выше человеческих сил...

Узкая ладошка Ай легла на его плечо. Ай присела позади, прислонилась к его спине лбом. Шооран знал, что она делает так в минуту сильной усталости, но всё-таки было очень похоже, что его хотят утешить. Тем более что устать сегодня не с чего, весь день они провели на одном месте.

— Сейчас пойдём, — сказал Шооран и натянул второй башмак.

В прошлый раз башмаки убитого жали ему, а эти были в пору, словно на него и сшиты.

Ай, как всегда, с готовностью вскочила, но вдруг покачнулась и, ухватившись за Шоорана, опустилась обратно.

— Никак, — сказала она. — Ноги устали.

Шооран глянул на тонкие, как тростинки хохиура, ноги Ай, перевёл взгляд на осунувшееся лицо. Сколько же дней она ничего не ела? Пять? Или, может быть, семь?

— Сиди здесь, — сказал он. — Я сейчас принесу еды.

Шооран осмотрел гарпуны: трофейный и свой, во время драки лежавший среди вещей, — подумал и взял оба. Приготовил связку факелов, сделанных из смолистого туйвана (только в этом дурацком краю людям могла прийти в голову мысль — жечь дерево!). Проверил экипировку, усмехнулся мрачно: судьба заставляет отрабатывать всё, даже чужие штаны, — а потом направился к ближайшему из неразорённых мокрых оройхонов. Подошёл к зеву шавара, запалил драго-

ценный факел и, выставив его вперёд, шагнул в глубокий нойт. Мелькнула мысль: Ёроол-Гуй рядом — вынырнет, запрет в шаваре — и прощай илбэч. Но делать нечего: Ай, ослабевшая от голода, сидит возле узлов и терпеливо ждёт, когда он вернётся с добычей.

Ледяная мозглость охватила его со всех сторон, липко сгустилась на лице, даже факел словно притух и казался не так ярко. Первые камеры и проходы, обысканные охотниками вдоль и поперёк, Шооран миновал не останавливаясь. Заблудиться он не боялся, за много лет привык ориентироваться в тёмных коридорах, а вот нойт, поднявшийся уже выше пояса, пугал его. Не страшно схватиться с видимым врагом, а сейчас Шоорана не оставляло ощущение, что зазубренные клешни тянутся к животу, готовясь распороть глухой жанч, смять кольчугу. Идти сквозь едкую кисельную густоту оказалось трудно, Шооран умолял пол подняться выше, но коридор, расширяясь и сужаясь самым причудливым образом, подниматься вверх не желал. Зато с одного из выступов стены, мягко всколыхнув смоляную недвижность нойта, скользнула неприметная тень. Скорее всего, это была тукка, Шооран не успел рассмотреть. Зверёк исчез в слизи быстрее, чем это можно представить. Шооран наугад ткнул гарпуном, хотя и понимал, что нырнувшего зверя ему не достать. Неожиданно остриё не встретило дна, так что потерявший равновесие Шооран едва не окунулся в нойт лицом. Впереди был скрытый жижей провал в нижний ярус. Обычно они встречались в пещерах, а этот расположился ровно посреди прохода.

Осторожно ощупывая путь, Шооран двинулся мимо провала. Получалось, что сбоку вполне можно пройти, если, конечно, выдержит камень. Но Шооран не успел вступить на узкий мостик. Что-то обхватило его ногу и сильно потянуло вглубь, к залитой нойтом яме. Шооран рванулся, ударил острой — мимо! Невидимый хищник продолжал тянуть.

Одним гарпуном Шооран упёрся в противоположную стену, другим продолжал беспорядочно бить, стараясь поразить невидимую опасность. Лишь бы там был не уулгуй! Никто не знает, как бороться с бледным уулгуем, и потом... уулгуя нельзя есть... хотя сейчас об этом не стоит мечтать.

Очевидно, зверь понял, что Шоорана вниз не сдёрнуть, потому что хватка ослабела — хищник начал всплывать. Воспользовавшись мгновением, Шооран отскочил от провала,

вновь натянув привязь. Нойт над ямой нехотя взволновался, оттуда уродливым цветком выперли четыре шипастые клешни. Две из них тут же скрылись, а верхняя пара осталась над поверхностью. Время от времени клешни нетерпеливо щёлкали, словно рехнувшийся музыкант бил в костяную доску. Гвааранз уверенно двигался вперёд, туго натянутый осязательный отросток вёл его точнее, чем крошечные глазки.

Как всегда в минуту гибельной опасности, сознание Шоорана раздвоилось: какая-то часть продолжала бороться, уже не ради добычи, а за самую жизнь, и в то же время появился сторонний, словно ничем не рискующий, наблюдатель. Он с любопытством следил за происходящим, успевая оценить и предугадать ситуацию. «Теперь стоит поступить так...» — не торопясь, размышляло воспарившее сознание, и оставшееся внизу тело успевало поступить именно так, а тягучего времени хватало на всё, кроме страха и паники. Они придут потом, ежели ему удастся выбраться на волю.

Выждав, когда гвааранз приблизится, Шооран рванулся вперёд. Пружинящий ус помог ему, Шооран удачно миновал ждущие клешни и упал прямо на притопленную спину твари. От толчка гвааранз осел на дно, это спасло ноги Шоорана от бешено работающих плавательных перьев. И вновь Шооран успел хладнокровно обдумать ситуацию, подробно объяснить самому себе, что сейчас гвааранз стащит его со спины упругими осязательными усами и что надо делать, чтобы этого не произошло. Прежде чем обхватившие его вибриссы вновь напрыглись, Шооран подтянулся к голове зверя, погрузив обе руки в нойт, нащупал бугорки ушедших под панцирь глаз и на две пяди вогнал в один из них оставшийся в левой руке гарпун. Теперь ему было за что держаться, и, выхватив нож, Шооран принялся наносить удары, стараясь поразить уцелевшие глаза и сочленения вибрисс. Гвааранз заметался, клацая клешнями и растопырив острые перья. Движения его стали беспорядочными, ослабевший ус соскользнул с ноги Шоорана. Гвааранз замер.

Убедившись, что зверь мёртв, Шооран с трудом оторвался от панциря, нащупал ногой потонувшие в нойте усы и потащил тело, цепляющееся клешнями за неровности дна. Через несколько шагов увидел сбоку свет, свернул туда. Выбраться наружу через узкое отверстие под потолком оказалось невозможно, зато при свете Шооран сумел зажечь один из уцелев-

ших факелов. Спалил сидящих на стенах зогов, осмотрел добычу. Гвааранз был велик. Вряд ли его удастся вытащить наружу целиком. Обычно охотники обрубали мешающие клешни и, ухватив за усы, буксировали остальное к выходу. На усах гвааранза нет острой кромки, за них удобно тащить. Но Шоорану всего нужнее были именно клешни — только там есть съедобная, хотя и затхлая мякоть.

Шооран отделил клешни, перевязал их верёвкой, взвалил на спину, придерживая левой рукой. Попытался было перехватить той же рукой факел, чтобы правой волочить остальное, но понял, что сил не хватит. Да и бросать уцелевший гарпун тоже нельзя, мало ли кто может встретиться на обратном пути. Ну и пусть их... мясо он донесёт, а панцирь, ножи перьев и остальные богатства пусть достаются шаварным тварям. Переложив факел в правую руку, Шооран двинулся к выходу.

Ай ждала его на прежнем месте. Шооран бросил чадающий огарок факела, поднял мешок с вещами, сказал хрипло:

— Если можешь — идём.

Ай, пошатываясь, поплелась за ним. Они пришли на тот оройхон, что Шооран высушил сегодня утром. Странно, неужели это было лишь несколько часов назад? Шоорану казалось, что прошла вечность.

Оройхон лениво умывался. Вода выступала далеко не так обильно, как бывало прежде, но всё же её хватало. Шооран влез в русло будущего ручья, смывая зеленоватый нойт с одежды, саднящих рук, лица. Вымыл добытые клешни; провозившись несколько минут, расколол одну из них, извлёк бледное мясо. Протянул Ай:

— Ешь.

Какие-то люди, пришедшие сюда, чтобы вымыться и набрать воды, остановились, глядя на жующих голодными глазами, но Шооран молча достал скатанный хлыст и положил на самом виду. Гарпун не менее красноречиво лежал поперёк коленей, и люди отошли, ничего не сказав.

Шооран разделал оставшиеся клешни, нарезал мясо, чтобы оно обветрилось и не портилось так быстро. Потом повернулся к Ай:

— Ну как теперь дела? Получше?

— Харашо! — проскрипела уродинка. — Вкусна... Всигда такое принаси.

Вскоре они пробрались в земли Моэртала. Для этого Шоорану понадобилось поставить три оройхона, а потом бежать через родившуюся землю и прятаться в шаваре. Четыре часа он простоял в нойте, держа Ай на руках и отпихиваясь от наползающей зубастой мелочи, после чего пришлось ползти через заросли хохиура и вновь нырять в шавар. Таких обысков, что устроили пограничники, ему ещё не приходилось видеть. Очевидно, и здесь в свалившихся бедствиях люди начали винить илбэча. Лишь через день, отойдя от границы, они сумели затеряться в толпе земледельцев, выгнанных засухой на промысел в мокрые земли. До самого мягмара беглецы кочевали вместе с голодной толпой. О том, чтобы строить тут, Шооран и не помышлял, понимая, что Моэртал может устроить всеобщую проверку, и на этот раз бродяги будут помогать ему. Зато в первую же ночь после конца праздника, когда берег опустел, Шооран выстроил четыре оройхона. Он рискнул на такое, потому что за день до этого во время всеобщего, хотя и не больно весёлого гуляния глашатаи прокричали новый закон: отныне запрещалось находиться на мокром в одиночку. Шооран благодарил предусмотрительную судьбу за то, что она подарила ему Ай. Облавы прошли как на мокром, так и на сухом, но хватали только одиночек, и пара бродяг благополучно вышла из опасной зоны.

В стране вана облав не было, но и здесь народ говорил, что стало слишком много земли, и воды на всех не хватает. Мягмар и в самом деле случился не обильным, а это значит, что в конце года снова будет засуха. Теперь Шооран и сам видел, что дело не обошлось без его помощи. Значит, действительно, господь поскупился, создавая мир, и илбэч добавляет к нему лишь землю, но не воду. Так что люди будут погибать, как и прежде, но уже не от тесноты, а от голода. Что ж, пусть будет так. Но прежде он сотрёт само воспоминание о далайне.

Пользуясь безлюдьем берегов в первую неделю после мягмара, Шооран совершил рейд вдоль берегов вана и скрылся в краю изгоев. Здесь уже привыкли, что сказочник появляется вскоре после мягмара, и никто не удивился его приходу.

Шооран и Ай шли по знакомым местам, по единственному во всей ойкумене куску земли, где их ждали. Выровнен-

ная, крепко утоптанная тропа проходила по вершине поребрика, справа и слева изгороди шетинились рёбрами погибших рыб, но пешеходам ничто не угрожало — гладкий костяной поручень спасал руки и одежду. Поручень был поставлен Шоораном ещё в те времена, когда он жил здесь. С тех пор многие оройхоны украсились удобными дорогами, и, если бы не голод последних лет, их было бы ещё больше. Но сейчас голод кончился, пушистые кисти цветущей хлебной травы просовывались даже внутрь оград, а на шестилетних туйванах свежей листвы было не разглядеть из-за кумача лепестков. Наступал первый сытый месяц, и путешественники шли в гости к Тамгай. Тяжёлая набухшая обувь — в руках, босые ноги отдыхают, касаясь тёплого камня, а язык уже ощущает вкус наыса, которым их будут кормить, потому что первого хлеба ждать ещё целую неделю.

И тут Ай остановилась и села на обочину, спустив ноги с поребрика.

— Я ни пайду.

— В чём дело? Что-то случилось?

Шооран обвёл взглядом окрестности, высматривая, что напугало Ай. Да нет, всё в порядке... хотя... ведь отсюда уже должна быть видна палатка. Вон разбитый тэсэг, и туйван на его верхушке зацвёл, но из-за камней не выглядит синева-тый полог из рыбьей кожи... Может быть, Тамгай переставила палатку?

— Я сейчас! — сказал Шооран, опустил на дорогу вещи и побежал.

Палатки не было. Исчезла и тонкая, в один прут, оградка, отделявшая поле Тамгай от соседнего участка, и Порхоэн, хозяин того поля, возился подле туйвана. Увидав Шоорана, Порхоэн выпрямился и, не дожидаясь вопросов, сказал:

— Нет их. Умерли. Голод был страшный, вот мальчишка и не выдержал. А она, должно полагать, в далайне. Сам посуди, как ей без сына жить? Земля вот мне досталась. Земли теперь много, да не кормит она.

Шооран молча слушал, неосознанно кивая головой, потом повернулся, побрёл к ждущей на дороге Ай. Нигде не задерживаясь, они миновали сухие земли. Шооран молчал, и Ай не требовала объяснений. Лишь когда они остановились, чтобы обуться на пороге мокрых земель, Шооран произнёс:

— Это Ёроол-Гуй. — И Ай кивнула согласно.

А ведь на самом деле это не Ёроол-Гуй, а проклятие илбэча. Легко рассуждать, что люди будут умирать, как и прежде, но только от других причин. Нет ничего обыденней смерти, гибель посторонних незаметна, с ней не трудно примириться, её легко планировать. Но илбэч должен знать, что первыми будут гибнуть его близкие. Благодарение судьбе, что живая Яавдай приносит ему больше мук, чем могла бы причинить её смерть! Проклятие бьёт больно, но уж зато теперь ему нечего терять!

Шооран мрачно усмехнулся. Сколько раз он говорил себе эту фразу, но судьба всякий раз находила, как уязвить его. Значит, найдётся что терять и впредь. А пока будем мстить за прошедшее и будущее.

* * *

Отсюда легко было подойти к оконечности залива, куда он не мог добраться с той стороны. Три ночи Шооран работал, ставя по четыре оройхона за раз, а днём скрывался на только что выстроенных оройхонах. Первые сутки, пока нойт не затянул шавар, там можно было легко спрятаться. Если кто-то и обыскивал новые земли, то в нижний ярус шавара он не совался. Всё это время Ай была рядом с Шоораном. Покорно ждала, отвернувшись; послушно бежала; по приказу пряталась, хотя до судорог боялась шавара.

Что делалось за спиной, Шооран старался не знать. Разумеется, там рушилась с трудом созданная граница, вновь из диких земель открывался путь в страну изгоев. Шоорана беспокоили только две вещи: как бы не попасться ненароком на глаза людям и не встретиться во время днёвки с Ёроол-Гуем, которому тоже вход сюда не заказан.

Расправившись с северо-западным заливом, Шооран пересёк страну, вбил три оройхона в случайно уцелевший боковой заливчик, а затем собрался на юг. Но прежде надо было немного поправить с хозяйством, и Шооран, настроив суваг, вышел к людям. Два дня он ремонтировался, готовясь к новым походам, а вечерами пел, собирая не слишком обильное подаяние. Всего на отдых Шооран предполагал отвести не больше недели. Пока голод отступил и люди сыты, надо как можно больше строить. Потом, когда болота переполнятся толпами истошавших людей, там уже не развернёшься.

Но на утро третьего дня возле временного лагеря появилось полдюжины воинов.

— Вы оба пойдёте с нами, — сказал командир, глядя мимо Шоорана.

— Я сказитель! — возмутился Шооран. — Ээтгон разрешил мне свободно ходить по всей стране, в том числе и по мокрым местам. К тому же, — вспомнил он, — сегодня общий день, на мокрое могут выходить все.

— Ты видно с алдан-тэсэга свалился, — фыркнул командир. — Дни илбэча давно отменены. Кто их будет соблюдать, когда голод? А правитель Ээтгон как раз и приказал разыскать тебя.

— Я не пойду, — сказал Шооран и сел на склизкий камень. — Если правитель возжелал послушать мои истории, он не должен бояться промочить ноги.

Солдаты растерялись. С полминуты они переминались с ноги на ногу, не зная, что делать, потом командир послал одного из воинов с донесением. Шооран, орудуя костяной иглой, починал прохудившийся жанч. Через полчаса прибежал запыхавшийся гонец, прошептал что-то на ухо старшему. Командир недоумённо пожал плечами, но ничего не сказал. Шооран продолжал рукодельничать.

И он добился своего: из-за тэсэгов показался Ээтгон.

Уже давно молодой правитель не появлялся на людях без охраны, но сюда он пришёл один, телохранители остались возле поребрика. Ээтгон был одет в цамц из соломенной пряжи и такие же тонкие, пряденные из соломы штаны. Башмаки с шипами, взятые, вероятно, у кого-то из солдат, нелепо смотрелись на его ногах. Сделав знак цэрэгам, чтобы те удалились, Ээтгон присел на корточки напротив Шоорана.

— Здравствуй, сияющий Ээтгон, — произнёс сказитель.

— Здравствуй, — серьёзно ответил Ээтгон. — Я хотел говорить с тобой.

— Говори.

Но Ээтгон молчал, и Шооран вернулся к рукоделию. Он успел накрепко заштопать последнюю дыру, когда Ээтгон медленно проговорил:

— Ты, должно быть, последний настоящий бродяга, для которого нет жизни на сухом...

— Почему же? — не согласился Шооран. — Есть ещё неисправимые. Хотя их немного.

— И среди них — илбэч, — заключил Ээтгон. Он помолчал и добавил: — Я хотел говорить с илбэчем.

— Ничем не могу помочь.

— Можешь. Ты наверняка встречался с ним. Если он человек, то он сидел среди охотников и бродяг, слушая сказки о Ване. И вы ещё не раз встретитесь, ведь вы оба ходите по мокрому, а мокрых земель осталось так мало. Значит, он услышит всё, что ты скажешь ему. Так передай: пусть он перестанет строить. Людям больше не нужна земля, им нужен далайн.

— Вместе с Ёроол-Гуем?

— Ёроол-Гуй — неизбежное зло. Но Многорукий — это далайн, а без него нам не прожить. Можно одеваться в солону и шерсть бовэра, можно обойтись без чавги и научиться обрабатывать кожу, не вымачивая её в нойте. Мы научимся делать инструмент из костей умерших родителей и забудем, что такое хитин и рыбий клей. Но мы не сможем существовать без воды.

— Ты, должно быть, пересох, живя в алдан-шаваре, и забыл, что в далайне нет воды. Я её доставал только на сухих землях.

— И всё-таки это так. Хотя влага далайна мало похожа на воду, но вода заключена в ней. Просачиваясь через поры камня, влага очищается и выступает на сухих оройхонах чистой водой. А нечистая часть превращается в нойт и выходит на мокром. Так полагают мудрецы, и в этом есть резон. Иначе как объяснить, почему во время мягмара, когда вскипает далайн, источники наполняются водой?

— Я вижу, ты обзавёлся придворными мудрецами! — заметил Шооран. — Прежде ты смеялся над ними. Я думаю, мудрецы говорят то, что ты хочешь от них услышать, ведь их хлеб в твоей руке. Измыслить можно всё, что угодно. Может быть, наоборот, мягмар происходит оттого, что пришла вода.

— Это не измышления... — Ээтгон покачал головой. — Сейчас многие полагают, что засуха происходит оттого, что земли стало много, а воды не прибавилось. Это не так. Мудрецы не зря едят хлеб, они сосчитали — воды стало меньше. Дюжину лет назад — ты должен это помнить — таких засух не случалось. Тогда далайн был огромен, занимал пространство на четыре с половиной двойных дюжин оройхонов, а сухих оройхонов насчитывалось только четыре двойных дюжины. Вот воды и хватало. Но с тех пор суша выросла вдвое, а да-

лайн усох в шесть раз. Сегодня каждый новый оройхон несёт беду. Ещё немного, и вода не достанется не только полям, но и людям.

— Это правда? — прошептал Шооран.

— Да. Следующая засуха будет ещё страшнее, потому что один из четырёх заливов высушен полностью, да и от остальных осталось одно название. — Ээтгон потёр переносицу и остро взглянул на Шоорана. — Я впервые не знаю, что делать. Я не знаю, известно ли правителям других стран то, что я рассказал тебе, не знаю, надо ли сообщать им об этом. Не знаю, говорить ли народу правду или держать его в неведении целый год. Мне неизвестно, о чём думает и что собирается делать илбэч. Возможно, у него свои резоны и ему наплевать на людей. Но мне-то на них не наплевать! Я не могу убить илбэча, ведь тогда, рано или поздно, появится новый и всё начнётся сначала. Мне надо, чтобы этот илбэч перестал строить. Тогда, может быть, что-то удастся спасти.

— Я... — сказал Шооран. — Я обещаю. Я не знал... Но я пройду по всему побережью. Сначала здесь, потом у вана, у Моэртала, а если потребуется, то и в диких землях. Илбэч услышит. Я обещаю... Новых оройхонов не будет.

— А говорить ли людям правду — решишь ты! — закончил Ээтгон. — Всё-таки мы оба учились у Чаарлаха, но он всегда выделял тебя.

* * *

Так кончается жизнь. Однажды оказывается, что всё тобой сделанное не просто бесполезно, но и наполнено злом. Твоя любовь убивает, забота несёт гибель. Твои хлопоты смертельны, и сам ты страшнее, чем дюжина многоруких дьяволов. И вот, когда жизнь кончилась, последний открытый для всех выход оборачивается тупиком. Далайн не примет тебя, и шавар для тебя закрыт, ибо в момент твоей смерти родится новый илбэч. Спасибо мудрому Тэнгэру, он предусмотрел всё. Судьба заставит тебя существовать сегодня, завтра, и когда начнётся голод, и вернётся тшедушный мягмар, и ещё много дюжин лет.

Шооран и Ай кочевали во владениях Моэртала. Когда год лишь клонился к середине, здесь было проще прокормиться. Во-первых, у рачительного Моэртала и подданные жили по-

богаче, а во-вторых, здесь оставался последний значительный клочок далайна, и бродяги боялись Ёроол-Гуя. Два других залива представляли собой длинные ленты шириной в один оройхон, а здесь далайн расширялся до трёх оройхонов. Загнанный бог действительно укрылся здесь, но последнее время он выныривал редко, и чавга на берегах росла без помех. Но теперь, когда год близился к завершению, побережье переполнилось гибнущими людьми. Ээтгон оказался прав — прежние засухи не шли ни в какое сравнение с нынешней. Уже три месяца не было урожая, а недавно прошёл слух, что родники у подножия суурь-тэсгов высохли. Трудно сказать, чем бы это кончилось, если бы Моэртал не организовал выдачу воды. Дюжина цэрэгов с полными бурдюками выходила к поребрику каждого мокрого оройхона и безданно наливала воду подошедшим. Немедленно образовались очереди. Порядок в них поддерживался самими бродягами, нарушителей вышвыривали вон, а чаще — просто убивали. Цэрэги в эти схватки не вмешивались.

На юге, где одонты вана вздумали по старой привычке продавать воду, вспыхнул бунт, вскоре переросший во всеобщую резню. На севере тоже было неспокойно. В диких землях, оставшихся на развалинах империи братьев, некому было запастись хлеб и воду. Тамошних жителей первыми ударило несчастье, и, не видя иного выхода, они пошли на штурм костяной стены. Их встретили удары пик и залпы татацев. Моэртал недаром скупил у братьев всю их артиллерию. Война голодных превратилась в жуткое побоище, и вновь шавар захлёбывался, будучи не в силах пожрать столько тел сразу. Что творилось в земле изгоев, никто толком не знал, но Шооран был уверен, что Ээтгон успел подготовиться к чёрным дням, запас и хлеб, и воду и укрепил границу, опрометчиво стёртую невежественной злобой илбэча. Вероятно, и там раздаётся заранее запасённая вода, а может, даже по крохам выделяется хлеб, взятый в начале года в виде налогов.

Моэртал хлеба не выдавал, позволяя тем из подданных, кто не помыслил о себе заранее, погибать от голода. Чавга не могла прокормить всех, люди слабели и мёрли, словно зогги от свежей воды. Среди бродяг появились случаи людоедства.

В этой круговерти бывший илбэч со своей подругой жили лучше многих. Ай умела с первого взгляда определить, прячется ли под слоем смешанного с грязью нойта чавга или всё

вокруг недавно перекопано и новые клубни появятся лишь через две недели. Шооран стал охотником, удачливо бил жирха и, случалось, приносил тукку или небольшого парха. Крупные хищники теперь почти не встречались в шаваре, им не давал вырасти Ёроол-Гуй, так что самую большую опасность представляли зогги. Их легко выжечь факелом, но тогда можно сразу распрощаться с надеждой на приличную добычу: тукка панически боится огня.

Но так или иначе, профессиональным бродягам на мокром всегда легче, чем случайным людям.

На эту ночь Шооран увёл Ай с мокрых мест на приграничную полосу. Намедни ему удалось взять в шаваре парха, и теперь надо было разбираться с навалившимся изобилием. Чтобы мясо не протухло, его следовало прожарить до хруста, а это можно сделать лишь на аваре.

Ай с плоской костью в руке присматривала за шипящими на камне кусками, Шооран резал мясо на тонкие ломти и думал. Вспоминал жутковатую сцену, что наблюдал сегодня утром. Они тогда шли вдоль далайна, высматривая, не найдётся ли что-нибудь полезное для их походного хозяйства. Умиравший далайн ничуть не отличался от далайна великого, с тем же пренебрежением он вышвыривал на берег населявшую его мразь. Людей на берегу почти не было, и Шооран невольно обратил внимание на одинокую фигуру, разделяющую неподальёку от кромки прибоя рыбу. Это была обычная, никчемная рыба, каким даже названий не придумывают за полной ненадобностью. Её плавники не годились ни на крючки, ни на иглы, чешуя не отличалась от всякой иной чешуи, и вообще было неясно, что могло заинтересовать добытчика в этой твари. Лишь подойдя поближе, Шооран понял: человек ест. Он отрезал от растерзанного бока рыбы куски розоватого, сочащегося жидкой кровью мяса и тут же, давясь и чавкая, пожирал их.

— Зачем? — невольно вырвалось у Шоорана.

Человек поднял мутный взор и невнятно произнёс, кривя наполовину парализованный рот:

— Вкусно. Только рот колет, губы как чужие. А так вкуснятина, никогда такого не едал. Что же, одному Ёроол-Гую сладко кушать? — И он снова погрузил почти уже непослушные руки в чрево добычи.

Такое случалось всё чаще: изголодавшиеся люди набра-

сывались на валяющуюся вдоль берега рыбу, желая хотя бы умереть сытыми. Многие из них успевали рассказать о чудных видениях, что их посещали, и о дивном вкусе отравы. Эти рассказы передавались из уст в уста, и волна самоубийств росла с каждым днём.

Тогда у них ещё не было парха, и Ай, проходя мимо рыбоеда, сглотнула, завистливо глядя на него. Шооран поспешил увести Ай. Через несколько шагов он оглянулся. Рыбоед лежал возле освежёванной туши, пытаясь скрюченной рукой вырвать хотя бы ещё один кусок. Конвульсивные движения становились всё реже и бессмысленней.

Теперь Шооран размышлял: а не создадут ли массовые самоубийства новую религию? Уж больно привлекательна такая кончина для изголодавшегося человека. Тогда берег опустеет быстрее, чем можно надеяться.

— Скоро мягмар, — произнёс Шооран задумчиво. — Как вода появится, пойдём в дикие земли. Там, считай, никого не останется. Огородим большой участок поближе к далайну. Соседей подберём хороших, я знаю таких. Алдан-шавар закроем, будем там хлеб хранить. Наыса насушить можно много. А воду в бурдюках хранить, как вино. Авхая бы промыслить, из него бурдюк хороший будет.

— Ага, — подтвердила Ай.

— Моэртал воду в ямах хранит. Заранее выдолбил и налил. Запасливый он. Говорят, у него там и бовэры живут. Нам тоже надо будет так сделать. Выдолбим ванну, как для махания ухэров, просмолим, чтобы вода не ушла, и отведём туда ручей.

— Ага.

— Весной, глядишь, и у нас бовэры заведутся, а нет — так у Моэртала купим пару и сами разведём. Соседей только надо подобрать, какие и работать умеют, и за себя постоять. Я кое-кого уже присмотрел. Вот заживём — и с хлебом, и с водой, и с мясом.

— Ага! — согласилась Ай.

За последний год уродинка сильно изменилась, хотя ничуть не выросла. Зато она стала чаще и осмысленней говорить, а ела всё, не отвергая сухих произрастаний. Когда жизнь наладится, она будет хорошей помощницей. Вот и сейчас, беседуя с Шоораном, Ай не забывала переворачивать подсохшие ломтики.

Пяток человек, хорошо одетых, но измождённых до крайности, остановился неподалёку, пристально глядя на шипящее на камне мясо. Люди были вооружены, но уже по тому, как они держали гарпуны и копья, было ясно, что это не охотники и не цэрэги, а обычные крестьяне, согнанные голодом с бесполезной земли.

— Гля!.. — сказал один. — Мясо!

Второй, стаскивая на ходу новенький жанч, шагнул к Шоорану.

— Слушай, парень, продай? Ну хоть чуть-чуть... У тебя же много.

Шооран молча покачал головой и, чтобы сразу положить конец неприятной сцене, извлёк на свет хлыст. Тонкий ус словно сам собой развернулся и задрожал, тонко посвистывая. Обычно при этом всякий нежелательный разговор немедленно прекращался, но сейчас, верно, нервы у мужчины не выдержали, и он, вместо того чтобы поскорее отойти, лишь отступил на шаг и закричал, размахивая копьём, словно палкой:

— Сволочь! Мразь вонючая! Зажрались на нашей крови, мясо впрок готовите, а ты помирай! Да?!

— Что ты?.. Оставь... — дёргал его за рукав пожилой крестьянин, но тот, что с копьём, вырвал руку и с криком: «Гаады!..» — кинулся на Ай, которая спешно запихивала в торбу последние куски.

Ай проворно отпрыгнула, но сзади оказался жгуший авар. Ай метнулась в сторону, и в этот миг крестьянин неумело, словно сноп соломы насаживал на вилы, ткнул её копьём.

— Не-е-ет!.. — вопль сам вырвался из груди Шоорана.

Хлыст перечеркнул нападавшего, рванулся, расплёскивая обрывки праздничного жанча, ярко спрыснутые кровью, и рухнул на второго мужика, замершего, словно изваяние, и даже не пытавшегося защищаться. Пятеро людей были изрублены, прежде чем успели хоть что-то предпринять для своего спасения, лишь пожилой миротворец успел крикнуть: «Не надо!» — то ли Шоорану, то ли ещё своему приятелю.

Шооран нагнулся к упавшей Ай, отнёс в сторону от авара, уложил, распахнул жанч, чтобы осмотреть рану. Отёк ещё не появился, рана на тшедушном тельце, в котором не было ничего женского, казалась ссадиной, даже не слишком глубокой, но Шооран видел, как пузырится при дыхании кровь —

значит, каменный наконечник задел лёгкое. Шооран встряхнул флягу. Промыть рану? Но Ай захочет пить, а воды больше нет. Хотя...

Шооран подбежал к убитым. У старика нашлась почти полная фляга. Когда Шооран вернулся, Ай лежала, раскрыв глаза.

— Потерпи, — сказал Шооран. — Я тебя вылечу.

— Не-е, — едва слышно выдохнула Ай, и кровь тут же окрасила бесцветные губы. — Я умру. Но это ничего, ты ведь не любишь меня.

— Я тебя люблю, — запоздало произнёс Шооран.

— Не... Ты так придумал, потому что тебе некого любить. Ай закрыла глаза.

Шооран промыл рану, наложил чистую повязку и сидел рядом с Ай, отирая с губ выступающую кровь до тех пор, пока она не перестала течь.

* * *

Ждущий мягмара далайн был непривычно тих. Шооран подошёл к самому краю, опустился перед бездной на колени. Разжал руки...

— ...Тебе отдаю я лучшую из женщин...

Потом долго стоял с поникшей головой, пока случайный бугор не обдал его липкой влагой. Выброшенный ыльк впился в полу жанча, дёргая суставчатым телом. Лишь тогда Шооран поднялся.

— За что? — спросил он. — Я же отказался...

Новый бугор выплеснул к его ногам клочья хитинового волоса и уродливых стеклянистых существ. Существа беспомощно дёргали локмиками ногами, пихая друг друга.

— Говоришь, это не ты? — крикнул Шооран в далайн. — Это вы вместе!

Он быстро пошёл прочь, движением хлыста проламывая просеку в зарослях косо растущего хохиура. Он искал людей. Те, что убили Ай, — сами мертвы, но есть и другие, и они ничем не отличаются от тех... Дрожащая от нетерпения рука физически ощущала, как хлыст передаёт ей мягкое сопротивление рассекаемой человеческой плоти. Какая-то женщина, в одиночку ковырявшая чавгу, увидела Шоорана и, охнув, по-

спешила прочь. Шооран дёрнулся было за ней, но вдруг остановился.

— Ничего... — процедил он. — Я расплачусь со всеми разом. Вы отняли у меня Ай, теперь мне действительно нечего терять.

Шооран осмотрел своё снаряжение, с удивлением обнаружил за спиной мешок, а в нём нашёл прибранное Ай мясо и чужую флягу. Запасов должно хватить до мягмара, а там он позаботится, чтобы это был последний мягмар.

Ночью в далайне возникло шесть оройхонов.

Весь день озверевшие цэрэги уничтожали всех, кто казался хоть немного подозрительным. Обнищавшие земледельцы помогали им, избивая друг друга. В несколько часов мокрые оройхоны опустели, на болотах остались лишь отряды цэрэгов. И всё же на следующую ночь появилось ещё три оройхона, а потом ещё три. Они появлялись прямо на глазах у мечущейся стражи, которая тщетно пыталась открыть илбэча.

Днём Шооран прятался в пустых шаварах только что построенных оройхонов, ночью выползал к берегу и, накрывшись костяным панцирем бронированной рыбы, работал. Он работал, лёжа у самого уреза влаги, которая обдавала его с ног до головы, а однажды кто-то из пробежавших цэрэгов даже споткнулся о его убежище.

Ёроол-Гуя Шооран во внимание не принимал. Откуда-то пришла уверенность, что ход жизни переломился и теперь не Многорукий охотится за ним, а он травит загнанного бога.

И всё же долго так продолжаться не могло, и Шооран испытал облегчение, когда во время очередной днёвки увидел, что нойт в пустом шаваре прибывает на глазах. Наверху наступил мягмар. Шооран выполз наружу и легко затерялся в оборванной и грязной толпе, привычно потащившей с берега кость и хитин. Шооран шёл вместе со всеми, волоча на спине сослужившую добрую службу костяную скорлупу.

На сухом, когда толпа рассеялась, Шооран помыслы в пробудившемся ручье, привёл в порядок одежду и, бросив ненужную кость — такую всегда можно подобрать на берегу, — отправился к землям вана, где не ждал таких слаженных и всеобших облав.

Облавы действительно оказались нестрашными, очевидно, каждая из сторон полагала, что илбэч орудует с противоположного берега, а может быть, властители просто не сумели

договориться о совместных действиях и посылали солдат больше для очистки совести. Так что Шооран, когда закончился мягмар, легко мог ставить по три, а то и по четыре оройхона в ночь. Он забыл о времени, не вёл счёт оройхонам и, лишь когда далайн не послушал его, понял, что ещё один залив перестал существовать и, значит, вновь надо возвращаться к Моэрталу или идти через весь мир, где возле владений Ээтгона находится другой конец узкого канала, когда-то занимавшего полвселенной. Теперь далайн нигде не расширялся хотя бы до двух оройхонов, и где-то там, в слишком узких для него трещинах, беспомощно метался ослабевший Ёроол-Гуй.

За три недели спокойствие не успело сойти к Моэрталу, мокрые оройхоны были переполнены войсками, хотя они всё нужней были в других местах, а среди самих цэрэгов не утихали толки, что неуловимый илбэч и не человек вовсе, а злобный дух шавара и встреча с ним несёт гибель не илбэчу, а тому, кто ловит его.

Шооран, сам служивший у Моэртала, преотлично знал, как расставляются дозоры и где прячутся секреты, так что сумел, исползав на пузе пол-оройхона, пробраться к далайну. Последний секрет обойти не удалось, и Шооран снял его, хладнокровно зарезав двоих цэрэгов.

Словно оправдываясь перед самим собой за лишние убийства, Шооран принялся поспешно строить. Истерика первых дней прошла, Шоорану уже не хотелось убивать своими руками, зато появилось спокойное убеждение, что лучше всеобщая гибель, чем такая жизнь. И Шооран строил, расчётливо экономя силы, чтобы их хватило до самого конца. Вопль ужаса, разнёсшийся по окрестностям, когда стало ясно, что никакие предосторожности не уберегли далайн от илбэча, сменился разбродом. Кто-то кинулся запасать воду и снимать недозревший хлеб первого урожая, другие пребывали в прострации, третьи продолжали ловить илбэча, но правильной осады уже не было.

Шооран по-прежнему скрывался в нижних ярусах свежестроенных островов. Там его никто не пытался искать, слишком прочно впечаталось в разум людей представление, что в шаваре человек жить не может. Наружу Шооран выходил лишь в полной темноте. Сначала, пока сгущались сумерки, подолгу ожидал у выхода, высматривая, нет ли караулов, а

если они есть, то где стоят. Теперь он, боясь надорваться прежде времени, строил за ночь один-два оройхона, но зато делал это каждую ночь. Он понимал, что стоит однажды не выйти наружу и его убежище окажется залитым нойтом.

Когда у него кончалась вода и пища, он, поставив остров, пробирался на один из боковых оройхонов, ставших сухими, и ждал воды. На то, чтобы вымыть сухую землю, воды ещё хватало, хотя её появление ничуть не напоминало прежние потоны. Шооран наполнял обе фляги — свою и чужую, легко забивал пару одуревших от пресной воды тукк и переползал обратно — прятаться и готовить миру гибель. Людей для него не существовало, были лишь фигуры цэрэгов, порой мелькавшие в смотровых окошках, когда Шооран оглядывал перед выходом местность. О том, что делается в населённых местах, Шооран не знал и старался об этом не думать.

* * *

Шавар, ещё не залитый нойтом, конечно, сух, и в нём нетрудно пройти до самых глубин, но всё же у него мало сходства с алдан-шаваром жилых земель. В алдан-шаваре царит вечный, хотя и призрачный день, здесь же — ночь, которую нельзя назвать вечной только потому, что через сутки шавар затянет липкой мерзостью, в которой утонет само понятие света и тьмы. Но пока, что бы ни делалось наверху, в нижнем ярусе — ночь.

Шооран проснулся в неурочный час. Шестым чувством он угадывал, что на воле полдень и выходить нельзя. Приподнявшись на ложе, Шооран всматривался и вслушивался, стараясь определить, что его разбудило. От напряжения перед глазами поплыли цветные разводы, они кружились, смешиваясь и уплотняясь, образуя фигуры, и вскоре из темноты на Шоорана глядел чёрный уулгуй, с которым илбэч так давно не виделся.

«Я сплю», — успокоенно подумал Шооран и закрыл глаза.

Несколько минут он лежал, вслушиваясь в собственное ровное дыхание, потом глаза сами собой разлепились. Уулгуй продолжал смотреть.

— Зачем ты убиваешь далайн? — спросил уулгуй.

— Какое тебе дело до далайна? — вопросом на вопрос ответил илбэч. — Ты давно умер, тебя нет нигде, кроме моей па-

мяти, и раз мне не нужен далайн, значит, его судьба не должна волновать и тебя.

Уулгуй покачал головой.

— Ты ошибаешься. Я не умер и никогда не умру, хотя ты и пытаешься убить меня. И я спрашиваю: зачем?

— Так ты... — Шооран судорожно глотнул, не в силах говорить имя, — ...ты — Многорукий?.. Ты — бог далайна?

— Не всё ли равно, кто я? Может быть, я и в самом деле только эхо твоих мыслей, возвращённое пустым шаваром. Но мои вопросы от этого не меняются. Посмотри, что ты сделал с миром! Я устроил вселенную, дав ей закон и порядок. Всему были положены границы — даже мне, и большинство людей жили, не зная страха шавара.

— Ты положил границы не только шавару, но и людям. Твои правила, границы и авары сковали их. Я был в тюрьме и знаю: лучше вообще не жить, чем жить в темнице.

— Ты был наказан, сидел среди собственного кала и жрал тухлятину, а я давал людям столько хлеба, мяса и вина, сколько могла принести земля. Не я виновен, что вам было мало этого.

— Я жил в алдан-шаваре и ел хлеб и мясо, сколько мог вместить. Но я был заперт. Не только моим делам, но и словам была положена граница, братья решали за меня, когда мне надо рисковать, а когда пребывать в неге. Я сполна хлебнул сладкой жизни и знаю: лучше вообще не жить, чем жить так.

— Это твои слова, но что скажут остальные люди, захотят ли они пропадать по чужой указке? Ведь даже каторжники разбежались не все. Кто дал тебе право решать за других — жить им или умирать?

— Люди, ставшие бовэрами, недостойны жалости. Мне нет до них дела.

— Я вижу, добрый илбэч, ты ещё страшней, чем я. Думающий, как ты, может и победить, а если бы люди пережили тебя, то ты остался бы в их памяти великим богом. Тогда нас стало бы трое: старик, сделавший всё и не делающий ничего, я — его тень и истинная суть и ты — предвечный и единосущный сын и вместе с тем — лучшее из творений, пришедший во имя любви и убивший мир. Жаль, некому будет полюбоваться на такую троицу. Но запомни, илбэч, я сделаю всё,

чтобы этого не случилось. Я долго уходил от тебя, дальше отступать некуда.

Тяжёлый удар прилетел извне в самые глубины шавара. Шооран вскочил, стряхивая остатки сна. Звук был слишком и безнадежно знаком: на оройхон выходил Ёроол-Гуй. А потерявший бдительность илбэч спал в самой глубине шавара!

Не было времени думать, что это конец, что спасение немислимо и любые попытки — бесполезны. Шооран побежал, спотыкаясь о неровности необработанного пола и ударяясь о выступы стен. Он благополучно выбрался в верхний ярус, хотя это не имело никакого значения — у Многорукного было достаточно времени, чтобы занять весь оройхон.

Шооран давно потерял ориентировку, бежать приходилось наугад, выставив вперёд руки, чтобы не раскроить себе голову. Такое передвижение напоминало не бег, а смешные подпрыгивания. Хотя смеяться не стоило — снаружи доносилась привычная какофония разрушения: плеск влаги, скрип, скрежет и треск ломаемого камня.

Красный, почти невидимый в темноте отблеск обозначил стену. Там мог быть выход, и Шооран, не раздумывая, свернул туда. Он очутился в одном из залов с окнами под потолком. Вечерний свет нехотя рассеивал здесь тьму, кровавил нагромождение пористых глыб на полу. Одно из окошек было достаточно широким, чтобы мог пролезть человек. Шооран вскочил на кучу камня, прыгнул; раскровянив руки, вцепился в края лаза. Ему удалось заклинить в узком отверстии, перехватить руки и наконец, издохавшись об острые края и распоров жанч, вырваться наружу.

Он очутился на вершине одного из суурь-тэсэгов. Близился вечер, небесный туман переливался всеми оттенками карминового, алого, рыжего и бордового. Наступала та минута, когда мир кажется залитым кровью. Всё это отложилось в памяти за то мгновение, пока Шооран оглядывался, выбирая, куда бежать дальше. Ёроол-Гуй был совсем близко, но ещё не достиг этого, крайнего из суурь-тэсэгов. Шооран не удивился медлительности противника, как не поразился и тому, что вообще сумел вылезти из-под земли. Если он останется жив, у него будет время призадуматься на досуге. Шооран не оценивал ситуации, ни о чём не думал, он просто обнаружил себя бегущим по склону, и ноги сами выбирали направление: прочь от ползущего Ёроол-Гуя и, по возможности, влево, где

проходит спасительный поребрик. Земля, не успевшая осклизнуть нойтом, удобно ложилась под ноги, ни один валун не подвернулся под стопой, никакая ямка не заставила споткнуться.

«Убегу!» — запела радостная мысль.

Поребрик приближался с каждым шагом, а Ёроол-Гуй двигался непривычно медленно и словно вслепую. Одним прыжком Шооран перемахнул поребрик, поскользнулся на нойте, которого здесь хватало с избытком, упал, но тут же вскочил и закричал ликующе:

— Что, гадёныш, не вышло?!

Потом он замер и попятился. То, что он увидел, нарушало все законы, вросшие в плоть за две дюжины лет, что прожил он на свете. Ёроол-Гуй полз по двум оройхонам сразу, не обращая внимания на прежде неприступный поребрик. Также переливалось тело, взлетали и падали щупальца рук, хлопал нойт и плакал камень.

Происходящее напоминало дурной сон, и, словно во сне, Шооран побежал. От бывшего воодушевления не осталось и следа, но всё же он бежал старательно и быстро, как бегал множество раз до того. Ёроол-Гуй полз следом, медленно, очень медленно, но всё же быстрее, чем может бежать человек. Новый поребрик появился почти сразу, оройхон, по которому метался Шооран, выходил на далайн углом, и поребрики были близки. Шооран ничуть не удивился, что Ёроол-Гуй был и здесь. За четверть часа мир вместе со всеми привычными законами полетел кувыркком.

Ёроол-Гуй двигался рывками, — очевидно, и ему непросто давалось происходящее. Иногда он замирал, и тогда Шооран увеличивал дистанцию, но затем преследователь выстреливал вслед беглецу несколько рук разом и сокращал расстояние. Один раз гибкая рука шумно упала впереди, преградила дорогу, растопырив липкие пальцы, каждый из которых был похож на многоногого жирха, но Шооран, метнувшись с полуразрушенного тэсэга, сумел перескочить её, не задев отростков.

Никчемной помехой замаячил впереди поребрик, Шооран, не глядя, перелетел его и побежал дальше, уверенный, что Ёроол-Гуй не остановится и здесь. Путь ему преградил чёрный, шелушащийся окалиной камень. В лицо пахнуло жаром. И хотя трезвое сознание услужливо шепнуло, что дальше

дороги нет, Шооран вспрыгнул на авар, и лишь боль от ожогов заставила его отступить.

Последний поребрик Ёроол-Гуй не перешёл. Очевидно, и сейчас он не мог удалиться от далайна больше чем на один оройхон. В набегающей тьме нервно плясали бесконечные руки, плоть собиралась в хлюпкие холмы, плохо различимые в этот час.

Шооран подошёл на шаг ближе, хотя к самому поребрику выйти не осмелился. Почему-то он был уверен, что сейчас Ёроол-Гуй вытаращится на него главными глазами, но ничего подобного не произошло, бог, продолжая слепо шарить руками, повлёкся прочь.

Лишь теперь трезвое сознание смогло отвлечься на посторонние мысли.

«Откуда здесь авары?» — запоздало подумал Шооран.

Пока позволял свет, он огляделся. Оройхон, куда он попал, был знаком ему, хотя за последние годы разительно изменился. Но всё же случайно уцелевшие детали, мелкие подробности позволяли узнать его. Вот выступ на поребрике, похожий на косо торчащий зуб. Вот оставшийся прежним большой авар, прозванный «Дымным жирхом».

Шооран стоял на сухой полосе, погружающийся в ночь оройхон перед ним когда-то назывался Свободным.

Сухая полоса была пустынна. За последние годы люди пресытились сухостью, теперь здесь никто не жил, тем более что много лет кряду по этому месту проходила граница.

Шооран огляделся. Где-то поблизости прежде стояла их палатка. Здесь ничего нельзя было оставлять без присмотра, поэтому даже навес на день скатывался и уносился с собой. Но шесть колышков, на которых навес держался, считались домом. Теперь эти костяшки, конечно, не найти. А вон там, возле холодного тэсэга, жил Боройгал. Однажды он вбил в верхушку тэсэга огромную зазубренную кость. Может быть, задумал что-то строить, но трудолюбия хватило лишь на один столб, а может быть, просто желал похвастать своей могучестью. Костяга так и осталась торчать из камня. Когда Боройгала не было поблизости, мальчишки влезали на тэсэг, старались качнуть столб, а потом хвастались, что это почти удалось. Кость и сейчас торчит там: нелепый признак того, что здесь жили люди.

Шооран поднялся на тэсэг, обхватил кость руками, кач-

нул несколько раз и одним рывком вытащил. Бросил глухо стукнувшую кость, сел, свесив ноги с тэсэга.

Но как всё-таки он очутился здесь? Ведь он начинал строить с самого дальнего конца узкого далайна. Сколько же времени он провёл один и что творится за пределами этого пустого куска суши? Впрочем, бог с этим, главное, что он дошёл сюда, и от всего необъятного далайна остался ничтожный клочок, который можно прихлопнуть одним ударом. Вернее, можно было бы прихлопнуть, если бы там не скрывался Ёроол-Гуй.

«Берегись, если прежде в далайне не останется места для тебя!» — возгласил некогда старик Тэнгэр. Шооран помнил эти слова и надеялся, что, когда далайн начнёт иссыхать, исчезнет и Ёроол-Гуй. События последних месяцев, казалось, подтверждали это. Но вот от далайна остался последний квадрат, а Многорукий цел и даже обрёл новые свойства.

А если бросить это дело, оставить всё как есть? Конечно, Ёроол-Гую стало тесно плавать, но ведь глубина далайна не измерена и, значит, в нём хватит места. Человечество тоже не погибнет. Те дюжины людей, что переживут смуту, наладят иное существование. Они будут жаться на нескольких оройхонах вокруг пятна животворной слизи и восхищённо любить благодетельного Ёроол-Гуя. Весь остальной мир превратится в пустыню, лишь в первый месяц после мягмара там будет слабо сочиться вода. А когда люди вновь расплодятся сверх возможного, новые изгои будут уходить не на мокрое, а скрываться в пустыне. Во всяком случае, там будет много места, и для всякого найдётся свой алдан-шавар. Разбойники станут отнимать воду у караванов, идущих на крест Тэнгэра за камнем, или совершать набеги на жилые земли. Цэрэги начнут неумоимо преследовать бродяг; для охраны сохнувших полей потребуются татацы, на восьми мокрых оройхонах опять начнут скрести рыжий харвах, а здесь, на бывшей Свободной земле, устроят каторжные мастерские.

Всё будет как прежде, только мельче и поганей. Он не желает прозябать в таком мире, и, что бы ни твердили жаждущие спасения, так жить он им не позволит. Словно бродяга Мозолистая Пятка, он не может остановиться, а должен всё время идти вперёд. Пусть никто, кроме сказочника, не верит, что бродяга пробил стену, но сказочник должен верить, иначе не стоило начинать рассказ.

Смешно, до самого конца почти никто не мог заподозрить его, ведь он сказочник, а сказочник обязан быть добрым! Вот Чаарлаха подозревали. Но тогда илбэча считали благодетелем, а сейчас его именем проклинают. Жаль, что доброта не имеет никакого отношения к происходящему. Путь должен быть пройден до конца в любом случае. Это и есть главное проклятие илбэча. Он не остановится и никогда не увидит унылого мира, какой воображал только что. Пусть тот мир, если сумеет, появится после смерти последнего чудотворца. Утром он пойдёт строить.

* * *

К далайну Шооран вышел до света. Ёроол-Гуй затих, убравшись в глубину, и Шооран двинулся в путь, опасаясь, что на сухой полосе его может обнаружить патруль, если, конечно, они сохранились в рухнувшем мире.

Далайн, словно в начале веков, продолжал свой размеренный танец. Противоположный берег был почти неразличим в дымке, и, если прищурить глаза, можно внушить себе, что мир ещё не начинал меняться, а ты — первый илбэч, готовящийся творить землю под любопытными взглядами дурня Бовэра.

Шооран глубоко вздохнул, собираясь с силами.

Надо строить. Как?... На голове у Ёроол-Гуя? И всё же строить надо. А если он погибнет, то пусть скучный мир завтрашнего дня появляется без него.

С первого мысленного усилия Шооран почувствовал сопротивление, словно он пытался перегородить далайн, разрезав его на части. Но что-то в этом сопротивлении подсказывало Шоорану, что оно не бесконечно. Далайн вздулся, влага заметалась, взлетая клочьями пены, стараясь уйти из-под сжимающей её воли строителя. Шооран не отпускал. Должно быть, со стороны это выглядело до ужаса нелепо: человеческая песчинка корячилась на краю бездны, надсаживаясь в безмолвном крике, словно поднимая неизмеримую тяжесть, хотя в руках у неё ничего не было. Зато впереди начали возникать искажённые очертания суурь-тэсэгов.

И немедленно Шооран почувствовал ответный удар. Шооран ждал этого удара и только потому не был раздавлен. Удары, всё более мощные, сыпались один за другим, Шооран

дёргался, словно его била падучая, хрипел, брызгая кровью, выступившей из-под сжатых зубов, но работы не бросал. Он не пытался защищаться от атак беснующегося внизу Ёроол-Гуя, стремясь лишь сохранить выстроенный призрак.

На мгновение силы борцов пришли в равновесие, затем чудовищный бог проломил тонкую окаменевшую корку и устремился к берегу.

Шооран не побегал. Он продолжал строить, если можно назвать строительством бессмысленное сжигание самого себя перед лицом куда более могучего разрушения.

Разрывая себя о тонущий и вновь возникающий камень, Ёроол-Гуй тянулся к илбэчу. Их разделяло не больше дюжины шагов, справа и слева хищные руки уже легли на оройхон, словно бог хотел обнять строителя, прижать его к себе всеми руками. Кольцо рук сжималось, но всё же Ёроол-Гуй не мог окончательно соединить их. Илбэч не делал ничего для своего спасения, он атаковал сам, и это оберегало его верней всякой защиты. Руки, готовые раздавить илбэча, срывались в наплывающий камень, и всё больше их не выныривало обратно. С громовым треском обрушилась часть берега, и тут же всё бушующее пространство разом затвердело, Ёроол-Гуй исчез под изломанными пластами камня.

Какое-то время Шооран не помнил себя, лишь потом обнаружил, что сидит на том самом месте, где стоял утром, но облака над головой сияют слепящим полуденным светом. Шооран смотрел туда, где прежде простирался далайн. Никакого оройхона там не было: ни суурь-тэсэгов, расположенных через равные промежутки, ни вычерченно-ровных поребриков, а только уродливое нагромождение камня, испорченного страшной агонией мира. Человек затерялся бы в этом хаосе, словно зогг в чешуе парха.

Шооран сидел, ни о чём не думая, ни о чём не беспокоясь. Сидел так впервые за много лет. Он заслужил это право: его труд и труд многих поколений илбэчей — закончен.

В стороне раздались голоса, шум.

Надо же, кто-то ещё жив, и в нём осталось достаточно любопытства, чтобы пойти взглянуть на могилу Ёроол-Гуя. Ну что ж, пусть идёт.

Шооран не встал с камня, даже не переменял позы, лишь запахнул поплотнее жанч. Пусть пришедшие видят всё, что здесь было, — больше он прятаться не станет.

Отряд в две дюжины цэрэгов пробирался вдоль перепавшего катаклизмом места. Заметив Шоорана, воины быстро перестроились полукругом, выставив нацеленные копья. Шооран глянул в лицо предводителю. Это был Ээтгон. Ну конечно, кто ещё мог сохранить хоть какой-то порядок в той круговерти, что бушует сейчас на оройхонах.

— Здравствуй, брат, — сказал Шооран.

— Здравствуй... илбэч, — произнёс Ээтгон, чуть помедлив. — Ты всё-таки сделал по-своему. А я надеялся, что уговорил тебя тогда.

— Так ты знал?

— Кто мог знать? Я догадывался. Это мог быть ты или дурочка Ай. Больше никому. Вы появлялись, и начинала рождаться земля. Уходили — и возвращалась тишина. Надо быть слепцом, чтобы не заметить этого. Или вы думаете, я не знал, что творится в моей стране? Я давно решил для себя, что илбэч — один из вас.

— Ты прав, это я был илбэчем, — сказал Шооран спокойно. — И что ты намерен предпринять теперь? Прикажешь меня казнить? Казни, мне всё равно. Мне безразлично, осталось ли в силе проклятие Многорукое или рассыпалось вместе с ним. Я сделал своё дело, теперь мне безразлично всё. Дальше решаешь ты.

— Я ещё не знаю, что делать с тобой, — задумчиво произнёс Ээтгон, — но отсюда ты пойдёшь вместе со мной. Отдай оружие.

Шооран пожал плечами и показал пустые руки.

— Всё там, — кивнул он в сторону развалин.

— Тогда идём. — Ээтгон повернулся, уверенный, что Шооран и без принуждения последует за ним.

— Великий Тэнгэр, что это? — воскликнул один из солдат.

Мир озарился всполохами. Небесный туман, всегда спокойный, пришёл в движение, заволновался, словно испарения далайна, когда ветром мягмара их заносит в сухие края. Светящиеся разводы заполонили небо, в одну минуту можно было наблюдать желтизну утра, серебро дня и багрец вечера. Краски сливались, перемешиваясь и вновь разъединяясь. Отсветы бродили по задранным кверху лицам.

— Смотри!.. — прохрипел Ээтгон. — Что это? Отвечай! Это же твоих рук дело, ты должен знать! Ты знал, да? Отвечай!

Шооран молча покачал головой.

— Если... если что-то случится, — сдавленно произнёс Ээтгон, — ты умрёшь первый.

— Что-то уже случается.

Небесный туман начал меркнуть. Разводы мутнели, гася друг друга. Но темнее не становилось, откуда-то просачивался другой свет, не слепящий, но позволяющий видеть не хуже, чем днём. Потом над оройхонами прошёл порыв ветра, словно на миг вернулся мягмар, и ключья вечного тумана потащило куда-то вбок. Мгновение облачная пелена сопротивлялась, затем небо лопнуло, и сквозь рваные дыры проглянуло иное небо, светло-серое, под стать спокойному свету, люющемуся оттуда.

Все головы были задраны в зенит, поэтому бегущего гонца заметили, когда он был совсем рядом.

— Повелитель! — крикнул он, задыхаясь. — Стена Тэнгэра — упала!

* * *

Водяная пыль, что в течение последних суток почти непрестанно сыпалась с нового неба, сменилась частыми крупными каплями, и авары закурились влажным паром. Теперь всякому было ясно, что раскалённые прежде камни хотя и медленно, но остывают и костяная дорога, которую приказал строить Ээтгон, скоро будет не нужна.

Ээтгон, так и не сменивший грубого наряда, в каком ходят по мокрому землям, стоял в клубах густого пара. Струйки воды стекали по коже жанча. Шооран, остающийся в странном положении наполовину пленника, наполовину — опасного божества, стоял позади.

— Во всяком случае, от жажды не умрём, — сказал Ээтгон, сгоняя с лица воду. — Ванны переполнены, скоро придётся спускать излишки в ручьи. Бовэры будут довольны.

— У тебя и бовэры остались? — спросил Шооран, вспомнив умершего от голода тёзку.

— У меня всё осталось.

Что ж, так и поступает рачительный хозяин. Без бовэров худо придётся всем, а детей можно нарожать новых.

В тумане обрисовалась приближающаяся фигура.

— Дошли до конца! — раздался голос. — Только там обрыв!

— Не думай, что пойдёшь первым, — предупредил Ээтгон. — Только вместе со мной. Я не знаю, что ты там приготовил для нас.

Пропустив вперёд троих солдат, он кивнул Шоорану, а затем сам шагнул на костяной мостик.

Настил, скользкий от падающей воды, пружинил под ногами. Местами кость успела обуглиться, там идти было легче, хотя приходилось следить, чтобы подгоревшая опора не обломилась под ногами. Шаг за шагом группа преодолевала прежде недоступное пространство. Через полчаса они выбрались на застеленную площадку, где уже стояли несколько человек.

— Ух ты!.. — выдохнул кто-то из вновь пришедших.

Неизмеримо огромный простор открывался перед ними. Земля простиралась на множество оройхонов. Конец её терялся в недоступной взгляду дали. Но прямо перед ногами оройхон, на котором они стояли, вертикально обрывался вниз. Глубину провала было невозможно измерить, глаз отказывался оценивать такую высоту. Шооран почувствовал, как его против воли качнуло к обрыву, и поспешил перевести взгляд на более отдалённые предметы. Там росли деревья и причудливо извивался ручей.

Шооран недоумённо потряс головой. Если эти деревья ростом хотя бы в половину взрослого туйвана, то, значит, ручей расплескался в ширину на двойную дюжину шагов. А длину его не стоило и представлять. Да какой же оройхон вместит подобное! Или это далайн нижнего мира? И вообще, внизу не замечалось никакого порядка, не было ни одного прямого угла, ни единой ровной линии. Всё изогнуто, прихотливо, свободно. Вряд ли там есть квадратные оройхоны.

Дождь прекратился, высокое небо, недавно потемневшее, вновь посветлело, затем в облаках образовалась прореха, и через неё глянуло третье за последнее время небо: блестящее, чудесно-голубое и чистое, словно лучший жемчуг маминого ожерелья.

— Что ты скажешь на это? — спросил Ээтгон.

— Я не знаю, что ждёт нас внизу, — сказал Шооран, — но это наш мир.

— А где алдан-тэсэг? Куда делся Тэнгэр?

— Какое нам дело до Тэнгэра? Он должен был сам подумать о своей бессмертной жизни. У него было для этого достаточно времени. А нам надо думать о себе.

— ...это было твоё последнее слово, — молвил Тэнгэр, — и пусть будет по-твоему. Но берегись, если прежде в далайне не останется места для тебя!

И поскольку это действительно были последние слова, то Ёроол-Гуй молча канул в глубине далайна и с тех пор не издал ни звука. Но если бы он мог говорить, то сказал бы:

— Ты хочешь меня уничтожить, о Тэнгэр! Но подумал ли ты, что вместе со мной ты разом уничтожаешь половину вечного времени и половину бесконечности, их обратную, тёмную сторону? Сможет ли твоя светлая сторона существовать без меня и на чём будет стоять алдан-тэсэг, если не станет моей бездны?

Однако последнее слово — есть последнее слово, так что эти мысли не были произнесены, и ни один сказитель ничего не поведал о них собравшимся послушать его в красный вечерний час.

ГЛАВА 12

Чтобы достать дно обрыва, пришлось собрать верёвки с нескольких оройхонов. Доброволец из бывших цэрэгов, служивших на угловых оройхонах, обвязался верёвкой и был спущен вниз. Через несколько минут его подняли обратно.

Чего только не передумал Шооран за эти несколько минут. То ему представлялись райские пажити, о каких проповедовали братья, то казалось, что внизу вообще невозможно жить и каждый ступивший туда немедленно скончается. Действительность оказалась проще и странней. Разведчик благополучно вернулся, сообщив, что внизу настоящая земля наподобие креста Тэнгэра. Он привёз несколько прочных камушков и пучок травы. Трава удивила всех: она была нежной, как хлебные всходы, и бесплодной, как хохиур. Зато камням люди обрадовались, и скоро по натянутым верёвкам вверх и вниз заскользили разведчики. Одно за другим пошли к правителю Ээггону донесения.

Первая группа разведчиков вышла к реке. Река действительно оказалась непредставимых размеров и величиной напоминала далайн. Хотя в ней была не мутная влага, а чистая

на вид вода, люди не решились эту воду попробовать, потому что там плавали рыбы.

Второй отряд следопытов обнаружил на поляне зверей. Они не походили на многоногих шаварных тварей, скорее уж напоминали бовзров, поскольку были покрыты шерстью. Но когда охотники хотели подойти и заколоть на пробу одно животное, те умчались быстрее тукки. Зато потом другой зверь сам напал на людей. Он вышел из зарослей спутанных низкорослых деревьев и, гневно взрывая, бросился навстречу охотникам. Почуввав опасность, люди остановились, а зверь, не видя угрозы в незнакомых созданиях, прыгнул. Охотники, привыкшие иметь дело с пархом, легко уклонились от прыжка, и тут же три копыта пробили шкуру хищника. Туша зверя была поднята наверх среди прочих трофеев. Ээтгон, окружённый военачальниками, осмотрел распостёртое тело, с которого даже смерть не сумела стереть опасной силы, коснулся рукой оскаленных клыков, длинных и острых, каких ни у кого на оройхонах не бывало, а только в далайне, у рыб. Произнёс задумчиво:

— Значит, на алдан-тэсэге жизнь тоже не украшена лепестками. — А потом приказал рубить и поднимать наверх стволы деревьев.

— Будем строить большой подъёмник, — сказал он, хотя никто не требовал у правителя объяснений.

* * *

Черепная коробка маараха, напоминающая огромное корыто, покачивалась на скрученных канатах. Пока эта кость лежала на земле, она представлялась неизбежно прочной и тяжёлой. Но теперь, повиснувшая над вертикальным обрывом... Казалось невозможным довериться этой утлой люльке.

Двое воинов уже стояли на зыбкой площадке, готовые подхватить следующих. Ээтгон, сохраняя на лице застывшее равнодушие и не обращая внимания на протянутые цэрэгами руки, шагнул в люльку подъёмника. Но Шооран заметил, что шаг получился много шире, чем нужно. Затем и сам Шооран, стараясь не смотреть вниз, сделал шаг на качнувшийся плотик.

Заскрипели верёвки, мимо поплыла изгрызенная временем стена. Шооран старательно смотрел только на неё, не пытаясь разглядывать с головокружительной и ненадёжной

высоты постепенно приближающуюся землю. У него было ощущение, что всё это происходит не с ним. Слишком долго он рассказывал людям сказки, и вот одна из них властно начала сбываться, и бывший илбэч уже ничего не может сделать, как только смотреть и слушать, что будет дальше.

Внизу земля поражала размерами ещё больше, чем сверху. Расстояния здесь можно было измерять не иначе как оройхонами. Вершины деревьев уходили на такую высоту, что все роскошные эпитеты, придуманные для старых туйванов, казались теперь кукольными. Случайные камни равнялись с суурь-тэсэгами, а чтобы выйти к реке, пришлось лезть через холм, который возвышался, словно вставший дыбом оройхон упрямого илбэча. И нигде никакой еды, лишь на кустах, скопившихся в болотистой низинке, рдели мелкие ягоды. Один из разведчиков сказал, что ягоды съедобны, хотя и сильно горчат. Ээтгон сорвал ягоду, разжевал и, согласно кивнув, сплюнул.

Река застыла в сонной истоме. Глубокая вода казалась зеленоватой, словно тело Ёроол-Гуя. На мелких местах, где она была прозрачна, плавали рыбы. Они были крошечные, величиной с детский мизинчик, но тёмная глубина могла скрывать и настоящих гигантов.

— Рыбы не кусаются, — пояснил сопровождающий, — а вот эти, — он указал на существо, парящее в воздухе над рекой, — вот эти звери рыб едят. А все остальные звери из реки пьют. Мы пили из источника неподалёку. Там рыб нет и вода хорошая. Но её мало.

— Если вода отравлена, нам придётся туго, — проговорил Ээтгон.

Шооран наклонился, зачерпнул в пригоршни воды и двумя большими глотками выпил её. Вода была тёплой, чуть затхлой, словно в ручье, обмелевшем накануне мягмара, и сытно пахла речной травой.

— Стой! — запоздало крикнул Ээтгон.

— Отличная вода, — сказал Шооран.

— Рыба тоже сначала кажется отличной, — произнёс кто-то из стоящих сзади.

— Всё равно мы без этой воды не проживём, и кому-то надо попробовать, — сказал Шооран.

— Но не тебе! — оборвал Ээтгон и тут же, повернувшись к свите, спокойным голосом отдал распоряжение: — Если он останется жив, спустите вниз пару бовэров, посмотреть, как

они тут приживутся. Только сначала заливчик небольшой огородите, чтобы не уплыли и рыбы чтоб к ним не пролезли.

Правитель в окружении свиты двинулся дальше. Шооран шёл вместе со всеми, прислушиваясь к своим ощущениям, ожидая признаков приближающегося отравления. Былая уверенность, что вода хорошая, покинула его, но не было и страха. Шооран лишь пытался понять, почему он так безрассудно взялся разрешить спор о воде. Ответ пришёл сам собой: просто-напросто илбэч Шооран больше никому не нужен. Он сделал своё дело, и сейчас его охраняют и берегут просто на всякий случай. А действуют и живут — другие. Другие спускают вниз людей и ставят палатки, потому что ночи здесь холодные. Отряды разведчиков уходят всё дальше в глубь страны, и пройденный путь измеряется уже не оройхонами, а дайлайнами. Охотники изобрели способ бить быстроногих зверей и принесли первую добычу. Кто-то другой будет устраивать затоны для бовэров. Ээтгон выслушивает донесения и распоряжается, словно всю жизнь прожил здесь, всё вокруг знает и давно привык к подобным масштабам и размаху. Дело нашлось всем, но единственное, что может Шооран, это первым зачерпнуть воду.

Свита вышла на поле, заросшее высокой, как хохиур, травой. Каждый сорвал и растеребил по пустому, лишённому зёрен колоску. Они-то знали, что охотники не смогут прокормить скопившуюся наверху массу народа. Нужен хлеб. Коренастый общинник предложил вырвать всю эту траву и засадить землю принесёнными сверху ростками хлебной травы. На огороженных землях бывшие общинники засаживали таким образом вытоптанные прежде участки. Дождавшись благословляющего кивка, общинник немедленно ушёл.

Шооран протиснулся к Ээтгону, коснулся локтя. Правитель обернулся.

— В чём дело? Отравился?

— Нет, вода прекрасная. Только... — Шооран запнулся, — зачем я здесь? И охранник за спиной. Я ведь теперь никто. Отпустил бы ты меня к разведчикам или охотникам. А?..

— Не-ет... — раздумчиво протянул Ээтгон. — Один Тэнгэр знает, что нас ждёт, так что тебя лучше иметь под рукой. А хочешь работать — иди вон к нему, рыхлить землю, — Ээтгон указал на удаляющегося общинника.

— Спасибо! — крикнул Шооран и побежал вдогонку за крестьянином.

Владыка вселенной, великий ван пребывал в растерянности. Последние месяцы словно сама судьба ополчилась против него. Один неурожай следовал за другим, поселяне разбегались, налоги прекратили поступать, мирные прежде места тлели неповиновением и открытым бунтом. Даже вернейшие из верных — цэрэги личной охраны — стали плохо исполнять приказы, едва оскудели житницы и винные погреба. Они не сумели ни изловить илбэча, ни сберечь далайн. То, что ненавистный и пугающий далайн оказался единственным источником жизни и от его нечистых движений зависел приход воды, сама мысль об этом тоже стала немалым ударом по устоявшемуся порядку. Кто будет почитать власть, когда мир вывернулся наизнанку?

А потом пришло известие, что далайн погиб, авары потухли и стена Тэнгэра — пала.

— Ложь! — закричал ван, не дослушав. — Не верю! — И тут же, опровергая самого себя, приказал: — Выставить охрану вдоль сухой полосы, к аварам никого не подпускать. Чтoб ни одна живая душа...

Остатком меркнувшего рассудка он осознал, что никаких войск не хватит, чтобы оцепить весь мир, но единственная трезвая мысль уже не могла остановить его, он кричал, отдавая бессмысленные повеления и приказывая разом Тэнгэру и Ёроол-Гую. Что было потом, престарелый монарх не запомнил. Очнулся он в своей спальне от того, что небывало яркий, ослепляющий луч света пробил тонкие занавески и коснулся глаз. Ван что есть сил зажмурил глаза, закрыл их руками, но и тогда чужое сияние проникло к нему.

— Что это? — закричал ван.

Он ни секунды не сомневался, что ожидающие поблизости слуги ответят ему, всё объяснят, а в случае приказания затушат слепящий источник. И действительно, ван услышал ответ. Старческий голос произнёс:

— Это новое небо, ваше величество. Небесного тумана больше нет, а этот огонь светит вместо облаков.

Государь с трудом разлепил непослушные глаза и сквозь радужные разводы разглядел одного из своих кухонных прислужников, разжигавших огонь.

— Почему ты здесь? — спросил ван. — Где спальничи?

— Нету, — ответил старик. — Разбежались.

— Как разбежались?! Куда?! — вознегодовал самодержец.

— Не знаю. Сначала были беспорядки, а потом прошёл слух, что Моэртал спускает людей со стены и что жизнь внизу слаше туйвана. Так что, наверное, все ушли на восток. Или сами спустились. Авары-то остыли, на них теперь и похлёбки не разогреешь. Вот все и разбежались. Сначала бунтовщики ушли, а потом и стража. Уходили целыми отрядами, будто бы на разведку. И каждый ташил, что только мог. Тут не только одонты, тут каждый дюженник распоряжался. Особенно главный баргэд Талаар, он чуть не весь дворец уволок.

— Что?! — Услышав имя государственного казначея, ван подскочил. — Одеваться немедленно!

— А что одевать? — спросил старик, но ван уже поднялся и побежал из спальни как был, в одной ночной сорочке.

Многопудовая дверь, ведущая в подземелья, была аккуратно притворена, но связки факелов, стоявшие возле двери, изрядно поределли. Видно было, что в сокровищницу ходили часто, а о порядке заботились мало, хотя ни снаружи, ни внутри не было никаких следов разгрома. Сокровищницу грабили не торопясь и со знанием дела. Исчезли оружие и драгоценные наряды. Унесено всё самое ценное. Остались лишь тяжёлые сундуки, которые невозможно поднять, да груды мелкого неокатанного жемчуга, что ещё не скоро потребуется для жизни за стеной.

Постанывая от ужаса, ван прошёл в один из боковых залов. Здесь должен быть тайник, о котором не знал даже Талаар. Там самые лучшие, любимые украшения, там новая, недавно обработанная косторезами корона, которую прислал Моэртал. Ван заскрежетал зубами от бессилия и обиды. Он так верил Моэрталу, особенно после того, как тот прислал корону! И всё-таки Моэртал предал. И все предали. Бросили богданного государя!

Очевидно, у разбойника-казначея было не так много времени, и хотя он догадывался, что тайник должен быть, но найти его не сумел. Ван переоделся в блистающий наряд, увенчался короной. Постукивая витым посохом, вышел из сокровищницы. Кухонный служитель, привыкший видеть господина в трапезе, взглянув на парадное величие, задрожал и пал на карачки. Поклонение старика, словно капля свежей воды, пролилось на омертвевшее сердце вана. Государь кивком велел слуге подняться и следовать за ним.

Трапезная тоже была разворована. Исчезло даже мелко-

узорчатое кресло, на котором ван восседал во время пиров. Ван опустился на жесткую костяную скамью и сказал:

— Я голоден.

— Кладовые разбиты, — сообщил старик, — хотя кое-что сохранилось. Только, — испуганно продолжил он, — я же не повар, особенно перед вами. Я никогда не касался провизии, лишь разжигал огонь. И у меня не было времени готовить... — Старик замолчал и невпопад добавил: — Да пребудут ваши ноги вечно сухими.

— Ничего, — сказал ван. — Готовить научишься потом. Неси, что есть.

Старик, кланяясь, вышел. Ван остался один. Смутным взором обводил он оголившиеся стены, стараясь не замечать смущающей голубизны за окнами. В душе было пусто, словно в ограбленном зале. Обычно в это время ван выслушивал доклады, принимал решения, отдавал важные приказания. Казалось, если с ним что-нибудь случится, остановится сама жизнь. И вот несколько дней болезни, и жизнь остановилась, вернее, сбежала вместе с вороватым казначеем, и оказалось, что ван не нужен миру, его существование рухнуло в один миг. Остаётся сидеть, сурово оглядывая пустой зал, и ждать, пока тебе принесут поесть.

Зря он не пошёл на поварню сам. Там было бы не так одиноко. Старик развёл бы огонь, а он приготовил бы себе ароматную рассыпчатую кашу с толчёной корой туйвана и ростками хлебной травы. Как странно — тайная привязанность, которой он всю жизнь стеснялся, как чего-то стыдного, унижающего его величие, осталась единственным, что не предало его. В самом деле, напрасно он не взялся за стряпню. Сыграл в величие и теперь будет давиться заквашенной размазнёй, какой лакомятся простолюдины.

В соседнем зале раздался шум, послышалось невнятное восклицание, звонко ударили костяные створки дверей.

— Эгей! Что там? — позвал ван.

Он вдруг подумал, что за три дюжины лет, что старый слуга разжигает ему огонь, он не удосужился узнать его имени и теперь даже не может позвать единственного оставшегося рядом человека.

Двери распахнулись, в зал ввалился огромного роста мужчина. В руке он сжимал обоюдоострый тесак — знак власти одонта. Безумный взгляд упрятанных под бровями глаз ожёг вана.

— Ты кто такой? — на выдохе спросил незнакомец.

Ван выпрямился и стукнул в пол посохом.

— А!.. — догадался вошедший. — Ты и есть ван? Это о тебе столько всего рассказывают? Да мне одного ногтя хватит, чтобы тебя в нойт растереть. А я-то думал, ты бог знает какой богатырь...

— Кто таков? — гневно спросил ван. — Как ты посмел врываться сюда?

— Я? — шербата осклабился громила. — Моё имя — Боройгал. Я верный слуга вашего величества, хотя вы, скорее всего, и не слышали обо мне. Ещё бы, таких, как я, у вас многие дюжины. Я был ушами вана на Свободном оройхоне, я служил вам, живя на угловых землях у Хооргона. Я оставался верен вану, даже когда Суварг назначил меня одонтом! Вот!.. — Боройгал взмахнул тесаком, и ван с дрожью заметил, что лезвие испачкано в крови. — Я всю жизнь был ухом вана, — Боройгал уже кричал, — а ты и не слышал обо мне!

Ван собрал остатки мужества и, стараясь выглядеть грозным, проговорил:

— Я не знаю, кто ты такой, но если ты немедленно не уберёшься, я прикажу тебя казнить!

— Позовёшь стражу! — сквозь хохот выкрикнул Боройгал. — Видел я твою стражу — дедуля с кашкой!.. — Боройгал скорчил плаксивую мину и пропищал: — «Остановись, нечестивец, ибо там ожидает великий ван!» Я такую стражу в шаваре видал! Может, ты ещё и палача позовёшь? — Негодяй вплотную приблизил зловонное дыхание к лицу государя. — Так я и есть палач вашей сухости. Последние годы я служил вам на западных землях при одонте Юхаазе. Но больше я никому не служу, понял ты, слизняк!

От внезапного толчка ван сел на скамью, цепкие, словно у Ёроол-Гуя, пальцы убийцы обхватили его горло. Бросив мешающий тесак, Боройгал сорвал с головы монарха волнистый обруч короны.

— Теперь я буду ваном, потому что ты не смог! Ты не поймал илбэча! Я всю жизнь карабкался наверх, зубами цеплялся, чтобы вылезти из нойта, но едва я добивался хоть чего-то, как илбэч менял мир и я снова оказывался в грязи. А ты сидел во дворце и ничего не делал! Да если бы у меня было столько власти и солдат, я поймал бы его в две недели! Если бы я просто хоть раз встретил его лицом к лицу, уж я бы узнал его!..

«Какая у него маленькая голова, — судорожно подумал ван, — даже новая корона будет ему велика...»

Жёсткие пальцы на горле сжались, ван задёргался, стараясь слабеющими руками освободить сдавленную шею, заперхал, перед глазами поплыл кровавый туман...

* * *

Два месяца Шооран проработал вместе с земледельцами. Они расчищали участки, сначала вручную, потом догадались выжигать кусты и сорную траву, а землю рыхлить костяными мотыгами. Бережно высаживали в подготовленную землю принесённые сверху корневища и через месяц получили первый урожай. Он был невелик, одно поле не могло прокормить всю прорву народа, но это был знак надежды, и вскоре берег реки был разбит на привычные, милые взгляду квадраты полей.

Бовэры тоже прижились в огороженных бассейнах, хотя речных водорослей им не хватало, и их приходилось подкармливать свежей травой и сеном. Толпы людей распугали в окрестностях дичь, так что охотники уходили в поисках добычи всё дальше от поселений. Зато в лесу, прямо под открытым небом, высыпала масса наюса. При виде знакомой пищи люди забыли осторожность, и многие поплатились жизнью за чрезмерную доверчивость. Зато уцелевшие научились отличать, какие грибы можно есть, а какие следует обходить стороной.

За эти два месяца сверху было спущено всё, что можно сдвинуть с места. Даже молодые туйваны были выкопаны и пересажены на новую почву.

Жизнь налаживалась, и единственный человек, который не нашёл себе места, был Шооран. Кажется, он состоял при деле, работал, как и все, но каждый взгляд, любое слово окружающих давали ему понять, что он не такой. Шоорана боялись, а когда случались несчастья, как, например, в случае с грибами, Шооран чувствовал сгущающуюся вокруг ненависть. В такие минуты лишь страх защищал его от недоброжелательства толпы. Была здесь какая-то глубокая, но закономерная несправедливость — все удачи в новом мире люди приписывали своей силе, уму, ловкости, в бедах винили илбэча, вытолкавшего их сюда.

Дважды за это время о Шооране вспоминали власти. Один раз — почти сразу, когда ещё не был засажен первый

участок. Тогда Шоорана вызвали в ставку, напялили на него до нелепости пышный наряд и вместе с огромным посольством направили в обход бывшего далайна, на восток, где разведчики встретили ещё одну колонию людей.

Когда обвалилась стена и потухли авары, многие бросились пытаться счастья за очерченной границей. С обрыва спускались бунтовщики и цэрэги, выжившие сектанты-общинники и ещё неведомо кто. Спускались в одиночку и группами, оставляя на стене верёвки для подъёма или навсегда отрезая себе путь назад. Часть этих людей выходила к посёлкам, основанным Этгоном, и присоединялась к ним, принимая законы страны изгоев, многие гибли, не умея приспособиться. Кое-кто выживал, но, не имея достаточно средств, вёл существование, мало отличное от жизни диких зверей. Всех этих людей нельзя было сбрасывать со счетов, но и серьёзной проблемы они не представляли. А теперь выяснилось, что на дальнем, самом засушливом конце мира одонт Моэртал сумел сохранить государство и организовал исход уцелевших на иные земли.

Результаты переговоров Шоорана не волновали. В конце концов — земля теперь большая, как-нибудь её поделят. Если Этгон считает, что присутствие в его стане илбэча может принести какие-то выгоды, то Шооран не станет возражать и будет послушно принимать важные позы. Большого от него не может требовать никто.

В свите Моэртала Шооран увидел несколько знакомых лиц. Особенно порадовала встреча с Турчином. Бывший сослуживец щеголял уже в достоинстве одонта, хотя, конечно, никакого управления Моэртал ему не доверял. Просто Турчин добросовестно служил, успешно командовал двойной дюжиной солдат, и Моэртал, не затрудняясь подысканием иных званий, вручил ему костяной тесак. Шоорана Турчин в очередной раз не узнал, смотрел на него с опасливым восхищением и приблизиться не решался.

Зато Моэртал сразу подошёл к илбэчу и, уважительно обратившись на «вы», но не изменяя привычной утвердительной манере, спросил:

— Мы уже встречались прежде. Ваше лицо мне знакомо.

— Я служил у благородного одонта цэрэгом, — напомнил Шооран, — а потом выпустил из тюрьмы сказителя Чаарлаха и дезертировал сам.

— Это я хорошо помню, — сказал Моэртал. — Значит,

старый пройдоха всё-таки знал, кто илбэч. Вот почему он вёл себя так дерзко.

— Он ничего не знал, — возразил Шооран. — Он вёл себя храбро, потому что был бесстрашен.

Этой короткой беседой и ограничилось участие Шоорана в государственных делах. Через день он отправился обратно, рыхлить приречный перегной.

Второй раз Шоорана потребовали для дальней экспедиции. Скорород, прибежавший на поле, задыхаясь, сообщил:

— Ээтгон зовёт к себе. Охотники нашли алдан-тэсэг!

Отряд вёл сам Ээтгон. За два месяца жизнь в колонии наладилась, и повелитель не боялся оставить подданных одних. Путь оказался неожиданно долгим, хотя алдан-тэсэг они увидели на восьмой день путешествия. Он огромным светлым куполом возвышался над лиловеющей линией горизонта. Казалось, до него можно дойти за несколько часов, от силы за день, но проходили сутки за сутками, а исследователи никак не могли добраться к подножию.

Четыре дня они пробивались через мокрую буреломную чащобу, мучительно преодолевая темноводные, кишашие рыбами речки. Потом лес поредел, и за некрутым каменистым кряжем открылись безграничные поля, поросшие высокой несъедобной травой. Верхушка алдан-тэсэга всё так же торчала из-за края земли, дразня взгляд обманчивой близостью.

Среди путешественников пошли разговоры, что таинственной вершины вообще нельзя достигнуть. И даже те, кто не был суеверен, опасались, что, уйдя на такое огромное расстояние, они не сумеют вернуться назад. В отряде началось брожение, и наконец даже непреклонный Ээтгон объявил, что если за два дня они не добьются успеха, то повернут обратно. Приунывшие было первопроходцы повеселели и пошли спорей, тем более что к вечеру первого дня стало ясно, что пик действительно недалёк.

Вблизи алдан-тэсэг уже не походил на гору. Это была стена, ровная и прямая. Она появлялась из-за горизонта и уходила туда же. Она была так высока, что казалось, будто она нависает над головой, загибаясь к зениту. Если бы люди прежде не видели гору издали, они могли бы решить, что перед ними новая стена Тэнгэра, огораживающая этот более обширный, но тоже ограниченный мир. Стена стояла неприступно, в плотном камне не было ни единой выбоины, трещины.

Остаток дня экспедиция продвигалась вдоль стены, к тому его краю, который при подходе казался ближе. К вечеру они увидели этот край. Стена не кончалась здесь, и её нельзя было обойти. Она поворачивала под совершенно правильным прямым углом и уходила за горизонт, обрезая степь.

Шооран подошёл к стене, ощутил под руками глубинный холод камня. Стена высилась — нелепая, не соотносящаяся с этим вычурным, не терпящим ровных линий миром. Такого здесь не должно быть, прямые углы он видел лишь наверху в прошлой жизни. Пальцы, прижатые к камню, заledenели, преграда словно излучала холод.

— Я знаю, что это, — сказал Шооран. — Это не алдан-тэсэг, это далайн. Только здесь стена ещё не упала, поэтому он такой высокий.

— И что нам с ним делать? — спросил Этгон.

— Ничего. Идти домой.

* * *

В первом же посёлке, куда после двухнедельных блужданий вышла экспедиция, им сообщили неприятные новости. В одну ночь все подъёмники, ведущие на вершину далайна, были испорчены. Подъёмников насчитывалось несколько дюжин, и кто-то немало постарался, подпиливая столбы и перерезая волосяные тросы. Теперь наверх стало не попасть. Хотя ничего особо ценного там и не оставалось, только запасы кости и хитина, ставшего бесполезным после того, как исчез нойт.

Диверсию Этгон приписал людям Моэртала и, ругнувшись про себя, махнул рукой на залежи трухлявой кости. Гораздо больше встревожило его другое сообщение.

Ещё в дороге путешественники заметили, что ночи стали непривычно холодными, словно мертвящая влага далайна подступила к земле. Трава по утрам серебрилась белым налётом, с деревьев осыпались пожухлые листья. Дома эти погодные неурядицы обернулись бедой: хлеб третьего урожая, под который были расчищены изрядные делянки, не вырос. В посёлках, разбросанных вдоль реки, царило уныние, грозящее в любую минуту беспричинно перейти в возмущение.

Этгон вернулся как нельзя кстати. Он с ходу взял управление в свои руки, метался от деревень земледельцев к стойбищам охотников; опять, как год назад, устраивал склады

припасов. Увидав где-нибудь хитрую придумку, немедленно сообщал о ней всем, советуя поступать так же. Люди переселялись из продуваемых кожаных палаток в землянки, мгновенно прозванные шаварчиками. Все, кто мог, заготавливали горькую ягоду, копали съедобные корни, которых уже немало было известно, сушили грибы, вялили и квасили мясо. А вечерами, собравшись вместе, грели руки над огнём и ругали тяжёлую жизнь и илбэча, который подстроил им такое.

Шоорана ненавидели и боялись. Боялись, впрочем, больше. Говорили, что один его взгляд может заставить человека окаменеть. Лёд, которым по утрам начинали подёргиваться заводи, тоже был создан илбэчем, ненавидящим воду и желающим всё превратить в камень. И холод был наслан им, и ещё многое иное...

При Шооране эти разговоры затихали, но взгляды-то не спрячешь и страх тоже не сунешь в мешок. Разговаривая с ним, люди замирали и цедили слова, словно воду за неделю до мягмара. А когда однажды Шооран вздумал выйти к людям с новым, из здешней кости сделанным сувагом, люди разбежались, а несколько оставшихся сидели, затвердев лицом, и не слушали, а пережидали напасть.

Больше Шооран на людях не пел и вообще старался не показываться им на глаза. Прекратил даже бессмысленную работу на поле, сидел в отрытом шаварчике у очага и мрачно думал о бренном. Землянка илбэча, вырытая первой, стояла особняком, остальные сочли за благо поселиться в стороне.

Однажды вечером двойной полог, закрывавший вход, качнулся, и в землянке появился Ээтгон. Он был один, охрана, очевидно, ожидала где-то неподалёку. Ээтгон присел у очага, жестом, ставшим уже традиционным, погрел над ним пальцы.

— Вот, значит, как ты живёшь...

Шооран молча кивнул.

— Знаешь, что о тебе рассказывают?

— Догадываюсь.

— И что собираешься делать?

— Ничего.

— Легко тебе. Ты своё дело сделал и можешь опустить руки. А я не могу. — Ээтгон резким движением поднял голову и проговорил, глядя в глаза Шоорану: — Люди судачат, что надо сжечь тебя вместе с твоим шаварчиком и тогда холода прекратятся.

— Пусть жгут, — согласился Шооран.

— Нет! — Ээтгон повысил голос. — Здесь не земля старейшин — человеческих жертв не будет! Кроме того, никто не знает, что случится потом. Ты ещё можешь пригодиться... этим же людям.

— Ты рачительный хозяин.

— Вот что, — не слушая, продолжил Ээтгон, — собирайся и уходи. Ты сильный, ты выживешь и один, а у нас тебе нельзя оставаться. Скажи только, где тебя искать... в случае чего.

— Вниз по реке. Помнишь, когда ходили к алдан-тэсэгу, переправлялись через ручей возле полосатых скал? Там распадок красивый. Я ещё сказал, что там было бы удобно жить.

— Вот и хорошо. — Ээтгон поднялся. — Иди туда. Завтра вечером тебя уже не должно быть здесь.

* * *

Лесная речка неторопливо пробиралась меж валунов, загроздивших русло. В тех местах, где колючие смолистые деревья вплотную подошли к воде, она казалась чёрной и почти неподвижной, но на камнях гладко струилась, и там было видно, какая она прозрачная и чистая.

Шооран сидел на берегу, смотрел в воду. День был ясный, тёплый, какие нечасто выпадали теперь. Такой день полезно употребить на дюжину неотложных дел. Возле переката, где лес отступил от реки, поднимается сухой песчаный холм, в котором удобно вырыть убежище. На том берегу тянутся заросли высокой травы, похожей на хохиур, но с бархатистыми тёмно-коричневыми шишками вместо метёлок. Из высушенных и перемолотых корней этой травы можно печь лепёшки, и они будут почти как настоящие. А в лесу ещё есть грибы, хотя ночные заморозки изрядно поубавили их. Короче, человеку, пришедшему сюда на житьё, есть чем заняться.

Шооран праздно сидел на полого уходящем в воду камне и смотрел на стайки плавающих у самого дна мальков. У ног Шоорана лежала большая мёртвая рыба. Когда Шооран только вышел сюда, рыба уже валялась на камнях, а вокруг суетился остромордый зверёк, старательно выгрызавший внутренности у своей добычи. Увидев человека, рыбоед беззвучно скользнул в воду, оставив рыбу Шоорану. И вот Шооран сидит, не глядя на смертоносный подарок, а уложенные в торбы вещи ненужной грудкой валяются позади.

Когда-то он уже уходил от людей, когда его прогнали на

верную смерть. Тогда он унёс с собой лишь мамино ожерелье — единственную вещь, которую он сохранил до сих пор. Сейчас его выгнали вновь, но на этот раз он волочил на спине преогромные тюки, словно притащенное добро может помочь ему. Словно он пришёл сюда жить... Смешно... Новый мир, красивый и жестокий, сам подсказывает путь последнему чудотворцу, положив к его ногам рыбу.

Шооран поднялся, в несколько минут набрал кучу хвороста, высек искру на пучок сухой травы. Огонь жадно охватил ветки. Удивительно, до чего быстро люди привыкли жечь дерево! Когда ветки прогорели, Шооран достал из котомки котелок, расправил его, зачерпнул воды, осторожно поставил на угли.

Такие котелки делались из растворённого хитина. Хитин разводили в горячем нойте и на секунду окунали в него выточенную в виде котелка и смазанную скользким жирховым салом кость. А потом опускали кость в воду. Всё как при макании ухэров, только операцию повторяли один-два раза, после чего снимали с болванки шуршащую плёнку готового котелка. Его можно было сложить или свернуть в трубочку, но воду он держал прекрасно и, наполненный водой, не прогорал даже на самом горячем аваре. Теперь такой посуды, конечно, не сделать, а однажды порванный котелок можно смело выбрасывать. Этот котелок был у Шоорана последним, и Шооран берёт его, хотя и видел, насколько это бессмысленно, особенно сейчас.

Когда вода закипела, Шооран осторожно поднял рыбу, промыл в ручье разгрызенное брюхо и опустил тушку в кипяток. Бледное рыбье мясо мгновенно побелело, вода стала мутной, и от котелка дразняще потянуло вкусным запахом. Шооран вытащил разваренную, исходящую паром рыбу, уложил на лист лопушка, стал ждать, пока немного остынет. К чему спешить? Съесть свою рыбу он успеет. Жизнь он прожил впопыхах, так хотя бы умереть надо не торопясь.

Шооран расстелил постель, улёгся и, подтянув поближе импровизированное блюдо, отломил от рыбы первый кусочек. Действительно, было вкусно, хотя и не так, как представлялось порой. Шооран до крошки доел рыбу; не дожидаясь судорог, свернулся в клубок и закрыл глаза.

На душе было спокойно.

Солнечный луч раздробился на ресницах, брызнув дюжиной микроскопических радуг. Шооран чихнул и проснулся. Вокруг праздновало утро. Догоревший костёр седел остывшей золой.

Шооран недоуменно огляделся, задержал взгляд на обсохших рыбных косточках и нервически рассмеялся. Большой мир в очередной раз оказался не таким, как он думал. Здесь немудрено отравиться наысом, зато рыбу можно есть без опаски! Кто бы мог додуматься до такого! Значит, судьба. Будем жить дальше. А остальные люди пусть живут сами по себе, как могут и умеют.

Шооран встал, вытащил из-под кучи барахла костяную лопатку и пошёл к обрыву, рыть себе дом.

Вы, те, у кого прочная крыша над головой и жаркий огонь в очаге, кто ест горячее мясо и слушает сказителя, вспомните в эту минуту о тех, кто голоден и замерзает в пути. Вспоминайте и слушайте о древних временах, о веке счастья, когда люди не знали, что такое голод, холод и болезни. Мир в те счастливые времена был молод и мал, но люди ни в чём не знали недостатка. Хлеб родился сам, реки текли вином, и на земле не бывало зимы.

В ту пору миром правил древний Ёроол-Гуй. Дни и ночи проводил он в заботах о людях, украшая их землю и преумножая богатства. Бесчисленными своими руками совершал он всю тяжкую и грязную работу, так что людям оставалось лишь радоваться и праздновать каждый день. И если одному из людей недоставало чего-то для счастья, он приходил к далайну, где жил заботливый бог, и восклицал: «О отец мой, Ёроол-Гуй! Радость исчезла с моего лица!» — и тогда Ёроол-Гуй всплывал и молча делал так, чтобы никто не видел недостатка даже в самых редкостных вещах. Единственное, в чём знавали люди затруднение: что бы ещё пожелать?

Но недаром говорится: была бы сырость, а гниль сама заведётся. Жили между людей злые духи — шоораны. Не было им ни сна, ни покоя, пока не навредят кому-нибудь. Пакостили шоораны как только могли, да не много успевали, ведь каждого человека охраняла рука могучего Ёроол-Гуя. И оттого исходили шоораны злобой на доброго бога.

Среди всех шооранов самым хитрым был один, по имени Илбэч. Он созвал своих братьев и сказал им:

— Никогда нам не сотворить настоящего зла, покуда жив бессмертный Ёроол-Гуй. Пойдём, завалим камнями бездонный далайн, убьём Ёроол-Гуя, и жизнь свернётся с правильного пути.

Шоораны тучей ринулись к далайну, но могучий Ёроол-Гуй встал им навстречу, и злые бесы обратились в бегство, а многие были побиты и не вернулись домой.

Тогда кровожадный шооран Илбэч собрал уцелевших и сказал иные слова:

— Никогда нам, злым шооранам, не побороть сильного Ёроол-Гуя, но мы можем справиться с ним коварством. Пусть люди сами завалят камнями бездонный далайн.

И вот злобные шоораны пошли к людям.

— Ёроол-Гуй обманывает вас, — говорили они. — Он даёт вам то, что похуже, и кормит отбросами. Зачем ждать, пока немой урод подарит вам что-нибудь, не лучше ли пойти и самим забрать все богатства далайна?..

Так нащёптывали они много дней, и люди стали прислушиваться к коварным речам и говорить:

— Ёроол-Гуй не любит нас, он прячет сокровища от людских глаз. Пойдём, засыплем далайн и станем хозяевами всего!

И однажды ночью обманутые люди пришли к далайну и скинули в него большие камни, чтобы многорукий Ёроол-Гуй не мог всплыть. Они бросали камни, пока вместо бездонного далайна не выросла каменная гора. А шоораны ходили между работающими и хвалили их, но в душе смеялись над простаками.

И когда люди убили бога, наступило царство зла, и лишь в легендах сохранилась память о той поре, когда хлеб рос сам, а море само выносило на берег сокровища глубин. Ныне всякое добро даётся непосильным трудом, и лишь злу живётся привольно. Но люди знают, что в недрах земли спит заваленный камнями бессмертный Ёроол-Гуй. Когда-нибудь он проснётся, встанет над миром, покарает гнусных шооранов, а людей простит, ибо не ведали, что творят.

И на землю вернётся золотой век.

ГЛАВА 13

Приближались осенние дни. Последний урожай, пусть и не очень богатый, был снят, вино из лесной ягоды перебродило и радовало глаз оттенками красного, лилового, золотистого

цветов. Из лесу тащили орехи и грибы, на болоте в дополнение к хлебу копали мучной корень. Подросших бовэров ещё не начинали колоть, но охота на дикого зверя была удачной, и мяса хватало. К тому же в этом году дали первые плоды долго болевшие туйваны, и люди вновь вспомнили вкус сластей.

Приближалось время свадеб.

Первыми играли свадьбы посёлки Нижнего Поречья. Молодой удачливый охотник Ёртоон брал в жёны юную красавицу Бутай. Девушка жила вдвоём с матерью и была бедна, хотя кто теперь может сказать: беден человек или богат? Земли вокруг сколько угодно: хватило сил расчистить и засадить поле — вот ты и богач. А жемчуг, что сохранился у некоторых, — он для красоты, а не для богатства. В хорошую пору он поднимается в цене, а в голод — сам ешь свой жемчуг. Былые сокровища — что-то вроде ухэров, стоящих на деревенской площади, старых, растрескавшихся под дождями. Эти ухэры уже никогда не выстрелят: нет нойта, хитин больше не в ходу, да и харвах не из чего готовить, так что молодёжь лишь из сказок знает об огненной пальбе.

Совсем иное дело — вещи из редкой кости, какой не встретишь в новые времена. Только у кого они есть? Если что и было, то осталось наверху, попрытанное в тайники и укромные углы.

Поэтому никто не называл брак Ёртоона неравным, хотя старики и шептались, что не дело, когда у невесты нет ни перламутровой подвески, ни иного украшения из «старых» дней. Но все громкие поздравления и заушные перешёптывания разом стихли, когда в разгар праздника на площади перед накрытыми столами появилась знакомая всем фигура илбэча.

Жил колдун далеко отсюда, чуть не у самой Белой вершины, в местах, куда люди без надобности не хаживали. В посёлках появлялся редко, только для того, чтобы сменять на хлеб ножи, которые он вытачивал у себя из полосок сланца. Ножи были замечательны, но мало кто осмеливался пользоваться тем, что изготовил илбэч. Ножи брали и хранили, словно опасный амулет, не смея ни выбросить, ни использовать по назначению. Зато подарки илбэча, от которых тоже не можно было отнекаться, приносили либо долгое счастье, либо скорую смерть. Потому и замерли пирующие, увидев идущего чулодея.

Шооран подошёл к невесте.

— Я принёс тебе подарок, — сказал он.

Шооран извлёк из-за пазухи свёрток, развернул туго шуршашую берёсту и протянул испуганной девушке два слепящих белизной костяных полумесяца. Немного оставалось в мире людей, выдавших прежде подобное сокровище, но все, даже самые молодые, понимали, что это вещь редкостная даже для прежней жизни и, значит, теперь у неё нет цены. Ведь это не жемчуг, который весь одинаков.

— Эти заколки принадлежали твоей бабке, — сказал Шооран, — ей пришлось продать их, чтобы прокормить твоего отца. Я добыл их из сокровищницы Хооргона полторы дюжины лет назад. Но уже тогда я знал, что это чужая вещь и её надо отдать тебе.

Шооран говорил, не глядя на Явдай, замершую рядом с дочерью, но знал, что она слышит и понимает второй смысл его слов. Теперь, когда она знает, кем он был, многое предстаёт для неё в новом свете. Многие, но не всё. Главное осталось прежним — он здесь не нужен.

Шооран быстро договорил свою речь, сам не зная, что это: запоздалая месть или ненужная мольба о прощении, ещё раз поклонился, подошёл к столу, зачерпнул из дошатой кадучки шипучего напитка, отломил румяную корочку пирога, поклонился третий раз и быстро ушёл.

Сельчане перевели дух: илбэч, явившийся на праздник, пил и ел, а это добрый признак.

* * *

Последние годы Шооран жил на самой границе со степью. Его дом — уже не земляная нора, а срубленный из брёвен балаган — стоял среди сглаженных временем скал, сразу за которыми лес редел, открывая ковыльный простор. Шооран не часто выходил туда; в одиночку он не мог охотиться на степных копытных зверей, а больше делать в степи было нечего. Главное же — там было невозможно скрыться от вида маячащего над горизонтом алдан-тэсэга.

Белая гора неудержимо притягивала его и вместе с тем раздражала. Как и сам илбэч, она была не такая, для неё не было здесь места, но всё же она поднималась, гордая и безразличная, видимая отовсюду. Шооран ненавидел это монументальное напоминание о прошлом и всё же, словно случайно, откочёвывал всё ближе к алдан-тэсэгу. На третий год своего отшельничества он даже устроил ещё одну экспеди-

цию к нему, на этот раз в одиночку. За четыре дня он обошёл гору кругом, приблизительно оценив её размеры. Первое впечатление не обмануло, стена действительно огораживала площадь, равную далайну. Но если это так, то кому понадобился этот чудовишный гнойный волдырь? Неужели всё-таки Тэн-гэру?

Вернувшись из лесного посёлка, Шооран несколько дней прожил, ничего не делая, если, конечно, можно назвать ничегонеделанием судорожные метания очумевшего от одиночества человека. Казалось бы, за дюжину лет он свyksя с отшельничеством — ан нет. Нестерпимо хотелось людей, хотелось быть нужным.

Молва приписывала ему бесконечные годы, его путали с безумным илбэчем и даже Ваном, хотя его жизнь прошла на виду и многие дюжины людей знали его. Для всего мира он был колдуном и чудовищем. Он потерял даже имя — в тех случаях, когда не было возможности уйти, люди называли его Илбэч.

А он — обычный человек. Он давно истратил свои чудесные способности и хочет просто жить. Ведь он ещё не стар, три дюжины — не такой уж большой возраст. Душа и тело бунтуют против пустынноческой жизни, и приходится изнурять их сверх меры, выдумывая изощрённые труды и занятия только для того, чтобы не сойти с ума.

Но на этот раз никакая привычная работа не могла отвлечь его. Пополнять заложенные на зиму запасы казалось бессмысленным; зажатый в древесном расщепе нож, который предстояло отполировать, вызывал чувство отвращения. На счёт своего состояния Шооран не обманывался. Он слишком долго ждал вчерашнего дня, готовился, на разные лады представляя, что он скажет и что произойдёт потом. А произошло единственное, что могло случиться, — люди испугались. Все, даже Яавдай. И теперь обманутые ожидания сжигают грудь.

Шооран быстро собрался, взял пару острог. Рыба Шоорану была не нужна, за лето он засушил и наквасил её достаточно много. К тому же не так сложно достать рыбу зимой из-под льда. И всё же Шооран решил пройти вниз по реке и постараться выловить одну из огромных рыб, что встречались там. Шооран не очень представлял, как взять великанскую рыбину в одиночку, и надеялся, что эта задача отвлечёт его от тягостных мыслей.

А в деревнях до сих пор никто рыбы не ест, даже во время

весенних голодовок. Считают её смертельной, и то, что илбэч пожирает рыбу и остаётся жив, ещё больше убеждает людей в его сверхъестественной сущности. Теперь никто не осмеливается не то что поднять на него руку, но и сказать в глаза хоть одно противное слово. Иное дело — за спиной. Можно предположить, что говорят там.

Как это случилось, Шооран до сих пор не мог понять. Просто когда после первой самой страшной зимы он вышел в изрядно обезлюдившие посёлки, то увидел в глазах уцелевших ненависть, смешанную с животным ужасом. С тех пор, хотя зимы стали привычны и не страшны людям, человеческое отношение к илбэчу не вернулось. Может быть, это произошло просто потому, что Ёроол-Гуй умер, а людям надо кого-то бояться.

К вечеру Шооран понял, что идёт не к реке. Ноги сами выводили его к белым стенам алдан-тэсэга. Шооран не понимал, зачем он туда идёт, но, послушный внутреннему зову, шагал всё целеустремлённее и быстрее, словно боялся опоздать на свидание. И лишь когда стены, скрывающие чужой далайн, нависли над ним, Шооран ощутил усталость и покорное разочарование. Зачем бежал? Кому это было нужно?

Шооран прислонился лбом к ледяной поверхности. Закрыв глаза. Ему казалось, он слышит плеск влаги. Или это загустевшая от напряжения кровь стучит в висках?

Шооран открыл глаза, прислушался. Стук не исчез, он раздавался на самом деле, но шёл, конечно, не сквозь стену, а откуда-то со стороны. Станный звук, не похожий на привычные природные шумы. Так упорно и размеренно может действовать только разум.

Шооран двинулся на звук.

Человек стоял возле стены и долбил её огромным каменным молотом. Человек был стар, одет в немыслимое рваньё и грязен, словно изгой, вынужденный мыться соком чавги. Спутанные седоватые волосы скрывали лоб, смыкаясь с кустистыми бровями, из-под которых экстатически сверкали безумные глаза. Не менее диким был и инструмент безумца. Собственно говоря, это был острый, никак не обработанный камень, грубо прикрученный к деревянной рукояти. Второй, запасной молот лежал неподалёку возле брошенного на землю мешка.

Было невозможно понять, что заставляет человека заниматься явно бессмысленным делом. Кувалда глухо тукала по стене, легко гасившей её движения, от каждого удара вниз

сыпалась щепотка пыли. Продолбленное углубление было так ничтожно, что, раз отойдя в сторону, его не удалось бы потом найти. И всё же человек упорно старался возле громады, не замечавшей его усилий.

— Эгей! — окликнул Шооран. — Ты кто? Что ты здесь делаешь?

Казалось, старик не был ни удивлён, ни испуган, что его застали врасплох. Он опустил к ноге своё долбило и хрипло ответил, глядя поверх головы Шоорана:

— Я вечно сухой повелитель мира, сияющий ван!

— А ведь я знаю тебя, — сказал Шооран. — Ты Боройгал, палач с угловых оройхонов.

* * *

Воцарившись в гордом одиночестве на верхушке каменного куба, в который обратился далайн, Боройгал медленно дичал. Дворец вана, в котором поселился палач, ветшал на глазах. Кровля не была рассчитана на действие снега и дождя. Кожа, которой была застелена крыша, коробилась и трещала. Алдан-шавар заливало водой, в смотровые бойницы наносило снег, в нижнем ярусе установилась плотная тьма. И повсюду было ужасно холодно. Боройгал кутался в мех белых царских бовэров и рубил на дрова узловатые стволы облысевших туйванов.

Весной свалилась новая напасть. Мелкие зверюшки, что-то вроде зоггов, но с прозрачными крылышками, во множестве поползли снизу и в один месяц источили в труху припасы из дворцовых закромов, оставив Боройгала ни с чем. А ведь он полагал, что еды ему хватит до конца жизни. Пришлось вернуться на ожившие поля и выбирать из зарослей сорной низовой травы случайно выжившие хлебные гроздья. Но и эти растения быстро выродились без ухода, и тогда Боройгал приспособился ловить сетью пернатых существ, облюбовавших неприступную вершину, и собирать яйца в гнёздах, которых появилось повсюду невероятное количество.

Но всего сильнее изводила Боройгала жуткая догадка, что его мучения напрасны. Люди, оставшиеся внизу, и не думали пропадать и идти на поклон к новому владыке. Конечно, в первый день после того, как Боройгал подрубил столбы и перерезал тросы у подъёмников, люди волновались, бегали вниз, а заметив над обрывом красующегося Боройгала, при-

нимались махать руками и кричать, чтобы он спустил им верёвку. Боройгал злобно смеялся в ответ и плевал с высоты на фигурки людей, ползающие, словно зогги по спине осуждённого. Но тем и кончился краткий миг могущества. Люди быстро успокоились, перестали обращать внимание на неприступный далайн и занялись другими делами. Этого Боройгал понять не мог и исходил желчью, строя планы мести всему миру.

По весне изнемогший палач сделал вылазку. Спустился с той стороны, где к стене примыкало топкое болото и где никто не обнаружил бы спущенной лестницы. Возле одного из посёлков Боройгал выследил женщину, занятую копкой корней. Палач силой овладел ею, а потом устроил строгий допрос. Так он узнал о Шооране, об алдан-тэсэге, стоящем за лесами, и, главное, о том, что никто не собирается возвращаться на старые места.

Сначала Боройгал хотел затащить женщину к себе, чтобы было, наконец, кому ухаживать за ним, но потом испугался, что та сбежит и выдаст место, где он устроил спуск. Боройгал разбил пленнице голову и сбросил тело в реку — рыбам.

С того времени царственный Боройгал жил иной мечтой. Все мысли сосредоточились на втором далайне, стоящем где-то за краем земли, так далеко, что и с высоты не увидеть.

С ослепительной яркостью представлялось, как падает его стена и едкая влага льётся неудержимыми каскадами, затопляя ненавистную низовую жизнь. Далайн бездонен, его злой влаги хватит на всех. Напрасно людишки будут прятаться и искать спасения на холмах, месть Ёроол-Гуя настигнет их. Всё утонет, покроется жидким ядом, и только незыблемые оройхоны, его владения, останутся среди безбрежного — на этот раз действительно безбрежного! — далайна. Люди будут ползать у его ног, захлёбываясь нойтом, моля о пощаде и обещающая покорность. Но он... он будет поднимать наверх только молодых девиц, которых ему так не хватает. Не надо ему ни слуг, ни телохранителей, ни баргэдов — среди них обязательно отыщется предатель. Всё будут делать бабы, он-то знает, что они справятся с работой не хуже мужиков. Зато как они станут беречь его, как преданно любить, ведь он останется единственным мужчиной на всех оройхонах. Остальные захлебнутся чёрной жижей, их плоть разъедят ыльки, их станет жрать уулгуй, и маарах начнёт глотать их дюжинами. А дольше всех будет корчиться богомерзкий илбэч. О, он не умрёт

так сразу! Грозный Ёроол-Гуй сам выплывет из пучины, чтобы покарать оскорбителя. И никогда больше мир не оскорвится подобной мерзостью. Богоданный владыка, сияющий Боройгал, да не узнают его ноги сырости, будет сам следить за этим. Всякий, на кого падёт подозрение, что он может стать илбэчем, немедленно отправится в далайн.

Боройгал принялся ждать. Он отлично умел это — ждать, ничего не делая. Однако год проходил за годом, а жизнь не менялась. Закосневший в ненависти Боройгал старел и постепенно терял остатки разума. Наконец он понял, что, сидя на тэсэге, счастья не дождёшься. Оставалось идти, освобождать далайн, который ленится сам вырваться на свободу. Продолбить в стене дырку, совсем небольшую, чтобы успеть отскочить и вовремя удрать... а там влагу уже не остановишь...

Главное — продолбить дыру и отпрыгнуть...

* * *

— Ты Боройгал, палач с угловых оройхонов, — произнёс Шооран, с усмешкой глядя на выходца из полузабытого прошлого.

— Ага-а!.. — протянул Боройгал. Он тоже узнал Шоорана. — Сказочник! Выжил, паскуда...

— Выжил, — согласился Шооран, улыбаясь во всю ширь.

Боройгал поднял своё убийственное орудие и, косолапая, двинулся на Шоорана. Шооран продолжал стоять, хотя в руках у него не было ничего, кроме тонкого прута — снимать с веток развешанную повсюду паутину. Паутина в нижнем мире не таила никакой опасности, но многолетняя привычка заставляла сторониться её липких прикосновений.

Шумно хакнув, Боройгал ударил. Шооран легко уклонился от удара и наотмашь стеганул палача лозой по лицу.

— Я же говорил: не умеешь драться.

Раз за разом Боройгал кидался на противника, который был на полголовы ниже его и, казалось, не желал трогаться с места, но каждый раз острый камень рассекал воздух, а свистящая в руках Шоорана розга полосовала щёки, стегала по глазам, кровянила губы.

Тяжело дыша, Боройгал остановился. Шооран, улыбаясь, смотрел на него.

— Ненавижу... — прохрипел Боройгал. — Жаль, я не уда-

вил тебя сразу, тогда. Ты, и ещё илбэч, вы сломали мою жизнь, вы всё перепортили... Ненавижу вас обоих!

— Вас одного, — поправил Шооран. — Я и есть илбэч.

Боройгал выронил молот, попятился. Споткнулся о свой мешок, упал на спину. Дрыгнув ногами, перевернулся и побежал на четвереньках, подвывая от ужаса дребезжащим тонким фальцетом.

Шооран стоял, опустив прут, и улыбался. Потом его пальцы разжались, хворостина выпала, косо перечеркнув валяющееся кайло.

Отвернувшись, Шооран подошёл к стене, положил ладони на истюканную поверхность. Холод близкого далайна обжёг пальцы. Шооран долго стоял так, но руки не мёрзли, бессмысленный, ненужный здесь огонь илбэча не давал им заledenеть. С безысходной ясностью Шооран понял, почему не может найти покоя. Не в том дело, что его гонят люди, он гонит себя сам. Он не может жить без ненавистного далайна, без ядовитой влаги, стылой бездны и дыма жгучих аваров. Нельзя прожившему жизнь в борьбе лишаться врага. Он создал новый мир, но ему нет в нём места. В этом он схож с рехнувшимся Боройгалом.

Совсем рядом, в нескольких шагах — далайн. Но на пути стена, и её не проковырять даже самым твёрдым камнем.

Шооран вжался лицом в стену. Огонь горел в груди, отдаваясь толчками пульса. Задержав дыхание, Шооран сделал медленный, замороженный шаг, потом второй. Глаза были широко раскрыты, но ослепли, запечатанные камнем. Он шёл, не зная, как это получается, и неподатливый камень расступался перед ним. Позади осталось брошенное, сползающее по стене тело, но огонь и крошечное опалённое «я» продолжали идти. Он рвался вперёд вслепую, не загадывая о результате, как действовал всегда, мучаясь и не зная, к чему приведут его шаги.

И он вышел к свету, разом осознав, как исчезло и сопротивление, и опора под ногами. Он упал, успев заметить в краткий миг падения полог небесного тумана, излучающего дневной свет, надвигающуюся жирно-блестящую поверхность далайна и где-то в безнадежном далеке одинокое пятно земли.

В следующее мгновение влага сомкнулась над ним. Пытаясь спастись, он вскинул руки — бессчётные дюжины рук с

присосками, роговыми когтями или бахромой гибких пальцев. Рывок множества рук вынес его в воздух, и он снова увидел туман в небе и сиротливое скрещение оройхонов вдалеке. И последним движением, пока сознание ещё не растворилось в слишком большом и чересчур самостоятельном теле, он бросил плававший огонь на далёкую землю, копошащимся точкам людей, не выбирая, кому из них достанется пламя. Затем, сдавшись бессмысленной, бьющей через край силе, нырнул.

* * *

Он уходил вниз в бесконечную глубину, парил, пробивая пласты загустевшей влаги, кажущейся дымкой или прозрачными облаками, вроде тех, что пролетают за стенами далайна. Всё вокруг принадлежало ему: руки сами хватали еду, питая резвящееся тело.

Пищей служило всё — и едва трепыхающаяся мелочь, и существа покрупнее, жалко пытающиеся защищаться и даже атаковать. Это сопротивление доставляло ему радость, и он, чутьём угадывая вертикаль в лишённом сторон мире, стремился всё глубже, туда, где в сиреновом сумраке проплывали светящиеся монстры, превосходившие его размерами, покрытые тугой бронёй и способные единым зубом состричь любую из рук. Он кидался на этих зверей и, теряя в схватке куски плоти, ташил наверх, поднимаясь, пока движения глубоководных уродов не замедлялись, а панцирь не трескался. Тогда он, ликуя, пожирал взрывающееся изнутри мясо. А потом вновь падал в бездну или поднимался наверх, где на твёрдых кусках камня ждала иная пища — мелкая и сухая.

Он не мог и не желал замечать, сколько времени продолжалась эта жизнь. Кипение радости заглушало любое иное чувство, лишь в каком-то уголке — не тела, а самого естества — ютилось нечто, замершее от холода и безысходности. Этот комок давно не осознавал себя и помнил лишь о том, что прежде ему было тепло, у него был огонь, который он потерял, отдал кому-то чужому. Но стоило ли беспокоиться о такой мелочи, как жалкая крупица души? Радость была больше.

Он парил в ласковых струях, наслаждаясь покоем, когда пронзительный удар рассёк вселенную. Боль скрутила его, швырнув в глубину, удары шли волнами один за другим, и он заметался, не понимая, где прячется этот чудовищный, доселе

небывалый враг. Мучение кончилось, и лишь тогда он осознал, что противник бил сверху. Вытянувшись упругой стрелой, он понёсся к свету. По дороге его настиг новый удар, но он уже знал, кто посягнул на него, и не замедлил движения. Но всё же опоздал и выбросился в воздух, когда всё стихло.

Мир оставался прежним, лишь кучка оройхонов изменилась, скособочившись двумя новыми островами.

Определив опасность, он ринулся в бой. Руки привычно добывали пищу, волокли попискивающую сухопутную мелочь, но сам он искал того, кто осмелился ударить.

Крошечная фигурка стояла перед ним. Она была бы неотличима от прочих съеденных или спасшихся козявок, но в её руках светилось пламя. При виде огня ледяная крупинка, когда-то звавшаяся Шоораном, ожила и потянулась вперёд.

— Отдай! — немо просил он. — Это мой огонь. Мне плохо и холодно без него. Отдай! Я не трону тебя, я никого больше не трону, я уйду в бездну и не вернусь оттуда никогда, только отдай огонь!

Он тянулся к огню, обещая, чего заведомо не мог выполнить. Тьмы его рук напряглись до предела, дюжины сердец судорожно бились, перегоняя кровь и всасывая живительную влагу далайна, весь он превратился в единый порыв, но жёсткая и невидимая граница останавливала его, не пуская дальше.

— Отдай! — молил он, а крошечный неуязвимый человек стоял у самого поребрика, смеялся над беспомощным богом, и в руках человека горел огонь.

* * *

Так было, но лишь бессмертные знают, как было на самом деле. Вот только одного из них нет ни по ту, ни по эту сторону стены, другой же с баснословных времён не произнёс ни слова, ибо вечная правда слишком тяжела даже для вечного.

СОДЕРЖАНИЕ

СВЕТ В ОКОШКЕ. *Роман*

Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	27
Глава 3	48
Глава 4	63
Глава 5	85
Глава 6	102
Глава 7	122
Глава 8	189
Эпилог	208

МНОГОРУКИЙ БОГ ДАЛАЙНА. *Роман*

Глава 1	222
Глава 2	256
Глава 3	301
Глава 4	320
Глава 5	380
Глава 6	415
Глава 7	441
Глава 8	471
Глава 9	485
Глава 10	519
Глава 11	561
Глава 12	609
Глава 13	625

Святослав Логинов
МНОГОРУКИЙ БОГ ДАЛАЙНА
СВЕТ В ОКОШКЕ

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *В. Азизбаев*
Корректор *М. Мазалова*

В оформлении переплета использована работа
художника *G. Burns*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах обращаться в рекламный отдел
издательства «Эксмо». Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 780-58-34

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве:

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: marinovich.yk@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед». Крупнейшие магазины сети
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-183-12.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.04.2004
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 35,3.
Тираж 7000 экз. Заказ № 5764.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

МИР ФАНТАСТИКИ

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛНОЦВЕТНЫЙ ЖУРНАЛ О ФЭНТЕЗИ
И ФАНТАСТИКЕ ВО ВСЕХ ПРОЯВЛЕНИЯХ**

ФОРМАТ ИЗДАНИЯ: А4

Фантастика и ее многочисленные подвиды — научная, боевая, киберпанк, фэнтези — пользуется все большей популярностью. А рост популярности жанра требует новых источников информации о нем. Журнал "Мир фантастики" призван стать подобным источником.

В последние годы мы наблюдаем взаимопроникновение художественных форм, в которых воплощаются фантастические произведения. Вселенные, созданные писателями, попадают на широкий экран, сюжеты кинофильмов становятся основой для компьютерных игр, герои популярных игр обретают новую жизнь на книжных страницах. Фантастические миры сталкиваются и порождают новые пространства для приключений.

Мы уделяем внимание всем направлениям и всем областям, в которые проникает фантастика. Это не только художественная литература, но и кино, игры, интернет и иные отрасли развлечений — все сферы, которые интересны настоящим поклонникам фэнтези и sci-fi.

КНИЖНЫЙ РЯД

Анонсы всех новых фантастических книг, обзоры жанров и грандиозных вселенных.

ВИДЕОДРОМ

Все премьеры кинотеатров и новинки видео, горячие новости со съемочной площадки.

ИГРОВОЙ КЛУБ

Обширная информация по самым выдающимся компьютерным и настольным играм настоящего времени.

КОНТАКТ

Интереснейшие беседы с известными писателями-фантастами.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Неожиданные статьи о средневековом быте, передовых технологиях и будущем фэнтези-культуры.

РАССКАЗЫ

В первом же номере вы сможете прочесть рассказы Александра Зорича "Второй подвиг Зигфрида", Гельмута Пеша "Песнь волн" и Александра Тюрина "Транзитный космодром".

**СПРАШИВАЙТЕ ЖУРНАЛ "МИР ФАНТАСТИКИ"
ПОВСЕМЕСТНО В ОТКРЫТОЙ ПРОДАЖЕ!**

СЕРИЯ

«РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНАСТОВ!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

В. Звягинцев

«Андреевское братство»,

«Бои местного значения»

В. Бурцев «Алмазный дождь»

А. Орлов «База 24»

А. Селецкий «Древняя кровь»

Р О Б Е Р Т

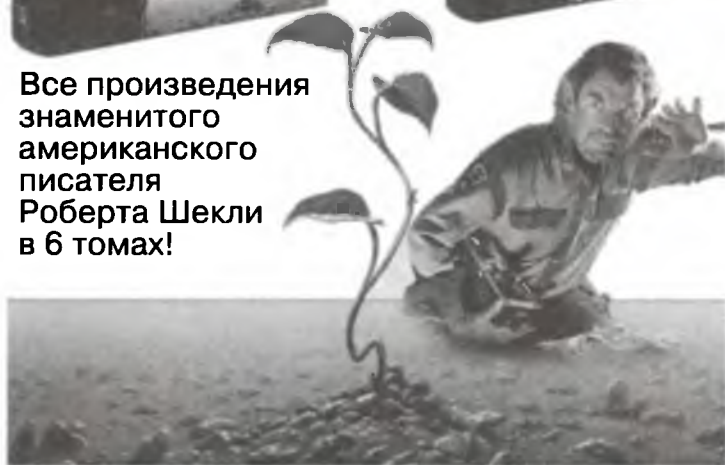
ШЕКЛИ

В СЕРИИ

«ОТЦЫ-
ОСНОВАТЕЛИ»

Все произведения
знаменитого
американского
писателя
Роберта Шекли
в 6 томах!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Цивилизация статуса»
«Лабиринт Минотавра»
«Обмен разумов»
«Белая смерть»

В эту книгу вошли два романа замечательного мастера отечественной фантастики Святослава Логинова. Они крайне не похожи друг на друга, но их объединяют редкое качество текста и оригинальность сюжетных ходов. «Многорукий бог Далайна» принес своему автору три престижных литературных награды — «Интерпресскон», «Фанкон» и «Беляевскую премию», а «Свет в окошке» стал лауреатом премий «Российская фантастика», «Страннику» и «Роскон».

